

Ошо Настоящее Имя Беседы о “Джапджи-сахиб” гуру Нанака

Импровизированные лекции, прочитанные друзьям и ученикам в Пуне (Индия.)

Дорога Нанака к высшему пониманию, к божественной реализации устлана цветами и овеяна песнями. Все, что он говорил, он говорил в стихах. Его дорога была преисполнена мелодии и благодати, над ней витал аромат амброзии.

ОШО

Беседы Ошо о песнях Нанака помогли мне понять многое из того, что до этого оставалось для меня неясным. Я стал регулярно слушать его лекции-беседы, в которых он разъяснял учения Упанишад, Вед и суфийских мистиков.

Все услышанное мной подтвердило мою убежденность в том, что Ото — один из величайших людей, родившихся в нашей стране. Эта книга адресована не только сикхам, но и всем, кто хочет продвинуться в своих духовных поисках.

Кушвант Сингх, писатель и журналист

<последняя страница обложки>

Я очень рад тому, что Ошо, великий мистик Индии, добившийся успеха в жизни благодаря силе своих идей, подарил нам эти комментарии к Эк Омкар Сатнам и “Джапджи-сахиб”. Работа Ошо — лучшая в этой области, включая и то, что написано самими сикхами.

Джьяни Заил Сингх, экс-президент Индии

Об Ошо

Жизнь большинства из нас проходит в потоке времени, в воспоминаниях о прошлом и ожидании будущего. Лишь изредка нам удается прикоснуться к вечному — в момент созерцания прекрасного или во время внезапной опасности; когда встречаем! я с любимым человеком или ошеломлены неожиданностью... Очень немногие выходят за границы времени и рассудка, из-под власти амбиций и чувства соперничества, и начинают жить в мире вечности. А из тех, кому это удалось, очень немногие пытались поделиться своим опытом: Лао-Цзы, Будда Гаутама, Бодхидхарма... в более близкие времена — Георгий Гурджиев, Рамана Махарши, Джидду Кришнамурти; при жизни их считали чудаками или сумасшедшими. После смерти их стали называть “философами”. Со временем же они превратились в персонажей легенд, стали олицетворением нашего желания перерости, выйти за пределы ничтожества, оанальности и бессмысленности повседневной жизни”.

Ошо — один из тех, кто отыскал свою дверь, ведущую в жизнь, вечно, ть, в “здесь и сейчас” — сам. Он называл себя “настоящим экзистенциалистом”, — и посвятил свою жизнь тому, чтобы побуждать других искать ту же дверь, искать выход из мира прошлого и будущего в мир вечности.

Ошо появился на свет в местечке Кучвада, штат Мадхья-Прадеш (Индия), 11 декабря 1931 года. С самого раннего детства он демонстрировал независимость и бунтарский дух, стремясь лично пережить опыт Истины, вместо того, чтобы приобщаться к чужим знаниям и откровениям.

Достигнув просветления в возрасте двадцати одного года, Ошо завершил Свое академическое образование, после чего несколько лет преподавал философию в Джабалпурском университете. Параллельно с этим Он путешествовал по всей Индии, читая лекции и бросая на публичных диспутах вызов ортодоксальным религиозным лидерам, подвергая сомнению традиционные верования, встречаясь с самыми разными людьми. Он читал все, что помогало Ему углубить понимание мировоззрения и психологии современного человека. В конце 60-х годов Ошо начал разрабатывать Свою уникальную технику динамического медитации. Современный человек, утверждал Ошо, настолько перегружен традициями прошлого и стрессами современной жизни, что ему необходим глубокий очистительный процесс, прежде чем он сможет открыть для себя состояние безмыслия, состояния медитации.

В начале 70-х первые слухи об Ошо достигли Запада. К 1974 году, в Пунг, вокруг Него сложилась община последователей, и ручеек паломников с Запада быстро превратился в бурный поток. В ходе своей работы Ошо исследовал буквально каждый аспект развития человеческого сознания. Он выделил и синтезировал суть, основу, необходимую для духовных поисков современного человека; все свои находки Он поверял не интеллектом, но непосредственным духовным опытом.

Ошо не принадлежит ни к одной из традиций, — “Я стою у начала полностью обновленного религиозного сознания”, — говорил Он. — “Пожалуйста, не связывайте меня с прошлым, о нем и вспоминать не стоит”.

Его беседы с учениками и искателями истины со всего света изданы в более чем шестистах томах и переведены более чем на тридцать языков. О Своей работе Он говорил так: “Мое послание, — это не доктрина, не философская система. Это что-то вроде алхимии, науки о трансформации; так что только те, кто готов умереть такими, как они есть сейчас, и возродиться в новом, невообразимом для них в данный момент качестве... только немногие из них отважны настолько, что готовы слушать, потому что слушать — рискованно.

Слушая, делаешь первый шаг навстречу. Так что мое послание — это не философия, из которой вы можете сшить новомодное пальто и щеголять в нем. Это не доктрина в которой вы можете найти убежище от тревожащих вас вопросов. Нет, мое послание — это не просто вербальная коммуникация, это гораздо более рискованная вещь. Это смерть и возрождение — ни больше, ни меньше”.

19 января 1990 года Ошо покинул Свое тело: в 1985 году спецслужбы США, тайно арестовав Ошо под предлогом нарушения иммиграционного законодательства, отравили его медленно действующим ядом.

Его огромная община в Индии по-прежнему является крупнейшим духовным центром в мире, местом, которое ежегодно посещают тысячи людей с тем, чтобы принять участие в медитациях, телесно-ориентированной терапии и программах творческого роста, или просто, чтобы обрести опыт пребывания в поле Будды.

Введение

Когда ночь полнолуния раскидывается над водами океана, то кто знает, где пределы тех чувств, что зарождаются в его волнах! Нечто похожее происходит, когда голос Ошо проникает в глубины сознания слушателя, — и кто знает, какие процессы духовного преображения начинаются там!

Шелест листьев раздается, когда ветер скользит сквозь крону дерева, но этот шелест рождается из столкновения, — столкновения ветра с листьями. Если вы сидите на берегу ручья, то можете услышать его мелодичное журчание, но этот звук возникает в результате столкновения воды с камнями. Мелодия вины возникает благодаря удару пальцев по струнам.

Используя все эти метафоры, Ошо подводит нас к Эк Омкар, к звуку Ом, как его услышал Нанак, подводит туда, где исчезают все удары, столкновения и коллизии, где исчезает сама двойственность, к точке, где элементарные частицы превращаются в вибрации... и эти вибрации звучат как Омкар. Этот звук Нанак назвал Сатнам, Настоящее, Истинное Имя. Это лишь намек, указание в сторону пространства, в котором исчезают все имгна, имеющие отношение к нашему миру. Остается только одна реальность: Омкар, звук Ом.

Эк Омкар Сатнам, только звук Ом — настоящее имя.

Голос Ошо помогает нам осознать разницу между реальностью и истиной. Там, где наука ищет истину лишь с помощью разума, а поэзия — с помощью сердца, там где пасуют и сердце, и разум, Ошо становится проводником к внутреннему опыту Нанака, опыту, в котором и разум, и сердце сливаются в единое целое, где исчезает дуализм науки и искусства, опыту, где мы входим в Омкар.

Мой собственный опыт позволяет сказать: когда голос Ошо звучит в нашей душе, словно шелест ветерка в листве, когда он падает в нас капля за каплей, как дождь из грозовой тучи, когда он проникает в нас как луч солнца, — тогда начинает прорастать доселе пребывавшее в спячке зерно осознания. Тогда распускается разноцветный, бесчисленных опенок цветов, которому можно дать любое имя. Он расцветает как Будда Гаутама, как Махавира, как Нанак.

Символы нужны для того, чтобы передать истину, которую трудно воспринять людям, живущим в этом мире. Слагаются саги и сочиняются притчи, которые пересказываются столетиями, с тем, чтобы служить указателями к реальности. Эти предания служат для пробуждения дремлющего духовного потенциала в человеке. Но когда создаются секты, видение, реальные ощущения резко сужаются; символы остаются, но их значение теряется. И тогда люди, бессмысленно жестикулируя, склоняются, как и прежде, перед всеми этими символами, — и остаются несчастными.

Если говорить без обиняков, то Ошо произвел революцию в мировом восприятии, революцию, которая позволит постичь суть каждого такого предания. Говоря о пути и Нанака к Эк Омкар, Ошо говорит тем самым и о множестве других духовных странствиях. Это может быть история о том, как Нанак пробыл три дня в реке, или история о потоке молока, выжатом из хлеба Лалу; или история о том, как Нанак согласился совершить намаз — мусульманскую молитву вместе в попросившем его об этом правителем-мусульманином; или история о священном камне Мекки — Каабе, который несколько раз переносился в ту сторону, куда указывали ступни Нанака.

Каждое из этих преданий Ошо использует, чтобы указать нам направление, двигаясь в котором любой из нас может разбудить свой внутренний потенциал духовного преображения.

Ни одну истину нельзя познать, если не сделать ее своим непосредственным опытом, переживанием. Говоря о подобном опыте, я имею в виду, что всякий раз, когда я хочу понять Нанак, перед моим мысленным взором встает Ошо. Его слова указывают мне путь к месту, откуда я могу хотя бы на миг увидеть Нанак. И когда я хочу понять Кришну, т<> опять передо мной возникает Ошо, а затем с улыбкой исчезает за Кришной. Я слышу Его голос и молчание Будды, и в звоне ножных браслетов Миры.

Если кому-либо удастся в наше время проникнуть в самое сердце Джапджи, то мне кажется, что голос Ошо — это благодать, позволяющая семени нашего сознания прорасти и расцвести цветком Нанак, цветком Эк Омкар.

Амрита Притам, член Раджья-Сабха

Том 1

Глава 1. Певец

Он один. Он Омкар — высшая правда.

Он — создатель, он выше лжи, выше злобы.

Он — форма вечности,

Он никогда не был рожден, а создан собою.

К нему приблизит благодать гуру.

Он был правдой до того, как время начало свой бег.

Нанак говорит: Он вечная правда есть и пребудет ею всегда.

Его постичь нельзя ни миллионом мыслей,

Ни долгими часами медитаций, молчанием смиряющими разум,

Не утолить горами хлеба глад душевный,

И сотня тысяч подвигов ума не даст нам единенья с Ним.

Как правды нам достичь и сдернуть лжи завесу?

И Нанак говорит: лишь подчинив себя божественному строю.

Была темная безлунная ночь, облака отяжелели от влаги — стоял сезон дождей. Внезапно прогрехотал гром и молния высветила первые упавшие капли дождя. Деревня пала. Только Нанак бодрствовал, и отзвук его песни витал в воздухе.

Мать Нанака встревожилась: минула уже половина ночи, а лампа в его комнате все еще горела. Его пение доносилось до матери, и она, не в силах больше сдержаться, и «стучала в его дверь. “Спи сын мой! Скоро рассветет.” Нанак умолк. Из темноты доносился призыв ястреба-перепелятника. “Пиу, пиу, пиу!”, — окликал он.

“Послушай, мама! — вскричал Нанак. — “Ястреб-перепелятник подзывает свою возлюбленную. Как могу я молчать, когда я состязаюсь с ним? Я буду призывать возлюбленного Бога так долго, как ястреб будет звать свою возлюбленную, и даже дольше, потому что его возлюбленная поблизости, может быть, даже на соседнем дереве! Мой же возлюбленный Бог очень далеко. Я буду петь, пока мой голос не достигнет Его”. И Нанак возобновил вою песню.

Нанак приближался к Богу с помощью своего пения: его путь необычен — его тропа расцвечена песнями. Первое, что надо осознать: Нанак не следовал по пути аскетизма, не использовал медитацию или йогу, он только пел, и своим пением он приближался к желаемому. Он пел всем своим сердцем и душой, поэтому его пение становилось медитацией, его пение становилось его очищением и его йогой.

Когда кто-нибудь отдается тому, что делает, всем сердцем и всей душой, это дело становится его тропой. Даже бесконечная медитация не приведет никуда, если в ней участвует лишь половина сердца, но если вы поете простую песню и полностью поглощены ею, если танцуете и полностью погружены в свой танец — вы достигнете Бога. Вопрос не в том, что вы делаете, а в том, как много себя вы вкладываете в свое действие.

Дорога Нанака к высшему пониманию, к божественной реализации устлана цветами и овееяна песнями. Все что он говорил, он говорил в стихах. Его дорога была преисполнена мелодии и благодати, над ней витал аромат амброзии.

Кабир говорит: “Мой очарованный ум был так опьянен, что я осушал наполненный кубок, не заботясь о мере выпитого”. Так было и с Нанаком: он пил, не заботясь о том, как много им выпито, к тому же он пел и пел. И его песни не были песнями обычно! о певца. В них содержится звучание правды, отражение Бога.

А теперь — о Джапджи. Безлунная ночь, о которой рассказывалось в начале, случилась, когда Нанаку было около шестнадцати или семнадцати лет. Когда же пришло постижение Джапджи, Нанаку было тридцать лет, шесть месяцев и пятнадцать дней. А в ту безлунную ночь он был лишь взыскующим, лишь тем, кто вышел на поиски своего возлюбленно! о Бога. Но его зов, его припев “Пиу, пиу, пиу...” был еще зовом ястреба-перепелятника, он не встретил еще своего возлюбленного Бога.

Джапджи было первое, что он провозгласил после того, как воссоединился с возлюбленным Богом. Ястреб-перепелятник обрел свою возлюбленную, и его зов “Пиу, пиу, пиу...” прекратился. Джапджи — это первые слова, который произнес Нанак после того, как свершилось его самопознание, поэтому они занимают особое место в речениях Нанака. Слова эти — позднейшая весть, принесенная из небесного царства.

Также нуждается в пояснении то, что предшествовало рождению Джапджи. Нанак вместе со своим другом и последователем Марданой сидел на берегу реки в полной темноте. Вдруг, не говоря ни слова, он снял одежду и вошел в реку. Мардана окликнул его: “Куда ты идешь? Ночь

так темна и холодна!” Нанак шел все дальше и дальше, он погрузился в глубокие воды реки. Мардана ждал, думая, что он скоро выйдет, но Нанак не возвращался.

Мардана спокойно ждал пять минут. Когда же прошло десять минут, он начал волноваться. Где он может быть? Его не видно и не слышно. Мардана побежал вдоль берега, крича: “Где ты? Ответь мне! Где ты?” Ему показалось, что он слышит голос, который говорит ему: “Будь терпелив, будь терпелив!”. Но ничто не указывало, что Нанак где-то поблизости.

Мардана кинулся назад, в деревню, и поднял на ноги всех. Было уже за полночь, но на берегу собралось множество народу, потому что все в деревне любили Нанак У всех было смутное, мимолетное чувство, что Нанак появится. Они ощущали аромат его присутствия, как ощущают аромат цветка, когда он еще в бутоне, когда он еще ждет своего часа, чтобы раскрыться. Вся деревня плакала. Люди горестно ходили вдоль реки, звали, но никто не отзывался.

Прошло три дня. Стало совершенно ясно, что Нанак утонул. Быть может, тело его унесло вниз по реке, а может быть, его уже растерзали дикие звери. Деревня погрузилась в скорбь. Но на третью ночь Нанак вдруг возник, вышел из реки. И первыми словами, которые он произнес, были слова: Джапджи.

Таково предание, и это означает, что правда, в нем заключенная, — в то же время не является правдой. Это правда, потому что является таковой по сути своей, и эго неправда — потому что вся история состоит из символов. Очевидно, что чем глубже и сложнее предмет обсуждения, чем ближе к сути — тем больше потребность в символах.

Когда Нанак исчез в реке, гласит история, он предстал перед вратами Бога. Он узнал Бога. Здесь, перед его глазами, стоял его возлюбленный Бог, которого он так жаждал, которому день и ночь он пел свою песню. Тот, к кому устремлялось каждое биение его сердца, открылся Нанаку! Все его желания осуществились. И тогда Бог сказал ему: “Сейчас иди назад и посвяти других в то, во что я посвящаю тебя”. Джапджи — стало первым подношением Нанак людям после того, как он вернулся от Бога.

А теперь необходимо раскрыть, что символизирует эта история. Первое. Не утратив себя полностью, не пройдя через смерть, вы не можете надеяться встретить Бога. Неважно, погибнете ли вы в реке или на горной вершине, но вы должны умереть. Ваше растворение открывает Ему путь. Пока вы есть, Он быть не может. Вы — препятствие, стена, разделяющая вас. Вот какой смысл скрыт в легенде о смерти Нанак в водах реки.

Вам тоже должно погибнуть, вам тоже должно утонуть. Смерть полностью вступает в свои права через три дня, потому что “эго” не уступит так легко своего места. Три дня, о которых говорится в истории Нанак, — это время, которое ушло на то, чтобы его “эго” растворилось полностью. До той поры, пока люди видели только “эго”, но не душу, они думали, что Нанак мертв.

Когда человек становится саньясином[1], странником, пустившимся на поиски Бога, члены семьи понимают это и отдают его во власть смерти. Он перестает быть тем же самым человеком: все старые связи порваны, прошлого более нет и проявляется новое. Между старым и новым лежит огромная расселина, — вот что стоит за словами о “трех днях”, предшествовавших возвращению Нанак.

Тот, кто потерян, неизменно возвращается, но он возвращается иным. Тот, кто ступил на тропу поиска Бога, возвращается обязательно. Пока он шел, он томился жаждой, но когда вернулся, он стал благодетелем; он уходил нищим, а вернулся королем. Каждый вышедший на тропу влачит свою нищенскую котомку, но возвращается назад владельцем несметных сокровищ.

Джапджи — первый подарок Нанак миру.

Предстать перед вратами Бога, достигнуть своего возлюбленного — это символические слова, которые не следует принимать буквально. Нет восседающего в горних высях Бога, перед которым вы предстаете. Но как иначе можно выразить это? Когда “эго” истреблено, когда вы исчезаете, То, что открывается вашим глазам, и есть сам Бог. Бог безличностен, Бог — энергия, которая живет вне формы, не принимает никакой формы.

Предстать перед этой, не имеющей формы энергией, означает видеть Его вне зависимости от того, на что вы смотрите и что вы видите. Когда глаза открыты, все, что перед вами — есть Он. Необходимо только, чтобы вы прекратили быть и чтобы глаза ваши были открыты. “Эго” подобно пылинке в вашем глазу: когда помеха удалена, Бог открывается вам. И не ранее чем Бог явится, вы и сами станете Богом, потому что нет ничего кроме Него.

Нанак возвратился, но вернувшийся Нанак был также Самим Богом. Каждое произносимое им слово бесценно, ибо даже не соотносится с ценой, каждое слово сравнимо лишь со словами Вед.

А сейчас попытаемся понять Джапджи:

Эк Омкар Сатнам

Он один. Он Омкар — высшая правда.

Он — создатель, он выше лжи, выше злобы.

Он — форма вечности,

Он никогда не был рожден, а создан собою.

К нему приблизит благодать гуру.

Он — один: Эк Омкар Сатнам.

Для того, чтобы быть видимым нам, окружающее должно иметь множество уровней, множество форм. Поэтому что бы мы ни видели, мы видим это во всем разнообразии. Сидя на берегу, мы видим лишь волны, но не видим океана. Но тем не менее есть лишь океан, а волны только его поверхность.

Но мы видим только поверхность океана, потому что наш глаз улавливает лишь внешние формы. Чтобы видеть вглубь, внутрь, требуется внутреннее зрение. Каковы глаза — таков и взгляд. Вы не можете видеть глубже, чем видят ваши глаза. Поверхностному зрению доступны только волны, а вы думаете, что видите океан. Чтобы узнать океан вы должны оставить поверхность и погрузиться вглубь. Поэтому в истории о Нанаке он не остался на поверхности, а погрузился глубоко в реку. Только таким образом вы можете узнать

Одни лишь волны не есть океан. Океан не есть собрание множества волн. Основопологающий факт в том, что волна есть сейчас, мгновением позже ее не будет, и не было ее мгновение назад.

Жил когда-то факир-суфий по имени Джунаид. Его сына, которого он горячо любил, убили в случайной стычке. Джунаид пошел и похоронил его. Его жена была поражена. Она ожидала, что он сойдет с ума от отчаяния: ведь умер сын, которого он любил так горячо. А Джунаид вел себя так, будто ничего не случилось, будто его сын не умер! Когда все ушли, жена спросила: “Неужели ты совсем не горюешь? Я боялась, что ты не выдержишь это; о горя, ведь ты так сильно любил его!”

Джунаид ответил: “На мгновение я был потрясен. Но затем я вспомнил время, когда сына еще не было. А я тогда уже был, и я был совершенно счастлив. И какой смысл предаваться горю сейчас, когда сына опять нет? Я снова стал таким, каким был до его рождения. Был миг жизни, когда сын пришел и ушел. Я не был несчастлив до его рождения — и почему я теперь должен быть несчастлив без него? В чем разница? Этот миг был только сон — и не более того”.

Все, что было создано, а затем разрушено — в настоящий момент не более чем сон. Все, что приходит и уходит, — это сон. Каждая волна — только сон. Океан — это явь. Воль множество, океан только один. Но мы видим его как множество волн. До того, как мы увидим океан в его единстве, мы будем продолжать заблуждаться.

Существует одна реальность, одна единственная правда — Эк Омкар Сап нам. И, как сказал Нанак, имя его Омкар. Все другие имена, которые дал ему человек: Рам, Кришна, Аллах — все это символы, созданные лишь человеком. И только одно единственное имя не было дано человеком — это имя Омкар, и Омкар означает звук Ом.

Почему Омкар? Потому что когда слова утеряны и пустеет ум, когда личность погружается в океан, даже тогда звучание Омкара остается слышимым внутри человека. Это не мелодия, созданная человеком, это мелодия бытия. Омкар — сама суть существования. Поэтому Ом не означает ничего. Ом — это не слово, это резонирующая вибрация. Он уникален и не имеет ни источника, он никем не создан. Это резонанс самой сути существования. Он подобен водопаду: вы сидите близ водопада и слышите его песню. Этот звук создан водой, которая сталкивается в противоборстве со скалами. Сядьте у реки и слушайте ее. И вы услышите звук, который рождает ее столкновение с берегами.

Нам необходимо углубиться, чтобы постигнуть окружающее. Наука пытается расчленивать целостность существования. Вначале была открыта энергия в форме электричества. А затем — частицы, подобные электрону. Электричество рождается благодаря их существованию.

Электричество лишь форма энергии. Если мы спросим ученого, из чего сделан звук, он скажет, что нет ничего, кроме электрических волн, волн энергии. Поэтому энергия — в корне всего сущего. Мудрецы говорят то же самое. Они согласны с учеными, за исключением небольшого различия в языке, в терминах. Мудрецы пришли к знанию, что все существование рождено из звука, и звук лишь проявление энергии. Существование, звук, энергия — все одно.

Чтобы сделать какие-либо заключения, наука прибегает к анализу, то есть к расчленению вещей. У мудрецов совершенно другой подход. Они берут мир вещей в их целостности, в синтезе. Через синтез они открывают неделимость всего сущего.

Поднимается ветер, рождающий шорох в ветвях деревьев. Это столкновение воздуха и листьев. Когда музыкант играет на инструменте, звук возникает от удара. Весь звук возникает от столкновения. Чтобы произошло столкновение, необходимы две составляющие: струны инструмента и пальцы музыканта. Чтобы создать любой звук, необходимы две составляющие.

Но имя Бога выше всех разграничений. Его имя — резонанс, который остается, когда все двойственности стерты и прекратили существование. Внутри этого неделимого целого вы случайно встретите этот резонанс. Когда человек достигает состояния самадхи, Омкар звучит внутри него. Он слышит это звучание внутри себя и вокруг себя. Кажется, вместе с этим звуком колеблется и трепещет все мироздание.

Поначалу человек поражен тем, что случилось. Ведь он знает, что не он создал этот звук. Он не делал ничего, но все же возник резонанс. Откуда? Более того, он затем осознает, что этот звук не возник в результате какого-либо столкновения. Он возник как бы сам по себе. Это — анахат над, звук без столкновения, звук, не рожденный конфликтом, звук безначальный.

Нанак говорит: Омкар — единственное имя Бога. Нанак придает имени громадное значение. Что бы Нанак ни говорил о Его имени — “Его имя есть путь” или “Тот, кто помнит, как достичь его имя”, — он относит его к Омкару, ибо Омкар — Его единственное собственное имя, в отличие от других, данных Ему людьми. Ни одно из имен, данных людьми, не может привести вас далеко. Если они и помогают немного приблизиться к Нему, то лишь потому, что легкая тень Омкара присутствует и внутри этих имен.

Возьмем, к примеру, слово Рам. Если вновь и вновь повторять имя Рам. оно начинает немного приближать вас, поскольку звук “м” в этом слове также присутствует и в слове Ом. И если вы будете долго, вновь и вновь, повторять его, вы внезапно обнаружите, что звучание слова Рам неуловимо преобразуется в резонанс Ом, потому как повторение начинает очищать ум, и Омкар вторгается и пронизывает Рам. Рам постепенно стирается и вступает Омкар.

В этом заключен опыт всех мудрых людей: не имеет значения, с каким именем они начали свой путь. В конце пути это всегда Ом. Как только на вас нисходит покой, вступает Ом. Ом всегда в ожидании, ему необходимо лишь ваше спокойствие.

Нанак говорит: “Эк Омкар Сатнам”.

Слово сат необходимо понимать. В санскрите существует два слова: сат означает бытие, жизнь, существование. И сатья означает истину, правду.

Существует огромное различие между этими двумя понятиями, хотя оба они происходят от одного корня. Давайте посмотрим на различия между ними. Сатья — это поиски философа. Он взыскует правды. Ищет истину. Что есть правда? Она заключена в правилах, которые говорят, два плюс два всегда равно четырем. И никогда пяти или трем. Потому сатья — это математическая формула, людской расчет, но не сат. Это торжество логики, это правда по логике, но это не реальность существования.

Ночью вы видите сны. Сны существуют. Они есть сат/реальность. Но не сатья/правда. Сны есть — иначе как бы вы их видели? Их существование видно, но вы не можете сказать, что это правда. Потому что утром вы обнаруживаете, что они испарились, исчезли, стали ничем. Из

этого можно сделать вывод, что есть и такие явления жизни, которые можно назвать правдой, но которые в реальности не существуют. Точно так же, как есть существующие явления, которые нельзя назвать правдой по логике. Вся математика — правда, но ее нет в реальности, она абстрактна. Это сатья, но не сат. Сны есть, они существуют, но они не являются правдой.

Бог — и то, и другое. Он равно и сат, и сатья. Он правда и одновременно реальность. Будучи и тем, и другим, Бог никогда не может быть полностью постигнут ни при помощи науки, цель которой истина, логическая правда, ни при помощи искусства, которое исследует существование. И то, и другое не исчерпывает в своем поиске всего сущего. Потому что и наука, и искусство движутся лишь к одной Его ипостаси.

Поиск религии всецело отличается от всех других поисков. Он сочетает в себе и сат, и сатья: он более достоверен, он ближе к истине, чем любая математическая формула. Этот поиск ближе к реальности, ближе к опыту, чем любой поэтический образ. Религия обращается и к тому, и к другому. Основываясь в поиске лишь на одной из точек зрения, вы потерпите неудачу, и только совокупность обоих направлений поведет вас к цели.

Поэтому, когда Нанак говорит: “Эк Омкар Сатнам”, и сат, и сатья заключены в этих словах. Имя высшего существования так же истинно, как математическая формула; так же реально, как любое произведение искусства; столь же прекрасно, как мечта, и с голь же верно, как научное определение; оно несет в себе чувства, рожденные сердцем, знания и опыт, обретенные разумом.

Когда встречаются ум и сердце, тогда начинается религия. Если ум подчиняет себе сердце, рождается наука. Если сердце побеждает ум, мы вступаем в сферу искусства — поэзии, музыки, пения, живописи, скульптуры. Но если голова и сердце существуют согласованно, вы вступаете в Омкар.

Верующий стоит выше величайшего ученого, он смотрит свысока на величайшего художника, потому что его поиск содержит в себе объединенную суть их исканий. Наука и искусство двойственны, делят между собой сферы, религия же — синтез обеих сфер.

Нанак говорит: “Эк Омкар Сатнам”.

Он один. Он Омкар — высшая правда.

Он — создатель...

Буквальное восприятие этих слов сузит понимание того, что сказано Нанаким. Надо избежать этой ошибки.

Одна из сложностей, которую должен преодолевать мудрец, лежит в необходимости использовать общеупотребительные слова. Говоря с вами, он должен говорить на вашем языке, но то, что он подразумевает, находится вне области, охваченной этими словами. Ваш язык не может содержать это, он очень ограничен, в то время как правда не знает границ. Глядя бы попытки кого-нибудь втиснуть небо в свой дом или собрать свет в пригоршню. Несмотря на это, мудрец должен пользоваться вашим языком.

Это скудость языка, это ограниченность слов повинны в том, что существует так много сект.

Например, Будда родился за две тысячи лет до Нанак и использовал язык своего времени. Кришна родился за две тысячи лет до Будды. Он пользовался совершенно другим языком, потому что страна была совершенно иной, иными были и климат, и культура. Также было и с Махавирой, и с Иисусом. И Нанак использовал язык своего времени.

Нанак говорит: “Он — создатель”. Отсюда может проистекать мысль “Если Он — создатель, а мы созданы, это устанавливает различие между нами”, но Нанак отрицает двойственность в самом начале, говоря: “Бог — один”. Именно язык несет ответственность за все препятствия, которые будут возрастать по мере того, как мы будем вникать в слова Нанак.

Первые слова, произнесенные Нанаком после самадхи, были: “Эк Омкар Сатнам”.

Суть религии Сикхов полностью содержится в этих трех словах. Все, что есть сверх того — лишь попытки научить вас, помочь вам понять. Послание Нанак заключено в этих трех словах. Из-за того, что обычные люди не способны, не имеют возможности непосредственно воспринять это послание, возникает необходимость развить его. Объяснения призваны побороть эту невозможность; иначе говоря, Нанак сказал все, что он хотел донести людям: “Эк Омкар Сатнам”. Мантра была совершенна, но вы еще не постигли ее значения. Эти три слова сами по себе не могут открыть вам тайну, и возникает необходимость использовать язык.

Бог — создатель. Но поймите: Он не стоит в стороне от своего создания. Все, что им создано, вобрало, впитало Его в себя. Поэтому Нанак никогда не разделял саньясина и семьянина. Если бы создатель был в отдалении от своего создания, тогда вам пришлось бы прекратить любую деятельность, чтобы отыскать Его. Пришлось бы оставить и лавки, и конторы, и базарные площади. Нанак не отказывался от своих мирских обязанностей до самого конца. Как только он возвращался из своих странствий, он отправлялся работать на поля. Всю свою жизнь он пахал землю. Деревню, где он поселился, он назвал Картарпур, что означает деревня создателя.

Бог — создатель, но не надо думать, что Он отделен от своего творения. Скульптор создает скульптуру, и по завершении его труда человек и созданное им изваяние более не составляют одно — они существуют уже каждый отдельно. Скульптура может надолго пережить своего творца. И если изваяние разбить, то скульптор уцелеет, ибо они более не связаны друг с другом. Но нет такой дистанции между Богом и его созданием.

Какого же рода связь существует между Богом и его созданием? Она подобна связи между танцором и танцем. Когда человек танцует, можете ли вы отделить его от его танца? Может ли он вернуться домой, оставив танец после себя? Если танцор умирает, танец умирает вместе с ним. Когда танец прекращается, он перестает быть танцором. Они едины. Поэтому с древних времен индуисты представляли себе Бога танцующим, танцующий Бог — “Натарадж”. В этом символе выражено единство танцора и танца.

Когда стихотворение закончено, поэт более не связан со своим творением, Завершив скульптуру, скульптор более не связан с ней. Мать и рожденный ею ребенок существуют отдельно, а отец от своего ребенка обособлен всегда. Бог же не обособлен от своего создания, Он всегда содержится в нем. Наиболее правильно будет сказать: создатель — это создание, или создатель — это ничто иное, как созданное им.

Отметая полностью идею разделенности, Нанак говорит, что нет нужды отвергать мир, бежать

от мира. Где бы вы ни были — Бог есть. Нанак дал жизнь уникальной религии, для которой семьянин и саньясин одинаковы и едины. Лишь тот может называть себя Сикхом, кто будучи семьянином, есть еще и саньясин. Тот, кто будучи саньясином, все еще остается семьянином.

Вы не можете стать Сикхом только оттого, что отпустили волосы или надели тюрбан. Быть Сикхом трудно. Легко быть семьянином или саньясином, но Сикх — это и тог, и другой. Вы остаетесь дома, но в то же время вы и не там, как было бы, если вы были в Гималаях. Продолжайте торговать в лавке, но поддерживайте память о Его имени, чтобы оно всегда пульсировало, билось в вашей душе; вы можете подсчитывать вашу выручку, но хранить в это время в себе имя Его.

До достижения самадхи перед Нанаким многожды открывались проблески, мимолетные проявления Бога — то, что мы называем сатори. В первый раз это случилось, когда Нанак торговал в зерновой лавке. Его работа заключалась в том, чтобы взвешивать покупателям пшеницу и другое зерно. Однажды, взвешивая его и считая: “Один, два, три...”, — Нанак дошел до числа тринадцать. А на пенджабском языке “тринадцать” звучит как “тера”. Но “тера” также означает и “ваш”. Когда Нанак дошел до числа “тринадцать”, до “тера”, он утратил сознательную связь с окружающим миром, потому что ему напомнил о себе его возлюбленный Господь.

Он наполнял меру и повторял “Тера — Ваш, Твой, Ты...” Снова и снова он наполнял ее... “Тера” — как если бы все числа оканчивались так. “Тера” стало его мантрой. Назначение было достигнуто, и все заканчивалось на “тера” для Нанака. Люди подумали, что он сошел с ума и попытались остановить его, но Нанак полностью был в ином мире: “Тера! Тера! Тера!”. Он не мог продвинуться дальше “тера”, и не было ничего вне этого.

В действительности есть только два пункта остановки: первый — Я, и второй — Вы. Вы начинаете с “Я” и завершаете путь на “Вы”.

Нанак не против светского мира. Фактически он влюблен в него, потому что для него мир и его создатель едины. Любите мир, и через этот мир любите Бога, вы видите Его через Его собственное создание.

Когда пришло время, когда Нанак возмужал, родители велели ему готовиться к женитьбе. Они опасались, что он станет возражать, потому что с самого детства его образ жизни отличался от образа жизни всех остальных. Но Нанак не возражал. Отец Нанака был очень обеспокоен на его счет. Он никогда не мог понять сына — все это благочестивое пение и компанию святых людей, с которыми все время общался Нанак.

Однажды он послал Нанака в соседнюю деревню, дав ему двадцать рупий, чтобы тот закупил там товары для выгодной перепродажи. Так как суть коммерческой деятельности состоит в том, чтобы купить подешевле и продать подороже, отец велел Нанaku купить что-нибудь, что можно продать с барышом. Нанак сделал несколько покупок. На обратном пути он наткнулся на странствующих аскетов, которые уже пять дней как не ели. Нанак предложил им пойти вместе с ним в деревню, а не ждать, что еда придет к ним сама.

“Но мы дали обет, — ответили они. — “Бог даст нам пищу, когда Он соблаговолит. Мы счастливы соблюдать Его волю. Голод — нас не мучает”.

И тогда Нанак подумал: “Что может быть более выгодным и стоящим делом, чем накормить этих великих подвижников? Я отдам им еду, которую я купил. Не сказал ли мой отец, что нужно сделать что-то очень выгодное и стоящее?”

Поэтому он раздал святым людям все, что он купил, хотя его спутник, Бала, пытался остановить его и говорил: “Что же ты делаешь, ты сошел с ума?”

Но Нанак был настойчив: “Я делаю нечто стоящее, как желал мой отец”. И он возвратился домой, очень удовлетворенный.

Его отец был крайне разозлен: “Как же ты глуп! Это так ты получил выгоду? Ты разоришь меня!”

Нанак ответил: “Что может быть более выгодно, чем это?”

Но никто другой не мог усмотреть в этом меньше выгоды, чем Калу Мехта, отец Нанака. Он не видел ничего хорошего в том, что сделал его сын. Он был уверен, что парень сбился с пути под влиянием святых подвижников людей. Отец надеялся, что женитьба сделает Нанака более благоразумным. Люди обычно думают, что раз саньясин отвергает женщин и уходит прочь, то удержать человека в мире можно, привязав его к женщине. Но эта уловка была излишней, потому что Нанак вовсе не противился женитьбе.

Когда отец велел ему готовиться жениться, Нанак охотно согласился. Он женился и у него были дети, но это совершенно не изменило его образ жизни. Не существовало способа отвлечь и испортить этого человека, потому что он не видел различия между Богом и миром. Как можно испортить такого человека? Если человек уходит от богатства, чтобы стать саньясином, вы можете соблазнить его дав ему богатство. Если человек уходит от жены, дайте ему женщину, и он падет. Но как можно испортить человека, который не уходит ни от чего? Нет способа привести его к падению. Нанака нельзя подкупить.

Мое понимание саньясина такое же, как у Нанака, потому что он как раз образец саньясина, которого невозможно подкупить. Он живет прямо в вашем мире, и нет ничего, что каким либо образом могло бы соблазнить его.

Бог, которого Нанак называет создателем, лишен страха, потому что страх есть тогда, когда рядом существует что-либо иное или кто-либо иной. Есть знаменитое выражение Жана Поля Сартра: “Ад — это другие”. Это иллюстрация вашего существования. Как часто вы хотите избавиться от другого, как от источника вашего беспокойства? Пока другой закрыт для вас, пока он отдален от вас, пока он чужой для вас, волнений меньше, но другой всегда причиняет беспокойство.

Что есть страх? В страхе всегда заключен другой. Если кто-нибудь отбирает что-то у вас, он нарушает вашу безопасность. И смерть, и болезнь — это тоже проявления другого. Ад — быть окруженным другим; ад — проявление, вторжение другого.

Но как вы можете избежать другого? Даже если вы уйдете в Гималаи, вы все же не останетесь в одиночестве. Вы сидите под деревом — и вдруг вам на голову что то падает; вы поднимаете глаза и видите ворону, и вас охватывает злоба к этой птице. Там есть и дожди, и солнце —

раздражение подстерегает вас повсюду. Как можете вы избежать другого, если оно присутствует везде? Единственный путь — искать его самому. Тогда другого не останется. Тогда сгинут все страхи. Нет ни смерти, ни болезни, нет никаких неудобств, потому что нет другого. Наконец, вы одни. Страх сохраняется до тех пор, пока другое остается для вас другим.

“Эк Омкар Сатнам”. Однажды эта мантра понижит ваше существо — и где же страх? Бог не имеет страха. Кого Он должен бояться? Он один, и нет никого, кроме Него.

Он — создатель, он выше лжи, выше злобы.

Он — форма вечности,

Он никогда не был рожден...

Поймите, что время означает изменение. Если ничто не меняется, ны не можете отдавать себе отчет во времени. Вы не можете сказать, который час, если стрел* и ваших часов неподвижны. Все находится в постоянном изменении: солнце встает и наступает утро, затем приходит день, а затем его сменяет вечер. Бывший некогда ребенком, становится юношей, взрослым, стариком. Здоровый становится больным, а больной выздоравливает; богатый становится нищим, а нищий — королем. Изменения постоянны. Река всегда течет. Изменение есть время.

Время — это промежуток между двумя изменениями.

Поднявшись однажды утром, представьте себе, что сегодня до самого вечера ничего не произойдет, не будет никаких событий, ничто не изменится. Солнце как стояло в ранний час на горизонте, так и стоит, стрелки часов не двигаются, листья не шевелятся. Все неподвижно, все остановилось. Как вы узнаете в этом случае, что такое время? Времени не будет.

Вы чувствуете движение времени, потому что все вокруг вас изменяется. Для Бога нет времени. Потому что Он вечен, нескончаем, бессмертен. Он есть всегда. Для Него ничто не меняется. Все неподвижно. Изменения — это опыт незрячих глаз, которые не видят окружающее в перспективе. Если бы мы смогли посмотреть на окружающее с самой дальней, немислимо и непредставимо дальней точки зрения, все изменения тотчас бы исчезли. Время бы остановилось. Прекратило существование. Бог видит и смотрит на все окружающее с немислимо дальней точки зрения. Для Него ничто не меняется, все неподвижно.

Он — форма вечности,

Он никогда не был рожден, а создан собою.

Он никем не рожден. У него нет ни отца, ни матери. Все, кто появились на свет из утробы живого существа, входят в мир изменений. Вы должны найти внутри самого себя это нерожденное. Тело рождено — и оно умрет. Оно возникло из соединения двух других тел. И оно однажды распадется. Когда тела тех, кто дал жизнь, умирают, как может остаться то, что родилось от них?

Но внутри тела так же существует то, что никогда не рождалось и не родится, но тем не менее есть уже в зародыше. Оно было там до образования плода — и без него тело однажды

превратится в глину, станет прахом. Вечность пронизывает тело. Вечность меняет тела, как человек меняет одежду. Вечное пребывает в преходящем. Только когда вы достигнете сущности бытия, ощутите вечность внутри самих себя, только тогда вы и будете способны понять слова Нанак. Вы должны искать внутри себя то, что никогда не меняется. То, что вечно.

Закройте глаза, отрешитесь от всего внешнего — и вы почувствуете, что не знаете, сколько вам лет. Если вам сейчас пятьдесят, то вы будете себя чувствовать так же, как в пять лет. Как если бы время исчезло, а весь мир внутри вас. Закройте глаза — и вы обнаружите, что ничто внутри вас не изменилось.

То, что неизменно внутри вас, не рождено из людского чрева. Вы произошли от своих родителей, но не они даровали вам жизнь — они только тропа для вашего прихода. Вы прошли через них. Они удовлетворяли потребности вашего тела. Но то, что вошло внутрь вашего тела, пришло извне. В тот день, когда вы достигнете того, что внутри вас, что не рождено, но есть, вы узнаете, что Бог не имеет происхождения, не имеет источника, потому что Бог есть единое целое. Он вбирает в себя все. Бог — это всеобщность. А как может всеобщее родиться от чего-то отдельного? По ту сторону всеобщности нет ничего, что могло бы быть Ему матерью и отцом. Поэтому “Он никогда не был рожден, а создан собою”.

“Создан собою” означает, что Он существует сам собою, Сам в Себе, и нет у него оплота, кроме Него; он само-рожден и не имеет начала. В тот день, когда вы мимолетно прочувствуете (сколько бы кратко ни было это мгновение) это в себе, вы будете избавлены от всех тревог и волнений. Почему вы беспокоитесь? Потому что ваше беспокойство всегда произрастает из вашей зависимости от окружающего, потому что любая поддержка в любой момент может быть отобрана у вас. Сегодня вы богаты? А завтра можете стать бедным. Так будет всегда, пока вы считаете себя богатым на основании вашего богатства, но не на основании себя.

Саньясин богат собственной правотой; он богат собою, поэтому вы не можете украсть у него его богатства. Что можно похитить у Будды или у Нанак? Вы не можете сделать их беднее, забрав что-либо у них; вы не можете ни прибавить ничего к их богатству, ни вычесть ничего из него. Все, что есть у Нанак и все, что есть у Нанак даровано ему свыше. Вы же не имеете ничего, на что можно опереться.

Высшее бытие не есть отдельная сущность. Бог не имеет оплота. Тот день, когда вы почувствуете, что готовы быть без поддержки, станет днем вашего воссоединения с Богом.

Это определение Бога не является толкованием философа. Но оно правильно для ищущего, поэтому он знает, что такое Бог для него. Если вы хотите достичь Бога, вы должны сделать эти основные черты облика Бога, Его постулаты вашей религиозной практикой. Вы как бы попытаетесь слегка быть Богом. Если вы начнете становиться похожим на Него, вы обретете установленный Им ритм, и между вами и Богом возникнет резонанс.

Он никогда не был рожден, а создан собою.

К нему приблизит благодать гуру.

Почему Нанак говорит: “благодать гуру”? Не достаточно ли труда самого человека? Необходимо понять это очень тонкое, неуловимое положение, потому что Нанак подчеркивал огромную роль

гуру. Позже Нанак говорит, что без гуру Бог не может быть достигнут. Почему? Если Бог вездесущ, почему не могу я непосредственно встретить Его? Что за нужда обращаться к гуру?

Кришнамурти говорит, что в гуру нет необходимости. Его мысль обращена к разуму. Что за нужда вводить гуру, если я так же рожден от Бога, как гуру? Рассудок не принимает гуру, поэтому вокруг Кришнамурти всегда собирались себялюбцы. Совершенно правильно в гуру нет необходимости в том случае, если вы способны сами истребить ваше “эго”.

Но покончить со своим “эго” самостоятельно так же трудно, как приподнять себя за шнурки собственных ботинок. Или как собаке пытаться поймать свой хвост. Чем быстрее она поворачивается, тем дальше отлетает ее хвост. Если же человек способен на уничтожение “эго”, то Кришнамурти абсолютно прав, и нет необходимости в гуру.

Но здесь и кроется вся сложность. Когда вы каким-либо образом победите ваше “эго”, тогда вы скажете: “Я одолел мое “эго”. Но как раз тогда вы и вступите в новую форму “эго”, гораздо более опасную, чем предыдущая. Поэтому и нужен гуру, что это новое “эго” не родилось. Даже когда вы говорите: “Благодать гуру”, это звучит как гордость своим смирением: “Смотрите, как я покорен! Никто не может быть больше покорен, чем я!” И это и есть новые проявления все того же “эго”. Если вчера вы гордились вашим богатством, то сегодня вы гордитесь своим отказом от него и своей кротостью. Веревка сожжена, но петля осталась. Как разрушить это высокомерие? Поэтому Нанак и подчеркивает особую роль гуру.

Нет трудности в том, чтобы достигнуть Бога непосредственно, потому что он находится прямо перед вами. Куда бы вы ни шли, Он есть всюду. Но сложность в том, что вы остаетесь внутри себя, и как можете вы устранить эту помеху? Отсюда — “благодать гуру”. Ищущий может прилагать усилия, но достичь Бога можно благодатью гуру. Эта трактовка милости гуру не позволит сформироваться вашему “эго”. Она разрушит старое “эго” и предотвратит появление нового; иначе вы освободитесь от одной болезни, но приобретете другую.

Возникает очень забавная ситуация. Толпа себялюбцев, находившихся около Кришнамурти, — это люди, которые не желают кому-либо поклоняться. Они свободны до тех пор, пока их не попирает чья-либо нога: они не склоняются не перед кем. Они непоколебимо уверены, что гуру не требуется, они доберутся самостоятельно. И это само по себе является трудностью.

Если бы около Кришнамурти была личность, подобная Нанаку или Рамакришне, тогда его идеи были бы обоснованы и доказаны жизнью. Жизнью Рамакришны и Нанака. Людей, способных отрешиться от своего “эго”. Но те, кто окружал Кришнамурти, были как раз людьми, неспособными избавиться от своего “эго”. А как раз таким настоятельно необходим гуру. В этом заключена предельная ирония: все окружение Кришнамурти нуждалось в гуру. А те люди, что окружали Нанака, могли обойтись без гуру.

Теперь вы можете сказать, что это загадка. Но это факт: те, кто окружал Нанака, могли достичь Бога даже без гуру, потому что это были люди, готовые и стремящиеся принять дар гуру; они были готовы отринуть собственное “я”. Достижение приходит без гуру, но присутствие гуру необходимо для разрушения “эго”, для того, чтобы вы не преисполнились высокомерия оттого, что вы совершили. Иначе вы будете бахвалиться: “Я могу стоять на голове три часа, я медитирую каждое утро!”

Жена одного набожного сикха однажды пожаловалась мне: “Все у нас не так, как надо. Мой муж часто заходит к вам, прислушивается к вам. Пожалуйста, вразумите его советом”.

“Что случилось?”, — спросил я.

“Он поднимается в два часа ночи и начинает провозглашать Джапджи. И будит всю семью. Если я жалуясь, он велит подниматься и нам и распевать вместе с ним. Что делать?”

Я позвал ее мужа к себе.

“Когда вы возглашаете Джапджи?” — спросил я его.

“Ранним утром, около двух часов”, — ответил он гордо.

“Но это же нарушает покой все вашей семьи”, — сказал я.

“Это их проблемы, — сказал он. — Они ленивы и праздны! Они все должны вставать в это время. А я, между прочим, старюсь и для них. Я читаю так громко, что святые слова достигают не только их ушей, но хорошо слышны даже соседям”.

“Не переусердствуйте, — посоветовал я ему. — Не будет никакого урона для вашего благочестия, если вы начнете свои радения в четыре часа утра”.

Такого человека можно остудить только постепенно. Или же его невозможно остудить совсем.

“Никогда! — ответил он. — И я не ожидал услышать от вас такие слова. Вы хотите лишить меня моей веры?”

Казалось, что он не верит своим ушам.

В этом и заключалось его высокомерие. Он считал, что никто не может возглашать Джапджи, как он. Это неосознанное им высокомерие и было единственным его препятствием на пути к Богу. Вы можете повторять Джапджи на протяжении всей жизни не достигь Бога. В то время как необходимо только лишь разрушить ваше высокомерие.

Поэтому Нанак говорит все время: “Что бы вы ни делали, ничто не будет достигнуто, пока вы не истребили ваше собственное “я”. Эта мысль гуру — бесценное средство для уничтожения “эго”. Ведь что бы вы ни делали, вы говорите: “Все это благодать гуру”. “Я делаю” — в этом вся трудность. Если вы можете истребить ваше “я” без посторонней помощи, вы не нуждаетесь в гуру. Но среди людей существует лишь один на миллион, кто способен сделать это. Он — исключение, для которого нам не нужно устанавливать какие-либо правила, давать ему наставления.

Иногда случается, что кто-либо избавляется от своего “эго” без помощи гуру, но это требует очень глубокого, абсолютного понимания, которого у вас нет. Это понимание должно быть столь глубоким, что вы можете приказать своему “эго” встать перед вашими глазами. И лишь под вашим взглядом “эго” должно исчезнуть. Ваши глаза должны быть подобны глазам Шивы, который мимолетным взглядом обращал все в пепел. Вот какое вы должны иметь осознание. Будда, Кришнамурти взирали на “эго” с такой силой напряжения, что оно растворялось,

превращалось в ничто. И никакие другие чувства не возникали потом на его месте. А они, совершая это, даже не осознавали, что они что-то совершают.

Но вы — не они. Что бы вы ни делали, внутренний голос постоянно твердит: “Я делаю это, я делаю это...” Если вы поете гимны, то вы ощущаете, что вы поете гимны. Если вы медитируете, внутри вас чувство: “Я медитирую”. С каждой вашей молитвой ваше “эго” воссоздается заново и даже наполняется новым содержанием.

Оставим в стороне людей, способных самостоятельно уничтожить свое “я”. Таких — единицы на миллионы. Для миллионов других существует только один путь: что бы они ни делали, какой бы ритуал ни совершали, повторяя его из раза в раз, они должны осознавать, что все происходит благодаря благодати гуру.

Он был правдой до того, как время начало свой бег.

Нанак говорит: Он вечная правда есть и пребудет ею всегда.

По индийским сказаниям, во времена Сат-юги, эпохи правды, гуру был не слишком нужен. Но во времена Кали-юги, эпохи тьмы, гуру стал необходим. В чем причина? Сат-юга — это время, когда люди были очень восприимчивы, с обостренным сознанием. А в эпоху Кали-юги — огрубевшими, нечувствительными, с дремлющим сознанием.

Поэтому учения Будды или Махавиры, родившиеся во времена Сат-юги, не могут быть использованы в сегодняшнем мире, как учение Нанака. Хотя и сикхизм насчитывает уже пять сотен лет. Человечество нуждалось в другой, новой религии. Потому что те кто слышал Махавиру и Будду, были другие люди, не такие, как мы. Они были мудрее, проще, и безыскуснее. А если посмотреть еще дальше в глубь времени, в древность, то мы увидим, что люди, слушавшие Кришну, были еще более восприимчивыми и простодушными.

Да, если мы посмотрим в даль времен, то убедимся, что в людях тогда было больше простодушия, наивности, неспорченности. Мысленное путешествие в те эпохи похоже на рассказ человека, который вспоминает свое детство, когда он был наивен и невинен. В юности он уже утрачивает детское восприятие, становится более сложным. И уж совсем трудно переубедить в чем-либо, победить старика, наполненного мудростью. Он не знает ничего, но все же считает, что знает все. В жизни ему здорово доставалось. Испытав немало страданий, он думает, что накопил большой опыт жизни. На самом же деле, он собирает хлам, мусор, а думает, что коллекционирует бриллианты.

Ребенок прост и невинен, он — символ Сат-юги. Старик сложен, и его нечувствительность возрастает день ото дня, по мере приближения к смерти. Он — символ Кали-юги. Сознание ребенка очень свежо, потому что фонтан жизни для него еще закрыт. Он подобен волне, идущей непосредственно от Бога. Старый человек загрязнен, замутнен, отягощен прахом. Ребенок — свежий бутон. Старик — увядший цветок, дыхание жизни которого почти утрачено.

Кали-юга — это время, когда конец близок. Жизнь сейчас стара. В Кали-юге при любых обстоятельствах вы не можете действовать без гуру. Потому что “эго” будет постоянно переполнять вас. И как же вам не преисполниться высокомерием, когда каждое самое малое ваше деяние переполняет ваше “эго”? Если вы непомерно гордитесь собой при строительстве

маленького домика и ваше самомнение не знает границ, то что же с вами стаж гея, когда вы начнете поиск высшего сокровища? Тогда ваше самомнение и тщеславие будут неизмеримы, бездонны. Обратите внимание, как пренебрежительно смотрит человек, идущий в храм или в мечеть, на тех, кто туда не идет. Его глаза как бы говорят вам: “Вы грешники, вы будете гореть в адском огне! Взгляните на меня! Я молюсь каждый день и я спасаюсь!” Он возглашает “Рам, Рам” и думает, что для него врата небесные открыты, а все остальные попадут в ад.

Чем больше вы огрубели, чем больше дремлет ваше сознание, тем больше вы нуждаетесь в гуру. Поймите это. Если вы крепко спите, то как вы можете сами проснуться? Нужен кто-то, кто бы растолкал вас. Но даже в этом случае вполне возможно, что вы перевернетесь на другой бок и заснете снова.

Он был правдой до того,
как время начало свой бег.

Нанак говорит: Он вечная правда есть
и пребудет ею всегда.

Это — определение сатьи-правды и асатьи-неправды. “Сатья” — это то, чего никогда не было, и что снова станет ничем, впадет в ничто. Сатья — то, что есть сейчас. Это то, чего нет в обоих концах, а существует только в середине. Возьмем, к примеру, сны. Пока вы ночью спите, сны существуют. Когда утром вы пробуждаетесь, сон утрачен. И потому вы говорите, что сны — ненастоящее.

Когда-то ваше тело не существовало. И однажды оно вновь прекратит быть. Таким образом, тело — не настоящее. Гнев приходит. Секундой раньше его не было. И спустя какое-то время его снова не будет. Гнев подобен сну. Потому что не является правдой. Осознание преходящего и настоящего — вот правда, которая есть всегда. Как только вы усвоите эту мысль, как только она овладеет вами, ваша жизнь преобразится. Не позволяйте, чтобы вами овладели вещи и понятия, которых нет. Ищите только то, что не меняется. То, что неизменно

И в себе ищите лишь то, что никогда не меняется. Неизменное — это ось, а все преходящее — колесо: Ось недвижна, но колесо вращается вокруг нее и благодаря Ей. Если убрать ось, колесо упадет. Все, что изменяется, вращается вокруг вечного Ось души неподвижна, и колесо тела вращается вокруг нее. Стоит оси исчезнуть — колесо отлетит в сторону.

Нанак говорит, что Бог и только Бог является истиной, поскольку Он бил до начала всех начал. Он есть; Он будет всегда; Он пребывает вовеки. Все остальное — лишь сон. Проникнитесь этими словами до глубины души.

Когда приходят гнев, ненависть или жадность, повторяйте эти слова Пусть они напомнят вам о том, что подлинно, что реально. Помните: то, чего не было прежде, но что существует сейчас, может быть лишь сном и растает без следа. К чему излишне увлекаться сном, лучше оставаться наблюдателем.

Все ненужное само постепенно отпадет, поскольку оборвется ваша связь с ним, а полезное,

значимое пустит в вас корни. И по мере роста вечного будет таять мирское.

Его постичь нельзя ни миллионом мыслей,

Ни долгими часами медитаций, молчанием смиряющими разум,

Не утолить горами хлеба глад душевный,

И сотня тысяч подвигов ума не даст нам единенья с Ним.

Как правды нам достичь и сдернуть лжи завесу?

И Нанак говорит:, лишь подчинив себя божественному строю.

Это очень важная сутра — квинтэссенция учения Нанака. Потуги ума не приводят к познанию Бога. Миллионы раз размышляя о Нем, мы так и не можем уразуметь Его. Никому еще не удавалось постичь Его посредством мысли, мы потеряли его в силу излишней активности ума. Чем больше мы размышляем, тем больше теряемся в мысли.

Бог не есть концепция, не есть мысль. Он не является разрешением спора или плодом размышлений. Бог — это истина. Думать бессмысленно, нужно видеть. Ум позволит вам лишь блуждать вокруг да около. Вам же необходимо раскрыть глаза. Но если глаза ваши застыт мысли и концепции, они так и останутся незрячими. Лишь глаза без мыслей позволяют видеть.

Для этого требуется то, что мастера Дзен называли не-умом, а Кабир — состоянием анмани, состоянием не-ума. Будда говорит об этом, как о растворении ума, а Патанджали, — как о нирвикальпа самадхи, самадхи без мысли. Все они описывают одно и то же состояние, в котором исчезают все сомнения и споры. Вот о чем говорит Нанак.

Думай мы хоть миллион раз, бесконечный поток мыслей не даст нам познания Бога. Мы можем целую вечность просидеть в медитации, но внутреннее молчание не поможет нам обрести это безмолвие.

Почему же все наши знания не дают нам познать Его? Почему бесплодны усилия достичь тишины?

Вы обнаружите, что чем больше вы стараетесь, тем невозможнее становится достичь внутреннего безмолвия. Не все достигается усилием. Через силу не заснешь чем больше напрягаешься, тем труднее уснуть. Суть сна — отсутствие каких бы то ни было усилий; лишь тогда он приходит. Усилие не дает вам сомкнуть глаз. Но стоит лишь как следует потянуться и полностью расслабиться, отложив все заботы, как приходит сон. И точно так же, так вы можете добиться внутренней тишины? Вы можете заставить себя сидеть в позе Будды, но мысли по-прежнему будут роиться у вас в голове, и все у вас будет кипеть внутри.

Нанак гостил у магометанского набоба. Для Нанака не было ни индуистов, ни магометан, ибо мудрец не соблюдает условных границ. Набоб сказал Нанаку: “Если ты действительно думаешь и чувствуешь то, что ты говоришь, если для тебя действительно нет ни индуистов, ни магометан, — тогда пойдем вместе с нами в мечеть. Сегодня как раз пятница. И давай помолимся вместе”.

Нанак охотно согласился. Но поставил условие: “Я буду возносить молитвы только в том случае, если ты так же будешь молиться”. Набоб ответил: “Что за странное условие? Я ведь и иду в мечеть, чтобы молиться!”

Весть об этом распространилась по деревне, как лесной пожар. Все собрались у мечети. Индуисты были чрезвычайно взволнованы. А родные и близкие Нанака чувствовали себя оскорбленными. Все решили, что Нанак хочет стать магометанином. Именно так люди нагружают и заражают других людей своими собственными страхами.

Нанак вместе со другими магометанами вошел в мечеть. Началось богослужение. Однако Нанак не стал вместе со всеми склоняться в молитве. И сколько ни оборачивался в гневе набоб, Нанак по-прежнему стоял как статуя. Тогда набоб быстро протиснулся сквозь молящихся и вышел из мечети. Ибо как можно молиться, если душу переполняет злость? Он подошел к Нанаку и сказал: “Ты обманщик! Ты вовсе не святой, ты вовсе не ищешь Бога! Ты обещал молиться, но обманул меня и всех!”

А Нанак ему сказал: “Да, я обещал, но не забыл ли ты условия? Я сказал, что буду молиться, если ты тоже будешь молиться. Но ты этого не делал, поэтому как мог я молиться?”

“Что ты такое говоришь? Ты в своем уме? Посмотри, сколько здесь людей, которые своими глазами видели, как я возносил молитвы!”

“Я не могу доверять этим свидетелям. Потому что я тоже наблюдал за тобой все это время. Ты покупал коней в Кабуле!”.

Набоб был ошарашен. Потому что именно об этом он и думал во время молитвы. Его любимая лошадь пала как раз этим утром. И он был потрясен и безмерно огорчен потерей такого прекрасного коня. И все утро думал, как бы скорее отправиться в Кабул и купить там другого, столь же прекрасного коня. Потому что чистокровный конь для него — символ положения, знатности и богатства.

“А мулла, который читал молитвы, — продолжал Нанак, — думал в это Время о сборе урожая на своих полях”. И мулла подтвердил, что действительно его мысли были заняты сугубо мирскими заботами... “Теперь, скажи мне, — обратился Нанак к набобу, — возносил ли ты свои молитвы так, чтобы и я мог возносить мои?”

Вы вынуждаете себя молиться, вы вынуждаете себя склоняться в поклонах, медитировать, — и все это бессмысленно. Сгибая тело в поклоне, вы не можете вынудить к этому свой ум. Какофония мыслей продолжается. И даже становится громче и сильнее. Когда тело занято какой-либо деятельностью, энергия поделена. Когда же тело находится в абсолютной неподвижности, вся энергия приливает к мозгу — и мысли буквально переполняют вашу голову!

Вот почему у людей, погруженных в медитацию, ум становится необыкновенно активным... Настоящая лавина мыслей, которые нагромождаются одна на другую! Вы сидите на богослужении, но ваши мысли на базарной площади. Вы бьете поклоны и воскуряете благовония, но ваши мысли движутся совсем в другую сторону. Обычно ум не знает отдыха. Когда вы смотрите фильм, ум спокоен. И вы умиротворены. Но как только вы входите в храм, ум становится все более беспокойным. В чем дело? В том, что театр связан с вашими желаниями. В

кино все, чем занята была ваша голова, выкидывается вон. Весь вздор, хлам, весь мусор. Кино задевает струны вашей души. В храме же вас ничто не поражает, не удивляет, не отвлекает вас от ваших мыслей. И отсюда конфуз.

Нанак говорит, что, принуждая себя к молчанию, вы не добьетесь ничего. Потому что вы не можете достичь такого молчания. Даже если вы постоянно будете пребывать в медитации, ничего не произойдет. Этот голод не может быть утолен даже горой хлеба. Это голод, который вообще нельзя насытить пищей. Ничто в мире не способно утолить его. Нет в мире ничего подробного ему. И он может быть утолен только тогда, когда Сам Бог снизойдет к взыскующему, к тому, кто ищет Его.

Как нам обрести правду в самих себе? Как уничтожить завесу лжи? Нанак говорит: только следуя заветам Бога, руководствуясь единственно Его волей. Все должно быть подчинено Его промыслу; все должно быть отдано в Его волю. И это единственное, что поможет вам.

Как правды нам достичь и сдернуть лжи завесу?

И Нанак говорит: лишь подчинив себя божественному строю.

Ничто не случается, как бы вы ни старались, что бы вы ни делали. Даже когда вы говорите правду, она становится ложью, потому что исходит из вашей лживой сущности. Откуда вы можете взять правду, если вы сами абсолютно лживы?

Нанак гостил у Лалу, бедного плотника. Деревня, в которой он жил, принадлежала богатому помещику. И этот помещик устроил обряд жертвоприношения, созвав на него всю деревню. Нанаку он послал специальное приглашение. Когда же Нанак не появился, помещик сам пошел за ним.

И сказал: “Как ты мог отказаться? как ты мог не прийти на празднество в моей усадьбе? Ведь все яства здесь приготовлены из самых лучших продуктов, какие только есть. А брамины сперва совершили омовения и исполнили все обряды. Можешь ли ты отказаться от пищи, приготовленной на священных водах Ганга и предпочесть скудную пищу этого бедного плотника, который даже не брамин?”

Нанак сказал: “Если ты настаиваешь, я пойду с тобой”. Но он попросил Лалу следовать за ним и нести свою еду.

Рассказывают, что Нанак взял у Лалу сухой хлеб и сжал его. И хлынул поток молока. Другой рукой он сжал хлеб помещика — и пошел оттуда поток крови.

Действительно ли тот хлеб сочился кровью или нет — не столь важно. Но история эта — правда. Только если вы правдивы по самой сути своей, вы можете обрести истину. Иначе кто может вылечить вас?

Вы нечестны, и поэтому нечестность может закрасться и внутрь вашей правды. Таким образом и ваша правда будет поставлена на службу вашей лжи. И навредит другим. Ведь вы будете искать такие истины, которые проникнут в сердце другого человека. И точно так же, как раньше вы вредили миру вашей ложью, сейчас вы будете вредить миру своими истинами. Что бы вы ни

делали, будет несправедливым, если вы сами несправедливы.

Есть ли выход? Нанак указывает единственное средство — оставить все Богу, отдать все в Его волю. Ожидайте Его расположения. Живите так, как Он хочет от вас. Будьте там, где Он хочет. Идите туда, куда Он вас ведет. Позвольте Его воле быть вашей единственной духовной нитью. Отметьте прочь надежды и желания. И преисполнитесь ощущением чуда и благодарности. Если Он посылает вам горе, в том есть своя причина, некое значение, некая тайна. Не жалуйтесь, но преисполнитесь благодарности. “Приди, радость, приди, горе, распорядись мною, как будет на то Твоя воля!” Если он посылает вам бедность — примите бедность. Если он делает вас богатым — будьте благодарны. В счастье или в горе позвольте одной мелодии беспрестанно звучать внутри вас: “Я счастлив тем, что весь в Твоей воле. Твоя воля — это моя жизнь”. И тогда вы внезапно почувствуете, что вы успокоились. То, чего вы не могли достичь посредством тысячи медитаций, вы достигнете только благодаря тому, что полностью отдались воле Божьей.

Что мы подразумеваем под “беспокойством”? Беспокойство начинается тогда, когда все происходит не так, как вам бы хотелось. Ваш сын лжет. Так не должно быть и вы страдаете. Вы обанкротились — так не должно быть! И вы мучаетесь, вы пытаетесь исправить происходящее, подчинить его своей воле... Все, что случилось — случилось не так, как вы хотели. И все, что происходит сейчас — не должно происходить так, как происходит. Вот источник вашей тревоги и ваших страданий.

И вот Вы, наполненный тревогами, садитесь медитировать. Вы пытаетесь отрешиться от тщеты жизни, но вы все время неизбежно думаете об уборке вашего урожая или покупке коня?! Ваше волнение проникает и отравляет вашу медитацию. И как же вам успокоиться? Существует только одна формула: Принимайте все как есть. Если вы придерживаетесь этого правила, то вы придете к пониманию Востока от Лао Цзы до Нанак.

Древнее имя этому — судьба или рок. Эти слова испорчены от долгою и частого употребления. Потому что их использовали люди с искаженными представлениями и оттого словам этим часто придается неверное значение. Сейчас, чтобы обвинить кого-либо в безответственности и устаревших взглядах, вы говорите, что этот человек верит в судьбу. Нанак же говорит: Лишь подчинив себя божественному строю. Все должно быть оставлено в руках Бога. Все должно быть предоставлено Его воле, Его промыслу. И только это может помочь вам.

Испытайте, проведите маленький опыт: живите так, как Он хочет, чтобы вы жили. Усердно ли вы старались? Стали ли вы чуть лучше, чем были? Возможно вы изменились, но определенно не стали лучше, чем Он вас создал. Вы даже не сохранили невинность и простоту, которые были свойственны вам в раннем детстве. Вы заполнили книгу вашей жизни своими каракулями. Она стоит, испорченная, испачканная, и что вы приобрели, кроме страдания, боли, напряжения и раскаяния? Попытайтесь услышать слова Нанак и действовать сообразно им несколько дней. “Оставьте все Ему, — говорит Нанак. — вверьтесь только Ему, а не молитвам, не мантрам, не медитациям. Существует только одна духовная нить — Его желания. И как только мысль, что все происходит по Его воле, внедрится глубоко в вас, тотчас же теплый, ласковый поток изнутри смывает все напряжение, все волнение, всю вашу тревогу.

Запад переполнен тревогой и напряжением. И это несмотря на то, что Восток беден; здесь нет в достатке еды, людям здесь часто нечем прикрыть тело, у них иногда даже нет крыши над головой. У Запада есть все. Но он наполнен таким напряжением и беспокойством, что люди там

не выдерживают и вынуждены прибегать к искусственным успокоительным средствам.

В чем причина? Она ясна. Запад старается навязать собственную волю всему существующему. Запад пытается иметь свой собственный путь. Западный человек полагается только на самого себя: мы должны делать все для самих себя. И западный человек делает это. Но он при этом теряет себя как человек, он превращается в шизофреника. Он торит чудеса вокруг себя, но не может достичь покоя внутри себя, становится слабым и болезненным. Там нет Бога!

Если вы проникнетесь этим стихом, вы обретете покой. Дайте событиям происходить так, как они происходят. Не плывите, а отдайте себя на волю воды. Не боритесь с рекой, потому что она не ваш враг, а ваш друг. Отдайтесь на волю волн! Своей борьбой вы создаете вокруг себя атмосферу вражды. Когда вы плывете против течения, река сопротивляется вам. Но это не река, а вы порождаете борьбу. Река течет своим путем, сама по себе; она даже не замечает вас. А вы начинаете плыть против течения по своей собственной воле. Вы отстаиваете свою волю тем, что движетесь против ее естественного движения. И это означает, что вы лелеете, укрепляете ваше “эго”.

Его воля, Его желание... И вы растворяетесь в течении реки. Теперь куда бы река ни повлекла вас, это место вашего назначения. Куда бы она ни привела вас — это берег. Если вы утонете — это тоже место вашего назначения. Где тогда беспокойство, тревога, где тогда боль? Вы выкорчевали корень страдания. То, что говорит Нанак, неоценимо — все должно быть оставлено Божьему провидению и Божьему промыслу.

Нанак закрывает все двери для “эго”. Чего бы вы ни достигли вашими усилиями — вы достигли только благодатью гуру. Что бы ни произошло, куда бы течение жизни ни повлекло вас — все свершилось и свершается по Его воле. И тогда обретете покой. Но это произойдет не раньше, чем вы осознаете эти строки:

Его постичь нельзя ни миллионом мыслей,

Ни долгими часами медитаций, молчанием смиряющими разум,

Не утолить горами хлеба глад душевный,

И сотня тысяч подвигов ума не даст нам единенья с Ним.

Как правды нам достичь и сдернуть лжи завесу?

И Нанак говорит: лишь подчинив себя божественному строю.

Глава 2. Вес цветка

Божественным промыслом было создано все сущее,

Но нельзя описать Его промысел.

Божественным промыслом было создано все живое,

И величие даруется Его промыслом.

Божественным промыслом одни возвышаются, а другие низводятся

Даруется боль и блаженство.

Его промыслом одни достигают спасения

Иные же странствуют по бесконечной цели воплощений

Все подвластны его Промыслу; ничто не ускользнет из его руки.

Нанак говорит: “Тот, кто понимает Его промысел, освобождается от своего “я”.

Те, кто знают лишь силу, воспоют Его мощь.

Познавшие милость, воспоют Его щедроты

Иные поют о Его добродетелях и величии,

Ученость избравшие, воспевают Его всезнание

Иные поют, что из праха создав,

Он в прах возвращается

Иные поют, что, жизнь отобрав, он опять возродится

Иные поют, что очень, очень далек Он,

Иные — что зрит он повсюду и вездесущ.

Нет конца Его качествам,

Хоть миллионы хвалят Его на миллионы ладов.

Дающий вечно дает, хоть берущий брать устает;

С начала времен существуем все мы от Его непрестанных щедрот.

Он повелитель, и вселенная вращается, повинуюсь его воле.

Он дарует благодать беззаботно и бесконечно, — так говорит Нанак

Существует два образа жизни. Первый — путь конфликтов, а второй — путь смирения. В конфликте вы чувствуете, что ваша воля отличается от всеобщей воли. В смирении вы чувствуете, что являетесь частью целого, и у вас не возникает вопроса, чем ваша воля отличается от других. Если вы отделяетесь и сторонитесь всего — конфликт неизбежен и естественен. Если же вы сливаетесь с целым, — естественно смирение. Конфликт влечет за собой напряжение, усталость, волнение, тревогу... Смирение приносит пустоту, мир, радость и, в конце концов, высшее знание.

“Эго” разрастается в конфликте, а разрушается в смирении. Мирской человек всегда находится в конфликте. Верующий оставляет все страсти и смиряется. Вера не имеет ничего общего с посещением церкви или мечети, или сикхского храма. Если вы намерены сражаться, если вы боретесь даже с Богом, если вы пытаетесь навязать вашу собственную волю, пусть даже в молитве и поклонении, то в вас нет веры.

Когда у вас нет собственных желаний, то Его желания становятся вашими. Если у вас нет вашей собственной цели, то куда бы Он ни повел вас, это ваш путь. Когда вы готовы идти туда, куда Он зовет, когда вы сами ничего не ждете, тогда вы перестаете грести и начинаете плыть по течению.

Видели ли вы ястреба, парящего в небе? Когда он поднимается достаточно высоко, он широко расправляет крылья и парит в воздухе. Когда вы достигаете подобного состояния, возможно смирение. Вам больше уже не нужно работать крыльями, вы просто парите в божественной атмосфере. Ибо любая тяжесть зачинается в конфликте, и рождается в противодействии. Чем больше вы боретесь, тем ниже вы падаете. Чем чаще вы перестаете бороться, тем легче вы становитесь. А чем легче вы становитесь, тем выше вы взмываете. Если вы оставите все конфликты, то достигнете уровня Божественного, а значит, — освободитесь от всякого бремени, станете невесомым. “Эго” подобно камню на шее чем больше вы боретесь, тем тяжелее он становится.

Однажды Нанак остановился переночевать у колодца недалеко от деревни, где жили факиры-суфии. Рано утром старейшина, узнав о том, что Нанак был неподалеку послал ему кружку молока, наполненную до краев. Она была настолько полной, что нельзя было добавить ни капли. Нанак сорвал с ближайшего куста цветок, положил его в кружку и отослал гуру. Цветок оставался на поверхности, потому что цветок ничего не весит. Ученик Нандка Мардана был в недоумении и спросил учителя, что все это значило.

Нанак объяснил: “В своем послании суфий хотел сказать, что в деревни нет места, что там достаточно святых подвижников, и больше принять нельзя. Мой ответ означает, что мне не нужно место, потому что я легок, как цветок, и буду плавать на поверхности!”

Только не обремененный человек может быть святым, подвижником. Тот, кто несет бремя, остается в невежестве и вредит другим, пока полностью не освободится от этой тяжести. Доброта рождается из самой себя. Любовь расцветает на древе любви. Никто не может вызвать любовь или привить сострадание. А если вы освободитесь от бремени, все произойдет само собой. Ненависть, злоба, насилие, как тень, следуют за человеком, задавленным тревогой. Любовь, сострадание, жалость, молитва следуют по пятам за невесомым человеком. Поэтому самое главное — уничтожить собственное “эго”.

Существует лишь один способ сделать это. Веды называют его Рит, Лао Цзы — Дао, Будда — Дхамма, Махавира — Дхарма, Нанак же дал ему имя Хукум — божественный промысел. Только того, кто действует по его заповедям, не проявляя собственной инициативы, не выказывая собственных желаний и чувств, можно назвать верующим.

И тот, кто пребудет в Его власти, обретет все без остатка. Тому, кто повинуется Его велениям, будут открыты врата Его сердца. Полагаясь на самих себя, вы отворачиваетесь от Бога, а, подчиняясь Его воле, вы вновь предстаете пред лицом Его. Вы можете прожить всю жизнь,

повернувшись спиной к солнцу, и вам никогда не удастся освободиться от тьмы. А стоит только повернуть лицо к солнцу, мрак бесчисленных воплощений исчезнет. Единственным способом предстать пред Богом является отказ от собственной воли. Достаточно просто плыть по течению. Совершенно не нужно грести или нести бесполезный груз. Все в вас должно быть повержено, и победы — это недуг вашего “эго”.

Вы похожи на муху, которая примостилась на огромной повозке, поднимающей вокруг себя клубы пыли. Муха оглядывается вокруг и не видит ничего, кроме пыли. Тогда она подумает: “Сколько же пыли я подняла! Какая же я огромная!” Добиваетесь ли вы успеха или терпите поражение — все из-за этой самой пыли. Вы не больше, чем муха на телеге, поэтому не надо льстить своему крошечному “я”, полагая, что именно вы подняли пыль. Всю пыль поднимает Его повозка; именно Он странствует в ней.

Вы, наверняка, слышали историю о ящерице. Однажды друзья позвали ее прогуляться по джунглям. “Извините, я не смогу”, — сказала ящерица, — “если я уйду, кто же станет поддерживать потолок королевского дворца? Потолок упадет, и во всем обвинят меня”. Бедняжка и подумать не могла, что от нее это ни капельки не зависит! Если только ящерицы вообще способны думать...

Жила-была одна старуха. У нее был петух, который кукарекал каждое утро на рассвете. Старуха этим очень гордилась. Она всегда говорила соседям, что с ней нужно хорошо обращаться, а то она уйдет жить в другое место и заберет петуха с собой. И тогда солнце над этой деревней больше никогда не взойдет.

Было совершенно очевидно, что каждый день солнце всходило, когда кричал петух. Но соседи все смеялись и пошучивали над старухой. Они говорили, что она выжила из ума. В конце концов, старуха разозлилась и ушла жить в другую деревню. И когда ее петух закричал там, то вошло солнце. “Теперь они будут рыдать и рвать на себе волосы, — подумала она — ведь у них теперь нет петуха, и не видать им солнца!”

Логика старухи и ваши аргументы имеют много общего. Никогда не случалось так, чтобы петух кукарекал, а солнце не всходило, но причина и следствие здесь поменялись местами. Но кто объяснит это старухе... и вам? Когда старуха увидела, что солнце вошло в ее новой деревне, она была уверена, что, появившись в одном месте, оно уже не может встать над горизонтом в каком-либо другом.

Ваш ум и способность мыслить также ограничены. Не Бог существует из-за вас, а вы — из-за Него. Ваше дыхание — Его дыхание, а вовсе не ваше собственное. Не вы молитесь, а Он молится в вас.

Если это ощущение проникнет в вашу душу, то бесценные слова Нанака станут вам понятны. Каждое его слово — это драгоценный камень.

Божественным промыслом было создано все сущее,

Но нельзя описать Его промысел.

Божественным промыслом было создано все живое,

И величие даруется Его промыслом.

Нанак употребляет слово хукум, что означает Божественный промысел или вселенский закон, который властвует над всем сущим. Все живое создано Божественным промыслом, и именно хукум дарует вам величие.

Когда вам все удастся, не думайте, что вы победитель. Тогда и в случае поражения, вам не придется думать, что вы побеждены. Это Он победитель, и Он же — побежденный И это — Его игра. Не зря, в представлении индусов, весь мир — это игра. Одной рукой Он выигрывает, а другой — проигрывает. Но мнимые победители и побежденные ошибочно считают это своей заслугой, хотя, на самом деле, они не более, чем инструменты, орудия Бога.

В “Гите” Кришна говорит Арджуне: “Не вмешивайся в ход вещей. Это Он действует, и все свершается по Его воле. Это Он начал битву. Это Он убьет тех, кто жаждет убивать, и Он спасет тех, кто стремится спасать. Даже не помышляй о том, что ты можешь быть убийцей или спасителем”. То, что Кришна хотел выразить целой книгой “Гита”, Нанак сказал в этой сутре: “Он создал великое и малое”.

Давайте подумаем над этим: если именно Он создал все великое и малое, то больше не существует ни великого, ни малого, потому что все — Его творение. Делаете ли вы большого идола, или маленького идола, вы остаетесь скульптором обоих статуй. Какая разница между большим и маленьким творением одного создателя? Несчастье нашей жизни заключается в том, что мы мыслим в категориях большого и малого. И сколько бы ни старались, мы не сможем стать великими настолько, чтобы удовлетворить наше “эго”.

Как только вы начнете замечать, что через вас действует Его промысел, то вы сразу станете великим. Существует лишь один создатель. Тот, кто создал самый маленький цветочек, сотворил и величественную сосну, которая подпирает небо! Если и то, и другое создано одной рукой, что же больше? И победа, и поражение принадлежат Ему, а мы — лишь пешки в шахматной партии.

Вы наверняка слышали, как преданные говорят: “Все хорошее во мне — от Тебя, а все плохое — мое”. На первый взгляд кажется, что преданные приписывают все свои добродетели Богу, а сами отвечают за все свои недостатки. Но такое показное смирение не является подлинным. Если все хорошее принадлежит Ему, то почему же все плохое должно быть вашим? Только полное самоотречение проложит вам путь к ногам Господа, — ничего не оставляйте себе, даже плохого. Это “эго” под маской смирения сохраняет себе опору. Ни в каком случае не настаивайте на том, что успех принадлежит Ему, а неудачи — вам. Это пустой разговор, и в нем нет смысла. Или все принадлежит Ему, или же — вам.

Существует разница между подлинным и ложным смирением. Ложное смирение говорит: “Я лишь пыль на твоих ногах”. Если вы посмотрите в глаза того человека который так говорит, вы увидите, что он ждет, что вы скажете: “Нет-нет! Как ты можешь говорить такое? Это я пыль на твоих ногах”. А если вы согласитесь с ним и скажете: “Пожалуй, ты прав. Это именно то, что я подумал”, — вы приобретете врага на всю оставшуюся жизнь. Он никогда не простит вам этого.

Вся хвала и вся хула по праву принадлежит Ему. Нам здесь нет места. Мы — всего лишь бамбуковая флейта, и пусть Он играет на ней, как хочет. Было бы высокомерием сказать: “Если на мне грех, то это — моя вина”. Так вы только защищаете свое “эго”. Наше “я” — это

злонакаственная болезнь: сохраняете хоть чуть-чуть, и оно снова вырастает. Или нам придется избавиться от него целиком, или оно останется с вами в целостности и сохранности.

Нанак говорит: “Божественным промыслом было создано все сущее”. Это невозможно выразить словами. Все самое значительное в жизни нельзя выразить словами. А Божественный промысел именно таковым и является. Нет ничего превыше него. Слова годятся только для своей обычной цели — служить нам в обыденной жизни. А для выражения необычайного они уже не подходят. И на это есть причина.

Сверхъестественное знание приобретает лишь в безмолвии. А как можно выразить в речи то, что познается в безмолвии? Молчание и речь — вещи прямо противоположные. Когда вы чувствуете Его присутствие в вас, слова отсутствуют, только полная тишина. Как найти слова, чтобы выразить познанное в пустоте? Пустота отличается отсутствием какой бы то ни было формы, в то время как слова обладают формой. А как можно определить форму бесформенного? Эта проблема стояла перед всеми, кто познал высшее знание. Как его передать? Это все равно, что пытаться спеть глухому прекрасную песню.

Я расскажу старую суфийскую историю. Однажды глухой пастух пас овец у подножья горы. Было за полдень, и жена уже давно должна была принести ему обед. Пастух был очень голоден. Раньше жена никогда не опаздывала, и он начал волноваться: не заболела ли она, не случилось ли чего с ней? Пастух посмотрел вокруг и увидел дровосека, который сидел высоко на дереве. Пастух подошел к нему и сказал: “Брат, не мог бы ты присмотреть за моими овцами? Я сбегаю домой, возьму еды”.

Но надо же такому случиться — дровосек тоже был глухим. Он сказал: “Иди своей дорогой! У меня нет времени вести пустые разговоры”. Из его жестов пастух понял, что тот согласен. Как можно скорее он сбежал домой и вернулся, прихватив еду. Он сосчитал овец: все было в порядке. Пастух подумал, что было бы неплохо вознаградить дровосека за его услугу и доброжелательность. У него был хромой ягненок, которого он намеревался вскорости заколоть. С ним-то он и направился к дровосеку.

Но когда дровосек увидел пастуха с хромым ягненком, он разозлился и закричал: “Что? Ты хочешь сказать, что это я его покалечил?”

Чем настойчивее пастух предлагал ягненка, тем громче кричал дровосек. А тут всаднику, потерявшему дорогу, случилось проезжать мимо них двоих. Он только хотел спросить у них дорогу, как они сами бросились к нему. Как назло, всадник, который тоже был глухим, только что украл лошадь и удирал на ней восвояси. Когда двое поймали его, он подумал, что они и были владельцами лошади. А пастух всего-навсего просил того объяснить дровосеку, что ягненок — это подарок.

Дровосек сказал: “Пожалуйста, скажи этому человеку, что мне больше нечего делать, как трогать его овец, тем более калечить их!”

Всадник сказал: “Забирайте обратно вашу лошадь. Я признаю свою вину и прошу прощения”.

Пока происходила вся эта неразбериха, мимо проходил факир-суфий. Все трое ринулись к нему, схватили его за одежду и стали умолять объяснить им что происходит. А суфий дал

пожизненный обет молчания. Несмотря на то, что он все понимал, что он мог сделать? Тогда он взглянул в глаза всаднику и долго пристально смотрел на него. Тот же подумал, что факир гипнотизирует его. Он так испугался, что спрыгнул с лошади и убежал.

Потом факир повернулся и посмотрел на пастуха. Тот почувствовал, что теряет сознание. Он быстро собрал свое стадо и пошел своей дорогой. Когда же факир взглянул на дровосека, испугался и дровосек.

Взгляд факира обладал огромной силой. Тот, кто соблюдает длительный обет молчания, обладает неповторимым блеском глаз. Вся накопленная энергия выражается взглядом. Когда факир пристально посмотрел на дровосека, тот быстро собрал свою вязанку дров и ушел. Суфий рассмеялся и продолжил свой путь. Так ему удалось решить их проблемы, не сказав ни слова.

Эту трудность испытывают все духовные подвижники: ведь в мире не трое глухих, а три миллиарда! И каждый гнет свою линию, но никто никого не слушает. В жизни не существует диалога, только дебаты и диспуты. Что же остается делать святому? Познав искусство молчания, уже нет смысла говорить. Кроме того, сколько бы он ни говорил, глухие никогда не поймут его, как и в том случае с факиром. Если бы он заговорил, то только бы запутал всех еще больше. Поэтому он просто посмотрел им в глаза.

Святой, аскет, всегда старается решить проблемы, пристально глядя в глаза. Он пытается передать глазами тот внутренний опыт, которым он обладает. Поэтому Нанак так много говорит о необходимости общения с духовными мастерами. Он призывает приходить к святым, чтобы узнать то, что они уже познали. Просто оставайтесь подле них, а если вы будете слушать и говорить, вы далеко не продвинетесь. То, что вам будут говорить, вы поймете с точностью до наоборот. Люди глухи. Вам будут показывать одно, а вы увидите что-то совсем другое. Люди слепы. Вы сделаете свои собственные выводы, вложите новый смысл в слова святого.

Нанак говорит, что невозможно описать Божественный промысел, хотя можно попробовать его выразить намеками. Это даже не слова, потому что Божественный промысел не может заключаться в словах. Слова похожи на верстовые столбы, с которыми вы сверяетесь в пути. Они говорят, что вы на верном пути и движетесь в правильном направлении. Но некоторые задерживаются у столбов и не идут дальше.

Вы можете поступать точно так же. Если вы каждое утро будете просто повторять Джапджи, вы выучите наизусть и не более. Вы будете привязаны к верстовому столбу! Вместо того, вы можете пойти путем, который указывает вам Джапджи. Попытайтесь понять, но не задерживайтесь долго. Вы должны двигаться, потому что вера — это путешествие. Концентрируясь на Джапджи или Коране, или Библии, или “Гите”, вы оказываетесь привязанным к верстовому столбу. Постигайте их, идите дальше, и вы разгадаете тайну!

Божественным промыслом было создано все сущее,

Но нельзя описать Его промысел.

Божественным промыслом было создано все живое,

И величие даруется Его промыслом.

Божественным промыслом одни возвышаются, а другие низводятся

Даруется боль и блаженство.

Давайте немного поразмышляем: когда вы несчастливы, вы возлагаете всю ответственность за свои страдания на других. Если все-таки вам приходится это делать, вините Божественный промысел. Когда несчастлив муж, он винит жену, а когда несчастлива жена, она во всем винит своего мужа. Отец ругает сына, а сын считает, что виноват отец. Но если вам необходимо обвинить кого-то, пусть это будет Его промысел — и не соглашайтесь на меньшее!

Ирония заключается в том, что в своих несчастьях вы вините другие, а счастье записываете на свой счет. Разве есть здесь логика? Вот почему вы не в состоянии ни преодолеть страдания, ни постичь секрет счастья. Вы заблуждаетесь в обоих случаях, потому что никто не ответственен за ваши страдания, а вы не отвечаете за собственное счастье. Только Бог в ответе за все. И если одной и той же рукой вам посылаются страдания и радость, то какая между ними разница?

Жил-был царь-мусульманин. Ему очень благоволил к одному из своих рабов, а раб преклонялся перед царем. Однажды они ехали через лес, и царь увидел, что на дереве висит один-единственный плод. Царь сорвал его и по привычке поделился с рабом. Когда раб попробовал плод, он сказал: “Хозяин, дай мне еще немного”.

Раб просил все больше и больше до тех пор, пока царю почти ничего не осталось. Но раб все просил и даже попытался вырвать из рук царя то, что оставалось. Тогда царь быстро положил в рот остатки и тут же выплюнул.

“Ты сошел с ума!? — закричал он на раба. — Это — несъедобный плод, а ты стоишь и улыбаешься! Почему ты мне ничего не сказал?”

Раб упал к ногам своего господина и сказал: “Эти руки дают мне сладчайшие из плодов земных. Разве могу я пожаловаться, если из них же я получу один-единственный горький плод?” Обратите внимание: ему не было дела до плодов, только руки дающего интересовали его.

После того, как на вас снизойдет озарение, и вы осознаете, что только из Его рук приходят к вам печали, — разве вы сможете воспринимать печаль как боль? Страдание является для вас страданием только потому, что вы не видите за ним Его руки. Как только вы осознаете, что и горе, и радость — от Бога, они утратят власть над вами. Радость больше не будет приводить вас в эйфорию, а горе не будет приносить боль. Когда горе и радость будут значить для вас одно и то же, то на их месте возникнет блаженство. Когда исчезает двойственность горя и радости, то неразделяемое нисходит на вас, и вы наполняетесь блаженством!

Никого ни в чем не вините, — ни мужа, ни жену, ни сына, ни дочь, ни друга, ни врага. Пусть Бог будет в ответе за все. В час радости и успеха не позволяйте возвыситься вашему “эго”: это ведь Он — даритель успеха, Ему по праву принадлежат все награды, все сладкие плоды! Если предоставить все Ему, то радость и горе исчезнут, и останется одно лишь блаженство.

Божественным промыслом одни возвышаются, а другие низводятся,

Даруются боль и блаженство.

Его промыслом одни достигают спасения,

Иные же странствуют по бесконечной цепи воплощений.

Все подвластны его Промыслу; ничто не ускользнет из- под Его руки,

Нанак говорит: “Тот, кто понимает Его промысел, освобождается от своего “я”.

Как только вы понимаете самое главное, как только вы понимаете то, что все принадлежит Ему, — что остается от “я”? Не остается ничего, что могло бы сказать “я”. Обратите внимание: вам хочется избавиться от “эго”, когда оно причиняет вам боль; но проблема в том, что это то же самое “эго”, посредством которого вы ощущаете и радость. “Эго” причиняющее страдание, известно всем: когда вас кто-нибудь оскорбляет, вашему “эго” делается больно, и вам хочется освободиться от него.

Ко мне приходят люди и спрашивают, как им освободиться от печалей. При этом они добавляют, что им известно, что “эго” — источник всех страданий, и спрашивают: как освободиться от “эго”? Я отвечаю им: вопрос не в том “как”, а в том, что если бы вы действительно воспринимали “эго” как источник всех ваших бед, то давно бы от него избавились. Тут не о чем спрашивать!

Но все не так просто: вы ведь хотите избавиться не от “эго” целиком, а только лишь от половины. Вы страдаете от оскорбления и хотите поэтому избавиться от “эго”, но в то же время наслаждаетесь, когда его хвалят, давая “эго” расцвести. Ошибешься — будешь горевать, сделаешь все правильно — будешь радоваться; вас ругают — вам больно; вас восхваляют — вы улыбаетесь... Но и то, и другое происходит на уровне “эго”.

Трудность в том, что, избавляясь от горестей, вы избавляетесь и от радостей, а вам ведь хочется оставить последнее при себе. Но такого никогда не было и не будет. Исчезнет одно, исчезнет и другое; и, наоборот, если что-то одно остается, то другое остается тоже. Горе и радость — две стороны одной медали, и, поскольку, только одну сторону выбросить невозможно, вы все время колеблетесь: то бросаете эту медаль, то вновь поднимаете ее. Нельзя сохранить — или отбросить — одно без другого.

Представьте себе, в каком положении оказывается “эго”: если вы предоставляете радость и горе Богу, являющемуся изначальным источником жизни. В этом случае у вашего “эго” не остается точки опоры. И тогда как же вы скажете “Я существую”? “Я” — это ничто иное, как совокупность всех ваших действий. Это не объект, оно не существует самостоятельно. Если вы сумеете отказаться от идеи личного действия и сказать: “Ты — музыкант, а я — лишь инструмент”, то тогда что остается от “эго”? Тогда вы делаете все, что Он вам укажет; и чтобы Он ни указал вам не делать, вы не делаете. Если Он делает вас грешником, то вы грешник; если Он делает вас праведником, то вы праведник.

Постарайтесь понять уникальность учения Нанака. Он говорит, что только через божественный промысел человеку удастся достичь знания, божественным же промыслом дано человеку странствовать по бесконечной цепи превращений. Нанак пытается объяснить, что, если вы грешник, то не надо корить себя за это, а лучше сказать: “На все воля Божья”.

Вы можете подумать, что здесь таится опасность: ведь любой может беззаботно совершать преступления, во всем виня Его волю. Суть дела в том, что, как только человек осознает, что все — это действительно Его воля, то все, что такой человек делает, становится достойным. До тех же пор, пока вы этого не осознаете, будет непрерывно длиться конфликт между вами и Им, конфликт, в котором, по определению, берет начало грех. Грех — это результат вашей борьбы с Богом. Эта борьба и приводит вас в состояние, когда вы заставляете о страдать и себя, и других. Но стоит вам во всем положиться на Его волю, как все грехи оставят нас.

Нанак говорит, что это также происходит по Его воле. Если вы грешник, то это — Он; если вы праведник, то это тоже Он. Не думайте, что вы — это тот, кто сделал доброе дело, или что вы — это тот, кто согрешил. Уже в самом подходе “Я это сделал” кроется ошибка.

Есть только одно неведение: оно состоит в убеждении, что “Я сделал... Есть только одно знание: оно состоит в признании высшего творца. Творец делает все, я — лишь его орудие, инструмент. Нет никого и ничего вне пределов божественного промысла. Все включено в него.

Те, кому ведома сила, мощь Его воспевают

Милосердие знающие поют о щедротах Его.

Иные поют о Его добродетелях и величии,

Ученость избравшие, воспевают Его всезнание

Иные поют, что из праха создав, Он в прах возвращается

Иные поют, что, жизнь отобрав, Он опять возродится

Иные поют, что очень, очень далек Он,

Иные — что зрит Он повсюду и вездесущ.

Нет конца Его проявлениям,

Хоть миллионы хвалят Его на миллионы ладов.

Дающий вечно дает, хоть берущий братъ устает;

С начала времен существуем все мы от Его непрестанных щедрот.

Он повелитель, и Вселенная вращается, повинуюсь Его воле.

“Он дарует благодать беззаботно и бесконечно”, — так говорит Нанак.

Бесчисленны данные Ему определения, и все они несовершенны.

Как может человек, сам по себе несовершенный, определить совершенство? Все, что бы он ни сказал, будет несовершенством. Как может часть свидетельствовать о целом? Как бы она ни старалась, она скажет лишь о том, что относится к ней самой. Может ли атом познать абсолют?

Чтобы он ни понял, ему не удастся выйти за собственные пределы.

Так что те, кто может петь, воспевают Его качества, но неведомое так и остается неведомым. Упанишады пели Ему хвалу, пока не устали, то же делали “Гита”, Коран и Библия. Он неопишуем и неопределяем по сути своей. Оказалось невозможным дать ему законченное определение. Все писания несовершенны, и они обречены быть такими, поскольку все они ограничиваются человеческими усилиями выразить бесконечность.

Восходит солнце, и художник пишет с него картину. Но как бы он ни бы и талантлив, картина не будет светиться. Вы не сможете осветить темную комнату, повесив там эту картину. И поэт, вдохновившись восходом и сочинивший о нем прекрасную песню, не сможет осветить ею темноту, сколь бы ни были переданные им чувства искренними и глубокими.

Все песни, восхваляющие Бога, все картины, изображающие Его проявления, несовершенны. Ни одна песня не сможет рассказать о Нем все, поскольку мы не в состоянии низвести Его сущность до уровня слов. Слова пусты, и пусть они такими остаются. Если вам хочется пить, то словом “вода” не утолить вашей жажды. Если вы голодны, то на слове “огонь” не приготовить еды. И если ваша душа возжаждала Бога, то слова “бог” будет недостаточно. Его хватит только тем, кто не испытывает жажды души.

Поймите хорошенько: если вам не хочется пить, то слова “вода” или формулы H_2O будет вполне достаточно для определения. Но если вас мучает жажда, то вряд ли этого хватит. Не помогают ни слово “вода”, ни формула H_2O . Вы можете собрать хоть все слова, придуманные людьми для обозначения воды, — а в мире существует около трех тысяч языков, — и завязать их себе узлом на шее, но ни одной капли воды от этого не появится. Но если вы не испытываете жажды, то можете играть со словами.

Философия — это игра для людей, которые не жаждут. Поэтому философия играет со словами, а религия — нет. Религия распознает те значения, которые скрываются за словами, и следует им. Когда вы ищете озеро, то чем слово “озеро” может помочь? Когда вы ищете смысл жизни, то само слово “жизнь” кажется пустым.

Попытаемся понять фундаментальный вопрос, который встает перед любым философом. Турист приезжает в Индию, и ему вручают карту страны. Какая связь между Индией и картой? Если карта похожа на Индию, то она должна быть большой. Если она в точности как Индия, то она будет бесполезна, потому что не только в карман, но и к машину не поместится. А если она не похожа на Индию, то какая от нее польза?

Карта — это символ. Она не похожа на Индию, но своим рисунком и координатной сеткой она сообщает полезные сведения о стране. Вы можете объездить всю Индию из края в край, не увидев ни единой карты. Куда бы вы ни отправились — повсюду будет Индия, а вот карты вы нигде не заметите. Но если у вас с собой карта и вы умеете читать ее, то путешествовать будет проще. Хотя если все время держать карту в кармане, или наоборот — разглядывать карту, сидя дома, — то так ничего толком о стране и не узнаешь. Для полного понимания требуется и то, и другое.

Верующие люди по всему миру прижимают к груди свои карты так, как будто эти карты — реальность, абсолютность бытия. Писания, священные книги, иконы, храмы, — во всем этом

есть скрытые указатели, благодаря которым карты остаются картами, а не бесполезным грузом. Индус тащит свою кипу карт, мусульманин — свою, христианин — свою. Карт набирается столько, что под их тяжестью почти невозможно идти. Карты должны быть легкими и понятными, и они существуют не для того, чтобы им поклоняться, но чтобы использовать их для путешествия.

Основы своего мировоззрения Нанак позаимствовал как в индуизме, так и в исламе. Его нельзя назвать ни индусом, ни мусульманином: он ни то, ни другое, и в то же время — и то, и другое вместе. Людям той поры было очень сложно понять Нанака. Была даже такая поговорка: Баба Нанак — царь факиров: он гуру для индусов и святой для мусульман.

Он — и то, и другое. Из двух его приближенных учеников один был индусом, а другой — мусульманином. И все же для Нанака нет места ни в индийском храме, ни в мусульманской мечети. И там, и там сомневаются в его взглядах и не знают, где его место. Нанак — это слияние двух рек, индуизма и ислама. Он собирает урожай на обоих полях. Вот почему сикхи — это ни индусы, ни мусульмане; они ни то, ни другое, и одновременно и то, и другое, поскольку их религия возникла из соединения двух других.

Сейчас трудно понять, как произошло это слияние: контуры реки на карте ясно очерчены, но в реальности трудно различить, где две реки становятся одной. Некоторые слова относятся к индуизму, другие отражают суть ислама, и вместе они становятся неясными, но туман постепенно рассеивается, по мере того, как вы обретаеете непосредственный опыт. Если же вы будете прижимать слова Нанака к сердцу, то с ними случится то же, что произошло с остальными священными текстами, — и ведь действительно встречаются сикхи, которые поклоняются его словам, как живому гуру. Поразительно, как хорошо у нас получается повторять одни и те же ошибки...

Однажды Нанак отправился в Мекку. Тамошние священнослужители велели ему следить за тем, чтобы не повернуться во сне ногами к Каабе. В ответ, как рассказывают, Нанак сказал, что не следует ложиться ногами в сторону Бога, после чего, как бы он ни ложился, Кааба, священный камень Мекки, переносился в ту сторону, куда указывали стопы Нанака. Мораль этой истории ясна: Бог везде, куда бы вы ни повернулись. Так в какую же сторону ложиться ногами, если Он вездесущ?

Как-то меня пригласили в Золотой Храм в Амрисаре. Когда я пришел туда, то меня остановили при входе и сказали, что я должен покрыть голову перед тем, как войти в дом Бога. Напомнив привратникам историю о Нанаке в Мекке, я сказал: “Получается, что здесь, где я стою с непокрытой головой, нет ни Бога, ни храма? Мы повторяем одни и те же ошибки! Пожалуйста, — продолжал я, — покажите мне место, где я мог бы находиться с непокрытой головой? Ведь вы снимаете свои тюрбан, когда моетесь или спите? И что, в этих случаях вы не оскорбляете Господа?”

Глупость человеческая одинакова повсюду и во все времена. Будда может говорить все, что угодно, — его последователи иллюстрируют его слова теми картинками, которые устраивают их. То же и с Нанаким. Та же паутина начинает опутывать слова, стоит ему их произнести, ибо глупость человеческая не изменилась, да и глухота осталась той же. Мы слышим, но потом делаем свои личные выводы, и действуем сообразно им, а не тому, что нам в действительности было сказано.

Нанак говорит, что сколь много песен ни было пропето во славу Господа, среди них нет совершенной. Разные люди поют разные песни потому, что Его можно достичь разными путями. И как бы противоречиво не звучали эти песни, в них нет подлинного противоречия, ибо во всех содержится одно и то же послание. В Ведах сказано точь-в-точь то же, что и в Коране, но путь познания у Мохаммеда отличается от подхода Патанджали. И Будда говорит то же самое, но вот путь у него совершенно другой.

Нет числа воротам, ведущим в Его владения. Какой бы дорогой вы ни шли, Он приведет к своим воротам. Добравшись до места, вы можете начать описывать ворота, через которые вы вошли, и путь, который вы проделали. Точно также и другой человек может описать свой путь и свои ворота. На описаниях сказываются не только различия между путями, но и ваше мировоззрение, восприятие, ваше эмоциональное состояние, — все это имеет значение.

Когда в цветущий сад входит поэт, он поет в восторге вдохновения; художник — пишет картину; торговец цветами начинает размышлять, сколько бы он нажил на этих цветах; ученый возьмет образцы растений и почвы, чтобы выяснить их химический состав, и почему они растут; пьяный же будет брести, не замечая красоты вокруг себя, — да он вообще и не узнает, что проходит через сад. Все, что вы видите, вы видите через окна ваших глаз, которые все раскрашивают своими красками.

Нанак говорит: одни поют хвалу Его силе, ведь Он — само всемогущество. Другие поют о его благоволении и щедрости, ведь Он — податель всего. Иные же воспевают Его красоту, ведь Он — воплощение прекрасного. А иные зовут Его Истиной, иные — Шивой, иные — Прекрасным.

Рабиндранат писал: “Я нашел Его в красоте”. Эти слова ничего не говорят о Боге; скорее, они говорят о Рабиндранате. Ганди говорил: “Для меня Он — это истина, ибо истина — в Боге”. Это характеризует не столько Бога, сколько Ганди. Рабиндранат — поэт, а дня поэта Бог пребывает в красоте, высшей красоте. Ганди, напротив, был практиком, человеком действия, а с подобным складом ума естественно воспринимать Бога как истину. С точки же зрения влюбленного, Он — объект любви.

То, как мы Его видим, зависит от нашего восприятия. Он — это одновременно и все то, что мы в Нем видим, и ничего из этого. Махавира блестяще высказался по этому поводу. Он сказал: “До тех пор, пока ваше зрение не отключится, вы не сможете познать Его”. Ибо что бы вы ни познали, вы познаете через ваше зрение, это будет ваша точка зрения на познаваемое. Махавира называет свой метод “Не-взиранием”. Видение возникает только тогда, когда отключается зрение. Но тогда вы запинаетесь и погружаетесь в молчание потому, что о чем можно говорить, не имея точки зрения? Освободившись от зрения, вы уподобляетесь Ему: вы будете столь понимающими, столь всеобъемлющими, что становитесь единым целым с небесами. Как вам тогда говорить? Вы больше не будете замкнуты в рамки отдельной личности, но станете едины с абсолютom.

Иметь точку зрения означает быть отделенным от того, что видишь; иметь точку зрения означает быть отделенным от Него.

Вот почему Нанак говорит, что все точки зрения правильны, но все несовершенны; когда частичное объявляет себя целым и совершенным, возникает иллюзия. Любая секта или организация считает, что именно ее неполное и несовершенное воззрение совершенно. Из-за

этого секты враждуют между собой, хотя каждая из них является одним из аспектов религии, но ни одна — самой религией. Если бы нам удалось слить воедино все секты, которые только были, есть и будут, то тогда возникла бы религия. Но ни одна секта, ни одно вероучение само по себе религией быть не может.

В хинди слову “секта” соответствует слово сампрадая, которое также означает путь, то, что приводит вас к цели; в то время, как религия, дхарма, означает цель, место назначения. Цель — одна. Путь же — много....

/со с.50/Те, кому ведома сила, мощь Его воспевают

Милосердие знающие поют о щедротах Его.

Иные поют о Его добродетелях и величии,

Ученость избравшие, воспевают Его всезнание

Иные поют, что из праха создав, Он в прах возвращается

Иные поют, что, жизнь отобрав, Он опять возродится

Иные поют, что очень, очень далек Он,

Иные — что зрит Он повсюду и вездесущ.

Нет конца Его проявлениям,

Хоть миллионы хвалят Его на миллионы ладов.

Дающий вечно дает, хоть берущий братъ устает

Все, что можно было сказать, сказано уже миллионы раз, но все равно — несказанного осталось еще больше. Дающий все продолжает давать, в то время как берущий падает в изнеможении.

Это очень важные слова. Это Он дарует жизнь; Он — в каждом вашем вдохе; Он — в каждом биении вашего пульса. Он дает неустанно. Нет конца Его дарам и Он ничего не просит взамен.

В результате у вас возникает ошибочное впечатление, что жизнь, по сравнению с другими вещами — дешевый товар. Вы всегда готовы расстаться и со здоровьем, и с самой жизнью, но никогда — с богатством. Ведь богатство досталось вам нелегко, а обрести жизнь вам ничего не стоило, ведь она досталась вам даром. Все, что Он дал вам, Он дал бесплатно, и вы ничего не дали взамен.

Когда его дары начинают изливаться на вас, вы начинаете задумываться, чем же вы их заслужили: А изменилось бы хоть что-нибудь, думаете вы, если я был хоть немного лучше или хуже? Жизненный потенциал, сознание, распустившееся в вас, словно цветок — если бы всего этого не было, то кому бы стали вы жаловаться? И какое из ваших качеств сделало вас достойным жизни? Как вы ее заслужили?

В жизни вам нужны подтверждения ценности каждой мелочи. чтобы стать банковским клерком или школьным учителем, необходимо иметь соответствующую квалификацию: свое место в жизни нужно заслужить. А чем заслужили вы саму жизнь? Вы получили ее в дар, и не потому, что обладаете некими особыми качествами. В день, когда вы начнете это осознавать, у вас родится молитва и вы воскликнете: Что сделать мне, чтобы выразить свою благодарность? Чем могу отплатить тебе?

Молитва подразумевает не мольбу, а выражение благодарности за то, что уже даровано. Если вы идете в храм о чем-либо просить, то это уже не молитва.

Нанак тоже посещает храм, но лишь для того, чтобы выразить свою признательность: “Я не могу поверить, что Ты так щедро одарил меня! Не понимаю, чем заслужил я такое множество Твоих даров, коих недостойн. Если Ты перестанешь осыпать меня благодеяниями, я не стану роптать. Но природа Твоя такова, что Ты все даруешь, даруешь... и даруешь”.

А мы? Трудно отыскать более неблагодарных людей, чем мы. Мы не благодарим, не выражаем признательности. Милостям Его несть конца, в то время как наша неблагодарность не знает границ! Мы не утруждаем себя признательностью: она нам так трудно дается, что слова благодарности застревают в горле.

Вы готовы поблагодарить поднявшего нечаянно оброненный вами носовой платок, однако у вас не найдется слов благодарности для Того, кто даровал вам саму жизнь. Если вы и молитесь, то непременно жалуетесь. Вы сетуете на все, что Он делает не так: “Мой сын болен, жена ко мне неласкова, дела идут из рук вон плохо”. Ах, как вы раздуваете свои жалобы! А Богу умудряетесь заявить: “Нет Тебя на свете! А если Ты есть, то почему не удовлетворяешь все мои желания?”

Атеизм означает, что ваши жалобы достигли той критической точки, когда уже невозможно верить в Бога. Жалобы ваши убили Его.

А что же подразумевает теизм? То, что вы столь признательны, столь преисполнены благодарности, что видите Бога во всем, что вас окружает. Везде вам видится Его рука, Его отражение, во всем чувствуется Его присутствие. Теизм — вершина благодарения, атеизм — надир жалоб.

Дающий вечно дает, хоть берущий братъ устает;

С начала времен существуем все мы от Его непрестанных щедрот.

Наслаждайтесь Им, как только можете, — вам не истощить Его. Проще вы черпать океан чайной ложкой, поскольку и ложка, и океан имеют пределы. Но вам никогда не исчерпать Бога, поскольку Он беспределен. Целую вечность наслаждались вы Его милостями, но ни разу из глубин ваших сердец не вырвались слова благодарности за безмерность обретенных даров. Вы всегда говорили лишь о собственной неудовлетворенности, подчеркивая, сколь многого вы достойны и сколь скромно вознаграждены.

Как-то меня посетил один высокопоставленный чиновник из Дели. А чем выше должность, тем больше жалоб. Он считал себя жертвой несправедливости, полагая, что достоин занимать пост министра, а еще лучше, премьер-министра. “Научите, как мне смириться с такой

несправедливостью,” — попросил он.

Каждый человек несет в себе боль, связанную с неполучением заслуженного вознаграждения. Один, достойный поста вице-канцлера, достигает лишь должности обыкновенного школьного учителя; другой мечтает об этой должности, но становится батраком. Это происходит сплошь и рядом. Даже премьер-министр, занимающий самый высокий пост в стране, стремится к должности международного значения. Невозможно удовлетворить Александра Македонского, и каждый является на своем уровне таким Александром Македонским — большим или маленьким.

Желания всегда опережают вас, когда вам кажется, что вы заслуживаете все большего. Таково свойство нерелигиозного человека. Религиозный же человек считает, что не стоит и того, что ему даровано.

Задумайтесь об этом. Заслуживаете ли вы большего или меньшего, чем даровано вам жизнью? Всегда меньшего, и гораздо меньшего. Ведь мы ничего не сделали для того, чтобы заслужить величайший дар существования, незаслуженно и непрошено полученный нами, и тем не менее, мы не испытываем и тени признательности!

Нанак утверждает, что нам не истощить Его, даже если мы будем век за веком бесконечно вкушать от Его щедрот. Его воля являет собой божественный порядок.

Здесь сокрыт глубочайший смысл, относящийся к критической стороне размышлений Нанака. Он правит миром посредством Своей воли и всегда повелевает вами. Будь у вас хоть малейшая способность слушать, вы могли бы осознать Его волю и плыть в ее русле. Но вы никогда не слушаете!

Вам лишь бы урвать! “Не надо! Не надо!” — звучит внутри вас Его голос, раз, два раза, тысячу раз. Постепенно голос этот становится все тише, пока вы и вовсе не перестанете различать его. И наступает момент, когда вы Его уже совсем не слышите, хотя Он все еще к вам взывает.

Не один грешник утратил этот голос, голос божественного порядка. но не сыскать такого закоренелого злодея, к которому Он перестал бы обращаться. Он никогда не устает от вас: Он чужд разочарованию. Он никогда не скажет, что вы исчерпали Его терпение. Сколь бы серьезной ни была ваша болезнь, у него всегда найдется лекарство. Надежда Бога безгранична, как и его могущество. Он никогда не разочаровывается в вас.

У одного факира-суфия по имени Байазид сосед был отпетым негодяем, мошенником и преступником. Отягощенный всеми мыслимыми грехами, он держал в страхе всю деревню. Однажды Байазид взмолился: “О, Господь! Я никогда ни о чем тебя не просил. Но человек это переходит все границы. Прошу, избавь нас от него.”

И тут же внутренний голос сказал Байазиду: “Если человек этот еще не утомил Меня, как же ты мог от него устать? И если Я все еще в него верю, почему не веришь и ты?”

Его невозможно утомить никаким количеством грехов, совершенных в бесчисленных жизнях. Он непрестанно к Вам взывает и никогда не поставит на вас крест.

И если вы на миг умолкните и прислушаетесь, то непременно, услышите в себе Его голос. Что бы вы ни делали, внутренний голос указывает, как это надо делать.

Он повелитель, и вселенная вращается, повинуюсь Его воле.

Потому Нанак и именуется Его Повелителем, что все свершается согласно установленному Им порядку. Сознание, живущее в вашем сердце, служит инструментом, доносящим до вас Его голос. Он говорит с вами через это сознание. Прежде, чем что-либо сделать, закройте глаза и услышьте Его. Если вы последуете Его предписаниям, бытие ваше исполнится блаженства. Воспротивиться же Его воле означает повергнуть себя в ад. Повернуться спиной к этому голосу — опасно. Прежде чем на что-либо решиться, прежде чем сделать шаг, закройте глаза и спросите Его. В этом суть любой медитации: сначала отыскать в себе этот голос, а потом уже действовать. Не следует и шагу ступить без Его разрешения. Надо закрыть глаза и слушать Его голос, и следовать указаниям этого голоса, а не собственного.

Как только вы обретете этот ключ, он откроет пред вами мириады дверей. Ключ внутри вас; каждый ребенок рождается с ним. Развивая интеллект ребенка, мы нисколько не заботимся о развитии его сознания. Оно останавливается на полпути, остается незавершенным. Мы накладываем поверх этого голоса столько слоев мысли, что он оказывается на такой глубине, с которой уже нам не слышен, хоть все так же взывает к нам.

Искусство внимать внутреннему голосу именуется медитацией. Узнавать Его предписания жизненно необходимо. Мы обязаны знать Его желания, Его волю.

“Он повелитель, и вселенная вращается, повинуюсь Его воле.

Он дарует благодать беззаботно и бесконечно”, — так говорит Нанак.

Он все одаривает и одаривает — и ничего не ждет взамен, даже ответа. Он продолжает взывать к вам, независимо от того, внимаете вы или нет. Его не заботит, Его не тревожит, что вы не слышите. Он никогда не считает, что должен умолкнуть, если вы стали глухи к Его голосу, и тем более Он не отбросит вас прочь как свою неудачу.

Вы не можете беспокоить Бога. Именно по этой причине, человек, начавший различать в себе отражение Бога, делается спокоен. Все касается и не касается его одновременно. Он будет заботиться о вас и одновременно оставаться беззаботным. Вы не сможете вызвать у него волнение или беспокойство.

Вот я! Одному Богу известно, в скольких людях я принимаю участие, и все же я беззаботен. Вы приходите ко мне со своими горестями, и хотя они меня трогают, вы не вызываете у меня волнения или беспокойства. Я не делаюсь печальным от вашей печали, иначе я не мог бы помочь вам. Хоть я и должен сочувствовать вашим неурядицам и изыскивать пути и средства облегчения ваших страданий, я не могу увлечься до такой степени, чтобы позволить вашему беспокойству овладеть и мною.

И я не должен быть недоволен вами, если на следующий день вы придете ко мне снова, не последовав моему совету, а, наверняка, так и будет. У меня не возникает чувства, что я потратил на вас столько сил, а вы пренебрегли моим советом. Я по-прежнему забочусь о вас, но при этом

остаюсь беззаботен.

Бог заботится обо всем мире. Он всегда готов поддержать вас, но Он не торопится. И если вам хочется еще немного потешить себя мимолетными удовольствиями, вам предоставляется такая возможность — Его это не заботит.

Его забота о вас безгранична, и вы не можете этому помешать. Он всегда преисполнен благодати, иначе попробуйте представить, во что бы он был ввергнут! Люди, подобные вам и то, что они повсеместно вытворяют, наверняка, бы вывели Его из себя. Вас так мной а Бог один. Вы бы давно уже свели Его с ума; ни будь бытие Его беззаботно.

Беззаботность не означает безразличия. Обратите внимание на тонкое различие этих понятий. Его усилия, направленные на вас, неизменны — Его стремления возвысить вас, изменить, трансформировать. Однако стремления его лишены агрессии. Он готов ждать. Каждое утро лучи солнца стучатся в вашу дверь, но она закрыта. Солнце не станет ломиться в дверь. Оно будет ждать. Но оно никогда не отвернется от вас в гневе. Когда бы дверь ни отворилась, оно войдет.

Богу есть дело до вас; и бытию есть дело. И это разумеется само собой: ведь бытие вас создает; оно вас развило; оно возлагает на вас огромные надежды. Бытие старается стать сознательным внутри вас и изнутри вас достичь состояния Будды. Бог старается выращивать в вас цветы. Но Его не смутит и не беспокоит, если по вашей вине это будет происходить медленно; Его не тронет, что вы его не слушаете или отказываетесь Его замечать. Если вы поймете и то, и другое, вам станет ясно, почему бытие исполнено благодати. Господь есть благодать.

“Он распоряжается и указывает путь, — говорит Нанак, — и все же он беззаботен! Он постоянно расцветает высшей благодатью. Цветок Его цветет непрерывно и непрестанно”.

У нас лишь две возможности: либо беспокоиться, что вызывает волнение, либо не беспокоиться — и не ведать волнений. Именно поэтому саньясин традиционно удаляется от повседневного мира. Если вы остаетесь дома, вы не можете абстрагироваться от семьи, не можете сохранять себя безучастным и беззаботным. Если жена заболела, вы будете волноваться, если ребенок безобразничает, вы будете беспокоиться о его воспитании, и вам будет больно, если он не исправится. Если же мы не видим жену и детей, мы забываем о них: с глаз долой — из сердца вон! Вот мы и убегаем в горы, и поворачиваемся спиной к миру, мало-помалу забывая его.

Мы видим лишь две альтернативные возможности: если мы остаемся в миру, мы не можем быть безучастны, а если беспокоимся, нам не избежать волнений, следовательно, путь к блаженному бытию отрезан. Вторая возможность — сбежать и сделаться беззаботным и безучастным: отсутствие волнений повышает шансы на обретение благодати.

Но это не есть путь Бога. Поэтому Нанак остается и семьянином, и саньясином. Он и принимает участие и одновременно остается безучастен. И это искусство, духовный путь — заботиться и при этом не волноваться. Внешне вы делаете все, что от вас требуется, ни к чему не привязываясь внутренне. Вы занимаетесь образованием сына и проявляете огромную заботу о его воспитании; но если он бестолков, если он неуч или неудачник, вас это не волнует.

До тех пор, пока вы не научитесь сочетать в себе и то, и другое: быть саньясином, живя в семье, — вам не достичь Бога, поскольку это Его путь. Он и в миру, и одновременно не принадлежит

миру. Чтобы достичь Бога, вам надо, чтобы путь Его стал и вашим путем, только в меньшем масштабе.

Если ребенок болеет, позаботьтесь о нем и о том, чтобы ему была оказана необходимая медицинская помощь в полном объеме. Но к чему волноваться? Какой смысл нарушать или разрушать свое внутреннее состояние беззаботности?

Внешне пребывайте в миру, внутренне — в Боге. Позвольте своим внешним физическим границам контактировать с миром, а центру оставаться незатронутым. В этом суть.

Именно это удивляло людей в Нанаке: будучи семьянином, он носил одежды саньясина. Люди не знали, кем его считать: “Семьянин ты или саньясин? — спрашивали его индусы. — Говоришь ты, как саньясин, ведешь себя, как саньясин, и вдруг... жена, дети? Если ты возделываешь поля и заботишься о семье, какой же из тебя саньясин?”

Магометане задавали ему похожие вопросы. “На тебе платье, как на факире, — удивлялись они, — почему же ты не оставил дом и семью?” Многие гуру из множества мест призывали его бросить все и стать их учеником. Но Нанак не отклонился от своего пути. Он постоянно упражнялся в искусстве оставаться вне всего, оставаясь во всем, — и лишь это путь Всевышнего; лишь таким должен быть путь ищущего.

Люди спрашивают меня: “Как можешь ты предлагать семейным людям одежды саньясина?” Но таков путь Бога; Он пребывает в мире и все же не принадлежит ему. И этот путь должен стать и вашим путем.

“Он повелитель, и вселенная вращается, повинуюсь Его воле.

Он дарует благодать беззаботно и бесконечно,” — так говорит Нанак.

Преисполненный веселья и благодати, Он расцветает пышным цветом и не ведает забот! Он принимает в вас участие, но не беспокоится.

Следуйте в жизни Его примеру: работайте, заботьтесь о своем деле, но сохраняйте дистанцию между своей работой и своим существом. Пусть работа станет для вас пиллой, игрой, но не становитесь ее персонажем. — вот и все. Будьте актером, и пусть искусство игры станет вашим жизненным путем, поскольку это путь Всевышнего, и вы должны следовать этим путем, воплощать его.

Глава 3. Разгадывание загадки

Господь — это истина. Истина — имя Его.

Бесконечны пути возносимой Ему хвалы.

Но и те, кто возносит хвалу, все о большем просят,

И Всевышний без устали расточает щедроты.

Что за жертва позволила б нам хоть на миг заглянуть в Его царство?

На каком языке говорить, чтоб Его благосклонность снискать?

Помни сущее имя, славу его созерцай в амброзии час, так советует Нанак.

Это тело ты обретаешь посредством поступков,

И отворяются по Его милости двери спасенья.

Так знай о Нем истину, говорит Нанак, поскольку все сущее есть Он один.

Ни один Его храм не вместит, не создать Его образ искусству.

Безупречный, пребывает в себе Он самом.

Те, кто служат ему, славу стяжают.

И говорит Нанак: “Пойте Ему славу, Господину всего и вся.”

Лишь Его слушайте, пойте; запечатлейте Его в своем сердце.

Так гоните печаль и страдания прочь, благодать своим сделав жилищем.

Слова гуру — первейший из звуков, таковы же и Веды.

Держит слово свое Всевышний.

Гуру и разрушитель-Шива, и Вишну-хранитель;

Гуру и Брама-создатель; Он же триада богинь: Лакшми, Парвати, и Сарасвати.

Сколько хорошо бы ни знал я Его, все ж Его не опишешь,

Не выразишь словом.

Гуру — тайна, разгадка загадки.

Он благодетель всего. Да не забуду Его я вовек.

САХИБ, ВСЕВЫШНИЙ — этим именем нарекает Нанак Господа. О Боге можно писать двумя способами. Способ философов — рассуждать о Боге, но слова их сухи и лишены любви. Их речи интеллектуальны, им так не хватает эмоциональной окраски.

Второй способ — способ преданного. Слова его сочны; он рассматривает Бога не как некую доктрину, а в контексте взаимоотношений. Когда нет взаимоотношений, не затронуто сердце. Мы можем называть Бога истиной, но слово сахиб подразумевает нечто, что никоим образом не может быть передано посредством истин. Как установить нам взаимоотношения с истиной? Какой мост соединит истину с нашими сердцами?

Взаимоотношения с Богом — это любовь. Господь немедленно становится возлюбленным и теперь мы можем вступать во взаимоотношения — путь открыт. Преданный ищет, где

преклонить голову. Сахиб — столь красивое, исполненное любви имя. Оно означает господин, властелин. Таким образом, взаимоотношения могут быть многогранны.

Суфии рассматривают Бога как возлюбленного, так что ищущий становится влюбленным. Индусы, евреи и христиане говорят о Боге как об отце, так что ищущий становится ребенком. Нанак видит в Боге господина и повелителя, так что ищущий становится слугой.

Необходимо понимать, что разные виды взаимоотношений предполагают различные пути. С возлюбленным мы на равных: один не выше и не ниже другого. Взаимоотношения между отцом и сыном обусловлены обстоятельствами, поскольку мы рождаемся в конкретной семье, что определяет отношения. Будь у нас возможность, мы бы не преминули стать господином, предоставив Богу роль слуги, в то время как эта роль наилучшим образом стирает “эго”. “эго” не исчезает ни при взаимоотношениях между отцом и сыном, ни при взаимоотношениях влюбленных; лишь взаимоотношения господин-слуга дают возможность от него избавиться.

И это наиболее трудные взаимоотношения, поскольку они подразумевают состояние, диаметрально противоположное “эго”. “Эго” считает: я господин, а все сущее у меня в рабстве. Преданный говорит: “Все сущее — мой господин, я же раб его”. И это подлинная йоговская стойка на голове (но не в буквальном смысле слова): необходимо позволить “эго” пасть ниц, поскольку “эго” и есть голова. Следовательно, “эго” преданного, практикующего подлинную стойку на голове, становится слугой. Он встает с ног на голову. Поскольку вы привыкли смотреть на мир глазами хозяина, он изменится, когда вы научитесь относиться к нему, как слуга.

Когда нищий просит у вас милостыню, задевает ли это вашу чувствительную струнку, в результате чего между вами возникают взаимоотношения? Нет, все происходит с точностью до наоборот. Стоит ему попросить, как вы внутренне съеживаетесь, а потом даже если и подаете милостыню, то неохотно. В голове у вас мелькает мысль, что впредь это место надо обходить стороной. Когда кто-то у вас что-то просит, вы норовите отпрянуть и хотите отказать; вы, скорее, готовы отдать, когда вас не просят.

Постарайтесь немного разобраться в себе, и вам откроется путь к Богу. Когда вас просят, вам не хочется отдавать, поскольку сама просьба кажется актом агрессии. Любое требование агрессивно. Когда же никто у вас ничего не просит, вам становится легче, и вы проще отдаете.

Будда наставлял своих монахов, что им не следует просить, когда они отправляются в деревни за подаянием: можно лишь постоять под дверью, и если ответа не последует, отправиться дальше.

В этом различие между просящим подаяние монахом и нищим. Иным странствующим монахам мы воздавали больше почестей, нежели собственным королям, хотя мы не жалуем тех, кто просит милостыню. Мы относимся к ним чуть ли не как к обидчикам и стараемся избегать. “А с чего же люди будут подавать милостыню, если их не просят? — спрашивали монахи. — В этом мире получаешь, именно когда не просишь, — отвечал Будда. — Стоит попросить — и вы сковываете этим другого и создаете трудности себе. Когда же вы не просите, вы, тем самым, располагаете других к тому, чтобы давать.”

Этот сюжет кроется во всех возникающих в жизни взаимоотношениях. Стоит жене вас о чем-то попросить, и вам уже трудно дать. Если вы это для нее и делаете, то скрепя сердце и только для

того, чтобы избежать ссоры. Это уже не проявление любви, но лишь способ сохранить мир в семье. Если же жена никогда и ничего от вас не требует, вам хочется, что-то для нее сделать. Отдача возможна при отсутствии просьб.

Ваши просьбы отчуждают вас от Бога. Все ваши молитвы — это сплошное: “Дай мне! Дай мне!” Вы хотите, чтобы Господь находился у вас в услужении. Вам хочется распорядиться Им, как слугой. Вы говорите: “У меня болит нога. Устрани боль... Я на мели, исправь положение”. Вы говорите: “Жена больна, исцели ее” или “Я потерял работу, предоставь мне другую”. Вы всегда стоите с протянутой рукой у Его дверей. Сама ваша просьба свидетельствует о том, что вы воображаете себя хозяином, которому должен служить Всевышний. Неужели ваши желания настолько важны, что и Бога вы хотите видеть у себя на побегушках?

Если же Бог господин, а вы раб, то что остается от ваших требований? Самое удивительное то, что вы все просили, а Он все давал. То есть, когда вы просите, вам не отказывают: вы все получаете снова и снова, но при этом, чем больше вы получаете, продолжая просить все о большем, тем больше от Него отдаляетесь.

Требование не может быть молитвой. Желание не может быть молитвой. Стремление не может быть поклонением. Суть молитвы в благодарении, а не в вымаливании милостыни. Он и так уже даровал достаточно — больше, чем необходимо, больше, нежели мы заслуживаем. Чаша полна до краев и уже переполняется.

Истинно преданный благодарит, и молитва его исполнена признательности: “Ты дал мне так много, я не достоин всего этого”. На другом же полюсе находите вы, обращающийся к Богу: “Ты только взгляни, какая несправедливость: я заслуживаю большего. Я хочу большего!”

Нанак говорит, что люди все просят и просят, и Он непрестанно даст. Но просьбы людей нескончаемы. Он все дает, а попрошайки все просят. А если ты неустанно просишь, то когда тебе молиться? Когда же вы начнете поклоняться? Стоит вам удовлетворить одно желание, как на его месте возникает десяток новых. Сколько рождений вымолили вы таким образом? И вам все мало!

Вам никогда нет испытать удовлетворения, поскольку уму не свойственна полнота; неудовлетворенность — вот ключевое свойство ума. Лишь избавившись от диктата ума, можно испытать удовлетворение. Вам не найти человека, который скажет, что ум его удовлетворен. Если вдруг кто-то при вас такое скажет, присмотритесь к нему повнимательнее: ума у него, скорее всего, нет.

Ум — ни что иное, как копилка ваших требований: “Дай, дай и еще больше дай...” Большого попрошайки, чем ум, не сыскать, ему нет дела до того, как много мы получаем. Даже Александр Великий был попрошайкой, ничем не лучше любого нищего, выпрашивающего милостыню на обочине дороги. Необходимо понимать природу ума.

Как может ум молиться, если молитва есть состояние не-ума. мировоззрение полностью меняется, стоит отбросить ум. Это означает, что вы пришли с благодарением, а не с протянутой рукой. Снова включите ум — и вам покажется, что вам мало и нужно больше. Ум концентрируется на том, чего не хватает. Упраздните ум — и вы начнете видеть сущее.

Это все равно, что подвести к розе человека, способного видеть одни шипы. Он станет считать шипы, не удостоив цветок и взгляда. Как бы вы ни старались, ему не заметить розы. Подумаешь, какой-то там обычный цветок, когда вокруг столько шипов?

А теперь, если вы будете замечать лишь цветы, растворитесь в них, исполнившись их аромата и прикосновений, в вас зародится совсем другое чувство. Тогда вы подымаете: “Какие там шипы, когда вокруг такие прекрасные розы? Лишь несколько шипов защищают их и помогают цвести. И на это тоже Божья воля. Возможно, цветы и не могли бы существовать без шипов, предохраняющих их от всех опасностей”.

А когда вы еще больше сосредоточите внимание на розах, то поймете, что в шипах их все те же соки, что и в цветах. Так какой же между ними может быть конфликт? Ум склонен сосредотачиваться на шипах, все его внимание направлено на отсутствие, несовершенство, жалобы, неудачи. Он замечает лишь неудовлетворительное и неполное. Что же еще остается, как ни требовать? Вот человек, переполненный умом, и идет в храм просить милостыню.

Несколько отстранив ум, вы станете замечать все больше и больше цветов и начнете ощущать силу и радость жизни. Вам так много было дано изначально, какой может быть повод для жалоб? И если Тот, кто столько даровал, не дает чего-то, на то должна быть причина. Возможно, вы еще не готовы это получить или вы этого не стоите.

Все, что приходит преждевременно, приносит, скорее, страдания, чем радость. Все созревает в свое время. Когда вы созреете, вам будет дано Богом. Потоки Его даров бесконечны; у Него тысячи рук, протянутых во всех направлениях и изливающих благодать на всех и вся!

Согласно концепции индусов Бог предстает тысячеруким. Эта концепция исполнена любви. Индусы говорят: “Он одаривает при помощи тысячи рук, а не двух! И вам не удержать Его даров, поскольку у вас всего две руки. Он одаривает тысячей рук, но в свое время, так что ждите своего часа без жалоб, и дождь его щедрот прольется на вас.

Нанак говорит, что даже поющие богу хвалу не забывают обращаться к Нему с просьбами, и Господь все одаривает и одаривает их. Но эти слепцы не видят и продолжают возмущенно требовать все большего. В то время, как благодать Его изливается на них, они без конца сетуют на жажду, будто влюблены в собственные страдания!

Что за жертва позволила б нам

Хоть на миг заглянуть в Его царство?

Это очень существенно. Нанак говорит, что Богом даровано так много, что больше и просить не о чем. Когда вы, отбросив жалобы, преисполняетесь благодарности, то задумываетесь о том, какое подношение принести к Его ногам в залог своей любви. Какой дар вы можете принести в Его царство? Какие сокровища возложить к Его ногам в знак благодарности? Как поклоняться, как боготворить? Вы срываете цветы с кустов — Его кустов. Лучше бы они остались живы. А вы сорвали их — и убили. Вы убиваете Его цветы и возлагаете к Его же ногам — и вам не стыдно? Что вы можете Ему дать, если все принадлежит Ему!

Когда вы тратите деньги на строительство церкви или мечети, что это означает? Вы возвращаете

Ему то, что и так Ему принадлежит, и при этом раздуваетесь от гордости. “Я построил храм, — говорите вы. — Я накормил столько бедноты. Я раздал столько одежды.” Давая самую малость, вы так важничаете.

О чем это может свидетельствовать, кроме как о вашем непонимании? Возвращение малой толики полученных свыше несметных даров — не повод для гордости. И все же вы чувствуете себя величайшим дарителем, и вам не совестно!

“Что предложите вы Ему?” — вопрошает Нанак. Как и с чем подступиться к Нему, дабы лицезреть Его царство и стать Ему ближе? Что предложить Ему — рис, приправленный шафраном, цветы, купленные на рынке, ценности, сокровища — что?

Нет! Ни один дар не подходит. Достаточно понять, что все принадлежит Ему. И дар принят! До тех пор, пока вам кажется, что что-то принадлежит вам, вы помышляете о подношении. До тех пор, пока вы считаете себя господином, вы можете делан, подношения, если вам угодно. Но вы ошибаетесь. Все, что вы можете предложить, будь то хоть целое царство, — ничто. Поскольку все принадлежит Ему, даже вы сами. Все, что вы заработали и приобрели, — это Его игра.

“Что сделать нам, чтобы предстать пред Тобой, в Твоих чертогах? Чтобы глядеть Тебе глаза в глаза?” — вопрошает Нанак. Когда вы приходите к пониманию, что все уже и так Его, пропадает необходимость что-либо брать. Цветы на дереве — уже подношение Ему, все являет собой подношения к лотосу Его стоп, даже солнце, луна и звезды. Ваши жалкие лампы меркнут пред солнечным светом. Откройте глаза — и вы увидите, что все сущее простерто в Его ног. Это и есть точный смысл слова господин. Он господин всего, все есть жертвоприношение Ему.

И потому Нанак говорит: “Что дать нам?” И вопрошает: “На каком языке заговорить, чтобы Он, услышав, полюбил нас? Что сказать Ему? Какими словами? Как развлечь Его? Как ублажить? Что сделать, чтобы любовь Его хлынула на нас?”

Похоже, Нанак не дает ответа. Он ставит вопрос и оставляет его открытым. И это искусство, поскольку, по его словам, что бы мы ни говорили, это Он говорит нашими устами. И мы не сделаем ничего исключительного, предложив Ему Его же слова. Это можно делать только в силу невежества. Мудрый признает, что ему нечего принести Ему в жертву, поскольку сам он жертва у Его ног. Никакие слова не могут стать молитвой, поскольку все слова принадлежат Ему. Это Он говорит; Он бьется в вашем сердце; Он дыхание дыханий. Что же тогда делать мудрому?

Нанак говорит: Помните подлинное имя — сатнам и славу его в час благословенный. Больше ничего нельзя сделать. Что делать мудрому, сознательному человеку?

Помни сущее имя,

Славу его созерцай в амброзии час.

Индусы называют это санджа, что буквально означает “вечер”. Слово используется для обозначения часа молитвы в сумерках и на рассвете. Нанак именует этот час амрит вела, что означает время нектара и амброзии. Это еще более подходящее название. Индусы прокладывали этот путь на протяжении тысячелетий. В ходе поиска истинного бытия и исследования сознания они отыскивали пути, ведущие практически во всех направлениях: открывать теперь уже

практически нечего. Постепенно они обнаружили, что двадцать четыре часа суток содержат два кратких периода санджа.

Ночью, когда вы отправляетесь спать, наступает краткий период, когда вы еще не спите, но уже и не бодрствуете. В этот самый момент в сознании вашем, происходит, так сказать, переключение скоростей. При переключении скоростей в автомобиле, чтобы перейти на вторую скорость, необходимо сначала пройти через нейтральную. Так что автомобиль на мгновение лишается заданной скорости.

Сон и бодрствование — два весьма различных состояния. В состоянии бодрствования вы можете чувствовать себя глубоко несчастным, а во сне сделаться императором! Вы даже не задумываетесь о том, что нищий днем может сделаться королем ночью. Во сне скорость коренным образом меняется. Вы летите в самолете сознания, радикально отличающегося от вашего обычного повседневного сознания, и эти два уровня не имеют друг к другу никакого отношения, иначе вы бы на миг вспомнили, что вы нищий и тогда какой же вы король? Однако во сне вы полностью отождествляетесь со сновидением. Ваше дневное бытие — абсолютно иная реальность по отношению к миру сна. Вы попадаете в совершенно другой мир.

Днем вы святой, ночью — грешник; и вас это даже не удивляет? Вам случалось во сне усомниться в собственных сновидениях? Стоит этому произойти, как сон тает, поскольку сомнения — атрибут состояния бодрствования; бодрствующего сознания. Во сне вы не осознаете, что спите.

Множество учений предписывают стремящемуся выполнять следующее духовное упражнение — перед отходом ко сну, думать об одном: “Это сон... это сон.” Требуется три года, чтобы эта установка закрепилась в памяти настолько прочно, чтобы стремящийся мог воспринимать сон как сон и распознавать момент выхода из состояния сна. С этого момента сновидения прекращают для него существовать, поскольку исчезает переключение скоростей. Два плана сознания сливаются воедино: теперь он бодрствует и во сне. Это и подразумевал Кришна, говоря, что йоги бодрствуют тогда, когда другие спят. Перегородки между отсеками не стало — и теперь это одно большое помещение.

Как ночью, когда вы вот-вот уснете, так и утром, когда сновидение тает, и вы вот-вот проснетесь, наступают два момента, когда сознание в процессе переключения скоростей на миг впадает в нейтральное состояние, дрейфующее между сном и бодрствованием. Именно это время индусы называют санджа, а Нанак — амрит вела. Санджа кал — научный термин. Кал означает час, а санджа подразумевает нечто среднее, ни то, ни се, не относящееся ни к тому миру, ни к этому. Во время санджа кал вы ближе всего к Богу; поэтому индусы и используют это время для молитвы. Амрит вела, время нектара и амброзии — сладчайший момент, когда вы ближе всего к бессмертию.

Все это имеет место в данном временном теле: один механизм функционирования тела обеспечивает сон, другой — бодрствование. Все сны имеют отношение к телу. Вес побуждения и засыпания происходят с телом. А за этим телом прячется вы, который никогда не спит и не просыпается. Как же может проснуться тот, кому неведом сон? Существуете вы, а вы никогда не видите снов, поскольку для этого необходимо спать, а вы никогда не спите. За различными состояниями тела кроется амброзия, нектар, не знающий рождения и смерти. Если вам удастся обнаружить санджа кал, вы познаете бестелесное в телесном; господина, прячущегося за рабом.

Вы являетесь и тем и другим. Когда вы рассматриваете лишь тело, вы раб, когда видите внутреннего господина, вы им становитесь.

“Итак, — говорит Нанак, — стоит делать лишь одно — медитировать на славу сатнама, истинного имени, амрит вела. Вам ничего не даст хождение по храмам со всяческими требованиями. Не принесут плодов ни поклонение, ни жертвы в виде листьев и цветов: какой смысл подносить Ему то, что Ему и так принадлежит? Лишь одно стоит делать — молиться в час амброзии.

Санджа кал длится лишь миг, но ум ваш никогда не пребывает в настоящем, поэтому вы всегда этот миг пропускаете. Это происходит ежедневно: раз в двенадцать часов вы оказываетесь ближе всего к Богу, но вы упускаете Его, поскольку взгляд ваш не достаточно устремлен в настоящее, чтобы уловить этот краткий миг.

Когда вы находитесь здесь и сейчас, вы действительно здесь или отправляетесь на работу и приступаете к своим привычным обязанностям? Вы погружаетесь в то, о чем я говорю, или это занимает ваши мысли? В случае, если верно второе, вы упускаете настоящее.

Если вы хотите поймать момент амброзии, вам необходимо каждый миг осознавать настоящее! Когда вы едите, занимайтесь только едой, не позволяйте ни одной посторонней мысли занять ваш ум. Когда купаетесь, только купайтесь: в голове не должно быть места посторонним мыслям. Когда вы на работе, ваши мысли должны быть только о работе, не думайте о доме. Возвращаясь домой, забудьте о работе. Целиком и полностью проживайте каждый миг, не будьте и тут, и там. Тогда ваше слабое зрение постепенно разовьется, и вы будете в состоянии видеть настоящее.

И лишь после этого вы сможете медитировать в час нектара, поскольку это едва уловимый миг, мимолетный, как вспышка. Вы можете подумать о чем-то другом, а этот момент наступит — и пронесется мимо!

Прежде, чем уснуть, полежите в постели, полностью расслабившись. Успокойте ум всеми возможными способами, не позволяйте никаким мыслям дергать вас в разные стороны, иначе вы упустите этот момент. Пусть ум ваш станет подобен безоблачному небу: ни следа облачка — настолько он пуст. Постоянно наблюдайте, будьте начеку, поскольку опустошение ума чревато опасностью заснуть. Наблюдайте за своим внутренним миром. Если вам удастся не уснуть, вскоре вы услышите звук, свидетельствующий о переключении скоростей, но это едва различимый звук. Если мысли гуляют в голове, вы его так и не услышите. И тогда вы станете свидетелем превращения дня в ночь, бодрствования в дремоту, а также сна в пробуждение. Вы станете сторонним наблюдателем разнообразных процессов.

Свидетель, наблюдатель, и есть нектар. Ему легко видеть угасание бодрствующего сознания и наступление сна; а утром — таяние сна и расцвет сознания. Когда вы будете способны видеть как сон, так и бодрствование, вы сможете отстраниться и от того, и от другого. Вы прозреете. Это момент нектара. “В этот момент, амрит вела, изведайте Его славу,” — говорит Нанак.

И вы должны почувствовать: Он истина, имя Ему — истина. Не надо слов, просто испытывайте это внутреннее чувство. Если вы начнете цитировать Джапджи, вы потеряете нить. Не надо ни слов, ни мыслей — только чувства. Если в этот миг вы начнете славить Его: “Ты великий,

безграничный, Ты такой... то потеряете нить. Это едва уловимый миг.

Вспомните, как мы влюбляемся. Разве вам надо выражать свои чувства снова и снова? Разве вам необходимо воспевать красу своей возлюбленной при каждой встрече? Слава поверхностны, они только выхолащивают суть. Факт остается фактом: как только вы начинаете выражать свою любовь, ее великолепие улетучивается! Любовь не выразить словами.

Когда вы молча сидите подле возлюбленной, величие любви звучит музыкой в ваших сердцах. Вы взволнованы, преисполнены блаженства, счастливы и жизнерадостны безо всякой на то причины. Беспричинно вы чувствуете, что полны до краев. Пустота улетучилась бесследно; вы полны любви. Влюбленный чувствует, как поток любви переполняет его, подобно реке, вышедшей из берегов! Вы могли заметить, что влюбленные всегда молчаливы, в то время, как муж с женой непрерывно разговаривают. Они боятся молчания, ведь если они умолкнут, меж ними не останется связи, поскольку их отношения держатся только на беседах и словах. Если муж становится молчалив, жена начинает беспокоиться; если молчаливей становится жена, муж чувствует, что что-то не так. Они замыкаются в молчании, только когда ссорятся. Молчание, к которому вы прибегаете при ссорах, следует применять к высшей ипостаси любви.

Когда двое без памяти влюблены друг в друга, чувство переполняет их, не оставляя места словам. В этом состоянии они могут держаться за руки или обниматься, но при этом абсолютно теряют дар речи. Любовники немеют; речи кажутся обыденными и воспринимаются как помеха, разрушающая величие безмолвия; слова грубо дергают струны сердца, возмущают поверхность океана и начинают гнать волны. Поэтому влюбленные делаются молчаливыми.

В сей миг амброзии и нектара вы не должны позволить себе ни одной мысли, ни единого слова. Вам надо сохранить это состояние, ощущение Его высшей славы, исполненной любви благодарности за все, что Им даровано. Вы полны, переполнены; вы чужды желаний. Пусть от вас исходит благодарность, признательность.

На каком языке говорить, чтоб Его благосклонность снискать?

Говорить нам нечего, что можем мы Ему сказать? Любые слова бесполезны. Медитируйте на имя сайтам. Преисполнитесь истинного имени — и вы почувствуете, что вошли в ритм амрит вела. Бодрствуйте — и вы будете потрясены! Вы почувствуете, что вспыхнули ярким светом, не имеющим начала и конца, вечным, истинным, непреложным. Именно в этом свете распахиваются двери бытия, обнажая сокровенную истину.

“Это тело ты обретаешь за счет поступков,” — говорит Нанак. В этот великий миг вы постигнете, что тело есть результат содеянного, кармы, и что именно Его великодушные, сопереживающие всему сущему очи распахивают дверь спасения. Тело — плод ваших поступков.

Здесь следует прояснить некоторые моменты. Во-первых, в результате поступков можно обрести лишь определенные вещи, незначительные и тривиальные. Безбрежный абсолют посредством поступков не обрести. “Все свершается путем не-деяния, — сказал Кабир. — Чтобы обрести абсолют, необходимо пребывать в состоянии не-деяния”.

Что бы я ни делал, это не может быть больше меня самого. А как иначе? Действие никак не может быть более великим, чем деятель. Скульптура не может быть более великой, чем

скульптор, поэма не может превзойти поэта. Это просто невозможно. Все, что от вас исходит, однозначно меньше вас самого, в лучшем случае здесь можно поставить знак равенства, но превзойти вас это не может. Как же вам обрести Бога? Действия плодов не принесут: чем больше вы будете стараться действовать, тем скорее заблудитесь.

Статуи, воздвигнутые вами в храмах, — лишь неудачная попытка скрыть, что вы заблудились. Мы не можем создать образ божий, поскольку это бог придает нам форму. Вы создаете идолов, воздвигаете храмы; все это несет на себе отпечатки ваших рук а значит, это незначительно, Как может безбрежный абсолют стать творением ваших рук? Однако ваше творение может быть отмечено печатью Всевышнего, когда вы полностью отдаетесь Ему: тогда уже Он творит, а вы лишь его орудие.

Один преуспевающий индийский промышленник воздвиг множество храмов, носящих его имя. Но там не найти и тени Бога. При чем тут Бог? Вам не отыскать Его ни в храме, ни в церкви, ни в мечети, ни даже в гурудваре[2], поскольку они отмечены печатью индуизма, христианства, магометанства и сикхизма.

У божьего храма не может быть имени. Он безымянен, поэтому и храм Его должен быть безымянным. Что бы вы ни создавали, сколь бы это ни было прекрасно, усыпано драгоценными камнями, оно будет носить печать человеческого. Храм ваш может превосходить по размеру другие храмы, но вас ему не превзойти. И Его проявление в этом храме возможно только при полном отсутствии ваших проявлений: от вас нигде не должно остаться и следа.

До сих пор нам не удавалось построить храма, не отмеченного печатью человеческого. Все храмы являются чьим-нибудь творением. И рука строителя храма явно ощущается в его атмосфере. Подлинно Его храма не существует. Истина заключается в том, что незачем воздвигать Ему храм, поскольку храм Его — все сущее. Это Он щебечет голосами птиц, Он расцветает внутри цветов, Он — дуновение ветерка, Он — журчание рек и ручьев. Все бескрайнее небо — тоже Он, а вы лишь промелькнувшая в Нем волна. Храм Его столь огромен, как могут ваши маленькие молельни вместить его?

Человек может многого достичь действием. Запад служит тому примером Там многого добились посредством деятельности. Там преуспели в строительстве добротных домов, удобных дорог. Там были сделаны научные открытия, изобретена водородная бомба. Там хорошо подготовились к смерти и разрушению. Но люди там полностью лишены Бога.

Чем больше они достигали в мире физическом, тем больше теряли того, что рождается из состояния не-деяния. Первое, что они потеряли, был Бог. Сто лет назад Ницше заметил: “Бог мертв”, и для Запада Бог действительно умер. Когда люди озабочены действиями и свершениями, разрываются все их связи с Ним, и тогда он становится для них не больше, чем мертвецом. А поскольку они практически утратили Бога, все их молитвы стали поверхностными и выхолощенными. Искусство медитации полностью утрачено. Людям стало незачем медитировать. Ведь если всего можно добиться действием, не остается места для недеяния. А медитация и есть недеяние.

Следовательно, для западного менталитета характерно представление о восточном человеке как о существе сонном и праздном. Таким видел Нанака его отец: ленивым и праздным. Почему это он весь день просиживает без дела? Отец его был человеком делового склада, и ему не

правилось, что сын не работает и не проявляет склонности ни к какому ремеслу. Его выгоняли с любой работы, на которую он устраивался. Он не учился, поскольку неизбежно вступал в споры с учителями. “Последнее слово уже сказано, — говорил он им. — Что еще узнавать? Достигли ли вы Его, не смотря на всю свою ученость?” Когда учителю ничего не оставалось, как дать отрицательный ответ, Нанак говорил ему: “Тогда я буду сам отыскивать путь к познанию Его,” — и расстроенный учитель отводил его домой, признавая свою неспособность его чему-либо научить.

“Весь мир черпает знания из книг, — говорил Кабир, — но ни единому человеку еще не удалось стать ученым. Тот, кто выучит шесть букв л-ю-б-о-в-ь, станет мудрецом”.

Нанак задался целью выучить эти шесть букв любви, дабы обрести знание. К чему ему было продолжать биться над получением всех этих знаний, обеспечивающих достижение совсем иных целей?

Мулла Насреддин был школьным учителем. На протяжении долгих лет он ежедневно приезжал в школу верхом на ослике. В конце концов, тяга к знаниям передалась и ослу, и в один прекрасный день тот, обернувшись, спросил своего седока: “Мулла, зачем ты каждый день едешь в школу?”

Мулла так и остолбенел. Не ослышался ли он? Осел заговорил? Он повидал немало говорящих ослов, но чтобы четвероногий! “Что ж, раз те могут говорить, почему бы, в конце концов, не заговорить и этому? — подумал Мулла. — Вероятно, на него подействовали все эти поездки в школу, вот он и заговорил. Я сам виноват, что ежедневно гонял его в школу”.

— А почему тебя это интересует? — спросил Мулла.

— Да просто любопытно, вот и все, — ответил ослик. — Так почему ты каждый день едешь в школу?

— Езжу, чтобы учить детей.

— Зачем?

— Чтобы дети могли учиться.

— А что дает учение?

— Человек становится умным и мудрым.

— А какой прок от ума? — настаивал осел.

— Ты спрашиваешь, какой прок? Это за счет ума я на тебе езжу! — отвечал Мулла.

— Научи и меня, Мулла, уму-разуму! — попросил ослик.

— Ну нет, — запротестовал Мулла. — Я не такой дурак. Тогда ты станешь на мне ездить!

Все, что мы в этом мире изучаем, служит для того, чтобы одерживать верх над другими. Это

план наших жизненных конфликтов. Чем больше у вас ученых степеней, тем скорее вы скорее преуспеете в битве и победите. Университеты являют собой отражение вашей собственной агрессии; они снабжают вас оружием, помогающим соперничать с другими и более эффективно их использовать. Это дает вам возможность более систематически их преследовать и легально совершать преступления. Нужные правила и методы позволяют вам эффективно добиваться того, чего бы вы иначе не добились и не должны добиваться вообще. Образование способствует бесчестию и обману. В результате вы можете одержать победу над другими, но вам никогда не обрести мудрости. Скорее, люди все больше и больше теряют мудрость, впадая в невежество. Наши университеты не являются учебными центрами, поскольку в них нет места мудрости.

Потому-то учителя Нанак сами отводили его домой, признаваясь отцу, что им нечему его научить.

Достигнув двенадцатилетнего возраста, Нанак стоял на пороге посвящения в индуизм и получения священного шнура. Это была торжественная церемония. На нее были приглашено множество гостей и музыканты. Когда священник произнес заклинания и уже собирался надеть на него священный шнур, Нанак произнес: “Постойте! А что принесет мне ношение этого шнура?”

“Ты станешь двийя (то есть приверженцем индуизма, буквально: дважды рожденным),” — отвечал брамин.

“Так старое, действительно, отомрет и родится новое? — спросил Нанак. — Если так, я готов”. Брамина обеспокоил вопрос, поскольку он-то знал, что ничего не произойдет, что это пустая церемония. “А что если шнур порвется?” — поинтересовался Нанак.

“Ты всегда сможешь купить на рынке новый и выбросить старый,” — ответил брамин.

“Тогда не надо мне этого шнура, — запротестовал Нанак. — Как может нечто, способное порваться и продающееся на рынке по бросовой цене, помочь мне найти Бога? Ведь все человеческие действия страдают ничтожностью и неполноценностью”.

Отец его, Калу Мехта, считал мальчика абсолютно ни на что не годным. Он делал все возможное, чтобы заставить его чем-нибудь заняться, но его старания не увенчались успехом. Исчерпав все возможности, отец прибег к последнему средству, доступному в деревне: он отправил сына пасти скот. Нанак, вполне довольный, отправился на пастбище и вскоре погрузился в медитацию, а скот в это время разбрелся по окрестным полям. На следующий день пришлось отказаться и от этого занятия. Отец окончательно убедился в том, что мальчик ни на что не способен и никуда не годится.

Это интересный факт: мир полностью отвергает людей, больше всего сделавших для этого мира. Проводники иного мира оказываются практически неспособны сделать что-либо в этом мире. Дело не в том, что они не могут, просто все их бытие и действия иного качества. Они становятся лишь инструментами, посредниками, посредством которых нечто может произойти.

Чего бы достиг Нанак, стань он пастухом? Это под силу многим. Чего бы он добился как образцовый лавочник? Многие этим занимаются, а мир остается прежним. Этот человек отстранился от мира действий и погрузился в мир славы.

Слава означает: Все есть Твое искусство, Создатель. Что я могу? Только когда вы почувствуете собственную ничтожность, выражаемую словами “Что я могу?”, это будет означать, что “эго” ваше начинает таять, капля за каплей. В день, когда вы в полной мере ощутите, что вы ничего не умеете, не можете, что вы беспомощны и ничего не происходит по вашей воле, пред вами распахнутся двери свободы.

Это тело ты обретаешь посредством поступков,

И отворяются по Его милости двери спасенья.

Так знай о Нем истину, говорит Нанак, поскольку все сущее есть Он один.

Ни один Его храм не вместит, не создать Его образ искусству.

Безупречный, пребывает в себе Он самом.

Те, кто служат ему, славу стяжают.

И говорит Нанак: “Пойте Ему хвалу, Господину всего и вся”.

Бога нигде нельзя водворить, а тогда как вы можете строить храмы? Как вы собираетесь освящать Его идолов? Он пребывает всецело в себе, так что вам нет нужды создавать Его. Он был, когда вас еще не было, и будет, когда вас не станет. Не тратьте попусту время на создание Его образов. Ритуалы, храмы, идолы — все это никуда вас не приведет.

Каков же тогда путь, ведущий к цели? Те, кто служил Ему, почитал Его и поклонялся Ему, заслужили быть подле него. Если Он есть все сущее, служение Ему является молитвой. Чем больше вы предаетесь служению, тем ближе Ему становитесь. Если есть жажда, утолите ее; если корова голодна, накормите ее. Тем самым вы утолите Его жажду и голод.

Служение требует восприимчивости. Храмы, большие или малые, тут не помогут. Они лишь средство избежать молитвы. Храм Его безграничен, столь же безграничным должно быть и ваше рвение Ему служить, поскольку Он есть ничто иное, как вся неохватная вселенная со всем, что в ней заключено!

Перед самым распятием ученики спросили Иисуса: “Что делать нам теперь?”

“Не беспокойтесь, — отвечал Иисус. — Если вы утолите жажду жаждущего, вода принесет облегчение и моему пересохшему горлу. Если вы поможете бедняку или нуждающемуся, вы найдете меня Сокрытого в них. Если же вы в гневе обидите кого, то незачем вам и приходить в храм. Но если, преклонив колени в молитве, вы осознаете свою ошибку, прежде встаньте и попросите прощения у этого человека. Поскольку, как же вы можете молиться, не сделав этого? Это Он пребывает везде”. Поэтому Нанак говорит: “Те, кто служили Ему, достигли Его славы”.

Как же поклоняться? Служить! Это очень значимое слово, так что позвольте ему проникнуть в свои глубины. Не забывайте о том, что кому бы вы ни служили, вы служите Богу.

Вы можете служить людям и в другом смысле слова. Но это совсем иное служение. Когда вы служите людям, зная, что они бедны, несчастливы или в нужде, вы делаете это из жалости и

ставите себя выше них. Когда вы проявляете великодушие или жалость, — это не служение. Это обычное служение обществу, но не поклонение. Вы просто занимаетесь общественной работой как член клуба “Lions Club” или “Rotarian”, щеголяющего девизом: “Мы служим”. Вы преисполнены надменности. Строительство крохотной больницы позволяет вам стяжать непомерную славу. Служение социуму не есть молитва: вы подбрасываете крохи беднякам и проявляете невероятную доброту, а окружающие обязаны вам по гроб жизни. Стоящий на вершине, вы служите распростертым у ваших ног, и они должны быть благодарны. Это не поклонение.

Служение становится поклонением, когда тот, кому вы служите — Бог. Он господин, вы же раб его. Это не Он у вас в долгу, а, скорее, вы, которому он даровал такую возможность. Подавая хлеб нищему, вы сами благодарите его.

У индусов существует давний обычай, подавая милостыню брамину, дарить ему в залог своей любви подарок, символизирующий благодарность за то, что он принял подаяние, не отверг ваше служение. Когда вы чувствуете себя в долгу у того, кому служите, служение ваше превращается в поклонение: это уже не общественная работа, а религиозный акт.

Уясните разницу: общественная работа, преисполняющая вас гордости, не есть то, что Нанак называет служением. Служение преисполняет смирения. Служитель простирается ниц перед Богом. Служение делает его рабом. Последний становится первым. А вы — самым последним. Служение также подразумевает, что вы чувствуете себя должником того, кто дарует вам возможность ему служить.

Безупречный, пребывает в себе Он самом.

Те, кто служат ему, славу стяжают.

Слава эта не имеет никакого отношения к “эго”, поскольку осознается она лишь тогда, когда “эго” уже не существует. И тогда подобные служители Господа стяжают славу и сияние, свойственное состоянию Будды, начинает исходить от них. И тогда рассеивается мрак их жилища и в нем ярким светом зажигается лампада.

И говорит Нанак: “Пойте Ему славу, Господину всего и вся.”

Лишь Его слушайте, пойте; запечатлейте Его в своем сердце.

Так гоните печаль и страдания прочь, благодать своим сделав жилищем.

Но это может произойти лишь в случае, если вы посвятите Ему все свои деяния. Когда вы сидите в лавке и к вам заходит посетитель, вам надо увидеть в нем не посетителя, а Бога внутри него. Обращайтесь с ним так, будто сам Господь посетил вашу лавку. У вас нет выбора, если вы хотите пребывать в Боге ежечасно. За едой чувствуйте, что это Он входит и вас в форме вкушаемой пищи. Поэтому индусы и именуют пищу Брамой. Не ешьте бездумно. Помните, что это Он расцветал в растениях; это Он сделался зерном. Вкушайте его, преисполнившись предельной благодарности. Если вы принимаете пищу как Брамму, а когда пьете воду, чувствуете, как Он является утолить вашу жажду в форме воды, лишь тогда вы сможете вкушать Его двадцать четыре часа в сутки.

Вы идете в гурудвару или церковь, где молитесь или поете псалмы и гимны в течение часа, в то время как ум ваш витает здесь и там. Даже в этот краткий период вы успеваете взглянуть на часы, чтобы проверить, не опаздываете ли вы на работу. Как можно поклоняться Ему урывками? Вы стараетесь немного помолиться утром, немного вечером, оставаясь в течение дня привычным и заскорузлым самим собой.

Религиозность возможна лишь двадцать четыре часа в сутки; вы должны быть исполнены духа религиозности на протяжении всего дня. Религиозность не может быть фрагментарной: не может быть дня или часа, посвященного религии. Вся жизнь в целом принадлежит Ему. Каждое мгновение. Религия предполагает абсолютно иной образ жизни, когда все, что вы делаете, тем или иным образом связано с Богом.

“Пойте славу Господину всего и вся. Пойте только о Нем, слушайте лишь Его, одному Ему позволяя жить в своем сердце” — так говорит Нанак.

Вы можете сидеть и слушать меня двумя способами: либо вы слушаете говорящего, либо доносящийся до вас глас Божий. В последнем случае вы почувствуете свершающуюся в вас трансформацию. Всегда держите Его в мыслях. Таким образом вы избавитесь от страданий и отворите благодати двери своего жилища. Таким образом после долгого трудового дня вы принесете в дом свой не печаль, а радость. Пока же вы приносите домой одну печаль, вызванную либо облапошившим вас покупателем, либо вором, забравшимся в ваш карман, либо съеденной недоброкачественной пищей — всегда есть, на что пожаловаться. День ваш — собрание разного рода печалей.

Но начав видеть Бога во всем, что вас окружает, чем бы вы ни занимались, вы пожнете богатый урожай радости, говорит Нанак. И дело не только в том, что радость станет постоянным гостем в вашем доме, но и в том, что в смертный час, готовый покинуть сей дом ради своего истинного дома, вы будете переполнены радостью до краев. И вы оставите сей мир танцуя, а не стеноя. Если же смерть ваша не станет танцем, знайте, что жизнь ваша прожита впустую. Если смерть не явится праздником, источником радости, знайте, что прожили жизнь убого: ведь вы возвращаетесь домой, и если это для вас не праздник, то вся ваша жизнь лишь добавила вам печали.

Так гоните печаль и страдания прочь, благодать своим сделав жилищем.

Ваши страдания вызваны лишь тем, что вы пытаетесь управлять своей жизнью самостоятельно, без Бога. Отстранив Его, вы слишком много на себя берете и о себе думаете — и нет иной причины ваших несчастий.

Что касается причины вашего счастья, она столь же проста: вы оставляете интеллектуальные умствования, не полагаясь на собственные способности, а лишь переживая Его во всем — тогда вы начинаете жить все более в Нем и все менее в себе. И, возможно, постепенно вы полностью переберетесь к Нему.

Почему должны вы видеть в своей жене жену, а не Бога, в сыне — сына, а не Бога в качестве сына? По мере трансформации вашего мировосприятия к вам придет радость. Если сын ваш умрет, вы будете горевать в силу неправильного мировосприятия. Вы будете думать: “Мой сын”. Если бы вы уразумели, что это сын Бога, вы бы думали: “Он послал его мне, когда счел нужным,

и призвал обратно, когда счел нужным. На все Его воля.” И вы приняли бы любые условия, зная, что это Его сын вам ниспослан, и преисполнившись благодарности за дни, которые Он позволил вам провести с ним.

Кому жаловаться и на что? Бог дал, Бог взял, когда ему заблагорассудилось. Вы никак на это не влияете. Все принадлежит Ему, все на свете! Так где же ваши слезы? Где волнение, горе и печаль? Если Он дает — вы счастливы; не дает — тоже счастливы. Пути Его уникальны. Иногда Он дает, тем самым создавая вас. Иногда отбирает, тем самым способствуя вашему дальнейшему эволюционному развитию! Порой страдания необходимы, поскольку печаль пробуждает, включает сознание. В счастье человек теряется и засыпает! В страдании — бодрствует.

Жил-был один суфийский факир по имени Хассан. В один прекрасный день, ученик сказал ему, когда они садились в лодку: “Мне понятно, что существует радость, поскольку Бог — наш Отец и, естественно, Он должен дарить радость детям своим. Но почему существует печаль, несчастье?”

Ничего не ответил Хассан, лишь стал грести одним веслом. Лодку закружило. “Что ты делаешь? — воскликнул ученик. — Если ты будешь грести одним веслом, нам никогда не достигь другого берега. Мы так и будем кружить на одном месте. У тебя сломалось второе весло или заболела рука? Давай я погребу!”

“А ты куда умнее, чем я думал,” — отвечал Хассан.

Если существует лишь радость, лодку будет кружить, и она никуда не приплывет. Для того, чтоб приплыть, нужно и противоположное качество. Лодка движется при помощи двух весел, человек ходит на двух ногах, а для работы нужны две руки. В жизни необходимы ночь и день, радость и печаль, рождение и смерть, иначе лодка так и будет кружить и никуда не приплывет.

Когда человек начинает правильно воспринимать мир, зная, что Он пребывает во всем, то преисполняется благодарности; и даже когда приходит печаль, то принимает с радостью и ее. И тогда Его радость и Его печаль принимаются одинаково. И тогда радость перестает быть радостью, а печаль — печалью: между ними стирается грань. Когда вы начинаете взирать на них беспристрастно, разбиваются вдребезги приверженность радости и неприязнь к страданию — и вы отходите и освобождаетесь от того и другого, обретая состояние наблюдателя. И тогда, освободившись от печали, вы приносите домой радость.

Лишь Его слушайте, пойте; запечатлейте Его в своем сердце.

Так гоните печаль и страдания прочь, благодать своим сделав жилищем

Слова гуру — первейший из звуков, таковы же и Веды.

Держит слово свое Всевышний.

Гуру и разрушитель-Шива, и Вишну-хранитель;

Гуру и Брама-создатель; Он же триада богинь: Лакшми, Парвати, и Сарасвати.

Сколь хорошо бы ни знал я Его, все ж Его не опишешь,

Не выразишь словом.

Гуру — тайна, разгадка загадки.

Он благодетель всего. Да не забуду Его я вовек.

Осознайте, как высоко Нанак превозносит гуру. Все святые пели гуру славу, ставя Его превыше всех писаний. Гуру говорит то, чего нет в Ведах. Забудьте о Ведах, поскольку сам гуру являет собой живое писание. Существует причина, по которой святые так высоко ценили и превозносили слова гуру. Прежде всего, и Веды сами по себе являются выражением гуру; но этих гуру уже нет среди нас. И слова их лишились своей первоизданной чистоты, поскольку те, кто подхватил их, безусловно, смешали их с собственными мыслями. Это было неизбежно. Они сделали это не нарочно, но это, безусловно, произошло.

Если я что-либо вам скажу и попрошу передать соседу, вы неизбежно что-то упустите, а что-то добавите от себя. Изменится форма повествования. Даже если вы повторите слово в слово, вы по-другому расставите акценты. Когда вы будете говорить, в слова просочатся ваш собственный опыт, знания и мировосприятие.

Я даю вам цветок, и вы берете его в руки, чтобы кому-то от меня передать; но цветку передастся частица вашего аромата. Равно как аромат цветка останется на ваших руках, вы передадите цветку собственный аромат. И это уже будет не тот цветок, что я дал вам. Если же цветок пройдет через тысячи рук, на нем останется аромат всех этих рук. И если такой цветок вернется ко мне, я никогда не узнаю в нем прежний цветок. Суть знакомого мне цветка утратится из-за прикосновения тысячи рук. Он уже не будет выглядеть так, как выглядел, когда я его отдавал, но рассыплется на части, растеряв там и сям свои лепестки. И людям придется приклеивать к нему другие лепестки, чтобы придать ему завершенность, прежде чем вернуть мне его.

Веды — высказывания гуру. Те, кто ведали, изрекли. Но этим изречениям тысячелетия. Многое утрачено и добавлено. Поэтому огромная удача встретить живого гуру, когда книги стали ветхими.

И еще один весьма интересный факт: когда читаешь книгу, слова интерпретируешь по-своему. Вы сами читаете, сами интерпретируете, и интерпретация не может превзойти вас, ваше собственное понимание. Вы будете сами придавать смысл словам.

Так что книга не может стать для вас гуру; это вы становитесь гуру для нее! Не изучив писаний, вы начинаете по ним проповедовать и, таким образом, находите тысячи интерпретаций. Взять хотя бы “Гиту”: сколько к ней комментариев! Каждый, кто ее читает, открывает в ней собственный смысл. Кришны уже нет с нами, и он не может выступить в роли цензора и урезонить: “Брат, я не это имел в виду!” Когда Кришна говорил, он точно знал, что имеет в виду, но кто теперь может сказать, что он хотел донести? Даже Арджуна не мог сказать этого, хотя сам слышал эти слова, но все, что он мог бы сказать, было бы искажением.

“Гита” была целиком написана Санджаем, который был не более, чем репортером того времени. В его обязанности входило отчитываться Дхритараштре, слепому королю, о ходе битвы, идущей в ста милях оттуда. Должно быть, он все это видел по телевизору! Глухой слушает и рассказывает слепому! Так что истина еще больше сокрыта от нас. Даже Арджуна не мог бы

передать то, что говорил Кришна, верно, а не в свете собственного мировоззрения. Он мог повторить лишь то, что он понял, но не то, что на самом деле сказал Кришна. А теперь позвольте представить вам Санджая, собиравшего сведения. Он репортер, третье лицо!

А за тысячелетний период появилось еще множество комментаторов, каждый из которых проповедовал на основе собственного толкования. Со временем каждое слово Гиты приобрело бесчисленное количество значений, и она утратила смысл. То, что вы привносите, создает новую версию Гиты.

Потому и Нанак, и Кабир и прочие подчеркивали одно: ищите живого гуру. Даже при жизни этих мудрецов все писания уже успели устареть, пройдя через вторые и третьи руки.

Слова гуру — первейший из звуков, таковы же и Веды.

Держит слово свое Всевышний.

Гуру и разрушитель-Шива, и Вишну-хранитель;

Гуру и Брама-создатель; Он же триада богинь: Лакшми, Парвати, и Сарчсвати.

Сколь хорошо бы ни знал я Его, все ж Его не опишешь,

Не выразишь словом.

Те, кто видел Его своими глазами, не способны полностью описать Его. Он не поддается словесному описанию. А вы еще ищите Бога в книгах — “Гите”, Библии, Коране или Гуру Грантхе?! Даже живому гуру не под силу полностью Его объяснить. Нанак говорит о себе: “Даже если бы я полностью знал, я не смог бы дать исчерпывающего описания, поскольку Его нельзя выразить словами”.

А вы пытаетесь понять извлечь из печатных слов и объяснений то, что не может быть выражено словами. Однако сведения о Нем вы можете почерпнуть лишь от живую гуру. И это не означает, что вы поймете все, что он вам скажет; вы поймете лишь, кем гуру является. Присутствие гуру позволит вам постичь само Его существо. Его присутствие, возможность дышать с ним одним воздухом создает абсолютно иную атмосферу! По крайней мере, на это время вы потеряны для мира: вы пребываете в ином мире и сознание ваше принимает иную форму. Преисполнитесь желанием и готовности смотреть через окно гуру. Иного пути не существует.

Гуру — тайна, разгадка загадки.

Он благодетель всего. Да не забуду Его я вовек.

“Гур” означает техника, метод; гуру — тот, кто предоставляет метод. А по словам Нанака, сокровенный метод, техника — это:

Он благодетель всего. Да не забуду Его я вовек.

Он создатель всего сущего, творец. Да никогда не забуду я сей истины: за всем кроется Он. Он длань всех дланей, око всех очей. Когда вы слышите свой пульс, это Он бьется в вашем сердце.

Это Он являет собой жизнь.

Да не забуду Его я вовек.

Пусть память об этом живет в вас ежеминутно. Постижение тайны позволит вам постепенно увидеть за бусинами четки и ухватиться за пронизывающую все их нить. Нить эта — Господь, вы же все бусины. Протекающий через вас поток жизни есть Всевышним. Он та нить, по которой кружат бусины вашего тела, и нить эта в вас и во мне одна и та же. Той же струящейся нитью пронизаны деревья, птицы, животные, горы и равнины. Это Он живет в облики разнообразных форм, Он набегает каждой волной, так уловите же состояние постоянного осознания этой нити и никогда не забывайте о ней — и секрет ваш Отныне все загадки будут разгадываться сами собой.

Так что же вам делать? Как уберечь это в памяти на протяжении долгого дня? Вам потребуется собрать все свое мужество, поскольку на этом пути вас поджидает множество препятствий. Если бы не эти препятствия, мир давным-давно уже стал бы религиозным. Проблемы и трудности существуют и ни куда не денутся, поскольку любое достижение практически бесполезно, если не является результатом преодоления трудностей. Вам не прибыть в пункт назначения, не совершив путешествия. Вы вынуждены странствовать. Вы цените и лелеете лишь то, что стоило вам труда. Помимо этого, если вы отправились на поиски абсолютной истины, вам придется принести что-то в жертву!

Религия предполагает, с одной стороны, потерю, с другой, — обретение, вследствие чего возникают проблемы. Если вы начнете видеть Господа в покупателе, как вы его обсчитаете? Это будет непросто. Если вы карманный вор, при виде Бога в собственной жертве, вы почувствуете, как у вас отнимается рука. Как тут творить зло? Как гневаться? Как наживать врагов?

Если вы будете во всем видеть Его, строй вашей жизни затрещит по всем швам. Дом ваш построен вопреки всем Его канонам, поскольку вы возводили его, позабыв о Нем. И если теперь вы начнете Его вспоминать, дом ваш не устоит. По крайней мере, ясно одно: вы обретете более просторный дом, хотя еще не можете его видеть.

Так что путь требует риска: мужества оставить синицу в руках ради чего-то еще не совсем ясного. Поэтому я всегда говорю, что религия не для бизнесменов, а для игроков! Игрок ставит на карту все в надежде получить вдвое больше. И никогда нельзя быть уверенным, что он это получит. Он не знает, как выпадут кости, — этого не знает никто. Именно этот вид мужества — мужество игрока — потребуется вам, если вы хотите идти вместе с Нанаком.

Все религии выдохлись, поскольку нам не хватает мужества игрока, нас слишком прельщает математика бизнесмена. В связи с этим очень трудно хранить в памяти сутру, призванную в корне изменить жизнь: даже столь краткая сутра не позволит вам остаться прежним. Она зажжет в вашей жизни столь яростный огонь, что этой жизни не станет.

“Лишь тому, кто готов сжечь дом свой, надо идти со мной,” — говорит Кабир. Какой дом он имеет в виду? Речь идет о грандиозной постройке, что вы возвели вокруг себя: прибежище лжи, обмана, гнева, вражды, злобы, ревности и ненависти — это и есть ваш дом.

Помните эту сутру и только ее:

Он благодетель всего. Да не забуду Его я вовек.

Тот, что внутри, владыка всего — вот тот, кто вам нужен. Вам больше ничего не требуется для того, чтобы жизнь изменилась. Не надо выполнять йоговские асаны Патанджали, беспокоиться о соблюдении десяти заповедей евреев или забивать себе голову Гитой и Кораном.

Маленький секрет, совсем крохотный, способен изменить всю вашу жизнь! Нанак достиг цели благодаря этому секрету; ее можете достичь и вы.

Но помните слова Кабира: “Лишь тому, кто готов сжечь дом свой, надо идти со мной”.

Глава 4. Иной Ганг

Если мне удалось добиться Его расположения,

То я омылся во всех священных реках.

А если нет, то зачем мне омываться и наряжаться?

Во всей сотворенной вселенной ничего не достигнуть без действия;

Ноу того, кто услышит хотя бы одно учение гуру,

Понимание становится словно драгоценный камень

Он — это всеобщий благодетель.

Да не забуду о Нем никогда!

Живи хоть все четыре эры и десять раз по столько же потом,

Пусть знают о тебе на всех материках, и вся вселенная последует за тобой,

Пусть будешь славен и почитаем всем человечеством,

Но, если лишен Его милости, то ничто не спасет тебя.

Ты будешь как последний из червей;

И худшие из грешников будут порицать тебя.

Нанак говорит: “Он делает недостойных достойными,

И осыпает одаренных новыми дарами”.

Лишь Бог один может одарить таким великолепием.

Как-то ночью Нанак внезапно ушел из дома, и никто не знал куда. Его искали во всех храмах и местах, где живут отшельники-садху, но его нигде не было. Кто-то сказал, что будто бы Нанак видели идущим в сторону места кремации, но это было совершенно невероятно: никто не

отправлялся на погребальный костер по собственной воле. Даже умерший человек не хочет оказаться там; так что мысль о том, что живой человек добровольно отправился туда, казалась невероятной. Но все же, не найдя Нанака нигде, решили сходить туда. Там-то его и обнаружили, — сидящим у костра, погруженным в глубокую медитацию.

Родные и друзья теребили его, говоря: “Ты в своем уме?! Сидишь здесь, в такое время, оставив жену и детей... Ты что, не знаешь, куда пришел? Это же место кремации!”

Нанак отвечал: “Тот, кто приходит сюда, уже мертв: смерть для него уже позади. То, что вы зовете вашим домом, есть место, где вы рано или поздно умрете. Какого же места следует бояться? Того, где люди умирают, или того, где они не умирают никогда? И потом, если уж суждено сюда попасть, то сделать это на плечах четырех других людей — верх нелепости; вот я и пришел сюда сам”.

Это происшествие исполнено глубокого смысла — Нанак не противится тому, чему следует быть. Он принимает все, что есть. Смерть должна придти, и смерть приветствуется. К чему беспокоить других? Лучше придти к ней самому. Но мы вечно сопротивляемся тому, что должно произойти. Мы хотим изменить наше будущее, а Нанак этого не хочет. Все в Его воле! Если Бог пожелает, чтоб Нанак умер, то он примет Божью волю.

В ту ночь люди уговорили Нанака вернуться домой, Но однако, с той поры Нанак никогда не был таким, как прежде; что-то в нем умерло, и что-то новое в нем родилось. В процессе рождения приходится пройти через область огня, и тот, кто проходит через пылающий гхат[3] осознанно, добровольно, обретает новое рождение. Это не рождение нового тела, а начало роста нового сознания.

Вы полны страха, а там, где есть страх, не может быть связи с Богом. Вы молитесь и поклоняетесь лишь из-за страха, а не из любви к Богу. Вы посещаете святые места оmyиваетесь в священных реках, исполняете священные ритуалы, — все это под действием страха. Ваша религия — это лекарство от ваших страхов, а не праздник радости. Вы верите, чтобы защититься. Это мера предосторожности, принятая с тем, чтобы сохранить ваше благополучие. Также как вы сколачиваете состояние, строите дом, открываете счет в банке, оформляете страховой полис, так же и Бог для вас — это еще одна ваша страховка.

А разве можно достичь чего-либо с помощью страха? Страх — это разъединение, а любовь — это слияние. Страх создает дистанцию, а любовь создает близость. (страх и любовь несовместимы. Лишь когда страх полностью исчезает, то возникает любовь. Пока преобладает страх, вы можете только ненавидеть. Вы можете прятать и маскировать ваш> ненависть, но любить вы не в состоянии).

Как можно любить того, кого боишься? Вы сражаетесь с тем, кого боитесь, и вы никогда не сдадитесь ему. А даже если и сдадитесь, то это лишь военная хитрость: еще одна тщетная попытка избавиться, таким образом, от страха.

Если мне удалось добиться его расположения

То я омылся во всех священных реках.

А если нет, то зачем мне омываться и наряжаться?

Люди странствуют по святым местам и омываются в священных водах, но поступают так не из радости, а из желания избавиться от грехов. Есть поверье, что, если омыться водами Ганга, то река унесет прочь ваши грехи. А почему, собственно, Ганг должен это делать? Как омовение связано с вашими злодеяниями? И потом, источник ваших грехов не в теле, а в уме. Как Ганг сможет омыть ваш ум? В лучшем случае, он очистит ваше тело, смыв с него пыль и грязь; но смыть грязь с вашего ума он не в состоянии.

Для того, чтобы омыть душу, придется поискать какой-то другой Ганг. В одной старой притче говорится: “Один Ганг течет по земле, другой — по небесам”, Вам нужно отыскать небесный Ганг. Воды земного Ганга могут коснуться только вашего тела, которое само от земли. Воды небесного Ганга коснуться вашей души и омоют ее. Как отыскать небесный Ганг? Где дорога к нему?

Путь указывают сутры Нанака:

Если мне удалось добиться Его расположения,

То я омылся во всех священных реках.

То, что Он доволен вами, равноценно омовению в небесном Ганге. Добиться Его расположения — это очень глубокая мысль. Постарайтесь понять ее. Вы добьетесь Его расположения только, если вы не противостоите Ему. Вы добьетесь Его расположения, только когда полностью растворитесь в нем, только когда ваше восприятие себя как “делателя” полностью исчезнет. Он — делатель, творец, а вы — лишь его инструмент, и этого достаточно, чтобы вызвать Его удовольствие!

В данный момент, однако, в вашей душе царит постоянное напряжение: “Я — делатель... Я — все это делаю...” Это вы молитесь, это вы омываетесь в священных водах; занимаясь благотворительностью, опять-таки, вы ею занимаетесь. И все это впустую: ваше омовение, ваша благотворительность, ваша набожность. Ваше восприятие себя как делателя превращает в бессмыслицу все ваши деяния. До сей поры вы мыслите лишь в терминах: “я сам” и “мое”.

Между религиозным и нерелигиозным человеком есть одно-единственное различие: для религиозного человека “делатель — это Он”, а для нерелигиозного человека “делатель — это я”. Все, что происходит, происходит благодаря Ему — это взгляд приближает вас к Нему, потому что такой взгляд и есть религия. Действуя по своей собственной воле, вы поворачиваетесь к Нему спиной. Восприятие своих поступков именно как своих и отвергает вас от Бога. Стоит вам отказаться от подобного взгляда, как вы оказываетесь лицом к лицу к Богу, и все противопоставления исчезают.

Что такого вы сделали, чем стоит гордиться? Ни рождение, ни смерть, ни сама ваша жизнь не являются следствием ваших действий. Все совершается Им, но почему-то вы каждый раз присваиваете себе всю славу. С этой позиции активного деяния, и когда вы совершаете грех — это грех, и когда вы совершаете добрые дела — они тоже становятся греховными. Помните: поступая так, вы блуждаете в потемках! Грех — в деянии, а в не-деянии — добродетель! Если не отказаться от позиции делателя, то все благие дела превратятся в греховные. И тогда вы можете

строить храмы, поклоняться, соблюдать обеты, держать посты, странствовать по святым местам, — и все без толку.

Каждый раз, когда вы говорите “Я это сделал”, растёт бремя ваших грехов. Ибо грех относится не к поступку, а ко взгляду на поступок. Поступок, совершенный с позиции не-деяния, не может быть греховным.

В “Гите” именно к этому Кришна призывает Арджуну. Он говорит Арджуне, чтобы тот полностью отказался от восприятия себя как делателя и делал бы лишь то, что Бог делает через него. Пусть вершится Его воля, и не надо ставить свою у Него на пути. Не принимайте сами никаких решений. Не думайте: “Что правильно? Что неправильно?” Откуда вам знать, что правильно, а что — нет? Велико ли поле вашего зрения? Насколько проницателен ваш разум? Велик ли ваш опыт? Насколько расширенно ваше сознание? Не пытайтесь осветить себе путь фонариком вашего сознания, который светит не дальше, чем на четыре фута вперед, — ведь жизнь простирается в бесконечность.

Делайте то, что Он повелевает делать, будьте лишь медиумом, посредником. Подобно флейте, позволяющей флейтисту играть мелодию, позвольте Ему действовать через вас.

Тот, кто становится Его орудием, становится и Его возлюбленным. Упорствующий в делании становится его врагом, но и на него изливается Божья любовь, ибо она безусловна. Неважно, кто вы, Его любовь изливается на всех и всегда. Это вы не в состоянии принять Его любовь. Точно также стоящий кувшин наполняется дождевой водой, а перевернутый остается пустым. Но независимо от положения кувшина, дождь продолжает идти. Он не говорит: “Делай то — то, а того — то не делай, и тогда я прольюсь на тебя”.

Это очень важно понять, поскольку многие, услышав слова Нанака, решили, что “если я стану таким, то Он меня полюбит”. Нет, это неправильно! Его любовь и благоволение изливаются на нас всегда. А если нет, то тогда не было бы разницы между любовью земной и божественной. На знамени земной любви начертано: “Если сделаешь это, то я тебя люблю. Станешь вот таким, и я тебя люблю. Я люблю тебя, только если ты будешь соответствовать моим требованиям”. Именно это отец говорит сыну, жена — мужу, друг — другу.

Нанак говорит об опыте, превосходящем земную любовь. Его любовь изливается вечно. Если вы выполняете условия, то будете наполнены ею, как прямо стоящий кувшин И как только Его любовь переполнит вас, она потечет через край, изливаясь на всех, кто вас окружает.

Гуру — это тот, чей сосуд наполнен Божьей любовью до предела и больше не в состоянии вместить. И как только любовь начинает перетекать через край, то через него начинают наполняться другие сосуды. “Гуру” означает человека, чьи желания полностью удовлетворены, поскольку все его желания умерли, а страсти утихли. Его сосуд настолько полон, что он может отдавать его содержимое другим. Да и что он еще может делать, кроме как отдавать?

Когда облако насыщено влагой, оно должно пролиться дождем. Только тогда оно может снова стать легким. Напитанный ароматами цветок должен отдать их ветру.

Таким же образом, когда ваш сосуд наполнится любовью, она изольется на все вокруг вас. Нет конца Его милости. Как только вы осознаете, что будете наполнены, просто держа свой сосуд

прямо, благодать будет непрерывно изливаться на вас. И не важно, сколько ее вы будете отдавать, — ваш сосуд всегда будет полон до краев.

Так что помните: Нанак обращается к вам, когда говорит, что, добившись Его любви, уподобился омывшемуся во всех священных водах. Знайте, — Бог жив! А иначе, как бы вы могли существовать? Не пожелай Он, хотя бы на секунду, чтобы вы существовали, — и вас бы уже давно не было. Он пребывает в каждом вашем вздохе. Он — в каждом ударе вашего сердца.

Бытие возжелало вас, сотворило вас и до сей поры любит вас. Ему неважно, на что вы похожи; оно по — прежнему дарует вам жизнь. Вы уже возлюблены Богом, но вы отворачиваетесь от Него, боитесь Его любви. Вы убегаете и прячетесь, стоит Ему только возжелать наполнить ваше существование. Когда Нанак говорит о том, чтобы добиться Его любви, то он имеет в виду стоять прямо и лицом к Богу, отбросив всякий страх.

Только из-за страха вы переворачиваете свой сосуд, — из-за страха, что он будет наполнен чем-то для вас нежелательным или дурным. Из-за страха вы запираете все двери: из страха перед ворами, перед врагами. Из страха вы закрыли ваше сердце наглухо. Когда вы запираете дверь, то врагу не войти, но любящему вас не войти тоже! Ибо дверь одна, и для врага, и для любящего. Помните, что, спасаясь от врага, вы захлопываете дверь и перед любящим вас! А что такое жизнь, лишенная любви?

Вы так боитесь, что нечто войдет в вас, что закрываете отверстие сосуда, а после проливаете слезы о том, что он пуст. Вы жалуетесь, что ни один гость не постучал в дверь вашего дома, но ведь это ваш дом: никто ни разу не постучал в вашу дверь, но это ваш страх отвратил вас от Бога.

Любопытный факт: ваши религии — это лишь продолжения ваших страхов. Ваши так называемые “боги” — это умозрительные концепции, порожденные вашими же страхами, и из страха вы приняли их. Вы боитесь усомниться, и поэтому не задаете вопросов, но в душе вашей нет настоящей веры. Если вы верите из-за страха, то тогда вера — это тонкий лед под которым таится сомнение. Как тогда вы можете встретиться с тайной тайн?

Мулла Насреддин выдвинул свою кандидатуру на выборах. Он получил только три голоса: один — свой собственный, другой — своей жены, а третий — неизвестно чей. Узнав об этом, жена набросилась на него: “Так, и кто же она?!”

Сомнение, запрытанное в глубине души, рвется наружу при первой же возможности; поверхностные любовь и вера хрупки и легко рушатся. Любое пустячное происшествие — и сомнение поднимает голову: занозил палец — и усомнишься в Нем; заболела голова — и вера исчезла; вы потеряли работу, — и любовь к Богу вылетает в форточку. Скрытое сомнение прорывается, как созревший фурункул: малейший толчок, и гной начинает вытекать. Можно попробовать прикрыть его мазями и пластырем веры, но это бессмысленно. Кого тут обманывать? Вам даже себя не одурачить, потому что вам прекрасно известно. — вы верите потому, что боитесь, и душа ваша полна сомнений.

Вы можете омыться в священных водах, молиться в храме или гурудваре, но все без толку: до тех пор, пока нотка веры и доверия не зародится в вашей душе, вы не взываете к Нему по-настоящему. И опять-таки, молясь из страха, вы обречены что-то просить страх всегда клянчит. Если вы получаете то, о чем просите, то ощущаете удовлетворение; если нет, то ваши сомнения

усиливаются. А вера — это лишь форма выражения благодарности: “Ты уже дал слишком много. Твоя милость, Твое сострадание так велики...” Вера всегда преисполнена благодарностью; благодарность же изгоняет малейшие признаки сомнения. А там, где есть просьба, там недалеко и сомнения. Просьба — это скрытый тест и испытание.

В жизни Иисуса был следующий эпизод. После того, как Он выдержал жесточайший сорокадневный пост, к Нему явился сатана и сказал: “В писании ведь сказано, что, когда рождается пророк, то Бог всегда защищает его; если ты действительно Сын Божий, то спрыгни с этой горы, и Он спасет тебя!”

Иисус ответил: “Все правильно, но в писании также сказано, что испытывает Его только то, кто сомневаются. У меня нет сомнений. Я уверен, что ангелы стоят там, с тем чтобы защитить меня. Я уверен в этом полностью. Будь у меня хоть малейшие сомнения в том, что ангелы там есть, или же в том, действительно ли я Сын Божий, тогда бы Я испытал Его”.

Как только возникает сомнение, тут же встает вопрос об проверках и испытаниях, и вы выдвигаете свои требования. Вот ваши условия: “Если ты существуешь, то исполни мое желание; а если не исполнишь, то значит Тебя и нет”. Верующий не просит и не испытывает. Он всегда переполнен благодарностью и не выпрашивает благодетей. Ваши страхи исчезнут, стоит только перестать просить. Преисполняясь одной лишь благодарностью, вы почувствуете, как уменьшается желание просить, а ваше лицо поворачивается к Богу, и сосуд устанавливается прямо. И когда он встанет вертикально, капли Его благодати начнут попадать внутрь, и ваши страхи исчезнут. И тогда вы обнаружите, что Его благодать изливается непрерывно, и что вам нечего бояться. И вы широко распахнете двери, так как поймете, что вор, — это лишь один из Его обликов, и обманщик — тоже. А до тех пор, пока вы не начнете видеть Его во всем вам не видеть Его вовсе.

А если нет, то зачем мне омываться и наряжаться?

Если я не нравлюсь Ему, мои омовения и украшения будут лишь усиливать мое “эго”. Вы когда-нибудь видели паломника, вернувшегося из Мекки? Он превращается в живое воплощение высокомерия. Если бы это было подлинное паломничество, он вернулся бы из него более смиренным, преобразившимся человеком, оставившим свое эго в прошлом. Но происходит обратное — он ожидает торжественной встречи и аплодисментов; он хочет, чтобы люди прикасались к его стопам и восхваляли его поступок.

Даже когда вы совершаете поступки, вы совершаете их ради вашего “эго”. Вы поститесь, чтобы после можно было бы разговеться. В глубине души вам хочется, чтоб музыка играла и чтобы всему миру стало известно, как долго вы держите пост. И чем сильнее становится “эго”, тем дальше вы оказываетесь от Него.

Чем вас больше, тем сильнее вы отвращаетесь от Него. Поймите, это как уравнение: Чем меньше вас, тем больше вы поворачиваетесь в Его сторону. А когда вас совсем нет, то Он оказывается перед вами. И тогда пробравшийся в дом вор — это тоже Он, и все страхи исчезают, потому что Он — повсюду.

Если мне удалось добиться Его расположения

То я омылся во всех священных реках

А если нет, то зачем мне омываться и наряжаться

Во всей сотворенной вселенной ничего не достигнуть без действия...

Все, что Он создал, весь видимый мир, — ничего здесь не достигнешь, если бездействуешь. Отсюда возникает иллюзия, что, стремясь к Богу, мы тоже должны напряженно трудиться. Поймите, всего в этом мире можно добиться трудом, — всего, кроме любви, молитвенного состояния, веры и близости к Богу.

Почему? Да потому, что действия усиливают “эго”. Если вы хотите разбогатеть, вам придется потрудиться. Если хотите известности, то нельзя сидеть, сложа руки. Придется вам крутиться, с одними людьми дружить, с другими — враждовать; много забот свалится на вашу голову... Поскольку усилие, труд и работа — это единственные способы получить что-либо в нашем бренном мире, для нас совершенно естественно думать, что достичь всеобъемлющего, вечного бытия можно лишь с еще большими усилиями. Но вот тут — то мы и ошибаемся! Законы горнего мира прямо противоположны законам мира дольнего. Чтобы добиться чего-либо в этом мире, нам нужно повернуться спиной к Богу.

Поймите, что, чем больше мы игнорируем Его поддержку, тем больше энергии нам приходится тратить, так как мы вынуждены делать то, что в нормальной ситуации Он сделал бы за нас. Нам приходится подменять Его работу своей. Погрузиться в этот мир означает повернуться к Нему спиной. Его помощь уменьшается, нектар перестает течь; го есть он-то течет по-прежнему, но мы не получаем его, так как двери заперты нашим желанием быть самостоятельными, быть главными.

Вот поэтому Нанак повторяет вновь и вновь: Он — Господин, я — раб. Само побуждение быть самостоятельным возникает из-за “эго”. Чем сильнее в нас чувство “Одолжен это сделать”, тем в большей степени мы отвергаем поддержку Его силы. Это Мы подобны гребцу в лодке, который пытается грести против ветра. Нанак открывает нам секрет: зачем вообще пользоваться веслами? Плывайте туда, куда несет вас ветер.

О том же говорит Рамакришна: Зачем грести? Почему бы не плыть по течению? Поставьте паруса и расслабьтесь! Ветер сам доставит вас к берегу. Вам нужно лишь не пропустить нужный момент и нужное направление, вот и все. Не плывите против ветра. Даже если он дует в противоположную сторону, все равно, поднимайте паруса. Не тратьте силы понапрасну.

Если вы плывете против ветра или вверх по течению реки, то вам приходится бороться за каждый отрезок пути, а что в итоге? До цели вы так и не доберетесь, только устанете. Посмотрите на лицо любого обычного человека, когда пора трудов в его жизни миновала, — в нем нет ничего, кроме усталости. Люди мертвы задолго до собственной смерти, так что в конце жизни они тоскуют и жаждут лишь отдыха, — любой ценой! Зачем так себя утомлять?

Старея, человек становится уродливым. Дикие животные, напротив, в старости остаются такими же красивыми, как и в юности. То же и с деревьями: их красота не уменьшается ни на гран. С каждым годом их кроны становятся чуть больше, и каждый год все больше и больше людей могут отдыхать в их тени. Их красота растет с каждым годом, и сидеть под старым

раскидистым деревом гораздо приятнее, чем под молодым, гораздо меньше пережившим.

Бог знает, смену скольких сезонов видело старое дерево, сколько муссонных дождей, сколько весен, лет и зим; сколько людей отдыхало в его тени; сколько живых существ прошло под его ветвями и сколько облаков — над ними; сколько восходов солнца и луны оно перевидало, и сколько темных, безлунных ночей... Все это запечатлелось в нем. Сидеть рядом со старым деревом — это сидеть рядом с историей. Поток традиции протек по его стволу.

И по сей день буддисты, пытаются сохранить дерево, под которым Будда обрел просветление, — это уникальное событие, произошедшее под его ветвями по-прежнему запечатлено в нем. По — по-прежнему оно гудит от тех вибраций; лучи света, исходившие от высшего знания, достигнутого Буддой, по-прежнему хранятся в памяти этого дерева. Сидя под ним, ощущаешь мир и покой, которого до этого никогда не было. Познав бесконечный покой, оно позволяет вам приобщиться к этому опыту. К старости деревья становятся более красивыми. Львы — еще более величественными, потому что в молодости в них есть возбужденность, нетерпение и страсть, которые с возрастом утихают. А человек с годами становится уродливым, потому что он устает. Деревья не борются с жизнью; паруса их густых крон всегда подняты, и они счастливы плыть по ветру, куда бы он их ни повлек. Вы же боретесь с жизнью и, в результате, надрываетесь. Вы становитесь старым и дряхлым, потому что вся ваша жизнь — одна долгая, непрерывная схватка.

Все, чего можно достичь в сотворенном мире, дается лишь напряженным и упорным трудом, но не нужно трудиться, чтобы достичь Творца. Не нужно молиться, совершать ритуалы, делать йогу, поститься, не нужно повторять мантру. Его не постичь каким-либо деянием, — но лишь любовью! Вектор поступков и вектор любви направлены в совершенно разные стороны.

Любовь — это эмоция. Любовь — это единственное чувство в нашей жизни, которое никогда не устает, потому что это не работа, не действие. И чем больше вы любите, тем более искусны вы становитесь в любви. По мере того, как углубляется ваш опыт любви, увеличивается ваша способность любить. Любовь постоянно растет. В океане любви — всегда прилив, и никогда не бывает отливов. Любовь непрерывно поднимается все выше и выше, и никогда не спадает.

Но любовь — это божественный дар, а не плод ваших трудов. Любовь, если воспринимать ее правильно, — это место отдыха; а значит, когда вы влюблены, вы всегда полны сил. Вы спокойны, собраны и расслаблены. Это относится и к тому, что мы называем любовью в обыденной жизни. Когда вы влюблены и находитесь рядом с тем, кого любите, всякая усталость исчезает; вы чувствуете легкость и бодрость. Вы наполнены радостью; пыль напряжения не пристает к вам.

А теперь представьте, каково же ощутить божественную любовь! В день, когда Его любовь зародится в вашей душе, какое напряжение, какая усталость устоит? Бог достижим не через труд, но через Его милость. Далее Нанак говорит о даре гуру. У вас не может быть прямого контакта с Богом, ваши глаза еще не готовы. Чтобы взглянуть на солнце, нужно сначала научиться смотреть на лампу. Начав с концентрации на огоньке масляной лампы, потом можно будет перейти к медитациям на яркий огонь, а затем — на ее более сильный источник света. Только так, постепенно вы сможете научиться концентрировать взгляд на солнце, а иначе оно ослепит вас.

Сосуд следует поставить прямо. Но сначала его следует развернуть в сторону гуру. Когда вы готовы наполниться потоком, идущим от гуру, когда вы станете радостны и счастливы и все

ваши страхи покинут вас, — только тогда вы полностью раскроетесь Богу. Открытие Богу напрямую может быть опасным, потому что вы скорее всего, не сможете выдержать Его. Чтобы низвести богиню Ганга с Небес нужно быть Бхагиратхой — царем, обретшим подобную способность через покаяние. Вам не удержать богиню реки, ведь вы можете утонуть и в луже, — в том состоянии, в котором вы находитесь сейчас.

Нанак отводит такую роль гуру именно потому, что гуру подготавливает вас. По мере того, как вы становитесь все более и более способным непосредственно воспринимать поток, идущий от гуру, вы становитесь Бхагиратхой. И тогда вы тоже сможете удержать небесный Ганг.

Если Бога не достичь действием, то как же его можно достичь? Нанак отвечает:

Но у того, кто услышит хотя бы одно учение гуру,

Понимание становится словно драгоценный камень.

Очень трудно выслушать хотя бы одно учение гуру, поскольку в вашем нынешнем состоянии вы ничего не можете услышать. Требуется полностью изменить вашу жизнь. Чтобы воспринять учение гуру, нужно быть усердным и почтительным, нужно обучиться искусству быть тихим и безмятежным в его присутствии. Вы должны научиться оставлять свою голову дома, отправляясь к гуру, а иначе вы не сможете его слушать: даже когда гуру учит, ваша голова будет тасовать значения слов. Вам сказали одно, а вы слышали другое. Вы пришли с пустыми руками и с пустыми руками ушли.

Учения гуру не выучить головой, их нужно слушать сердцем. Его нужно слушать, полностью уверовав. Если гуру учит, а вы в это время размышляете, прав он или нет, то, значит, вы по-прежнему сидите в классной комнате, а не в собрании ищущих духовный путь.

Прийти к гуру означает: “Я устал и больше не могу судить, что хорошо, а что плохо”. Это означает: “Я больше не могу думать”. Это означает: “Я себя больше видеть не могу и хочу от себя избавиться”. Короче говоря, именно это означают веру.

Вы приходите к гуру только когда вы окончательно устали от самого себя. Если вы все еще считаете себя умным, то нет смысла приходить к гуру, потому что вы все еще собственный гуру. Вам все еще нужно поблуждать, перенести еще сколько-то тягот, причинить — сомнениями и нерешительностью, — еще сколько-то боли себе и другим. Нет смысла приходить, вы еще не созрели. Дополнительная боль и страдания доведут вас до спелости. Дождитесь, когда вы будете сыты по горло сами собой, и тогда отправляйтесь к гуру.

Люди часто отправляются к гуру, когда они еще не готовы, когда они все еще верят в свое собственное “я”. Поэтому, чтобы гуру им не сказал, они сидят перед ним и взвешивают его слова, решая, что хорошо, а что плохо. В то, что их устраивает, они поверят, в то, что не устраивает — нет. В этой ситуации вы следуете за своим “я”, а не за гуру.

Это нельзя считать верой, или назвать “капитуляцией эго”, потому что вы ничего не изменили. Есть только один секрет в том, как отправиться к гуру: надо оставить свое “я” дома — и в путь!

И тогда все, что скажет гуру, будет правильным; вам нечего будет решать Только тот, кто

услышал учение гуру, становится сикхом.

“Сикх” — красивое слово, оно образовано от санскритского слова “ученик”. Сикх — это тот, кто готов учиться. Сикх — это тот, кто готов услышать учение. Но не сикх тот, кто все еще наполнен собственным “эго” и не готов слушать. Намотать на голову чалму и обзавестись другими внешними сикхскими атрибутами не означает стать сикхом; чтобы стать им, нужно эмоциональное преображение.

Нанак говорит:

Но у того, кто услышит хотя бы одно поучение гуру,

Понимание становится словно драгоценный камень.

Вы слышали тысячу слов, и ничего не произошло; слышали одно-единственное, и все изменилось. Сколько бы вы ни слушали, это ничего не меняет. И сколько бы вы не читали, это ничего не изменит в вас, — и ясно, почему: вы слушаете не тем местом, каким нужно

Есть два способа слушать: разумом и сердцем. Когда слушаете разумом, всегда присутствует дихотомия: интеллект обо всем судит в категориях плохо/хорошо, правильно/неправильно, вероятно/невероятно. Интеллект никогда не выходит за рамки “эго”. Он полагает сердце безумным и никогда не доверяет ему: никогда не знаешь, когда оно заставит тебя сделать что-то, за что потом придется расплачиваться.

Вы идете по улице, видите голодного нищего и сердце говорит: “Дай ему что-нибудь”. Разум возражает: “Погоди, сначала узнай, действительно ли он бедствует. Может, это просто переодетый мошенник. И вообще, он выглядит вполне крепким и здоровым, — тогда почему он не работает?” Интеллект расскажет вам тысячу всяких вещей, но стоит в сердце зародиться хотя бы одной эмоции, интеллект тут же подавляет ее.

Если в сердце возникает любовь, то разум говорит: “Это опасный путь: любовь слепа и погубила многих. Путь любви блуждает горными долинами и лесными чащами; путь же разума подобен царскому пути, он широк и прям. Куда ты идешь? Не сворачивай с торного пути, иди вместе с толпой. Всегда лучше идти туда же, куда и все остальные, а идти в одиночку, свои путем — опасно”.

Любовь — это путь, по которому нужно идти в одиночестве, он требует приватности и уединения. Любовь говорит: “Отдай!” Интеллект возражает: “Подожди! Перед тем, как отдать, наведи справки”. Но тогда вы никогда не отдадите. Любовь говорит: “Сдайся! Сложи свою голову к чьим-либо стопам и забудь о себе”. Разум возражает: “Как можно?! Мир полон обманщиков. Бог знает, сколько доверчивых людей уже было одурачено такими вот...”

Но что такого у вас есть, что можно было бы у вас отнять? Что вы потеряете, отдавая? У вас нет ничего, кроме горя и скарденности, а вы все еще из всех сил защищаете эти “сокровища”.

Если вы живете под диктовку своего разума, то ваше сердце буде! постепенно сжиматься и, в конце концов, надорвется. Между вами и вашим сердцем возникает такая дистанция, что никакие новости от него уже не доходят до вас. Если разум становится между вами и сердцем,

то, даже, когда вы любите, вы любите разумом.

Вы не замечали, что ваша любовь рождается у вас же в голове? Даже если вы говорите, что любите всем сердцем, то эти слова — лишь намерение вашего разума. Если вы загляните в ваше сердце, то там ничего не шевельнется; там не будет ни радости, ни танца, ни песни.

Учения гуру можно услышать лишь сердцем. Что имел в виду Кабир, когда сказал: “Если сможешь отрубить себе голову и положить ее на землю, то пойдём со мной”

Бодхидхарма, буддийский мастер, пришел в Китай. Он сел лицом к стене и сказал: “Я заговорю лишь тогда, когда придет настоящий ученик. Зачем мне говорить с кем-то еще? Это также бесполезно, как говорить со стенами!”

Однажды к нему пришел человек по имени Хуэйчэн[4]. Сутки напролет он безмолвно простоял за спиной Бодхидхармы, а потом, не выдержав, сказал: “Пожалуйста, Бодхидхарма, повернись”, — но тот не шевельнулся. Тогда Хуэйчэн отрубил себе правую руку и положил ее перед Бодхидхармой, сказав: “Если этого недостаточно, то я отрублю себе голову и поднесу тебе”.

Бодхидхарма ответил: “Какой в этом будет прок? А ты действительно готов отрубить себе голову?”

“Да, — подтвердил Хуэйчэн, — я готов сделать все, что ты захочешь”.

Хуэйчэн был первым человеком, к которому Бодхидхарма обратил свое лицо; он удостоился этой чести. Когда Бодхидхарма спрашивал его о готовности отрубить себе голову, он имел в виду не ту голову, которая на плечах, он говорил об “эго”. До тех пор, пока существует “Я”, “Я решаю”, вы не можете быть учеником; вы не услышите слов гуру.

Ноу того, кто услышит хотя бы одно учение гуру,

Понимание становится словно драгоценный камень.

Его разум достигает тогда такой чистоты, такой прозрачности, что он начинает видеть суть вещей. Мысли исчезают, потому что они исходят не из сердца. По мере того, как интеллект отодвигается в сторону и напущенный им туман рассеивается, а то, что остается — это кристально-ясная чистота и свежесть. Под “омовением в Ганге” понимается именно этот процесс очищения.

Когда Нанак говорит об омовении в священных реках, то речь идет о внутреннем омовении, благодаря которому понимание становится ясным, вы больше не думаете, а мысли не отягощают вашу голову. Голова — это вообще не ваше, ее дает вам взаймы этот мир. Когда вы рожаетесь, у вас уже есть сердце, но еще нет мыслей, — одна лишь девственная чистота. Постепенно, одно за другим, вы усвоили слова, и общество принялось формировать ваш образ мышления, готовя вас к тому, что необходимо для жизни в этом мире. Общество дало вам разум, и внутри вас возникла дихотомия: сердце и разум были отъединены друг от друга.

Сердце принадлежало вам. Но, к несчастью, то, что было подлинно нашим, у вас забрали, и оно

стало чужим для вас; а то, что было создано обществом, стало вашим. Иностранное, имплантированное, стало вашим центром, и вы совершенно забыли о своем подлинном центре — сердце.

Лишь сняв голову, вы сможете услышать учение гуру. Одного учения достаточно; нет нужды выслушивать тысячу разных учений. Один урок, одна тайна, — этого более чем достаточно. Что же это за тайна?

Он — это всеобщий благодетель.

Да не забуду я о Нем никогда!

Существует два состояния, о которых надо сказать по-подробнее: смарана — это означает “вспоминание” и висмарана — забывание. Вспоминание, смарана, всегда течет внутри вас, чтобы вы не делали, — гуляли, говорили, спали, работали...

Беременная женщина выполняет свою обычную работу по дому — готовит, подметает, стелет постель, — но все время она ощущает присутствие ребенка в своем теле. Новая жизнь пустила в ней свои корни, крошечное сердце запульсировало под ее сердцем. Это ощущение, осознание жизни, которую она носит в себе и должна защитить, никогда не покидает ее; в результате, у женщины вырабатывается особая походка, по которой можно с уверенностью сказать, что она беременна.

Вспоминание не требует отдельного усилия, ведь иначе вы будете все время забывать, тысячу раз на дню вспоминание будет теряться, — на кухне, во время походов в магазин, в офисе.

И повторение мантры — это тоже вспоминание. Если вы весь день твердите: “Рам, Рам, Рам”, — это не смарана. Продолжая в том же духе, вы рискуете угодить под машину, не расслышав ее гудка. Любое вспоминание, вызываемое усилием, вспоминание, что погремушкой гремит у вас в мозгу, — это не смарана.

Состояние, которое овладевает всем вашим телом, до кончиков волос, Нанак называет “вспоминанием без вспоминания”. Это не поверхностное вспоминание за счет непрерывного повторения. Скорее, оно, это вспоминание о Нем, наполняет каждую частицу вашего существа негромкой, эхом повторяющейся мелодией. Подобное вспоминание Кабир называется сурати; отсюда — его “сурати-йога”. Сурати также означает вспоминание.

Но есть и другое состояние — висмарана, когда вы помните обо всем, кроме одной мелочи: вы полностью забываете, кто вы. А тот, кто не вспоминает о самом себе, — что он может знать о бытии?

В нашем веке Гурджиев[5] придавал огромное значение само-вспоминанию. Его метод сводился, по сути, к одному: все двадцать четыре часа в сутки помнить, что я есть. Так, постепенно, вспоминание делается все сильнее и сильнее. Происходит кристаллизация, — новый текущий элемент зарождается внутри вас.

Но в этом методе, равно как и в методе Махавиры и в йоге Патанджали есть опасность. Опасность эта заключается в том, что поскольку новый элемент находится в тесном соседстве с

“эго”, то они начинают срастаться. Гурджиев называет этот элемент “кристаллизованное я”, и есть высокая вероятность, что вы начнете отождествлять это “я” с “эго”. Вас может переполнить высокомерие, и тогда вы скажете: “Есть только Я”. Возникнет реальная угроза, что вы отвергнете Бога. И тогда вы, находясь почти у цели, не достигнете ее; как если бы, переплывая реку и почти добравшись до дальнего берега, вы повернули назад.

Та же опасность кроется и в методе Махавиры, так как он тоже предлагает усилить восприятие себя. Для Бога не остается места. Махавира учит, что когда восприятие “я есть” становится всеобъемлющим, через него Бог являет себя; тотальное “я-чество” становится Богом. Для самого Махавиры все так и было. Однако его последователи не суме (и повторить опыт учителя, и, следовательно, поток его традиции иссяк. Этот метод опасен еще и тем, что “эго” может надеть на себя личину атмана.

Этим, кстати, объясняется то, среди монахов нет на свете больших эгоистов, чем джайнские муни. Джайнский монах не может даже сложить руки в приветственном жесте — намаскаре, он вообще не складывает рук. Опять-таки джайнский метод верен, но опасен. Одинаковая опасность таится во всех подходах, за исключением подхода Нанак; так как Нанак не учит вспоминать о себе. Он говорит: “Есть один благодетель всего живого — да не забуду я о Нем никогда!” Единый пребывает во всем; Единый скрыт во множестве — Эк Омкар Сатнам. Это Он трепещет в каждом листике; это Он доносится с каждым порывом ветра; Он в облаках, в Луне, в звездах, в каждой песчинке... Это Он! Это — Он! Да не забуду я о Нем никогда! Пусть Его воспоминание во мне станет твердым кристаллом.

Трудно найти подвижника более смиренного, нежели Нанак, — ведь если Он пребывает во всех, то легко склониться в приветствии перед любым человеком. Легко припасть к стопам другого человека, так как Он есть во всяком.

В методе Нанак нет угрозы эгоизма, но таится иная опасность: в постоянном воспоминании Его во всем можно забыть о себе самом. Вы можете забыть, что вы тоже есть, и жить, словно в трансе, в глубоком духовном сне. Вы будете видеть Его всюду вокруг себя, но не в себе. Все стороны света будут полны Им. Вы будете петь Ему хвалу и рассказывать о Его славе, но слава Его так и не коснется вас.

Эта меньшая опасность, чем эгоизм, потому что такого спящего можно разбудить, а вот наполненный собственным “эго” пребывает в летаргическом сне, в коме, из которой его очень трудно вывести. Простой духовный сон йоги называли йога тандра; чтобы прервать тандру достаточно чтобы кто-нибудь хлопнул в ладоши.

Путь Нанак легче, нежели путь Махавиры, но в обоих методах кроется риск заблудиться и потерять направление. Идущие путем Махавиры теряются в отречении, идущие путем Нанак — в мирских удовольствиях.

Махавира учил полному отречению от мира, отказу от каких-либо удовольствий и абсолютному подвижничеству саньясина. В результате саньясины Махавиры жили как враги мира. Но развить в себе враждебность к кому бы то ни было, означает создать привязанность к врагу. Подвижник Махавиры, непрерывно сражаясь с миром повседневности, самим фактом борьбы непрерывно поддерживает в себе воспоминание внешнего мира объектов, а воспоминание души отодвигает на задний план. Он беспокоится о том, где ему спать, что поесть, во что одеться. Он так глубоко

вовлечен в эти обыденные вещи, что сбивается с пути.

У Нанака происходит прямо противоположное: Он является Всем. Поскольку Он присутствует во всякой вещи, то нет надобности покидать этот мир, так что последователи Нанака сбиваются с пути в пределах этого мира. Пенджабцы, сикхи, синдхи, — все последователи Нанака, — сосредотачивают свою жизнь на еде, питье и одежде; они считают этот мир и есть весь мир. Нанак к этому не стремился. Когда он говорил, что нет нужды покидать этот мир, это не означало, что одного мира будет достаточно. Мы должны искать Его в этом мире. От мира не надо отречься, но мир — еще не все.

Поскольку риск присутствует в любом методе, — если вы не осознаете его полностью, — в девяносто девяти случаях из ста вы рискуете впасть в духовный сон. Подобно ослу, которого то с места не сдвинешь, то не остановишь, ваш интеллект движется не по прямой, а кидается из крайности в крайность. Тупицу можно назвать упрямым ослом, но настоящая “ослиность” принадлежит интеллекту. Умный шарахается из крайности в крайность; мудрец выбирает середину.

Большая часть секретов пути Нанака была утеряна. Сикхи есть и в наши дни, но это не подлинные сикхи Нанака, — не те, кто слышали учения, не те, кто отложили головы в сторону, не те, кто помнит лишь об одной вещи, об одной тайне: есть лишь один благодетель всех живых существ — Да не забуду я о нем никогда!

Это знание должно постоянно присутствовать в человеке. Если каждый поступок наполняет все ваше существо воспоминанием, то тогда вы, пребывая в обыденности, можете достичь иного. Нет необходимости идти в храм, поскольку сам дом становится храмом. Повседневный труд наполняется божественным величием, самая заурядная работа превращается в уникальную. А любая вода, которой вы омоетесь, станет водою Ганга.

Любая опасность, в конечном счете, сама по себе не страшна. Не важно, что вы делаете; важно, каковы вы сами. Когда вы меняетесь, самый обычный ручеек становится Гангом; но если вы ничем не отличаетесь от себя обычного, то даже священные воды Ганга станут обычной водой. А что есть обычность, заурядность, как не жизнь без Его воспоминания? Необычность, — бесценна. Жить необычно означает жить Его воспоминанием. Примите любую утрату, но только не утрату Его воспоминания

Понимание становится словно драгоценный камень.

Он — это всеобщий благодетель.

Откуда это сравнение с драгоценным камнем? Если потребуется, вы бросите все, но не драгоценности. Если возникнет необходимость потратиться, а у вас есть пачка денег и рубин, вы расстанетесь с деньгами, но сохраните рубин, как самое ценное. Воспоминание — это драгоценный камень; позвольте всему остальному в вашей жизни отпасть, вы ведь знаете, что во- это не стоит и ломаного гроша.

Живи хоть все четыре эры и десять раз по столько же потом,

Пусть знают о тебе на всех материках, и вся вселенная последует за тобой,

Пусть будешь славен и почитаем всем человечеством,

Но, если лишен милости, то ничто не спасет тебя.

Нанак говорит о том, что ваша жизнь может продлиться все четыре юги, от Сат-Юги до Кали-Юги. Ваша жизнь может сравниться с жизнью мироздания, — или быть в десять раз дольше.

Все люди в этом мире, все живущие во Вселенной могут узнать о вас и поклониться вам, велики могут быть ваше имя и слава, но если при этом Он недоволен вами — то все бессмысленно, все теряет ценность.

С 122

В чем тут причина? Вы хотя бы раз встречали удовлетворенного жизнью человека? Разве богач, став миллионером, успокаивается? Разве, достигнув славы, были довольны Александр Македонский или Гитлер? Вокруг так называемых преуспевающих людей возникает не атмосфера благополучия и завершенности, которую можно было бы ожидать, а как раз наоборот: чем ближе вы к этим людям, тем сильнее вы ощущаете их отчаяние. Их чашка для подаяния стала больше, и они просят — больше, еще больше! Девять материков мира — мало; жизнь длиной четыре юги — мало... Нет конца их просьбам, потому что, чем больше они получают, тем больше они желают.

Желания всегда бегут впереди вас. Куда бы вы ни пошли, что бы вы ни получили, вы не ощутите удовлетворения, а ваше эго не позволит вам повернуть вспять.

Однажды, двое нищих отдыхали под деревом, и вот один из них принялся жаловаться. Если даже короли не довольны своей жизнью, то вообразите, каковы страдания нищего! “Что за жизнь! Вообще, это — жизнь?! Сегодня мы в одной деревне, завтра — в другой. Если контролеры ловят нас в поезде, то вышвыривают из него... И все читают нам нотации; мы просим хлеба, а получаем проповеди. Нам всякий раз твердят, что мы достаточно крепки, что бы работать. Сплошные оскорбления и побои! Отовсюду нас гонят, каждый полицейский грозит нам, а стоит нам заснуть — они нас будят. Ни одной ночи не поспишь спокойно!..”

Другой нищий просил: “Тогда почему ты не бросишь эту работу?”

“Что? — возмутился первый, — признаться, что у меня не получается?!”

Если нищий не может признать свою несостоятельность, то чего ожидать от миллионера? Никому еще не удавалось доказать, что ему удалось достигнуть чего-либо реального в мирских делах; в противном случае, и Махавира, и Будда, и Нанак оказались бы глупцами.

Но “эго” отказывается повернуть обратно: оно беспрерывно понукает человека идти вперед: “Может быть, цель все еще там, впереди, — кто знает? Еще два — три шага, и мы ее достигнем... “Эго” разбрасывает тенета надежды перед вами, завлекая вас все дальше и дальше, не давая вам повернуть обратно. Вы зашли уже так далеко, не признавая, что выбрали неправильный путь, — как же вы сделаете это теперь? И вот вы скрываете ваши ошибки, и продолжаете делать то, что делали, изображая уверенность том, что, в один прекрасный день, у вас все получится.

Все так называемые преуспевающие люди прячут от мира свои слезы. Их лица в частной жизни сильно отличаются от тех лиц, которые видит публика. На людях они только и делают, что улыбаются и смеются, но в одиночестве своих комнат они плачут.

Нанак учит: добившись всего, не получаешь никакого удовлетворения. Ты сможешь быть доволен жизнью, только если Он доволен тобой. Даже нагому факиру иногда удается достичь удовлетворения, а человек, владеющий всеми земными благами, остается несчастным. Это означает, что удовлетворение не имеет никакого отношения к высшему закону. — к вашему взаимоотношению с Богом. Если это взаимоотношение установлено, если вам удалось повернуться к Нему лицом и наполниться Его благодатью, то это и есть решающий фактор в достижении счастья.

Что значит — добиться Его расположения? Ведь, если Он недоволен вами, то зачем Он позволил вам родиться? Он любит вас, но, увы, — вы стоите к Нему спиной! Добиться Его расположения означает встать к Нему лицом и наполниться Его благодатью. Когда вы видите Его лик в каждом лице, ощущаете Его присутствие повсюду, то ощутите Его даже в камне; и вот, ощущая Его всеприсутствие, вы добьетесь Его расположения.

Нанак говорит: “Если мне удалось добиться Его расположения, то я омылся во всех священных реках”. Теперь это не омовение в том Ганге, что течет из Гималаев через Праяк и Каши[6], теперь небесный Ганг поистине нисходит на вас. Его Ганг с горных высот нисходит на вас, когда вы добиваетесь Его расположения.

Любой мирской успех ничего не стоит; в более глубоком смысле его можно считать проигрышем. Любое состояние окажется несостоятельным, ибо не принесет Его расположения. Но когда Его расположение становится вашей единственной целью, тогда вы становитесь саньясином в миру. Тогда, чем бы вы не занимались, Он у вас перед глазами. Вы заняты трудами, великими и малыми, но ни на секунду не забываете о нем. Он непрерывно присутствует в вас. Это — смарана, это — сурати, это — вспоминание без воспоминания, которое постепенно расчищает вам место в Его сердце. Добившись Его расположения, наполнившись Его благодатью, вы превратите свою жизнь в один нескончаемый праздник. И тогда у вас ничего не останется — и будет все:

Ты будешь как последний из червей;

И худшие из грешников будут порицать тебя.

Нанак говорит о том, что человек, отлученный от Бога, пусть даже скопивший несметное состояние, не лучше последнего червяка, и даже худшие грешники смотрят на него свысока.

Нанак говорит: “Он делает недостойных достойными,

И осыпает одаренных новыми дарами”.

Лишь Бог один может одарить таким великолепием

Один лишь Бог может одарит вас добродетелями. Утратить Бога — утратить все. Помните, Он — единственная цель, единственное “яблочко” а мишени, единственное к чему стоит

стремиться.

Если стрела вашей жизни не долетела до Него, то уже неважно, где она у пала, — вы все равно промахнулись.

Представьте себе состояние влюбленности. Возлюбленный (или возлюбленная) открывает свое сердце, и ваша жизнь наполняется волшебством любви. Вы не чувствуете под собой ног от счастья, вы не ходите, а парите, словно у вас выросли крылья. Ваше лицо озаряется каким-то непонятным очарованием, а в вашем взгляде появляется нечто не от мира сего!

Вот почему так трудно скрыть любовь. Все остальное скрыть можно, а вот любовь — нет. Если вы любите, то это будет видно по всему: по выражению вашего лица, по тому, как вы ходите, как разговариваете, по вашим глазам, — все ваше существо излучает любовь. Каждая клеточка вашего тела будет пропитана любовью, потому что любовь — это воспоминание. Если любовь и приятие обычного человека наполняют вашу жизнь подобным блаженством, то подумать только, что будет, когда само бытие возлюбит вас! Когда весь мир любит и обнимает вас; когда вас и мир связывают узы любви!..

Именно это имеет в виду Мира, когда говорит: “Кришна, когда ты взойдешь на брачное ложе? Я украсила его цветами. Когда ты придешь? Когда ты примешь меня?”

Преданный всегда жаждет общения с господом, точно также, как возлюбленная — встречи с любимым. Когда куропатка жаждет, то, в ожидании утренней росы, она поет. Достаточно одной-единственной капли, и эта капля превращается в драгоценную жемчужину.

Когда человеку очень хочется пить, даже обычная вода оборачивается жемчугом. Когда ваше устремление достигает высшей точки, одно-единственное учение становится драгоценным камнем. Одной капли достаточно; одно учение гуру может стать океаном. Что это за учение? Это такая короткая сутра. Но она короткая, если вы поймете ее, ухватите ее суть; если нет, то может понадобиться бесчисленное количество жизней, чтобы постичь ее!

Итак, Нанак делится одним маленьким тайным рецептом, который утоляет любовную жажду, в котором находится все: Он — это всеобщий благодетель. Да не забуду о нем никогда! Такая короткая сентенция, а ведь она утоляет любую жажду, разрушает все желания! Еще Нанак говорит: “Он делает недостойных достойными и наполняет вас благородными качествами”.

Повернувшись к Нему лицом, вы становитесь достойны почестей. Вы всегда были их достойны. Вы всегда были пусты и стоило вам повернуться к Нему, — вы наполнены. Его слава пробудила вас. Вина^[7] всегда была наготове у вас в душе, и стоило вам вручить ее богу, стоило Его пальцам лишь дотронуться до струн, — и родилась музыка! Та музыка, что всегда пребывала в вас подспудно, дожидаясь Его прикосновения. Но это музыка может зазвучать, только если вы вложите вину в Его руки.

Вручить свою вину, вверится, и означено шраддху, — ученичество; вверить я — означает стать сикхом. Это означает стать саньясином. Поступая так, вы словно говорите: “Да будет воля Твоя. Отныне моя жизнь — это Твое желание. Все мое достояние — это помнить о Тебе; все же остальное принадлежит Тебе”. Единственная потребность в этой жизни — это чтобы Он наполнил ваш сосуд, чтобы не остаться в этой жизни одиноким странником, чтобы Он стал

вашим другом и спутником; в противном случае, вы будете искать Его повсюду, но не найдете нигде.

Некоторые, чтобы обзавестись другом, обзаводятся деньгами, другие — мужем или женой; но все это несовершенно пути. Вас не достичь Его, если не ищите Его напрямую. А достигнув Его, вы избавляетесь от всех недостатков.

Нанак не предлагает вам избавляться от дурных качеств постепенно, по одному, так как их бесконечно много. Избегать убийства, воровства, злобы, секса, алчности, привязанности, зависти, — так, что там еще? Вместо этого Нанак учит нас повернуться лицом к Богу. Помните о Нем! Как только Его взор коснется вас, все изменится. Как только вы добьетесь Его расположения, гнев и алчность отпадут и исчезнут сами собой.

Если вы достигнете Бога, то чего еще вам алкать? Из-за чего вам гневаться? И где теперь секс? Разве останется место для сексуальных желаний после высшего слияния, брачного союза с бытием? Возлюбленный Богом больше не ищет любви. Кабир говорит “Я — невеста Рамы”. Если Рама любит вас, если вы — Его невеста, то разве останется место для сексуальных желаний?

Глубинный смысл нашей похоти — это поиск Бога. Мы ищем Его в грязи, и, не найдя, никогда не удовлетворяемся. Это все равно, как заставить лебедя, привыкшего к кристально-чистой воде озера Манасаровар, пить из сточных канав. Лебедь вас также просит напиться воды из Манасаровара. Никто, кроме Бога, не сможет утолить вашей жажды.

Ищите сколько угодно, — никто, кроме Бога, не даст вам счастья. Без Него вы так и будете странствовать по бесконечной цепи перерождений, так и не приходя в себя по-прежнему надеясь добиться своего без Его участия. Ваше “это” все время начеку, убеждая, нас не бросать то, на что вы тратите свою жизнь.

Это как если бы человек строил дом на ненадежном грунте, скажем, на песке. Когда стройка близится к завершению, приходит другой человек и говорит, что нельзя вселяться в этот дом, потому что он наверняка рухнет и тот, первый человек, может погибнуть. И тогда разум возражает: “Ты потратил так много денег, ты так трудился, преодолел столько трудностей... Неужели ты откажешься от части своей жизни? И потом, кто знает — может дом и не рухнет! Эксперт тоже может ошибаться; сейчас-то дом стоит! Откуда ты знаешь, может он так и будет стоять...”

С вашей душой происходит то же самое, точь-в-точь как с тем человеком, что заблудился и которому сказали, что нужная дорога осталось далеко позади.

При чтении мемуаров одного поэта, мне особенно понравилась следующая история. Он описывает, как заблудился в высокогорных долинах Гималаев. Он остановился у какой-то хижины. Дверь открыла женщина, и он спросил у нее: “Правильно ли я еду в Манани?”

Женщина хитро посмотрела на него и сказала: “Но ведь я не знаю, в какую сторону вы едете”.

Поэт решил, что, похоже, эта горянка не слишком умна, и задал вопрос по-другому: “Скажите, свет моей машины указывает в сторону дороги, ведущей в Манали?”

“В той стороне, — ответила женщина, — у света красный цвет”.

Если вы проехали не один десяток миль по горным дорогам, а потом кто-то говорит вам, что фары вашей машины светят совсем не в ту сторону, — это ужасный удар. Получается, что вам нужно проделать весь, уже пройденный, путь в обратную сторону. Протестуя, ваше “эго” говорит: “Не сдавайся, попробуй проехать еще немного вперед. Кто знает, — вдруг эта женщина ошибается? И потом, она дура, или сумасшедшая, или врунья... может, она хочет, чтобы ты заблудился!”

Повернуть обратно — означает нанести удар по “эго”. Вы ошеломлены: “Неужели я мог все время ошибаться?” Вот почему детей учить проще, чем пожилых. Если они уже прошли шестьдесят или семьдесят миль, то каково им признать, что они ошиблись дорогой! Ребенок никогда не упирается, потому что еще не отправился в путь. Он пойдет за вами, куда бы вы его ни повели. Пожилой человек никогда этого не сделает; наоборот, он будет настаивать, что правилен тот путь, по которому он идет, — потому что от этого зависит существование его “эго”!

Но ведь вы все — старики! Одному Богу ведомо, сколько жизней вы уже отшагали по неправильному пути, — вот в чем проблема. У вас не хватает смелости отказаться от этого пути, ведь так много усилий было потрачено, в таком количестве воплощений, — неужели все было напрасно?.. Вот почему, отправляясь к гуру, вы заготавливаете уйму всяких уловок и трюков, чтобы сохранить свое старое “Я”, чтобы не пролилась на вас Его благодать, смывая коросту знаний и опыта!

Помните: вам придется повернуть назад, потому что развилка с правильной дорогой осталась позади... далеко позади. Именно в этом смысле следует понимать слова Иисуса: “Станьте снова как дети”. Он говорит, что вам надо повернуть назад, вновь обречь к невинность ребенка. Как только вы уберете с дороги интеллект, то все благодатные качества изольются на вас. Да они все время на вас изливались!

Нанак не был ни высокообразованным, ни очень богатым. Он родился в обычной семье; первый же день в школе показал, что обычное обучение ему не впрок, и все-таки божественная благодать излилась на него.

Она изливалась на Нанака, на Кабира, — почему бы ей не изливаться и на вас? Единственным препятствием является то, что вы стоите к Нему спиной.

Она тайная формула, которая решает все:

Он — благодетель всех живых существ.

Да не забуду я о Нем никогда!

Глава 5. Искусство слушать

Слушая, обретаешь тайные силы,

Небеса и земля становятся незыблемыми,

Наш мир и нижние миры вращаются.

Слушая, избежишь прикосновения смерти.

Нанак говорит: слушая, преданные обретают счастье,

А грех и горе рушатся.

Слушая, видишь, как возникают Вишну, Брахма и Индра,

И самые грешные поют Ему хвалу.

Открываются секреты йоги и тайны тела.

Слушая, познаешь все писания и учения.

Нанак говорит: слушая, преданные обретают счастье,

А грех и горе рушатся.

Слушая, достигаешь истины и счастья,

Обретаешь добродетель омовения в шестидесяти восьми святых местах.

Слушая, снова и снова завоевываешь честь.

Слушая, неожиданно начинаешь медитировать.

Нанак говорит: слушая, преданные обретают счастье,

А грех и горе рушатся.

Слушая, достигаешь высочайших добродетелей,

Перед тобой возникают старцы, святые и цари,

И слепой находит путь.

Слушая, постигаешь непостижимое.

Нанак говорит: слушая, преданные обретают счастье,

А грех и горе рушатся.

Махавира описал четыре исходные точки, с которых вы можете достичь другого берега. Из них легко можно понять две: точку садху и точку садхви, святой-отшельник и отшельница.

Две других кажутся более сложными: шравака и шравика. Они означают соответственно мужчину и женщину, овладевших искусством слушать. Они знают, как слушать и понимать значение услышанного.

Махавира говорит, что некоторые могут долго совершать садханис — подвиг отшельничества, чтобы достичь просветления. Это необходимо для тех, кто не может услышать, потому что тем, кто умеет слушать, больше вообще не нужно ничего делать, чтобы достичь другого берега.

Эти сутры Нанак отражают славу шраваны, искусства слушать, хотя на первый взгляд, может показаться преувеличением то, что всего можно достигнуть, всего лишь слушая. Мы слушали в течение бесконечного числа воплощений, и ничего не произошло. Из нашего опыта мы знаем, что, сколько бы мы слушали, мы остаемся прежними. Наш сосуд испачкан жиром, и слова скользят по нему, не попадая внутрь.

Если наш опыт верен, то Нанак преувеличивает. Но это не правда. Наш опыт неверен, потому что мы никогда не слушали. Мы пользуемся множеством приемов и хитростей, чтобы не слушать. Давайте для начала разберемся в них.

Первая хитрость: мы слушаем только то, что хотим, а не то, что говорят. Мы очень хорошо умеем слышать то, что позволяет нам оставаться такими, каковы мы есть. Нет ничего, что может вызвать в нас перемены. Это не только наблюдения старцев. Ученые, проводившее исследование человеческого разума, говорят, что девяносто восемь процентов юго, что мы слышим, мы не принимаем. Мы слышим только два процента, соответствующих нашему пониманию, которые не могут обойти многочисленные преграды.

Но все то, что отвечает вашему пониманию, не может вас изменить. Это только может приумножить понимание. Вместо того чтобы преобразовать вас, это укрепляет фундамент вашего “эго” камнями и цементом.

Индусы слышат только то, что укрепляет их индуистский разум, мусульмане слышат только то, что укрепляет их мусульманский разум, также как и сикхи, христиане и буддисты. Если вы слушаете только для того, чтобы усилить ваши собственные предположения, укрепить ваш собственный дом, вы полностью теряете способность слышать, так как правда не связана с индуизмом, мусульманством или сикхизмом. Она также не имеет ничего общего с состоянием вашего ума.

Только, когда вы полностью отвергнете свой образ мыслей, вы сможете понять, что имеет в виду Нанак. В любом случае, сделать это очень трудно, потому что наши представления незримы. Они микроскопичны или так же прозрачны, как стеклянная стена. Их нельзя увидеть. Пока вы не наткнетесь на них, вы не уверены в их существовании. Вы думаете, что перед вами простирается открытый космос с солнцем, луной и звездами. Вы не знаете, что еще существует прозрачная стена.

Слушая говорящего, вы убеждаетесь в его правоте, только если то, что он говорит, согласуется с вашими мыслями. Про все остальное вы говорите, что это не так, потому что это противоречит вашим мыслям. Поэтому вы на самом деле не слушаете, а только выслушиваете то, с чем вы согласны и укрепляете вашу позицию. Все остальное, до чего вам нет дела, вы отвергаете и забываете. Если же все-таки вам случится услышать что-то противное вашему пониманию, вы разберете это по косточкам, объяснив все по-своему. Потому что вы уверены только в одном: все, что подходит вашим взглядам, — правильно, а то, что нет, — неправильно, ложно.

Если вы обрели истину, нет надобности дальше слушать, если же не обрели, то слушать — ваш

долг. Как вы можете продолжать искать истину, если, по-вашему, вы ее уже обрели? Напротив, вы должны встать перед истиной абсолютно пустыми, свободными, обнаженными, нагими... Если ваши писания, ваши убеждения, ваши учения стоят на пути, вы никогда не сможете слушать. В ваши уши будет проникать лишь эхо ваших собственных представлений, и вы услышите, только как ваши собственные мысли пульсируют внутри вас. И тогда слова Нанак показаться нелепым преувеличением.

Другой способ не слушать — заснуть, когда вам должны сказать что-либо значительное. Разум пользуется этой хитростью, чтобы защититься, когда что-то вот-вот затронет вас.

Я был в гостях у одного ученого пандита. Он очень хорошо знал “Шастры”, и ему не было равных в чтении “Рамаяны”. Тысячи людей приходили его послушать. Мы легли с ним спать в одной комнате, и, когда выключили свет, я услышал, как вошла его жена. Она говорила тихо, но я все равно услышал:

“Пожалуйста, скажи что-нибудь Мунне. Он никак не заснет”.

“Но как тут могут помочь мои слова?” — спросил пандит.

“Я видела, как люди засыпали, когда ты говорил на собраниях. Как маленький ребенок сможет устоять против твоих слов! Пойди и скажи ему что-нибудь”, — ответила она

Люди ходят на религиозные службы только для того, чтобы уснуть. Даже страдающие бессонницей очень хорошо спят на религиозных встречах. Что же происходит? Это — хитрость вашего разума. Сон, словно броня воина, защищает от всего для вас нежелательного. Поэтому все выглядит так, будто вы слушаете, но при этом спите. И что же вы услышите во сне?

Пока вы говорите, вы бодрствуете, пока слушаете — нет. И это происходит не только на религиозных встречах. Когда другой человек разговаривает с вами, вы больше не бдите, вы теряетесь в вашем собственном внутреннем диалоге. Пока он разговаривает с вами, вы притворяетесь, что слушаете, но на самом деле вы разговариваете с самим собой. В таком случае, кого вы предпочитаете слушать? Определенно, вас самих, потому что голос другого просто не доходит до вас. Вашего голоса вполне достаточно, чтобы заглушить все остальные голоса. А потом вы засыпаете от скуки в обществе самого себя, потому что все, о чем идет речь, вы уже слышали множество раз. Сон — это побег от постоянно повторяющихся внутренних разговоров.

Только тот, кто прервал этот внутренний разговор, способен слушать. А это — искусство шраваны. Если внутренний диалог прекращается хотя бы на минуту, вы видите, как вся полнота космоса открывается в вас. Все, что вы до сих пор не знали, становится понятным. Вы обнаруживаете границы того, что казалось безграничным. Вы познаете неведомое. Вы сами становитесь тем, кто был для вас абсолютно чужим, с кем вы даже не были знакомы! И все это происходит так неожиданно. Оказывается, что Вселенная — ваш дом!

Все гуру, все религии стремятся к одному: прервать постоянный внутренний диалог. Как бы мы ни назвали эту практику — йога, медитация, повторение мантры — ее цель в том, чтобы осушить внутренний словесный поток, освободив тем самым немного места в нашем восприятии. Если это произойдет, пусть даже не надолго, то вы поймете, о чем гонорит Нанак.

Слушая, обретаешь тайные силы,

Небеса и земля становятся незыблемыми,

Наш мир и нижние миры вращаются.

Слушая, избежишь прикосновения смерти.

Нанак говорит: слушая, преданные обретают счастье,

А грех и горе рушатся.

Трудно поверить в то, что, только лишь слушая, можно обрести сиддхи, тайные силы, или можно стать пир, святым или дэвата, небесным божеством, или даже Индрой, царем небес; что лишь слушая, познаешь движение небес и земли, существование мира и нижних миров и избегаешь прикосновения смерти.

Все это кажется сильным преувеличением, но это совсем не так, потому что, как только вы обретаеете искусство слушать, вы обретаеете умение познавать саму жизнь. И как только вы начнете постигать знание бытия, вы обнаружите, что та тишина, которую вы ощущаете в момент шраваны, является основой всего сущего. Это — основа, на которую опираются небо и земля. На вселенской оси вращаются миры. В этой тишине семя прорастает и становится деревом, восходит и заходит солнце, звезды и луна появляются и пропадают. Когда слова утонут в вашем внутреннем безмолвии, вы достигнете того места, где все творение рождается и умирает.

Однажды мусульманский факир пришел к Нанаку и сказал: “Я слышал, что ты можешь испепелить меня своей волей, и возродить меня своей волей. Я не могу в это поверить”. Это был честный человек и подлинный искатель прозрения, который, однако, еще не избавился от праздного любопытства.

Нанак сказал: “Закрой глаза, расслабься и молчи, и я сделаю то, что ты хочешь”. Факир тут же закрыл глаза и безмятежно замер. Если бы он не был серьезен в своих духовных поисках, он бы испугался, так как то, о чем он попросил, было очень опасным: превратиться в пепел и возродиться. Ведь ему сказали, что Нанак владеет созиданием и разрушением.

Было утро, день, прямо как сегодня. Нанак сидел под деревом около колодца на краю деревни. Его ученики Бала и Мардана были с ним. Они были очень возбуждены, потому что Нанак еще никому не говорил подобного. Что же произойдет? Они затаили дыхание, а деревья и камни затрепетали, потому что Нанак собирался совершить чудо.

Факир сидел спокойно и тихо. Должно быть, он был человеком великой веры. Он стал внутренне абсолютно пустым. Нанак положил руку ему на голову и произнес “Омкар”. В рассказе человек превратился в пепел. Потом Нанак снова произнес “Омкар” и человек вновь обрел свое тело.

Если вы примите рассказ за чистую монету, вы не поймете, что же произошло внутри этого человека. Когда он стал внутренне абсолютно пустым, когда прекратился внутренний диалог, и Нанак спел “Омкар”, садхана обрел состояние шраваны, и не было ничего, кроме звука Ом

внутри него. Этот звук вызвал самоуничтожение. Все в человеке пропало — весь мир и его границы — превратилось в ничто, в пепел. В нем не было ничего и никого. Дом был пуст. Затем Нанак еще раз спел Омкар, и человек пришел в себя. Он открыл глаза, упал к ногам Нанак и сказал: “Я всегда думал, что такого никогда не случится, но ты доказал, что это возможно!”

Есть люди, которые пропускают суть и верят, что человек на самом деле превратился в пепел, и Нанак вернул его к жизни. Но это — глупое толкование. На внутреннем плане, однако, действительно произошло уничтожение и возрождение. Факир умел слушать. Если вы научитесь искусству слушать, то не меня вы услышите. Я только инструмент. Гуру — это всего лишь инструмент. Тогда вы сможете слышать, как ветерок пролетает в деревьях. В тишине одиночества вы услышите Омкар, основу всей жизни. А в звучании Омкар, вы обнаружите, что все зависит от пустоты. Реки текут в пустоту, океан становится с ней одним целым. Когда вы закроете глаза, вы услышите биение вашего сердца и тихий звук течения крови, и поймете, что все это — не вы. Вы наблюдатель, свидетель. И тогда смерть не коснется вас.

Тем, кто овладел искусством шраваны, больше нечему учиться. Все сущее обретает бытие в шраване. Все сущее исходит из пустоты. И когда вы слушаете, печать пустоты ложится на вас. Потом пустота начинает вибрировать в вас, и это главное звучание сущего — это основа всего.

В шраване смерть не может коснуться вас. Если вы обрели искусство слушать, то останется ли место для смерти? Ведь слушающий обретает знание свидетеля. Сейчас вы все думаете и думаете, а потом — слушаете. Думающий умрет, потому что он принадлежит плоти. В тот день, когда вы будете слушать, не думая, вы станете свидетелем. И когда я буду говорить, ваша голова будет слушать, и внутри вас будет третий, который будет просто наблюдать за тем, как вы слушаете. Когда это произойдет, в вас начнет возникнуть новый элемент, начнет кристаллизовываться свидетель, а для свидетеля не существует смерти.

Вот почему Нанак говорит, что в шраване смерть не коснется. Именно слушая, преданный достигает постоянного счастья. Именно в шраване рушатся страдания и грех.

Как же прервать этот внутренний диалог? Как же вам замолчать? Как разогнать облака, чтобы увидеть голубое небо? В том-то и дело: когда кто-то говорит, вам уже нет нужды говорить. Вы можете молчать, но с этой привычкой сложно покончить, поэтому вы продолжаете и продолжаете говорить.

Как-то я спросил одного мальчика: “Твоя сестренка уже заговорила?” Он ответил: “Заговорила? Еще бы! Она заговорила очень давно и все никак не остановится. Теперь мы все пытаемся заставить ее помолчать”.

Когда вы пришли в этот мир, то вы молчали. Хотите ли вы продолжать говорить до того момента, когда вы его покинете? Тогда вы упустите жизнь и откажете себе в наивысшем соприкосновении, наивысшем блаженстве смерти. Вы тихо пришли в мир, готовьтесь тихо покинуть его. А остальное время — говорите, только в обыденной жизни это имеет смысл, только в общении с другим человеком.

Безумие разговаривать с самим собой, потому что именно молчание — это состояние общения с самим собой. Если вы будете молчать, то не сможете общаться с людьми, если же говорить, то вы не сможете общаться с самим собой. Разговор — это мост, соединяющий нас с другими;

тишина — мост, ведущий к нашей душе. Почему-то в какой-то момент вы ошибаетесь в выборе средств.

Если человек молчит и ни с кем не говорит, то он не устанавливает никаких отношений, и постепенно люди начинают о нем забывать. Немые люди — самые несчастные, даже больше, чем слепые. Обратите внимание, что вы больше жалеете немых, нежели слепых. Хотя слепой не видит, он все-таки создает взаимоотношения: у него может быть жена, он может разговаривать со своими детьми, он может быть членом общества, он может найти друзей. А немой замкнут в себе без всякого выхода наружу, без всякой возможности установить контакт с другими. Вы можете почувствовать всю тяжесть, всю агонию его жестикуляции. Когда вы не можете понять его, каким беспомощным и несчастным он себя чувствует! Нет никого несчастнее него человека: он не может говорить, он никому не может открыть свое сердце, он не может выразить любовь, радость или горе, не может облегчить свою душу.

Так же как немой не может установить контакт с другими, так и вы теперь не способны установить контакт с самими собой. Там, где вы должны быть немыми, безмолвными, вы продолжаете говорить. Рядом с вами никого нет, с кем же тогда вы разговариваете? Вы сами задаете вопрос, и сами же на него отвечаете. Это не что иное, как признак сумасшествия. Единственная разница между вами и “официальным” сумасшедшим заключается в том, что последний говорит с собой вслух, а вы — про себя. Если вы громко заговорите сами с собой, вы можете пополнить их число. Пока вам удастся подавить в себе умопомешательство, но оно может прорваться в любой момент, так как это — непрерывно прогрессирующее заболевание.

Почему же продолжается этот внутренний диалог? В чем причина? Да просто в силу обыкновенной привычки. В течение всей жизни вас учат говорить. Ребенок рождается, и единственная забота всех окружающих состоит в том, чтобы он заговорил как можно скорее, ибо это считается признаком ума. Чем больше времени ему требуется, тем глупее его считают.

Так как говорить — это социальное искусство, а человек является частью общества, то как же счастливы должны быть родители, когда их ребенок заговорит! Кроме того, множество жизненных потребностей удовлетворяются при помощи разговора: когда, например, вы голодны или хотите пить, то можете выразить ваше желание. Это дает чувство защищенности.

Тогда какая же польза от молчания? Оно кажется бесполезным. Оно не имеет смысла в нашей каждодневной жизни. Как вы можете пойти в магазин, если вы молчите? Как вы можете удовлетворить разные физические нужды, не общаясь? Мы настолько привыкли говорить, что говорим даже во сне, все двадцать четыре часа в сутки. Мы говорим машинально.

Мы продолжаем говорить и репетируем разговоры. Перед тем, как поговорить с кем-либо, мы внутренне репетируем диалог, а потом после разговора мы повторяем снова и снова все, что произошло: что я сказал, и что он сказал, и опять что я сказал. И постепенно мы забываем, что теряем в этом бессмысленном разговоре. Может быть, внешне вы приобретаете что-нибудь, но внутренне вы теряете контакт с самими собой. По мере того, как вы становитесь ближе к людям, вы отдаляетесь от себя. И чем больше вы входите в эту игру, тем труднее вам уйти в молчание. Привычка! А привычку можно сломить в одночасье.

Когда человек ходит, он использует ноги, а когда сидит, то ему не нужно двигать ногами. Когда вы голодны, вы едите. А если человек ест, когда он не голоден, это признак помешательства.

Точно так же, если вы пытаетесь заснуть, когда вы не хотите спать начинаются ненужные переживания. Но мы не думаем так же, когда дело доходит до разговоров. Мы никогда не скажем, что прекратим говорить, пока это не станет необходимым.

Похоже, что мы абсолютно забыли, что по своей воле можем начать и кончить говорить, что это на самом деле возможно. Иначе все религии не могли бы существовать. Вера возможна только в молчании. Вот почему Нанак так возносит шравану и восхваляет молчание. Прославление в молчании заставит вас слышать. Но вы продолжаете весело болтать, движимые внутренней инерцией. Даже если до вас что-то доходит, оказывается, что остановиться очень трудно, так как нужно время, чтобы избавиться от привычек. Часто для этого требуется развивать противоположные привычки. Таким образом, вам придется упражняться в молчании. Находиться в обществе святых значит упражняться в молчании. В присутствии гуру сказать нечего — нужно внимать. Вы слушаете и тихо сидите. К гуру не ходят поболтать.

Несколько дней назад мой друг предложил поdiscутировать.

Я сказал: “В таком случае, ты будешь говоришь, а я — слушать в молчании”.

Он сказал: “Но я хочу обменяться с тобой взглядами”.

Я ответил: “Мне нечего делать с твоими мыслями. Если ты готов остаться без мыслей, я могу тебе что-то дать. Или же, если у тебя есть, что дать, я готов принять”.

Нам вообще нечего дать, но, но тем не менее, стремимся менять мысли на мысли. Мы говорим “обмен мнениями”, а на самом деле, это значит, что ты мне дашь немного своего сумасшествия, а я — своего. А так как мы оба и так достаточно безумны, то никакого обмена и не нужно.

Мы не ходим к гуру обменяться мнениями, но молча сидим рядом с ним. Только когда мы молчим, мы можем слышать, а это требует некоторой тренировки. С чего начать? За день вам нужно помолчать около часа, когда вам удобно. Внутренний диалог будет продолжаться, но не сосредоточивайтесь на этом. Тут все дело в том, чтобы слушать внутренний разговор, как если бы вы слушали двух людей, но держались бы в стороне. Не позволяйте себе включиться. Просто слушайте, что одна часть разума говорит другой. Что бы ни прозвучало оставьте, не пытайтесь подавить это. Просто оставайтесь свидетелем.

Огромное количество мусора, собранного вами за многие годы, начнет выходить наружу. Вашему разуму никогда не позволяли выбрасывать этот мусор. Получив такую возможность, разум будет мчаться как лошадь, сорвавшаяся с привязи. Пусть его: сидите и наблюдаете. Наблюдать, просто наблюдать, — это искусство терпения. Вы захотите скакать на лошади, направлять ее, потому что такова ваша старая привычка. Вам придется упражняться в терпении, чтобы преодолеть эту привычку.

Куда бы ни направился разум, просто наблюдайте. Не стремитесь к какому-либо порядку, так как одно слово будит тысячи и тысячи других слов, ведь в мире связано. Вполне возможно, Фрейд, создавая свой психоаналитический метод на “свободной ассоциации мыслей”, не знал, что нечто похожее уже есть в йоге. Приходит одна мысль, за ней другая, и каждая мысль связана с другой в бесконечную цепочку.

Однажды я ехал в переполненном поезде. Когда вошел контролер, чтобы проверить билеты, он посмотрел под мое сидение, а там прятался старик. Контролер сказал: “Вылезай, старик! Где твой билет?”

Бедняга упал к его ногам и сказал: “У меня нет ни билета, ни денег, но я должен попасть в деревню, я еду на свадьбу дочери. Я буду благодарен, если вы позволите мне доехать”.

Контролер пожалел его и разрешил ему остаться, но когда он повернулся к следующему ряду, он увидел, что там под сидением тоже прячется человек. Этот был молод. “Ты тоже едешь на свадьбу к дочери?” — пошутил контролер.

“Нет, сэр”, — сказал юноша: “но скоро я стану зятем этому старику, и у меня тоже нет денег”.

Вот как все взаимосвязано. Кто-то кому-то приходится зятем, кто-то — свекром. Связи скрыты, и их нужно извлекать. В вас скрыты целые цепи причин и следствий. Вы будете поражены, когда узнаете как и насколько странным образом ваши мысли связаны между собой. Иногда вы можете даже испугаться и подумать, что сходите с ума.

Однако, это и самый прекрасный метод. Что бы ни случилось, дайте этому случиться. Если это удобно и возможно, проговорите ваши мысли вслух, так, чтобы вы тоже могли их слышать, потому что в уме мысли путаются, и есть опасность, что вы не будете уверены в них. Проговорите их вслух, слушайте их и будьте бдительны и уверены в том, что вы остаетесь отстраненным. Вам нужно решиться говорить все, что придет в голову, но быть при этом абсолютно бесстрастным и независимым. Если начинаете ругаться — ругайтесь! Если в голову приходит Рам, Окмар, дайте звучать и им.

Абсолютно необходимо терпеливо освобождать разум в течение шести месяцев, потому что всю свою жизнь до этого вы только и делали, что загружали его мыслями. Если вы будете заниматься прилежно и усердно, то вам хватит шести месяцев, а иначе это может занять шесть лет, — или шесть жизней! Это зависит от вас, насколько вы самоотверженно и искренне вы работаете по этому методу.

Часто может получаться так, что вы позабудете оставаться свидетелем. Снова будете скакать на лошади и отправляться в мысленное путешествие, вновь вы вступаете во внутренний разговор. Как только вы осознаете это, то слезайте с лошади и дайте словам и мыслям двигаться дальше самим по себе, не вскакивая на них. Просто наблюдайте.

Постепенно, едва заметно, вы начнете слышать шаги молчания и овладевать искусством слушать. Когда же вы научитесь слушать, вам больше не нужно будет искать гуру, потому что где бы вы ни были, гуру будет с вами. Ветерок будет шелестеть ветвями, цветы и сухие листья опадут — вы все услышите. Сидя на берегу моря, вы услышите волны. Вы услышите реку, наводнение, молнию в небе, гром в тучах. Вы услышите пение птиц, плач ребенка, лай собаки. В любом случае вы услышите.

Когда вы постигнете искусство слушать, гуру будет присутствовать повсюду. Но если шравана вам не известна, никакой учитель, сидящий перед вами, не сможет заставить вас слушать. Гуру всегда рядом — для тех, кто умеет слушать.

Нанак говорит: слушая, посвященные обретают счастье,

А грех и горе рушатся.

Если вы постигли искусство слушать, вы преисполнитесь радостью, потому что вы станете свидетелем, а свидетельство — это всегда радость. Наступает шравана, и разума больше нет, а его угасание и есть радость. Счастье заключается в том, чтобы выйти за пределы разума. Когда вы слушаете, рвется цепь мыслей, и в этом счастье, в этом величие (исключительность).

Теперь вы уже не в долине мыслей, а на высокой вершине, которой не достигают мысли, выше всей грязи и пыли, — там, где царит первозданная тишина. На этой высокой, тихой вершине ничего нет, кроме отзвука счастья, и вы обретаете высшее благословение.

Только в шраване разрушаются страдание и грех. Как может быть грешен тот, кто обладает искусством слушать? Ибо грех связан только с мыслями. Попробуйте это понять. Например, мимо вас проезжает машина, и вы думаете: “У меня должна быть такая же машина”. Теперь вы прилипли к этой мысли. Ваша голова занята только одним: как получить такую машину. Вы хотите раздобыть машину любым путем, честным или нет — не важно. Вы не спите ночами, вам нет покоя днем. Ваши мечты наполнены машиной, ваши мысли, наполненные машиной обступают вас со всех сторон.

Что же происходит на самом деле? Проезжает машина, и к вам приходит мысль, потому что все, что вы видите, отражается в вашем разуме. Но однажды вы сливаетесь с этой мыслью и не можете без нее жить.

Мимо вас проходит прекрасная женщина, и вы начинаете думать. Это естественно, потому что разум — это только зеркало: он должен отражать все, что происходит вокруг. Когда прошла женщина, в уме появляется отражение (мысль), а когда женщина ушла, то и мысль должна исчезнуть. Если бы вы остались лишь свидетелем, то никакого греха и не было бы. Но вот вы отождествились с этой мыслью, и захотели обладать этой женщиной любым путем: ухаживанием, добром, хитростью, силой...

Так одна-единственная мысль ловит вас в свои сети, овладевает вами. Если бы вы дали мыслям возникать и исчезнуть, оставаясь лишь свидетелем, вопрос о грехе не стоял бы. Все грехи возникают из-за того, что вы привязываетесь к мыслям. И тогда мысли настолько захватывают вас, что вы трепещете, как лист на ветру. Мысли не приносят вам ничего, кроме несчастья и страдания, но вы не в состоянии достаточно осознать их взаимосвязь. Счастье же возможно только в состоянии безмыслия.

Нанак говорит, что в шраване страдание и грех рушатся, потому что плод греха — это страдание. Грех — это семя, а страдание — плод.

Страдания нет, когда нет греха. А когда не остается ни греха, ни страдания, наступает состояние самадхи, абсолютного блаженства.

Нанак говорит: слушая, посвященные обретают счастье,

А грех и горе рушатся.

Тот, кто овладевает искусством слушать, избавляется от всех грехов. Этим, говорит Нанак, преданные обретают счастье, и их счастье множится из дня в день. Здесь Нанак употребляет многозначное слово вигасу, подразумевающее не только счастье, но и непрекращающийся рост. Поэтому ананда, блаженство, — это цветок, который все время в цвету. И никогда не наступит момент, когда он полностью распустится. Он просто цветет и цветет, от совершенства к еще большему совершенству, как если бы солнце взошло утром и продолжало восходить, никогда не садясь. Так же и ананда, как цветок, который не увядает, как солнце, которое не заходит.

Когда в сердце начинает выкристаллизовываться пустота и рождается молчание, то поднимаются волны ананды и, поднявшись, расходятся все шире и шире. Запомните, что ананду можно ощутить, воспринять, но ей нельзя овладеть, ибо у нее нет границ. Открывшись вам, она постоянно, безгранично возрастает.

Поэтому мы и говорим, что Бог бесконечен. Поэтому мы и говорим, что Бог — это счастье. Поскольку счастье бесконечно, вы не можете полностью обладать им. Каждый момент вы чувствуете, как оно все больше возрастает, и каждый раз полностью насыщает вас. Это загадка, которую невозможно разгадать при помощи интеллекта. Разум возражает: “Если ты однажды этого достиг, то к чему еще стремиться?”

Ананду нельзя измерить, отвесить. Вы не можете купить килограмм-другой и на том успокоиться, потому что блаженство бесконечно. Однажды вы вступаете в него, вы вытягиваетесь все больше и больше, и чудо в том, что всякий раз, ощутив его в полной мере, в следующий раз вы ощущаете его все сильнее.

Пурна — целое, совершенство, — тоже прогрессирует. Это не неодушевленный предмет. Оно ни на секунду не перестает распространяться. Кроме того, мы вызвали к жизни имя Брахмы — того, кто ширится бесконечно. Он не остается таким же, как вчера, но распространяется бесконечно.

Слушая, видишь, как возникают Вишну, Брахма и Индра,

И самые грешные поют Ему хвалу.

Открываются секреты йоги и тайны тела.

Слушая, познаешь все писания и учения.

Нанак говорит: слушая, посвященные обретают счастье,

А грех и горе рушатся.

Тот, кто услышал правду в словах гуру, познал вкус тихого присутствия подле него. Он открывает, что реальность стремится к нему через такого человека и начинает проникать в него. Знание заразительно, блаженство заразительно. Если двери ваши открыты, блаженство входит в вас, как легкий ветерок, исходящий от человека, который уже его обрел. Вы обретаете, а он ничего не теряет, так как счастье растет и ширится, восполняя то, что было отдано. Если вы замолкаете, в вас возникает пустота. Запомните, бытие заполняет вакуум. Как только вы станете пусты, бытие наполнит ваш вакуум. Приготовьтесь быть пустыми, и вы наполнитесь, но пока вы заполнены самими собой, вы останетесь пустыми. Очиститесь, и вы наполнитесь высшей

энергией. Когда вы начнете двигаться, Бог шагнет вам навстречу.

Нанак говорит, что если бы те, кто ведут греховный образ жизни, с чьего языка не сорвется доброго слова, чьи рты исторгают одну ругань, чьи мысли наполнены проклятиями, прислушались хоть один раз, то наполнились бы славой. Даже бесконечно малый отблеск шраваны, может освежить вас, может омыть все ваше существо.

Нанак не призывает грешников перестать грешить. Он всего лишь просит их слушать, и тогда грехи отпадут. Он не призывает их стать лучше, а потом слушать, потому что это невозможно.

Нанак говорит: “Слушайте и забудьте о грехах, забудьте о зле”. И как только вы услышите, — так новая сутра, новый свиток вашей жизни, — откроется новый путь Новая искра зажжет огонь, в котором сгорят все ваши грехи. Ваше прошлое превратится в пепел, как только вы замолчите.

Что такое грех? Что вы делали всю вашу предыдущую жизнь? Вы полностью отождествлялись с вашими мыслями, постоянно воплощая их в действиях, и это — грех. Отступите от ваших мыслей, и действия распадутся, “делатель” исчезнет, а все свя <i>и с прошлым порвутся. Тогда вы осознаете, что прошлое было только сном. В бесконечной цепочке воплощений вы действовали, движимые иллюзией действия. В день, когда пропад. иот иллюзии, наступает конец действию.

Люди не смогут понять Нанака, если будут придерживаться обычного убеждения, что каждый отдельный грех можно уничтожить соответствующей добродетелью. Но если бы это было так, то вам вы бы никогда не освободиться. Вы грешили в бесконечной череде жизней, и где же гарантия, что в ходе компенсации вы не будете больше грешить? Если невозможно порвать эту цепочку, освобождение также не возможно.

Ваши грехи разворачиваются в бесконечной череде жизней. Если Бог — это торговец или судья, который настаивает на искуплении каждого греха, будет ли этому конец? Допустим, что все ваши нынешние поступки безупречны, но и тогда вам потребуется бесконечность, чтобы исправить прежние. А как вы можете быть уверены в то, что вы будете совершать только хорошие поступки? Святые, отшельники следуют другому способу подсчета, потому что они говорят, что проблема не в грехе, но в основе греха, в его корнях.

Скажем, поливали дерево пятьдесят лет. Теперь вы решили, что вам придется лишиться его корни воды на пятьдесят лет и оно засохнет? Но дерево выросло, оно больше не нуждается в поливке; его корни пьют влагу непосредственно из почвы. Обрубите корни, и дерево умрет тотчас же. Но если обрывать листок за листком, то дерево не умрет и за сорок лет. Не успеете вы сорвать один лист, как на его месте появятся два новых. Нет, обрывая листья и ветки, вы только подстригаете дерево. Точно так же вы не можете уничтожить грех добродетелью. Искорените один грех, — и четыре новых дадут побеги.

Постарайтесь ухватиться за корни. Наши действия — это листва, а смысл того, что мы делаем, — в корнях. Прекратите действовать, и дерево тотчас же высохнет, потому что его главным источником является наша деятельность. А научиться искусству искоренять действие можно, наблюдая. Станьте свидетелем, и вы познаете шравану.

Нанак воспевает это неповторимое и удивительное великолепие! Он говорит: “Оставайтесь в молчании и слушайте”. В те моменты, когда вы слушаете, вы уже перестаете быть деятелем.

Слушая, вы становитесь пассивны, поскольку вы бездействуете, чтобы слушать, что само по себе действием не является.

И тут мы подходим к самому интересному. Чтобы видеть, необходимо открыть глаза. Уши же всегда остаются открытыми. Вам не нужно ничего делать, чтобы слышать. Когда вы смотрите, вы в каком-то смысле совершаете действие, но нельзя сказать, что вы действуете, когда слушаете. Кто-то говорит, а вы сидите без движения и слушаете; вы пусты и пассивны; вы в бездействии. Вот почему даже наблюдая, вы не познаете той славы, что познается слушающим, и отсюда — особое внимание к шраване.

Махавира говорит о самъяк шраване, искусстве правильно слушать, которое особо выделял Будда. Нанак считал, что слышать — это величайшая благодать. Здесь нет места для действия. Никто не может реально присутствовать в этот момент. Если вы безмолвствуете, кто еще может участвовать в этом? Моменты безмолвия сопровождаются одиночеством, в котором голос перестает звучать, так как нет никого внутри. Если появляется мысль, вы следуете за ней, а если нет мыслей, то и вас — нет. Поскольку “эго” — это определение для некоторого количества мыслей, следовательно, шравана обозначает состояние отсутствия “эго”.

Нанак говорит, что одной шраваны достаточно, чтобы познать пути йоги и секреты человеческого тела. Это очень важно. Западные врачи не в состоянии понять, откуда и каким образом на Востоке появилось знание о человеческом теле и его секретах. На западе развитие хирургии было вызвано по большей части тем, что христиане не сжигали умерших. Поэтому всегда хватало мертвых тел для вскрытия.

Индуисты, напротив, сжигают покойников, и их тела никогда не подвергаются расчленению. Как же тогда Восток получил знание человеческого тела? Ведь на Востоке не существовало никаких возможностей для этого: ни трупов, ни научного развития, ни инструментов, ни технологии. Но, несмотря на все это, Восток обладает совершенным знанием анатомии. В связи с этим ведутся многочисленные исследования и споры. Но сутра Нанака раскрывает эту тайну.

Только шравана позволит вам овладеть приемами йоги и познать секреты тела. Когда вы становитесь пустыми и сосредотачиваетесь на самом себе, вы начинаете видеть свое тело изнутри. Сейчас все, что вы можете увидеть, — это кожа. До настоящего времени вы бродили вокруг вашего дома, не пытаясь преодолеть внешние стены. Поэтому вы никак не могли узнать, что находится внутри.

Только изнутри вы начинаете видеть всю совокупность различных систем организма. Вы станете обладателем уникального опыта, когда войдете во “дворец” и увидите его внутреннее великолепие. Это происходит в тот момент, когда вы проникаетесь спокойствием и безмолвием, когда разум не ставит перед вами никаких задач. Ведь разум является дверью во внешний мир, и когда эта дверь открывается, вы выходите наружу, и все, о чем бы вы ни подумали, связано с тем, что вас окружает: богатством, женщиной, домом, машиной, славой, положением в обществе. Все, о чем вы думаете, находится вне вас.

Поэтому, как только вы прекращаете думать, вы покидаете внешний мир и концентрируете всю свою энергию внутри. Теперь вы восседаете на своем собственном троне и впервые обзреваете ваши собственные владения. И только теперь вы осознаете что ваше тело вовсе не такое уж маленькое, как могло бы показаться. Оно является моделью безграничной вселенной, всего

сущего. Вот почему Нанак говорит, что только тот, кто овладеет искусством слушать и погрузится в безмолвие, вслушивается в свой внутренний мир и будет внимать своему собственному телу, познает все секреты своего тела вместе с искусством йоги.

Все, что Патанджали пишет в “Йога-сутре”, происходит именно из знания его собственного тела, а не чьего-либо чужого. И его открытия до сих пор никто не смог опровергнуть. Следовательно, все приемы йоги родились из опыта познания собственного тела.

Я приведу несколько примеров. Если вы успокоитесь, вы увидите, что поменяется ваш дыхательный ритм. Как только прекратится поток ваших мыслей, изменятся дыхательные движения, а когда мысли возвратятся, восстановится прежний дыхательный ритм. Если вы сможете запомнить ритм вашего дыхания в состоянии покоя, то сможете легко войти в это состояние, всего лишь сменив дыхательный ритм. И это — ключ к одной из тайн человеческого тела.

Когда вы обретаете абсолютный внутренний покой, ваш позвоночник принимает положение перпендикуляра к поверхности, на которой вы сидите. Это происходит само собой, при условии, что человек здоров и не слишком стар. Поэтому, если вы хотите умиротворения, зафиксируйте свой позвоночник под углом в девяносто градусов. Так постепенно йог овладевает опытом познания того, что происходит внутри него.

По мере того, как вы будете продвигаться в вашем развитии, вы почувствуете, как по вашему хребту поднимается энергия. Это будет ощущаться, как интенсивное тепло, струящееся по позвоночнику.

Волны энергии поднимаются все выше и выше внутри вас, и вы наполняетесь радостью, которая растворяет и вымывает прочь боль и уныние. А когда энергетические волны поднимаются еще выше, все низменное и скучное отпадает от вас и остается далеко внизу, в долине, а вы оказываетесь как бы на вершине высокой горы. Теперь вы высоко, а туман повседневных тягот и пустой болтовни остался далеко внизу.

Вот почему позвоночный столб называют Меруданд, или столб Меру, а Меру — это космическая гора, ось мироздания. Считается, что поднявшийся на вершину своего “столба Меру” достигает тех же высот, что и вершина космической горы.

Правоверный индус никогда не стрижет прядь волос на макушке: это последняя вершина, седьмой портал, из которого личная энергия уходит в бесконечность. Когда ваша энергия начнет течь через седьмой портал, то вы достигнете брахмачарьи, целомудрия. Не нужно ничего делать специально, чтобы достичь брахмачарьи, когда бы ни возникло сексуальное желание, не следует его активно подавлять. Нужно лишь выпрямить позвоночник, так, чтобы вся энергия потекла бы вверх. Та же самая энергия, что питает сексуальные желания, становится энергией брахмачарьи, целомудрия. Вся разница лишь в том, течет ли она вниз, от седьмых врат к природе и земле, или вверх, через седьмые врата, навстречу с параматма, — божественным.

Человек, упражняющийся в искусстве неподвижного сидения, вскоре обнаруживает, что его собственное тело обеспечивает ему тысячи различных опытов, ощущений. Вещ, что написано в “Йога-Сутре”, можно узнать, наблюдая за собственным телом. Можно и не читать Патанджали вовсе, хотя, вообще говоря, его полезно читать по ходу практики, только чтобы удостовериться,

что вы не сбились с правильного пути. При погружении в себя вы не один раз столкнетесь с пугающими переживаниями и засомневаетесь: правильно ли то, что происходит с вами? Сравнение личного опыта с зафиксированным в писании может оказаться очень полезным. То-то и то-то происходило с другими людьми, происходит с вами, и, скорее всего, произойдет еще с кем-нибудь в будущем.

Священные писания — это свидетельства об опыте аскетов-подвижников. но подлинное знание приходит только через личный опыт, а не через чужие слова.

Нанак говорит:

Слушая, познаешь все писания и учения.

Нанак говорит: слушая, преданные обретают счастье,

А грех и горе рушатся.

Слушая, достигаешь истины и счастья,

Обретаешь добродетель омовения в шестидесяти восьми святых местах.

Слушая, снова и снова завоевываешь честь.

Слушая, неожиданно начинаешь медитировать.

Нанак говорит: слушая, преданные обретают счастье,

А грех и горе рушатся.

Чтобы достичь полного освобождения, индусу требуется омыться в шестидесяти восьми святых местах. Эти святые места отмечены на карте Индии, но в действительности они означают шестьдесят восемь точек в теле, через которые должно подняться сознание. Точки на карте — всего лишь символы; к сожалению, индусы, странствуя от одной географической точки до другой так, будто это не символы, а реальность, потеряли восприятие жизни. Есть такое присловье: “Набери воды в Ганге и сделай подношение этой водой в Рамешваре”. Это означает, что энергию следует взять в одной точке тела и переместить в другую, — это и есть святое паломничество. А что мы делаем? Мы всерьез таскаем воду из Ганга в Рамешвару!

Карта внешнего мира была символическим воплощением внутреннего мира. Психологические и энергетические структуры человека очень тонки, и, чтобы полнее и ярче выразить их, была разработана внешняя символика; но, приняв символы за реальность, мы сбились с пути.

Символы никогда не бывают истиной, они лишь намекают на нее. Они — указатели на пути, вот почему Нанак говорит: через шравану обретается истина и достигается счастье и знание, а также добродетель омовения в шестидесяти восьми святых местах. Достигнув безмолвия, вы ощутите, что вы сами, ваше тело несет некие знаки святости, точки через которые вы соприкасаетесь с истиной. И тогда вам уже не надо ломать голову над тем, что есть истина, потому что вы будете воспринимать истину напрямую. До тех пор, пока вы думаете, существуют мысли, концепции, но не истина. Истина — это опыт. И, если вам удалось обрести его, то зачем думать дальше?

“Достигаешь истины и счастья”. До тех пор, пока вы думаете, вы несчастны, потому что каждая из тысяч мыслей требует своего: сделай так, поступи эдак! Мысли порождают новые желания, а желания — приводят к неудовлетворенности и чувству несчастья. Очень вредно держать мысли за друзей: они собьют вас с пути. Если есть дурная компания, от которой стоит отказаться, так это мысли. Нет ничего страшного в том, чтобы использовать мы^{сли}, но если вы начали им повиноваться, то вы обречены на всяческие неприятности. Мышление подобно наркотику; стоит стать зависимым от него, и вы сбиваетесь с пути, и не знаете, что вам делать.

Как-то раз мулле Насреддину довелось так крепко выпить, что он боялся возвращаться домой. Ему нужно было придумать что-то в свое оправдание, но ничего не приходило в голову, и он продолжал бесцельно шататься по улицам. Было уже очень поздно, когда к Нему подошел полицейский, и грозно спросил: “Что ты здесь делаешь в такое время? Быстро отвечай, а не то я отведу тебя в участок!”. “Если бы у меня был ответ, — сказал на это мулла — я бы давно отправился домой”.

Мысли — это дурная привычка, не дающая нам ответа. Если бы вы получили ответ, вы бы давно уже оказались дома. Почему вы бесцельно бродите в темноте ночи? У вас нет ответа, объясняющего смысл и цель вашей жизни. Настоящий ответ можно найти только в состоянии без-мыслия.

Нанак говорит: счастье и истина — через шравану; и только через шравану, мы достигаем самадхи.

Если вы только слушаете, то возникает состояние медитации. Без медитации вы не можете слушать. В чем смысл медитации? Медитация существует только там, где ум бездействует, там, где прервался внутренний диалог.

Слушая, достигаешь высочайших добродетелей,

Перед тобой возникают старцы, святые и цари,

И слепой находит путь.

Слушая, постигаешь непостижимое.

Нанак говорит: слушая, преданные обретают счастье,

А грех и горе рушатся.

Только лишь слушая, слепой находит дорогу, нищий становится королем, а вы достигаете глубин безграничного! Мышление подобно ложечке, а вы пытаетесь измерить ею океан! Слушать — означает войти в океан. Дна океана можно достичь, лишь погрузившись в него, а, не измеряя его чайной ложкой.

Однажды Аристотель, греческий философ, прогуливался по морскому берегу, погрузившись в раздумья. Внезапно он наткнулся на человека, который, выкопав ямку в песке, пытался наполнить ее морской водой, черпая ее ложкой. Заинтересовавшись, Аристотель спросил: “Брат, что ты делаешь?”

Незнакомец ответил: “Если ты не слепой, то сам все видишь. Все ясно, как день: я пытаюсь перелить море в эту ямку”.

Аристотель рассмеялся и сказал: “Это ли не сумасшествие?! Можно ли вычерпать море ложкой и ложкой же наполнить яму? Зачем тратить свою жизнь на столь бессмысленное занятие?”

Рассмеявшись в ответ, человек ответил: “А я-то думал, что сумасшедший — ты, ведь разве не ты был занят тем, что наполнял бесконечность из ложки своих мыслей!” Говорят, что потом Аристотель пытался разыскать этого человека, но это ему так и не удалось.

Незнакомец был прав: как крошечны наши мысли, и насколько необъятно бытие! Как вы можете измерить эту необъятность своей ложкой? И куда вы ее поместите? Вселенная — велика, а ваша голова такая маленькая... Посмотрите на ваши руки: они такие короткие, далеко ли они дотянутся? Вы занимаетесь бессмысленным делом. Кстати, может, тому человеку и удалось бы осушить море ложкой, ведь море, океан в целом конечны. Океан, из которого зачерпнули одну ложку, стал на одну ложку меньше, но бесконечность никогда не исчерпать мыслями.

Вот почему, говорит Нанак, нищий становится царем, стоит ему только замолчать. Познаются глубины беспредельного, неведомое становится знакомым, незнакомец — возлюбленным, слепой находит путь — и все это с помощью шраваны.

Глава 6. И только созерцающий узнает

Неизреченным созерцанью быть;

И всякий, кто пытается словами

О нем поведать или написать,

Потом жалеет... Нет пера с бумагой

Таких, чтоб отразить его смогли.

И только созерцающий узнает,

как имя Безупречного звучит.

И в созерцании себя ты вспомнишь,

И сам себя осознавать начнешь,

И миг придет — ты осознаешь мир.

И больше нет раскаянья в словах,

Теперь тебе не тяжело бремя жизни,

И смерти бог уж над тобой не властен.

И только созерцающий узнает,

как имя Безупречного звучит.

Теперь очищен путь от всех препятствий,

И путник отправляется без страха,

Храня свое достоинство и честь.

И он с пути прямого не собьется,

Его водитель — истинная вера.

И только созерцающий узнает,

как имя Безупречного звучит.

И двери созерцание открыло

К свободе, и семья теперь спасется.

Теперь искатель обретает гуру,

И тот поможет реку переплыть.

И нет нужды молить о подаянье.

И только созерцающий узнает,

как имя Безупречного звучит.

Давайте посмотрим сначала, что означает манан, созерцание. И мышление, и созерцание — процессы, которые происходят в уме, но они очень разные, они даже противоположны друг другу.

Когда человек переплывает с одного берега реки на другой, он остается на поверхности воды. Он передвигается, но не погружается. Теперь представьте ныряльщика; он может и не двигаться с места, его путь лежит вглубь, в самые толщи. Мыслящий подобен пловцу, созерцающий подобен ныряльщику. В мышлении мы переходим от одной мысли к другой; в созерцании мы погружаемся в глубины единственного слова. Мы не двигаемся с места, но глубина меняется.

Мышление линейно; думаете ли вы о вашем бизнесе или о духовном освобождении, о Боге или о вашей жене, вы остаетесь на поверхности. Созерцание открывает путь внутрь; вы бросаетесь в пучины слова. И самые потаенные значения его начинают звучать.

Созерцание — единственный подлинный способ раскрытия мантры.

Поймите как следует это единственное слово, и вся сутра откроется вам. Квинтэссенция учения

Нанак — созерцание, созерцание единственного имени — Омкар. Эк Омкар Сатнам. Омкар — единственное, настоящее, имя, единственная истина. Нанак дал своим ученикам эту мантру не для того, чтобы они размышляли о ней, но для того, чтобы они погрузились в нее. Пока звучит Ом, единственное слово, сам резонанс углубляет переживание.

Есть три уровня, на первом вы произносите слово вслух: Ом... Ом... Ом... Это уровень речи. Затем вы смыкаете губы, и язык не шевелится; вы произносите это имя в уме: Ом... Ом... Ом... Этот уровень глубже, чем первый. Ваше тело совсем не участвует; участвует только ум. На третьем уровне и он не нужен. Вы не произносите Ом. Вы затихаете и слушаете, как Ом уже звучит внутри вас. Ума больше нет; когда он исчезает, начинается созерцание. Созерцание — это бездействие ума.

Звучание мантры Омкар с вами с самого вашего рождения. Вы обращал и внимание, как беспричинно счастливы младенцы? Лежат в колыбели, машут ручками и ножками, воркуют. Матери в Индии считают, что малышам вспоминается что-то из прошлых жизней, ведь в этой у них пока нет никаких причин для счастья. Их путь только начинается. Психологи недоумевают, им непонятно, отчего дети радуются; они считают, что это выражение здоровья, хорошего самочувствия.

Йоги нашли иное объяснение, ведь одного хорошего самочувствия недостаточно. Ребенок слышит, как внутри него звучит тихая мелодия Омкар. Он поглощен, зачарован ею. Он слышит ее, улыбается, курлыкает — и счастлив. Он и потом может чувствовать себя хорошо, но мелодия теряется; исчезает и эта детская радость. Ребенку становится трудно расслышать Омкар за звучанием слов.

Звучание Эк Омкар Сатнам — первое из событий. В нем — источник жизни. Потом появляются слова; их приносят обучение, впечатления, общество, культура.

Возникает речь, произнесение слов вслух, разговоры... Когда вы говорите, вы, на самом деле, дальше всего от слов. Поэтому Нанак, поясняет, как важно учиться слушать. Когда вы слушаете, слышите, вы посередине; перед вами два пути — в разговор или в молчание.

Так что есть три состояния: состояние Омкар, состояние речи и промежуточное состояние мыслей и чувств. Когда вы слушаете, вы в этом промежуточном состоянии. Если вы начнете рассказывать другим, что вы услышали, вы спуститесь на уровень речи. Если вы будете осознавать, созерцать то, что вы услышали, вы попадете в состояние созерцания — в пустоту. Расстояние почти незаметно. Каждый должен как следует понять различие между состоянием речи и состоянием Омкар в себе, и сохранять равновесие.

Созерцание начинается, когда вы погружаетесь в любое слово. Любое слово годится, но прекраснейшее из слов Омкар, ибо оно есть чистое звучание. Слова Аллах, Рама, Кришна тоже подойдут, но вовсе нет необходимости брать для этого великие имена. Английский поэт Теннисон повторял свое собственное имя и терял себя в его звучании.

Когда вы погружаетесь в глубины слова, само слово постепенно исчезает; когда оно тает, наступает созерцание. Слово всегда растворяется; все мантры уходят, потому что они — от ума. Но высшая мантра всегда звучит внутри. Первая мантра помогает вам придти к молчанию, но не к высшей мантре. Но когда вы умолкли, вы можете слышать звучание Омкар внутри себя.

Все мантры вначале учат вас плавать; а когда вы научитесь плавать они учат вас нырять. Но как долго будете вы настаивать на том, чтобы плыть по поверхности? Как долго вы будете переходить от жизни к жизни? Как долго вы собираетесь менять только ситуации, в которые вы попадаете? Когда же настанет тот миг, когда вы нырнете, где бы вы в тот момент ни находились? Вот тогда и начнется созерцание. Имея это в виду, попробуем теперь понять сутру Нанака.

Неизреченным созерцанью быть;

И всякий, кто пытается словами

О нем поведать или написать,

Потом жалеет...

Почему это так? В первую очередь, о созерцании невозможно рассказан ь, потому что в нем нет движения; созерцание — это не-движение. Путь не начинается; на самом деле, это конец пути. Аллегория движения поможет нам это понять.

Когда вы едете на поезде, вы видите, как все вокруг проносится мимо. На самом деле, движется поезд, а остальное все неподвижно. Таким же образом, из-за того, что вы привыкли к движению ума, когда он останавливается, вам кажется, что это — движение. Но когда ум останавливается окончательно, вы вдруг обнаруживаете, что замерло вообще все — потому что и не двигалось вовсе.

Тот, Кто сокрыт внутри вас, никогда не сделал ни шага. Он не путешествовал, не посещал святые места. Он не покидал Своего дома. Он пребывает там вечно.

Это ум не останавливается ни на секунду, и бежит с такой скоростью, что все вокруг, кажется, мчится. Когда ум приостанавливается, все вокруг тоже приостанавливается, и когда ум замирает, замирает все. О движении можно рассказать, но что можно рассказать о не-движении? Рассказывая о путешествии, вы описываете те места, в которых побывали, но о чем вы будете рассказывать, если вы вообще никуда не ездили? Что можно рассказать, если ничего не происходило?

Можно написать увлекательную историю о жизни беспокойного человека, но что напишешь о том, чья жизнь — только покой? Всякий, кто пытался сочинить роман или пьесу, знает, что сюжет разворачивается только вокруг плохого человека. Жизнь праведника скучна и неинтересна.

Не стоит заблуждаться, думая, что Рамайна повествует о Раме: вся история разворачивается вокруг злодея Раваны. Равана — вот кто главный герой, а Рама — второстепенный. Уберите Равану, и что останется? Никто не похитил Ситу, никакой битвы не было — все мирно и спокойно. Что можно было бы рассказать тогда о Раме? Можете вы сочинить сказание о Боге? Он там, где Он и был всегда. Он неизменен — разве можно расе казать об этом историю? Потому-то и нет ни биографии, ни автобиографии Бога. Чтобы о ком-нибудь рассказать, нужно, чтобы было путешествие.

По поводу мыслей можно много написать; но что бы вы написали о не-мысли? Чтобы вы ни сказали о не-мысли, будет ложью, и вы будете раскаиваться. Мудрецы всегда раскаиваются, что бы они ни пытались сказать, потому что они понимают, что не смогли выразить то, что хотели, но сказали то, что не нужно было говорить. То, что они пытались донести до слушателя, тот не понял, а в том, что он понял, нет никакого смысла.

Лао Цзы сказал: “Истина не может быть выражена в словах. То, что выражено в словах, не есть истина”. Чем больше вы узнаете, тем труднее станет вам выразить себя. Каждое слово становится для вас вызовом, потому что теперь у вас есть пробный камень, чтобы проверить, получилось ли у вас выразить то, что вы хотели; и все слова становятся мелким и не вмещают смысл. То великое, что случилось внутри, не помещается в словах; и слова не могут заполнить то огромное пространство, что раскрылось внутри.

И даже если вы найдете подходящие слова, сожаление будет еще больше. Ведь когда ваши слова дойдут до слушателя, их смысл станет совсем иным. Вы даете человеку бриллиант, он превращается в булыжник. Золотая монета в руках другого становится фальшивой. Вы смотрите ему в глаза и видите, что у него — фальшивая монета, и вам становится очень жаль — ведь теперь он будет таскать ее с собой всю жизнь.

Вот так и возникают секты, так приводятся в движение несметные толпы. Они несут тяжкий груз того, что им никто никогда не давал. Если бы вернулся Махавира, он бы рыдал и бил себя в грудь, увидев то, что стало с джайнизмом; Будда оплакивал бы буддистов; если бы вернулся Иисус, снова началась бы битва против сынов Израиля, потому что их слова никогда не достигали тех, кому были предназначены. Люди слышат и берут себе что-то совсем иное, а не то, что им говорится.

Если бы Нанак вернулся, никто не огорчил бы его так, как сикхи, ведь сердиться можно только на тех, с кем вы говорили; именно они исказили, переиначили ваши слова

Мы очень хитрые. Когда такой человек, как Нанак, говорит что-то, мы вкладываем в его слова те значения, какие подходят нам. Мы не меняемся по слову Нанака; мы меняем его слова по-своему. Вот такой хитрый способ вернуть все “на свои места”. Существует только два пути.

Жила однажды очень богатая женщина. Она отличалась тонким художественным вкусом, а также упрямством и придирчивостью. Очень ей нравилась одна очень дорогая пепельница; эта женщина так обустроила всю комнату, что все в ней — занавесь и, мебель, цвет стен — было подобрано так, что пепельница стала центром композиции. И вот однажды пепельница разбилась. Женщина пригласила лучших мастеров, чтобы они сделали точно такую же пепельницу, но, сколько они не старались, им не удавалось воспроизвести тот самый оттенок, к которому и было подобрано все в комнате.

И вот в один прекрасный день к женщине пришел мастер и предложил свои услуги. Он поставил условие: пусть в течение месяца никто, даже хозяйка, не заходит в эту комнату, и тогда к исходу месяца пепельница будет готова. Через месяц мастер показал хозяйке комнату.

Женщина осталась довольна.

Когда другие мастера спросили его, в чем секрет, он сказал: “Все просто. Сначала я сделал

пепельницу, похожую на прежнюю, — как смог, а потом перекрасил стены”. Воспроизвести тот самый оттенок было невозможно, так что это был единственный выход.

Когда говорит Нанак, у вас есть только два пути: либо вы, к вашему же удовлетворению, принимаете тот цвет, в который вас “красит” Нанак, либо вы “перекраиваете” Нанака. Быть рядом с таким человеком, как Нанак, все равно что стоять поблизости от костра. Либо вы загораетесь так же, как горит Нанак, превращаетесь в пепел, как Нанак, и теряете себя, как он, — так капля падает в океан; иначе, вам остается только перекрашивать слова Нанака в ваш собственный цвет. Это так просто, ведь на самом деле мы никогда не слышим то, что нам говорят, а только то, что нам хочется. Мы не стоим на стороне истины, наоборот, мы заставляем истину стать на нашу сторону и следовать за нами.

Истинный искатель отличается от ложного тем, что последует за истиной всюду, куда бы она не повела его, не раздумывая, что это ему даст, — рискуя потерять при этом все, даже самую жизнь. Он готов потерять все. Ненастоящий искатель заставлял истину следовать за ним; но тогда она перестает быть истиной, и за ним следует ложь. Как может истина следовать за вами? За вами может следовать только ложь, ибо сами вы лживы. Вы можете последовать за истиной, если пожелаете, но истина никогда не последует за вами. Она не уложится в ваши понятия; она чересчур велика для ваших голов. Поэтому Нанак и говорит, что попытка сделать это приведет лишь к раскаянию.

Есть и еще одна причина, на которую вам следует обратить внимание; я о ней уже говорил. Когда вы почти достигаете созерцания, вы оказываетесь на распутье. Перед вами — два пути. Один из них — начать рассказывать об этом другим людям. Этот путь ведет к раскаянию; поэтому, если вы чувствуете потребность рассказать другим, сначала спросите своего Учителя. Не доверяйте своему решению рассказать, пока гуру не разрешит вам.

“Эго” коварно. Стоит вам сделать шаг, как оно тут же кричит, что вы уже многого достигли. Оно получает горсть, и утверждает, что весь космос принадлежит ему! Искра промелькнет, а “эго” говорит, что взойшло солнце. Капля готова сорваться и упасть, а вы начинаете рассказывать об океане. Слова притягивают слова, и вот единственная капля исчезла, искра угасла. Вот так человек и остается мелким пандитом, не имеющим ничего, кроме сведений; кажется, что он знает так много. Он столько говорит, но у него нет никакого опыта. Если вы понаблюдаете за ним внимательно, вы увидите, что его слова полностью расходятся с делом.

Однажды Мулла Насреддин пытался успеть на поезд, который уже отходил от перрона. Он схватился за поручень и почти уже вскочил на подножку, когда проводник с платформы схватил его и сказал: “Ты что, не знаешь, что запрещается садиться в поезд на ходу?” Пришлось Мулле слезть.

И вот, когда поезд уже почти отошел, проводник вскочил на последнюю площадку. А Мулла тут же стащил его обратно, приговаривая: “А к тебе это не относится, что ли?”

Пандит находится точно в таком же состоянии. Свои утверждения он адресует всем окружающим, но не себе. Ему нравится вкус речей — ведь вкуса жизни он не знает. В этом-то и заключается опасность.

Второй путь, который открывается вам, это путь мудреца. Путь пандита вымощен словами,

произносимыми звуками; он ведет вас во внешний мир. На пути мудрого вы оставляете слово и полностью растворяетесь в не-слове. Поэтому, пока гуру не разрешит вам, не рассказывайте ничего.

У Будды был ученик по имени Пурна Касьяп, который достиг просветления, но продолжал в молчании следовать за Буддой. Так прошел год, и Будда подозвал его и спросил: “Почему ты ходишь за мной по пятам, как тень? Иди в мир и поведай людям то что ты постиг, чему ты научился”. Пурна Касьяп ответил: “Я ожидал твоих распоряжений. Что этот ум? Ему может оказаться приятно разглагольствовать перед другими людьми, и тогда я вмиг потеряю то, чего таким трудом добивался. Я знаю, “эго” дожидается любой возможности, чтобы вернуться”.

Очень трудно достичь знания, очень легко его потерять, ибо путь узок, стоит оступиться — и вы уже заблудились. Поэтому Пурна Касьяп и ожидал, пока Будда даст ему разрешение; он знал, что Будда поймет, когда Пурна Касьяп будет готов рассказывать остальным. Не начинайте учить других, пока вам не разрешит гуру, иначе вас ждет раскаяние. Обидно потерять все, когда вы уже так близко к цели! Корабль вот-вот готов бросить якорь, а берег возьми да и исчезни...
Мудрость и знание — последние искушения.

Неизреченным созерцанью быть.

И всякий, кто пытается словами

О нем поведать или написать,

Потом жалеет... Нет пера с бумагой

Таких, чтоб отразить его смогли.

Кто бы смог выразить состояние созерцания? Ведь, когда созерцание углубляется, деятель исчезает, и ум приходит к концу. Созерцание — это смерть ума.

Это ум может говорить, рассказывать. Ум — большой специалист по объяснению разных вещей, и тех, которые он знает, и тех, о которых ему ничего не известно. Постоянное повторение приводит к иллюзии, что вы что-то знаете. Если вы будете довольно долго объяснять что бы то ни было, то вы постепенно забудете, знали вы это изначально, или нет, и будете верить в то, что вы действительно это знаете. Попробуйте подумать и осознать: вы говорите только о том, что знаете, или и о тех вещах, о которых и понятия не имеете? Вы знаете, что Бог существует? Если вы не уверены, не говорите о том, что Он есть. Вы познали истину? Если нет, не говорите никому об истине. Опасность здесь не столько в том, что вы собьете других с пути истинного, введете их в заблуждение, а в том, что постоянным повторением вы собьете с пути самих себя.

Это очень коварная иллюзия. Если вы чего-то не знаете, а мысль, что вы это знаете, захватывает вас, ваш корабль никогда не доплывет до другого берега. Спящего можно разбудить; трудно разбудить того, кто притворяется спящим. Можно просветить невежественного; невозможно просветить того, кто утверждает, что уже все знает. Теперь вы вооружены этим пониманием: избегайте святых и схоластов. Идите к ним только тогда, когда у вашего знания будет достаточно сил, чтобы защитить вас. Пандит ищет общества глупцов, а от мудрого держится подальше. Если Нанак придет в город, все пандиты в ужасе разбегутся — ведь он выведет их на

чистую воду, и все люди увидят, каковы пандиты на самом деле. Он может приподнять покров, скрывающий их невежество; а покров столь тонок и слаб что рвется от малейшего прикосновения.

Но если не на чем написать, и пишущего нет, то это состояние ума не существует. Кто будет размышлять о созерцании?

И только созерцающий узнает,

как имя Безупречного звучит.

Вот так оно и есть, но только вам это будет известно. Так же, как немой не может рассказать другому человеку о том, какой вкус у сахара, так же и ваши уста сомкнет печать. Каждый раз, когда вы подумаете об этом, ком встанет у вас в горле, а сердце переполнится; у вас потекут слезы, или вы будете смеяться, но не сможете сказать ни слова. Люди подумают, что вы сошли с ума. Вы будете так переполнены внутри, что ваше состояние будет словно переливаться через край — наружу. Вы будете танцевать, петь, но говорить не сможете. Именно поэтому Нанак пел, а Мардана аккомпанировал ему. Когда кто-нибудь спрашивал Нанака, что он чувствует, в каком он состоянии, Нанак бросал взгляд на Мардану и кивал ему. И Мардана брал свой инструмент и играл, а Нанак пел. Он никогда не говорил, он только пел.

Если вы встретите подвижника, и вам удастся его услышать, вы поймете что он поет, а не говорит. Вы услышите в его словах поэзию. Даже когда он сидит, он танцует. В воздухе вокруг него какой-то дурман, но вы от этого не засыпаете, и не теряете сознания. наоборот, вы просыпаетесь. Этот дурман дарует вам не забытье, а пробуждение. Если вы готовы броситься в этот поток, он может унести вас в неведомые, удивительные края. Если вы уже готовы нырнуть в этот океан, это состояние может взять вас в потрясающее, долгое путешествие — к высшему пределу.

Напев мудреца — это, скорее, мелодия, нежели слова. Ведь то, чего он достиг, не может быть выражено в словах. Может быть, напев сумеет передать это. Какой-то отзвук — и вот, поток уже подхватил вас и унес.

Гурджиев говорил, что существуют два вида искусства. В обычном искусстве художник, певец или скульптор выражает свои собственные чувства.

Даже такой великий художник, как Пикассо, всего лишь улавливает свое собственное состояние сознания в своей работе. Гурджиев называл это субъективным искусством. Произведения объективного искусства — это Тадж-Махал, или пещеры Аджанта Элпори[8]; в них мастер не выражает свои собственные чувства, но создает некое состояние — условие для каких-то изменений в зрителе.

Вот статуя Будды. Если это действительно произведение объективного искусства, — а она может быть им, только если скульптор познал, что есть состояние Будды, — тогда вы почувствуете, что эта статуя каким-то загадочным путем делает вас причастным к состоянию Будды. Вы смотрите на нее, и обнаруживаете, что глубоко погрузились в себя; идол стал созерцанием.

Идолы помещены в храмах не просто так. Все они — часть этого объективного искусства. Музыка тоже создается не случайным образом. Те, кто погрузились в самадхи, в первую очередь искали способ выразить это состояние в музыке. Они слышали звучание Ом внутри и пытались передать его отзвук в слышимом звуке, так, чтобы и остальные стали причастны этому. Маленькие дети приходят в храм, чтобы принять участие в подношениях божеству. По какой бы причине вы ни приходили в храм, в этом есть смысл, ценность. Слышимые звуки — колокольный звон, священные песнопения, — могут стать божественным даром, если они пробуждают воспоминание внутренней музыки.

То глубокое наслаждение, которое мы получаем от музыки — отзвук самадхи. Танец — тоже объективное искусство, поэтому есть традиция танцевать перед божеством. Когда вы смотрите на такой танец, ваша лодка может совершенно неожиданно сняться с якоря и уплыть в далекие края!

Помните: все, что ни говорил Нанак, он пел. Когда он пытался что-то передать, сообщить, он делал это с помощью музыки, а не слов, потому что реальное — это музыка, это нада, звук. Неважно, что говорит Нанак, какие слова он произносит, ведь его цель — вызвать в вас резонанс, ответное звучание. Если вы действительно срезонируете, откликнетесь, ваши мыслительные процессы оборвутся, и вы окажетесь на совершенно другом уровне. Если в вас достаточно мужества, чтобы поплыть туда, если вы не цепляетесь, как безумный, за свой берег, тогда возникнет третье состояние — созерцание.

... Нет пера с бумагой

Таких, чтоб отразить его смогли.

И только созерцающий узнает,

как имя Безупречного звучит.

Это как если бы немой попробовал сахар. Только ему известно, какой у сахара вкус, и он не забудет его. А вкус созерцания не забывается никогда, не только в этой жизни, но и в последующих, в бесконечной череде жизней.

Когда вы почувствуете этот вкус, вы поймете, что он шире, чем вы. Не вы вмещаете этот вкус, а он вмещает вас, вы теряетесь в нем. Вы — капля, которая растворяется в океане.

Действительно, как вы можете попробовать на вкус Бога? Это, скорее, Бог пробует вас на вкус, проверяет, готовы вы или нет. Вы растворяетесь в этом вкусе, и возникает гармония, созвучие, унисон с божественным. Таково имя Ниранджан — безупречный.

И в созерцании себя ты вспомнишь...

Чем больше вы вовлекаетесь в разговор, тем меньше становится воспоминание, может быть, вы это уже осознали сами. Когда вы вспоминаете себя, большая часть ваших трудностей сама собой исчезает. Они появляются снова, когда вы начинаете говорить. Что происходит? Когда вы говорите, воспоминания практически нет, а самоосознавания нет совсем, потому что, когда вы говорите, ваше внимание обращено не на вас, а на собеседника. Сознание подобно стреле. Когда

вы говорите, вы целитесь в другого человека; вы осознаете его, а от себя вы внимание отвращаете. В этом состоянии неосознавания себя вы говорите такое, о чем потом всю жизнь жалеете.

Например, вот так неосознанно вы говорите женщине, что любите ее, хотя раньше это вам и в голову не приходило. В какой-то момент слова вылетают, и вот вы уже вовлечены в ситуацию, одно невнимательное действие порождает тысячу других; вы пытаетесь оторвать один листочек, а на его месте вырастают четыре. И вот вам уже необходимо отправляться в путешествие, о котором вы и не помышляли.

Может быть, вы раньше не задумывались об этом, и это поразит вас, но, практически, корень большинства ваших проблем — в словах. Стоит произнести слово, и “эго” в своей гордыне настаивает на том, чтобы вы сдержали его. Вы влюблены, и вы говорите вашей любимой: “Я буду любить тебя вечно”. Но вы же не знаете, что вам может принести следующий момент. Как вы можете говорить о будущем, когда вы не знаете, что случится завтра утром, не говоря уже об отдаленном будущем, о последующих жизнях... Если бы вы хоть немного осознавали себя, вы бы сказали: “Сейчас, вот в этот момент, я тебя очень люблю, а про завтра я ничего не могу сказать”. Но “эго” это не обрадует!

Однажды жена Муллы Насреддина сказала ему: “Ты меня теперь не любишь так, как любил раньше! Это потому что я стала старая, и тело у меня больное и неуклюжее. Разве ты забыл, как клялся, что будешь со мной в горе и в радости?”

А Мулла ответил: “А мы разве не вместе, в горе и в радости? А про старость там ничего не было!”

Когда сегодня вы клянетесь в вечной любви, вы понимаете, что за этим последует? Вам придется всю жизнь выполнять это обещание, а это ой как непросто! Если вы не сможете сдержать слово, вы будете сожалеть и раскаиваться; если сможете — станете совершенно несчастным человеком. Ведь когда любовь уйдет, то что вы будете делать? Притащите ее обратно силой? Не выйдет, и вам придется сплести целую сеть из нечестности и обмана.

Когда вы говорите, то очень трудно осознавать себя, потому что на уровне речи ваше внимание обращено на другого человека. Говорить правильно может только Будда — подвижник, который в своей садхане создал стрелу с двумя наконечниками, — сознание, направленное на другого так же, как и на себя. Такое сознание называется сурати — вспоминание или самовспоминание. Ум может смотреть в обе стороны одновременно, и возможно не терять осознания в процессе разговора. Свидетель стоит на страже все время, пока вы говорите, и поэтому ни одно слово не может причинить вам вреда.

Есть такая суфийская история: Один гуру призвал четверых своих учеников, чтобы они практиковались в садхане молчания. Четверо сидели в мечети, наступил вечер, стало темнеть. И никто еще не зажег лампу. Мимо прошел служитель, и один из учеников окликнул его:

— Брат, зажги свет, ночь на дворе.

Второй ученик упрекнул его:

— Учитель велел нам молчать, а ты разговариваешь!

— Ты тоже разговариваешь! — не сдержался третий.

А четвертый, до тех пор сидевший тихо, произнес:

— Только я выполняю указания гуру: до сих пор ничего еще не сказал.

Вы можете смеяться, но эта история о вас. Если вы на минуточку замолчите, вы сразу почувствуете, насколько вам хочется говорить, как включается внутренний диалог. Вы теряете созерцание по любому поводу.

В чем же смысл этой истории? Пока никого рядом не было, ученики помнили о том, что нужно хранить молчание. Но вот появился слугитель — некий “другой”, который привлек их внимание, и созерцание было утрачено.

И в созерцании себя ты вспомнишь...

Вспоминание — прекрасное слово. Оно означает то же самое, что “правильное сознание” у Будды. Что бы вы ни делали, делайте это осознанно. Говорите осознанно, ходите осознанно, моргайте осознанно. Нельзя ничего делать бессознательно, бесчувственно, невосприимчиво, потому что все, что вы делаете таким образом, неотвратимо приведет к греху. Все, что вы делаете без осознания, уводит вас от вас самих. Единственный способ приблизиться к себе — это становиться все более осознающим себя. Каковы бы ни были обстоятельства, какова бы ни была ситуация, держите крепко и никогда не отпускайте ваше осознание. Даже если вам придется потерять все остальное. Даже если ваш дом горит, двигайтесь с полным осознанием.

Ишвар Чандра Видьясагар, философ и социальный реформатор, описал в своих мемуарах следующий случай:

Однажды он был приглашен на аудиенцию к вице-королю. Видьясагар был бедняк, одежда у него была старая, изношенная, одевался он на бенгальский манер, в курту и дхоти[9]. Друзья посоветовали ему ради такого случая одеться по-новому, сначала он отказывался, а потом передумал и позволил им заказать ему новую одежду.

За день до аудиенции Видьясагар возвращался с вечерней прогулки, и заметил, что впереди идет хорошо одетый мусульманин, в халате, идет не спеша, опирается на тросточку, и наслаждается вечером. Тут к нему подбегает человек, по всей видимости, его слуга, и кричит: “Скорее, господин мой, в вашем доме пожар!” Но мусульманин не ускорил шага. Он шел так, будто вообще ничего не случилось. Слуга подумал, что, может быть, тот не расслышал, и повторил погромче: “Господин, ваш дом горит! Неужели вы не слышали?”

Этот несчастный слуга, которому нечего было терять, дрожал и потел от страха, а его хозяин шел себе как ни в чем не бывало. “Да, я услышал,” — ответил он слуге, — “неужели я должен менять привычный мне темп ходьбы, привычную мне скорость только из-за того, что мой дом горит?”

Ишвар Чандра был поражен. Вот человек, его дом сейчас горит, а он не желает изменить

привычную ему скорость ходьбы?! А сам он, философ, готов отказаться от привычной ему одежды из-за визита к какому-то вице-королю! Ишвар Чандра захотел узнать побольше об этом уникальном человеке. Он пошел за мусульманином — тот шел все так же, не спеша, опирался на тросточку, дошел до горящего дома, совершенно спокойно распорядился, чтоб огонь затушили, а сам стоял в стороне и наблюдал совершенно бесстрастно.

Ишвар Чандра писал: “И я преклонил голову в почтении перед этим человеком. Никогда не встречал я никого, кто был бы ему подобен”.

Что же охранял так ревностно этот мусульманин? Он охранял свое сурати, свое самоосознание, какова бы ни была цена этого. Что бы ни случилось, пускай случается. Все, что необходимо было сделать, было сделано, он проследил за этим, и этого достаточно. Нет такой цены, за которую можно было бы продать созерцание. В жизни нет таких сокровищ, ради которых стоило бы отказаться от самоосознания.

А вы отказываетесь от него по малейшему поводу. Вы потеряли одну рупию — и сходите с ума, ищете. Вы ищете ее даже там, где просто не могли ее потерять, там, где ее быть не может.

Человек потерял какую-нибудь вещь и, глядите, он ищет ее в малюсенькой коробочке, куда его потеря просто не могла бы поместиться. Вы постоянно готовы потерять осознание. На самом деле, у вас его и нет, вы бессознательны! Нанак говорит:

И в созерцании себя ты вспомнишь,

и сам осознавать себя начнешь...

Когда Омкар укореняется в вас, то сначала вы перестаете произносить мантру вслух. Стрела поворачивается внутрь, потому что теперь не к кому обращаться. Другими словами, внешних отношений, которые создает речь, теперь нет. Говорить — значит, строить мост, чтобы дойти к людям; создавать отношения. Когда мы молчим, мы разрываем эти отношения.

Замолчать — значит, пойти в другую сторону, внутрь. Как только это произойдет, у вас возникнет первый отблеск осознанности, и вы осознаете — впервые в жизни! — что вы существуете. До этих пор вы видели все, кроме себя. Вы были во тьме, — пламя освещает все, кроме самого светильника. А теперь вы проснулись. Когда внутри нарастает интенсивность Омкар, созерцание направляется на слово, тем самым, пропорционально нарастает осознание.

Можно представить это следующим образом: это как чашечные весы — если одна чашка опускается, другая поднимается. Чем глубже вы уходите внутрь, тем больше осознание. На третьем уровне, когда само слово исчезает, и остается только чистый звук, осознание внезапно становится полным. И вы рождаетесь вновь. Вы просыпаетесь, как от тысячелетнего сна. Тьма исчезает, и остается свет, только свет. Как будто вы крепко спали, и бесчисленные жизни проносились мимо, подобно снам. И вот вы проснулись. Утро! Вы видите рассвет, как будто впервые в жизни.

И в созерцании себя ты вспомнишь,

и сам себя осознавать начнешь,

и миг придет — ты осознаешь мир.

Теперь тебе не тяжело бремя жизни,

и смерти бог уж над тобой не властен.

И только созерцающий узнает,

как имя Безупречного звучит.

В день, когда вы проснетесь, вы впервые осознаете бесконечные пространства, бессчетные миры, это бытие, эту лилу — божественную игру. Пока вы связаны своими желаниями, затеряны в лабиринте вашего собственного ума, вы слепы, вы ничего не видите. Ум — другое название слепоты. Быть в созерцании — значит, прозреть, восстановить зрение.

Нанак говорит: в созерцании и только в созерцании вы осознаете нее миры. Все небесные тела, вся вселенная становится видимой вам. Мир проявляет себя в своей полной и совершенной красоте, в совершенной славе. Вы видите инициалы Бога на всех вещах, великих и малых. Вы находите Его Имя на каждом листочке, звучание Его — в каждом волоске на вашем теле, вы слышите Его мелодию в шуме ветров. Все бытие разворачивает вам славу Бога.

Вот вы спрашиваете: в чем смысл жизни? Что за всем этим стоит, в чем суть всего этого? Для чего мы рождаемся? Зачем мы живем? Великий французский философ-экзистенциалист Габриэль Марсель написал, что единственная проблема в жизни — это самоубийство. Зачем жить? Почему бы не покончить с собой? Состояние предельной бесчувственности, невосприимчивости, бессознательности, — это и есть самоубийство, когда мы отбрасываем бесценные дары жизни, потому что не находим в них ничего.

Совершенно противоположное происходит, когда вы пробуждаетесь к осознанности. Тогда миры за мирами открываются вашим глазам в неизбывной славе. Каждый крохотный уголок переполнен загадками и чудесами. Тогда вы понимаете, для чего нужна жизнь, — это блаженство, которое мы называем самадхи.

В вашем теперешнем состоянии вы не можете этого знать. Сколько бы вы ни спрашивали, сколько бы вам ни рассказывали, что цель вашей жизни — достичь Бога, это ведь не решает ваших проблем. Неважно, сколько вам трубили в самые уши о том, что самадхи и есть цель вашей жизни — ничто не попадает в цель по-настоящему, пока самоосознание не пробудилось в вас. Вам говорят, что цель вашей жизни — самадхи, а вы пропускаете это мимо ушей, как будто тот, кто говорит с вами — сумасшедший. Вы доверяете только своему собственному пониманию, но куда оно вас уже привело? На край самоубийства? Жизнь ниспосылается нам даром, а вы отбрасываете этот бесценный дар, потому что не находите в ней смысла. Но пока вы не проснетесь, чудо жизни, ее мистерия не откроются вам. Вы проснетесь и увидите — вот распускается цветок, и каждый его лепесток воспевает радость — это завораживающая благодать, завораживающее счастье и красота, чистое блаженство.

Нанак — простой человек. Он говорит: в созерцании вы перестаете нести бремя жизни. Он говорит на простом, деревенском языке, но то, что он говорит, очень важно и потому попадает в самую точку. Когда вы в созерцании, нет необходимости извергать слова только для того, чтобы

потом подавиться ими — проглотить оскорбление, встретить насилие к, может быть, пощечину за то, что вы сказали в вашей скучной речи, в вашей скучной жизни Вы говорите сквозь сон, сквозь ваше “эго” и не осознаете, что вы говорите, что вы делаете, куда вы идете, — и вполне понятно, что потом вы получаете пощечину.

Сегодня ночью вы говорили, что влюблены, — еще не пропел петух, а ваша любовь уже куда-то улетучилась... Вот вам кажется, что сию минуту вы готовы убить кого-нибудь, — а потом вы хватаетесь за голову, вы разбиваетесь в лепешку, чтобы только порадовать этого человека. Сейчас вы говорите одно, а в следующую секунду — совершенно противоположное; как можно вам доверять?! Вы меняетесь, как погода. В вас нет ничего постоянного, кристаллизованного, и поэтому вас можно бить по лицу каждую секунду.

Нанак говорит: только созерцание защитит вас от оплеухи, и не надо идти одной дорогой с богом смерти. Все умирают, но вовсе не каждый должен следовать за Ямой, богом смерти. Поймите, это символ. Все умирают, но если человек умирает осознанно, он не должен следовать за Ямой. Пока вы живете без самовспоминания, вы — пленник Ямы. Слово “Яма” означает “страх”. Человек, который живет, не осознавая себя, и умирает, не осознавая себя. Он дрожит и все время ждет кого-то, кто спасет его от смерти. Он цепляется за каждый вдох, до самой последней секунды, и жаждет, что бы кто-нибудь — каким угодно образом — спас его от жадных челюстей смерти. Это темное лицо страха символизирует бог Яма, восседающий на черном буйволе.

Но человек, который умирает в полном сознании и в полном самоосознавании, не поддается страху. Он бесстрашно встречает смерть и понимает, что смерть — это вершина, кульминация жизни, а вовсе не ее конец. Не надо бояться смерти, смерть — это дверь в жилище Бога, это приглашение в Его дом, это — слияние с Богом. И не надо плакать и сожалеть. Умиравший видит беспредельную, непорочную красоту смерти; исполненный радости и торжества, он идет на встречу с Возлюбленным.

Последние слова Нанака бесценны. Когда он собирался оставить тело, он сказал: “Цветы цветут, весна пришла. Деревья пронизаны пением птиц”.

О каком царстве, о каких краях он говорит? Кто-то думает, что Нанак вспоминает детство, деревню, в которой он вырос, и представляет, как там весной распускаются цветы и поют птицы. Просто совпадение, что и в ту пору была весна, и цветы, и птицы на деревьях, и в воздухе была разлита радость. Но не это Нанак имел в виду. Нанак видел что-то еще. Но он обращался к смертным, и ему надо было использовать известные им слова. В последние мгновения он входил в высшую красоту, ни с чем не сравнимое очарование, где цветы никогда не вянут, и птицы поют вечно, и их пение не наскучит.

Человек не станет просветленным, пока не поймет, что смерть — это не растворение, а предельное цветение, высшее существование, пока не поймет, что смерть не в силах лишить нас чего бы то ни было; одна дверь закрывается, открывается другая. Праведник, подвижник входит в эту дверь танцуя и с песней на устах; незнающий человек издает крики и вопли. Если человек следует за посланниками смерти, он сам отвечает за это, потому что Ямы нет, и тем более, нет его посланников. Ваш страх — это ваш собственный бог Яма. Вы становитесь бесстрашными — и Единый Господь простирает к вам Свои руки.

Ваше теперешнее восприятие смерти зависит от того, кто вы, чем вы являетесь. Смерть — это окончательная проверка того, как вы жили. Если в момент смерти человек радостен и спокоен, исполнен благодарности и блаженства, — знайте, что его жизнь была несравнима ни с чем, потому что его смерть — это его последнее подношение Богу. Но если человек кричит, плачет, — будьте уверены, его жизнь была его собственным адом.

Нанак говорит:

...И смерти бог уж над тобой не властен.

И только созерцающий узнает,
как имя Безупречного звучит.

Теперь очищен путь от всех препятствий,

И путник отправляется без страха,

Храня свое достоинство и честь.

И он с пути прямого не собьется,

Его водитель — истинная вера.

И только созерцающий узнает,

как имя Безупречного звучит.

Все препятствия на вашем пути — внутри вас, снаружи ничего нет. Препятствия существуют потому, что вы не воспринимаете мир, и потому не можете просто убрать их. Единственный путь — пробудиться внутри себя, тогда все препятствия исчезнут.

Вот представьте: ваш дом погружен в темноту, вы заходите в него, и вам кажется, будто в каждом углу притаилась опасность. Может быть, там привидения, или гоблины, или грабители... Может быть, убийца прячется в углу...

Все кажется таким угрожающим; в доме — тысячи опасностей, там, может быть, даже змеи и скорпионы... Как справиться с ними со всеми? Ничего не получится, если вы будете сражаться с ними поодиночке, вызывать их на бой одного за другим. Неизвестно, сколько их там, может быть, легион. Единственный способ — зажечь свет. Единственная лампа освещает все пространство внутри, и страхи исчезают; как только дом освещен, вы сразу можете видеть, где опасность на самом деле. И тогда вы можете найти способ отразить ее.

В действительности, как говорит Будда, дом, где темно, притягивает взломщика. Вор не заходит в дом, который хорошо освещен. Если светильник зажжен внутри, если осознание стоит на страже, никакое затруднение, никакое препятствие не посмеет встретиться вам.

Однажды рано утром Мулла Насреддин прибежал ко мне. В руке у него была какая-то бумага, и он выглядел очень расстроенным. Он протянул мне эту бумагу и плюхнулся на стул.

Неизвестный предупредил, что застрелит муллу, если тот в течение трех дней не перестанет волочиться за его женой.

— Что же мне делать? — спросил Мулла.

— Ясное дело, оставь в покое его жену, — ответил я.

— Какую именно? Если б это была единственная женщина, за которой я волочусь, тогда бы я знал...

Если бы на вашем пути было единственное затруднение, не составило бы труда от него избавиться, но их же очень много. Вы волочитесь за бесконечным количеством женщин, ваши желания неистощимы. Уничтожьте одно желание — десять новых займут его место. Если вы будете сражаться с каждым из них, пытаясь одолеть их одно за другим, вы никогда не преуспеете. Нужен способ покончить с ними раз и навсегда. И тот, кто покажет вам этот способ, — а способ на санскрите будет гур, тот и есть ваш гуру.

Нанак говорит: созерцание устраняет все препятствия на пути. Продолжайте повторять мантру Омкар, и придите в то состояние, когда она даже не произносится вслух. И вы почувствуете, что ваши глаза открыты. Нет препятствий, вы сами насоздавали их себе. Нет внешнего врага, не с кем сражаться. Вы — свой собственный враг; ваша нечувствительность, невосприимчивость, невнимательность — вот ваш враг; именно поэтому вы и путаетесь постоянно в каких-то препятствиях. Какими бы осторожными вы ни были, вы на каждом шагу добавляете себе сложностей.

Есть, например, люди, которые стремятся управлять собственной жизнью путем жесткого контроля и самоограничения. Им приходится делать каждый шаг очень-очень аккуратно, только чтобы не сбиться с пути. Но самоограничение не есть конечная цель. Цель — самоосознание. Приглашение в путь всегда внутри. Сколько бы вы ни ставили себе ограничений, ваши страсти найдут возможность разрушить все эти ограничения. Человек, который практикует самоотречение и контролирует каждое свое действие, всегда в страхе, потому что внутри него страсти продолжают кипеть.

Теперь очищен путь от всех препятствий,

И путник отправляется без страха,

Храня свое достоинство и честь.

Это особый род чести, он не зависит от мнения окружающих людей. Это то уважение, которое происходит от ощущения внутреннего достоинства. Тот умирает величественно, кто чувствует, что смерть — это единение с Богом. Он умирает с радостью и торжеством в сердце, он благодарен существованию, которое жизнь даровала ему. Это атмосфера благодарения за все отражается на его лице, в каждой клеточке его тела. Совершенно не важно, где он умер, сколько человек шло за его гробом; это не имеет отношения к его истинному достоинству, к его славе, благородству, — это его внутренние качества...

Вы умрете с достоинством, только если перестанете бояться смерти. О каком достоинстве

можно говорить, когда вы вопите, рыдаете, проклигаете и умоляете? Если вы умерли так, то какая разница, каким было ваше погребение, насколько пышными были церемонии? Они не смогут устранить ваше отчаяние. Можно сыпать цветы сплошным дождем, но ваш разлагающийся труп не перестанет от этого смердеть. Салют из пушек на похоронах не принесет вам радости и облегчения. В такой смерти не будет никакой чести.

Когда Нанак говорит, что созерцание дает человеку возможность отойти с честью, он говорит об этой внутренней чести, внутреннем почтении, о чувстве благодарности.

И он с пути прямого не собьется,

Его водитель — истинная вера.

Неважно, сколько скрижалей вы прочли, вы не можете таким образом достичь истинной веры. Ни один храм, мечеть, синагога не может дать вам веру. Когда вы не осознаете себя, то вы спите, и сквозь сон совершаете поклонение. Вы бегаєте по магазинам, вы же идете в дом поклонения. Вы остаетесь все тем же, вы не меняетесь. А ваше отношение должно меняться, и когда оно изменится хотя бы чуть-чуть, изменится и все остальное. Иначе, вы будете пытаться делать все, что угодно, но все равно останетесь вы останетесь собой и никаких изменений не произойдет.

Однажды, в месяц подношения мертвым, Нанак отправился в Хлрдвар[10]. Люди наполняли кувшины водой, и потом, обратившись лицом к востоку, бросали кувшины в небо, чтобы эти кувшины достигли их предков на небесах. И Нанак тоже взял ведро, наполнил его водой, но повернулся к западу, и, выплескивая воду на землю, кричал: “Достигни моих полей!”

Когда люди опустошили свои кувшины, они окружили Нанака и спросили: — Что ты делаешь? Ты не туда повернулся! Тебе надо встать лицом навстречу восходящему солнцу. И почему ты кричишь: “Достигни моих полей!” Где твои поля?”

Нанак ответил:

— Ну, примерно в двухстах милях отсюда.

Народ расхохотался:

— И ты думаешь, что вода, которую ты вылил здесь, достигнет твоих полей в двухстах милях отсюда? Ты с ума сошел!

— А как далеко ваши предки? — спросил Нанак.

— О, они бесконечно далеко, — ответили люди.

— Ну, если ваша вода может оказаться бесконечно далеко отсюда, то почему бы моей воде не переместиться всего лишь на двести миль?

Что Нанак пытался этим сказать? Он просил их немножко подумать: “Что за глупостью вы занимаетесь? Осознайте, что вы делаете! Что вы получаете от этого?”

К сожалению, любая религия переполнена такими глупостями. Кто-то посылает предкам воду,

кто-то купается в Ганге, чтобы смыть с себя грехи, кто-то сидит тред идолами и совершенно не чувствует никакого вдохновения, никакого божественного восторга. Они просто сидят и молятся, чтобы получать какие-то мирские вещи. Тысячи глупостей процветают в этом мире, и каждая — во имя веры.

И поэтому Нанак настаивает на том, что невозможно обрести истинную веру, читая книги, или слепо следуя традиции и исполняя обряды. Человек обретает истинную веру, только когда достигает созерцания.

Когда человек просыпается, пробуждается, в нем возникает это осознание. Как только начинает звучать Омкар, возникает связь с истинной верой. В день, когда вы услышите звучание Ом внутри вас, не произнося его вслух, вас переполнит радость; вы — свидетель, вы — наблюдатель. В этот день вы установите вашу связь с верой — не с какой-нибудь сектой или группкой, а с тем, что Будда называет словом Дхарма. Это та религия, о которой говорили Нанак и Махавира.

Религия, Дхарма — это природа, естественный ход вещей. То, что Лао-цзы называет Дао, Нанак называет религией. Не следовать своей природе — значит, потеряться. Вернуться к своей природе — значит, вернуться домой. Быть укорененным в своей природе значит, быть укорененным в Боге.

Имя Ниранджан — Бог, незапятнанный, Безупречный, Единственный, — таково, что его узнает только созерцающий собственное сердце.

И двери созерцание открыло

К свободе, и семья теперь спасется.

Теперь искатель обретает гуру,

И тот поможет реку переплыть.

И нет нужды молить о подаянье.

И только созерцающий узнает,

как имя Безупречного звучит.

Дверь — внутри вас. Путь, и все препятствия на пути — тоже внутри вас. Как только вы зажгли лампу, вы можете видеть оба направления: что есть истина и что есть ложь. При свете лампы все желания видимы как неистинные. И все мирское — это то, что следует желаниям. Когда внутри горит свет, вы видите, что отсутствие желаний — это истина, и это путь к освобождению.

Вы связаны своими желаниями. Желания — цепи, которые удерживают вас. Каждое желание — это звено в цепи. Бог знает, какие у вас длинные, замысловатые, запутанные цепи! Вы желаете — и вы вступаете в тюрьму, вы желаете — и вот, вы уже связаны. Чем сильнее ваше желание, тем крепче ваши пути, тем толще стены вашей тюрьмы.

Нанак говорит: только созерцание открывает двери в освобождение. Как только вы пробудитесь,

ваши глаза откроются, и вы увидите ясно. Прекратите желать, и ваши оковы спадут.

Тогда, и только тогда открываются двери в освобождение. Отсутствие желаний — дверь в спасение.

И только в созерцании семья может быть спасена. О какой семье говорит Нанак? Конечно, не о жене, детях, братьях и сестрах, потому что Нанак не может их спасти. Никто не может их спасти. Это другая семья, это гуру и его ученики, настоящая семья, потому что здесь возникает любовь в своей первозданной чистоте. Эта любовь возникает от отсутствия желаний. Она не имеет причины.

Вы любите отца, потому что он дал вам жизнь, вы любите жену — ее любит ваше тело, вы любите сына, потому что вы видите в нем часть себя или опору на старости лет. Но отчего вы любите гуру? Так трудно найти настоящего учителя, потому что вы ищете необусловленную любовь, любовь без причины. Когда вы встречаете гуру, это любовь и только любовь, никаких желаний, никаких ожиданий. Если вы чего-то от него хотите, чего-то ожидаете, вы не можете быть частью его семьи. Вам нужно появиться перед ним во всей простоте и безыскусности ребенка.

Веру называют слепой, и так и кажется тем, кто отдал себя на откуп думанию. Люди приходят и говорят: “Наши родители спрашивают у нас: “Чего ты так с ума сходишь по этому Ошо? Совсем ненормальный, да?”

И те, кто спрашивают, правы. Эти люди действительно сумасшедшие. Человек, который разобрался с мирскими делами, действительно ненормальный. Этот человек обрел новую любовь, о которой не рассказать словами. И невозможно придумать причину для этой любви, даже если очень стараться.

Нанак говорит: только созерцание может спасти семью. Семья вырастает вокруг гуру, но когда такая семья становится сектой, все хорошее уходит. Пока это — семья, все иначе. Когда рождается Будда, тысячи людей собираются, чтобы стать его семьей. Если вас допускают в семью гуру, это — великое событие, потому что это означает, что вы вступаете в беспричинный мир, в необусловленную любовь.

Нанак окрасил своих последователей в свой цвет и погрузил их в свою сущность. Его ритм захватил их сердца, и они потеряли рассудок. Но Нанак ушел, и ушли за ним те, кто стал его семьей по собственной воле. То, что их дети тоже называют себя сикхами имеет совсем другое значение, потому что любовь, которую вы не выбрали сами, не может вас изменить. Выбрать Нанак — это революция, но вырасти среди сикхов и тоже называть себя сикхом, — в этом нет ничего особенного.

Мусульманин вырастает в мусульманском окружении, христианин — в христианском, то же самое происходит с сикхом, или с индуистом, или с джайном. Ваша секта или ваша религия предопределена вашим рождением, вашей культурой. А семья в том смысле, о котором говорю я, — это то, что вы выбрали сами. Религиозный человек всегда выбирает сам. Нерелигиозный человек — это сектант. Он слепо отождествляет себя с той религией, в которой он воспитан.

Вот вы по рождению джайн, или христианин, или индуист, — а как это возможно? По

рождению вы получаете кровь, и плоть, и кости, — но не душу. У этой загадки нет решения.

Когда вы встречаете живого гуру, вы видите вокруг него свет, в котором он парит и приглашает других тоже парить в этом свете. Это энергия жизни, вокруг него все время что-то происходит. Когда гуру уходит из тела, и те, кто были с ним все это время, тоже покидают тела, их дети отождествляют себя с их религией, и называют себя сикхами, или христианами, буддистами, но истинного соприкосновения с верой у них нет

Вы должны четко понимать, что религия — это личный выбор каждого. Невозможно быть религиозным по рождению.

И двери созерцание открыло

К свободе, и семья теперь спасется.

Теперь искатель обретает гуру,

И тот поможет реку переплыть.

И нет нужды молить о подаянье.

И только созерцающий узнает,

как имя Безупречного звучит.

Когда кристаллизуется созерцание, желания отпадают. Что есть мирское, как не бесконечный сбор подаяния? Понаблюдайте за собой; что вы делаете, когда вам что-нибудь нужно? Все двадцать четыре часа в сутки вы чего-то желаете, и протягиваете руку, как нищий. Вы и есть нищие, а Нанак говорит, что, когда вы станете созерцателями, вы перестанете побираться. Вспоминание делает вас королем, императором, оно освобождает вас от необходимости просить милостыню. Созерцание дает вам все и отодвигает вас за пределы всех желаний.

В созерцании вы достигаете Бога. Что еще вам искать? Когда вы достигли предела, дальше ничего нет. Когда вы достигли всего, что осталось желать? Вы достигли самадхи. Когда вы достигли всего, нет нужды больше просить.

И только созерцающий узнает,

как имя Безупречного звучит.

Глава 7. Путешествие подходит к концу

Есть пять министров и пять испытаний;

Почет и прибежище находят они у Его дверей;

Они украшают царский двор.

Внимание — гуру всех пяти.

И что бы ты ни говорил, прежде взвесь слова хорошенко,

На вере, рожденной из сострадания, зиждется мир.

Обрети покой и установи равновесие.

Всякий понявший становится истиной

И познает то бремя, что вера несет.

Миров существует — не счесть, а за их тьмами — другие несчетные тьмы.

Кто же способен их вес удержать?

Его волей возникли все твари земные

Но лишь немногие знают, как рассказать об этом.

Способен ли кто-то создать летопись этого таинства?

Сколь велика бы была она, будь написана,

Какая была бы в ней сила и мощь! Как прекрасен Его облик!

Как велико Его милосердие, — кто сможет постичь?

Единым словом Он создает бескрайний простор, —

Все горы и реки, живое и неживое.

Как мне помыслить об этом?

Что б ни придумал я, все будет мало!

Чтоб ты, Господь, ни пожелал, — то будет наилучшим для меня. —

Ты безличен, Ты всемогущ, — Ты, пребывающий в вечности!

Мир начинается там и тогда, где и когда кончается единое, и потому, естественно, что путешествие кончается, когда единое обретается вновь. И это единое, это одно можно обрести множеством способов, ибо разбито оно было на множество частей. Проходя через призму, солнечный луч распадается на семь частей, семь цветов, которые составляют спектр; сходным образом и бытие распадается на составные части.

Мир полон красок: цвета — неотъемлемый атрибут множественности. Цвет Бога — белый, цвет, в котором нет цвета. Все садханы — это лишь методики, приемы для того, чтобы отыскать единое во множестве, соединить части в неделимое, целостное. Индусы полагают, что единое распалось на две части: материю и дух. Если вы сумеете хотя бы на миг узреть одно в этих двух началах, то ваше странствие завершено.

Есть другая теория, согласно которой одно распалось на три части: истину, доброту и красоту. Если вы способны увидеть истину в красоте, или наоборот; если вы находите доброту в истине или в красоте; если вы хотя бы на миг увидите одно общее в этих трех частях, общее, в котором растворятся три части, и останется лишь Эк Омкар Сатнам, — то тогда вы достигли конца пути.

Нанак говорит, что одно разделилось на пять из-за пяти чувств. Если вы ищите и найдете единое в этих пяти, то вы станете сиддха — освобожденным. В конечном счете, не имеет значения, на сколько частей вы разделяете одно, потому что оно уже разделено на бесконечное число отдельных сущностей. Важно суметь раскрыть для себя нераздельное, совершенное целое в этих осколках.

У нас пять чувств, но за ними, объединяя их, стоит одно — медитация. Нет смысла перебирать бусины на четках, но если вы ухватитесь за нить, на которую они нанизаны, то обретете прибежище в Боге. Держаться за бусины — означает оставаться в мире повседневности; ухватиться за нитку, соединяющую бусины в четки, — достичь Бога.

У нас пять чувств, но кто стоит за этими пятью чувствами? Кто смотрит через ваши глаза, когда вы смотрите? Когда вы слушаете, осязаете, обоняете, едите, — кто есть тот, который переживает опыт восприятия, кто воспринимает? В центре всех чувств, объединяя их в одно целое, находится внимание, — отвечает Нанак.

Есть одна древняя притча о саньясине, которому его гуру повелел отправиться в царский дворец, сказав при этом: “Может быть, царь сумеет заставить тебя понять то, что я объяснить не в силах”. У ученика были на сей счет сомнения, но он должен был выполнить волю гуру. Придя во дворец, он увидел, что залы ярко освещены, вино течет рекой, и девушки — танцовщицы скользят под звуки возбуждающей музыки. Он испытывал страшную неловкость, уверенный в том, что наверняка попал не по адресу; и попросил у царя разрешения удалиться, объяснив, что его поиск требует другого водительства. Как может помочь ему царь, который сам сбился с пути?

Царь сказал: “Я не сбился с пути, но ты поймешь это, если только побудешь здесь какое-то время. Смотреть извне бесполезно. Если ты возьмешь на себя труд заглянуть поглубже, то возможно, тебе удастся найти ключ. Твой гуру послал тебя ко мне отнюдь не просто”. Ключ уже спрятан внутри, и он — не в органах чувств.

Итак, царь уговорил саньясина переночевать во дворце. Ему отвели великолепную комнату, обставленную по последнему (тогдашнему) слову комфорта... вот только точнехонько над кроватью под потолком висел, на тонком шелковом шнуре, обнаженный меч. Всю ночь саньясин не сомкнул глаз, — ведь шнурок был столь ненадежным, что меч мог сорваться в любую секунду. Он был поражен этой жестокой шуткой.

Утром царь осведомился, хорошо ли спал гость. “О, просто прекрасно! — но без сарказма ответил саньясин, — просто лучше некуда, но что это за шутка с мечом, который болтался над моим изголовьем? Я глаз не мог сомкнуть: все мое внимание было приковано к клинку”.

Царь ответил: “Точно также меч смерти висит над моей головой, постоянно напоминая о себе. Девушки танцуют, но мои мысли далеко от них; вино течет рекой, но мало мне в том

радости; столы ломаются от изысканных блюд, но еда не доставляет мне удовольствия, ибо меч смерти всегда висит надо моей головой”.

Пять чувств — это пять порталов, через которые мы вступаем в связь с внешним миром. Без них невозможна жизнь, но чем чаще и дальше мы выходим из них, тем больше мы удаляемся от самих себя. Дхияна, внимание, таится за каждым из наших чувств. Как только какое-либо из чувств направляется вовне, через него вовне же устремляется и внимание. Вот почему, когда ваше внимание сосредоточено на какой — то одной форме восприятия, вы не замечаете всего остального. Дело в том, что мы познаем только посредством внимания. Например, вы сидите за пиршественным столом, а вам в ногу впиалась колючка; боль невыносима, и вот уже еда лишается всякого вкуса, так как внимание полностью поглощено болью.

Другой пример: вам сообщили, что ваш дом загорелся, и у вас в голове только одна мысль, — как побыстрее добраться до него. Вокруг вас полно людей, но вы ничего не замечаете: ни проносящихся мимо людей, толкающих друг друга, толкающих вас, — ни даже тех, кого вы сами толкаете. Вам неинтересно ни что там выставлено в витринах магазинов, ни о чем говорят люди вокруг, ваши уши слушают все, но вы не слышите ничего; ваши руки прикасаются к другим людям, но вы ничего не ощущаете. Вы можете думать только о пожаре.

Без разума не может быть опыта восприятия; процесс восприятия полностью зависит от внимания. Только когда вы направляете ваше внимание в какой-либо из органов чувств, он обретает цель и энергию. Но если вы отключаете внимание от всех пяти чувств, то остается только одно, ибо все пять мгновенно исчезают. И это одно, это единое, — подлинная цель поиска. В этой сутре Нанак показывает нам, каким образом можно отвести внимание от всех пяти чувств.

Попробуем понять эти строки:

Есть пять министров и пять испытаний;

Почет и прибежище находят они у Его дверей;

Они украшают царский двор.

Внимание — гуру всех пяти

Дхияна, внимание, — это единый гуру всех пяти чувств. Если вы разбрасываетесь по всем пяти направлениям, то бесцельно блуждаете, но если вы “зацепитесь” за одно, то вы уцелели.

Глядя на женщину, размалывающую пшено, Кабир сказал: “Никто не сможет уцелеть, попав между двумя жерновами”. Так Кабир хотел объяснить своим ученикам, что тот, кто попал между жерновами двойственности, будет стерт в прах и не сможет спастись.

На это сын Кабира заметил: “Помимо жерновов в ручной мельнице есть еще кое-что — общая ось. Что, если кто-нибудь ухватиться за нее?”

Следующую строфу Кабир посвящает этой оси, говоря о том, что тот, кто находит в ней прибежище, тот, кто ищет спасения в том, чтобы ухватиться за ось мельницы, не будет

перемолот жерновами.

Вы можете говорить “два”, как Кабир или “пять”, как Нанак, или “девять”, или “бесконечно много”, — каждый из множества извилистых путей ведет к одной и той же цели. Каждый из них единственный в своем роде. Способ Нанака заключается том, чтобы, например, во время еды осознавать свое внимание; полностью ощущать, переживать процесс: вот пища попала в рот, вот возникают различные вкусовые ощущения... Если вы будете вкушать еду со вниманием, то в конце концов ощутите, что вкус исчезает и остается одно лишь внимание. Внимание и наблюдение объединяются в будущее пламя, которое обращает вкус в пепел.

Любуясь красивым цветком, смотрите очень внимательно, и вы вскоре обнаружите, что цветок исчез, а внимание осталось. Цветок — это проходящий сон, внимание — вечная реальность.

Если вы смотрите на красивую женщину и не даете при этом потоку мыслей унести вас, то вскоре обнаружите, что она исчезла, — как линия, проведенная на водной глади, — и осталось лишь внимание. Если поддерживать таким образом сосредоточенность в каждом из пяти чувств, то образы, формы чувств растают, и в восприятии останется одно — лишенная формы. Как только человеку удастся достичь подобной дхияны, она уже никогда не исчезнет.

Нанак говорил, что есть лишь один хозяин у всех пяти чувств, — это внимание. Все пять чувств, словно пять рек, несут свои воды в океан внимания.

Психологи также изучают этот феномен: глаза видят, уши слышат, руки осязают, нос обоняет; но ни глаза, ни уши, ни нос, ни руки не в состоянии функционировать сами по себе. Что же объединяет их всех?

Вот кто-то говорит: вы слушаете и смотрите одновременно. Но как вы можете быть уверены, что слушаете именно того, кого видите?

Зрение и слух отличаются друг от друга. Зрение указывает на то, что вы можете кого-то увидеть. Слух — что вы можете кого-то услышать. Но как вы можете соединить два сигнала? Кто этот некто, кто объединяет два потока восприятия и сообщает нам, что они относятся к одному человеку?

Должна быть некая общая область, в которой объединяются все опыты чувственного восприятия: то, что увидели глаза, то, что услышали уши, то, что обонял нос и то, что фокусирует внимание; именно оно определяет границы опыта.

В противном случае, жизнь превратилась бы в настоящий хаос: вы так бы и не смогли убедиться в том, что говорите именно с тем человеком, которого видите, обоняя запах, исходящий именно от него. Не будь одного, объединяющего пять, вы бы распались на кусочки. Все пять дорожек должны где-то пересекаться друг с другом, и это место — дхияна, внимание.

Нанак говорит, что внимание — это гуру всех пяти, которые суть его ученики; но вы возвели учеников в сан гуру, а о самом гуру позабыли. Вы сделали слуг господами, а об истинном господине не имеете не малейшего представления. Вы заботитесь о чувствах и не задумываетесь о внимании. Вы совершенно забыли о том, что чувства — это лишь поверхностное, периферийное продолжение внимания, и вам неизвестно, что находится в глубине.

Если вы хотите жить по-настоящему красиво, то не обращайтесь внимание на чувства, ибо они несовершенны и от них одни только хлопоты. Большинство людей являются рабами того или иного чувства. Одних сводит с ума вкус, — еда, еда, еда! — ни о чем другом они и думать не могут. Говорят, что император Нерон был чудовищным обжорой. Он ел не просто много раз в день, — он ел непрерывно. Рядом с ним все время были врачи, помогавшие ему облегчать желудок рвотой после каждой перемены блюд, после чего он снова набрасывался на еду.

Можно, конечно, просто считать Нерона сумасшедшим, но тем же безумием охвачены, в той или иной степени, все люди. Некоторые из них — наркоманы зрения, они одержимы потребностью созерцать красивые лица, красивые тела, даже если процесс для них мучителен. Они — рабы своих глаз, и они слепцы, потому что не глаза являются подлинным органом зрения. Глаза — это лишь окно.

Есть некто, кто смотрит из этого окна. Не спрашивайте об окне, спрашивайте о том, кто смотрит из него! Люди, одержимые стремлением ублажать слух и обоняние, или телесные ощущения, те, кто растворяется в музыке или осязании, — все они сходят с ума по своим чувствам, все они согласились считать своих рабов своими господами. Вместо этого стоит прислушаться ко внутреннему хозяину, господину всех чувств, ибо стоит ему удалиться, и все чувства становятся бесполезными.

В 1910 радже Бенареса удалили аппендицит. Поскольку раджа дал обет не принимать ничего, что приводит к потере сознания, то перед операцией он отказался от анестезии. Врачи оказались перед дилеммой: операция была абсолютно необходима, — а значит, и анестезия. Они пытались объяснить радже, что речь идет о вскрытии брюшной полости, но тот настаивал на том, чтобы ему позволили читать “Гиту” во время операции, и этого будет достаточно. Докторам пришлось сдаться, потому что дальнейшая отсрочка могла оказаться роковой. Всю операцию правитель читал священный текст, и, когда были наложены швы, ошеломленные хирурги спросили: не чувствовал ли он хоть какой-то боли? Раджа ответил: “Я был настолько погружен в мою “Гиту”, что не замечал происходящего”.

Вы замечаете нечто, когда вы думаете о нем, вы видите только то, что хотите видеть. Стоит вашему вниманию отвлечься, и все меняется. Вы не замечаете тех вещей, которых по-настоящему хотите избежать. Прогуливаясь по рынку, вы замечаете лишь то, что вас интересует: сапожник сосредоточится на изделиях из кожи, ювелир будет высматривать алмазы. Вы видите только те вещи, которые освещены вашим вниманием. Все остальное остается в темноте.

Настоящим, подлинным искусством жизни является искусство управления вниманием. Если вы движетесь по направлению к Богу, то мир потерян для вас; именно поэтому аскеты называют мир “майей”, иллюзией. Однако “майя” не подразумевает небытия мира. Мир существует, да еще как, но аскеты — подвижники обнаружили, что, когда поток внимания направлен к Богу, то мир исчезает из поля восприятия. А в той области, где нет внимания, понятия бытия и небытия теряют смысл. Бытие рождается из акта восприятия. Оно исчезает, когда внимание переключается на что-то еще.

Аскеты говорят: “Бог — истина, мир — не-истина”.

Означает ли это, что мир, который мы видим вокруг нас, в действительности не существует? Нет, он есть, он — здесь, с нами, но аскет больше не воспринимает его. Если вы жадны, то

богатство для вас — реальность; как только жадность исчезает, сокровища становятся словно простая глина. Богатство не есть богатство само по себе, его делает таким лишь ваше внимание. Стоит вам это осознать хотя бы раз, и вы становитесь господином самому себе. Отыскав господина в себе, вы больше не слушаете своих собственных слуг, своих учеников: какой смысл спрашивать у тех, кто сам не знает? Теперь вы повинуетесь господу в самом себе.

Нанак говорит, что один, — дхияна, — является гуру всех пяти. В расхожем понимании дхияна означает внимание; на более глубоком уровне это — медитация. Медитация, ведущая к открытию господина, наставника внутри самого себя. Нет ничего более глубинного, более подлинного, чем медитация, так что поразмыслит е как следует, не позволяйте себе бездумных реплик по столь значительному поводу. Но таковы у ж люди, — они говорят о внимании и медитации, не имея непосредственного опыта. Людям, которые сами этого не испытали, нравится разговаривать на эти темы просто ради самого разговора, и тем привносят в вопрос страшную путаницу.

Мы здесь экспериментируем с сотнями различных техник медитаций. Ко мне однажды пришел человек и спросил: “Мне такой-то рассказал о медитации, — это то, чем вы занимаетесь? Вы называете это медитацией?” Я посоветовал ему спросить у своего друга, знает ли тот, что такое медитация, и, если знает, то поучиться у него. Дело ведь не в том, учите ли вы у меня или у кого-то еще; главное, чтобы вы научились медитировать. Этот человек пошел снова к своему другу, который сказал ему, что своего опыта медитаций у него не было, и он не знает, что такое медитация, но зато хорошо знает, чем медитация не является. То есть, не зная, что такое, он имел и был готов делиться своим мнением. Вот до чего доходит наша безответственность!

Нанак советует нам хорошенько взвешивать свои слова, перед тем, как говорить. Осознавайте все, что бы вы ни делали, говорите лишь о том, что знаете сами. Человечество сбилось с пути не из-за невежд, а из-за всезнающих и всепонимающих, которые на самом деле ничего не знают, но, тем не менее любят говорить и поучать других. Не осознавая, что и зачем они делают, эти люди — просто бедствие со своими мнениями и точками зрения.

Собрать дураков вокруг себя — дело нехитрое; надо только говорить и не останавливаться, несмотря ни на что. Через несколько дней вокруг вас соберется вполне внушительная толпа последователей, — ведь на свете всегда найдутся люди глупее вас. Все, что требуется, чтобы обзавестись учениками, — это чуть-чуть безумия, немного высокомерия и луженая глотка, — и люди к вам потянутся. По мере того, как они начнут концентрироваться вокруг вас, вам начнут приписывать всякие чудеса. Люди, пребывающие в полной тьме, никогда не выдавшие света, попадутся на вашу удочку, стоит вам только заговорить о свете, потому что им почудится, что в вас несомненно что-то есть.

Кроме того, у людей очень развито воображение: все, что им хочется, чтобы произошло, они начинают представлять себе. Когда запускается игра воображения, возникают грезы. Если кто-то вообразил, что у него поднимается кундалини, он может увидеть свет, или цвета, и, когда подобное происходит, в свою очередь усиливается вера в человека, который провозгласил себя гуру. Вот почему на свете так много гуру.

Я знаю много таких гуру, не имеющих представления о медитации. Когда я встречаюсь с кем-то из них с глазу на глаз, все они задают один и тот же вопрос: “Как медитировать? Что такое медитация?” И ведь у них тысячи последователей!

Нанак говорит, что, беседуя о медитации, нужно тщательно взвешивать слова, потому что говорить на эту тему — это играть с огнем. Нет ничего более тонкого, и ничего более ценного, чем это: путь, ведущий из повседневного мира к Богу, высшему духовному началу. Это очень узкий и хрупкий путь, и нужно как следует поразмыслить, прежде чем решиться сказать хоть что-нибудь на эту тему.

В любом случае, ответьте сначала на вопрос: “Знаю ли я это сам? Есть ли у меня личный опыт?” Если бы все люди на свете дали бы обет говорить только о том, что они знают, то всем обманам и заблуждениям тут же пришел бы конец. Если человек готов признать свое невежество и осознает, что у него нет права судить о том, что он не знает, то жизнь становится простой и ясной, и становится нетрудно осознать истину.

Но на свете столько лжи и обмана, существует целая сеть фальшивых гуру, так что вам не удастся найти сатгуру — совершенного мастера. Вам не встретиться с настоящим Нанакем, потому что существует множество обманщиков, выдающих себя за гуру. И нет критерия, который бы помог вам отличить подлинного от ложного.

Вот почему Нанак учит нас очень тщательно выбирать слова и говорить только о том, что мы познали сами, через личный опыт. Не играйте с чужими жизнями. Именно это и происходит, когда вы учите других тому, что не познали сами. Нет греха более тяжкого, чем сбить другого с пути познания. Кража, убийство, обман — ничто не сравнимо с этим. Обкрадывая, вы всего лишь лишаете жертву каких-либо земных, рукотворных ценностей, что, практически, не имеет последствий. Убивая, вы лишаете человека тела, но телесных оболочек всегда в достатке; опять-таки, это лишь кража бренного тела, но не атмана. Обманывая, чего вы добиваетесь? Удовлетворения жалкой, ничтожной корысти, — и ничего больше.

Но если вы выдаете себя за гуру и ведете своих учеников по путям, о которых вы не имеете ни малейшего представления, вы рискуете обречь их на блуждание в бесконечной череде перерождений. Нет более обмана, чем этот, и нет греха отвратительней! Нет грешника более великого, нежели невежественный гуру.

Помните: человек, странствуя от гуру к гуру и находя их всех недостойными, может поколебаться в вере и утратить надежду. У него возникает ощущение, что вся религия, — это не что иное, как надувательство и лицемерие. Когда девяносто девять из ста оказываются лицемерами, то как поверить, даже если сотый окажется искренним? Даже встретив сатгуру, подобного Нанаку, такой человек будет очень осторожен, подозревая, что вновь столкнулся с обманом.

Именно засилье лже-гуру, (а не развитие, как принято думать, науки и идеи философско-скептиков) является основной причиной распространения атеизма. Людей в наше время невозможно убедить в том, что подлинные мастера существуют. Заодно они перестали верить и в существование Бога.

Ведь если гуру — поддельные, то как Бог может быть настоящим? Их Бог, их методы и их практики — лишь способы эксплуатации доверчивых людей; таков печальный опыт многих духовных искателей, хороших людей, которых безнадежно запутали.

Вот почему Нанак убеждает говорить, лишь хорошенько поразмыслив, нот почему это все равно,

что играть с огнем, все равно, что играть, ставя на кон чужие жизни. Тщательно взвешивайте слова — или храните молчание.

И что бы ты ни говорил, прежде взвесь слова хорошенько,

Ибо деяний действующего невозможно оценить.

Кто и что может сказать о Боге? У него нет ни начала, ни конца, ни границ. Лучше, что тут можно сделать — это промолчать о Нем. Что вы можете сказать о Нем? Что вы сможете — и вам есть о чем, — сказать о медитации? Если да, то хорошенько подумайте, что и как говорить.

Медитацию следует понимать как метод познания, и Бог, параматма, есть вершина опыта, высшее знание. Возможно, вам удастся сказать что-то о пути, если вы прошли его, но ничего — о цели, которая лишена границ и очертаний. Я не могу сказать вам, что есть Бог, но я наверняка смогу рассказать вам, как я достиг Его; о пути говорить можно.

Будда сказал, что будда может лишь намекнуть и показать путь, — и ничего больше. Нанак повторял раз за разом: я — всего лишь врач, прописывающий лекарство. О здоровье я ничего не знаю. Умение врача сводится к лечению конкретных заболеваний; ого лекарство врачует недуг, но он ничего не знает о здоровье, о состоянии благополучия, которое наполняет все существо радостью и благодарностью, когда болезнь исчезает, — об этом врач ничего не знает!

О Боге можно рассуждать лишь в негативных терминах. Все, что мы можем сказать, это, что Он “не то... и не то...” Как только вы скажете: “Он есть то, “вы загоняете Его в рамки, потому что определить — это значит ограничить. А безграничное ограничить нельзя. Вот почему, говорит Нанак, о Боге ничего сказать нельзя, так что лучше хранить о Нем молчание.

Но нигде в мире не найдете людей, которые способны молчать о Боге. Более того, это постоянная тема для жарких дискуссий. Организовываются семинары и диспуты, на которых пандиты спорят о том, есть ли Бог или Его нет. Деловито погружаясь в дебри аргументации, все, похоже забывают о том, что бытие Бога нельзя ни подтвердить, ни, тем более, опровергнуть. Можно познать Бога, можно жить в Боге, можно стать Богом, — но нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть Бога.

Как вы докажете, что Он есть? Любое “доказательство о Боге” ошибочно, — оно нелепо и бьет мимо цели. А как вы докажете обратное? Доказательства Его небытия столь же нелепы и несостоятельны. Все, что вы в состоянии сказать о Нем, оказывается до абсурдного несостоятельным, потому что Бог — это всеобщность, целостность. Вся безграничная ширь земных просторов и бесконечность окружающей вселенной соотносима с этим простым словом “Бог”, Бог — это не персонаж, восседающий где-то там в небесах; Бог — это опыт погруженности, омовения божественным, растворения в нем, Бог — это состояние, когда вас больше нет, и, в то же время, вы существуете, как никогда прежде.

Это странное и чудесное противоречие: с одной стороны, вы полностью исчезаете, а с другой — вы достигаете идеальной целостности, вы — высшее совершенство! Итак. Бог — это не личность, не идея, не гипотеза. Бог — это опыт, высшее переживание! Переживание настолько сильное, что вы втягиваетесь в него и растворяетесь в нем так, что некому возвращаться и не о чем говорить.

Вот почему, говорит Нанак, о Нем ничего не может быть сказано. Что-то еще можно сказать о медитации, — но только если вы имеете личный опыт и с величайшей осторожностью. Возьмите себе за правило говорить только о том, что сами знаете, и это нехитрое правило преобразит вашу жизнь. Забудьте обо всех остальных; подумайте о себе и не отступайте от этого правила.

Мы любим преувеличивать. Образно говоря, стоит нам узнать с дюйм чего-нибудь, а уж мы выдаем милю информации! Познав крупницу, мы обсуждаем гору.

Гиперболизация — естественное состояние нашего разума, так как “это” буквально упивается преувеличениями.

Однажды мулла Насреддин потерял сознание прямо на улице. Его отвезли в больницу; и уже положили на операционный стол, когда в его кармане нашли записку, написанную крупными буквами: “Я страдаю эпилепсией. Пожалуйста, не надо оперировать меня по поводу аппендицита. Аппендикс мне уже несколько раз удаляли!”

Разум выдумывает с великим пылом и усердием. Он получает невероятное удовольствие от этого! Немножко знаний, и разум берется за работу, добавляет цвет и аромат, и чем больше красок, тем фальшивей становятся ваши знания, и так до тех пор, пока суть не теряется окончательно и остаются одни лишь краски.

Всегда говорите меньше, чем знаете, и вы никому не причините вреда. Опасайтесь тяги к преувеличению! Это правило относится не только к теме Бога, но и к медитации и теме жизни в целом. Ибо бытие, жизнь необъятна; чтобы вы ни знали о ней, это — бесконечно малая частица, не дающая вам никакого права судить.

Допустим, вы — владелец магазина. Ваш магазин — это все, что вы знаете о жизни, но в мире существует бесконечно большое число образов жизни. Вы не знаете жизни во всем ее многообразии. На свете есть многие тысячи магазинов, торгующих тысячами всяких товаров, вы же имели дело только с одним видом товаров. Даже на своем уровне вы можете утверждать, что знаете лишь одно конкретное направление в торговле, а из миллионов покупателей вам известны лишь несколько десятков, которые ходят к вам. Так что, в конечном счете, ваши знания — лишь крупница.

Ньютон сказал: “Люди считают, что я знаю много. Сам же я полагаю, что то, что мне удалось постичь, сравнимо с песчинкой на морском берегу. Мое знание — песчинка, в то время как мое неведение — весь остальной песок на берегу!”

Направляйте ваше внимание на то, что вы не знаете, на то, что предстоит познать. Это делает вас смиренными; сосредоточенность же на том, что вам известно, напротив, преисполнит вас гордыни и укрепит ваше “это”. Всякий раз сосредотачивайтесь на том, что еще предстоит узнать, предстоит пережить. И тогда вы осознаете всю бесцельность подсчета того, что вам уже известно, ведь полученный объект окажется бесконечно малым в сравнении!

Вот почему Сократ говорит: “Когда мудрый постигает высшее знание, он обнаруживает, что осталось постичь еще одну вещь — он ничего не знает!” Вот отличительная черта мудреца: он знает, что ничего не знает.

Вот почему Нанак говорит нам оставаться в отведенных нам пределах, быть простыми, быть смиренными. Говорите только о том, что знаете, а когда разговор заходит о Боге, — храните молчание! Ибо что вы можете сказать о Нем?

Максимум, на что вы будете способны, будет чем-то вроде сплетни. Может ли муравей рассуждать об океане? Кто вы такой, чтобы доказывать факт Его бытия или небытия? Кто назначил вас судьей? Неужели ваши аргументы окажутся решающимися в судьбе Бога?

Кешав Чандра однажды нанес визит Рамакришне с тем, чтобы поспорить с ним о существовании Бога. Он выдвинул массу изошренных аргументов в пользу того, что Бога нет. И пока Рамакришна слушал, сердце его переполнялось радостью. Под руку он обнял Кешаву Чондру и сказал: “Вы были очень добры, решив приехать ко мне, простому селянину. Ни разу до этого я не встречался со столь великолепным интеллектом, и, глядя на вас, я теперь окончательно уверовал, ибо не может быть более убедительного доказательства того, что Бог есть. Как мог цветок, подобный вам, расцвести иначе, как не по Его воле?”

Кешав Чандра приехал с одной — единственной целью — доказать, что Бога нет. Его аргументы были яркими и убедительными, логические ходы — безупречными. Такой гений — мыслитель рождается лишь раз в тысячелетие. Возразить такому оппоненту было бы очень трудно, да Рамакришна и не выдвигает ни одного контраргумента. При виде Кешав Чандры он настолько преисполнился любовью и ликованием, он настолько искренне убедился в том, что Бог есть, что Кешав Чандра был обезоружен этим чистым экстазом. Рамакришна сказал ему: “То, что вы существуете, доказывает, что мир — не чисто материальное явление. Если возможна подобная работа интеллекта, если мышление может быть настолько изошренным, то, значит, этот мир не есть одна лишь материя; он не может быть бездушен, подобно камню; в нем, несомненно, таится разум. Для меня само ваше существование доказывает, что Бог есть”.

Вернувшись домой, Кешав Чандра записал в дневнике, что был побежден в этом диспуте. Трудно переспорить верующего человека, который не выдвигает никаких аргументов. Верх можно взять лишь над тем, кто возражает или утверждает, — нужно просто быть лучшим спорщиком и более искусным оратором.

Верующий, религиозный человек, отказываясь соперничать с вами, тем самым лишает почвы любую дискуссию. Он говорит: “Я верю в Бога. У меня есть вера в Нею. У меня нет никаких мнений или суждений о Нем. Бог — это не моя мысль, но мое ощущение. Бог в моем сердце, а не в моей голове. А сердце хранит молчание”. Верующий человек всегда молчит, когда его спрашивают о Боге. Спросите его о медитации, и он ответит, но говорить будет только о том, что узнал на личном опыте.

В древности люди были более честны и откровенны. Есть прекрасная история из жизни Будды, о его поиске истины. Шесть лет Будда странствовал от гуру к гуру. Обучившись у одного из них всему, он отправлялся к другому. И вот настал день, когда Будда постиг все, что знали все гуру на свете. Он обратился к последнему из своих наставников: “Что мне теперь делать?”

“Я обучил тебя всему, — что знаю, ответил гуру. — Тебе придется поискать другого наставника”.

Последнего гуру Будды звали Алар-Калам. Когда Будда уходил от него, Алар-Калам сказал: “Я

открыл тебе все, что мне удалось узнать самому, больше мне нечего тебе дать. Иди же и ищи того, кто укажет тебе путь дальше, но не забудь поделиться со мной тем новым, что узнаешь!”

Честность была неотъемлемым свойством людей прошлого, потому-то столь многим из них удалось обрести мудрость. Кого в сегодняшнем мире волнует честность? Если вы умеете производить впечатление, то уже неважно, знаете ли вы то, о чем говорите, или нет, — люди все равно к вам потянутся. Все зависит от того, сумеете ли вы себя разрекламировать, точь-в-точь как любой другой потребительский товар. Если рекламная компания удалась, если вы сумели разбудить в людях страсть и алчность, то вы просто обречены на успех и огромную клиентуру. Легче легкого стать таким гуру!

Поэтому Нанак и учит быть осторожным, говоря о медитации, на вере зиждется мир. Всего лишь двумя-тремя верными или ошибочными суждениями вы можете перевернуть жизнь тысячам людей; при том неверные суждения могут сбить с пути на тысячи будущих воплощений. Вера — это не какой-то пустяк, это — основа вашей жизни, опора всего бытия. Говорите о религии только то, что по-настоящему знаете. Обрести ложное понимание веры означает утрату всего, что является основой жизни. На вере зиждется мир, а зарождается она из милосердия и сострадания, и является балансом бытия.

Позвольте этим двум строкам достичь самых глубин вашей души:

На вере, рожденной из сострадания, зиждется мир.

Обрети покой и установи равновесие.

Религия — это основа всей жизни, всего бытия. Без нее бытие утрачивает внутренние связи; мир распадается на части. Это — фундамент, на котором стоит мироздание. Все остальное в мире можно уподобить различным строительным материалам, — кирпичу, цементу, раствору... Вера — это основа, неотъемлемое качество нашей природы. В самой природе огня — согревать, давать тепло; без тепла огонь немислим. В природе солнца — испускать свет; если оно не светит, то оно уже не солнце, ибо оно утратило свое природное качество, свою дхарму.

Иисус часто повторял: если соль утратит свое качество, свой соленый вкус, как вы сможете вернуть его? Это невозможно. Любая вещь, утратив свое внутренне присущее качество, перестает быть самой собой.

Солнце — это солнце, поэтому оно светит; огонь — это огонь, потому что он греет. А человек — это человек, потому что он медитирует, — такова его природа! Утративший способность, качество медитации, остается человеком только по названию. Сохраняя человеческий облик, он, по сути, становится животным. Потому что живет, как животное. Мы никогда не ругаем животных за то, что они живут согласно своей природе. Браня собаку, мы не говорим ей, что она ведет себя по-собачьи — это бессмысленно. Но вот, попрекая других людей, мы часто говорим, например, “не веди себя по-свински!”

Говорить так мы можем лишь потому, что человек не является подлинным, настоящим человеком, если он не утвердился в медитации, в своей изначальной сути. Будда, Кабир, Нанак — это настоящие люди. Но основная масса человечества пала так низко, что >тих особых — настоящих — людей мы называем аватара, воплощенными. Конечно же, мы не воспринимаем их

как людей, потому что, если они лишь люди, то тогда кто же мы? Чтобы считать себя людьми, мы должны поставить их на ступеньку выше нас, почитать их божественным воплощениями. Это решает нашу проблему: они — богоподобны (да что там, просто боги!), а мы — люди. Но мы — ненастоящие люди.

Манушья означает “человек”. Корень слова — мана, что означает “разум”. Вникнем в смысл этих слов. Когда вы по-настоящему глубоко погружаетесь в медитацию, вы становитесь манушья, потому что внимание и сознание как высшее состояние разума является неотъемлемым качеством человека. Когда вы реализуете потенциал своего сознания, вы обнаруживаете что это — портал, ведущий в сознание всего бытия. Таким образом, единственным способом для человека достичь Бога — это достичь глубочайшего базиса своего существования.

На вере, рожденной из сострадания, зиждется мир.

Обрети покой и установи равновесие.

Религия — это опора, суть, основание всей вашей жизни. Она — дитя сострадания. Обретите покой, и установится равновесие.

Сострадание и внутренний покой — это два очень ценных слова, потому что вся жизнь духовного искателя заключается в них. Покой внутри и сострадание вовне уравнивают друг друга на чашах весов. Будьте всегда удовлетворены своим внутренним миром, и всегда сострадайте другим людям, но никогда не делайте наоборот: не стремитесь к балансу и покою в отношениях с другими, и не сострадайте самому себе. Обычно мы именно так и поступаем: видим на улице нищего, умирающего от голода, и говорим: “Жизнь есть жизнь, — нужно принимать ее такой, какая она есть”. Пусть нас учили, что внутренняя уравниженность означает удовлетворенность окружающим нас, как данностью, — что ж, надо переучиваться: уравниженность, удовлетворенность должна быть тем, что человек имеет сам, но к окружающим следует быть сострадательным. Опять-таки, если я знаю, что я нахожусь там, где мне и следует быть, и нет необходимости менять что-либо, что мне довольно той судьбы, которая мне уготована, — тогда я доволен собой таким, каков я есть.

Ну, а за неудовлетворенностью, отставая от нее лишь на шаг, следует беспокойство и волнения: когда мне кажется, что все вокруг меня не такое, как мне хотелось бы, что я не тот, кем мне следует быть; что я не получил того, что я достоин получить; что, судя по всему, Бог мною недоволен; что по отношению ко мне допущена какая — то несправедливость, что я определенно заслуживаю большей благодарности, большей славы, больших денег... как только в вашем сознании появляются подобные мысли, вы начинаете ощущать нехватку вещей в окружающем мире и беспокойство в душе. Ваш разум сосредоточивается только на том, чего вам не хватает и замечает только беды и огорчения.

Когда вы удовлетворены тем, что вы есть, то вы начинаете ощущать и замечать все, что у вас есть. А когда вы начнете осознавать, как многое к Нему, тому, кто одаривает вас так щедро, и подумаете: “Разве я заслужил все это!”

Удовлетворенность собой и сострадание к другим. Делайте все, что в наших силах (и сверх того) ради других; одаривайте других; одаривайте их счастьем и покоем, и не расстраивайтесь, если

они не могут принять вашего дара. Делайте все, что можете, и не корите себя, если не получается, — сохраняйте удовлетворенность собой.

Но вместо этого мы сочувствуем себе и вполне удовлетворены положением других людей. Эта тенденция очень распространена в Индии, и именно она послужила причиной ее падения; именно из-за этого Индия — страна нищих, больных и несчастных. Ее ни проблемы у других, то мы говорим: “На все воля Божья!” Но если проблемы у нас, то мы никак не готовы считать их проявлением Божьей воли, и сражаемся до полного поражения.

Эгоизм и самолюбование заставляют нас думать: “Да будет воля Твоя!., до тех пор, пока Ты делаешь меня богатым, а других — бедными. Пусть свершится то, что нам на роду написано, — при условии, что я буду господином, а остальные — рабами”. У нас не остается жалости к обездоленным, так как всю эмоциональную энергию мы тратим на сострадание к себе.

Слово “сострадание” и “удовлетворенность” сами по себе бесценны; но стоит поменять их точки приложения, и они становятся опасными. Если мы удовлетворены своей судьбой, то мы можем наслаждаться покоем и безмятежностью в жизни; мы становимся свершенными. Если мы способны быть сострадательными и помогаем другим, то с лица Земли исчезнут нищета и страдания. Доброта и сострадание преобразуются в потребность служения другим, и наполняют вас молитвой и благоговением, потому что это потребность становится путем, ведущим к Богу.

Если вы добры к другим, но недовольны собой, то кончите социальным работником, но не станете верующим человеком. Если вы довольны собой, но не сострадаете другим, вы превращаетесь в потерянного для жизни аскета. Потеряв все драгоценное и значимое в жизни, такие люди бегут в джунгли. Они преуспели в поисках собственного счастья, но они — сверхэгоисты. Если вы посмотрите кому-либо из них в глаза, то не увидите ни одной искорки жалости; ответом вам будет лишь безжалостный взгляд.

Спросите джайнского монаха, занятого самосовершенствованием: “Как насчет доброты и сочувствия к окружающим?” Ответом будет: “Мы все пожинаяем плоды наших деяний. Что я могу тут поделаться?” Его садхана несовершенна, несбалансированна, так как он культивирует удовлетворенность собой.

Посмотрите на миссионера-христианина: он культивирует сострадание и доброту: его не пугают ни джунгли, ни адивази — племя лесных дикарей, которым он служит с таким фанатичным рвением; он не брезгует работой. Но самим собой он не удовлетворен.

Все эти люди несовершенны, неполны: у миссионера — христианина есть сострадание, у джайнского аскета — внутренний покой; но у обоих нет равновесия. Если одна чаша весов перевешивает другую, — то инструмент бытия невозможно настроить на резонанс с божественной мелодией.

Нанак так говорит:

Обрети покой и установи равновесие.

Всякий понявший становится истиной

И познает то бремя, что вера несет

Воплотивший в себе и сострадание, и внутренний покой, — в правильной пропорции и с правильными точками приложения, — достигает высшего познания жизни. Он узнает, что такое вера; он становится воплощенной истиной. Вот идеал: удовлетворенность внутри и сострадание вовне; медитация внутри, любовь и доброта вовне.

Будда описывает похожий идеал, используя слова “сострадание” и “мудрость”: мудрость — внутри, сострадание — вовне. До тех пор, пока не появится и то, и другое, любое знание, любой опыт могут быть только фальшивыми. Отсутствие одного из компонентов делает знание незавершенным.

Одними благодеяниями вы ничего не достигнете: нужно кое-что изменить и в себе. Сколько трудов вы ни положили на служение больным и отверженным, вы ничего не достигнете, если не будете культивировать самосозерцание и вспоминание. Не найдя Единого, стоящего за пятью чувствами, вы сами остаетесь уцербной личностью. Также как человеку нужны две ноги для ходьбы, а птице — два крыла для полета, как требуется два глаза, чтобы получить целостную картину окружающего мира, точно также вам потребуется два крыла для самого важного путешествия. Нанак называет эти два крыла состраданием и удовлетворенностью.

И познает то бремя, что вера несет.

Миров существует — не счесть, а за их тьмами — другие несчетные тьмы

Кто же способен их вес удержать?

Ученые полагают, что, в пределах наблюдаемой Вселенной существует как минимум пятьдесят тысяч обитаемых миров, и кто знает, сколько их еще за этими пределами? То есть возможно, что жизнь существует не только на этой планете, но и на десятках тысяч других. Как вы сможете вместить это величественное полотно бытия в тесные рамки своего разума? Придется обойтись без него.

Как только разум затихает, то все окна распахиваются, и вы оказываетесь под открытым небом. Затем вы начинаете воспринимать всю необъятность бытия, его бесконечность.

И вот, когда до вас доходит все восхитительное величие бытия, вы начинаете недоумевать; почему вы до сих пор были поглощены всякими ничтожными пустяками: кто-то вас оскорбил, кто-то вас ударил, вы занозили пятку или голова у вас разболелась, — вот из таких эпизодов и состояла вся ваша жизнь! Величие бытия пребывает с вами и вокруг вас всегда и повсюду, но вы поглощены пустяками. У вас вышла осечка в калькуляции неизмеримые сокровища дождем сыпались вокруг вас, а вы тем временем считали черепки.

Миров существует — не счесть, а за их тьмами — другие несчетные тьмы.

Кто же способен их вес удержать?

Его волей возникли все твари земные

Но немногие знают, как рассказать об этом.

Способен ли кто — то создать летопись этого таинства?

Сколь велика бы была она, будь написана,

Какая была бы в ней сила и мощь! Как прекрасен Его облик!

Как велико Его милосердие, — кто сможет постичь?

Единым словом Он создает бескрайний простор, —

Все горы и реки, живое и неживое.

Как мне помыслить об этом?

Что б ни придумал я, все будет мало!

Чтоб ты, Господь, ни пожелал, все то будет наилучшим для меня

Ты безличен, Ты всемогущ, — Ты, пребывающий в вечности!

Стоит вам отступить на шаг от ваших ничтожных дел, как вы увидите свое теперешнее состояние. Это как если бы на улице шел дождь из рубинов с алмазами, а вы бы сидели дома, запершись и захлопнув ставни; сидели бы, прижимая к груди самое ценное из своего скарба, боясь, что вы его потеряете.

В какой точке потока ваших мыслей вы сейчас находитесь? Что привлекает ваше внимание? Какие диалоги и споры идут сейчас в вашей душе? Стоит вам сосредоточиться на этих вопросах, и вы осознаете, что все вышеперечисленное было настолько тривиальным и пустяковым, что на это вообще не стоило обращать внимание, но именно на это вы и потратили всю вашу жизнь.

И вот Нанак говорит: когда ум отставлен в сторону, когда вы в состоянии не-ума и в вашей душе начинается вибрировать звук Омкар, то вы начинаете осознавать в» е величие, всю необъятность бытия; вы наблюдаете бесконечность жизни, нескончаемый поток нектара, безграничную красоту и неизмеримую силу, не имеющую ни начала, ни конца. Все это вы видите, входя в Его чертоги. И тут вы понимаете, что ни разу до этого не могли ни представить всю громадности бытия, ни ощутить, сколь чудесен его вкус. Увы, как же глупы все мы, своей суетой лишаящие себя каких-либо шансов на встречу с реальностью!

Нанак говорит: “Как мне помыслить об этом?” Тут нужно просто стоять ошеломленно созерцая чудеса вокруг. Проблема в том, что мы смотрим только вниз, ни раз; не поднимая взгляд от гальки и камушков у себя под ногами.

Можем ли мы постичь бытие разумом? Принеси я себя в жертву хоть тысячу раз, это все равно будет лишь пустыми жестом. Как мне отплатить, Создатель, за бесконечное, вечно меняющееся, разнообразие мира, за нектар, непрерывно изливающийся на всю Вселенную? Невозможно, невозможно, принеси я себя в жертву хоть пять тысяч раз! Подобное чувство благоговения и благодарности и есть настоящая молитва.

Бесценны слова Нанака, обращенные к Богу: “Чтоб ты, Господь, ни пожелал, — то будет

наилучшим для меня”. Да будет воля Твоя! В такие минуты все ваши страсти и желания отпадают от вас, и в вашей душе звучит только одна молитва: “О Господи, не исполний моих желаний: пусть исполнится одна лишь Твоя воля!” Ибо все, что вы можете возжелать, оказывается, в конечном счете, вредным и ненужным. Дети всегда тянутся у дурацким игрушкам; взрослые — алчут ненужных вещей.

А потом вы скажете Ему: “Господи, не осуществи моих помыслов, ибо лишь Твой промысел для меня — наилучший. Кто я такой, чтобы решать, чему следует быть а чему — нет? Воля Твоя — наилучшая, какова бы она ни была, отныне и вовеки веков”.

Бог существует всегда. Это я существую в одни отрезки времени и Нt существую в другие. Мое бытие подобно пузырьку в воде. Он — океан, а я — волна. Так о чем же может просить волна? Она живет лишь миг, так могут ли ее желания быть реальными? Последние слова Иисуса были поистине бесценными: “Да будет воля Твоя, Господи!”

Чтоб ты, Господь, ни пожелал, — то будет наилучшим для меня.

Ты безличен, Ты всемогущ — Ты, пребывающий в вечности!

Даже в душе Иисуса поднялась уродливая голова сомнения, когда он был распят на кресте. В то самое время, когда вбивали гвозди в его руки и ноги, в то время, когда заструилась кровь, — был один миг, очень ценный, потому что он показывает, насколько слаб человек. Все, что есть в человеке человеческого, продемонстрировало, через Иисуса, свою полную беспомощность. Иисусу сказал в тот момент: “Что Ты мне показываешь? Что Ты творишь со мной, о Господи?”

Разумеется, Иисус не усомнился в Боге, но все-таки некий намек на сомнение в этом вопросе есть. Он задает очень личный вопрос: “Что Ты этим хочешь показать мне?” — и сомнение прячется за этим вопросом. Одно ясно: Иисуса в тот момент не радовало происходящее. Его не радовал крест, не веселили впивающиеся в тело гвозди. Случилось то, что не должно было случиться.

[страницы 155–158 в скане отсутствуют]

Глава 8

Не счесть способов имя Его повторять преданными устами,

Не счесть способов поклоняться Ему, очищаться.

И бессчетны писанья, повторяемые бессчетными языками,

И бесчисленны йоги пути, что наш ум избавляют от страсти,

И стремящиеся добродетель и мудрость Его постигнуть.

Добродетельным нет числа и числа нет щедрым.

Нет числа храбрецам, Его ради рискующим жизнью,

И дающим молчанья обет, и Ему в медитации верным.

Нанак так говорит: “Как же мне восхвалять Его благодать?”

Моя жертва любая достойной быть Бога не может!

Для меня всего лучше лишь то, что Всевышнему в радость.

Всемогущ, не имеющий формы, вовек непреложен!”

Нет числа бестолковым невеждам, нет счета незрячим слепцам,

И воров с подлецами бесчисленных не перечислить,

И тиранов, что силою правят, пока не уйдут к праотцам,

И убийц, промышляющих только кровавым убийством,

Не счесть грешников, что непрестанно грешат,

И лжецов, что без лжи бы прожили едва ли,

Не счесть варваров, что лишь отбросы едят,

И придир, помышляющих лишь о скандале —

Вот что думает Нанак про низость людскую и гадость.

“Моя жертва любая достойной быть Бога не может!

Для меня всего лучше лишь то, что Всевышнему в радость.

Всемогущ, не имеющий формы, вовек непреложен!”

Нет числа и Твоим именам, и местам обитанья,

И бессчетным мирам, которых никто не достигнет.

Что сбиваться со счету, лишь отягощая сознание?

Через буквы является имя, молитвы приходят.

Буквы носят все знания, все гимны, что к Богу взлетают,

И на буквах вся письменность зиждется, устное слово,

И события все через буквы судьбу обретают.

Судьбы все предначертаны,

Автор судьбою не скован —

Все творенье есть имя Его —

И нет места иного.

Нанак так говорит: “Как же мне восхвалять Его благодать?”

Моя жертва любая достойной быть Бога не может!

Для меня всего лучше лишь то, что Всевышнему в радость.

Всемогущ, не имеющий формы, вовек непреложен!”

[страницы 155–158 в скане отсутствуют]

Индусы утверждают, что Господь уже единожды ниспослал Веды. И нет нужды в новом писании, поскольку Всевышний, в отличие от человека, не совершает ошибок и содеянное Им не нуждается в улучшении. Он являет собой абсолютное знание, и Веды — Его единственные подлинные слова, следовательно, все прочие писания ложны. Господь уже единожды дал Свой завет, и все последующие писания служат лишь обманом человечества. Однако христиане и магометане утверждают, что вселенная претерпевает непрестанные изменения, и поскольку меняется человек, меняться должен и Бог. Заветы меняются в силу изменения ситуации. И верить, стало быть, надлежит новому, а не устаревшему.

Кому же вы будете внимать? Кому поверите? В конечном итоге вы остаетесь один на один с собственным пониманием. Вы заплутали, вы стоите среди полной неразберихи, и ваши ноги дрожат...

Человек обратился к атеизму, поскольку стало неизмеримо сложнее во что бы то ни было верить. Необходимо отыскать некий путь, который позволил бы простому, неискушенному человеку обрести веру и снова стать теистом. Если даже великие философы не сумели сделать выбор, что уж и говорить о простом человеке? У него нет ни средств, ни времени, и он не вооружен рассудительностью и логикой. Какой же ему избрать путь и как это сделать?

Нанак предлагает бесценный выход: бесполезно бродить по этим бесчисленным путям, и единственное известное мне решение таково:

Для меня всего лучше лишь то, что Всевышнему в радость.

Следовательно, сам я живу всецело для Твоего удовольствия. Я не могу самостоятельно совершать выбор в силу своего невежества и тьмы, в которой пребываю — я слепец. Я абсолютно лишен силы, необходимой для начала поиска. Я лишен критерия аутентичности собственного пути. Что делать мне? Я припадаю к ногам Твоим — и да свершится воля Твоя.

И да будет воля Твоя: я сию, послушный Твоей воле; и стою, послушный Твоей воле; на все, что я делаю воля Твоя. Я абсолютно не привношу в это себя сам. Заставишь меня скитаться, пушусь в скитания; заставишь достигнуть конечной цели, — и на то да будет воля Твоя. Я не стану сетовать на скитания, не стану и гордиться достижением цели, ведь на все Твоя воля. Не я буду

решать. Именно это имеет в виду Кришна, обращаясь к Арджуне словами Гиты: “Сложи с себя все религиозные обязанности и предай себя мне”. Слова эти сказаны от имени Всевышнего.

Нанак же говорит устами стремящегося так: для меня всего лучше то, что радует Бога. Путь, избранный для меня Тобою, станет моим. Спасусь ли я, — на то Твоя воля. Я не стану заботиться о выборе, веди же меня, куда Тебе угодно. Если Тебе угодно, чтобы я блуждал, блуждания станут моим путем. Если Тебе угодно, чтобы я пребывал во мраке, мрак станет для меня светом. Если Ты день превратишь в ночь, он станет ночью для меня. Тебе выбирать мой путь, не мне, о Господь!

Это очень и очень сложно, поскольку ваше “эго” будет вмешиваться снова и снова, а ум — назойливо интересоваться, что же все-таки происходит. Ужели Бог совершил ошибку? Не ошибся ли я, поверив Ему до конца? Пока все в порядке, вы будете относиться к Богу с доверием, когда же действительность станет расходиться с вашими желаниями, возникнут проблемы. И это будет истинное время практических испытаний.

К примеру, идя по пути, усыпанному цветами, вы, вторя Нанаку, будете восклицать: “Твоя воля есть и моя воля”. Однако когда ввергнутый в пучину страданий, вы будете встречать на своем пути одни оскорбления и провалы, наступит истинное время испытания вашей веры на практике. Охваченный тоской и болью, вы также должны вторить Нанаку: “Тебе выбирать мой путь, не мне, о Господь! Я рад всему, что Ты выберешь для меня!” В тоске и страдании равно принимайте то, что Он вам дает.

Однако подобное приятие не должно являть собой шоу наигранного удовлетворения. Не забывайте, что иногда мы спасаемся ложным удовлетворением от ощущения собственной беспомощности. В безвыходном тупике страданий и несчастий проще всего сказать: “И да будет воля Твоя”. А тем временем за нашими словами кроется неудовлетворенность. Внешне мы принимаем, тогда как внутренне протестуем! То, чего мы желали, не свершилось, и с этим ничего не поделаешь. Мы беспомощны, бессильны; и самое лучшее для нас — принять Его волю.

Если бы вы твердили эти слова Нанак в состоянии беспомощности и покорности, до вас не дошел бы их истинный смысл. Удовлетворение не является достойным жалости состоянием: это состояние высшего благословения. Слова эти произносятся не в утешение, когда ничего иного не остается, а в утверждение истины. Уразумейте, что это не должен быть акт самообмана или самоутешения.

Обычно чувство это приходит после того, как человек сделал все от него зависящее, чтобы выбраться из некоей затруднительной ситуации. Исчерпав стремление к действию, он признает свое полное поражение и лишь тогда обращается к Нему, преисполнившись отчаяния. Однако это не означает истинной капитуляции перед Всевышним. С самого начала вы не должны предпринимать никаких попыток изменить обстоятельства, но должны вверить Ему свою судьбу.

Концепция полной капитуляции Нанак предлагает предельно духовный путь, наивысшую духовную практику стремящегося. И тогда уже незачем беспокоиться о выборе пути, метода или писания; незачем беспокоиться и о логике или обосновании некоей философии — все это ни к чему. Стремящийся избавляется от всего этого посредством одного лишь акта капитуляции. Он одним махом отбрасывает это, воскликнув: “Тебе выбирать мой путь, не мне, о Господь! И да

будет воля Твоя!”

Вы поймете это, немного поэкспериментировав. Нанак не философ. Он не оставил писаний; слова его являются выражением внутреннего чувства. Он озвучивает собственный опыт. На каждом шагу у вас будут возникать трудности, связанные с “эго”, кричащим что есть мочи: “Я знаю, что правильно и как надо”.

У Толстого есть один короткий рассказ. Бог смерти послал своего ангела на землю за душой новопреставленной женщины. Ангел был в затруднении, поскольку женщина родила тройняшек. Это были три девочки: одна все еще сосала молоко мертвой матери, вторая плакала, а третья настолько утомилась, что уснула. Вот такая ситуация: три младенца лежат подле трупа матери, и некому взять на себя заботу о них, ведь их отец уже умер, а больше в семье никого нет.

Ангел вернулся с пустыми руками и поведал богу о кончине женщины: “Прости меня, я не принес ее души. Ты не представляешь, чему я был сейчас свидетелем: женщина только что родила троих младенцев, один из которых все еще сосет ее грудь. И некому взять на себя заботу о них. Не предоставишь ли ты женщине еще немного времени, чтобы ее девочки могли подрасти и сами о себе позаботиться?”

“Похоже, ты стал слишком рассудителен и мудр,” — молвил бог смерти, “возможно, ты мудрее того, кто распоряжается как жизнью, так и смертью всех смертных. Ты совершил первый грех — и будешь наказан. Тебе придется вернуться на землю и до тех пор, пока ты три раза не посмеешься над собственной глупостью, тебе не вернуться назад”.

Поймите: надо три раза посмеяться над собственной глупостью. “Эго” всегда смеется над чужими ошибками. Когда же вы сможете посмеяться над собственным абсурдом, “эго” сломается. Ангел с готовностью согласился принять наказание. В данной ситуации он был вполне уверен в собственной правоте и гадал, как найти способ над собой посмеяться. Он был изгнан с небес.

На пороге стояла зима. Сапожник, отправившийся купить теплую одежду детям, наткнулся на совершенно раздетого беднягу, дрожавшего от холода. Это был ни кто иной, как наш старый знакомый ангел. Сапожнику стало жаль его. Вместо того чтобы купить детские вещи на тяжелым трудом заработанные деньги, он пошел и купил раздетому человеку одежду и одеяло. Узнав, что тому вдобавок нечего есть и некуда идти, он предложил ему свой кров. Сапожник предупредил, что жена его будет сердиться, однако расстраиваться не стоит, со временем все наладится.

Сапожник привел ангела в свой дом. Ни сам он, ни его жена не имели ни малейшего представления о том, кто это был на самом деле. Стоило им отворить дверь, как жена обрушила на мужа шквал брани за то, что он натворил.

Ангел рассмеялся в первый раз.

Сапожник поинтересовался, почему он смеется. “Я скажу тебе, когда рассмеюсь в следующий раз,” — ответил тот, зная, что жена сапожника не подозревает о тысяче преимуществ, которые дает само присутствие ангела, столь немилого ее сердцу гостя.

Но так ли уж дальновиден человек? Для жены это означало лишение теплых детских одежек. Она была способна увидеть в ситуации только утрату, а не находку, и к тому же бесплатную. Вот он и рассмеялся, видя что женщина не подозревает о том, что происходит вокруг.

За неделю ангел освоил сапожное ремесло, и уже через несколько месяцев сапожник прославился на всю округу. Даже короли и вельможи заказывали у него обувь, и деньги потекли к нему рекой.

В один прекрасный день королевский слуга принес в мастерскую особую кожу и заказал для короля пару сапог. “Постарайтесь не испортить, поскольку такой кожи больше нет, — предупредил слуга. — И помните, что королю нужны сапоги, а не тапочки”. Тапочки в России надевают на мертвецов, отправляющихся в свой последний путь. Сапожник распорядился, чтобы ангел выполнил королевский заказ с особым тщанием, дабы не случилось беды.

Вместо этого ангел изготовил королю тапочки. Сапожник был вне себя от гнева. Он уже не сомневался, что будет повешен. Он погнался за ангелом, чтобы отдубасить его палкой. Ангел же громко рассмеялся в тот самый миг, когда от короля примчался гонец, чтобы, сообщить им: “Король умер. Пожалуйста, сделайте тапочки из сапог”.

Нам неведомо будущее: одному Ему известно, что должно свершиться. Человек принимает все решения на основе прошлого опыта. Пока король был жив, ему нужны были сапоги, когда умер — понадобились тапочки. Сапожник бросился в ноги к ангелу, умоляя простить его. “Не волнуйся, — ответил ангел. — Я отбываю свое наказание.” И он снова рассмеялся.

“Чему ты смеешься?” — спросил сапожник.

“Я рассмеялся второй раз, поскольку мы не знаем будущего и все же настаиваем на своих желаниях, которым не суждено реализоваться, поскольку это не входит в планы судьбы, — отвечал ангел. — Космический закон действует, судьба предначертана, и мы лишены права голоса. И все же мы поднимаем шум и вопим так, будто сами вершим судьбы. Стоя одной ногой в могиле, король заказывает себе сапоги! Жизнь клонится к закату, а мы все строим планы на будущее”.

Вдруг ангел вспомнил о тройняшках: “Я не знал их будущего. Так зачем же я понапрасну вмешивался в их жизнь?”

Вскоре это случилось и в третий раз. Три юные барышни в сопровождении пожилой богатой дамы зашли в мастерскую заказать себе туфли. Ангел узнал в них дочерей умершей женщины, из-за которой он был наказан. Все три девушки сияли счастьем и красотой. Ангел осведомился о них у пожилой дамы, и та ответила: “Это три дочери моей соседки. Мать была крайне бедна и скончалась прямо после родов. Мне стало жаль беспомощных деток, и я удочерила их за неимением собственных детей”.

Останься мать в живых, девочки выросли бы в нужде и лишениях. Но поскольку она умерла, они росли, окруженные богатством и комфортом, а ныне стали наследницами состояния пожилой дамы. Им также предстояло сочетаться браком с членами королевской семьи.

Ангел рассмеялся в третий раз.

“Я смеюсь третий раз благодаря этим барышням, — пояснил он сапожнику. — Я заблуждался. Судьба исполнена величия, в то время как наше видение ограничено тем, что находится в поле зрения. Однако мы столь многого не видим. Мы не способны представить себе грандиозность того, чего не видим и чему суждено свершиться. Я трижды посмеялся над собственной глупостью; наказание позади; теперь мне пора.

Нанак говорит о том, что перестав чувствовать себя пупом земли и стоять у себя на пути, вы отыщете Путь из Путей. И тогда вам не нужно будет беспокоиться об иных путях. Вверьте все Ему и преисполнитесь благодарности за все, что случилось с вами по Его воле, за все, что Он заставляет вас совершать в данный момент и за все, что Он заставит вас совершить. Всячески прославляйте Его! Выпишите Ему чек благодарности на предъявителя без ограничения суммы оплаты. Чтобы Он ни избрал для вас и через вас, независимо от того, нравится вам это или нет, принесет ли это славу или позор, сочтут ли вас счастливым или неудачником, принимайте все это с равной степенью благодарности.

Нанак видит лишь один путь: всемогущ не имеющий формы, вовек непреложен. Я слишком ничтожен, подобно волне в океане. Я вверяю все Твоей воле. Ты даровал мне так много. Потoki Твоих щедрот непрестанно изливаются повсюду. И даже принеси я себя Тебе в жертву тысячу раз, сей дар был бы слишком ничтожен. Ему ведом лишь один путь: для меня всего лучше лишь то, что Всевышнему в радость.

Не счесть способов имя Его повторять преданными устами,

Не счесть способов поклоняться Ему, очищаться.

И бессчетны писанья, повторяемые бессчетными языками,

И бесчисленны йоги пути, что наш ум избавляют от страсти,

И стремящиеся добродетель и мудрость Его постигнуть.

Добродетельным нет числа и числа нет щедрым.

Нет числа храбрецам, Его ради рискующим жизнью,

И дающим молчанья обет, и Ему в медитации верным.

Нанак так говорит: “Как же мне восхвалять Его благость?”

Моя жертва любая достойной быть Бога не может!

Для меня всего лучше лишь то, что Всевышнему в радость.

Всемогущ, не имеющий формы, вовек непреложен!”

С одной стороны, существует масса святых и философов, тщательно продумавших и предложивших миру бесчисленные методы отыскания истины. Однако, к сожалению, истина утрачена в силу бесчисленности подобных методов.

Нет числа бестолковым невеждам, нет счета незрячим слепцам,

И воров с подлецами бесчисленных не перечислить,

И тиранов, что силою правят, пока не уйдут к праотцам,

И убийц, промышляющих только кровавым убийством,

Не счесть грешников, что непрестанно грешат,

И лжецов, что без лжи бы прожили едва ли,

Не счесть варваров, что лишь отбросы едят,

И придир, помышляющих лишь о скандале —

Вот что думает Нанак про низость людскую и гадость.

“Моя жертва любая достойной быть Бога не может!

Для меня всего лучше лишь то, что Всевышнему в радость.

Всемогущ, не имеющий формы, вовек непреложен!”

С другой стороны, существует толпа подлецов, грешников, убийц и развратников. И они отыскивали бесчисленное количество способов перехитрить истину, употребив на это всю изощренность собственного эго. Это изобретательные новаторы в области лжи. Это великие первооткрыватели, покоровившие захватывающие дух высоты неправды, авторы красивейших снов, дразнящих ложной надеждой. Любой может попасть в ловушку их гипнотического обаяния и сбиться с пути.

Сбиться с пути можно либо избрав неверный путь, либо воздерживаясь от принятия решения в отношении выбора правильного пути. В обоих случаях вы совершите ошибку. Нанак говорит: “Я ни о чем не забочусь. Что бы Ты ни избрал, это будет для меня лучше всего. Мне нет дела до того, что говорят праведники или грешники. Я не выбираю ни грех, ни добродетель, ни верный путь, ни неверный. Я ничего не выбираю: я предоставляю тебе все решать. Все, что Ты заставишь меня сделать, будет благоприятным. Куда бы Ты ни привел меня, для меня это будет благом. Какой бы путь Ты ни указал, он станет моим путем. И не важно, будет ли достигнута цель.

Поймите: если в вас притаилось желание чего-либо добиться, вы не сможете все предоставить на Его усмотрение. И тогда все ваше внимание будет сосредоточено на цели, и вы будете постоянно беспокоиться о собственном прогрессе. Ваша капитуляция будет неполной и не чистосердечной, что еще хуже, чем отказ от капитуляции.

Нет! О достижении или не-достижении конечной цели и речи быть не может, поскольку конечной цели больше не существует. Отказ от любых мыслей о достижении конечной цели и есть конечная цель как таковая. Способность к капитуляции — неотъемлемое качество стремящегося. Капитуляция не оставляет камня на камне. И тогда, если Он заставит

стремящегося опуститься на предельные глубин, последний будет ощущать свое вознесение. Если Он забросит стремящегося в яму, где царит крошечный мрак, тот почувствует восход солнца в тысяче направлений. Дело не в том, куда вы идете, не в том, чего достигнете, а в том, каковы ваши самые сокровенные чувства.

Метод Нанак всецело является методом капитуляции.

Нет числа и Твоим именам, и местам обитанья,

И бессчетным мирам, которых никто не достигнет.

Что сбиваться со счету, лишь отягощая сознание?

Через буквы является имя, молитвы приходят.

Буквы носят все знания, все гимны, что к Богу взлетают,

И на буквах вся письменность зиждется, устное слово,

И события все через буквы судьбу обретают.

Судьбы все предначертаны,

Автор судьбою не скован —

Все творенье есть имя Его —

И нет места иного.

Нанак так говорит: “Как же мне восхвалять Его благость?

Моя жертва любая достойной быть Бога не может!

Для меня всего лучше лишь то, что Всевышнему в радость.

Всемогущ, не имеющий формы, вовек непреложен!”

Его имя! Их было открыто почти столько же, сколько людей в мире. Каждый делает свой выбор. Существует индийское писание, Вишну Сахастранам, содержащее одни только имена Бога. У магометан свои имена. Как у индусов, так и у магометан существует традиция нарекать ребенка одним из имен Бога, таким как исламские имена Бога Рахман, Рахим, Абдулла, а также Его индусские имена Рам, Кришна, Харе.

Если бы перед нами стояла задача выяснить все разнообразные имена, мы бы обнаружили, что они столь же многообразны, как и люди на земле. И все же вывод существует: сколько бы имен мы не нашамповали, все они порождение человеческого ума У Него же нет имени. Следовательно, мы можем дать Ему любое имя.

Поэтому Нанак вопрошает: “Какое из имен Твоих повторять мне? Каким из них именовать

Тебя?” Ищущий всегда беспокоится о том, какое из имен лучше. Всем известно, что для того, чтобы послать письмо, нужно указать адрес, поэтому мы больше всего внимания уделяем имени и адресу.

Было время, когда Мулла Насреддин работал на человека, у которого была слабость к написанию анонимных писем. Последний слал их министрам, редакторам газет, а также представителям интеллектуальной элиты города. В один прекрасный день он написал письмо и отдал его Насреддину, который сразу же его отправил.

“Где письмо? Ты отправил его?” — спросил он Насреддина.

“Да,” — был ответ.

“Но я еще не указал адрес на конверте. Как же ты этого не заметил?”

“А я заметил, — ответил Мулла. — Но я просто подумал, что на сей раз ты решил сохранить в тайне не только свое имя, но и адрес”.

Если утаить адрес, как дойдет письмо? Как адресовать Ему письмо так, чтобы оно дошло? Значит, важно знать Его имя. И люди бесконечно ищут подходящее Ему имя, на которое бы Он откликнулся. Нанак же говорит: “Либо все имена — Его имена, либо ни одно имя именем Его не является. Акшара — буква — есть имя Его. Акшара означает букву, а также то, чего нельзя стереть. Буквы А, Б, В, Г можно стереть после того, как они были написаны. И буквы называются акшара по очень важной причине. Это слово подразумевает нечто значимое, истинное и невыразимое; написанное же является лишь его отражением.

Это подобно тому, как светящая в небе луна отражается в озере. Возмущение водной глади разобьет отражение на тысячу осколков, поскольку отражение подвержено уничтожению. Но сколько бы вы не старались, вам не разбить луны, поскольку она не подвержена разрушению. Язык наш — лишь эхо языка Господа. Все, что мы пишем в книгах и на дощечках, является лишь слабым отражением, которое может быть в любой момент уничтожено. В то время как источник, из которого исходят слова, не подвержен уничтожению. Вы, говорящие, уничтожимы, то же, что говорит через вас, не подвержено уничтожению.

Поэтому Нанак и говорит, что акшара есть имя Его, буква, которая не может быть ни написана, ни уничтожена. Все же остальное, кроме акшары, создает человек. Что же такое акшара, что это за буква, что за слово?

Омкар доносит до нас весьма близкое эхо акшары. Вся философская система Нанака зиждется на таком центральном понятии как Эк Омкар Сатнам — вот и все. Зная эти три слова, вы будете знать Джапджи целиком; и тогда вы поймете Нанака во всей его полноте, поскольку это суть его стихов. Согласно Нанаку, акшара есть Омкар — единственный существующий резонанс, вибрирующий, даже когда он не выражен и не написан. Резонанс этот не подвержен уничтожению, в нем сама музыка бытия, и нет способа разрушить его. Он пребудет, и когда все прочее будет разрушено.

В Библии сказано то, что неизменно повторяется во всех писаниях: “В начале было слово”. Логос, подразумеваемый под словом на западе, и есть Омкар. В начале было слово, все

остальное появилось вслед за этим. И когда всего остального не станет, слово будет по-прежнему резонировать, вобрав в себя все остальное.

В Индии были разработаны разнообразные методики шабд йоги — ноги слова. Вся практика заключается лишь в словах. Смысл ее в том, чтобы стать бессловесным и заставить умолкнуть внутреннего болтуна, — тогда можно услышать глас божий. Так утверждает йога.

Нанак же говорит: “Нет числа и Твоим именам, и местам обитанья, и бессчетным мирам, которых никто не достигнет. Что сбиваться со счета, лишь отягощая сознание?” И действительно, говорить о Всевышнем означает лишь приумножать бремя словес, поскольку все, что вы скажете, послужит только излишним отягощением ума, ведь все, что вы скажете будет в основе своей неверно.

Представьте себе человека, стоящего на берегу океана и произносящего: “Этот океан безбрежен”. Если он не предпринял попытки измерить океан и просто это утверждает, то какой в этом прок? Говорят, Тихий океан имеет глубину пять миль, и все же нельзя сказать, что он безграничен, поскольку так говорят о том, что действительно не имеет границ.

Если спросить говорящего, что он имеет в виду, он может ответить: “Я просто стоял на берегу и утверждал это”. Значит он неправильно подобрал слова. Если бы он сказал: “Я нырял, но не смог добраться до дна,” — и тогда это было бы неверно, поскольку дна не было лишь на той глубине, на которую он нырял. Возможно, нырни он чуть глубже, он бы достиг океанского дна. В данном случае ему следовало сказать: “Я нырял на глубину пять миль от поверхности океана, но не достиг его дна”. Если бы он сказал, что спустился на такую глубину и не достиг дна, это была бы неправда. Спустившись на такую глубину, неизбежно достигаешь дна океана, поскольку дальше океана нет.

Что же сказать о Боге? Чтобы сказать, что Он безбрежен, вы должны полностью познать Его. Однако, если это произойдет, все слова утратят свой смысл, поскольку достигнута абсолютная глубина. Или вы можете сказать, что продвинувшись весьма далеко не обнаружили предела. Но и в этом случае вам не следует использовать слова безбрежный. Как знать, возможно продвинувшись чуть дальше, вы бы достигли цели.

Как вы можете говорить “неисчислимый”. Вы окончили счет? Если да, то сколь бы велико ни было полученное число, оно все же не выходит за рамки счета. Если же вы ответите, что все еще заняты счетом, тогда ждите и не торопитесь с выводами. Как знать, возможно, счет все еще может оказаться конечным.

Так что именовать Бога неисчислимым означает называть неисчислимое его же собственным именем, что лишь способствует дополнительному отягощению ума. Как бы вы Его ни именовали: неизмеримым, беспредельным, безграничным, — это не имеет значения. Бесполезно и бессмысленно говорить что бы то ни было о Всевышнем. Все, что вы скажете, будет характеризовать лишь вас самого. Человек, именующий Господа непостижимым, лишь признает, что ему не под силу измерить Бога.

Каждый человек подходит к проблеме определения неисчислимого со своей меркой. В одном африканском племени счет не выходит за пределы трех. Когда не существует чисел, больших, чем три, все, что превышает три, становится неисчислимым. Три — это уже слишком много, и

все за пределами этого слишком многого становится бесконечным.

Действительно ли Бог неисчислимы, или же наш счет конечен? Неизмерим ли Он, или нам просто не хватает измерительных средств? Бескрайний ли Он, или просто наши ноги не могут дальше идти? Что бы ни сказали, мы говорим это о себе; о Нем же мы абсолютно ничего не можем сказать. Было бы лучше ограничиться разговорами о себе, поскольку лишь в этом случае можно сказать правду.

Перед Ним мы становимся абсолютно несостоятельными и некомпетентными; ни один из наших подходов и методов не дает результата. Мы терпим полное фиаско, при этом восклицая: “Промысел Твой безграничен, бесконечен, безмерен!” И мы расписываемся в собственной неспособности измерить Его. Если же мы чувствуем, что сказали что-то о Нем, то, тем самым, лишь отягощаем бремя собственных мыслей.

Вы не можете, просто не можете сказать что-либо о Боге. Вы можете лишь хранить молчание о Нем. Одно только полное безмолвие способно дать отдаленное представление о Всевышнем. Поэтому, говорит Нанак, называть Его неисчислимым, неизмеримым означает лишь множить бремя слов. Ничего не говорите — ничего абсолютно! Станьте чем-то. Не произносите ни слова. Когда ваша личность претерпевает изменения, вы становитесь ближе к Богу. Лабиринт слов лишь все больше вводит вас в заблуждение, и вы не оказываетесь близ Господа.

Когда Нанак принял в школу, первый вопрос, с которым он обратился к учителю, был: “А поможет ли мне ваше учение познать Бога?” Вопрос застал врасплох учителя, никак не ожидавшего услышать такое из детских уст. “Благодаря учению ты узнаешь очень многое, однако это учение не дарует возможности познания Бога,” — отвечал учитель.

“Так покажи мне способ познания Всевышнего. Что делать мне со столь обширными знаниями? Если же я познаю Единого, я познаю все. Познал ли ты Его, учитель?”

Должно быть, педагог был честным человеком. Он отвел Нанак обратно домой и сказал его отцу: “Простите меня, но мне нечему научить этого ребенка. Он знает уже так много, что задает мне вопросы, на которые у меня нет ответов. Этот мальчик наделен сверхчеловеческим, и ему суждено стать великим. Нам нечему его научить. Нам бы лучше чему-нибудь самим у него поучиться”.

Как это объяснить? В Индии бытует особое философское объяснение как раз таких случаев: у Нанак было тело ребенка, в то время как сознание в нем пребывало древнее. Через бесчисленные рождения сознание его искало и боролось, пока Нанак не понял, что Его не постичь посредством знания. Вы не можете установить с Ним словесный контакт. Одно безмолвие способно даровать вам надежду на общение с Ним. Слова, произнесенные Нанак-ребенком, являются следствием знания, обретенного его сознанием в результате бесконечных рождений.

Ни один ребенок не является абсолютным ребенком, поскольку ни один ребенок не рождается с абсолютно девственным сознанием. Ребенок приносит с собой впечатления обо всем пережитом благодаря бесчисленным рождениям. Так что относитесь к ребенку с должным уважением: как знать, возможно, ему известно больше вашего! Тело ваше может быть старше его тела, однако опыт его может быть старше вашего опыта. Часто дети задают нам обескураживающие вопросы,

и мы не находим ответа, Однако полагаем, что будучи старше и сильнее, обязаны его знать — и душим их любопытство своей тяжелой рукой.

Нанак повезло, что учитель его был честным человеком, и привел мальчика обратно домой, ясно понимая, что тот говорит чистую правду. Учитель осознал, что если никакие писания не сделали его мудрым, то нет смысла учить ребенка тем же бесполезным предметам. Это бы лишь способствовало отягощению его бремени.

Познание Единого избавляет от всякого бремени. Знание же всего на свете лишь чрезмерно отягощает ум. Говорить неисчислимый значит лишь обременять ум Слово, буква является именем.

Слово есть имя Его. Омкар — Его имя, Его единственное восхваление и молитва. Ничего не говорите — вообще ничего. Лишь наполнитесь резонансом слова Омкар — и начнется молитва! Не надо ничего говорить. Не говорите: “Я грешник, я ничтожен; Ты искупитель!” Нет смысла и поклонять колена, падать ниц, крича и стеная, — это также не имеет отношения к молитве.

Человек сочинил Богу молитвы, пригодные разве что для льстиво! о восхваления эгоиста. Ступайте к королю, валяйтесь у него в ногах, воздевайте к нему руки, называйте своим искупителем, своим спасителем — и он будет доволен вами. Вот вы и сочиняете Богу молитвы подобного рода.

“Это не молитва, — говорит Нанак. — Господь не эгоист. Кого же вы тогда надеетесь обольстить? Кого пытаетесь обмануть? Должно быть, вы стараетесь получить что-то от Него, воспевая Ему хвалу, иначе к чему все эти восхваления? Нет, молитва не означает восхваления. Велика ли цена похвалы?” Поэтому Нанак повторяет снова и снова: “Что можно сказать о мироздании или о природе? Как можно выразить их очарование? Этого не опишешь никакими словами”.

Что еще может означать молитва? Ее единственное значение должно быть наполнено словом Омкар. Вне резонанса сего слова не существует никакой молитвы, никакого поклонения. Храмы возведены таким образом, что купола эхом вторят резонансу слова Ом и возвращают вам его вибрации. Особое внимание уделялось тому, чтобы всякий храм возводился гак, чтобы при правильном произнесении слова Ом, единственный резонанс возвращался тысячекратно.

Недавно на западе возникла новая технология — обратная биосвязь, которая в дальнейшем может оказаться весьма полезной. Это метод обучения, помогающий успокоить ум, показывая ему, что происходит внутри. Когда ум крайне занят и возбужден генерируются электрические токи, отражающие уровень его активности. Посредством маленьких проводков эти токи могут передаваться устройству обратной биосвязи, функция которого заключается в том, чтобы показывать уровень умственной активности посредством измерения силы тока и преобразования его в звук, воспринимаемый слухом. Когда ум полон мыслей, а в теле царит напряжение, происходит быстрое повторение высокого тона. По мере того, как ум успокаивается, звук замедляется, и тон его понижается. Мало-помалу устройство помогает вам лучше осознавать происходящие внутри изменения, пока вы, наконец, не обретаете способность контролировать звуки, а значит и впадать в состояние полной релаксации и внутренней тишины. В конце концов, когда тело научится себя слушать, вам уже не понадобится устройство. Подобная техника обратной биосвязи может также использоваться при обучении и медитации.

Восток на протяжении веков был весьма искушен в технике обратной биосвязи. Одним из подтверждений этого являются стены храмов. Они аккумулируют резонанс слова Ом и посылают его обратно в центр, из которого оно исходит. Вы производите звук и он обрушивается на вас потоком. И по мере того, как резонанс слова Омкар возникает, чтобы все больше и больше приближаться к истинному Омкар, нарастают скорость и интенсивность обратной связи. По мере продвижения вы почувствуете, как внутри вас формируется резонанс; тогда ваш Омкар будет исходить, скорее, из сердца, чем из горла. Одновременно будет наблюдаться изменение тона эха, звучащего в храме. Вы обнаружите, что оно стало носить более спокойный характер.

По мере того, как резонанс Омкар будет все глубже спускаться к вам в сердце, эхо, звучащее в храме, будет доставлять вам все больше удовольствия. Когда же звук будет издаваться только ртом, поначалу вам будет казаться, что слишком шумно. Когда же произнесение начнет идти от сердца, вы начнете улавливать музыку резонанса. Добившись идеального произнесения, вы обнаружите, что резонанс возникает сам по себе, и вы его уже не создаете. И тогда каждый атом храма будет изливать на вас благодать.

Храм подобен маленькому бассейну, где вы можете потренироваться подобно тому, как учатся плавать на мелководье. В совершенстве овладев искусством произнесения Омкар, выходите в безбрежный океан космоса. Весь мир станет вам одним большим храмом, увенчанным голубыми куполами небес. Где бы вы ни стали произносить Омкар, величественные своды небес ответят вам, и со всех сторон прольется благословение.

Вот что говорит Нанак: “Восхвалять Его можно лишь посредством буквы, слова. Все знание стяжается лишь посредством акшары. На акшаре зиждется вся письменная и устная речь. Из акшары берут начало все судьбы”.

Это очень тонкий момент с точки зрения понимания. Нанак говорит, что “события все через буквы судьбу обретают”. По мере того, как внутри вас раскрывается слово, меняется ваша судьба. Ключ к изменению жизни имеет форму Омкар. Чем дальше вы уходите от Омкар, тем на более жалкое существование себя обрекаете. По мере вашего соединения со звуком, словом, развивается имя, и соответственно, к вам приходит удача.

Отлучение от Омкар подобно седьмому аду, приближение к Омкар означает приближение к небесам, а единение с Омкар есть спасение. Таковы три возможные направления судьбы, и нет иного способа изменить судьбу свою. Сколько бы богатств вы ни стяжали, если вы в аду, то вы в аду — просто это ад богатого человека. Если ваш удел — печаль, вы пребудете в печали, даже если отстроите себе дворец; вы преуспеете в превращении лачуги во дворец, но не нищеты в счастье. Ваши страдания никуда не денутся. Судьба ваша не изменится, поскольку не изменится длина волны вибраций, определяющих вашу судьбу.

В этом мире есть два типа людей. Одни постоянно пытаются изменить условия своего существования: бедняк стремится разбогатеть, мелкий служащий — возглавить свою фирму, арендатор жилья — обрести собственный кров, иным хочется жену покрасивее и г. д. Такие люди пытаются изменить ситуацию, однако длина волны течения их жизни остается прежней, и в них не происходит ни малейших изменений.

Другой класс людей составляют ищущие. Они не заботятся об изменении внешних условий, а

принимаются за изменение длины волны своей жизненной вибрации. Длина эта не изменится до тех пор, пока ищущий не будет чувствовать себя в высшем из царств независимо от того, находится он в лачуге или во дворце. И заброшенный в ад, он будет испытывать одно лишь присутствие в раю. Резонанс Омкар наполнит его празднеством благословения. Вам не отнять у него счастья, даже если вы бросите его в огонь!

Одна монахиня Дзен перед смертью обратилась к ученикам с такими словами: “Пока я еще жива, хочу взойти на свой погребальный костер. К чему перемещаться на чужих плечах? Я не хочу, чтобы обо мне говорили, что другим пришлось меня нести. Я никогда в жизни не принимала чьей бы то ни было помощи. И лишь Единый — мой единственный оплот. К кому еще мне обращаться и зачем?” Она не слушала никаких доводов. Ученикам ее пришлось соорудить погребальный костер. Она взошла на него и приказала поджечь. Жар был столь нестерпимым, что люди разбежались, тогда как монахиня сохраняла невозмутимость.

“Что ты чувствуешь?” — выкрикнул кто-то из толпы. Она открыла глаза и ответила: “Только то, что ты можешь задавать столь дурацкие вопросы”.

Выражение лица ее так и не изменилось. Ложе из цветов или ложе из пламени — для нее все было едино.

Как только регулируется длина внутренней волны, никакой огонь ей уже не страшен, а цветам нечего к ней добавить. Именно внутренний поток называет Нанак судьбой. Судьба не написана у вас на лбу. Скорее, она записана в длине волны течения вашей жизни, в вашей вибрации. А следовать за этим течением жизни можно только посредством Омкар

И на буквах вся письменность зиждется, устное слово,

И события все через буквы судьбу обретают.

Судьбы все предначертаны,

Автор судьбою не скован.

Для Бога не существует судьбы, предначертания. Всевышний чужд стремлений и побуждений. Он вне судьбы. Ему некуда идти. Он не ищет конечной цели. Поэтому индусы говорят о лиле Бога, что означает игра Бога. Господь играет с собственным творением, как ребенок играет в игрушки: у малыша нет иного побуждения, кроме как играть ради игры. Он всегда жизнерадостен и счастлив.

Цветы расцветают — чего ради? Луна сияет и мерцают звезды — для чего? Какой смысл любить? Зачем текут реки и ручьи?

Всевышний пребывает. Он никуда не движется. В день, когда течение вашей жизни обретет нужную длину волны, вы обнаружите, что вас покинули все стремления. Вот почему мы употребляем слово лила, а не биография в отношении жизней Рамы и Кришны. Жизни их — игра, спорт, шалость, празднество!

Автор судьбою не скован. Мы получаем лишь то, что Ему угодно. Все творения есть имя его. Так

к чему отыскивать Его имя? Роспись Его стоит на деревьях, растениях, камнях и гальке. Иисус говорил: “Подними камень — и найдешь меня распластанным под ним. Сломай ветку — и найдешь меня, сокрытого в ней”. Везде имя Его. Он вибрирует в каждом звуке, и все вибрации являются формами Единого — Омкар. Его интенсивность и утонченность порождает все звуки.

Единый кроется во множестве. Все творение есть имя Его. Нет места, где бы не было Его имени... как же мне восхвалять Его, творца творения? Нанак полон недоумения. Снова и снова преисполняется он благодарности и благоговения — как же выразить естество?

Нанак так говорит: “Как же мне восхвалять Его благость?”

Моя жертва любая достойной быть Бога не может!

Для меня всего лучше лишь то, что Всевышнему в радость.

Всемогущ, не имеющий формы, вовек непреложен!”

Оставьте все на Его усмотрение. Нужно только ослабить хватку, с которой вы цепляетесь за себя самое — и все разрешится. Вашей единственной проблемой является прислушивание к собственным советам. Вы принимаете себя как собственную гуру. И тут только один выход: предоставьте Ему быть вашим гуру и не вмешивайтесь в собственные дела; отойдите в сторонку, доверив Ему бразды правления вашей судьбой. И тогда, что бы ни случилось, не судите и не делайте выводов, поскольку ничто не случается вопреки Его воле. Все, что ни делается, — все к лучшему. Благоприятнее всего то, что приятно Ему. И да будет воля Твоя!

Глава 9. Окраситься в Его цвет

Если тело грязью покрыть,

То смыть ее сможет вода.

Если в пятнах, вся замаралась, одежда,

То мыло с водой отстирают ее добела.

Пусть даже разум преисполнен злобы

Любовь к Его имени окрасит тебя в Его цвет.

Святой и грешник — не пустые слова:

Поступки все наши записаны были.

Человек, сам посеяв, сам урожай собирает.

Нанак говорит: “Божественным промыслом спасены одни

И вновь рождаются другие”.

Святые места посещая, милосердью и добрым делам предаваясь,

Стяжать ты сможешь людей уважение;

Но у того, кто слушает Бога и медитирует на Его имя,

Наполняется сердце любовью и очищается тот до конца.

Все добродетели — твои, о Господи! Во мне же нет ни одной.

Без добродетельных поступков не бывает истинной преданности.

Твое слово — единственное истинное. Ты — это звук.

Ты — это Брахма. Велика твоя сила, и лишь ты ей хозяин.

Какой был час, что за день, время года

И месяц, когда Ты принял форму и началось творение?

Не знают о том пандиты,

Иначе они написали бы об этом в священных книгах;

И кази об этом не знают,

Иначе они бы о том написали в Коране;

И йогам неведом ни день, ни час,

Ни время года, ни месяц, когда это было.

Один лишь Создатель, все создавший,

Знает об этом.

Как восхвалять Его, как выразить Его величие?

Как можно познать Его?

Он — высочайший. Имя Его велико.

Все происходит так, как Он повелел и задумал.

Тот, кто сам себя считает достойным

Не будет в чести у Него.

Религия суть внутреннее омовение. Мы путешествуем с места на место, и наши одежды вбирают дорожную пыль, становясь грязными. Эту грязь можно легко отстирать. Но, странствуя во

времени, разум наш обрастает пылью, смыть которую не так легко, как стряхнуть пыль с одежды. Подобно тому, как вода, необходимая для того, чтобы омыть тело, находится вовне нас — так и средство, что очистит разум от пыли, мы должны искать внутри нас.

Каждое мгновение пыли внутри нас становится все больше, пусть даже мы просто сидим и ничего не делаем. Человек может не заниматься ничем, но все равно телу его каждый день нужно купание. Разум же не бывает бездеятелен — напротив, он всегда чем-то занят; спокойный разум редок. Поэтому грязи в разуме нашем прибывает с каждым мгновением, и смыть ее невозможно обычной водой, сколько бы раз в день мы не принимали ванну.

Сутра эта — о воде внутри нас. Она бесценна. Постигнув это настолько, чтобы увидеть озеро внутри себя, вы станете обладателем ключа к перемене всей своей жизни. Ни один из ключей, которые есть у вас сейчас, не работает. Если бы хотя бы один из них выполнил свою роль, вам более не пришлось бы стараться понять Нанак. У вас есть много ключей, но ваше собственное “это” не даст вам признать, что все они бесполезны.

Мулла Насреддин был слугой в доме богатого человека. Один раз он сказал своему господину: “Я хочу покинуть вас. Я не могу вам больше служить. Всякому долготерпению есть конец. Вы не верите мне, и я не могу дольше вынести это”.

“Как же можешь ты говорить, Насреддин, — возразил господин, — что я не доверяю тебе? Разве не лежат всегда ключи от моего сейфа на столе?”

“Да, господин, — сказал Мулла, — но ни один из них не подходит к сейфу”

У вас тоже много ключей; эти ключи — информация, полученная вами. Ее ни информация работает, вы приобретаете знания; в ином случае, она является просто бесполезным грузом.

Неся на себе бремя такого количества ключей, следует спросить себя, а работают ли хоть какие-то из них? Можно ли открыть ими врата жизни? Проникнет ли внутрь свет? Испытаю ли я благодать? Слышал ли я чарующие звуки божественной музыки? А также, выражаю ли я свою радость и благодарность Господу, давшему мне жизнь? Восклицаю ли я: “Милосердие Твое велико. Ты подарил мне жизнь!”.

Несть числа мольбам нашим, но благодарность наша ничтожна. Да и как быть благодарным, если ни один ключ не подходит? Так выбросьте эти ключи и слушайте Нанак, говорящего о том ключе, который действует, и не один лишь Нанак говорил об этом ключе, но и Махавира, и Будда, и Иисус. Воистину странно — нести целую связку бесполезных ключей и упустить из вида тот единственный, что подходит! Впрочем, неправильно говорить: “ключ, который работает”, потому что это главный ключ, которым можно открыть все двери жизни. Испокон веков человек говорит о бесполезных ключах и никогда — о том единственном, что действительно имеет значение.

Причина этого вполне ясна: те ключи, которые хочется использовать, не требуют от вас никаких изменений. Вы остаетесь прежним. Нет опасности стать другим или потерять сею. Кроме того, позвякивать ключами и производить громкие звуки настолько приятно, что люди довольствуются уже тем, что у них есть эти ключи, а они сами убереглись от тру дно го пути изменения.

Вы не послушали ни Нанака, ни Будды, ни Махавиры, ибо тот ключ, что дают они — действует! И будучи однажды вставлен, он разомкнет замок, и вы уже никогда не будете прежним. Так много труда вложено в того, кто вы есть теперь, так много можно потерять; но если вы изменитесь, все прежние труды ваши станут напрасными. Возведенные с Жители рухнут подобно карточным домикам; пущенные в плавание корабли опрокинутся. Все то, что вы хранили в сознании, все сны ваши и мечты — все предстанет обманом.

Ваше “эго” противится этому. Ваше “эго” говорит: “Быть может, я не мудрейший из мудрых, но я достаточно умен. Быть может, я совершал ошибки, но ведь не может быть все, что я делал, неправильным! Человеку присуще совершать ошибки — разве есть безгрешные?”. Вы призываете на помощь все эти старые, как мир, присловья и тем утешаете себя. ‘Человеку свойственно ошибаться’, — говорите вы.

Но лишь одну вещь вы не готовы признать ни при каких условиях — что мы несведущи. Вы ошиблись — пусть, ведь это просто случай. Разве мудрые не делают иногда ошибок? Хорошо образованные люди тоже могут заблудиться, или упасть в яму, или наткнуться на непреодолимую стену. Вы не готовы признать, что слепы.

Постарайтесь понять: каждый раз, совершая ошибку, вы говорите, что с. училось что-то плохое. Вы защищаете того, кто это сделал, обвиняя во всем само деяние. Вы сердитесь и говорите: “Ах, какая ужасная вещь случилась, она вывела меня из себя!”, словно гнев снизошел на вас сам собой, будто виной всему были обстоятельства — но вы не допускаете мысли, что вы сами — человек в гневе. Словно если бы вы не гневались, то пострадал бы кто-то другой, или будто бы гнев ваш — ради кого-то другого, но вы так и не заметите неистовство вашего собственного нрава. Или же заметите, что иногда гнев может проснуться в вас, даже если вы знаете, что сделали ошибку. Поразительным образом вам удается защищать того, кто это сделал, обвиняя во всем само действие. Вы признаете ошибочность самого деяния, но никогда — бытие личности, совершившего его.

Именно это и есть ваше “эго”. Оно заставляет вас оберегать себя от настоящего ключа, ибо самое первое, что уйдет в небытие, как только главный ключ повернется и откроет замок, это ваше “эго”. Вы превратитесь в неприметное ничто. Все ваши заслуги и накопления обратятся в одночасье в бесполезный мусор. Все пропадет, и вы сами вместе со всем. Если “эго” умерло, знайте: ключ сработал; а раз так, то надо держаться как можно дальше от этого ключа.

Рабиндранат Тагор написал одну замечательную поэму. В ней говорится “Много жизней провел я в поисках Бога. Не счесть тех дорог, что я прошел, и тех религий, что я познал. Одному Богу известно, в сколько дверей я стучал, скольким гуру служил, сколько йог выполнил и сколько принес покаяний. И вот в один прекрасный день я наконец смог прийти к порогу Его двери. Прежде мне случалось видеть Его мимолетный лик, но Он был не более близок, чем далекая звезда. И пока я добрался сюда, звезда эта уже давно исчезла с небосклона.

Что же теперь? Теперь я стою пред Его вратами. Я смотрю на табличку с именем — Его именем. Радость переполняла меня, когда я взбирался по ступеням, и вот цель достигнута. Я держу дверное кольцо, я уже готов постучать, и тут...

И тут я почувствовал, как страх овладевает мной! А если дверь распахнется? Что мне делать тогда? А если я встречу Господа — что тогда? Что мне делать дальше? До сего дня в жизни была

единственная цель — достичь Бога. И тогда не будет больше никаких целей, к которым надо стремиться. До сего дня существовало лишь одно стремление, лишь одно занятие — и оно исчезнет! Что будет, когда я встречу Его? Больше ничего не нужно будет делать, не станет ни будущего, к которому идешь, ни странствий, в которые пускаешься — ничего для работы “эго”.

От страха я стал дрожать. Я потихоньку отпустил кольцо. Я сделал это очень осторожно из-за боязни, что случайное резкое движение может вызвать какой-либо звук, и дверь откроется! Потом я снял ботинки, чтобы бесшумно спуститься по лестнице. И я побежал прочь! Я бежал изо всех сил, и даже ни разу не оглянулся!”

В последних строфах поэт говорит: “Я все еще ищущу Его. Вы можете встретить меня, занятого поисками Его, на разных дорогах, хоть я и знаю доподлинно, где Его обитель. Но все равно, я вопрошаю: “Где мне найти Его?” Но я знаю, где Он живет. Даже сейчас я ищущу Его. Где-то далеко, рядом с луной и звездами, мелькает лик Его. Но теперь я чувствую себя уверенным, потому что знаю, что Он уйдет далеко-далеко к тому времени, как я приду. Теперь я ищущу Его везде, кроме одного места — Его обители; и никогда даже не приближаюсь к ней. Я берегу себя... только от Него самого!”.

Эта поэма необычайно важна для нас, ибо она в точности описывает те обстоятельства, в которых находитесь и вы. Никогда не говорите, что не знаете, где находится Бог. Он везде; поэтому вы не можете не знать, где Он. Никогда не говорите, что замок заперт, а мы понятия не имеем о ключе, ибо ключ этот давался вам тысячи раз, но вы всякий раз забывали, где оставили его. Вы где-то положили его; а ваше подсознание старается убежать подальше от этого места. Пока ваши сомнения не развеются, вы обречены — одновременно искать и терять Его. Вы будете делать один шаг в Его сторону и тут же второй в противоположную.

Вы лелеете миф о том, что ищете Его, потому что так приятно вам и спокойно вашему сознанию. Ощущение себя отличным от обычного, приземленного человека, стремящегося к богатству и положению, дает вам чувство собственной значимости. Вы ощущаете себя выше них, так как вы заняты поисками Бога, истины, веры. Другие заняты мелочными вещами, вы же избрали стезю возвышенного, вселенского бытия.

Итак, вы утверждаете, что ищете Его, в то время, как — в тайне от себя самого — вы стараетесь избежать встречи с Ним. Пока вы не осознаете и не посмотрите в лицо этой раздвоенности внутри вас, вы никогда не сможете искать Его.

Ваше нынешнее состояние похоже на состояние человека, который строит дом днем, а ночью разрушает его. Из дня в день он повторяет этот процесс. Или, другими словами, одной рукой он кладет кирпич, а другой убирает его, или нанимает двух работников: один из них кладет кирпичи, а другой разбирает кладку. Когда же он сможет завершить свое строительство? С незапамятных времен вы пытаетесь построить дом, но все еще не выстроили. Очевидно, что что-то неправильно в самой сути, раз вы делаете две противоположных вещи одновременно!

Вы — обладатель фальшивых, неработающих ключей. Вы купаетесь в святых источниках, но ваш разум не познал чистоты. Вы следуете церковным ритуалам, но не в этом есть служение Богу. Вы преподносите цветы, но не жертвуете себя самого. Вы раз даете милостыню, кормите бедных, совершаете все эти богоугодные поступки — и находите укрытие за ними.

Помните: вы сможете очиститься только тогда, когда будете готовы исчезнуть, а следовательно, вам нужны те воды, которые растворят вас, уничтожат вас полностью. Именно об этих водах мы и говорим сейчас. Постарайтесь понять:

Если тело грязью покрыть,

То смыть ее сможет вода.

Если в пятнах, вся замаралась, одежда,

То мыло с водой отстирают ее добела.

Пусть даже разум преисполнен злобы

Любовь к Его имени окрасит тебя в Его цвет.

В цвет любви. Нет более важного, более исполненного смысла слова, нежели слово “любовь”. Вслед за именами Бога, “любовь” — самое важное слово. Постарайтесь понять это.

Все мы знаем это слово. Вы скажете, что все мы знаем, что есть любовь. Что же в нем особенного, что делает его столь важным? Хоть это слово и кажется нам давно знакомым, знакомство это — еще не все. Вы узнаете слова, читая словарь языка, но не словарь бытия. Словарь дает нам многочисленные значения, но любовь не имеет отношения ни к одному из них. Когда любовь появляется в книге вашего бытия, переживания наполняют это слово жизнью — и это так непохоже на мертвое слово из книги. Огонь, например, описан в словаре как что-то, что горит, однако огонь этот не сможет зажечь вас, подобно тому, как и вода, что в словаре, не сможет утолить вашу жажду. Если вы будете подобным же образом пытаться понять и любовь, грехов ваших никогда не смыть.

Любовь есть огонь. Золото очищают, пронося его сквозь огонь, в котором сгорает все, кроме золота — остается лишь то, что ценно. Так и в вас все бесполезное и ненужное уносится с пламенем, когда вы проходите сквозь огонь любви. Все грехи ваши сгорают дотла, и остается только суть ваша, все, что ценно в вас. Вы очищаетесь, становясь самой добродетелью.

Поэтому необходимо постигнуть смысл любви. Прежде всего, следует ясно понять различие между любовью и грехом, ведь только тогда вам удастся уничтожить грех. Возможно, вы не смогли определить взаимосвязь между двумя этими понятиями, глубоко укоренившимися внутри вас. Грех возможен только тогда, когда нет любви. Грехи порождены отсутствием любви. Если есть любовь, грех невозможен.

Так Махавира называет это: “ненасилием”. Ненасилие значит любовь. Будда — “милосердием”. И милосердие значит любовь. Слова Иисуса тем более прямые и ясные: “Бог есть Любовь!”

Некто спросил Святого Августина: “В чем существо религии? Прошу вас, ответьте как можно быстрее. Как мне спасти себя от греха? Грехов так много, а жизнь так коротка!”.

Смысл вопроса вот в чем: раз жизнь коротка, а грехов много, то как мог бы вопрошавший избавиться от них, один за одним, за короткий промежуток его жизненного пути? Другими словами, он просил о том главном ключе, что открывает все замки.

Украсть возможно, только не чувствуя любви к тому человеку, чьей вещи вы возжаждали. Убить возможно, только не чувствуя любви к тому, кого вы хотите убить. Обман, предательство, все прочие грехи — возможно совершить, только если любовь отсутствует внутри вас. Грехи рождаются только тогда, когда нет любви. Точно так же дом с темными окнами манит воров, разбойников, змей и скорпионов, пауки плетут в нем свои паутины, и летучие мыши строят гнезда. Но стоит зажечь в доме свет, как все они обращаются в бегство.

Любовь есть свет. В вашей жизни никогда не загорался свет любви — вот в чем корень греха. В грехе нет никакой положительной энергии. Грех — это негатив, это отсутствие. Вы можете совершить грех, только если то, чему место внутри вас, отсутствует.

Осознайте простую вещь: вы поддаетесь гневу вопреки наставлениям всех священных писаний. Но что еще вы можете делать, кроме как гневаться, если ваша жизненная энергия не течет в направлении любви? Вам не остается ничего, кроме гнева, ибо гнев — если мы вникните в его суть — есть та же самая любовь, потерявшая верное направление. Это та же самая энергия, но она неспособна стать цветком, а обращается в шипы. Любовь есть созидание. Если в вашей жизни нет созидания, ваша жизненная энергия становится разрушительной.

Все различие между святым и грешником состоит лишь в том, что жизненная энергия первого направлена на созидание, а второго — на разрушение. Любой, кто созидает не может творить зло. А тот, кто не создает ничего, не может быть святым, сколько бы он себя не обманывал. Внутренняя энергия должна находить какое-то применение, потому что она не может застаиваться — ей суждено литься потоком. Обладая способностью любить, вы открываете новые каналы для своей энергии, направленные на любовь. Если внутри вас нет любви, какой выход найдет себе ваша жизненная энергия? Она сможет только разрушать и уничтожать. Не будучи способным созидать, вы будете разрушать. Добродетель есть жизненная энергия, обладающая положительным зарядом, в то время как грех — это та же энергия, но с зарядом отрицательным.

Люди приходят ко мне и говорят: “Во мне столько гнева, что мне делать?”. Я советую им прекратить думать о своем гневе. Чем больше вы думаете о гневе, тем большей энергией вы его снабжаете. Энергия всегда течет в направлении наших мыслей. Мысли служат ей каналами. Подобно тому, как вода из водоема поступает по акведукам на поля, заботы служат акведуком для жизненной энергии. На что направлены ваши заботы, там и течет ваша жизнь. Если ваши заботы направлены не в ту сторону, то ваша энергия тоже течет не туда. Если же они направлены на нужные вещи, то и жизнь ваша течет в нужном русле, а праведная забота есть любовь.

Нанак говорит: “В тот день, когда твоя любовь направится на Его имя, ты окрасишься в Его цвет; ты станешь чист”. Будут не только смыты ваши прежние грехи, но и исчезнет сама возможность греха в будущем; вы будете омыты и очищены прежде, чем грязь прилипнет к вам. Ваше омовение и очищение будет происходить ежесекундно.

Вы, должно быть, уже испытывали это ощущение в присутствии праведника — ощущение свежести утренней росы, словно он только что вышел из купальни. Причина проста: присутствие любви не дает грязи скапливаться на нем.

Любовь непрестанно смывает прочь всю грязь — даже прежде, чем она коснется его.

Поэтому в отношении любви главная задача — не превратить свою жизненную энергию в разрушительную. Разрушение — грех, если является самоцелью. Существует и другой тип разрушения: когда человек ломает дом, чтобы затем построить новый. Тогда это не разрушение, но часть строительства. А когда вы разрушаете лишь для того, чтобы разрушить, это становится грехом.

Если у вас есть маленький ребенок, которого вы очень любите, вы иногда даете ему пару подзатыльников — вы любите его, и поэтому можете ударить его для его же пользы, в целях воспитания. Вы можете ударить его, потому что вы заботитесь о нем. Если бы вы не проявляли заботы о нем, вас бы не беспокоило, что он делает и чего он не делает; вам было бы все равно. Однако вы его любите достаточно сильно для того, чтобы не позволить ему делать то, что ему вздумается. Вы остановите его, если он подойдет слишком близко к огню; вы даже можете ударить его, если он не слушается. Такие подзатыльники не есть грех, но направлены на созидание. Потому что вы хотите, чтобы он вырос достойным человеком.

Удар своего противника — то же самое; пощечина — то же, энергия — та же. Если вами владеют недобрые чувства, если вы бьете затем, чтобы разрушить, но не создать, то это становится грехом. Само по себе действие — не грех. Когда вами движут положительные, созидательные чувства, никакое действие не будет грехом, но если вами управляет желание разрушить, то же самое действие превращается в грех.

Существует одна суфийская притча. Один суфий, который держал путь в некий храм, укрытый где-то в горах, проходил через близлежащую деревню. Он зашел в придорожную чайную лавку и попросил: “Скажите мне, пожалуйста, кто в этой деревне самый честный человек, а кто самый нечестный?”. Лавочник назвал ему два имени. В маленькой деревушке все про всех все знают, поэтому найти этих людей не составило труда.

Суфий пошел к самому честному человеку и попросил его показать дорогу. Человек посмотрел на него и сказал: “Самый легкий путь лежит через горы”. И подробно рассказал суфию, как добраться до храма.

Потом суфий пошел к самому нечестному человеку и попросил его показать самый легкий путь к храму. Суфий был поражен, когда и этот человек показал ему ту же дорогу, что и честный человек. Он не знал, чему верить! Он вышел на деревенскую площадь и спросил, нет ли в этом селении суфия.

Путешественника отвели к суфийскому святому. Честный человек и нечестный человек — это две крайности; достигнув же святости, человек может встать над ними обеими. Факир выслушал его и сказал: “Ответы одинаковы, а вот точки зрения — разные. Честный, добродетельный человек указал тебе путь через горы, хотя легче было бы пересечь реку и идти по другому берегу. Он принял во внимание, что у тебя нет ни лодки, ни плота, чтобы перебраться через реку. Ты путешествуешь на ишаке — как бы ты смог переправить его на другую сторону? В горах ишак сослужит тебе хорошую службу, а в лодке он только причинит неудобства. Учитывая все эти обстоятельства, он подсказал тебе наилучший способ.

Нечестный человек показал тот же самый путь, но намерения его были бесчестны. Он хотел причинить тебе зло. Ему было приятно сознавать, что горная дорога изнурит тебя”. Ответы были одинаковыми, но намерения различными. Действия могут быть схожими, поэтому они не

скажут вам ничего. Желания же, являющиеся их причиной, имеют решающее значение.

Поэтому мы никогда не ведем учет тому, сколько раз отец или мать наказывают ребенка. Истина в том, что, как говорят психиатры, если мать никогда не бьет своего ребенка, то между ними не может быть глубокой связи; это свидетельствует о том что она на самом деле не расценивает его как своего собственного; между ними существует дистанция, разрыв.

Сын никогда не простит отца, который выполняет все его требования. Став взрослым, он поймет, что его отец причинил ему вред. Ребенок еще не имеет жизненного опыта, поэтому его требования менее значимы. Отец должен подумать и решить, как для него будет лучше, ибо его опыт богаче. Если он действительно любит своего ребенка, он примет решение, используя свой собственный опыт, а не требования ребенка. А если человек предоставит своему ребенку полную свободу, ребенок никогда не сможет простить ему это.

Нигде в мире ребенку не предоставляли столько свободы, сколько в послеинее время на Западе. На протяжении всего этого века западные психологи учили людей предоставлять своим детям абсолютную свободу. Результатом этого явилась непреодолимая пропасть между родителями и детьми. В былые времена сыновья боялись своих отцов; на Западе же в наше время отцы боятся своих сыновей. Раньше родителей чтили и уважали. Сегодня на Западе дети не проявляют никакого уважения к старшим, ни на йоту любви и заботы. Какова же причина? Вот она: вырастая, ребенок начинает осознавать тот вред, который нанесли ему родители, когда позволяли ему делать все, что вздумается. Его следовало бы останавливать, когда он делал что-либо неправильно. Не давать ему сбиться с пути было их долгом, ибо они обладали опытом, он же — нет. Они не должны были слушать его; они не должны были уступать его желаниям. Осознание ошибки наступает, но — увы! — уже слишком поздно.

Помните одно: любовь заботлива. Любовь заботится о том, чтобы ваша жизнь была достойной, красивой, праведной и достигла высшей славы. Безразличие есть верный знак того, что взаимоотношений просто не существует, и что тот факт, что вы родились именно у ваших родителей — не более, чем случайное совпадение для всех вас. Нет чувства единения и общности, что на Западе привело к тому, что все внутрисемейные отношения разрушаются.

Любовь также может и наказывать, ведь любовь так сильна и так уверена в себе, что способна созидать через разрушение. Главное в том, что конечной целью всегда есть созидание. Если требуется разрушение, значит за ним должна стоять созидательная цель.

Гуру убивает своего ученика, уничтожает безвозвратно. Он убивает его одним движением и наповал — не то, что отцовские тычки, которые чувствует только тело. Подобно тому, как вода очищает тело снаружи, отец очищает жизнь сына своего поверхностно, гуру же бьет сильно и глубоко внутрь. Он проникает в самые сокровенные тайники вашей души, и не успокаивается, пока совершенно не растворит ваше “эго”. Знайте же, что до тех пир, пока вы не найдете такого гуру, то за каким бы учителем вы не последовали, вы никогда потом не сможете простить его. Рано или поздно вам откроется, что этот человек зря тратил ваше время.

Знак любви — творение. Пока в ваших взаимоотношениях с людьми присутствует созидание, вы неспособны на грех. Как могу я грешить, когда я наполнен любовью? Любовь постепенно распространяется на окружающий мир, и вы обнаружите себя в каждом живом существе. Тогда кого же вам грабить, и кого обманывать? Кого предавать, чьи кошельки воровать? По мере того,

как любовь заполняет вас, вы понимаете, что все кошельки — ваши; и когда вы причиняете кому-либо вред, вы причиняете его самому себе.

Жизнь подобна эху: что бы вы ни делали, все к вам вернется. Тому, чья любовь возрастает, становится ясно: в мире нет незнакомцев. Ведь все знают, что когда любишь кого-то, то чувствуешь себя одним целым с ним.

Вы не станете причинять вред своей жене, когда поймете, что, делая плохо ей, вы в итоге наносите вред себе самому, ибо когда она несчастлива, то и вы несчастны.

Вы желаете ей счастья, если ее счастье увеличивает и ваше возможное счастье.

Однажды вы осознаете, что печаль, вызванная нами у других, делает нас столь же грустными; а радость, доставленная нами другим, делает нас столь же веселыми.

Мы же поступаем совсем наоборот: оставляем радость себе, а другим желаем несчастий. Мы, вероятно, считаем, что таким образом нам самим достанется больше счастья. Но в конце концов вы обнаружите, что жизнь ваша наполнена горем, ибо все, что вы отдаете, возвращается вам. Если для других вы сеете шипы, то ваша собственная жизнь устлана будет шипами. Если же вы займетесь сеянием цветов, не заботясь от том, что делают другие, то и жизнь ваша будет наполнена цветами. Что посеешь, то и пожнешь. Однако мы, кажется, еще не постигли эту формулу жизни.

Один раз ко мне пришла женщина, которая хотела развестись с мужем. Я никогда не забуду, о чем она попросила меня. Она сказала: “Посоветуйте, как мне добиться развода так, чтобы мой муж остался несчастен на веки вечные”. Прекрасно зная, что ее муж станет счастливейшим человеком на свете в день их развода; она хотела, чтобы он остался несчастным даже после их расставания.

Когда мы вместе, мы желаем отдавать лишь печаль; когда мы порознь, мы так же желаем отдавать лишь печаль. Вместе или врозь, если цель нашей жизни в том, чтобы причинять горе и боль другим, то внутри нас самих постепенно, но неминуемо возникнет кровоточащая рана. Рана, сотворенная нашими собственными руками. Она возникнет от постоянного желания причинять боль.

Это мы называем кармой, цепью причин и следствий. Судьба, или рок, означают лишь, что все, что вы делаете, возвращается вам. Пусть пройдет какой-то промежуток времени, но в конце концов все это обязательно вернется обратно и поразит вас. Поэтому делайте только то, чего бы вы хотели для себя самого.

Оказавшись вдруг в сущем аду, знайте: вы сотворили его сами, он — плод наших деяний на протяжении многих жизней.

Люди приходят ко мне и говорят: “Благослови нас, чтобы стали мы счастливыми”. Не было бы никаких проблем, если б это было так легко, если б кто-то мог просто благословить всех, и все бы нашли свое счастье. Как может мое благословение смыть ваши печати? Постарайтесь понять меня и не просить о благословении; оно явилось бы простым обманом. Вы причиняли другим боль и страдания, и теперь должны пожать плоды ваших деяний — и вы приходите с просьбой о

благословении? А теперь вы решили, что вы страдаете, потому что не даю я вам своего благословения. Ни одно благословение неспособно уничтожить наши страдания. Если чьи-либо благословения помогают вам лучше понять что-либо и сеют семена любви внутри вас — этого более чем достаточно. Грехи можно смыть только любовью, и страданию можно положить конец, только начав дарить счастье другим.

Нанак говорит: “Если разум наполнен грехом, то только любовь к Его имени способна очистить его”. Когда вы любите человека, вы и мысли не допускаете о том, чтобы обидеть его, ведь счастье другого становится и вашим счастьем; печаль другого становится вашей печалью.

Более не существует границы между вашей жизнью и жизнью вашего возлюбленного; вы перетекаете друг в друга.

Когда подобное происходит между человеком и Богом, как и любовь между людьми, любовь между Богом и человеком — это называют молитвой, богослужением, преданностью Господу; это — высшая форма любви. Если отношениям имя — любовь, вы в раю; в отсутствии же любви вы низвергнетесь в глубины ада.

Бог означает тотальность, весь мир. Вам нужно полюбить это безбрежное пространство, всю вселенную, все сущее, как если бы это был один человек. Все грехи ваши будут смыты, когда вы безнадежно влюбитесь во все сущее. Тогда кого вам обманывать? Куда бы вы не кинули свой взгляд — Он там; в чьи бы глаза не заглянули — вы увидите там Его.

Преданность Богу изменяет все в корне. Она означает, что теперь нет никого, кроме Него. Жизнь ваша становится вдруг простой и понятной. Теперь нет нужды грешить, нет нужды обманывать. Но не следует думать, что преданность означает посещение храмов с тем, чтобы воздать молитвы. Ни чтение “Джапджи” рано поутру, ни посещение мечети или церкви не есть преданность. Это вас ни к чему не приведет.

Существуют фальшивые ключи. Настоящий ключ есть любовь к безграничному Богу, — когда каждая мельчайшая песчинка на этой земле имеет право на вашу любовь. Я илюблю каждый дюйм этой земли; на каждом листе написано о моей любви, Он смотрит на меня всеми глазами. Он есть все, Он вездесущ.

Когда вы достигнете понимания этого, то как бы вы ни жили, ваша жизнь посвящена будет служению; это преобразит сам образ вашей жизни вплоть до мелочей, вы станете по-другому сидеть, по-другому ходить, ибо везде вы будете видеть Его присутствие. Вы станете говорить по-другому, ибо каждый, с кем вы разговариваете, есть Он. Теперь вы не сможете досаждать или лгать кому-либо, не сможете обидеть. Вы должны будете служить людям, ибо даже в ногах их вы найдете Его!

Когда это знание озарит вас, вы пребудете в вечном экстазе — об этом говорит Нанак, называя это “окраситься в его цвет”. У вас не будет ничего, но вы будете владеть всем. Вы останетесь в совершенном одиночестве, но весь мир будет с вами. Между вами и бытием установится согласованность и гармония; у вас возникнет сокровенная связь с бытием.

Нанак говорит, что только такая любовь способна очистить вас от греха. Любые молитвы и песнопения, любые жертвы и заклинания бесполезны, так как в них отсутствует самое главное.

Однажды я ехал на поезде. На одной из станций в него села женщина с десятком детей, которые мгновенно разбежались по всему вагону, опрокидывая сумки пассажиров и путаясь у всех под ногами; они устроили настоящий хаос. Наконец, один пассажир, которому перевернули корзину и порвали газету, не выдержал. Он повернулся к женщине и сказал: “Сестра, зачем вы пустились в путешествие с такой оравой детей? Если вам очень нужно было ехать, нам всем было бы гораздо удобнее, если бы вы оставили половину из них дома”. Женщина вскипела: “Вы что, за дуру меня принимаете? Я и оставила половину дома!”.

Если отсутствует понимание в главном, то неважно, сколько детей вы оставили. Раз эта женщина не слишком задумывалась, производя на свет двадцать детей, то и во время поездки от нее нельзя ждать особого понимания.

Грехам несть числа, добродетель же лишь одна; болезней тысячи, здоровье же только одно. Не существует разницы между вашим здоровьем и моим. Однако у вас может быть туберкулез, рак или какой-то другой недуг; болезни могут быть различными. В этом может быть ваша особенность. Болезнь несет в себе ваше отражение, потому что болезнь — это часть вашего “эго”. У разных “эго” — разные болезни, но здоровье — одно и то же. Добродетель одна, ибо Бог один. В этом отношении все одинаковы.

Что же есть это единственное здоровье, это благополучие, это одно? Это чувство любви. Постарайтесь погрузиться в жизнь, пусть она поглотит вас шаг за шагом. Встав со стула, поступайте так, как будто возлюбленный ваш рядом. Даже заходя в пустую комнату, действуйте так, словно Бог присутствует везде вокруг.

Жил когда-то факир-суфий по имени Джунаид. Он говорил своим ученикам: “Идя в толпе, помните о своем одиночестве, и тогда мысль о Боге пребудет с вами. Когда же нет никого вокруг, идите так, словно Бог присутствует повсюду”

Он прав. Помня о своем одиночестве в толпе, вы поддерживаете мысль о Боге; иначе толпа завладеет вашим вниманием и увлечет вас не туда. А если вы не будете поддерживать мысль о Боге, когда вы один, то в неправильном направлении увлечете вас вы сами.

Есть две опасности: опасность потерять себя среди других и опасность потеряться в себе самом. Бог превышает обеих из них. Помня о своем одиночестве в толпе и о Его присутствии, когда вы один, вы никогда не собьетесь с пути.

Нанак говорит: “Тот, кто окрасился в цвет любви, стал чист изнутри. Он совершил внутреннее омовение”.

Быть святым либо грешником — не пустые слова:

Поступки все наши записаны были.

Человек, сам посеяв, сам урожай собирает.

Заявления о том, что вы стараетесь быть добродетельным, не приносят в вас никаких изменений. В результате раздумий и разговоров никогда ничего не происходит. Нет ничего странного в том, что мы много говорим о добродетели и хороших поступках, и никогда не

думаем и не говорим о грехах — мы просто совершаем их. Если вас попросят сдержать свой гнев хоть на минуту, когда вы рассержены, вы ответите, что это невозможно, так как гнев нельзя отложить. Как вы можете сдержать гнев, если тот, к кому обращена эта просьба, отсутствует в момент ярости? Где же мы находимся, когда гнев владеет нами?

Если вам говорят медитировать, вы возражаете: “Не сегодня, у меня нет времени”. Кроме того, вы думаете: “Что за спешка? У нас впереди еще такая долгая жизнь, а подобными вещами положено заниматься на ее закате, когда приближается смерть”. Помните что вы не можете почувствовать приближение смерти; даже умирающий человек не чувствует ее.

Когда умер один политик, муллу Насреддина пригласили прочитать надгробную речь. Мулла сказал нечто, достойное внимания: “Милость Божия велика. Когда б мы ни умерли, это происходит в конце нашей жизни. Представьте, как ужасно было бы умереть в начале или в середине ее!”.

Мы стремимся отдалить этот конец. Кажется, что его не будет никогда — до той поры, пока он действительно не придет. Окружающие узнают о чьей-то кончине; тот же кто умер, отошел в мир иной прежде, чем узнал об этом!

Таким образом, если вы правильно поняли, вы не умираете никогда. В ваших мыслях вы навсегда останетесь в живых. Вы не узнаете о приходе смерти — об этом узнают другие. Вы строите новые жизненные планы даже в момент смерти. Вы откладываете смерть на завтра. Все благие дела мы откладываем на потом; все остальное мы делаем немедленно.

В тот час, когда вы поступите наоборот, вы окраситесь в цвет Его имени. Тогда вы отложите все злые начинания и тут же приметесь за добрые. Если у вас возникает желание дать что-то — сделайте это сразу же. Не слишком доверяйте себе; разум ваш за мгновение изобретет тысячи способов, чтобы заставит вас забыть.

Марк Твен писал, как однажды он пошел послушать проповедь священника. Через пять минут, весьма впечатленный и взволнованный, он принял решение отдать сто долларов, которые у него были с собой, в пользу его прихода. Через десять минут, писал далее Твен, у него возникла мысль, что сто долларов, пожалуй, слишком много, и пятидесяти будет вполне достаточно. Как только мысль о ста долларах возникла у него в голове, он почти перестал слушать проповедника, так как внутренний диалог возобладал. Не прошло и получаса, как сумма его предполагаемого пожертвования снизилась до пяти долларов. По окончании проповеди он подумал: “Никто ведь не знает, что я собирался пожертвовать сто долларов. Да и кто столько дает? Люди даже одного не дают. Одного доллара, полагаю, будет более чем достаточно”. Когда, наконец, до него дошел поднос для сбора пожертвований, как он пишет, то “этот доллар так и остался в моем кошельке. Вместо этого я взял один доллар с подноса... никто же не видел! И никто никогда не узнает”.

Не слишком доверяйте себе в отношении совершения праведных поступков; чаще всего это сложно. В определенное мгновение, находясь во власти эмоций, вы испытываете настойчивое желание творить добро. Упустив возможность сделать это, вы рискуете никогда не получить ее снова. Никогда не пускайтесь в размышления о добродетели, ибо доброе побуждение — это не повод для раздумий, но сигнал к действию. Если вам хочется дарить — дарите! Если вам хочется поделиться чем-либо — делитесь! Если вам хочется отказаться от чего-либо — отказывайтесь!

Если вам хочется стать саньясином — станьте им! Не упускайте момент, ибо никто не знает, когда еще в жизни представится вам такая возможность, да и представится ли она вообще.

В случае же, когда нечто недоброе, злое пробуждается в вас — остановитесь! Отложите все на двадцать четыре часа. Возьмите себе за правило откладывать все на следующий день, если возникает желание насолить кому-то. Что за спешка? Смерть не дожидается вас у порога, но даже если она уже там — что плохого может случиться? В худшем случае ваш противник избежит урона, больше ничего!

Если вы сможете отложить несправедное дело до завтра, у вас уже не останется сил сделать его, потому что страстное желание причинить вред кратковременно. Желание зла другому мимолетно, так же как и желание сотворить добро. Если вы сможете овладеть собой и сдержаться в этот момент, вы поймете, сколь пуста была ваша затея. Удержите убийцу на секунду — и он не сможет убить. Помешайте человеку, готовому утопиться, и он больше не будет пытаться покончить с собой. Определенные действия возможны лишь в определенные моменты. У вас бывают моменты и полнейшего равнодушия, и острого сочувствия.

В периоды повышенной чуткости вас переполняют любовь и желание творить. В моменты полного равнодушия вами владеет жажда бессмысленного разрушения. Неистовствуя, вы стремитесь разрушать; впоследствии к вам придет раскаяние, но оно будет пустым и бессмысленным. Если вы жаждете раскаяния, покайтесь после совершения доброго дела. В чем смысл покаяния после греха? Ведь так вы и поступаете всегда — сначала грешите, а потом каетесь. А добрые дела? Вы же никогда не совершали их, потому и вопрос о покаянии не возникает.

Нанак говорит, что ни от размышлений, ни от разговоров ничего не происходит. У греха и добродетели нет ничего общего со словами, они — действия. Бог смотрит не на слова ваши, но на поступки. Он судит вас по вашим деяниям, по тому, чем вы являетесь. Все, что вы сказали, чему научились, о чем думаете, не имеет никакого отношения к этому. Итоговый результат зависит от ваших поступков. Нанак говорит: “Человек, сам посеяв, сам урожай собирает”.

Обычно мы утверждаем, что окружающие создают нам проблемы, а успеха мы добиваемся своими силами. Неудачи происходят из-за помех, создаваемых теми, к кому меня окружает; все же, что получилось хорошего, есть моя собственная заслуга. Думать так — совершенно неправильно. Все, что происходит у вас в жизни, есть продолжение цепочки ваших поступков, часть вашей кармы; вы несете ответственность за все хорошее и плохое, благочестивое и злонамеренное, за цветы и колючки. В тот момент, когда человек принимает и начинает чувствовать полную ответственность за себя, внутри него начинается процесс изменения.

Пока же вы вините других, изменений быть не может. Если другие — источник вашего несчастья, то что вы можете поделать? До тех пор, пока все они не изменятся, неудачи ваши будут продолжаться с той же силой. Но как вам изменить окружающих? Единственный выход — смиренно нести свою печаль. То волшебство, которое может разогнать невзгоды, — это религия.

Для того, чтобы семена обратились в плоды, нужно время; вот поэтому-то вы совершенно забываете о том, что посеяли к тому времени, когда плоды начинают созревать. Из-за этой забывчивости вы считаете других источником своих бед. Помните, до вас никому нет дела. Каждый беспокоится о себе: все страдают от своих недугов, и вы страдаете от своего. Каждому

человеку нужно отыскать свою собственную линию поведения. Только тогда, когда вы это до конца осознаете, станут возможными глубокие изменения. Как только вы поймете, что несете на себе ответственность, вы сможете что-то сделать. Прежде всего вы должны осознать и спокойно принять последствия и результаты прошлых ваших поступков. Нет смысла затевать новую суматоху во время сбора плодов ваших прежних действий. Только так можно уравновесить ваши прошлые поступки.

Один человек плюнул в Будду. Будда спокойно отер лицо своей накидкой. Человек этот был очень зол, в ярости от увиденного были и ученики Будды. После того, как человек ушел, Ананда не выдержал и вскричал: “Это же святотатство! Сдержанность еще не значит, что любой может сделать все, что ему вздумается, и спокойно уйти. Другие увидят это и решат, что так можно. Наши сердца объаты пламенем! Мы не в силах снести такое оскорбление.”

И ответил Будда: “Не волнуйтесь понапрасну, дабы не превратилось это в звено вашей кармической цепи. Должно быть, я когда-то обидел его, и теперь он вернул долг. Наверно, я как-то оскорбил его, теперь же мы квиты. Я пришел в эту деревню исключительно ради него. Если бы он не плюнул в меня, я оказался бы в затруднительном положении. Он разрешил дилемму. Отныне счет мой закрыт. Этот человек освободил меня от какого-то прошлого моего поступка. Я благодарен ему.

А почему вы так взволнованы? Это не имеет к вам никакого отношения. Если гнев проснулся в вас, и вы в возбуждении сделаете что-либо с этим человеком, в вашей кармической цепи возникнет новое звено. Моя цепь разрублена, ваша же сложится вновь — причем без какой-либо причины. Зачем вы вмешиваетесь? Я должен пожать плоды своего поступка, причинившего этому человеку неприятности. Перед совершенным, высшим моим уничтожением, прежде чем сопьюсь я полностью с бесконечностью, я должен рассчитаться со всеми людьми, вещами, по всем отношениям, возникшим из гнева, высокомерия, ненависти, привязанности, жадности, и так далее. Ибо только тот, чьи деяния уравновешены, есть существо полностью освобожденное.”

Так что помните: пусть ваши прежние деяния будут компенсированы мирным путем. Примите их с готовностью и тем будьте довольны. Помните, что вы рассчитываетесь по своим долгам, а не создаете новые звенья; и тогда ваша связь с прошлым постепенно ослабнет и распадется совсем.

Другая вещь, о которой надо помнить: не чините новых неприятностей другим, иначе вы просто привяжете себя к своим поступкам. Мы создаем пути внутри самих себя. Так что помните о том, что вам нужно разорвать старые узлы и не создавать новых.

Для обозначения этого Махавира использовал два красивых слова: асрава что значит “не позволять новому появиться”, и джирджара, что означает “позволить старому отпасть”. Рано или поздно наступает момент, когда не остается ничего старого и не образуется ничего нового; вы свободны. Только в этом состоянии наступает наивысшее блаженство.

Человек, сам посеяв, сам урожай собирает.

Нанак говорит: “Божественным промыслом спасены одни

И вновь рождаются другие”.

Святые места посещая, милосердью и добрым делам предаваясь,

Стяжать ты сможешь людей уважение;

Но у того, кто слушает Бога и медитирует на Его имя,

Наполняется сердце любовью и очищается тот до конца.

Никакие внешние омовения не приносят изменений. В лучшем случае, вы можете заработать немного уважения в глазах окружающих. Однако уважение это представляет собой опасность, так как ваше “эго” попытается раздуть из мухи слона; оно не устанет поучивать, сколько раз вы совершали паломничество и сколько постов соблюли.

Бодхидхарма прибыл в Китай из Индии. К нему пришел император Китая. Этот правитель стал буддистом и построил тысячи монастырей, ашрамов и храмов. Он напечатал и роздал тысячи буддийских трактатов. Каждый день он давал пищу миллионам неимущих. Обо всем этом он рассказал Бодхидхарме. Кроме того, он сообщил, сколько изображений Будды он изготовил. Действительно, и по сей день сохранился один из построенных им храмов, в котором находятся десять тысяч статуй Будды. Целые горы были срыты ради достижения этой цели. Щедрость его была безгранична, и обо всем этом он не преминул поведать Бодхидхарме.

Бодхидхарма выслушал его, не шелохнувшись. Император уже начал терять терпение. “Какие плоды принесут все эти добрые дела?”, спросил он.

“Никаких. Ты будешь гореть в аду,” — промолвил в ответ Бодхидхарма.

Император был ошеломлен. “Что ты такое говоришь? Я — в аду?”

“Дело вовсе не в самих делах твоих. Дела эти действительно добрые, однако, проблема в твоих чувствах от их свершения. Добрые дела были сделаны; оставим же их на этом. Не приписывай себе роль их вершителя. Полагая, что именно ты совершил их, ты обращаешь в пыль всю добродетельность деяний; лекарство превращается в яд. Собственно говоря, лекарство и готовится из яда.”

В те времена, когда наряду с рупиями еще имели хождение аны и пайсы[11] Мулла Насреддин пошел однажды к лекарю — его жена страдала от бессонницы.

“Помогите мне, пожалуйста, — попросил Мулла. — Она ворчит всю ночь напролет, да вдобавок еще и весь день”.

“Вот вам порошок, — сказал лекарь. — Каждый вечер давайте ей столько, сколько помещается на четырехановой монете”.

Примерно через неделю лекарь повстречал Насреддина на дороге. “Ну, как поживает ваша жена?”, — поинтересовался он.

“Ваше снадобье подействовало превосходно. Она все еще крепко спит!”

Лекарь забеспокоился. “Сколько порошка вы ей дали?”, — спросил он.

“Ну, — ответил Мулла, — у меня не оказалось четырехановой монеты, так что я взял четыре монеты по одной ане, насыпал на них порошка и дал жене — теперь в доме такой покой! Какое чудесное лекарство”.

Лекарство становится ядом, если вы невнимательны с дозой. Добродетель также может превратиться в яд, если не соблюдать определенные пропорции. Помните: пока добродетель остается просто делами, все хорошо. Когда же сюда вовлекается тот, кто творит эти дела, пропорция становится угрожающей. Если добрые дела совершаются для того, чтобы воспрепятствовать делам злонамеренным, все нормально. Но если добрые дела совершаются с целью завоевания либо приумножения достоинств, это опасно. Вы сможете завоевать некоторое уважение, но это все. Не подумайте, что это и есть религия.

Как-то раз я ехал с Насреддином в автобусе. Внезапно мулла встал и выкрикнул: “Братья, никто не потерял пачку денег, перевязанную тесемкой?”. Множество людей стали кричать, что это их пачка, и пытались дотянуться до муллы, борясь друг с другом “Тихо, тихо!”, — воскликнул Мулла. — Пока что я нашел только тесемку”.

Религия подобна этой пачке банкнот; добрые дела — как та тесемка. Не следует гордиться ими. Тесемка сама по себе ничего не стоит, и только будучи обвязанной вокруг пачки рупий, она имеет цену. Сколько стоит тесемка, повязанная на камень? Когда добрые дела сочетаются с бескорыстием, они становятся той лодкой, что доставит вас на другой берег. Если же добрые дела привязаны к вашему “эго”, они превращаются в булыжник у вас на груди, который неизбежно *топит вас. Поэтому есть люди, утонувшие в своих темных делах, но есть и люди, утонувшие в делах добрых.

Вот почему часто случается так, что грешник достигает просветления быстрее отстающего праведного человека. Тому, кто поступает дурно, легче отказаться от своего “эго”, потому что он знает, что он грешник; он знает, что достичь Бога ему почти невозможно. Он убежден, что у него нет положительных качеств, зато целая кладовая отрицательных. Он и думать не смеет, что его голос когда-либо сможет достичь Его ушей. Однако в отсутствие “эго” даже глас грешника сможет; с “эго” же даже добродетельный человек тонет.

Святые места посещая, милосердью и добрым делам предаваясь,

Стяжать ты сможешь людей уважение;

Но у того, кто слушает Бога и медитирует на Его имя,

Наполняется сердце любовью и очищается тот до конца.

Таким должно быть вашему отношению. Не позволяйте гордости прокрасться внутрь сознания, стать выше самоотречения, милосердия, препятствовать делать то или иное. Не позволяйте императорской гордыне утвердиться в вас — иначе, как говорил Бодхидхарма, “Вы будете гореть в аду”.

Все добродетели — твои, о Господи! Во мне же нет ни одной.

Без добродетельных поступков не бывает истинной преданности.

Я недостойн даже поклоняться Тебе. У меня нет ни права, ни возможности. Поэтому, говорит Нанак, все, что мы приобретаем, получаем мы Его милостью. Каковы наши возможности? Все истинно верующие говорят одинаково. Все, чего вы достигаете дается вам Его милостью, ибо вы неспособны достичь этого сами.

Если вы чувствуете, что способны, — это предполагает, что Он обязан одарить вас. Если Он не дает, несмотря на вашу способность, тогда у нас возникают причины для жалоб; если же Он дает нам — надо ли благодарить? Ведь вы достигли своего исключительно своими силами. Недовольство возникает в вас от того, что вы считаете себя способным на что-то, но не достигаете этого.

С другой стороны, сознание истинно верующего всегда наполнено благодарностью, поскольку он всегда чувствует себя недостойным всего того, что получил. Его мышление устроено совершенно по-другому. Пение и восхваление никого не может сделать истинно преданным Господу; для этого ваше отношение к жизни должно быть таким: Мне, недостойному, Он дал так много!” Молитвы истинно преданного всегда исполнены благодарения и признательности — и никогда роптания.

Нанак говорит: “Я не обладаю даром, а без дара я неспособен совершать достойные поступки, так как же мне почитать Тебя? Все, что я могу, это петь хвалу Тебе, о Господи! Велика слава Твоя! Это все, что могу я сказать, Боже. Я могу лишь петь хвалы Тебе. Я недостойн, я не заслуживаю ничего. Я столь бесполезен, что могу лишь восхвалять славу Твою — и это все.”

Твое слово — единственное истинное. Ты — это звук.

Ты — это Брахма. Велика твоя сила, и лишь ты ей хозяин.

Какой был час, что за день, время года

И месяц, когда Ты принял форму и началось творение?

Не знают о том пандиты,

Иначе они написали бы об этом в священных книгах;

И кази об этом не знают,

Иначе они бы о том написали в Коране;

И йогам неведом ни день, ни час,

Ни время года, ни месяц, когда это было.

Один лишь Создатель, все создавший,

Знает об этом.

А я? Я лишен какого-либо дара. Пандиты не знают, и кази — мусульманские священники, — не ведают. Не узнать об этом и из священных книг; и если никто из мудрецов не знает, кто Ты, где

Ты, как принял Ты форму, как Ты творил, то как могу я, жалкий несведущий глупец, знать, что делать?

Истинный верующий не беспокоится о том, кто Он; пандитов же и ученых интересует это. Образованный человек пытается найти Его посредством анализа; он старается весь мир разложить по полочкам, чтобы добраться до Него. Истинно верующий остается счастлив Его милостью, потому что его убеждение таково: “Как может кто-то еще, кроме Тебя, знать, как все вокруг возникло? Только Ты можешь знать об этом, все остальное суть глупые фантазии”. Истинно верующий никогда не утверждает, что знает. Его единственное утверждение — любовь. Помните, что претензия на знание исходит от “эго”; утверждение любви неэгоистично.

Как восхвалять Его, как выразить Его величие?

Как можно познать Его?

Нанак говорит: “Ты один знаешь; как должен я взывать к Тебе? Я не ведаю форм приветствия! Какие слова мне использовать? Я боюсь, что скажу неправильные слова. Какую Твою сторону должно мне прославлять? Какие похвалы подойдут? Какие слова будут достойны Тебя? Я не знаю. Умные люди пели хвалебные песни в Твою честь, и каждый старался превзойти остальных.”

Но все фразы несовершенны. Действительно умные люди поняли, что Его нельзя выразить, ибо никакое из имен не соответствует Ему и предстает пустым и ничтожным в сравнении со славой Его.

Он — высочайший. Имя Его велико.

Все происходит так, как Он повелел и задумал.

Тот, кто сам себя считает достойным,

Не будет в чести у Него.

Всякий, кто считает себя чем-то, неизбежно минует Его, ибо может быть только один: либо вы, либо Он. В одних ножнах хватит места только для одного меча, но не для двух.

У суфийского поэта Руми[12] есть одна очень известная поэма. Один влюбленный пришел к своей возлюбленной и постучал в ее дверь. “Кто там?”, — спросил голос. “Открой, это я”, — ответил он. Но ответа не последовало, и за дверью все было тихо.

Влюбленный опять постучал. Он кричал снова и снова: “Открой дверь, это я, возлюбленный твой”. Но ответа все не было.

В конце концов, голос, исходивший изнутри дома, произнес: “В этом доме не могут находиться двое. Это дом любви, здесь не поместятся двое”. И опять наступила тишина.

Влюбленный пошел прочь. Многие годы он странствовал по джунглям. Он соблюдал посты и ритуалы; выполнял обряды и подвиги послушания. Он очистился и очистил свой разум. Он просветился; он стал понимать окружающий мир. И вот спустя много-много лет он возвратился

и постучал в дверь еще раз. Из-за двери прозвучал тот же вопрос: “Кто там?”. На этот раз тот, кто стоял перед дверью, ответил: “Ты один есть”.

И дверь распахнулась, заключает Руми.

Придя к вратам Божьим и считая себя кем-то, даже если вы предстанете в виде саньясина, отрекшегося, мудреца или кого-то еще — вы потерпите неудачу. Врата откроются только тем, кто есть ничто, никто, кто уничтожил себя полностью.

Так и в обычной жизни, любовь открывает свои двери только тогда, когда вас больше нет, когда вы полностью слились с другим человеком, и голос “я” больше не звучит. И когда это “я” станет менее важным, чем “Ты”, когда “Ты” станет всей вашей жизнью, тогда вы сможете разрушить себя ради возлюбленного; вы примете смерть с готовностью и радостью. Только тогда расцветет любовь. Так в повседневной жизни мы на мгновение можем увидеть это единое целое, когда двоих больше не существует.

Когда всходит высшая любовь, от вас не остается ни следа; имя ваше, ваш титул, само ваше естество обращается в пыль. Это может произойти, только когда вы полностью уничтожите себя. Помните слова Иисуса: “Тот, кто спасает себя, потерян будет; тот, кто теряет себя, будет спасен”. В Его царстве тот, кто уничтожает себя, получает все, а тот, кто спасает себя — все теряет.

Нанак говорит: “Тот, кто считает себя кем-то, ничтожен перед Ним”. Истина в том, что он никогда даже не дотянется до Него.

Гордые глаза — слепые глаза. Тот, кто хоть раз подумал о том, что он является кем-то — его личность глуха и бездейственна; он уже умер. Он не может предстать перед Господом. Бог всегда стоит перед вами, но пока вы существуете, вам не увидеть Его. Вы есть препятствие, помеха. Если устранить эту помеху, глаза ваши станут чисты и широко откроются избавившись от гнета “я”. Вы станете ничем, одной лишь пустотой. И в такую пустоту сразу входит Он.

Кабир говорил, что гость приходит к тому, кто опустошил свой дом. Как только вы станете пусты, этот гость придет. Вы упускаете Его, пока вы наполнены самим собой. Но в тот час, когда вы опустошите себя, Он наполнит вас до краев.

Глава 10. Притяжение бесконечности

Вот миллионы нижних миров,

И нет конца небесам.

“Веды ” говорят о миллионах, искавших духовный путь,

Не добившихся лишь истощения.

Святое писание повествует о восемнадцати тысячах миров,

Но лишь одна сила отвечает за все творение.

Если бы описание было возможным, мы пошли бы этим путем,

Но все описания разрушительны. Нанак говорит:

Он выше всех великих.

Только Он может познать самого себя.

Поклоняющиеся восхваляют Его,

Но нет у них о Нем вспоминанья,

Ибо реки и потоки не знают океана,

К которому они беспрестанно стремятся.

Даже цари и императоры великих стран,

Владыки огромных сокровищ,

Не сравнятся со скромным муравьем,

В сердце которого о Боге вспоминание.

Этот случай произошел в одном исследовательском институте, где проводились исследования различных видов яда. Институт наводнили крысы, и их количество возрастало с каждым днем. С ними пытались покончить всеми возможными способами, но безрезультатно. Какой бы яд ни использовался, крысы съедали его с превеликим удовольствием. Они приспособились к ядам и очень быстро размножились, потому что и раньше это была их единственная еда. Крысы были устойчивы к ядам.

Вскоре кто-то предложил старый проверенный способ: поставить крысоловки. Но крысы полностью проигнорировали как ловушки, так и приманку — хлеб и сыр. Они настолько привыкли к яду, что не проявляли интереса ни к чему другому. В итоге не поймали ни одной крысы.

В конце концов, кому-то пришло в голову совершенно очевидное решение проблемы — посыпать приманку ядом. И крысы сразу же стали попадаться в ловушки.

Этот случай, несмотря на всю его странность, не выдуман. С человеком происходит почти то же самое. Человек настолько привыкает к словам, что, даже когда ему предлагают молчание, он ищет отдыха в словах. С ним происходит то же, что с крысами, которые не могли съесть ничего, кроме отравленных продуктов.

Чтобы объяснить, что такое бесконечность, мы будем вынуждены воспользоваться ничтожными словами. Даже если необходимо ввести человека в пустоту, важно использовать низменный язык слов. Описывая океан, можно рассказать лишь о его капле. А обсуждения этой капли весьма далеки от самого океана, потому что даже намеком невозможно его постигнуть. Взгляните на мощь океана и неприметную капельку. В таком случае, где взять слова, сравнимые с пустотой?

Что такое интеллект слабого человеческого существа по сравнению с необъятностью вселенной? Перед нами пространства и космос, перед нами миры — верхние и нижние, и все это абсолютно беспредельно.

И все это необходимо постигнуть слабыми силами человеческого понимания, потому что человек настолько привязан к своему разуму, а это так трудно — расстаться с любой привязанностью. Истина совсем недалеко, и только наши привычки мешают нам приблизиться. Истина совсем близко, даже ближе, чем биение сердца, ближе, чем дыхание. Бог находится к вам ближе, чем вы сами. Однако мы запутываемся в паутине привычек, которую сами же сплели. Наши привычки не дают нам видеть. Разум — это ни что иное, как набор определенных привычек. Вот почему все святые подвижники всеми силами стараются уничтожить разум и достичь без-мыслия состояния.

Как только вы освободитесь от разума, отойдете от берега, вы окажетесь в океане. Не существует иного пути познать океан, как стать океаном — другого пути просто нет. Если вы размышляете и толкуете об океане, оставаясь на берегу, вы просто ведете бесполезные разговоры. Само то, что вы стоите на берегу, свидетельствует о том, что вы совсем не знакомы с океаном. А если бы вы его знали на самом деле, разве вы остались бы на берегу? Никакие земные силы не в состоянии привязать к берегу человека, однажды прикоснувшегося к бесконечности, так велика ее притягательность. Не существует большей силы, чем притяжение бесконечности, а все другие увлечения меркнут, не выдерживая его мощи.

Однако же мы продолжаем сидеть и разговаривать. Мы остаемся запертыми в комнате, а ведем речь о бесконечных небесах... снаружи! Мы запираемся в собственных клетках, а говорим о свободе. Мы опутаны паутиной наших собственных слов, а говорить нам не о чем.

Вот драгоценные строки Нанака:

Вот миллионы нижних миров,

И нет конца небесам.

Не существует ничего, кроме космоса... и космоса... Одно лишь небо бесконечно, потому что не существует ограничений для космоса. Это — одно беспредельное пространство. Существует небо, небо и только небо... и его бесконечность вовеки.

Но не существует одной-единственной бесконечности, их бесконечное множество. Куда бы вы ни пошли, вы обнаружите пространство. Какое бы направление вы ни избрали, вы обнаружите бескрайнее пространство. Безграничность будет переполнять все, что бы вы ни встретили.

И вы пытаетесь в самой сердцевине этой бесконечности отыскать Бога и завлечь Его в крохотную клетку своих слов? Вы пытаетесь заключить Его в такие книги, как “Веды” или Коран. Это все равно, что пытаться охватить безбрежные небеса вашей ладонью. Обратите внимание на одно удивительное обстоятельство: когда ваша ладонь открыта, в ней есть место для пространства, но в тот момент, когда вы сожмете руку в кулак, то, что было на ладони, исчезает. А если вы еще сильнее стиснете кулак, то там ничего не останется.

Пользуйтесь словами, которые похожи на раскрытую ладонь, а не на сжатый кулак, однако в

“открытых” словах отсутствует логика. Чем больше логики вы пытаетесь вложить в свое утверждение, тем более замкнутым оно выходит. Если попытаться сделать определение как можно более подробным, то оно потеряет всякую выразительность. Чем лучше определение, тем оно ограниченнее. Вы сами создаете вокруг него стены.

Чем больше в словах разума, тем меньше они свидетельствуют о Боге. Вам кажется, что они так много вам говорят, но на самом деле они ничего не могут вам сказать, потому что ладонь закрыта. Когда слова свободны от разума, создается впечатление, что они могут сказать очень мало, но они действительно способны все объяснить. Не забывайте об этой разнице.

Слова Нанак — слова не логика, а поэта, барда. Это слова почитателя красоты. Нанак не пытается определить Бога; он пользуется словами, которые похожи на открытую ладонь, только указывающую на что-то. Они намекают на то, что невозможно высказать. Не увязайте в словах, или же вы совершенно не уловите смысл послания Нанак.

Если я показываю пальцем на луну, а вы хватаетесь за мой палец и отказываетесь посмотреть в ту сторону, куда он указывает, увидите ли вы луну? Сам по себе мой палец ничего не значит, он нужен только для того, чтобы показать луну. Вам придется оторваться от пальца, чтобы взглянуть на луну. Но люди таковы, что они сосредотачиваются именно на пальце.

Вот поэтому люди поклоняются книгам. Одни почитают “Веды”, другие — Коран, а третьи — “Туру Грантх”. Они отдают все свое внимание книге, и упускают то, на что указывает книга. Чем сильнее вы привязываетесь к книге, тем больше вы отдаляетесь от истины — книга вам ближе. И тогда слова становятся важнее, в то время как величие покоится не в словах, а в молчании, потому что только в молчании возможно познание.

“Веды ” говорят о миллионах искавших духовный путь,

Но не добившихся ничего кроме истощения.

Человек терпит поражение, когда он ищет духовный путь при помощи интеллекта. Все, старавшиеся постичь Его глубину, сами постепенно разрушались, в то время как Он по-прежнему оставался непознанным. “Веды” — это длинная история несостоятельности человека. Все писания свидетельствуют: чтобы ни делал человек, поле его деятельности все равно настолько мало, что не позволяет заманить Бога в свои сети. Чем усерднее вы пытаетесь поймать Его, тем меньше вы обнаруживаете в своих руках.

Не таков путь обретения Бога. Ваш способ познания — “ухватить” — не годится, вместо этого необходимо освоить способ “отпустить”. Вам также не помогут ни размышления, ни рефлексия. Это вам тоже придется отбросить. Разум и логика скорее будут вам мешать, чем помогать. И ваш ум будет стеной на пути, а не камнями, проложенными через ручей. Если на этом пути вы будете полагаться на свое понимание, то вы просто заблудитесь. Вам остается лишь предоставить все Ему.

Вера в интеллект — это путь “эго”. Это означает, что вы берете на себя за дачу отыскать Его. Задумывались ли вы о том, что предмет ваших поисков всегда должен быть меньше нас самих? Все, что вы получаете или обретаете, должно быть достаточно небольшим для того, чтобы вы могли удержать. А если вам в руки попадает Бог, Он уже больше не может быть Богом.

Как же тогда обрести Бога? Совершенно противоположным путем: тот, кто готов потерять себя, обретает Его. Единственный способ обрести Его — оказаться на Его ладони. Обычно мы пытаемся связать Его и отнести домой, чтобы показать остальным: “Посмотрите, мы обрели Его!” В этом случае вас ожидает неудача, потому что невозможно охватить и связать Его безмерное величие. Нельзя завернуть космос в оберточную бумагу. Все пакеты и связки вы можете принести домой, а космос — нет. Предоставьте себя в Его руки, если хотите Его обрести.

Нанак повторяет без устали: “Бесконечные самопожертвования слишком малы”... “Чтоб Ты ни пожелал — то будет наилучшим для меня”... “Что бы Ты ни повелел мне сделать — то мой путь”... “Что бы Ты ни показал мне — это истина”...

Все эти утверждения предполагают только одно: мне приходится самоустраниться. Я не должен Тебе навязываться. У меня нет ни желаний, ни цели, ни мотива. Я просто плыву по Твоему течению.

Вот почему я говорю вам, что вера бесценна, а разум губителен. Разум означает: я решаю и я сужу. А вера означает: Ты судья.

Вот миллионы нижних миров,

И нет конца небесам.

“Веды” говорят о миллионах искавших духовный путь,

Не добившихся ничего кроме истощения.

“Веда” означает не только четыре книги индуистов. Скорее имеются в виду слова старцев, которые достигли просветления. Слово “веда” происходит от “вид”, “знать”. Это относится к словам тех, кто обладает знанием — буддистов, джайнов, риши так же как и подлинные “Веды”, “Ригведа”, “Атхарва веда” и т. д. — это слова древних риши, людей, которые владели знаниями. Как только человек обретает божественное знание, его слова тут же становятся Ведами. Это произойдет и с вами, когда вы достигнете просветления. Для Вед не существует ограничений, так как Веды — это слова всех, кто овладел божественным знанием в прошлом, настоящем и будущем. Веды — это квинтэссенция знания и истины.

Нанак говорит: “В Ведах сказано, что все те, кто отправлялся на поиски духовного пути, в конце концов, прекращали искать, разочаровавшись и утомившись. Это очень важно понять, потому что усталость и истощение имеют огромное значение в жизни искателя. Вы не будете готовы к самоотвержению, пока не иссякнут ваши силы, и вы не ослабеете от истощения. Это произойдет только тогда, когда вы, наконец, поймете, что ваши собственные попытки бессмысленны, и что бы вы ни пытались сделать — все равно ничего не получится. Когда ваше отношение к активной деятельности достигнет последней стадии, вы поймете, насколько бесполезно все, что вы делаете, все, что вы ищете, а то, что вы находите, не имеет никакого смысла. Желание возбуждает вас, но даже успех не приносит удовлетворения. Тогда вас переполняет грусть и меланхолия, потому что все ваши старания напрасны. И мы обязательно испытаете это состояние, прежде чем избавитесь от “эго”.

Могли ли вы освободиться, если вы все еще питаете надежду что-то обрести? Еще чуть-чуть, и это произойдет. Или же вам кажется, что вы избрали неверное направление, поэтому вы меняете метод или гуру, уходите из храма в мечеть, из церкви в гурудвару. Пока вы не достигнете крайней степени истощения и полностью разочаруетесь, пока подавленность и уныние не завладеют вами, вы не освободитесь от “эго”.

Будда искал божественное знание шесть долгих лет. Возможно, еще не один человек в своих поисках не был столь настойчив. В каждом испытании духа он рисковал всем. Что бы ни просили его сделать, он выполнял с точностью. Ни один гуру не мог сказать, что ему не хватало старания и решительности.

Один гуру сказал ему съесть только одно зернышко риса в день в течение трех месяцев. Будда выполнил его указание. От него остались кожа да кости, его живот прилип к спине. Он едва дышал, потому что был слишком слаб. И все равно он не овладел знанием, потому что делами не достигнуть духовного знания.

Будда делал все, что ему говорили, но возобладало “эго”. Он постился, повторял бесчисленные мантры, подвергался епитимье, прилежно занимался разнообразными практиками, но глубоко внутри его изворотливое “эго” не переставало повторять “Это Я делаю это”. Кулак был сжат, а в нем — “я”.

Единственное условие познания Бога — оставить “я”. Какая разница: работаете вы в мастерской или возносите молитвы? В обоих случаях действует “эго”, и это — ваша работа или ваше поклонение. И то, и другое является мастерской, и вы остаетесь там, пока существует “эго”. Существует призвание и работа, как мир самсары, мир ежедневных дел. Когда исчезает “эго”, начинается Бог. Как только вы отпадаете и исчезаете, появляется Он. Вы уходите — приходит Он. Сосуществование не возможно, ибо здесь нет места для дуализма: или вы, или Он.

В конце концов, Будда устал от всего этого. Он сделал все, на что только способен человек. Все бесполезно. Его руки были по-прежнему пусты. Он вошел в реку Нираньяна, чтобы омыться. Он был настолько слаб, что не мог выйти из реки. Течение начало относить его в сторону, у него не было сил плыть. Он схватился за ветвь дерева, которое склонилось над рекой, и пока он висел уцепившись за дерево, он осознал бесполезность всех своих усилий. Он сделал все возможное, но ничего не получил. По ходу дела он потерял физическую силу, и был настолько слаб, что не мог преодолеть даже такую маленькую реку, как Нираньяма. Мог ли он в таком случае пересечь океан сущего? “Вот к чему привели меня все мои усилия. Мир стал совершенно бесполезным для меня; дворец и все сокровища княжества — пыль в моих глазах. Теперь я настолько устал, а сердце настолько опустошено, что все духовные поиски бессмысленны, даже освобождение бесполезно”. В этот момент Будда осознал, что ни в обыденном, ни в духовном мире не существует достойной цели. Все — обман, и заниматься этим совершенно бессмысленно.

Каким-то образом ему удалось выбраться из реки. Он пошел и сел под дерево. В этот самый момент он оставил все свои попытки, все старания, потому что ему совершенно не к чему было стремиться. Малейшее усилие вызывало разочарование и отчаяние. Все его надежды рухнули. Пока была надежда, продолжало существовать “эго”. В ту ночь Будда спал под деревом. После бесконечной череды воплощений это была первая ночь, когда было нечего желать и добиваться, не к чему стремиться. Просто ничего не осталось. Если бы в этот момент приблизилась смерть, то Будда даже не попытался бы немного отсрочить ее, потому что все надежды рухнули.

Палитра цветов и оттенков желаний поблекла в абсолютной усталости, исчезли все мечты. В эту ночь Будда спал крепко, и ни одно сновидение не потревожило его. Люди перестают видеть сны, когда им не к чему стремиться, потому что сны и мечты идут по пятам желаний. Впереди идут желания, а за ними, как тени, следуют сны, так как они рабы желаний. А если нет желаний, нет и снов.

Будда проснулся, когда последняя звезда почти погасла. День отличался ото всех предыдущих, потому что было нечего делать. Все стало бессмысленным. Вплоть до предыдущего дня он вел лихорадочную жизнь: искал свою душу, обретал веру, Бога и многое другое. А сегодня — ничего! Он просто лежал. Что еще ему оставалось делать. Он смотрел на угасающую звезду, и, как говорит предание, в этот момент он постиг истину.

Что же случилось в этот момент? Что случилось в эту ночь такого, что не происходило в течение шести лет, пока он напрягал каждую клеточку своего тела? Какое конкретное событие помогло Будде познать предельное знание в это утро? Ответом является полнейшее бессилие, о котором говорит Нанак. Будда был не в состоянии что-либо делать. Он достиг предела своих физических возможностей, и ничего не добился. Его “эго” разрушилось, и то активность исчезла.

Как только уходят стремления, нисходит благодать. Как только рушатся наши надежды, прекращается действие, и заканчиваются борьба, исчезает “эго”, и раскрывается ладонь.

Поняли ли вы, что для того, чтобы раскрыть ладонь, не нужно прикладывать усилие, в то время как нужно потрудиться, чтобы сжать кулак? Когда вы бездействуете, ладонь открывается сама по себе, потому что это ее естественное состояние. Вам действительно не нужно ничего делать, чтобы разжать кулак. Просто не сжимайте руку, и ваша ладонь будет раскрыта. В то утро Будда ничего не делал, и ладонь раскрылась.

Кабир сказал: “Происходит лишь то, что не делается”. В тот момент Будда абсолютно ничего не сделал, но произошло главное! Он смертельно устал, он был разочарован. Он отказался продолжать искания, и “эго” пропало. И как только оно пропало, появился Бог.

Нанак сказал, что во всех Ведах говорится о том, что все пытавшиеся проникнуть в Его глубину, разочаровывались и смертельно уставали. И только, когда их истощение становилось абсолютным, они достигали просветления. И вы познаете Его, только, когда ваше утомление будет полным.

Цель йоги — довести себя до крайнего истощения. Но через йогу не достигнуть Бога. Вы просто утомляете свое “эго”. Не существует метода прийти к Богу, есть только способы добиться измождения, чтобы достичь состояния совершенной релаксации. Вот почему, когда вы разжимаете кулак, у вас не остается сил, чтобы снова сжать его.

Многие теряли силы и иллюзии во время духовных поисков. Веды говорят, что усилия не могут не привести к этому состоянию, а после наступает постижение. Сатгуру, великие мастера, говорят, что познание Бога возможно только божественной благодатью, а не собственными силами. Насколько Он был бы мал по сравнению с вами, если вы могли бы познать Его вашими силами. В действительности он бесконечно велик. Вы же, как только становитесь пустыми, сразу наполняетесь.

Когда начинается дождь, он одинаково орошает и горы, и долины. Долины наполняются влагой, а горы остаются сухими. В горах нет места для воды, но долины пусты, поэтому они наполняются водой, и появляются озера.

Бог одинаково изливает свою благодать на всех. Для него все равны. Для каждого человека бытие едино, без всякой дифференциации. Не существует достойных и недостойных, грешника или святого. Божья благодать изливается на всех так же, как небо покрывает все и вся. Но люди, переполненные самими собой, не вмещают Его благодать, потому что для нее нет места. Те же, кто пуст, наполняются, потому что могут вместить благодать.

Святое писание повествует о восемнадцати тысячах миров,

Но лишь одна сила ответственна за все творение.

В этой необъятной шире с ее бесконечным разнообразием, за всем ее множеством скрывается единое. Если вы будете сосредоточиваться на множестве, вы будете скитаться в мире. А если вы сконцентрируетесь на едином Ом, вы откроете Бога.

Понимайте это так: мала (четки) состоят из многих бусин, но шнурок, соединяющий их всех, один. Если вы будете держаться за бусины, то собьетесь, а если ухватитесь за нить, то познаете Бога.

На поверхности океана катятся бесконечные волны. Если вы обращаете свое внимание не на океан, а на волны, вы блуждаете. Ибо волны рождаются и исчезают бесконечно. Одна волна переносит вас к следующей, а за ней еще и еще... Вы похожи на хрупкий бумажный кораблик, который скачет с гребня на гребень, захлебывается то в одной волне, то в другой, страдает то здесь, то там. Вы не найдете пути, потому что у волн нет назначения, а только постоянная изменчивость. Назначение неизменно и постоянно. Вы не можете покоиться в волнах. Обрести покой можно, только когда успокоятся волны. И тогда вы поймете то, что никогда не меняется.

Понимаете ли вы, что, чем больше в вашей жизни перемен, тем больше беспокойства в вашей жизни? Это объясняет многочисленные волнения в сегодняшнем мире, потому что все постоянно меняется. Ученые считают, что количество изменений, происшедших за первое тысячелетие нашей эры, сравнимо с изменениями, которые произошли в течение предшествующих пяти тысяч лет. А в следующие двести лет все изменилось в том же масштабе, что и за предыдущее тысячелетие. К моменту наступления нашего века мы достигли поистине фантастического уровня изменений: теперь пять лет равны пяти тысячелетиям до нашей эры! А к тому времени, как век завершится, те же самые изменения будут происходить за пять месяцев.

Это происходит так быстро, что вы едва ли можете успеть за одной волной, прежде чем нахлынет следующая.

Спросите старого селянина, и он скажет вам, что его деревня сохранилась почти такой же, какой она была, когда он родился. А теперь посмотрите, что происходит с городами. Они олицетворяют будущее, и нет ничего общего между двумя, следующими друг за другом, днями. На Западе темпы перемен уже достигли устрашающих размеров.

Люди не живут на одном месте в Америке. Постоянное проживание там в среднем длится три

года. А так как это усредненные цифры, то по меньшей мере половина людей остается на месте на более длительное время, но есть и другие, которые меняют место жительства каждые два или четыре месяца. Представьте себе: переезжать каждые два месяца. Это значит меняется атмосфера, еда, одежда. С каждой сменой сезона меняются машины, одежда. Волны накатываются с пугающей мощью, а они верят: чем сильнее изменение, тем больше удовольствие. А на самом деле, чем больше перемены, тем сильнее страдание. Это все равно, что через день выкапывать растение с корнем и пересаживать его в другое место. У вас просто нет времени укорениться, прежде чем вы снова перемещаетесь.

Если происходят большие изменения, то жизнь становится похожа на ад. Вот почему жизнь на Западе все сильнее напоминает преисподнюю. В прежние времена на Востоке было очень спокойно, потому что почти ничего не менялось. В такой стабильности и статичности было проще погрузиться в океан, потому что корни были крепкими, и каждый человек мог собрать все свое мужество для прыжка в глубину.

Помните, если вы плывете по волнам, вы мирской человек. А если вы начинаете поиски океана среди волн, то постепенно вы становитесь саньясином. Поиски вечного в переменах — это саньяс. Если вы пытаетесь познать неизменное в изменяющемся, то это — искусство саньясы. И только это является верой.

Нанак говорит, что авторы святых писаний поведали о восемнадцати тысячах миров. Но за этими восемнадцатью тысячами стоит сила, которая по сути одна. Выбор зависит от вас: и то, и другое открыто для вас. Вы можете избрать то, что меняется, приходит и уходит. Или же вы можете избрать то, что не меняется, не приходит, не уходит, а существует всегда, на чьей ладони происходят все изменения, а оно само остается неизменным.

Жизнь того, кто сможет ухватиться за Единого, наполняется блаженством. Тот же, кто хватается за бесконечную изменчивость, раз за разом оказывается перед лицом страдания. Он никогда не бывает счастлив, он может испытать лишь отблеск счастья в промежуток между двумя периодами страдания.

Сколько раз вы меняли дом? Сколько раз вы меняли машину? Когда вы меняете старую машину на новую, сам процесс обмена приносит минутное счастье, но это как раз похоже на то, что вы чувствовали в прошлый раз, когда вы покупали машину, и на то, что вы почувствуете, когда купите машину следующей модели. И то же самое вы ощутите, когда поменяете одну жену на другую, или же одного мужа — на другого. Это короткое мгновение надежды.

Когда люди несут тело умершего на место сожжения, они меняют плечо, когда оно слишком устает. Какое-то время они чувствуют облегчение, но вес остался прежним, и очень скоро другое плечо устает, и нужно опять перекладывать груз.

Вы просто меняете плечи, когда вы перемещаетесь с волны на волну. Достигнуть счастья можно единственным способом — соскользнуть с волны в океан. Может существовать бесконечное количество форм бытия, но сила одна. Он единственный прячется внутри каждого. В этих стихах заключается искусство жить: ищите единосущного Бога, хватайтесь за нить четок.

Если бы описание было возможным, мы пошли бы этим путем,

Но все описания разрушительны.

Нанак говорит: Он выше всех великих.

Только Он может познать самого себя.

О Нем ничего не может быть написано, потому что все написанное можно стереть, в то время как Он вечен. Как может тленное свидетельствовать о нетленном? Любые писания могут потеряться. А сколько уже было потеряно? Те же писания, что существуют сейчас, исчезнут в будущем. Сколько слов уже родилось и растворилось в пустоте? А истина остается неизменной в вечности.

Итак, писание и Бог по сути различны. То, что может быть написано, может быть стерто. Если вы научитесь читать ненаписанное, если вы постигните искусство читать чистый лист бумаги, вы сможете понять Бога.

Это произошло в штате Махараштра в Индии, где жили три святых аскета: одного звали Экнат, другой был Ниврутинат, а третья, была Муктабай, женщина-факир. Экнат прислал Ниврутинату письмо, которое представляло собой лишь чистый лист бумаги, на котором просто ничего не было написано. Ниврутинат открыл письмо и прочел его с огромным интересом, а потом протянул Муктабай. Она тоже прочла его с безраздельным вниманием. Они оба погрузились в блаженный экстаз. А затем Ниврутинат протянул гонцу то же самое письмо со словами: “Отнеси наш ответ Экнату”.

Гонец был в растерянности. Когда он принес письмо, он не знал его содержания. Конечно же, он не подозревал, что это был белый лист бумаги. Теперь он был смущен, что ему предстояло принести в ответ тот же белый лист. Он сложил руки и повернулся к Ниврутинату: “Махараджа, прежде чем я уйду, не мог бы ты удовлетворить мое любопытство? Что ты прочел, если там ничего не написано? И не только ты, даже Муктабай прочла это письмо с интересом, и вы оба были в восторге. Ты читал с таким усердием, что казалось, что ты действительно что-то прочел. Что же ты прочел? А теперь ты возвращаешь тот же лист бумаги, не написав на нем ни слова!”

“Экнат прислал слово”, — объяснил Ниврутинат, — прочитать которое можно только на чистом листе. Что бы вы ни написали на бумаге, — это не Он. Мы в этом согласны с ним. Мы поняли его послание, и вот наш ответ, что мы его поняли. То, что он сказал нам, абсолютно верно”.

Можно написать книгу, но нельзя описать Бога. Как может книга рассказать о Нем? Вы жаждете прочесть неписанное. Прочтите Веды, “Гуру Грантх”, Коран, а потом оставьте написанное слово и обратитесь к ненаписанному. Читайте между строк, между слов и запоминайте то, что прочли.

Если вы читаете и сосредотачиваетесь на написанном слове, вы станете пандитом или священником. Если вы читаете нечитаемое, вы станете святым. Если вы сосредоточитесь на написанном слове, вы получите очень много информации, а если вы вернетесь к не написанному, вы станете, как ребенок, невинным и безыскусным. Вспомните, ненаписанное — это врата.

Вот почему Нанак спрашивает, существует ли Его описание или зафиксированное на бумаге?

Знал ли кто-нибудь когда-нибудь о Нем что-то, что он мог высказать? Не существует никакой информации о Нем. Тот же, кто имеет знание, молчит. А если они и произносят что-то, это всегда указывает на молчание. А если они и написали что-то, то подразумевали, что вы сможете прочесть между строк.

Нельзя дать письменный отчет о Нем. Что бы ни было написано, разрушится в один прекрасный день. Не важно насколько сильно вы стараетесь сохранить книги, они все равно обречены. В конце концов, они бумажные, а слова написаны чернилами. Что может быть более тленным, чем это? Отнеситесь к ним, как к бумажным корабликам. Тот, кто пытается в кораблике из писаний достичь Бога, рискует опрокинуться и утонуть. Не садитесь в бумажные корабли. Они хороши в играх детей, но для путешествия совершенно не годятся. А путешествие это, пожалуй, величайшее из всех, в которое можно отправиться, потому что нет большего океана, чем океан бытия.

Нет, писания не годятся. Постигните их послание, их намек. Только об одном они говорят: освободите себя, станьте пустыми.

Но нет конца человеческой глупости. Мы быстро наполняем именно тем, что сообщает нам человек, призывающий нас к внутренней опустошенности. Мы заполняем наши головы такими людьми, снова вступая в бесконечный цикл перемен. Наши надежды, наши ожидания, наш ум не сулят нам ни понимания, ни мудрости.

Я расскажу вам известную историю из жизни Александра Македонского. Говорят, что он искал эликсир жизни: говорили, что выпив его, избавляешься от смерти. Планы Александра завоевать весь мир, во многом, были связаны с этими поисками.

В конце концов, в одной пещере он нашел источник бессмертных вод. Александр вошел в эту пещеру, полный радости из-за того, что желание всей его жизни должно было вот-вот исполниться. Его взгляд на мгновение остановился на пенящихся водах ручья. Но в тот момент, когда он уже почти было набрал воды, ворон, сидевший в пещере прокричал: “Подожди, не совершай ошибки!” Александр посмотрел на ворона. Он был в очень плохом виде. Его крылья повисли, а глаза больше ничего не видели, все его тело было разбито. Он был похож на скелет. Александр спросил его: “Кто ты такой, чтобы останавливать меня? Если у тебя причина?”

“О царь, послушай сначала мою историю, а потом делай то, что сочтешь нужным, — сказал ворон. — Я тоже искал этот источник. Я тоже отыскал эту пещеру и выпил воду. А теперь я не могу умереть, хотя я этого так хочу. Посмотри, в каком я состоянии: я слеп, я стар и слаб; мои крылья сломаны, и я не могу летать; мои ноги разбиты, но, увы, я не умираю! Взгляни на меня один раз, а потом делай, что хочешь.

Теперь я прошу, чтобы кто-нибудь убил меня, но меня нельзя убить, потому что я выпил эликсир. Я молю Бога день и ночь даровать мне смерть. Я хочу умереть, мне все равно как!”

Говорят, что Александр остановился и задумался, а потом он тихо вышел из пещеры, не притрагиваясь к воде.

Если ваши желания исполняются, вы оказываетесь перед таким же количеством трудностей, что и до того. Вы не хотите умирать. Если бы вы отправились на поиски этой пещеры и захотели бы

выпить воду из источника, то вы бы оказались перед дилеммой: что теперь делать с этой жизнью? Когда жизнь была делом ваших рук, и вы действительно могли жить, вы занимались поисками эликсира, избавляющего от смерти. Вы не можете жить с эликсиром, вы не можете жить со смертью, вы не можете жить в бедности, вы не можете жить в богатстве. Вы не можете жить в аду, и вы не можете жить в раю, и вы еще считаете себя мудрыми!

Баязид был суфийским мистиком. В своих молитвах он говорил Богу: “О Господи, не слушай моих молитв, не выполняй моих молений. Ибо откуда у меня мудрость, чтобы просить то, что мне хорошо?”

У человека совершенно нет ума. Он оказывается пойманным в сеть своих желаний, а потом блуждает в самом себе. Если его желания не удовлетворяются, то человек попадает в сложное положение. А если они удовлетворяются, он опять же оказывается и затруднении. Подумайте чуть-чуть, вернитесь в свое собственное прошлое, проанализируйте свою жизнь. Что из того, что вы желали, хотя бы частично осуществилось? Принесло ли это вам удовлетворение? А те желания, которые не осуществились, — принесли ли они вам счастье? В обоих случаях вы не обрели ничего кроме горя и страданий. Вы запутываетесь в ваших собственных желаниях. И хотя какие-то из них сбываются, вы все еще блуждаете среди несбывшихся желаний.

Что такое понимание? Как можно охарактеризовать мудрость, кроме как задать вопрос о том, что остается, когда исчезают горе и несчастья? Но на этом основании никто и никогда не согласится с тем, что верующий человек мудр. Тот, кто жаждет Бога, никогда не раскисает, а вы всегда просите, чтобы потом сожалеть.

Запомните хорошенько, что все ваши желания, кроме желания обрести Бога заканчиваются сожалением и раскаянием. Жажда познать Его — это смысл жизни, а все остальное ничтожно.

Можете ли вы познать Его в писаниях? Нанак говорит, что вы Его там не обнаружите. Вы скорее найдете там слова, воззрения, но не истину. А где же найти истину? Вот ответ, который дает Нанак: “Он выше всех великих. Только Он может познать самого себя”. Это означает, что вы не можете отступить от Него и познать Его. Только, когда вы пребудете в Нем, вы сможете узнать Его. Единственный путь к истине требует того, чтобы вы стали одним целым с Богом.

Мы можем получить нужную нам информацию. Это — основа науки. Ученый исследует и изучает проблему снаружи и получает сведения о ней. Но о Боге таким способом вы ничего не узнаете. Вам нужно проникнуть внутрь себя так глубоко, где теряется граница между Ним и вами. Вы становитесь биением Его сердца, а Он — вашего. Где существует такое единство, там пребывает мудрость.

Возможно ли узнать все это из писаний, из простых слов? Это может произойти только в любви. Вот почему Нанак говорит: “Любовь — это ключ”. Если в вас рождается любовь к Его имени, если в вас начинает звучать Его мелодия, если вы сходите с ума от Его любви, только тогда вы можете получить знание.

Писания дают вам множество возможностей для споров и дискуссий. Не путайте это с мудростью, иначе вы удалитесь от реальности. Вы не познаете ни Бога, ни себя самого, потому что для этого существует только единственный путь. Познать самого себя, быть одним целым с Богом — только это дает знание и мудрость. Вам придется узнать Его, и это единственный путь.

Без этого опыта все ваши споры останутся глупым детским лепетом.

Когда Насреддин достиг преклонного возраста восьмидесяти лет, он послал за своим старшим сыном, которому было около шестидесяти. Он сказал, что прошло несколько месяцев с тех пор, как умерла его мать, и он больше не может жить без женщины, и поэтому он решил жениться снова.

Сын встревожился: жениться в таком возрасте! Он спросил муллу: “На ком ты решил жениться?”

“На соседской девушке”, — ответил Насреддин.

Сын рассмеялся: “Ты шутишь! Ты сошел с ума? Этой девушке не больше восемнадцати лет!”

“Я сумасшедший?! — закричал Мулла на сына. — Глупец! Твоей матери едва исполнилось восемнадцать, когда я женился на ней. В чем же разница?!”

Похожим образом человек приводит аргументы в отношении Бога, которые никогда не опираются на факты. Во всяком случае, возраст девушки позволял ей выйти замуж... но мулла забыл свой собственный возраст. Так же и вы пытаетесь схватить Бога снаружи при помощи аргументов и доктрин, но вы не задумываетесь о том, чтобы погрузиться в себя самого. Вам придется самому стать частью доктрины.

Пандит, духовное лицо, ученый человек, всегда остается вне Бога. Он просто собирает знания, но остается вне них. Он очень сообразителен и умен. Он не рискнет прорваться внутрь, а наблюдает извне. Но, в конце концов, его ум оказывается великой глупостью, потому что существует единственный путь познать Его.

Это все равно, что читать трактаты о любви, и считать, что знаешь, что такое любовь. Кто-то читает о восходе солнца и думает, что знает красоту рассвета. Или же кто-то читает о цветах и считает, что может властвовать над ними. Но это не более, чем информация, потому что истинный ценитель сам любит рассветом и цветами, напоенными росой. Тогда вы и солнце на мгновение становитесь одним целым, и ваши сердца бьются вместе.

А когда вам встречаются цветы, когда сливается их аромат и все ваше- существо, вы теряетесь друг в друге, вы одно целое. О блаженство! В этот момент сущность ваша и сущность цветов танцуют вместе, раскачиваются в дуновении ветра. Возможно ли узнать об этом из книг? Нет! Если это невозможно в отношении простого цветка, то, как вы узнаете Бога, который самый великий цветок нашей жизни?

Как можно построить с Ним отношения при помощи доктрин? Вам нужно зайти внутрь. Войти туда могут только безумные, а не хитроумные, те остаются снаружи. Ваш ум, ваши способности не истинны. Всегда было верно то, что лунатики достигают духовного просветления, мудрецы остаются позади.

Нанак говорит, что есть единственный путь познать Его. Он велик, и Он один может познать самого себя. Вы никогда не узнаете Его, пока вы не станете с Ним едины и сольетесь с Его вездесущей силой. Чтобы познать Бога, нужно стать Богом! Нет другого пути. Только достигнув

таких высот и таких глубин, вы обретете знание. Вам необходимо стат і. с Ним одним целым.

Тот, кто возносит хвалу, восхваляет Его, но это не приближает его к познанию. Не важно, сколько времени вы отдаете Его восхвалению, вы все равно остаетесь вне Него. Расстояние по-прежнему существует. Он всегда останется Богом, а вы — преданным. Вы все будете повторять слова снова и снова, но никогда не преодолеете расстояние, которое будет только увеличиваться. Не нужно произносить молитвы, их нужно слушать. Слушать и молчать. Ничего не говорите, чтобы Он мог говорить.

Вместо этого вы продолжаете говорить, и не просто говорить, а кричать! Кабир говорил по этому поводу: “Разве Бог глух? Разве Он не слышит? Почему же вы так громко кричите? Разве у Него нет ушей? Тогда кому вы кричите? Разве Он скорее услышит ваш голос?”

Поклоняющиеся восхваляют Его,

Но они не помнят Его.

Слово “сурати”, воспоминание, является квинтэссенцией практики Нанак. Все святые подвижники сливались с сурати. Это слово пришло к нам от Будды, который употреблял слово смрити из санскрита. Гурджиев именуется это “вспоминанием о себе”, а Кришнамурти считает это осознанием, то есть состоянием абсолютного сознания.

Вспоминание очень хрупко. Это необходимо объяснить на примере. Мать занята приготовлением еды. Ее сынишка играет недалеко от нее. Кажется, что она полностью поглощена своим делом, но ее сурати сосредоточено в ее ребенке, чтобы он не упал, или не подошел близко к лестнице, или не взял что-нибудь неподходящее и не положил себе в рот. Она действительно занята, но во всем, что бы она ни делала, присутствует воспоминание о ребенке. Пока мать спит, никакой гром не разбудит ее, но стоит пошелохнуться ребенку, она просыпается, и ее рука тянется к нему. Так сурати присутствует даже во сне воспоминанием о ребенке.

Сурати заключает в себе непрекращающееся воспоминание, словно нить в четках. Делайте все, чего требует от вас мир, но пусть ваш разум всегда остается с Ним. Спите, гуляйте, ешьте — вам нет смысла бежать от мира. Ходите на работу: в офис, мастерскую или на завод. Копайте ямы... потому что деньги необходимо зарабатывать. Воспитывайте детей. Сети вещественного мира всегда будут существовать, но во всем этом сохраняйте живую память о Нем. Пусть внешне продолжается ваша обычная жизнь, но в вас должен жить только Он! Сохраните свежесть ваших отношений с Ним.

Нанак говорит, что не нужно бежать от мира. Познайте сурати, и вы станете саньясином. Когда удастся обрести воспоминание, все становится на свои места, Зачем бежать в леса, если ваше сурати наполнено этим миром? Но именно так обычно все поступают. Люди покидают свои дома и спасаются в лесах, но все равно думают о доме. Нашему разуму так свойственно не заботиться о том месте, где мы находимся, а стремиться именно туда, где нас нет. Когда вы здесь, вы думаете о том, как прекрасно должно быть в Гималаях. Потом вы едете в Гималаи и начинаете размышлять: “Может быть, мне было бы лучше остаться в Пунае. Возможно, я на неправильном пути. Все остались там, и они не могут ошибаться. Что же я делаю здесь, сидя под деревом?”

Даже в пустыне вы будете подсчитывать свои деньги и хранить счета Лица жены и детей кружатся вокруг. В Гималаях вам будет хорошо, но ваше сурати останется дома с вашей семьей.

Нанак говорит: “Оставайтесь там, где хотите, но пусть в вас живет воспоминание о Боге”. Вы ничего не добьетесь, восхваляя Бога, так как все достигается только в сурати. Любое славословие искусственно по сути, в то время, как воспоминание находится внутри вас. Не нужно громко кричать: “Ты велик, о Господи, а я грешник. Ты искупитель, а я нищий”. Зачем так кричать? Кому вы говорите все это? Не нужно звонить в колокола и петь хвалу. Важна только память. Храните воспоминание о Нем, не забывайте ни на мгновение. Питайте это воспоминание.

Если бы вам удалось найти бриллиант, вы бы быстро спрятали его в карман. Вы бы даже завернули его в платок, чтобы случайно не выронить его. Если бы вы пошли на рынок делать покупки или повстречали своих друзей, вы все время вспоминали бы о бриллианте. Тихий, слабый голос все время повторял бы: “В кармане бриллиант, в кармане бриллиант...” Все снова и снова вы бы трогали его, проверяя, на месте ли он.

Взращивайте воспоминание о Боге точно так же. Время от времени прикасайтесь к нему, чтобы проверить, что оно в вас. Когда вы идете по дороге, остановитесь и загляните в себя. Не повредилась ли нить воспоминания? Тянется ли она как прежде? Когда вы едите, остановитесь на секунду, закройте глаза и посмотрите, как струится воспоминание.

Постепенно ваш опыт станет еще глубже. Тогда течение памяти не прекратится даже во сне. Когда это происходит двадцать четыре часа в сутки, вы создадите мост между Ним и вами. Теперь вы сможете закрыть глаза и слиться с Ним, как только пожелаете. Дорога построена, и как только вы закрываете глаза, вы растворяетесь в Нем. А когда вы возвращаетесь в мир после встречи с Ним, вы свежи и полны совершенной энергии и легкости, как будто только что приняли ванну. Вот почему Нанак говорит, что сурати равносильно омовению в тысячах святых мест.

Поклоняющиеся восхваляют Его,

Но они не помнят Его,

Ибо реки и потоки не знают океана,

К которому они беспрестанно стремятся.

Реки и потоки впадают в океан, но этого не достаточно, чтобы познать океан. У рек и каналов нет собственного сознания. Несмотря на то, что они впадают в океан, он и не знает об этом. И мы тоже весь день живем в окружении Бога, но не знаем об этом. Мы кружимся вокруг да около, но не знаем этого. Снова и снова мы растворяемся в Нем. Каждая смерть приводит нас к Нему, каждое воплощение происходит через Него, но нам не хватает воспоминания о Нем.

Итак мы похожи на реки и речки. Мы впадаем в океан, но мы не имеем понятия об этом событии. Без знания мы ничего не чувствуем, не осознаем. Мы как будто в трансе как будто мы находимся под воздействием наркотиков или спим, или смертельно устали. Реки и ручьи впадают в океан, но от этого не становятся лучше, потому что они не знают, что это произошло.

Вы входим и выходим из Него каждое мгновение. Если вы внимательно всмотритесь, когда ваше воспоминание о Нем станет сильнее, вы поймете, что каждый ваш вздох вы делаете с Ним. Когда вы выдыхаете, устремляетесь к Богу, а когда вы делаете вдох, Он наполняет вас. И ваша радость не знает границ.

Этот опыт впервые даст вам чувство благодарности. Только тогда вы сможете сказать: “Твоя милость безгранична”. Только тогда вы сможете сказать: “На мне Твое благословение”, и тогда впервые на вас снизойдет величие веры в Него. Славословие Господа не может сделать человека верующим, а воспоминание — может.

Даже цари и императоры великих стран,

Владеющие огромным сокровищем,

Не сравнятся со скромным муравьем,

В сердце которого о Боге воспоминание

Величайшие из царей, обладающие сокровищем безбрежным, как океан чье величие не описать словами, не могут сравниться с крошечным муравьем, который познал тайну воспоминания и всегда думает о Тебе. Самый неприметный станет великим, если постигнет сурати, в то время как величайшие цари останутся ничтожно бедными без воспоминания о Нем.

Существует только одно зло — забыть Бога. И существует единственное богатство — познать воспоминание о Нем. Тот, чье сурати бодрствует, уже познал все, что топ. стоит. И тогда совершенно не важно, что у этого человека нет ничего, чтобы прикрыть наготу, и нет крыши над головой. Не имеет значения ни ваше состояние и богатство, ни количество дворцов и титулов, ведь в душе вы чувствуете себя жалким нищим без сурати. Боль и мука бедное! п будет терзать ваше сердце.

Нанак говорит, что единственным богатством является память о Нем. А единственная бедность — это забыть Его. Хорошенько подумайте об этом. Вы богаты или бедны? Не думайте о вашем банковском счете. Это будет ложью. Откройте ваш внутренний счет, и вы сразу увидите, есть ли там признаки воспоминания. Вы настолько богаты, насколько простирает! я ваша память. И если она отсутствует, то вы даже не начали еще добывать богатство. А то, что вы скопили в мире, не имеет значения.

Когда Александр Македонский был при смерти, он попросил своих слуг, чтобы его руки свисали из гроба. Тогда те сказали, что такого обычая не существует, и попросили Александра объяснить свою просьбу. Тот сказал: “Я хочу, чтобы люди видели, что, несмотря на все мои завоевания, я покидаю мир с пустыми руками”.

Все люди, как и Александр, умирают нищими. Самые могущественные оказываются бессильными. Но даже если муравей наполнится воспоминанием, все Александры поблекнут перед ним.

Кем же был Нанак? Чем он занимался? У него не было ни богатства, ни положения, ни царства, но, сколько царей теряют свое величие перед ним. Нанак стал драгоценен из-за своего сурати.

Цари появляются и исчезают, а Нанак останется на веки. Слава и почет приходят и уходят, но Нанак никуда не денется, потому что тот, кто находит прибежище в неразрушимом, сам нерушим.

Даже если вы подобны скромному муравью, это не имеет значения. Пусть всегда будет только воспоминание о Нем. Не участвуйте в безумии бесконечного накопления богатств, потому что, чем больше вы предаетесь добыванию земных благ, тем чаще вы забываете вспоминать о Нем. Но как еще можно преуспеть? Если вы будете помнить о Нем, то богатство станет пылью для вас, а земной почет и слава потеряют свое значение.

Когда дети собирают цветные камешки, вы пытаетесь объяснить им, что-то всего лишь ничего не стоящая галька, но они все равно тащат их в дом. Мать находит в их карманах кучу хлама. Те же самые дети вырастают, и их понимание развивается, поэтому они больше не собирают камешки. Теперь их очередь объяснять детям, что увлекаться этой игрой глупо. Но как же насчет всех бесполезных вещей, которые они сами собирают?

Все, что вы собираете в мире, имеет значение и цену, пока не проснется ваше понимание и память. Как только в вас пробуждается память, вы обретаете зрелость. Затем разгорается пламя понимания. Его свет приводит вас к мысли, что все, что вы считали драгоценным не более, чем галька. И вы не перестаете удивляться, почему вы так дорожили и сходили с ума из-за этого. Вы задаете себе вопрос: чего вы добились, заполучив все это.

Внезапно в ваших глазах все теряет свой смысл и ценность. Жизнь преобразуется в тот момент, когда пробуждается сурати. В вас происходит настоящая революция. Умирает ваша прежняя личность и рождается новая.

Поиском такого перерождения является вера. Подумайте об этом. Посмотрите, есть ли внутри вас место для сурати, пусть даже очень маленькое? Есть ли внутри вас храм, где пульсирует память? Слышите ли вы, как внутри играет тихая мелодия воспоминания о Нем? Помните ли вы о Нем всегда, или вы все время забываете? Помните ли вы вообще о Нем?

Если вы начнете размышлять над этими вопросами, то само размышление приведет вас к рождению памяти, потому что когда вы начинаете думать, вы естественно начинаете думать о Нем. Сама мысль о том, что я не помню Его, пробудет во мне воспоминание о Нем. Если воспоминание появляется все чаще и чаще, то это похоже на молоток, который все снова и снова, и отметка становится все глубже и глубже. Если постоянно бить молотком, то даже на камне появится след. Так же и след на вашем сердце должен увеличиваться.

Кабир сказал, что веревка в колодце, поднимая воду и опускаясь за ней вновь, трется о камень и оставляет на нем след. Когда веревка сурати трется о ваше сердце, то она наверняка оставит на нем свой след. И это произойдет очень скоро, потому что нет ничего нежнее сердца. Вам только нужно, чтобы веревка не останавливалась.

Том 2

Глава 1. Страх — это нищий

Нет конца ни Его добродетелям,

Ни описаниям их.

Нет конца ни трудам Его, ни Его щедрости,

Бесконечно то, что Он видит и слышит.

Непознаваемы тайны Его ума;

Нет им ни конца, ни начала.

Сколь многие стремились измерить Его глубину,

Но ни одному не удавалось это.

Никто, никогда не познал пределов Его;

Чем дальше ты видишь, тем дальше Он простирается.

Велик Господь. Престол Его в высях,

А еще превьше — Имя Его.

Нанак так говорит: “Лишь тот познает, сколь Бог велик,

Кто до Божьих высот поднялся,

Пав сперва под взглядом

Его всеосстрадательной благости”.

Сострадание Его выше всех слов.

Столь велик Даритель, что не ждет Он в ответ ничего.

Воин или герой, сколь ни велик, продолжает просить.

Трудно представить всех тех, кто продолжает молить, так их много.

Одни потакают своим страстям и растрачивают свои жизни.

Другие же получают, но отрицают это.

Продолжая страдать от голода

Они так и не прибегают к вспоминанию.

И, Господи, это тоже — Твои дары,

Лишь Твой промысел дарует свободу или бремя,

Никто не оспорит этой истины.

Погрызший в бессмысленной болтовне

Осознает свою ошибку, получив удар по лицу.

Лишь Он сам может познать Себя.

Нанак так говорит: “Он — царь царей”

Нет конца Его величию. И все, что мы способны сказать об этом, лишь выдает наше полное непонимание предмета.

Когда Рабиндранат Тагор был при смерти, то сидевший рядом с его постелью старый друг сказал: “Ты можешь покинуть этот мир без сожалений: ты достиг всего, чего хотел. Ты добился всеобщего уважения, ты сочинил множество песен, весь мир знает тебя, как божественного поэта. Поистине, не осталось ничего незавершенного”.

Рабиндранат открыл глаза и, печально посмотрев на друга, ответил: “Никогда больше так не говори: я только что жаловался Богу на то, что все, что я хотел спеть, осталось неспетым. Все, что я хотел сказать, так и осталось несказанным. Вся моя жизнь ушла на то, чтобы настроить свой инструмент!”. Он полагал, что еще и не начинал воспевать Бога, а уже пришел момент расставаться с жизнью.

Рабиндранат написал шесть тысяч песен, и все они — во славу Божью, но считал, что так и не сумел спеть о Его славе. О том говорит и Нанак, с тем же опытом столкнулись все истинные риши, все духовные мудрецы. Все, что можно сказать о Нем, похож на настройку музыкального инструмента; песнь о Нем сложить не удастся. И это не удивительно. Как может ограниченное “я” вместить в себя безграничность? Как вы сможете уместить небо в ладони? Все наши усилия оказываются бесплодными, но лишь предприняв их и исчерпав свои возможности, мы осознаем всю тщетность попыток.

Только осознав собственную незначительность, мы начинаем обретать осознание Его величия. Глупцы всегда считают себя великими; мудрецы же осознают свое ничтожество. По мере осознания своей малости, незначительности, растет восприятие Его безграничности и всеприсутствия. В ходе этих духовных исканий наступает момент, когда мы полностью исчезаете, и остается только Он.

Говорящий исчезает, — что здесь говорить? Остается только Он: Его слова. Его величие, Его вездесущая вибрация. Наблюдатель исчезает, — остается только наблюдаемый. Вас больше нет, вы полностью исчезли, — так кто же будет рассказывать о Нем? Все рассуждения о Боге были и остаются безнадежными. Всякое по-настоящему важное событие в нашей жизни лишает нас дара речи; человек, достигший Бога, немеет. Теряется не только способность говорить, но и само дыхание. В ту же секунду, как вы познаете Его, вы полностью замираете: неподвижны и сердце, и речь, и дыхание. Один-единственный удар сердца лишит возможности созерцать Его; малейшая дрожь может разлучить вас.

Именно в такой миг безгласной тишины не для того, чтобы поучать других, но чтобы выразить

свою беспомощность, Нанак и произнес эти слова:

Нет конца ни Его добродетелям

Ни описаниям их.

Нет конца ни трудам Его, ни Его щедрости,

Бесконечно то, что Он видит и слышит.

Непознаваемы тайны Его ума;

Нет им ни конца, ни начала.

Сколь многие стремились измерить Его глубину,

Но ни одному не удавалось это.

До тех пор, пока вы считаете, что познали Бога, вы во власти иллюзий и заблуждений. Ибо то, что вы смогли постигнуть, не может быть Богом, не может им быть то, что можно изучить, чьи глубины вы оказались способны измерить. Вы ныряли в озеро — вы даже близко не были рядом с океаном. Вы спустились в какую-то расщелину, так ничего и не узнав о бездне, в которую можно падать бесконечно. Вы взобрались всего лишь на холм, возвышающийся на окраине вашей деревни; но ни в коем случае — не на Его Эверест, на который вообще невозможно подняться. Нам удалось, пусть и с великими трудностями, одолеть Эверест в Гималаях, но покорение Божественной вершины — немыслимо.

Почему это так? Постарайтесь понять, насколько это бессмысленно измерить или понимать Бога. Мы являемся Его частью: как часть может познать целое? Я могу взять в руку многое в этом мире, только не свое “я”. Как я сам могу покоиться на собственной ладони? Мои глаза могут увидеть все в подлунном мире, но как я могу взглянуть на себя? Мои глаза никогда не увидят меня всего, ибо они — часть меня, а часть никогда не может постигнуть целое.

Вся трудность в том, что мы — часть божественной бесконечности. Не будь мы частью Бога, мы смогли бы постичь Его; будучи отличными и отделенными от Него, мы бы могли осмотреть и исследовать Бога извне. Но мы — часть Его, мы — Его дыхание, мы — биение Его сердца! Как мы можем осмотреть, исследовать Его извне? Человек — лишь песчинка в этой бесконечности, капля в океане. Как может одна-единственная капля вместить в себя весь океан?

Это очень интересно: капля находится в океане и, одновременно, является я океаном. Так что в самом глубинном смысле капля знает океан, так как она неотделима от него. И все-таки, с другой стороны, она не может познать океан, потому что океан не отделен от нее. Здесь кроется величайший парадокс веры: мы знаем Бога и в то же самое время не знаем Его вовсе. Как такое может быть, если Он полон нами, а мы — Им? Он — близко от нас; строго говоря, между нами и Богом вообще нет никакой дистанции

Вот так и получается, что, с одной стороны, мы хорошо Его знаем, а с другой — не знаем вовсе, так как являемся Его частью. Как часть может познать целое? Мы погружаемся в Него, мы плаваем в Нем, мы живем в Нем; иногда мы забываем о Нем, а временами — вспоминаем Его.

Иногда мы чувствуем, что пребываем очень близко к Нему, а иногда — что отдаляемся от Него. В моменты ясности мы ощущаем, что познали Его. Мудрость нисходит, а потом опять исчезает, и настает беспросветная тьма, и мы снова начинаем плутать. Именно это состояние знания и незнания является фундаментальным условием существования человека.

Когда кто-либо задавал Будде вопрос о Боге, то он хранил молчание. Что бы он мог ответить? О противоречиях бессмысленно разговаривать. Если бы он сказал — “я знаю”, то он бы совершил ошибку, потому что кто может сказать, что он знает? А если бы Будда ответил, что не знает, то сказал бы неправду, потому что кто знал больше, чем он?

Однажды, ранним утром, некий весьма ученый пандит пришел к Будде, чтобы спросить о Боге. Будда хранил молчание. Вскоре пандит ушел, и Ананда тогда спросил Будду, почему он не заговорил, ведь пандит знал очень много, и наверняка заслуживал ответа. “Именно потому, что он заслуживал ответа, — объяснил Будда, — ответить было труднее всего. Если бы я сказал, что Бог мне ведом, то это было бы неправильно, потому что, не зная Его целиком, как я могу сказать, что вообще Его знаю? Ответив, что Он мне неведом, я тоже сказал бы неправду. Все ответы исходят от “я”, а “я” никогда не познает Его. Поскольку пандит достойный, знающий и умный человек, то я должен был промолчать. Он понял. Разве ты не видел, как он поклонился, уходя?”

Тут Ананда припомнил, что пандит, действительно, с благоговением склонился к стопам Будды. “Чудесно! Он действительно понял? Это мне ни разу не пришло в голову”.

Будда ответил на это: “Есть три рода лошадей. Одних ты хлещешь кнутом, и тогда они трогаются, медленно и с трудом. Других хлестать не нужно, достаточно лишь пригрозить им кнутом. Ну, а третьим хватает тени кнута, чтобы тронуться.

Пандит относится к третьей разновидности: чтобы отправить его в дорогу, мне нужно было лишь показать ему тень”.

Слова — это кнут, молчание — тень. Слова необходимы, ибо редкой лошади достаточно одной только тени кнута. Положение знающего таково, что он не может сказать, ни что он знает, ни что он не знает. Он — посередине между знанием и неведением.

Нанак говорит нам, что Бог безграничен. Все, что вы можете сказать о Нем, оказывается слишком незначительным. Вы говорите и говорите и, в конце концов, оказывается, что вы почти ничего не сказали. Все, сказанное о Нем, оказывается неполным. Все писания несовершенны: они предназначены для тех лошадей, которые не слушаются тени кнута.

Нет конца ни Его добродетелям

Ни описаниям их.

Нет конца ни трудам Его, ни Его щедрости,

По мере того, как вера проникает все глубже и глубже в человека, он начинает замечать труды Божьи и Его благодеяния. Плоды Его трудов явлены нам повсюду, но большинство людей в своей слепоте не замечают их. Они говорят:

“Где Бог? Кто является творцом?” Видя творение вокруг себя, они пребывают в блаженном неведении по поводу творца! Вновь и вновь они спрашивают: “Чьими руками все это сотворено? Кто бы это мог быть?” Они слепы, как кроты, они не способны вообразить руку, сотворившую всю бесконечность бытия. Ирония заключается в том, что в других вопросах они готовы верить слепо.

До сего дня никому не удалось увидеть электрон невооруженным глазом. Наука утверждает, что электрон является мельчайшей частицей электричества. Он также — основа материального мира, в различных сочетаниях дает начало земле. Но до сих пор никто не только не видел электрона, но и надежды на это нет. Так как же ученые могут верить в электрон? Они говорят, что существование электрона доказывают последствия его действий.

Причина неосязаема, но эффект ощутим. Нам не видна Божья рука, но мы можем увидеть Его труды. Мы верим в существование электронов, потому что мы видим результаты. И в то же время мы отрицаем существование Бога, доказательства чему — повсюду вокруг нас. Распускается цветок; чья-то незримая рука должна была помочь ему расцвести? Семя прорастает, но кто-то должен был расщепить его; только когда твердое семя даст трещину, может появиться нежный побег, который расцветет хрупкими цветами.

Повсюду мы видим письма, написанные Его рукой, но сама рука не видна. Не видна она потому, что существует равновесие между тонким и материальным. Причина всегда тонка; следствие всегда материально. Мы не можем увидеть причину. Бог — это высочайшая причина, но дело рук Его видно повсюду вокруг нас.

Итак, есть три рода людей — три рода лошадей, согласно Будде. Первые слепы настолько, что даже не видят Его трудов! Они спрашивают: “Что такое Бог? Кто является творцом? Что здесь является доказательством?” Если бескрайнего творения вокруг для них недостаточно, если они не в состоянии увидеть Его руку за всем творением, то что еще может заставить их понять?

Что может быть большим доказательством, чем последовательное и сбалансированное течение жизни? Нет ни единой нестыковки в этой грандиозной лиле, в этой игре. Это непрерывный поток. Это непрерывный поток. День и ночь музыка творения играет свою чарующую мелодию. Все происходит так, как должно. Вселенная — это не хаос, а космос; все происходит в ней не случайно, но согласно всеобъемлющему закону, действующему непрерывно.

Этот закон называется дхамма или дхарма. Лао-Цзы называет его Дао-путь; Нанак называет его хукум, божественный порядок. Когда Нанак говорит “хукум”, то не воображайте себе Его, стоящим на каком-то возвышении и отдающим приказы. Хукум означает, что вселенная — это порядок, а не хаос. Все, что происходит в ней, не случайно. Все события служат к наивысшему развитию.

Если ваши глаза не в состоянии заметить творения, то, значит, вы полностью слепы. Есть много людей, которые не способны заметить руки Творца. Когда вы видите небольшую картину или статуэтку и спрашиваете, кто автор, вам даже ни на секунду не приходит в голову мысль, что они возникли по прихоти случая. Но вот необъятное полотно окружает вас со всех сторон, и каждый мазок — творение Его гения; и вы не в состоянии увидеть его всем этим? Скорее всего, вы просто решили не замечать Его; вы решили отвернуться от Него, как если бы вы чувствовали опасность и страх.

Страх, разумеется, присутствует. Как только вы признаете, что Его рука грудится над всем бескрайним полотном, то вы — другой человек; прежним вы оставаться не сможете. Кто бы ни услышал, пусть лишь едва, звучание божественной музыки, обречен изменить свою жизнь, потому что единожды заметив руку Творца во всем, вы не сможете поступать по-прежнему.

Пока вы притворяетесь, что Он не существует, вы можете грешить, безобразничать, дурно обходиться с другими и предоставлять себе полную свободу предаваться любому злу; но как только для вас появляется рука Творца, то эта свобода утрачена. Теперь вы дважды подумаете, прежде чем действовать, и будете уделять больше внимания “вспоминанию”, памятованию о Боге, потому что теперь вы знаете, что Он смотрит, Он присутствует. Он внутри и вокруг всех и вся. Все, что вы делаете с другими, вы делаете с Ним. Если вы залезли в чужой карман, то это Его карман; вы крадете, — значит, вы украли у Бога; если вы убиваете, то вы убиваете Его.

Большинство людей предпочитают не видеть Его. Стоит хоть раз ощутить Его присутствие, и вы больше не сможете оставаться прежним; вам придется измениться целиком и полностью. Перемена эта столь потрясающая, что многие предпочитают избежать ее, и, потому, отрицают Бога, оставаясь такими, как они есть.

Сто лет тому назад Ницше провозгласил: “Бог умер. Отныне человек полностью свободен”. Именно ради этой свободы вы и отказываетесь от Бога, потому что тогда вы вольны поступать, как вам вздумается. Никто не решает за вас, вы независимы и ничем не ограничены. Человек со своевольной и независимой натурой упорствует в отрицании Бога, как бы вы ни старались убедить его в обратном. А отрицать Его существование легко, — зримы дела Его рук, но не сами руки... Поэтому люди и говорят: “Вселенная возникла сама по себе, и все в ней происходит само по себе”. Но это как раз подходит под определение Бога: Тот, кто сам себе причина, сваямбху, творец, себя создавший.

Второй тип людей видит труды Божьи и признает Его руку, но признание это существует лишь на уровне разума. Человек второго типа смущен и запуган, так что вы найдете его в храме или мечети, в церкви или гурудваре. Он идет туда из страха перед кнутом жизни. Из страха он молится, чтобы выпросить себе защиту и утешение в виде богатства, положения в обществе, имени... Он пришел просить милостыню. Страх — это всегда нищий, который что-то выпрашивает. Мельком, краешком глаза, этот человек видел руку Божью, он слабо, но ощущает Божественное присутствие, но все это лишь из-за страха. Ему ничего не известно о Божьей щедрости, — в противном случае, он не стал бы ничего выпрашивать.

Третий тип — это тот, о ком говорит Нанак, это преданный. Он видит плоды трудов Его повсюду, также он видит во всем Его щедрость и благодать.

Увидеть неосязаемое, Божью милость, Божью благодать — это все равно, как увидеть тень кнута. В любую минуту преданный в состоянии видеть, как Он осыпает на дары. Чего еще желать? Остается только благодарить Его. Вот почему преданный идет в храм с благодарностью, а не с просьбой. Ему не о чем просить.

Явись к нему Бог и скажи: “Проси чего ни пожелаешь”, то преданный бы ответил: “Ты уже дал мне все. Все у меня уже есть с лихвой, больше, чем я заслуживаю. Просить еще что-нибудь, означало бы жаловаться, будто Ты чем-то обделил меня, но я и так полон до краев. Чего еще просить, если тебе дарована жизнь?”

Но вы не придаете ценности жизни. Есть история об одном великом скряге, чья жизнь близилась к концу. Как обычно в подобных случаях, всю жизнь он потратил на то, чтобы скопить богатства, которыми он надеялся насладиться когда-нибудь в будущем. Когда смерть постучалась в его дверь, он испугался, что все его старания пропадут даром: неутомимо обогащаясь, жизнь он все время откладывал на потом.

Он сказал смерти: “Я дам тебе десять миллионов рупий; дай мне еще только двадцать четыре часа, потому что я так и не наслаждался жизнью”.

Смерть ответила: “Торговаться тут не о чем”.

“Я дам тебе пятьдесят миллионов, сто миллионов, — настаивал человек, только один день!” В конце концов, в обмен на дополнительные двадцать четыре часа он предложил все свое состояние.

Всю свою жизнь он потратил на умножение своих богатств, и вот он умоляет забрать все состояние за один лишний день. Ни разу он не вздохнул свободно; ни разу он не присел полюбоваться цветами, ни разу не видел, как восходит солнце, и ни разу он не разговаривал с мерцающими звездами. Ни разу он не лежал на зеленой траве, глядя на облака и слушая пение птиц. Жизнь проходила мимо, а ему все было некогда. Он все откладывал этот момент на потом: “Сейчас я поработаю, а развлекаться я буду позже.” Это “позже” так и не наступило.

Смерть ответила: “Отсрочки быть не может. Твое время пришло. Готовься, тебе пора уходить!”

Тогда человек попросил: “Дай мне еще несколько секунд, не ради себя прошу, но ради тех, кто придет за мной. Пусть они узнают, как пошли прахом все мои годы, ибо я упустил свою жизнь, надеясь насладиться ею в один прекрасный день. Позволь мне сказать им, что этот день так и не наступил”. Он пожелал, чтобы эти слова высекли на его надгробии.

И то же самое написано на всех надгробиях. Если у вас есть глаза, го пойдите и почитайте. И ваша эпитафия будет такой же, если вы не оглянетесь по сторонам и не начнете осознавать. Если бы вы только могли видеть, то увидели бы: подаренное вам жизнью — безгранично и ни с чем несравнимо.

Как вы цените жизнь? За лишнюю секунду жизни вы готовы отдать все, что у вас есть, но ни разу за всю предыдущую жизнь вы не поблагодарили Бога. Если бы вы умирали от жажды в пустыне, вы бы отдали все, что угодно, за глоток воды, но взглянули ли вы хоть раз с благодарностью на реки и облака, что приносят дождь? Если бы солнце остыло, мы бы умерли в тот же миг, но вставали ли вы хоть раз на рассвете, чтобы поблагодарить его?

Получается так: человек следует странной логике — то, что рядом с ним, он не видит, но видит то, чего вовсе нет. Когда выпадает зуб, то язык раз за разом тычется в пустое место. Когда зуб был на месте, язык ни разу не останавливался в этой точке рта. А теперь, как бы вы ни пытались остановить ваш язык, он продолжает обследовать возникшую дырку.

Ум человека все время ищет пустые места. Он не видит то, что заполняет пространство, но замечает все опустевшие места в нем. Вы когда-нибудь составляли список всего, чем обладаете? До тех пор, пока вы этого не сделали, вам не осознать Его даров — они бесконечны.

Щедрость Бога бесконечна, но постарайтесь осознать, чем Он одарил вас Его милость изливается повсюду. Точно так же, как любое Его творение несет на себе его печать, также за каждым творением кроется Его благодать. Вся вселенная расцветает только для вас, все сущее является Его даром — вам!

Когда человек обретает способность видеть это, рождается вера нового рода. Вот атеист, надувшийся от спеси; вот верующий, дрожащий от страха. Оба безрелигиозны. По-настоящему религиозный человек танцует и поет, выражая одну лишь благодарность; он переполнен экстазом.

Нет конца ни трудам Его, ни Его щедрости,

Бесконечно то, что Он видит и слышит.

Непознаваемы тайны Его ума;

Нет им ни конца, ни начала.

Сколь многие стремились измерить Его глубину,

Но ни одному не удавалось это.

Никто, никогда не познал пределов Его;

Чем дальше ты видишь, тем дальше Он простирается.

Велик Господь. Престол Его в высях,

А еще превыше — Имя Его.

Что означают слова о высоте Его имени? Мы, странствующие по духовному пути, только через Его имя можем достичь его. Его имя — это мост; если оно потеряно, то мост исчезает. Для нас путь важнее, чем конечная цель, по той простой причине, что без пути цели не достигнешь.

Вот почему говорит Нанак, что знающий имя обретает ключ. Этот ключ отпирает Его ворота. Когда вспоминание начинает выкристаллизовываться в вас, то начинает обретать очертания и форма для отливки ключа. Этот ключ нельзя получить: вам нужно самим отлить его, самим стать ключом. Постепенно вы почувствуете, как вибрация Омкар превращает вас в ключ. И тогда вы сами отопрете Его ворота.

Человек может находиться в состоянии мышления, или в состоянии без-мыслия. В первом случае, в вашей душе свирепствуют ментальные бури; внутренний небосклон затянут облаками споров, аргументов и дискуссий. Это как если бы у вас в голове все время толклось множество людей, как на рыночной площади; это шизофреническое состояние.

Другое состояние — это когда рынок опустел, все ушли с площади, все лавки закрыты; повсюду тишина и безмолвие. Все мысли исчезли. До тех пор, пока вы объединены со своими мыслями, вы и мир — одно целое; как только ум освобожден от всех мыслей, в состоянии “не-ума”, вы — одно целое с Богом. Стоит вам опустеть, как дверь открывается.

Ключ, ведущий вас от мышления к без-мыслию, зовется “имя”, это реюнанс Омкар. Первая стадия — это джана, повторение Омкар. Рано утром или глубокой ночью, сядьте у себя в комнате и повторяйте: “Ом, Ом, Ом...” — настолько громко и часто, насколько сможете, так, чтобы вибрацией этого звука наполнилось бы все вокруг вас. Звук Омкар обладает чарующей мелодией. Эта музыка не сочинена человеком, но является ритмом, пронизывающим все мироздание. Углубляясь в практику, произнося слог все громче и громче, вы почувствуете это на себе. Это стадия джана, стадия повторения.

Затем постепенно, сомкните губы и повторяйте Ом внутри, также, как до этого вы произносили его вовне. На этот раз резонирующая вибрация возникает только в вашем уме. Это промежуточная стадия между джана и аджана.

Позвольте вашему внутреннему резонансу становиться все сильнее и сильнее. Вы должны не только повторять Омкар, но и слышать его; артикулируйте слог, осознавайте и слушайте одновременно. Постепенно переставайте двигать языком и сосредоточьтесь на внутреннем резонансе. И тогда настанет миг, когда вы перестанете произносить слог, а его резонирующее звучание продолжится. Вы теперь только слушаете. Это аджана-джана, повторение без повторения.

Когда резонанс возникает сам по себе, это — проявление Омкар. Это звучание потока жизни, текущего в вас. В тот день, когда вы сумеете услышать его, вы также обнаружите, что способны слышать его весь день. Он уже звучит, его не надо вызывать. Вы просто закрываете глаза и слушаете его.

Когда вас охватывает тревога, напряжение, беспокойство или гнев, просто закройте на минутку глаза и прислушайтесь к резонирующему звуку внутри вас. Секундное прикосновение к Омкар — и гнев исчез. Мимолетный контакт с внутренней музыкой, вспоминание имени лишь на миг — и вот уже нет мыслей, которые служили причиной беспокойства.

Зажгите факел в темном доме, и перед лицом света тьма скроется. Крошечная искорка Омкар, — и тьма исчезает.

Вот почему Нанак придает такое большое значение Омкар, — это Омкар Сатнам. Вся его практика нацелена на достижение резонанса с вибрацией изначального Омкар. Он говорит о нем, как о “сабад” — слове, или “нам” — имени.

Велик Господь. Престол Его в высях,

А еще превыше — Имя Его.

Нанак так говорит: “Лишь тот познает, сколь Бог велик,

Кто до Божьих высот поднялся,

Пав сперва под взглядом

Его всестрадающей благости”.

Нанак говорит: “Величие Твоего имени превыше Тебя. Ты бесконечен; для нас Твое имя —

единственный ключ, единственный способ соединиться с Тобой. Существует Ты или нет, мы не знаем; только имя приносит нам весть о Тебе. Сила имени будет постепенно приближать нас к Тебе”. Когда резонирующий звук возникает сам по себе, то вы приближаетесь к Богу.

У ученых существует понятие гравитации, силы тяжести. Благодаря гравитации мы остаемся на Земле. Если бы она вдруг утратила силу притяжения, мы бы взвились в небеса.

Симона Вейль[13], одна из умнейших женщин нашего времени, написала книгу под названием “Милость и гравитация”. В ней, между прочим, сказано: “Точно так же, как мы не видим силу гравитации, которая приближает нас к Земле, существует и другая невидимая сила, которая называется милость”.

Только вчера в газетах появилось сообщение, что ученые обеспокоены снижением силы тяжести. Это очень медленный процесс, но если он не остановится, то Земля разлетится на куски, потому что только гравитация удерживает все вместе. Только присутствие этой незримой силы притяжения удерживает корни деревьев в почве, позволяет человеку ходить, а птицам — летать.

Симона Вейль предположила, что сила милосердия также существует, и она также невидима. Она пишет именно о том, что Нанак называет Его даром — то есть, Его состраданием, или милостью. Гравитация прижимает нас к Земле, а милосердие тянет вверх, к Нему. По мере того, как усиливается звучание Омкар внутри вас, соответственно будет уменьшаться сила притяжения, а сила милосердия — расти. А потом настанет момент, когда вы станете абсолютно невесомыми. Йоги часто испытывают подобные ощущения.

Те, кто интенсивно практикует медитацию, испытывали внезапное ощущение невесомости. Со стороны этот феномен отследить невозможно. Если бы в этот момент медитирующий открывал глаза, он обнаружил бы, что по-прежнему сидит на земле; но стоит ему закрыть глаза и ощутить резонирующую вибрацию внутри, как у него возникает ощущение невесомости. Физическое тело остается на земле, но внутреннее тело поднимается вверх. Если вы продолжите практиковать эту медитацию, то однажды у вас будет опыт прерывания в двух телах вместо одного: поднявшееся над землей тело сможет увидеть другое, оставшееся сидеть на земле, их будет соединять тонкий светящийся шнур.

Поэтому помните: если кто-то, практикуя Омкар, глубоко ушел в медитацию, не выводите его из этого состояния слишком быстро и резко, — это опасно! Возникший из-за этого дисбаланс между физическим и тонким телами может оказаться необратимым.

В глубокой стадии медитации человек сначала выходит из тела, а потом возвращается в него. Когда вы достигнете мастерства в искусстве ухода и возвращения в тело, вы узнаете, как достигать Бога и возвращаться обратно. И тогда для вас не будет разницы между Богом и материальным миром. Вы остаетесь в своем теле, но ваше воспоминание становится непрерывным; нить мыслей соединяет вас и Его.

Велик Господь. Престол Его в высях,

А еще превыше — Имя Его.

Нанак так говорит: “Лишь тот познает, сколь Бог велик,

Кто до Божьих высот поднялся,

Пав сперва под взглядом

Его всестрадающей благодати”.

Это довольно тонкая и запутанная тема. Есть только две системы садханы — духовной практики. В основе одной лежит намерение, в основе другой — капитуляция, сдача. Обе системы ведут к одной и той же цели, но при этом диаметрально противоположны друг другу.

Методы Махавиры[14], Патанджали и Горакха основываются на намерении, усилиях. Вся жизненная энергия сосредоточивается в этом усилии. Когда за пределами этого усилия не остается ни капли энергии, когда вы вложили в намерение всего себя, когда вы ничего не оставите для себя, то ваше намерение станет совершенным и безупречным.

Нанак, Мира и Чайтанья шли вторым путем, путем сдачи. Тут все по-другому: искатель верит, что ничто не происходит благодаря нашим усилиям, — лишь по Его милости мы достигаем просветления. Это не означает, что никаких усилий от нас вообще не требуется, но не следует слишком полагаться на собственные возможности. Стараться вы должны, но при этом помните, что конечный результат будет достигнут лишь по Его милости.

Это очень, очень важно: полагаясь только на свои усилия, вы усиливаете свое эго. Вот почему йогу так легко впасть в гордыню, — ведь он начинает думать, что все, что с ним происходит, происходит благодаря ему.

Как только эго подобным образом отвердеет, от него будет очень трудно избавиться. Гораздо легче избавиться от высокомерия богача, или от гордыни социального положения, чем от успехов, достигнутых эго. Очень просто ищущему поверить, что всех перемен он добился сам; “я” оказывается на первом месте, Бог — на втором. Именно из-за этой опасности и Махавира, и Патанджали, и Горакх, и остальные, шедшие этим путем, придавали огромное значение разрушению эго.

“Прилагайте усилия, вкладывайте в них всего себя, но отрекитесь от вашего эго”, — вот что они все время подчеркивают. Если эго работает на намерение, оно становится все сильнее и сильнее. И вы начинаете думать: “Я это делаю: я практиковал джапу, предавался аскезе, я обрел оккультные способности”. Если эту гордыню вовремя не уничтожить, то вы откроете множество дверей, но не самую последнюю. Все ваши усилия пропадут даром.

Вот почему Нанак говорит: “Старайтесь изо всех сил, но помните: все совершается лишь по Его милости”. С этой предосторожностью риск от метода намерения можно считать устраненным. Но и в пути капитуляции, в самом его начале, возникает свой риск.

Опасность тут в ощущении, что вообще ничего не нужно делать. Если преобразование происходит только по Его милости, то что тут можно сделать? Это превращается в предлог для того, чтобы вообще ничего не делать. Так что вы остаетесь вовлеченными в бесполезную повседневную суету. Вы полагаете, что нет пока Его воли на то, чтобы вы вступили на духовный путь, — и вы

продолжаете ждать. А до тех пор вы предаетесь бездуховной жизни, вы бледнеете по лабиринту материальной жизни. Таким образом, опасность пути сдачи кроется в самом его начале, — вы можете потонуть в лени и инертности.

Вот поэтому-то вы должны стараться изо всех сил, при этом не забывая, что конечный плод всех ваших усилий вы сможете получить лишь по Его милости. Вот почему Нанак не устает повторять: Его милосердие лишь на тех, кто оказался в пределах Его сострадательного взора. На кого еще нисходит Божьей благодати, как не на людей, которые своими усилиями подготовили себя к этому?

Следует помнить, что в повседневной жизни значение сострадательности совсем иное. Делает ли Бог различие между нами, как и мы? Одарив заботой избранных, не предоставляет ли Он остальных самим себе? Осыпает одних милостями, а других оставляет страдать? Невозможно соотнести Бога с подобной несправедливостью. Все обесмысливается, если на грешника снизойдет Его благодать, а святой ее не получит. Тогда нет никакого смысла делать что-либо.

Нет, не в том значение сострадательности. Дело не в том, что Он выбирает кого-то, кто удовлетворяет Его минутной прихоти и капризу; или того, кто льстит и поет Ему хвалу. Его милость изливается на всех, но некоторые перевернули свои сосуды вверх дном, так что они никогда не наполнятся. Если сосуд стоит прямо, то неизбежно будет наполнен. И не воображайте себе, что тот факт, что ваш сосуд стоит прямо, и есть первопричина благодати! Благодать изливается непрерывно.

Нанак говорит, что наполнение происходит по Его милости, но и вы должны приложить определенное усилие, — привести ваш сосуд в правильное положение И вам нужно позаботиться, чтобы в сосуде не было ни дыр, ни трещин, чтобы он не кренился и не заваливался набок.

Милость Божья изливается на нас постоянно, вот только вы стойте прямо. Налицо явное противоречие: если вы лишены благодати, то вы должны винить в этом только себя, но если вы достигаете благодати, то только благодаря Ему. Достигаете благодаря Ему, теряете из-за своего “я”.

Следуя путем капитуляции, важно, абсолютно важно помнить, что если я теряю, то не прав я; если я обретаю, то только по Его милости. Таким образом, эго не сможет расти, потому что в душе не остается пространства для его роста; для него вообще не остается места. Тот, у кого нет эго, обнаруживает, что в нем пребывает Бог.

Сострадание Его выше всех слов.

Столь велик Даритель, что не ждет Он в ответ ничего.

Постарайтесь понять смысл слова дана — “благоденствие, благотворительность”. Вы также занимаетесь благотворительностью, но за вашими дарами всегда прячется какое-либо желание. Если вы подаете две пайсы нищему, вы надеетесь, что вам воздастся за это на небесах, — или, по крайней мере, ваши друзья и соседи увидят, как вы это делаете, и вы поднимаетесь в их мнении.

Был один слепо-глухой человек, который регулярно ходил в церковь; он не видел ничего из того,

что происходило во время службы, и не слышал ни хора, ни проповедей. Какая у него могла быть мотивация, кроме как показать всем, какой он глубоко верующий человек?

Конечно, у вас есть зрение и слух, но побудительные причины — такие же, как у этого калеки. Посещение церкви, храма, гурудвары — это социальная нагрузка, долг, который надо выполнять. Подавая нищему монету, вы ожидаете чего-то взамен. Вы ничего не знаете о благотворительности, все это — деловые контакты.

Если вы хотите что-то получить в обмен на благой поступок, и торгуетесь о размерах отдачи, то это не благотворительность, а бизнес, — в этом-то вся разница между ними. Получается, что вы никогда не занимались благотворительностью, вы просто инвестировали средства в расчете на будущие прибыли. И те, кто эксплуатирует вас, очень хорошо это понимают, потому-то они и говорят вам: “Отдайте одну пайсу здесь, и вы получите миллион на небесах”. Вам обещают, что, сколько бы вы ни дали, капитал вернется к вам с миллионпроцентной прибылью. Каждый эксплуататор знает наверняка, что вы — бизнесмен, вы торговец; он знает, что вы не в состоянии по-настоящему одаривать.

Пожертвуете ли вы хоть что-нибудь на храм, если объявлено заранее, что в обмен вы ничего не получите? Трудно будет найти спонсоров для такого храма; скорее всего, его просто не построят.

Размышляя о Божьих благодеяниях, не думайте о них так же, как о своих благодеяниях. Он подает не так, как вы. Нанак говорит, что Он, отдавая, не ожидает ничего взамен. Да и что бы вы могли дать Ему взамен? Его благодеяния чисты и ничем не обусловлены.

Осознав однажды, как много вы уже получили, и вы начнете петь Ему хвалу не из страха, а из благодарности. Вам было даровано так много, и все — без какой-либо причины! Мы не знаем, как отплатить, да нам и нечем. Мы можем вернуть наш долг родителям, но нам никогда не расплатиться с Богом за все, что Он дал нам, ибо это — Его дары, ничем не обусловленные.

Сострадание Его выше всех слов.

Столь велик Даритель, что не ждет Он в ответ ничего.

Воин или герой, сколь ни велик, продолжает просить.

Попрошайничают не только нищие, но даже и воины кшатрии. В этом смысле невелика ризница между нищим и царем, и выражается она лишь в размерах выпрашиваемого. Помните, что там, где кончается ваше ощущение обделенности, начинается видение и восприятие Его даров. Дымовая завеса ваших претензий заслоняет от вас то, что вы уже получили. Потребность выпрашивать заслоняет благодарность. В тот день, когда ваши претензии исчезнут, исчезнет и ложная форма молитвы, и зазвучит молитва настоящая.

Трудно представить всех тех, кто продолжает молить, так их много

Одни потакают своим страстям и растрачивают свои жизни.

Нанак подметил одну очень важную вещь: ваши запросы настолько необдуманно, что, если вы

добиваетесь желаемого, вы уничтожаете себя. Вы просите совсем не то, что нужно. Нанак прав: приглядитесь повнимательней к своей собственной жизни, и вы убедитесь, что все ваши несчастья суть плоды ваших желаний.

Если вы хотите добиться положения в обществе, то приготовьтесь к постоянным волнениям, бессонным ночам и беспокойным дням. На Западе говорят: если к сорока годам у тебя не было инфаркта, ты не сделал карьеры, а если нет и язвы желудка, то ты вообще бедняк. Вот симптомы успеха и процветания!

Чего, в конце концов, добивается преуспевающий человек, желая еще большего успеха? Чего бы человек ни пожелал, он это, так или иначе, получает. Рано или поздно, но вы обнаруживаете, что ваши желания исполнены. Вот поэтому-то нужно хорошенько подумать перед тем, как что-то просить, чтобы потом не раскаиваться. Сначала вы теряете время, выпрашивая, потом — раскаиваясь в том, что выпросили...

Внимательно проанализируйте вашу жизнь, и вы обнаружите, что в том положении, в котором вы пребываете, вы оказались исключительно из-за себя самого. Вы запутались в собственных желаниях: вы хотели богатства, и вы его получили, но вместе с ним к вам пришли тревоги и заботы. Богатство сдавливает душу; с богатством приходят сотни недугов; с богатством приходит гордыня и высокомерие. Все это — неотъемлемые составляющие финансового успеха. И тогда вы раскаиваетесь.

Одни потакают своим страстям и растрачивают свои жизни.

Другие же получают, но отрицают это.

Одни разрушают себя своими желаниями, другие же, получив, не признают дара и не благодарят за него.

Каждый день, в час утренней молитвы, мулла Насреддин громко взывал к Богу: “Главное, помни: мне нужно сто рупий, и ни пайсой меньше! Если Ты когда-нибудь захочешь меня одарить, то учти, — на девяносто девять рупий я не согласен”.

Сосед муллы слышал эту молитву каждый день, и вот, однажды он решил подшутить над муллой. Положив в кошелек девяносто девять рупий, он с крыши своего дома вбросил его в комнату, где, как обычно, громко молился мулла. Он был уверен, что мулла отвергнет дар, ведь одной рупии не доставало. Увидев кошелек, мулла тут же перестал молиться и стал считать деньги. Обнаружив, что в кошельке девяносто девять рупий, он воскликнул: “Превосходно, Господи! Ты — настоящий бизнесмен: удержал одну рупию в счет стоимости кошелька”.

Человек не готов признать благодеяние и поблагодарить за него; вместо этого он идет и находит, на что пожаловаться — одну рупию удержали за кошелек!

Один богач возвращался домой из долгого морского путешествия. Его корабль попал в жестокий шторм, в любую минуту судно могло перевернуться. Все на борту, включая и богача, начали молиться. Поначалу он не очень усердствовал, но, когда все оказались на волосок от гибели, он громко воззвал к Богу и сказал: “О, Господи! Если Ты спасешь нас сегодня, я продам мое поместье, а деньги раздам бедным”. Так случилось, что шторм внезапно утих, и корабль

добрался до гавани целым и невредимым. И тут богач преисполнился сожаления: он думал, что шторм утих бы и сам по себе, и что не нужно было ему говорить такое на людях.

Все слышали, что он пообещал, и он вынужден был выполнить обет... Вот поэтому-то люди и молятся про себя, — чтобы никто не узнал, какую сделку они заключают с Богом.

Итак, все на борту слышали молитву богача, и как только корабль стал у причала, слухи об этом распространились, как степной пожар. Богач долго ломал голову, и потом все-таки объявил о продаже поместья. Желающих купить оказалось много, потому что это было самое большое владение в округе. И хотя оно и стоило миллион рупий, владелец выставил очень странное условие: рядом со зданием он привязал кота и сказал, что кота он продает за миллион, а дом — за одну рупию. Но продаются они только в комплекте.

Всех поначалу удивило подобное сумасбродство. Слыханное ли дело, — продавать кота за миллион рупий? Но покупатели все-таки нашлись. Какая им разница, сколько они заплатили за кота, главное, они получили недвижимость! И вот сделка состоялась. Богач положил к себе в кошелек один миллион, а одну рупию — ведь столько было заплачено за имение! — раздал бедным...

В отношениях с Богом люди ловчат и торгуются, точь-в-точь, как при заключении юридического или делового соглашения: и там, и там они хотят избавиться от обязательств с наименьшими потерями для себя. Вот почему, как говорит Нанак, есть множество людей, чьи желания исполнены, но которые это напрочь отрицает. Часть из них утверждает, что это совпадение, что все произошло бы само по себе. Большинство же не утруждает себя даже этим: они преспокойно забывают о том, что они просили то, что получили, не говоря уже о том, чтобы поблагодарить за дарованное.

Есть многие, кто непрерывно просит и непрерывно получает, но так и не поднимается выше стереотипа “просить и получать”. Они радуются жизни, но жизнь для них проходит впустую, духовно они не возвышаются. Ешьте, чего душа ни пожелает, — и что вы получите в результате? Одевайтесь во что хотите, — и что это вам даст? Украсьте себя золотом и драгоценностями, — какой вам от этого прок?

Пока вы предаетесь всему этому, бесценные моменты жизни скользят мимо, моменты, когда вам следовало молиться и обретать сокровища медитации. Жизнь просто проходит мимо вас, пока вы собираете камушки на дороге и речную гальку.

Нанак говорит, что многие страдают от духовного голода, но так и не прибегают к вспоминанию. Желая, мы страдаем, все же мы не пробуждаемся настолько, чтобы осознать факт, что страдаем именно от желаний. Наши горести — плоды наших желаний, ш них возникает ад, в котором мы мучаемся; но нам никак не удастся увязать причину со следствием. Мы всегда молим о счастье, и все не поймем, что само желание порождает несчастье...

Это как если бы человек все время шел спиной к солнцу, и все удивлялся бы, почему он его не видит. В любой момент, прямо здесь и сейчас, вы можете повернуться к солнцу лицом, но ваш пропитанный желаниями разум ведет вас вперед, к страданиям. Вы окрашиваете ваши молитвы в цвета ваших желаний. Преданный в своей молитве отдает все свои желания, как жертву на всеожжение, вы же молитесь об их исполнении.

Нанак напоминает нам, что многие страдают и продолжают страдать, но так и не пробуждаются. Сколько воплощений вы уже прошли, неся на себе бремя злосчастий? Будда говорил, что есть три типа лошадей. На мой взгляд, он ошибался: их четыре. И этот четвертый и на дюйм не сдвинется, как вы его ни хлещите; это по-настоящему упрямые создания! Чем больше вы их бьете, тем они упрямее.

Несмотря на все свои неудачи, вы попросту не замечаете своих страданий. Вы настолько привыкли к ним, что вам кажется, что страдания и есть жизнь. Вы позабыли, — нет, вы не осознаете, — что жизнь — это высочайший экстаз, один сплошной праздник; и, если вы на нем несчастны, то это только из-за какой-то собственной ошибки.

Люди продолжают просить, а Господь продолжает одаривать. Помните вы получите все, что бы ни попросили. Мирозданию безразличен нравственный аспект: просит о хорошем — и получаете хорошее; просите плохого — плохое и получаете. Бытие одаривает нас без каких-либо условий, — Бог ничем не ограничивает нашей свободы. Он предоставляет вам выбрать все, что вам нравится. Вы можете блуждать по лабиринту сансары, но вы также можете и взлететь вверх, чтобы достичь Его. Он оставляет вам свободу выбора.

Но тут возникает вопрос: коль скоро Бог знает все, в том числе что хорошо и что плохо, то почему он исполняет наши дурные желания? Потому что, не исполняй Он все наши желания, вы бы лишились свободы. Вы стали бы ничем иным, как марионеткой, подвешенной на нитках. Он одаривал бы вас по Своему выбору, а ваши желания ничего бы не значили. И тогда утрачивается все достоинство человека, так как в основе его лежит феномен свободы, в том числе и свободы пойти дурным путем. Потенциал свободы всегда с вами, ибо у вас всегда есть возможность осознанного выбора. Вы можете пойти тем путем, какой угоден вам Он не спорит с вами и не становится у вас на пути; Он оставляет все пути открытыми для вас.

Вы можете скатиться на самое дно, и Он не остановит вас. Вы можете вознестись до горних высей, и Он не воспрепятствует вам. Милосердие Его безгранично, а значит, вы обретете Его силу при любых обстоятельствах. Его дар не делает вас зависимым ни в каком смысле. Он дарует, — а вы можете использовать Его дар как угодно. Он не ставит условий.

И, Господи, это тоже — Твои дары,

Лишь Твой промысел дарует свободу или бремя.

Но именно мы просим, чтобы нас поработили, и, в результате, оказываемся поработенными. Это Его промысел. Он повелевает, Он творит законы, и Он же правит в согласии с ними.

Например, если вы спрыгнете с высокого дерева, то обречены переломать себе кости. И причиной переломов оказывается та же самая сила тяжести, которая держит вас на Земле. Если вы ходите прямо и ровно, то эта сила помогает вам передвигаться, но если мы шатаемся и спотыкаемся, то вы, в конце концов, упадете и расшибетесь. И в том, и в другом случае, действует одна и та же сила.

Энергия нейтральна и беспристрастна; Бог абсолютно беспристрастен. Если вы правильно используете энергию, то вы можете достичь божественных высот, используя ее неправильно, вы можете свалиться в глубочайшую пропасть. Нанак говорит: “Все приходит через Тебя, и небеса,

и ад. Но всем движет наше желание. Действует Твой закон, но мы все просим и просим, до полного изнеможения”.

Скончался один великий политик. И вот, оказавшись у райских врат, он заявил, что сначала он проинспектирует и рай, и ад, а уж потом решит, где ему остаться. Его провели по небесам, и он нашел, что, на его вкус, это слишком тихое и пресное место. Свою жизнь политик провел, в основном, в Дели, и после всей столичной суеты рай не мог не показаться ему скучноватым. Люди спокойны и расслаблены, нет ни шума, ни толкотни, ни беспорядка; нет ни драк, ни шествий, ни полицейских кордонов... Там вообще ничего не происходило!

Он попросил газету, и ему сказали, что в раю газет нет. Не бывает газеты без новостей, а для газетных новостей требуются волнения и беспорядки. И если хотите оказаться в центре внимания прессы, то нужно создать вокруг себя какую-нибудь суету. Но когда вы сидите под деревом, как Будда, то ни один репортер к вам не подойдет.

Политик сказал, что ему не нравится безжизненная атмосфера рая, и что он хотел бы нанести визит в ад. Ад произвел на него сильное впечатление: жизнь тут кипела еще сильнее, чем в Дели! Множество газет, масса процессий, — здесь царили шум и суета. Повсюду была праздничная атмосфера, везде были гостиницы, бары и кинотеатры... Ему это очень понравилось, и он только диву давался: как это у людей сложилось такое искаженное представление о рае и аде.

Он спросил у Сатаны, который вышел к воротам, чтобы приветствовать его: “Отчего на Земле сложилось такое неправильное представление об аде? Не реши я во всем убедиться лично, то сейчас бы маялся в раю. Когда человек умирает, то считается хорошим тоном сказать, что его душа достойна райского блаженства, — хотя на самом деле все блаженство находится здесь. Жизнь в аду просто бьет ключом!”

“Все потому, что против меня была развязана лживая пропагандистская кампания, — отвечал Сатана. — Это дело рук моих идейных противников. Рай все время рекламируют, а кто будет слушать меня? Стоит мне попытаться рассказать кому-нибудь правду, как его тут же запугивают: “Бойся Сатаны!” Теперь ты сам видишь, насколько это несправедливо.

Политик подошел к воротам и отпустил райский эскорт, сообщив, что он решил остаться в аду. И как только он произнес эти слова, ворота ада захлопнулись, и окружающая обстановка полностью изменилась, — точь-в-точь как в кино. Политик оказался в кольце демонов — они набросились на него и начали терзать... В ответ на его протестующие крики Сатана ответил: “Раньше ты был у нас по туристической визе, а теперь ты — иммигрант. Ты видел лишь то, что мы показываем гостям. А теперь ты ощутишь настоящий вкус ада!”

Люди все время выбирают ад, потому что начальная стадия любого желания — это “гостевой тур”. Поначалу любое желание соблазняет. В витрине стоит не настоящий товар, а лишь рекламный образец. Но когда вы останавливаете выбор на каком-то одном желании, — тут- то и начинается ад. И только вы сами выбираете туда вашу личную тропинку.

На первый взгляд, небеса выглядят скучновато. Блаженство кажется неинтересным, потому что оно — высший покой. Страдание провоцирует, с ним не соскучишься и потому оно выглядит куда более интересным и захватывающим. И вот вы выбираете то, что поинтереснее, вы

поддаетесь на провокацию, а затем страдаете. А стоит вам выбрать покой — вы обретете блаженство. Все происходит по Его закону и промыслу: Его промысел придает форму вашему желанию. Сам он беспристрастен. Своей воли Он вам не навязывает. Даже если бы Он сделал это, то вы бы оказались не готовы принять Его волю.

Если бы рай был навязан вам силой, то он оказался бы хуже ада; ад же, выбранный свободной волей, кажется раем, ибо сохранена ваша независимость.

Тут возникает тонкий философский вопрос: как могут сосуществовать свобода человека и суверенность Бога? Махавира решал этот вопрос в пользу несуществования Бога, так как при верховенстве Божьей воли человек не может быть свободен. А если нет свободы, то в чем тогда ценность души? Следовательно, утверждает Махавира, Бога нет, но есть свобода. Другие возражают: свободы не существует! Есть лишь Бог, есть лишь предназначение!

Нанак сводит вместе обе эти концепции. Он говорит, что и человек свободен, и Бог существует. У человека есть свобода выбора: он может просить все, что ни пожелает. Он может действовать, стремясь осуществить свои желания, но добивается в этом успеха лишь по милости Божьей. Просите радости, просите горя — и вы их получите.

Но почему вы продолжаете просить о страданиях, вот что интересно? Ведь как Бог ни старайся одарить вас счастьем, пока вы сами не попросите счастья, ему это не удастся.

Факир Джунаид часто повторял, что силой невозможно привести к счастью; человека против его воли можно одарить лишь спокойствием. Он говорил: “Я был бы рад подарить людям счастье и радость, и я много раз пытался это сделать, но это невозможно. Чем больше стараешься, тем в большее замешательство приходит человек, тем более подозрительным он становится. Никого нельзя одарить блаженством, потому что никто не готов принять его”.

Один из его учеников сказал, что не верит этому и хотел бы провести эксперимент. В качестве объекта он выбрал одного нищего и попросил Джунаида: “Царь ведь тоже твой ученик; попроси царя дать нищему десять миллионов рупий. Посмотрим, останется ли он после этого нищим!”. Джунаид согласился. В назначенный день деньги насыпали в горшок и поставили его посреди моста, по которому нищий проходил каждый день. Все движение по мосту было остановлено. Царь и Джунаид с учениками спрятались на дальнем берегу и следили за приближающимся нищим.

Вот он подошел к мосту. Кроме него, там не было ни единой души, и только насыпанное в горшок золото сверкало на солнце. Но чудо из чудес! — нищий пересек мост, даже не взглянув на горшок, и пошел дальше. Джунаид и ученики подбежали к нему и спросили: “Неужели ты не увидел горшка с монетами?”

“Какой горшок? — изумился нищий. — Я давно мечтал перейти мост с закрытыми глазами, но не мог, потому что на этом мосту всегда очень оживленное движение. Когда сегодня я увидел, что мост стоит пустым, то мне пришло в голову, что наконец-то я смогу попробовать, испытать себя. И мне удалось пройти по мосту с закрытыми глазами. Извините, но я не заметил горшка, о котором вы говорите”.

“Теперь вы понимаете? — обратился Джунаид к ученикам. — Тот, кто собирается проиграть,

проиграет при любых обстоятельствах. Он измыслит что-то такое, что приведет его к неудаче. Тому, кто склонен упускать свой шанс, невозможно помочь”.

Даже Бог не может одарить вас, если вы не готовы принять дар. Если вы готовы к страданиям, то получаете страдание, если же готовы к счастью, то получаете счастье, — вы получаете только то, к чему готовы. И то, и другое вы получаете исключительно по милости Божьей, несмотря на то, что вы сами стремитесь к тому, что получаете. Его милость, Его благодать изливается на вас непрерывно, но вы наполняетесь ею лишь тогда, когда вы готовы и стремитесь быть наполненным.

И, Господи, это тоже — Твои дары,

Лишь Твой промысел дарует свободу или бремя,

Никто не оспорит этой истины.

Погрызший в бессмысленной болтовне

Осознает свою ошибку, получив удар по лицу.

Лишь Он сам может познать Себя.

Нанак так говорит: “Он — царь царей”.

Есть много людей, которые любят пустословить о религии. Ни одна область не позволяет чесать языком так, как эта, ведь все, что относится к вере, — так или иначе таинство, тут нет доказательств, а значит, можно говорить все, что угодно.

Вот почему в мире существует три сотни различных религий, а иначе откуда бы их столько взялось? Да и в каждой из этих религий есть по три тысячи течений и сект, больших и маленьких. Под именем религии предлагалось и предлагается масса бесполезного мусора. Ведь судить, что правда, а что — нет, очень трудно, а проповедники так красноречивы!..

Махавира часто говорил о семи адах. У него был один оппонент по имени Макхали Госал. Когда ученики спросили его, знает ли он что-либо о семи адах, о которых говорит Махавира, тот ответил: “Махавира вообще ничего не знает! Существует семьсот адов”.

И что теперь делать? Кто из двоих говорит правду — Макхали или Махавира? Где истина?

Жизнь Макхали Госала сложилась именно так, как предупреждал Нанак. Всю свою жизнь Макхали проповедовал догмы, высосанные из пальца, а перед смертью раскаялся. Когда пришел его последний час, он весь дрожал от ужаса. Он созвал всех своих учеников и сказал им: “Все, что я вам говорил, было ложью. Когда я умру, то протащите мое тело по дороге, и скажите людям, чтобы плевали мне в лицо, потому что этот рот не произнес ничего, кроме вранья”.

Этому человеку не откажешь в отваге и, в конце концов, в честности в противном случае он, лгавший всю жизнь, скорее всего, так бы и умер, не решившись ни в чем признаться. И, вполне возможно, его последователи создали бы новую секту. Он был одним из самых ярких оппонентов Махавиры, хотя начинал как его ученик. Он был умен, быстро все схватывал, обладал

ораторским даром; и вот, пробыв какое-то время учеником, он начал создавать свой собственный религиозный орден.

Прибыв в деревню, где остановился Макхали Госал, Махавира настоял на встрече с ним: “Когда-то он был моим учеником. Я хочу спросить его, зачем сейчас он занимается подобной ерундой”. Когда они встретились, то Макхали Госал притворился, будто в первый раз видит Махавиру. Лжецу никогда нельзя доверять. Махавира спросил: “Разве ты совсем забыл те годы, которые провел со мной?”

“Ты ошибаешься, — ответил Макхали. — Душа, бывшая с тобой, давно покинула это тело. Теперь в нем пребывает душа тиртханкары[15]. Да, я слышал, тело действительно было с тобой, но я не тот, кто был твоим учеником. Тот, кто был твоим учеником, давно умер. Так что, больше никогда не говори, что Макхали был твоим учеником”.

В ответ на это Махавира промолчал. Да и что он мог сказать такому человеку? Всю последующую жизнь у Макхали было много последователей и он был влиятельной фигурой. Но, в конечном счете, он все-таки поступил порядочно — ведь перед смертью он разоблачил собственную ложь.

Именно о таких случаях и предупреждал Нанак. Лже-проповедник осознает всю свою глупость, когда судьба бьет его наотмашь по лицу. Когда истекают последние минуты жизни, когда смерть стоит на пороге, — тут он и понимает, насколько бесполезна была вся та чепуха об аде и рае, которую он рассказывал... Рассказывал, не зная о них ничего. Всю жизнь он проплавал на бумажном кораблике, но вот бумага размокла, он тонет, но, увы, нет времени построить настоящее судно!

Будьте осторожны! О вере, о религии говорите только то, что узнали сами, — или же храните молчание! Ибо ум без конца исследует и делает открытия; в исследовании ему нет равных. Но стоит уму начать обсуждать, как возникает паутина мыслей и слов, которая живет своей собственной жизнью и расширяется сама по себе, — и вот уже все становится напрасным. Одно слово автоматически притягивает другое, одна теория требует другой, другая — третьей...

Однажды случилась такая история. Один весьма известный священник остановился отдохнуть в придорожной гостинице, а своего коня он привязал к дереву у входа. Надо сказать, что священник очень дорожил своим конем и, отправляясь проповедовать, выезжал только на нем. Это был очень красивый и породистый конь, стоивший немалых денег.

Проходивший мимо мулла Насреддин остановился и начал гладить коня по шее. И тут подошел еще один человек и спросил: ” Это твоя лошадь?”

Лошадь была такая красивая, — неловко было Насреддину сознаваться, что он гладил чужого коня. И он ответил: “Да, моя”.

“Не хочешь ли ее продать?” — спросил человек.

Ситуация осложнялась. “А хватит ли у тебя денег, чтобы ее купить?” осведомился мулла. Конь стоил тысячу рупий, но мулла, желая вывернуться, запросил две тысячи, полагая, что незнакомец не захочет платить явно завышенную цену. Но тут он подымал: “А что страшного? Я

заработаю две тысячи рупий, а священник... священник спит”.

И как раз, когда Насреддин убирал деньги, а покупатель с конем скрылся за поворотом, священник вышел на крыльцо. Прятаться было поздно, и мулла, недолго думая, накинул уздечку себе на шею, а в рот засунул пучок соломы.

Священник перепугался, но виду не подал. Напустив на себя строгость, он спросил у муллы: “Где мой конь? И что ты здесь делаешь?”

“Твой конь и я — одно и то же, — ответил мулла. — Я — твой конь!”

“Что?! Ты сошел с ума или пьян?” — спросил священник.

“Ни то, ни другое, — ответил мулла. — Пожалуйста, выслушай меня. Двадцать лет тому назад я совершил прелюбодеяние. Бог разгневался на меня”.

Священника охватил ужас: велик гнев Божий — человек обратился в лошадь! Он упал на колени и стал молиться Богу о прощении всех своих грехов. Грехов было так много, что священник уповал только на милосердие Божье.

Затем он обратился к Насреддину: “Брат, все в порядке. Что случилось, то случилось. Мне нужно попасть в другую деревню. Отправляйся-ка ты домой, а я пойду куплю себе на рынке новую лошадь”.

Подойдя к конскому барышнику, он увидел своего коня. Душа священника окончательно ушла в пятки. Он подошел к коню и прошептал ему на ухо: “Насреддин, неужели ты снова?.. И так быстро?!”

Как только ум начинает обманывать, ложь распускается, как весенние листья на дереве: чтобы сохранить одну псевдо-истину, нам нужно придумать множество других. Число обманов увеличивается в геометрической прогрессии и достигает таких астрономически) величин, что вы сами забываете, что все это — ложь. Частое повторение лжи придает ей обличье истины, а грандиозность фальши гипнотизирует вас.

В вопросах религии господство лжеистины достигается с особенной легкостью, потому что здесь нет и не может быть объективных критериев, нет такой лаборатории, куда вы могли бы отнести образец на анализ. Религия жива верой, никакие научные исследования тут не помогут.

Поэтому запомните: никогда и ни за что не говорите неправды, а то потом придется раскаиваться! Привычка лгать глубоко укоренилась в разуме...

Ко мне приходят люди и говорят: “Я практикую медитацию Випассана уже десять лет”. Когда я их спрашиваю, происходило ли с ними что-нибудь во время медитации, я вижу по их лицам, что ничего не было, но они отвечают: “О, да, много всего произошло”.

Тогда я говорю с ними о чем-нибудь еще, а потом снова спрашиваю: “Скажите честно, ощутили ли вы хоть что-нибудь? Ведь если бы во время медитации произошли какие-то изменения с вами, то вы непременно обратились бы ко мне”.

И они соглашаются: “Вы правы, ничего не изменилось”. А ведь за несколько минут до этого эти же люди утверждали, что они достигли больших успехов в медитации. Ум отказывается признать, что десять лет усилий не принесли никаких результатов. Ум — великий обманщик, берегитесь его! Чем глубже вы заберетесь в его лабиринт, тем больше будете жалеть об этом. Жизнь пройдет, смерть встанет у вашего изголовья, — и тогда вы раскаетесь и горько пожалеете, что разменяли себя на всю эту ложь.

Только Бог знает Себя. Только Бог дарует. С нас достаточно того, чтобы быть восприимчивыми Его даров и знаний. Ему принадлежит знание и мирозданье. Мы получим и то, и другое, если будем открыты и будем готовы принять, и если наш взор обращен к Нему.

Нет необходимости попадаться в ловушку разума. Ум не может дать нам ни знания, ни мироздания; он в состоянии дать нам только неправду. Тот, кто слушает ум, попадает в сети его обмана.

Есть старая притча о человеке, чье преданное служение пришлось настолько по нраву богам, что они подарили ему волшебную раковину, исполнявшую любые желания хозяина.

Скажешь ей “дворец”, — и появляется дворец, скажешь ей “царский пир” — и вот уже перед вами накрыт роскошный стол. Этот человек начал наслаждаться радостями земной жизни, и был очень счастлив.

Как-то раз через город проезжал один брахман и остановился во дворце этого человека переночевать. Он слышал о волшебной раковине и хотел завладеть ею. На голове он носил раковину, которую называл Маха-шанкха — великая раковина. Брахман сказал своему хозяину: “Твоя раковина — ничто по сравнению с моей. Я, как и ты, предавался аскезе, и боги даровали мне эту Маха-шанкху. Все, что у нее ни попросишь, она дарует вдвойне”.

И тут, ибо это в природе человека, в хозяине проснулась жадность Он попросил: “Покажи мне волшебство твоей раковины”.

Брахман положил перед собой Маха-шанкху и сказал: “Брат, построй дворец”.

“Почему один? Почему не два?” — отозвалась раковина.

На хозяина это произвело большое впечатление. Он отдал брахману свою раковину, а в обмен получил его Маха-шанкху. Брахман тут же отбыл, а вскорости хозяин в панике кинулся разыскивать гостя, потому что раковина только разговаривала, но ничего не дела на. Скажешь ей “два”, а она спрашивает: “почему не четыре?”, скажешь “четыре”, а она — “почему не восемь?”. Это все, на что она была способна.

Ум — это Маха-шанкха. Чтобы нам ни дал Бог, он спрашивает: “Почему столько, почему не больше?”. Ум — это пузырь из слов. Это сплошная ложь. Он не в состоянии создать что-либо. Но таковы уж мы, что отпускаем руку Бога и цепляемся за ум, так как ум все усваивает, и это распаляет нашу жадность. Подумайте, разум хотя бы раз дал вам хоть что-нибудь? Достигали ли вы хоть чего-нибудь с помощью ума?

Погрызший в бессмысленной болтовне

Осознает свою ошибку, получив удар по лицу.

Лишь Он сам может познать Себя.

Нанак так говорит: “Он — царь царей”.

Еще одна, последняя драгоценность этого стиха. Жил некогда в Египте подвижник по имени Дхун-Нун. И вот, когда однажды он достиг просветления, с небес донесся голос: “Дхун-Нун, еще до того, как ты отправился искать Меня, ты уже был выбран Мною. Будь это не так, ты никогда не стал бы искать Меня”.

Нанак говорит, что Он оделяет выбранных Им талантом, позволяющим воспеть Ему хвалу. Суть в том, что вы отправляетесь искать Его только после того, как Он постучит в вашу дверь. Как вы можете отправиться в такое путешествие сами по себе? Откуда взялась у вас сама идея духовного поиска? Как вам удалось обрести воспоминание, и разве могла в вашей душе возникнуть хвала Ему, если на то не было Его воли?

Тогда получается, что неважно, сколько длятся ваши духовные искания, потому что Он уже избрал вас. Ваш поиск начался, потому что Он уже вошел в вашу жизнь. Нанак говорит, что жажду Его пробуждает Он сам.

Вот метод Нанака: предоставьте все Ему. Не оставляйте ничего в своих руках, потому что гордыня эго растет неприметно, но множеством путей. Вы можете начать говорить: “Я — духовный искатель, я странствую в поисках Бога”. Но Нанак говорит: “Лишь Его милость одаривает нас способностью воспеть Ему хвалу”. Нанак говорит так, чтобы “я” негде было бы пустить корни: “Мы можем воспеть Тебе хвалу, только если на то будет Твоя воля. Как мы можем воспевать Тебе без Твоего повеления? Мы не в состоянии даже поднять к Тебе глаза, если Ты не одаришь нас зрением. Наши ноги ступают по Твоему пути только, если Ты направляешь их. Мы не можем ни думать, ни мечтать о Тебе, ни медитировать на Тебя, если ты уже не избрал нас для этого”.

Нанак выкорчевывает все корни эго. Там, где нет эго, там Его двери открываются для нас: там, где нет эго, там Омкар начинает резонировать сам по себе. Только из-за шума и гвалта, который создает ваше “я”, вы не слышите его слабый отзвук уже сейчас.

Глава 2. Упоенный вином любви

Бесценны Его качества и Его торговля тоже,

Бесценны его купцы и Его кладовые,

Бесценен тот, кто приходит взять, и то, что берется — бесценно.

Бесценны Его чувства, Его самадхи бесценно,

Бесценна Его божественная справедливость и Его суд,

Бесценны гири и весы, на которых измеряются дела людей,

Бесценна Его щедрость и символы, которые рассказывают о ней,

Бесценны Его благодать и Его порядок,

Он и есть — бесценность бесценного; Его невозможно описать.

Многие падают, потеряв себя в медитации, лишь попытавшись перечислить Его свойства.

Веды говорят о Нем; Пураны изучают Его;

И знающие люди описывают его; так же делают Индра и Брахма;

Гопи и Кришна говорят о Нем; и Вишну, и сиддхи;

И многие, многие будды; и демоны, и божества.

Люди, и отшельники, и те, кто служат, — все они поют ему хвалу.

Многие из них могут выразить это, и многие умирают, не успев завершить свое дело.

Он творил и будет творить бытие.

Никто не может предсказать Его деяний.

Что бы Он ни почувствовал, — так оно и сбывается.

Всякий, кто знает это, сам становится истиной.

Если кто-нибудь хвалится тем, что знает Его, — он глупейший и глупых.

Нанак восхваляет Бога не как пандит, а как опьяненный. Его слова — не с нова знающего, ученого человека, они просто выражают состояние того, кто полностью погружен в вино любви, пропитан им, растворен в нем. Поэтому Нанак настаивает все время на одном и том же. Это слова, произнесенные в экстазе. Вот вы видите пьяницу, который идет по дороге и бормочет себе под нос снова и снова одно и то же. Нанак совершенно, полностью, одурманен чем-то, поэтому он постоянно повторяется.

Бабур[16] вторгся в Индию и завоевал ее. Ему показалось, что Нанак — подозрительная личность, и поэтому он посадил его в тюрьму, как и многих других. Но постепенно до Бабура стали доходить вести, что есть один узник, который создает вокруг себя странную атмосферу, какой-то дух опьянения, дух эйфории и весь день счастливо распевает. Бабур подумал, что невозможно заточить в тюрьму, пленить человека, обладающего внутренней свободой, ибо такую свободу невозможно сковать. Поэтому он послал Нанаку повеление придти и предстать перед ним, Бабуром. А Нанак ответил: “Тебе, о царь, самому придется придти и проведать меня, потому что Нанак в том царстве, откуда нет возможности и смысла уходить, чтобы навещать кого-то”. И Бабур сам отправился в тюрьму, чтобы увидеть Нанака. А увидев его, был настолько поражен, что привел его во дворец и предложил ему самое тонкое, самое лучшее вино. Нанак рассмеялся и спел песню, в которой поведал царю, о том, что попробовав вина Господа, от другого вина он уже не пьянеет, и лучше пусть царь изведает вино Нанака, а не обычное вино.

Песни Нанака — песни пьяницы. Он поет, как дитя или действительно как пьяный человек, он не придерживается никаких правил, не соблюдает никаких условий, он даже не пытается делать свою речь красивой. Его стихи — как неограниченные драгоценные камни. Когда поэт сочиняет стихотворение, то пишет и переписывает его много раз и много раз исправляет написанное: его беспокоят грамматика, лексика, размер. Он вносит множество исправлений. Даже поэт такого порядка, как Рабиндранат Тагор, делает это. Дневники Тагора полны вставок, изменений, переписываний.

Слова Нанака не таковы. Он их не исправляет, не переставляет. Они остаются такими, какими он проговаривает их. Он их не записывает, он их произносит, поэтому он совершенно не обращает внимание ни на ритм, ни на последовательность, ни на сами слова. Если там есть какой-то размер, — это размер песни души. Если там есть какая-то грамматика, — это не человеческая грамматика, но божественная. Если вы найдете там какой-то ритм, это ритм экстаза, внутреннего опьянения. Именно поэтому, когда кто бы то ни было задавал Нанаку вопрос, тот говорил: “Слушай!” А потом Мардана, его близкий ученик, брал в руки музыкальный инструмент, и Нанак пел.

Помните это, иначе вы запутаетесь, вас может смутить то, что Нанак будто бы все время повторяется, и вы не поймете, почему он вновь и вновь говорит: “Его свойства бесценны, Его достоинства бесценны”. Это слова экстаза, он их ниоткуда не считывает, это те слова, которые звучат в нем, внутри. Ему совершенно неважно, слышат его другие или нет. Если Вы будете иметь это в виду, слова Нанака раскроют перед вами безмерную глубину.

Бесценны Его качества и Его торговля тоже,

Бесценны Его купцы и Его кладовые,

Бесценен тот, кто приходит взять, и то, что он берет — бесценно.

Бесценны Его чувства, Его самадхи бесценно,

Бесценна Его божественная справедливость и Его суд,

Во-первых, Он сам бесценен, и все, что Ему принадлежит, что так или иначе касается его — тоже бесценно. Нет даже способа оценить, нет такой шкалы, чтобы Его измерить, нет таких весов, чтобы взвесить Его... И мы не можем определить, что Он представляет собой, насколько Он велик, как далеко Он простирается. Кто бы ни брался за задачу измерить Бога, обнаруживает, что не только все линейки оказываются короткими или ломаются, но и сам разум, который решил измерить, тоже ломается.

Санскритское слово “майя” означает “иллюзия”. Это слово происходит от того же корня, что и “мапа”, которое означает “измерять”. Слова “метр” и “мерить” тоже происходят от того же корня.

“Майя” означает “то, что может быть измерено или взвешено”. То, что не может быть измерено, есть Брахма. Если вы можете что-то измерить, знайте, это — майя; все что можно оценить или определить, это — майя. Когда вы приближаетесь к тому, что невозможно определить, что отвергает все измерения, что не может быть взвешено, когда вы приближаетесь к этому

неизмеримому, — вот тут-то и начинается религия.

Наука никогда не может познать Бога, потому что весь научный метод основывается на измерении. Измерительные шкалы — это символ науки, измерение — это ее путь, поэтому наука никогда не приблизится к Богу и всегда будет считать, что Бога нет, ибо верит только в то, что может быть измерено, в то, что можно исследовать. Маркс сказал: “Если только Бог проявит себя в лаборатории, тогда я поверю в его существование”. Но такой Бог не может быть Богом.

Разве Вы не чувствуете присутствия чего-то вокруг вас, чего-то, что не может быть измерено? На самом деле Он внутри ваших измерительных средств. Ну вот, например, возьмите цветок. Вы можете его исследовать в лаборатории. Вы можете его взвесить, вы можете его измерить, можете проанализировать его химический состав. Но есть такая вещь в цветке, которую измерить нельзя. Когда вы завершите ваш анализ, вы вдруг обнаружите, что цветка-то больше нет. Со всеми вашими исследованиями вы не смогли определить, найти места красоте цветка. Поэтому ученые вообще не принимают такого измерения, как красота. Разве это не странно? Красота — это самое первое из того, на что мы обращаем внимание, когда видим цветок, но как раз это абсолютно теряется в научном исследовании. Что разрушается самым первым ударом науки — это как раз то самое, что в первую очередь задевает вас, когда вы видите цветок. Первое Ваше чувство, первый луч сознания, отразившийся в вашем уме при виде цветка — это отражение его красоты. Это чувство не изречено, не спето, оно глубоко — целое облако красоты, которое окружает вас. Наука не в силах этого понять.

Вы видите, как дитя танцует, поет, смеется, — и вы ощущаете, вы видите, как течет и плещет жизненная энергия, как она бурлит. Если же попросить ученого исследовать ребенка, он сделает это скрупулезно и тщательно, он представит вам список, процентный состав железа, фосфора, кальция в его теле, расскажет, как много в нем воды, какова средняя плотность тела ребенка; но жизни не будет в его исследовании.

Однажды ученый шел по дороге со своим приятелем. Навстречу им прошла очень симпатичная девушка, и друг ученого так и застыл, разинув рот. “Забудь! — сказал ученый. — Она же на девяносто процентов состоит из воды!”.

Человек на 90 % состоит из воды, а сухой остаток составляет всего 10 %. Говорят, что все вещество в человеческом теле стоит не больше пяти рупий. Вот столько стоят все химические вещества, которые содержатся в теле. Поэтому смерть сжигает человеческое тело — ведь оно не имеет никакой ценности.

Наука будет измерять все и вся и потом заявит, что души не существует. Как они могут найти душу, если ее невозможно измерить? Когда мы не можем найти ей место никакими средствами измерения, мы заявляем, что ее нет. Если бы мы были мудрыми, мы бы сказали, что все наши способы измерения вовлекают нас только в майю и не ведут никуда дальше. Поэтому мы должны придумать какие-то другие способы, чтобы познать Бога, иные, отличные от измерений.

Метод науки — это измерение, исследование, проверка, определение. Метод религии совершенно другой. Она не собирается ничего измерять, исследовать или определять, ее задача — погрузиться в то и раствориться в том. Ученый стоит в стороне от своей задачи, а религиозный человек становится единым с ней, он погружается в то самое, что он ищет.

Однажды Нанак отправился в Лахор. Самый богатый человек в городе пришел и поклонился ему в ноги. А в те времена был такой обычай, что если у человека было десять миллионов рупий, он должен был поднять флаг над своим домом. Богача звали Сегх Дуничанд и у него над домом было много флагов. Он коснулся лбом ног Нанак, протянул к нему руки и сказал: “Я хочу тебе услужить. Слава Богу — он дал мне достаточно средств. Я исполню все, что ты пожелаешь”.

Нанак выдернул из своего плаща швейную иголку, протянул ее Дуничанду и сказал: “Храни, как зеницу ока, вернешь ее мне после твоей смерти”.

А Дуничанд настолько был полон гордыни от своего богатства, и просто не понял, что же сказал ему Нанак. “Как пожелаешь,” — сказал он и удалился. Высокомерие временами делает человека настолько слепым, что он попросту не понимает, что какие-то вещи могут быть невозможны. Наконец, по пути домой Дуничанд все же задумался об этой просьбе и понял, что не сможет отдать Нанак иголку после своей смерти.

Поэтому он вернулся к Нанак и сказал: “Ты поручил мне сложную задачу. Я в тот момент о ней не подумал, но сейчас мне кажется, что ты подшутил надо мной. Зачем беречь иголку, как зеницу ока? Я предполагаю, что пути святого неисповедимы и загадочны, но должна быть какая-то причина, какой-то повод. Прости меня, но возьми, пожалуйста, иголку обратно, потому что я не смогу выполнить свое обещание. Как я смогу взять иголку с собой после смерти?”. Нанак сказал: “Да. Давай мне иголку — свою службу она сослужила. Это как раз тот самый вопрос, который я хотел тебе задать. Если ты даже такую крохотную вещицу, как иголка, не можешь взять с собой, когда умираешь, разве ты возьмешь с собой свои миллионы рупий, которые ты собрал? Если ты не сможешь взять тонюсенькую иголку, неужели ты думаешь, что сможешь взять хотя бы что-то еще? Ты бедняк, Дуничанд, потому что действительно богат только тот, кто может взять с собой что-нибудь в посмертие”.

Ничто из того, что можно измерить, не может быть взято с собой после смерти. Взято может быть только неизмеримое.

В этом мире есть два типа людей. Одни все время пытаются измерять, все время ищут вещи, которые можно сосчитать и взвесить. Другой тип людей всегда ищет то, что неизмеримо. Первые — это не религиозные, это светские, мирские люди. Они принадлежат сансаре, миру иллюзий. Второй тип — религиозные люди, саньясины.

Религия — это поиск неизмеримого. Тот, кто нашел неизмеримое, — победил смерть. Он обрел нектар, магический эликсир. То, что может быть измерено, рассыплется в прах. Все, у чего есть предел и границы, обречено гнить. Все, что может быть определено, — сегодня здесь, а завтра уйдет. Горы, даже такие, как Гималаи, однажды исчезнут. Это случится и с Луной, и с Солнцем, со всеми звездами. Мы называем горы вечными, неизменными и неподвижными, но на самом деле они преходящи, а вовсе не неизменны. Все меняется, — все, что может быть измерено. Все вещи, которые могут быть измерены, — как отдельные волны. Когда кончается все измерение, когда границы гаснут, — вот тут начинается Океан Брахмы, Начало Бога.

Поэтому, говорит Нанак, невозможно оценить Его качества и Его торговлю. Вы не можете придать Ему цену — вот в чем сложность. Вы можете оценить Наполеона, вы можете оценить Александра Македонского, потому что их богатства, их царства придают им цену. Но как вы скажете, сколько стоит Будда? Сколько стоит Нанак и те, кто похож на него? Мы можем

оценить тех, кто обладает богатством и определенным положением, статусом, потому что то, чем они обладают, и есть их души: один человек стоит миллион рупий, другой стоит десять миллионов. Но как мы можем сказать, сколько стоит кто-то, у кого нет ничего, кроме Бога? Вот поэтому во многих случаях мы просто не можем увидеть Нанака или подобных Нанаку среди тех, кто нас окружает. Очень часто Будда пересекает нашу дорогу, но у нас просто нет глаз, чтобы увидеть его, потому что мы забавляемся измерением. Мы можем увидеть только то, что можем померять. Вот если бы в руке у Будды был бриллиант, мы бы увидели бриллиант, но Будду бы не увидели, хотя мы можем назвать бриллиант бесценным, и это будет значить, что он превышает всякой ценности, он слишком ценен. А Будда — за ценностью, за ценой, его невозможно оценить вообще.

Наши глаза, наше восприятие, наш разум — это явления одного порядка. Снаружи — мир измерений, внутри — разум. Разум и майя, мир иллюзий — суть одно. Измерение лежит вовне, а внутри сидит измеряющий — разум. Неизмеримое вовне — это брахма; у него нет связи с разумом, но он относится непосредственно к душе, к атману, потому что атман тоже невозможно измерить. Вы можете соотнести себя только с тем, чем вы являетесь внутри. У разума есть предел, поэтому разумом можно познать только ограниченное. У души нет предела, поэтому душой вы можете познать неизмеримое. Сколько стоит Бог? — Ничего не стоит.

Говорят, что Иуда продал Иисуса его врагам за тридцать сребреников. Это трудно представить. Такие люди, как Иисус, приходят на Землю крайне редко, раз в несколько сотен лет, а Иуда продает его всего за несколько сребреников! Это невозможно представить! Но мы бы сделали то же самое. Мы бы, правда, может быть, взяли тридцать тысяч сребреников вместо тридцати, но толку-то? Какая разница? Измерение есть измерение, мера — это мера. Обратите внимание: Иуда пробыл с Иисусом очень долго, но он не смог его узнать, не смог его увидеть. Когда кто-то предложил ему тридцать сребреников, он тут же сказал этому человеку, где можно найти Иисуса. Монеты показались ему более ценными, чем Иисус.

Мы видим только то, что мы можем оценить. Ценность вещей манит нас, и мы попадаем в ловушку. Ко мне приходят люди и спрашивают, что они получают от медитации, какую выгоду она им принесет. Они, в общем-то, знают, что медитация приведет их к Богу, они знают, но они не видят в Боге никакой выгоды. Они знают, что медитация ведет к блаженству, но у блаженства нет рыночной стоимости. Если вы попытаетесь продать его, — кто же его купит? Люди хотят, чтобы им сказали на их собственном языке, в понятных им словах, сколько стоит, какова цена того, что можно достичь посредством медитации.

Нельзя сказать, что они полностью неправы, ведь вся экономика строится на цене и стоимости. За час медитации сколько ты зарабатываешь в своем магазине? Если ты зарабатываешь столько же, сколько обычно, или больше, тогда медитация стоит того, чтобы ее купить, а иначе это дурацкое, совершенно бесполезное занятие.

К сожалению, то, что вы получаете в медитации, не имеет цены. До тех пор, пока вы будете спрашивать, сколько стоят разные вещи, вы просто не будете способны начать медитировать, потому что вас держит железной хваткой мир “ценных вещей”, мир сансары, в то время как Бог приглашает вас войти в бесценность, в отсутствие цены.

Бесценны Его качества и Его торговля тоже,

Бесценны его купцы и Его кладовые.

Кто же его купцы? Те, кого называем святыми, реализованными людьми, буддами. Они приходят, чтобы продать вам что-то, что у вас не хватает решимости купить. Они хотят дать вам что-то бесценное, но вы не готовы взять это. Вы чувствуете: то, что дается свободно, скорее всего, слишком дорого, чтобы вы могли его купить. Бог дается просто так, поэтому вы не заинтересованы в Боге. Если бы на Нем можно было проставить цену, вы бы еще подумали два раза. Будда, Нанак, Кабир — они Его торговцы, они Его продавцы. Но их дело — непонятное, и очень смущает вас. Они не представляются вам торговцами, купцами.

Когда отец Нанак обнаружил, что тот не пригоден ни к какой работе, он обеспокоился, что же станет с его сыном. Он несколько раз пытался поручить ему то одно дело, то другое, надеясь, что тот не будет, по его разумению, столь бесполезным. Отец Нанак не в состоянии был разглядеть, увидеть то бесценное, что заложено в его сыне. К нему приходили люди и говорили, что он воспитал бесценного сына, а он говорил: “Бесценного? Ну да! У него ума не хватит заработать одну-единственную пайсу! Он знает только, как тратить деньги или просто терять их!” То, что значит “заработать” в одном мире, значит “потерять” в другом.

Отец Нанак сказал ему, что, если он не может делать ничего другого, то пускай пасет скотину. Когда человек сердится на сына, то часто говорит ему: “Иди, паси скотину!” Считается, что это самая грязная, самая низкая работа, как раз подходящая для никудышных тупиц.

Вот так и отец Нанак сказал: “Иди, паси скотину! Как еще ты можешь заработать на жизнь, день-деньской глаза в небо?” Отец Нанак был совершенно обычный, мирской человек, который искренне заботился о будущем своего сына.

Нанак с радостью согласился, у него на то имелись свои причины. В компании животных он находил больше мира и больше спокойствия, потому что животные, по крайней мере, не разговаривают все время о деньгах и купле-продаже. Их не беспокоит богатство и владение чем-то. Так что Нанак был просто счастлив заняться этой работой, ему очень нравилось проводить время рядом с животными. Животные лишены “эго” и не могли поэтому стать ему помехой.

И Нанак отправился на пастбище вместе с коровами и быками. Но такие люди всегда попадают в беду. Он отпустил скотину и сказал: “Паситесь на здоровье, друзья мои!”. А потом закрыл глаза и полностью погрузился в экстаз. Животные зашли на соседнее поле и вытоптали его. Увидев это, хозяин поля закричал: “Что ты натворил! Ты выплатишь мне все до последней пайсы! Твоя скотина уничтожила весь мой урожай!”

Нанак открыл глаза и сказал: “Брат, не переживай так! Эти животные принадлежат Богу, и поле принадлежит Ему. Это именно Он привел их на твое поле. Не беспокойся! Удача и счастье придут к тебе”.

“Заткнись! — рывкнул хозяин. — Вот уж точно — счастье и удача! Кончай болтать! Ты меня разорил!”

Он побежал к отцу Нанак, притащил того к сельскому голове и потребовал выплатить стоимость всего урожая. Сельский голова, которого звали Шах Буллар, — мусульманин, — был последователем Нанак. Он сказал: “Давайте спросим самого Нанак”.

Когда Нанака спросили, он ответил: “Все происходит по воле Бога, по Его усмотрению, и все хорошо. Это Он послал животных, это Он вырастил урожай. Он вырастил его один раз, и Он вырастит его еще тысячи раз. Зачем беспокоиться, зачем паниковать? Ничего не пропало.”

Крестьянин сказал: “Пойдемте со мной на поле и посмотрите сами. Мое поле вытоптано, урожай уничтожен, а этот человек говорит, что все в порядке!”.

И вот, как рассказывается в этой истории, пришли они все на поле. И как вы думаете, что же они увидели? Золотые колосья качались на ветру и обещали небывалый урожай. Поля соседей, не тронутые скотиной, нельзя было и сравнить с этим полем.

Эта история может быть правдивой, может и не быть, но смысл ее ясен и значителен. Что может сказать о поле человек, который оставляет все в руках Божьих? Такой урожай вырос на поле жизни Нанака. Не это ли воздаяние за то, что он предоставил все Богу?!

Хозяин поля не верил глазам своим: это было величайшее чудо в мире. Предоставьте все Богу — и в Вашей жизни каждый день будут происходить вещи, которым Вы не сможете найти рационального объяснения.

Мораль этой истории такова: тот, кто оставляет все Богу, обнаруживает, что начинал сталкиваться с чудесными, замечательными явлениями, которые невозможно объяснить логически. Когда неизмеримое входит в Вашу жизнь, начинаются загадки и чудеса. Загадочность, тайна означает только одно: Вы отвернулись от мира измерений и направили свой взгляд к неизмеримому, от ограниченного к неограниченному, от понятного к непознаваемому. Как только Вы создадите в своей жизни небольшое пространство для непознаваемого, урожай чудес начнет поспевать.

Нанак — это торговец из другого мира. Здешний, наш, мир всегда относится к таким людям очень плохо. Иисуса распяли, Сократа отравили. Даже когда мы не уничтожаем их, мы избегаем их слушать. Как бы мы ни поклонялись кому-либо, — это всего лишь средство сохранить себя в таком виде, в каком мы есть, не меняя свою сущность. Мы молимся: “Как Ты велик, Господи! Разве можем мы достичь Тебя! Мы кладем эти цветы к Твоим ногам, но сами мы останемся таковы, каковы мы есть.”

Вы предлагаете поклонение, чтобы успокоить свою собственную душу, но остаться прежними. Ваше поклонение фальшиво. И его истинность проверяется очень просто. Если бы оно было истинно, вы изменились бы. Если бы вы действительно почитали Нанака, вы бы изменились. Но вы остаетесь прежними, даже когда делаете вид, что почитаете Нанака. Значит, ваше поклонение — всего лишь средство спасения и защиты “эго”. Вы говорите: Ты велик, все что ты говоришь, абсолютно правильно, но время для нас не пришло. Когда время придет, мы вступим на этот путь, но в жизни столько всяких обязанностей, которые надо выполнить раньше. Куда торопиться?”

И мы все откладываем это. Наше поклонение, наше почтение исполнено хитрости. Запомните: поклонение, почтение — может быть большим лукавством. Отравить кого-нибудь — это гораздо проще, гораздо более прямой способ избавиться от него. Греки дали яд Сократу, иудеи распяли Христа. В Индии больше хитрости, индусы достигли в этом мастерства. Мы не отравили Будду, Нанака, Махавиру или Кришну, — мы им поклоняемся. Вспомните: иудеи не смогли избавиться

от Иисуса после того, как они распяли его. Иисус до сих пор их преследует.

Они чувствуют вину, и грех его распятия продолжает пытаться их, они не могут забыть его.

Мы, индусы, умные люди, — мы избавились от них, от наших гуру, и мысли о них нас не мучают. Мы действительно очень-очень умные, смысленные люди. У нас есть определенные дни, чтобы их вспоминать: это дни их рождения, это годовщины их смерти. Мы вспоминаем их со всем энтузиазмом: бьем в барабаны, трубим в раковины, огромные процессии ходят по святым местам и увенчивают статуи гирляндами цветов, — но только в эти дни. А все остальное время года мы просим их оставить нас в покое, чтобы мы могли справиться с нашей работой, с нашей торговлей. Мы еще не готовы заниматься делами другого мира. Нам не приходится брать на себя эту сложную задачу — убивать наших великих людей, избавляться от них, потому что у нас есть масса разных способов, уловок, чтобы пройти мимо. Так к чему, собственно, брать на себя такую ответственность? К тому же, если бы мы их убили, это бы значило, что мы восприняли их слишком серьезно.

Мы будем поклоняться тебе, мы припишем тебе статус Бога, мы назовем тебя гуру, святым, — да как угодно! — но только оставь нас такими, какие мы есть. Это такое совсем ненасильственное средство избавиться от них. Мы поставим их на алтарь в храме, а сами останемся в мире сансары. Когда нам что-нибудь будет нужно, мы воззовем к ним. Мы их используем, но мы не готовы измениться ради них.

Мы — нация умных, хитрых людей, наша история насчитывает тысячи лет. Старые люди очень умны, потому что жизненный опыт показал им пути и способы, как избежать того, что хочешь избежать. Зачем распинать, зачем травить, зачем все эти козни, зачем все эти планы? Поставьте их на пьедестал, — и вот вы уже от них избавились! Вот поэтому всех торговцев другого мира мы поместили на алтарь и подписали: “Ты — Бог, мы твои верные слуги, мы поклоняемся тебе”. И, собственно, на этом все и кончилось.

Главная и реальная вещь — это то, что вы сами должны стать Нанаком, а не поклоняться ему. Реальная вещь — это значит стать “Гуру Грантх”, святой книгой сикхов, так, чтобы то, что вы говорите, пробуждало бы звучание Омкар. Но чтобы это действительно получилось, вам надо измениться полностью.

Его купцы бесценны...

Это действительно так, и поэтому мы не можем их распознать. Мы чувствуем: что бы они ни говорили, это совершенно не вписывается в наши ощущения разумности, не касается нашего понимания. Поэтому мы воздвигаем стену между ними и нами, строим такие отдельные комнатки. Когда Вы находитесь в гурудваре, вы совсем другой человек, чем когда вы находитесь в своей лавке. В храме вы утираете слезы умиления, или вас шатает от одолевающих эмоций. В мечети вы совсем другой человек по сравнению с тем, кем вы были только что на рынке. Как будто вас двое, а не один. Это еще один очень хитрый трюк “избегания”.

Мы делаем внутри себя отдельные комнатки, отделения. Религия помещена в уголке под названием “Воскресенье”. Мы ходим в церковь по воскресеньям утром, а как только мы из церкви выходим, мы запираем этот уголок и забываем про него на целых семь дней. Как будто религия подразумевает только хождение в церковь! А как же все остальное время? Мы проводим

его так, как нравится нам. В церквях и гурудварах мы слышим слова посланников, купцов божьих. Но что мы слышим? Мы только делаем вид, что слушаем, потому что общество как бы обязывает нас к этому.

Нанак говорит: “Его купцы бесценны”. Если вы хотите приблизиться к Нему, попробуйте понять Его купцов. Вы не сможете их измерить, и если вы попытаетесь это сделать, ваш интеллект потерпит неудачу: никакие линейки тут не сработают.

Бесценен тот, кто приходит взять, и то, что он берет — бесценно.

Предмет торговли, упоминаемый здесь, не имеет цены, это неизмеримое и неоценимое нечто. И поэтому тот, кто приобретает благо, тоже бесценен, потому что единственная вещь, выставленная на продажу, это Эк Омкар Сатнам.

Бесценны Его чувства, Его самадхи бесценно

Если внутри вас родилось переживание Бога, вы вступаете в другое царство. Вы уже не здесь, вы где-то еще.

Если кто-то упоминал имя Бога, Рамакришна тут же вставал. Его глаза скрывались, и он начинал плакать, его тело было неподвижно, и он был потерян для мира. Простое упоминание Его имени перемещало Рамакришну в другой мир, который открывается перед вами, когда закрываются двери этого мира.

Нанак говорит о переживании Бога, простом вспоминании, сурати. Сюит чуть-чуть вспомнить себя, и вы оказываетесь где-то еще. Когда это чувство становится всеобъемлющим, возникает самадхи.

Поймите разницу между переживанием и самадхи. Переживание — это проблеск, рябь на воде. Вы погружаетесь в Бога на секунду, но то, что вы называете собой — оно присутствует. Вы нырнули в Него, но вы не перестали существовать. Вот человек ныряет в воду. Как долго он может пробыть под водой? Ему придется вынырнуть в какой-то момент. Однако, он действительно был под водой, когда нырял.

Шейх Фарид был сиддхом, просветленным. Он был современником Нанака. Однажды он пошел к реке, чтобы искупаться, и один искатель духовного пути спросил его:

— Как можно достичь Бога?

— Пойдем со мной, — сказал Фарид. — Давай сначала искупаемся, а потом я тебе покажу. А если у меня получится, я тебе покажу в тот момент, когда ты будешь купаться.

Искатель очень испугался: он спрашивает о Боге, а его зовут купаться и говорят, что покажут Бога. Но уже задавши вопрос, даже встревоженный таким оборотом дела, искатель не мог отказаться. Фарид считался известным святым, и была возможность, что он действительно ему что-то покажет там, в реке. Любопытство искателя было пробуждено, и он вошел в реку. А как только он это сделал, Фарид разбежался и вскочил на него верхом. Искатель был худенький, тощий, а Фарид — весьма упитанный. Искатель собрал всю свою силу, и ему удалось стряхнуть

Фарида со своей шеи. Выскочив на берег, он завопил:

— Ты не святой, ты преступник! Какого черта! Ты с ума сошел! Почему ты не сказал мне с самого начала!..

— Мы выясним потом, нормальный я или нет, — ответил Фарид, — но теперь я должен задать тебе вопрос, пока твоя слабая память еще хранит твои впечатления. Когда я погрузил тебя под воду, много ли мыслей было в твоей голове?

— Каких таких мыслей?! Ты с ума сошел, точно. Какие вообще могли быть мысли, кроме как спасти жизнь? Единственная мысль была — стряхнуть тебя и вдохнуть свежего воздуха.

— Ну вот, — сказал Фарид. — Ты понял. В тот день, когда твой ум полностью очистится от мыслей, и останется только идея Бога, ты узнаешь все, что возможно узнать. И запомни, пока не рискнешь всем в своей жизни, очень трудно познать Бога.

Для обозначения идеи в самом глубоком смысле слова, когда уже нет мыслей, а есть лишь воспоминание Бога, используется термин бхава. Если бы вы оказались на месте искателя, вы бы тоже стремились выбраться из воды как можно скорее.

Самадхи есть состояние абсолютной бхавы в области переживаний. Как только вы отправились в путь, здесь вас больше нет! Это — точка невозвращения. И тогда это переживание остается с вами навсегда, вы и оно становитесь одним. Вы не ныряете, вы полностью растворяетесь. В воде вы становитесь водой. Кто же будет вылезать на берег? Кто будет входить в воду? Это как если бы вы были куколкой из сахара или соли; вы прыгнули бы в воду — и растворились! Теперь всякий, кто пробует воду на вкус, чувствует и ваш вкус тоже. В состоянии бхава вы еще по отдельности; в самадхи вы — одно. Проблеск становится вечным сиянием.

Бесценны Его чувства, Его самадхи бесценно,

Бесценна Его божественная справедливость и Его суд,

Бесценны гири и весы, на которых измеряются дела людей,

Бесценна Его щедрость и символы, которые рассказывает о ней

Попробуйте понять ценность Его символов. Вокруг идолов и изображений всегда очень много сложностей и путаницы. У индуистов тысячи священных мест и вырезанных из камня изображений. Все это — символы.

Мусульманин не может понять, что ценного может быть в идоле. Он уничтожает изображения, и когда идол рушится под его ударами, мусульманин думает: “Вот, этот идол даже себя не может защитить; как же он может защитить своих почитателей?” То же произошло и в жизни Свами Даянанды. Он находился в храме Шивы в ночь Шив-Ратри, ночь поклонения Шиве. Как обычно и бывает, все почитатели Шивы, которым следовало хранить бодрствование и быть бдительными, заснули. А Даянанда, который был тогда еще ребенком, почему-то не заснул. И увидел, как крысенок забрался на Шивалинга[17] и стал грызть подношения. И в голову Даянанде пришла мысль: что толку поклоняться изображению, которое даже крысенок не может

от себя прогнать?! Мусульмане допускают ошибку — допустил ее и Даянанда: ведь, символ — это символ, а не сам Бог.

Символ помогает вам отправиться в путь; он — средство, а не цель. Представьте себе, что ваша любимая дает вам на память носовой платочек стоимостью четыре анны. Если вы попытаетесь продать его на рынке, вам не дадут за него и двух анн. Кому нужен старый платочек? Может быть, его за какие-то гроши и приняли бы в лавку старьевщика. Но для вас он имеет совсем другое значение; вы не можете назначить ему цену. Вы даже запираете его в особом, любимом месте в серванте. Для вас это не просто носовой платок, это — символ. Он соединяет вас с вашей возлюбленной. Вот для чего он вам нужен, хотя об этом никто может и не знать. Для вас ваша возлюбленная вплетена в самую ткань этого платка. Она держала его в руках, она целовала его, а потом отдала вам.

В каком-то глубоком смысле ваша возлюбленная и этот платок — одно. Для других это просто кусок ткани; для вас он бесценен.

В чем же различие? Для вас это — символ, а для других — просто носовой платок. Изображения, которые делает индуист, становятся для него символами, когда он наполняет их своей бхавой; для мусульманина они остаются просто кусками камня. Изображение Будды — символ для буддистов, изображение Махавиры — для джайнистов; для буддиста изображение Махавиры ничего не значит, так же, как для джайниста — статуя Будды. У символа нет общего для всех значения. Это всегда очень личная вещь, которая полна значения лишь для связанного с нею.

Тогда как вы можете критиковать чей-то чужой символ? Для вас это может быть нечто совершенно обыкновенное — и вы правы! Но для кого-то он может значить очень много — и это тоже правда. Вы правы, когда спрашиваете, что такого в простом платке, и отчего стоит прижимать его к сердцу? Что случится, если вы его потеряете? — На рынке вы можете купить сколько угодно таких же.

Но для того самого, единственного, человека этот платок бесценен, он значит очень и очень много; это символ, его ничем нельзя заменить. Он уникальный и очень личный.

Нанак говорит: даже символы, напоминающие нам о Нем, уникальны. Бог уникален, вне всякого сомнения, но даже если вы уловили Его отблеск в чем-то, это что-то тоже становится бесценным. Каждый символ заслуживает уважения, и неизвестно, какой из них осветит вам путь к Богу. И не заблуждайтесь, пытайтесь обвинить символ в том, что он-де “неправильный”. Символ не может быть неправильным. Для кого-то он значит очень много, для кого-то — ничего. Тут нет правильного или неправильного.

Мусульманин настаивает на том, что изображения бесполезны — но как же камень Каабы? Мусульманин целует его! Во всем мире нет больше камня, который так благоговейно целовали бы миллионы людей в течение последних четырнадцати веков. Мусульманин относится к Каабе как к самому настоящему символу, и считает, что этот камень стоит того, чтобы его целовать, однако при этом убежден, что индуистские изображения годны только на то, чтобы быть уничтоженными.

Религиозный человек должен хорошо понимать: то, что не является символом для него, может

быть символом для кого-то другого. Нет смысла доказывать что это — всеобщий символ, потому что это очень личный вопрос, затрагивающий глубокие чувства.

Для некоторых фиговое дерево является священным. Неужели вы скажете: “Ты что — сумасшедший, простому дереву поклоняешься?” Дело не в том, чему вы поклоняетесь, а в самом поклонении. Любой повод хорош, любое средство годится, если оно пробуждает в вас поклонение. Все средства правильны и неправильны. Если смотреть глазами ученого, дерево — всего лишь дерево, камень — всего лишь камень, платок — всего лишь платок. Но какое отношение наука имеет к религии? Религия — это царство любви, а вовсе не интеллекта или логики. Неправда ли, странно, что каждый человек почитает и свято хранит свои символы, но создает другим тысячи препятствий и помех, мешая им почитать их символы. Если вы можете прижимать к сердцу платок вашей возлюбленной, позвольте и другим делать так же; ведь они напоминают им о любимых.

Пусть намек приходит откуда угодно. Например, если человека привлекает Бог смоковницы, и он теряет себя в самадхи, танцуя и развлекая своего Бога, — дело не в дереве, а в самом экстазе. Все, что вызывает вспоминание Бога, бесценно.

Бесценна Его щедрость и символы, которые рассказывают о ней,

Бесценны Его благодать и Его порядок,

Он и есть — бесценность бесценного; Его невозможно описать.

Многие падают, потеряв себя в медитации, лишь попытавшись перечислить Его свойства.

В этом и есть основной смысл воспевания Ему хвалы — поймите это! Снова и снова Нанак повторяет, что никто не способен описать Его; невозможно перечислить Его свойства. И все же сам только и делает, что перечисляет Его свойства. Зачем? Если Его невозможно описать, зачем столько слов? Перед нами — метафизическая загадка, парадокс.

Люди приходят ко мне и спрашивают: “Раз Будда сказал, что о Нем невозможно ничего сказать, зачем он сам говорит?” Они упрекают и меня: “Ты говоришь, что словами Его выразить невозможно, и все же каждый день только и делаешь, что болтаешь! Одни с другим не сходятся!”.

Попробуйте понять: Нанак говорит, что ничего о Нем сказать невозможно, и все время говорит о Нем, потому что, перечисляя Его свойства, говорящий оказывается и самадхи. Это происходит не оттого, что он вознес “достаточно” хвалы Богу — это невозможно, но как же приятно говорить о Нем! Всегда что-то остается невысказанным; можно произнести много слов, и все равно ничего не сказать. Кажется, что совершенно не удалось Его выразить. Но говорить о Нем так радостно, что человек уходит в медитацию, перечисляя Его пути. Сколько бы ни было сказано, все не имеет смысла, но говорящий в своей речи теряет себя.

Многие падают, потеряв себя в медитации, лишь попытавшись перечислить Его свойства.

Веды говорят о Нем; Пураны изучают его;

И знающие люди описывают Его; так же делают Индра и Брахма,

Гопи и Кришна говорят о Нем; и Вишну, и сиддхи;

И многие, многие будды; и демоны, и божества.

Люди, и отшельники, и те, кто служат, — все они поют ему хвалу.

Мы говорим о Нем не ради самих слов, а потому, что это тоже — способ медитации. Обсуждать Его — способ потерять себя в Нем. Даже если вы просто сидите там, где говорят о Нем, и слушаете, — может быть, хотя бы капля этого дождя упадет на вас. Может быть, ваше заложенное

горло очистится; может быть, какое-нибудь слово проникнет сквозь ваши заросшие уши; может быть, ваши слепые глаза увидят хотя бы луч света; может быть, ваших мыслей хотя бы чуть-чуть коснутся Его цвет и музыка; и может быть, вы хотя бы на секунду замолкнете, и ваш внутренний диалог прервется.

Нанак поет о Нем, потому что когда он поет, он теряет себя в Боге. В Боге теряет себя не только певец, но и слушатель. Поэтому Нанак не говорил, а пел. Это гораздо проще, когда вы поете. Он использовал песню, чтобы настроить внутренние струны. Ритм песни может подвести вас к самому краю той бездонной тишины; и вы никогда не забудете этого.

Нанак подчеркивает и важность общения со святыми людьми. Будьте в обществе тех, кто говорит о Нем, кто поет о Нем. Постепенно, из-за того, что вы постоянно будете это слышать, вы тоже окраситесь в этот цвет. Когда вы идете по саду, ваша одежда впитывает аромат цветов, а вы и не замечаете этого. Если вы постоите на солнышке утром теплые лучи заставят кровь в ваших жилах бежать быстрее. Или, если вы лежите и смотрите в ночное небо, на луну и звезды, в вас находится место и для их прохладного света.

Общаться со святыми людьми — значит, быть там, где говорят о Нем, где возносят Ему хвалу. Индусы издавна говорили: “Когда кто-нибудь критикует, ругает Его, заткните уши. Там, где рассказывают о Нем, слушайте внимательно; обратитесь в слух!” Поэтому Нанак повторяет снова и снова: “Слушайте!” Нанак поет о Нем и прославляет Его. Но он и напоминает вам постоянно о том, что сколько бы вы ни описывали Его, вы всегда в начале пути. Никакие слова не могут ни описать Его, ни перечислить Его качества. Не думайте, будто что-либо из того, что сказал Нанак, приложимо к Нему. Это только начало, слабая попытка. Поэтому Нанак восславляет Его и говоря, что Он невыразим, что его нельзя описать словами.

Веды говорят о Нем; Пураны изучают его;

Знающие люди описывают его; так же делают Индра и Брахма,

Гопи и Кришна говорят о Нем; и Вишну, и сиддхи;

Кришна и пастушки-гопи никогда не говорили о Нем — они просто танцевали. Но в своем танце они выражали Его. Кришна никогда не усаживался и не начинал рассказывать своим пастушкам о Боге; он плясал с ними при свете полной луны. Нанак говорит, что, танцуя, они возносили Ему

хвалу.

Есть много разных путей: одни люди пляшут, другие поют, третьи пребывают в молчании, — но все выражают Его. Всякий, кто осознал Его, выражает Его каждым действием, каждым жестом. Если Будда поднимает руку, тем самым он указывает на Бога Открывает ли Будда глаза, или просто молча сидит, он всегда выражает Его.

У каждого человека свой путь. Будда не смог бы плясать, он не был создан для этого. Это бы ему не подошло. Он бы выглядел очень неловким, если бы танцевал, но как прекрасен он был, сидя под деревом бодхи! Та поза, которую он принимает, когда сидит, и есть его танец. Он неподвижен, даже не шелохнется. Сидит, точно статуя; и это — его путь!

Образ сидящего Будды нашел свое воплощение во всех статуях и изображениях, которые называются Бут. “Бут” на арабском и родственных языках — искаженная форма слова “Будда”. Будда сидел настолько недвижно, что, если бы вам довелось увидеть его, вы бы приняли его за мраморную статую. Для этого была причина. Будда таким и был — спокойным, прохладным, неподвижным. Таким способом он выражал Бога.

А Кришна танцует. Он — полная противоположность Будды. Вы никогда не сможете представить себе Будду в венке из павлиньих перьев. Он выглядел бы неестественно! Но если бы вы заставили Кришну сидеть, скрестив ноги, под деревом бодхи, как это делал Будда, он бы смотрелся так же забавно. Это не в его природе Он выглядит правильно, только когда на голове у него — венок из павлиньих перьев, а вокруг толпятся гопи, музыка звучит, и все пляшут.

Нанак утверждает, что танец Кришны и гопи — еще один неповторимый путь выражения Бога. Как хорошо сказал Нанак! Есть тысячи способов, которыми пробужденные выражают Его. Но Тот, на Кого указывают тысячи пальцев, один — Эк Омкар Сатнам.

И знающие люди описывают его; так же делают Индра и Брахма,

Гопи и Кришна говорят о Нем; и Вишну, и сиддхи;

И многие, многие будды; и демоны, и божества.

Люди, и отшельники, и те, кто служат, — все они поют ему хвалу.

Многие из них могут выразить это, и многие умирают, не успев завершить свое дело.

Он творил и будет творить бытие.

Никто не может предсказать Его деяний.

Что бы Он ни почувствовал, — так оно и сбывается.

Над этими словами стоит поразмыслить. Бога невозможно выразить полностью, потому что Он — не завершенное явление; Он еще происходит, и о Нем потому нельзя дать полного отчета.

Чтобы написать полную биографию человека, надо дождаться, пока он умрет. До тех пор его история не закончена, несколько глав еще остается. Как можно было бы написать биографию

Бога? Он никогда не умрет, даже не состарится. Он никогда не достигнет той точки, в которой можно было бы сказать: “ну, теперь все”.

Бог еще происходит. Он — постоянное событие, вечное проявление. Он — вечно распускающийся бутон, но лепестки цветка никогда не раскрываются настолько, чтобы мы могли сказать: “расцвел, наконец”. Он расцветал, расцветает и всегда будет только расцветать.

Его могущество неисчерпаемо, и поэтому все описания, все изображения Бога, которые мы создаем, — неполны. То же самое, когда мы шьем ребенку одежду, он вскоре вырастает из нее. Только когда ребенок перестает расти, портной может снять мерку раз и навсегда.

Бог всегда продолжает расти, поэтому вырастает из любой одежды, в которую мы стремимся Его облачить. Все скрижали оказываются незавершенными, старыми и отжившими; поэтому в мире появляются новые религии, и новые мудрецы приносят новые объяснения. Эти объяснения годятся в течение некоторого времени, а потом тоже становятся неадекватными, и их приходится заменять новыми. Новые мудрецы возносят хвалу Богу в соответствии с нуждами времени.

Каждая новая песня популярна лишь течение недолгого времени. Она уже неадекватна ситуации к тому моменту, когда мы заканчиваем петь, потому что Бог ушел уже далеко вперед.

Мы собираемся наложить последний мазок на Его портрет, но Он уже превратился во что-то еще. Все остается незавершенным.

Индусы — потрясающие люди. Только они создали изображения Бога, лишенные каких-либо черт. Во всех остальных местах в мире изображения имеют конкретные черты. А индуисты просто подбирают камень, мажут его киноварью, и — раз! — это уже изображение Ханумана, бога-обезьяны. Никаких специфических черт у него нет; это просто камень. Индусы говорят: какой смысл придавать ему какую бы то ни было форму? Пока мы будем это делать, Бог успеет измениться. Сойдет и камень, такой, как есть.

Изображение Шивы, Шивалинга, имеет форму яйца. Это вечный символ. Какую форму не принял бы Бог, на такой символ это не повлияет, в то время как остальные перестанут соответствовать.

Нанак говорит: Он создал к нынешнему времени уже столько всего, и продолжает создавать. Если бы Его развитие было завершено, мы могли бы что-то сказать, сделать какой-нибудь вывод; но Он продолжает разворачивать Себя. Он непредсказуем. Мы не можем утверждать, что произойдет дальше, ни в отношении Бога, ни в отношении мира. все сокрыто в неведомом.

Он творил и будет творить бытие.

Никто не может предсказать Его деяний.

Что бы Он ни почувствовал, — так оно и сбывается.

Одно Его желание — и нечто происходит! Христиане и иудеи верят, что Бог сказал “Будь!” — и возникла вселенная.

У нас, в силу ограниченности нашей энергии, есть дистанция между переживанием и действием. Если сегодня у вас возникнет желание построить дом, года через два дом будет построен. Так происходит, потому что наша энергия не бесконечна. Если бы у нас было больше энергии, может быть, удалось бы построить дом за год; еще побольше энергии — и нам хватило бы дня. Но если бы наша энергия была безгранична, как энергия Бога, тогда бы вовсе не было разрыва между желанием и его исполнением.

Таким образом, время существует для нас, но не для Бога. Время — явление человеческой жизни, обусловленное слабостью человека.

Если вы обратите свой взгляд в прошлое, вы увидите: чем слабее вы были, тем медленнее текло для вас время. Например, у вашей жены была температура 40 градусов. Вы сбегали к доктору и через пять минут примчались обратно с лекарством, а жена жалуется, что вы очень задержались. Когда у вас жар, время течет очень медленно.

Очевидно, что время тянется дольше, когда вы болеете. Это чувствует не только больной, но и те, кто сидит рядом с ним. Если вы сидите у постели умирающего, вам кажется, что ночь никогда не кончится. Когда вы здоровы и счастливы, кажется, что у времени выросли крылья; когда вам плохо, время как будто ползет. Все зависит от того, сколько у вас энергии.

Господь всемогущ. Для Него время не существует. Что бы Он ни подумал, ни почувствовал, ни пожелал, тут же воплощается. Нанак говорит: что бы Он ни почувствовал, тут же сбывается, нет и секундной паузы. Желание и исполнение одновременны. Его желание и есть действие. Нанак говорит: тот, кто знает это, сам есть истина. У этого утверждения два смысла.

Что бы Он ни почувствовал, — так оно и сбывается.

Всякий, кто знает это, сам становится истиной.

Первый смысл заключается в том, что тот, кто осознает всемогущество Бога — то, что его замысел и его исполнение суть одно, — сам становится истиной.

Второй смысл утверждения Нанака в том, что только Он сам Себя знает. Человек истины может знать только самого себя. Мы не способны познать Бога, потому что мы не знаем ни Его прошлого, ни Его будущего. И Он никогда не будет завершен: Он переходит от одного завершения к другому, а не от незавершенности к совершенству. Его завершенность переходит в иную, большую завершенность, в большее совершенство.

Первый смысл открывает нам человека истины как того, кто осознал всепроникающее могущество Бога. Во втором смысле, человек истины понимает, что он может познать только самого себя, потому что Бог не достиг еще полноты и не может быть изведен полностью.

Если кто-нибудь хвалится тем, что знает Его, —

он глупейший и глупых.

Составляя список всех дураков, на первое место нужно поставить человека, который заявляет, что познал Бога или может описать Его. Нанак говорит о Нем, потому что говорить о Нем

чудесно, при этом мы впадаем в состояние экстаза, говорить о Нем — медитация. Когда вы говорите о Его воле, ваше сердце расцветает, в нем рождается радость и проливаете я нектар.

Но если кто-нибудь считает, что возможно полностью описать Бога, он величайший дурак. Мудр тот, кто знает, что Его описать нельзя.

Нанак говорит о Нем, потому что само Его имя — источник блаженства. Он упоминает Бога по любому поводу, потому что от этого так радостно! Кажется, что ему больше не о чем говорить. Заявить эту тему — значит, постучать в Его дверь, а когда вы говорите о Нем, дверь открывается. Вы обращали внимание, как мать говорит о своем новорожденном ребенке? Когда и с кем бы она ни говорила: с соседями, с гостями, с продавцами в магазине, она говорит всегда только о нем.

Влюбленный постоянно говорит своей любимой о том, как он любит ее, что она — прекрасная, единственная, другой такой нет. Как ему повезло, что она есть у него! Любимая не может понять, почему же он говорит все время одно и то же. Любовь нарастает, становится сильнее от постоянного повторения. Как пчела жужжит, летая вокруг цветка, так и любовь обретает звук рядом с любимой.

В обычной жизни происходит все то же, что и в божественной любви, но в другом масштабе; однако результат одинаков в обоих случаях. Потому-то Нанак и говорит постоянно о Боге то же самое. Если вы никогда не любили, это покажется вам глупым и будет вас раздражать. Джапджи можно выразить в трех словах: Эк Омкар Сатнам. Что еще говорить? Но так приятно, так радостно говорить о Нем! Если в вас рождается это переживание, вы тоже почувствуете, как сладко, как нежно Его имя.

Ребенка научили читать молитву перед сном. Однажды вечером мать наблюдала за ним, чтобы проверить, молится ли он. Ребенок пробормотал несколько слов, улегся на подушку и натянул на себя одеяло.

— Что такое? — сказала мать. — И это вся молитва?

— Зачем тратить время на то, чтобы повторять каждый день одно и то же? — ответил малыш. — Поэтому я говорю Богу: “Все то же самое!” Я уверен, Он достаточно умный, чтобы понять.

Так нам советует рассудок: зачем повторяться? Но сердце желает повторения, снова и снова. Сердце не может понять этого “все то же самое”. И когда сердце повторяет, оно погружено в нектар Его имени. Чем больше сердце повторяет, чем больше мы теряем себя в экстазе. Это похоже на жужжание пчелы, но это можно понять, только если у вас уже есть то самое переживание.

В самом конце Нанак напоминает нам, что не надо потакать себе и хвастать тем, что мы-де знаем Его или можем описать Его свойства, предъявляя этим лишь доказательство своей глупости. Но если в постоянном пении Ему хвалы вы утратите свое “эго”, вы будете мудрейшим из мудрых. Если же, говоря о Нем, вы усиливаете свое “эго”, если вы думаете “Кто же еще может знать то, что знаю я?” — тогда вы точно величайший из дураков!

Глава 3. Птицы не учатся музыке

Где же та дверь? В каких чертогах Ты сидишь

и смотришь на Свое творение?

Бессчетные песни звучат, и бессчетные музыканты играют,

певцы поют на бесконечное множество ладов.

Ветер, вода и огонь поют Тебе славу,

и Бог смерти поет у Твоих дверей.

Читрагупта, Шива, Брахма и Дэви — все поют Тебе славу.

Индра на своем троне, и все божества,

Святые в медитации, и просветленные, достигшие самадхи,

Аскеты и целомудренные женщины, мирные поселяне и воины,

Пандиты, риши, и их Веды, что живут в веках,

Прекрасные райские девы, и рыбы, что обитают в глубинах,

Четырнадцать драгоценных камней, которые Ты сотворил,

и шестьдесят восемь святых мест,

герои и великие воины,

и все живое в четырех царствах, поддерживаемых Тобой,

Все континенты, все сферы, вся вселенная,

И те, милостью Твоей погруженные в Тебя,

Блаженные преданные,

все возносят Тебе хвалу!

И сколько их еще, мне неизвестно.

Он, только Он — истинный владыка. Он — Истина, Сатнам.

Он есть и пребудет всегда. Пусть все исчезнет,

его реальность никуда не денется.

Он создал Майю — бесконечное разнообразие

предметов, чувств и расположений.

Он создает все, и наблюдает за всем,

И Он придает всему величие.

Он делает то, что нравится Ему.

Никто не может помешать Его промыслу.

Нанак так говорит: Он — Царь Царей. Пребудьте в Его воле.

Есть такая суфийская история:

Однажды один царь разгневался на своего первого министра и повелел заточить его в высокую башню, из которой невозможно было сбежать; прыжок из окна означал бы неминуемую смерть. Но по пути в башню (царь об этом не узнал) министр успел шепнуть что-то на ушко своей жене. В первую же ночь она пришла и посадила на стену башни самого обыкновенного таракана. На усики она капнула ему чуть-чуть меда, и таракан пополз вверх, на запах, в поисках меда. Он был обвязан тонкой шелковинкой. Медленно-медленно таракан взобрался на три сотни футов над землей, где его уже поджидал первый министр. Он ухватился за шелковинку, потянул ее к себе, — а к кончику шелковинки жена министра привязала нитку, к нитке — шнурок, а к шнурку — крепкую веревку. Веревка, наконец, оказалась у министра в руках, и с ее помощью он смог спуститься.

В притче говорится, что министр не только сумел спастись из башни, но и нашел средство спастись из предельного плена жизни. Если в руки попадает тончайшая шелковинка, уже не составит никакого труда достичь освобождения. По самой слабенькой ниточке можно взобраться к прекрасному, но ниточка должна попасть вам в руки. Если вы увидели хотя бы луч света, вы можете придти к солнцу.

Все религии, все духовные учителя приходят к Богу, цепляясь за ту или другую ниточку. Ниточек много, и привязывать их можно не только к тараканам, но и к другим насекомым. Вовсе не обязательно смазывать им усики именно медом; сгодится что угодно, что заставит насекомое ползти к узнику. Ниточка становится мостом.

Ниточка, за которую ухватился Нанак, предельно ясная, но мы слепы и глухи, и не слышим его.

Если вы внимательно понаблюдаете за жизнью, вы поймете, что самое потрясающее, что в ней есть, — это песня. Птицы пели всегда; каждое утро они песней возвещают о восходе солнца. Ветер шелестит в листве, и в этом тоже музыка. Своя мелодия у водопада. Тучи сталкиваются с грохотом и громом. Особенный звук у реки, у волн, которые набегают на берег. Взгляните на жизнь и прислушайтесь. Отовсюду доносится симфония реальности.

Музыка — самое чистое и ясное из того, что есть во Вселенной. Лишь в смерти музыка затихает, потому что умолкает жизнь. Жизнь преисполнена звучания, но человек глух; поэтому, хотя нить не запутана и уже у нас в руках, мы не хватаемся за нее. Если жизнь столь исполнена песни, значит, поистине, за ней — рука Божья. Бог прячется где-то за песней. Если бы мы могли петь,

если бы мы позволили Его музыке увлечь, поглотить нас, тогда бы мы потянули за нить. Быть поглощенным музыкой — вот та нить, которая ведет к Нему. Позвольте себе это — и вы вскоре покинете тюрьму сансары, повседневного мира, и достигнете в Боге освобождения.

Нанак сделал пение своей садханой, своей йогой, своей практикой. Наверняка вы хотя бы раз почувствовали, как вас одолевает благое безумие и экстаз пения. Но люди боятся петь. Птицам нет дела до того, благозвучны ли их голоса, а люди этим весьма озабочены. Поют лишь немногие, те, у кого хороший голос; остальные поют только в ванной, где никто и не видит и не слышит. Пение освежает гораздо лучше, чем ванна, потому что в ванне смывается лишь поверхностная грязь, песня же проникает глубоко в душу. Тот, кто не способен напевать себе под нос, утратил свою связь с Богом; он все дальше и дальше отходит от существования, превращаясь в ходячий труп.

Кабир так сказал об Индии: “Это страна живых мертвецов, ибо песня жизни не звучит здесь. Никто не пляшет от радости, никто не поет от полноты сердца, и никто не забывает себя в песне”.

Неважно, сладок ли ваш голос, ведь песня — это не товар, который можно продать на рынке, а выражение благодарности и счастья. Песня становится прекрасной и осмысленной оттого, что вы охвачены ей, а не от качества вашего голоса. Вы можете так глубоко погрузиться в песню, что совсем исчезнете — певец исчезнет, и останется только песня. Это так просто, нет пути легче. Если птицы могут петь, деревья — шелестеть, а вода — журчать и булькать, неужели же вы настолько ни на что не годны, что не найдете себе места среди них? Неужели вы так бездарны, что не можете потягаться с водопадом, с деревьями и птицами?

Все дело в том, что вы перепуганы — с тех самых пор, как песнями стали торговать на рынке. Теперь песня — не естественное проявление жизни, а товар, и вас беспокоит, сколько на одну песню уйдет времени, и правильно ли поставлен ваш голос. Ни один ручей не учится музыке; журчать для него столь же естественно, как и течь. Музыка уже внутри ей не нужно учиться.

Все, что вам нужно — отвага и мужество немножко сойти с ума, и тогда песня сама хлынет из вас фонтаном. Птицы не учатся в музыкальной школе; их не тревожит, кто чего сказал; они не беспокоятся о том, сколько им заплатят за песню; они просто поют в радости и самозабвении. А вы что молчите?

С тех пор, как мы стали торговать песнями, случилось еще одно несчастье: мы перестали петь сами и стали слушателями. Мы стали пассивными: если кто-то поет, мы слушаем, если кто-то танцует — смотрим. Подумайте, какими бедными и несчастными мы стали, как мы обокрали сами себя. Придет время, когда кто-то будет счастлив, а мы будем всего лишь публикой. Чувствуете ли вы разницу между тем, чтобы смотреть на счастливого человека, и тем, чтобы самому быть счастливым? Представьте, что вы наблюдаете за тем, как кто-то занимается любовью, и при этом сами любовью не занимаетесь. Поняли, в чем разница? Разве можно узнать, что такое любовь, лишь наблюдая? Нет, вы узнаете любовь, только когда любите сами.

Если вы слушаете певца, неважно, насколько мелодичен голос, насколько талантлив певец, — вы не узнаете, что это значит — петь. Это — позаимствованное удовольствие. Вы сидите, как труп, и слушаете, и вы не едины с музыкой в это время. Вы должны активно войти в музыку. Узнать, что такое танец, можно только танцуя, а не наблюдая за тем, как танцует кто-то еще.

Наблюдение — это суррогат, это фальшиво, это ненастоящее.

Постепенно, незаметно человек предоставляет все другим. Немногие действительно исполняют, а остальные просто смотрят. Кто-то танцует — и остальные смотрят, кто-то поет — и множество собирается, чтобы слушать. Если вы не играете, не поете, не танцуете — зачем вы вообще живете?! Неужели жить — удел избранных профессионалов?

Ни зритель, ни исполнитель не получают ничего от того, что они делают, потому что внимание последнего сосредоточено только на том, что он делает деньги, и танец исходит не из души; это поверхностное умение, навык. Танцор уже не танцует на самом деле, потому что танец не проникает в него настолько, чтобы он потерял себя в танце. Его ум отделен от танца и сосредоточен исключительно на том, сколько ему за это заплатят.

Однажды император Акбар[18] сказал Тансену, своему придворному певцу, что хотел бы увидеть его учителя и услышать, как тот поет. Акбар сказал:

— Вчера вечером, после твоего ухода, меня посетила мысль: ты величайший из певцов, и никогда не было и не будет равного тебе. Ты достиг совершенства в музыке. Но я подумал: ведь наверное ты должен был у кого-то учиться, у тебя был гуру, и может быть, он превосходит тебя. И я хотел бы увидеть твоего учителя и услышать, как он поет.

— Это очень сложно, — ответил Тансен. — Ты прав, у меня есть гуру, и он еще жив, но ты не можешь пригласить его ко двору, потому что он не явится по твоей просьбе. Он поет, как поют птицы. Кукушка никогда не станет куковать, если ты будешь просить ее об этом. Чем больше ты будешь просить, тем дольше она будет молчать, потому что она начнет раздумывать, чего же ты просишь. Ты можешь услышать моего гуру только тогда, когда он сам решит петь. Если ты действительно так хочешь этого, мы можем поехать к нему, спрятаться за его хижинкой и подслушать. Если прямо подойти к нему, он может прекратить петь.

Гуру Тансена, факир по имени Харидас, жил в хижине на берегу реки Джамны. Каждое утро, часа в три, перед рассветом, он сидел на берегу и пел в экстазе. А пел он, как птица, — ни для кого, ни про кого.

Акбар и Тансен добрались до хижины в два часа утра. В три послышалось пение. Акбар слушал, как замороженный, из его глаз лились слезы. Когда они ехали обратно, он не произнес ни слова, ничего не сказал Тансену. Он как будто даже и не понимал, что Тансен едет с ним рядом. Лишь сходя с колесницы, Акбар обратился к Тансену:

— Я думал, что тебе нет равного, но сегодня я убедился, что твой учитель намного превосходит тебя. Почему это так?

Тансен ответил:

— Неужели нужно спрашивать? Я пою тебе, а мой учитель поет только Богу. Когда я пою, я смотрю на тот подарок, который получу от тебя за пение, потому что я так зарабатываю на жизнь. А мой учитель поет не для чего-нибудь, он ничего не ждет в награду. Наоборот, он поет, только когда уже получил что-то. Когда он настолько переполнен присутствием Бога, той благодатью, которую он получает свыше, волны экстаза захлестывают его сердце, переполняют

его благодатью Божьей — и он поет, он отдается этому потоку и изливается песней. Песня для него — отзвук Бога, а для меня — средство к существованию. Я смотрю на то, что хочу получить за свою песню, и поэтому я пою хуже, ты абсолютно прав. Как я могу стать рядом с моим гуру? Неважно, насколько хорошо я владею голосом или умею перебирать струны, — мох душа никогда не вливается в мою песню. Я — специалист, профессионал, а мой гуру — нет. Он поет, как поют птицы. Я рядом с ним — никто.

Где же та дверь? В каких чертогах Ты сидишь

и смотришь на Свое творение?

Бессчетные песни звучат, и бессчетные музыканты играют,

певцы поют на бесконечное множество ладов.

Ветер, вода и огонь поют Тебе славу,

и Бог смерти поет у Твоих дверей.

Читрагупта, Шива, Брахма и Дэви — все поют Тебе славу.

Индра на своем троне, и все божества и святые в их медитации,

и осуществившие себя, в своем самадхи, — поют тебе славу.

Нанак спрашивает: где же Его дверь? Где же Его жилище?

И Бог отвечает: бесконечное множество мелодий звучит, и бессчетные музыканты играют.

Нанак говорит: вот она, дверь, спрятана в звуке! Омкар — это Твоя дверь.

Если хотя бы часть песни достигает вас, и вы можете ее ухватить, с помощью этой тонюсенькой ниточки вы можете достичь двери Бога. Когда музыка, Омкар, начинает звучать внутри вас, когда вы теряете себя в звуках, тогда в каждый момент вы находите себя перед дверью Бога.

Нанак говорит: есть столько раг — мелодий, и у каждой — масса вариаций, так много звуков, и все они — двери к Богу! С утра до вечера, с вечера до утра играют бессчетные мелодии.

Распознавайте эти мелодии в жизни! Вся человеческая музыка берет начало в бытии.

Все музыкальные инструменты, все мелодии происходят из звуков природы — из щелбета птиц, из шума водопада, из вздохов ветра.

Попробуйте услышать музыку мира. Рано утром, когда просыпаетесь, отдайте ваше внимание звукам, которые окружают вас. Когда вы услышите эти мелодии, они будут сопровождать вас целый день, потому что они непрерывны; не они смолкают, а вы перестаете их слышать. Замрите в ночной тишине и прислушайтесь... Вы услышите умиротворенность; звучание покоя — совсем рядом с эго. Когда Омкар начинает звучать в вас, вначале вы не слышите ничего, кроме звучания умиротворенности; его эхо — как цикада в ночи. Вы можете слушать его целый день, где угодно — на рынке, в офисе, в магазине. Звучание — везде. Оно может быть тихим,

порой кажется, что оно совсем затерялось в базарном шуме, но и там оно присутствует во всей полноте. Едва вы услышите этот голос покоя в первый раз, вы будете узнавать его все чаще и чаще. Весь день продолжается праздник, и звучит музыка у Его двери.

Всякого, кто познал Бога, зовет Его Сат-Чит-Ананда — истина, осознание и блаженство. Когда радость переполняет человека, она изливается в песне. Радость и песня — как близки они между собой! От горя никто не поет, разве что в фильмах; печаль изливается слезами, не песней. Что бы вы ни делали, когда вы счастливы, — во всем будет песня; даже если вы плачете — от счастья — в слезах будет музыка, как звон колокольчика. Музыка зазвучит в вашем дыхании, в вашей походке, в том, как вы сидите или стоите; стук сердца будет ритмом вашей песни. Воистину, музыка — дверь в жилище Бога, ведь она открывает нам высшее блаженство.

В конце концов, музыка умолкает, ведь она — всего лишь дверь; когда вы входите, музыка прекращается. Настает миг, когда ваша музыка становится препятствием — она мешает войти. И звучит только музыка Бога. Внутри вас звучит бесчисленное множество мелодий, но нет вашей музыки; вы становитесь, как пустой дом.

Наши храмы построены так, чтобы создавать пространство для музыки, это заложено в саму их архитектуру. Храм всегда абсолютно пуст внутри. Это обозначает предельное состояние искателя. Это символ. Когда звучит Омкар, мы становимся абсолютно пустыми внутри. У двери в храм подвешивают колокол; всякий, кто приходит, сначала звонит в колокол, потому что нада, звук, предваряет входящего, служит ему дверью.

Это все символы. Никто не должен входить в храм через главную дверь, не позвонив при этом в колокол, потому что только через сам звук и возможно войти. Уникальность колокола состоит в том, что он продолжает звучать еще долго после того, как вы позвоните в него, так что резонанс, звучание еще продолжается, когда вы переступаете порог. Лишь в этом звуке — ключ, отпирающий врата храма.

И так же, посредством звука, вы вступаете в обителище Бога. Храм символизирует Дом Господень. Когда звук постоянен, нет нужды звонить в колокол, но этот символ помогает нам сформулировать метод. Когда возвращаетесь из храма, позвоните в колокол еще раз. И обратно возвращаться следует в этом звучании. Все службы в храме, все церемонии начинаются с колокольного звона.

Нанак говорит, что бесчисленные звуки доносятся, и бесчисленные музыканты играют. И он не наблюдатель здесь. Он описывает все это, как тот, кто стоит у дверей; потому слова его прямые и простые. Он говорит, как если бы это происходило прямо у него на глазах:

Где же та дверь? В каких чертогах Ты сидишь

и смотришь на Свое творение?

Бесчисленные песни звучат, и бесчисленные музыканты играют,

певцы поют на бесконечное множество ладов.

Ветер, вода и огонь поют Тебе славу,

и Бог смерти поет у Твоих дверей.

Читрагупта, Шива, Брахма и Дэви — все поют Тебе славу.

Поймите, что Дхармарадж, бог смерти — это апогей, зенит; он — бог добродетели и нравственности. Исследовать, что есть добро и что добром не является — в их тончайших проявлениях — вот задача Дхармараджа. Нанак говорит, что даже он сидит у Его двери и поет.

Нет и не может быть никого серьезней Дхармараджа. Даже само имя его — царь дхармы — подразумевает суровый и тяжелый характер, потому что он в мельчайших подробностях обдумывает, что правильно, а что неправильно, что следует делать, а что не следует. Нанак обнаруживает, что и это существо поет в экстазе.

Читрагупта занимается тем, что отмечает и составляет отчет обо всех прегрешениях и добрых делах людей. Как он может петь? Наши земные судьи в верховных судах — всего лишь слабые подобия Читрагупты, но вы только вспомните, как они держатся, как неподвижно сидят в своих черных мантиях и белоснежных париках, с какими суровыми лицами! Смеяться запрещено — смех оскорбляет суд, — а о том, чтобы петь, не может быть и речи. И так обстоит дело в обычных судах, а Читрагупта — величайший из судей!

Нанак говорит: я видел, как и Читрагупта пел у Твоих дверей. Похоже, что вся серьезность Читрагупты испарилась; двери Твои — двери празднества.

Поймите, не стоит сосредоточиваться на том, чтобы учитывать и подсчитывать добрые и злые дела, которые вы совершаете в жизни, потому что от торжественности этой жизнь становится холодной и тяжелой, как гроб. Суровый проигрывает. Не проигрывайте себя, не теряйте свою жизненность, не засыхайте. Не зажимайтесь в постоянном беспокойстве о том, хорошо или плохо то, что вы делаете, потому что такие бесчувственные, ничего не ощущающие, высохшие мумии не входят в Его двери. Унынием и подавленностью не заслужить позволения войти. Могут войти только те, кто пляшет и поет. Вот и получается так, что все ваши так называемые “святые” далеки от Него, потому что они такие мрачные.

Важность, степенность — свойства эго, не забывайте об этом. Какое может быть самоотречение у человека, который так чувствует собственную важность? Эгоист всегда высокомерен и самодоволен. В нем нет ни на грош простоты, детскости, безыскусности. Полное имя Нанак было Нанак Ниранкари. Само имя Ниранкари означает “лишенный эго”.

Мардана сидит подле Нанак, и всегда готов аккомпанировать ему. Задайте Нанаку самый серьезный вопрос, а он ответит вам песней. Любую торжественность он встречает жизнерадостностью. Задайте глубокий, вдумчивый вопрос — его ответ будет исполнен радости и ликования. Делайте что хотите, в ответ Нанак будет петь, а Мардана — играть на своем инструменте. Нанак делал это специально, потому что он хотел, чтобы мы вспомнили, что у двери Его звучит музыка.

Ликование — состояние любого истинно религиозного человека; в то время как состояние человека, которого обычно считают религиозным, представляет собой нечто совершенно противоположное: высокомерие сковывает его, в его взгляде критицизм и насмешка. Это постоянное размышление о добре и зле доводит его до столь плачевного состояния. Вот так они

и убивают сами себя. Когда же им петь? Они же всегда озабочены, съесть им это или не съесть, в это время встать или вот в это, так одеться или иначе, или вообще не одеваться?... Скука и бесчувственность правил и установлений сжирают все их время.

Ликование имеет свои установления, это правда, но они не налагаются извне, они произрастают изнутри, это — внутренняя дисциплина. У торжественности свои правила, наложенные извне: что бы там ни происходило у тебя в душе, твое лицо должно хранить торжественное выражение! Тело становится безжизненным. Это описание не религиозного человека, а насмерть перепуганного. Он живет в таком страхе, что боится даже смеяться: а вдруг смех введет его в какой-нибудь грех? Вот так смех и стал греховным, а осунувшееся, угрюмое лицо стало символом добродетели.

Правило жизни Нанак — песня и празднество. Следуя этой сутре празднования и радости, искатель может достичь врат Бога.

Святые в медитации, и просветленные, достигшие самадхи,

Аскеты и целомудренные женщины, мирные поселяне и воины,

Пандиты, риши, и их Веды, что живут в веках,

Прекрасные райские девы, и рыбы, что обитают в глубинах,

Четырнадцать драгоценных камней, которые Ты сотворил,

и шестьдесят восемь святых мест,

герои и великие воины,

и все живое в четырех царствах, поддерживаемых Тобой,

Все континенты, все сферы, вся вселенная,

И те, милостью Твоей погруженные в Тебя,

Блаженные преданные,

все возносят Тебе хвалу!

И сколько их еще, мне неведомо.

Нанак никогда не устает повторять, что Его песня звучит во всем мироздании, со всех сторон. Существование — это праздник. Бог смеется; он не плачет, он не любит заплаканные лица. Печаль и уныние не принадлежат жизни. На самом деле, скорбеть и печалиться, — значит, быть оторванным от существования, отвернуться от Бога.

Если в жизни вас одолевают грусть и тоска, значит, вы сделали что-то неправильно; когда вы страдаете, знайте — это знак того, что вы заблудились. Страдание — всего лишь указатель направления, не превращайте его в стиль своей жизни; не становитесь мазохистом, многие уже

стали жертвами этого расстройтва.

Эта болезнь названа по имени писателя Захер-Мазоха. Он описывал, как человека секут, как его колот шипами до крови, как в подошвы его ботинок вбивают гвозди, которые ранят его при каждом шаге. Таких мазохистов везде полно. Вы найдете их лежащими на ложах из гвоздей в Каши. Это больные люди, они испытывают наслаждение, подвергая сами себя пыткам. Вы найдете мазохистов постыющимися, гниющими заживо, разлагающимися в разных храмах и скитах — а простые люди поклоняются им!

А почему? Потому что существует еще болезнь, дополняющая первую. — это садизм. Садист наслаждается, когда пытает и мучает других. Садист и мазохист не могут друг без друга; один обожает смотреть, как другой мучается, а тот больше всего любит, когда ему причиняют боль. Имейте в виду: каждый раз, когда вы относитесь с почтением к человеку, который сам причиняет себе страдания, мучается и переживает, — с вами случается приступ садизма. Так как эти заболевания дополняют друг друга, садисты всегда выют вокруг мазохистов, как мухи. Они говорят: “Как это чудесно, что вы лежите на ложе из гвоздей. Что за самопожертвование!” От этой лести эго мазохистов раздувается, и они начинают мучить себя еще более рьяно.

Не забывайте: поддерживать человека в его страдании, в его беде — грешно, это то же самое, что умышленно причинять ему вред. Помощь — весьма изощренное орудие пытки. Если б я хотел проткнуть вас кинжалом, это был бы грех. Но если вы сами воткнете кинжал себе в грудь, а я скажу: “Как замечательно! Что за самопожертвование! Вы- мученик!”, — это не меньший грех; я становлюсь соучастником преступления. Тот, кто лежит на ложе из гвоздей, грешит, но те, кто приносит к его ногам цветы и монеты, согрешают вместе с ним. Они воодушевляют его, называя святым. Вот — два вида больных людей; разум и тех, и других — извращен. Остерегайтесь их.

Здоровый человек не создает трудностей ни себе, ни окружающим. По мере того, как человек становится все более здоровым, он становится все жизнерадостнее, и делится своей радостью с другими. Он уважает радость. Если вы увидите человека, который танцует и поет от радости, положите цветы к его ногам. Но вы же так никогда не делали, иначе все храмы и ашрамы мира были бы иными: в них был бы вечный праздник. Но, к сожалению, храмы и монастыри переполнены больными людьми, настоящими сумасшедшими, которым место в психиатрической больнице. И это вы свели их с ума. Вы их почитали, вы их воодушевляли, ободряли, поддерживали. Воздали вы когда-нибудь честь жизнерадостному человеку?

Только вчера одна саньяси поведала мне о том, что с нею происходит нечто странное. Когда она погружается в медитацию, радость охватывает ее. Но при этом она чувствует, будто происходит что-то неправильное, грешное, как если бы она сбилась с пути. Нам суждено переживать это, когда приходит блаженство, — потому что нас с детства приучили страдать, а не быть счастливыми. Если ребенок сидит в углу и скучает, родители говорят ему: “Хороший мальчик”. Но если он прыгает и пляшет от радости, все домашние говорят: “Тише! Нельзя так шуметь!” Всякий раз, когда ребенок кричит от радости, кто-нибудь упрекает его. Его заставляют чувствовать, что всякий раз, когда он чувствует себя счастливым, это означает, что он сделал что-то не так, но все в порядке, когда он уныл и подавлен. Постепенно убеждение, что радоваться — плохо, а унывать — хорошо, проникает в подсознание.

Когда человек достигает определенного прогресса в медитации, начинается обратный процесс,

— человек движется к счастью и песне. Чем ближе он к дверям Бога, тем более слышимой становится праздничная музыка. Когда начинается внутреннее празднество, подавленные желания, мнение внешнего мира и чувство вины поднимают головы и загораживают путь. Чувство, что необходимо подавлять счастье, находит тысячу и один способ испортить вам удовольствие.

Приходит ко мне один мой друг и говорит, что он продвигается в своей медитации, вот только одно не дает ему покоя: когда весь мир ввергнут в пучину страдания и скорби, не будет ли чистым эгоизмом искать счастья для себя?

Так он придумал рациональное средство выражения своего глубокого страха перед радостью. Шесть месяцев тому назад он пришел ко мне, жалуясь на то, что он-де такой несчастный... Тогда он и не задумывался о Боге. Все, что ему хотелось — это стать счастливым. И вот теперь, когда он приближается к радости, когда приоткрылась дверь и послышалась музыка, его охватил ужас! Он тут же отключил мозги. Он сказал: “Я прекратил медитировать. Это слишком эгоистично”. Я сказал ему: “Что ж, будь печальным и несчастным, сколько твоей душе угодно. Этим ты послужишь другим людям великую службу. Плачь, рыдай, бей себя в грудь, истязай свою плоть, убей себя — и ты спасешь мир!”

Как же ваше страдание может спасти мир? От того, что вам плохо, другим станет только хуже; общее количество страдания в мире увеличится. Если вы счастливы, страдания в мире становятся меньше. Радость и счастье одного отдельного человека создают потоки, достаточно сильные для того, чтобы сделать счастливыми всех окружающих.

Если хотя бы в одном доме есть светильник, это помогает всем соседям понять, что их дома погружены во тьму. Когда горит хотя бы один светильник, совсем не трудно зажечь от него все остальные. Один светильник может зажечь все светильники мира.

Но ум научен только страдать. Мир поделен между двумя породами несчастных людей: теми, кто хочет, чтобы их подвергали мучениям, и теми, кто всегда ищет, кого бы притеснять, угнетать и пытаться. Никто из них не религиозен, потому что никто из них не может и надеяться услышать внутреннюю музыку. Это две стороны монеты скорби, а скорбь не имеет отношения к Богу.

Страдания и несчастье — это раскол, разрыв между вами и миром. Когда вы болеете — значит, нарушилась ваша связь с природой. Когда вы страдаете — значит, нарушена ваша связь с Богом. Когда тело перечит своей природе, возникает болезнь; когда тело плывет по течению природы, тем самым возникает здоровье и благополучие. Когда ум уходит от Бога, возникает страдание. Когда же душа следует по пятам за Богом, когда она отдается вселенскому потоку, — она блаженна.

Нанак говорит: у Его двери играет музыка. Нет, музыка и есть Его дверь. Празднество — путь Его достижения, его йога.

Все существование полно песни. Вы глухи, вот в чем все дело. Вы не видите и не слышите. Это послание написано в каждой цветке, на каждом листочке. Он наполнил вселенную таким множеством оттенков, и это Его музыка звучит в радуге бесчисленных цветов. Все творение ликует на этом празднике.

Те, кто Твоей милостью погружены в Тебя,

Блаженные преданные,

все они возносят Тебе хвалу!

И сколько их еще, мне неведомо.

Он, только Он — истинный владыка. Он — Истина, Сатнам.

Он есть и пребудет всегда. Пусть все исчезнет,

его реальность никуда не денется.

Он создал Майю...

Нанак умело выдернул жало у слова “майя”. Он стер тот налет презрительности, который с ним ассоциируется. Нанак раскрыл тайну, с которой не справился даже Шанкара. Шанкара был мыслитель, рационалист, основатель целой философской школы Единственной целью его было — логично и рационально объяснить всю Вселенную. Но майя и Брахма вызвали у него большие затруднения.

С одной стороны, Шанкара знал, что майя — это миф; ее нет, потому что майя — это то, что не существует. Майя — то, что видимо глазу, но не обладает реальностью существования; то, что невидимо, но существует, есть Брахма. Майя непостоянна, вечно изменчива, как калейдоскоп или сновидение. Брахма — неизменная, вечно сущая истина, создатель.

Шанкара представляет недуалистическое течение в философии Веданты — Адвайта-Веданту. Эта философия ставит вопрос: как возникает майя? Если она абсолютно нереальна и не существует, какие могут быть проблемы? Если это так, то глупо задавать человеку вопрос: почему ты вовлечен в иллюзии, в майю? Как можно запутаться в том, чего нет? Тогда абсурдно наставлять людей избегать сетей майи — их же нет!

Откуда же берется майя? Если Брахма порождает ее, то как то, что происходит из истины, может оказаться ложью? То, что порождается истиной, может быть только истиной и ничем другим. Или, если майя есть ложь, то и порождающий ее Брахма есть ложь. Оба они должны быть одной природы: либо оба реальны, либо оба нереальны. Шанкара не смог решить эту проблему.

Но Нанак может ее решить. То, с чем не справляются философы, легко разгадывают те, кто любит Бога. Для Нанака майя — это вечное празднество цветов, красок и музыки у дверей Бога. В цветах и деревьях, в птицах и пчелах воплощается Его блаженство. Он проявляет Себя в столь разных формах! Он расцветает в каждом цветке и ликует в каждой форме, которую принимает. Все это — расширение Его энергии, превосходящей все. Так что майя и Брахма, создание и создатель, не противоположны друг другу. Все творение есть песня и танец Брахмы, создателя.

Представление Шанкары о Брахме сухо и бесстрастно, потому что он полностью устранил майю. Брахма у него — математическая концепция, лишённая музыки и цвета, радостей и печалей. Как могли бы вы полюбить Брахму Шанкары? Это все равно, что заниматься любовью с теоремой.

Дважды два четыре, и это истина, но кем надо быть, чтобы влюбиться в эти числа? Все математическое бесчувственно и сухо.

Для Нанака Брахма — совсем иной. Не построение математика, но образ поэта, любящего прекрасное. Нанак — поэт, а не философ. То, с чем не справляется философ, может решить поэт. Философ пойман в ловушку собственной логики, а поэт и не задумывается об этом. Он может позволить себе быть нелогичным. Его воображение может соотнести несоотносимое. Все конфликты и противоречия приводятся к гармонии его самоотверженной любовью.

Помните, для Нанака майя — празднество Бога. Поэтому Нанак никогда не советовал своим последователям покинуть мир. Как же возможно покинуть его, да и зачем избегать чего бы то ни было, что принадлежит Богу? Он бы сказал своим ученикам: “Оставайтесь в мире, и ищите Его там, потому что и мир тоже принадлежит Ему. Ищите свой путь из этой сансары, материального мира, который есть часть колеса рождений и смертей. Не бойтесь майи, ведь это — Его игра”.

Но вот что важно и обязательно: не теряйте себя в этой игре. Всегда помните о том, кто играет — это называется “вспоминание”. Не теряйте себя в танце. Помните о Том, Кто направляет танец. Смотрите на деревья, слушайте птиц, но не теряйтесь в них настолько, чтобы забыть о Том, Кто стоит за всем этим! Майя — способ проявления Брахмы. Ищите в проявленном непроявленное, в видимом — невидимое.

Все возносят Тебе хвалу!

И сколько их еще, мне неведомо.

Он, только Он — истинный владыка. Он — Истина, Сатнам.

Он есть и пребудет всегда. Пусть все исчезнет,

его реальность никуда не денется.

Он создал Майю — бесконечное разнообразие

предметов, чувств и расположений.

Он создает все, и наблюдает за всем,

И Он придает всему величие.

Что за потрясающую вещь сказал Нанак! Он говорит, что Бог создал все творение и смотрит на него, как художник на свою картину — сначала рассмотрит ее с близкого расстояния, потом отступит, посмотрит чуть справа, чуть слева... Потом отойдет подальше или поднесет картину к окну, чтобы посмотреть, как она выглядит в тени и при свете. Бог, как скульптор, находит тысячу способов взглянуть на свое произведение.

Он создает все, и наблюдает за всем,

И Он придает всему величие.

Так Бог придает величие и значимость всему, что бы Он ни сотворил, бог не против сансары, иначе зачем бы Он создал ее? Он не враг майе, иначе что бы Он так возился с ней? Поэтому те трудности, с которыми не справляется логик, просто не существуют для того, кто любит Бога. Нанак говорит, что Бог не просто творит мир, Он смотрит и восхищается Своим творением, тем самым придавая ему значимость и воздавая честь.

Помните, Бог создал и вас — создал, оглядел со всех сторон, и разглядывает до сих пор, как частицу дела рук Своих, тем самым облакая вас достоинством; и все греховное само собой поблекнет и исчезнет из вашей жизни. Если вы не забудете об этом, вы дальше пойдете по жизни как творение Бога. И говоря, и слушая, вы будете полностью осознавать то, что вы — Его творение. Что бы вы ни делали, вы будете помнить, что вы принадлежите Ему, и что Он все время за вами присматривает.

Он постоянно смотрит на вас. Он утешает вас и заботится о вас. Вновь и вновь Он бросает на вас любящий взгляд. И Он никогда не устает. Он доволен вами, ведь Он сам и сотворил вас. Вы не расстроили и не разочаровали Его тем, как вы живете, иначе Он бы с легкостью уничтожил вас. Неважно, насколько плохими и грешными вы стали, в Его сердце не угасает надежда. Неважно, как далеко вы ушли от Него, как давно отвернулись от Него и позабыли Его, Он не отводит от вас любящего взора. Потому что Он знает — не сегодня, так завтра вы обязательно вернетесь к нему. Блудный сын должен вернуться в отчий дом обязательно, потому что чем дальше вы уходите от Него, тем несчастнее вы становитесь, совсем как тот мальш, который убежал из дома.

Маленький мальчик, едва ли четырех лет, убежал из дома. Завязал в узелок немного вещей и отправился в путь. Его увидел полицейский; мальчик ходил туда-сюда по обочине дороги. Полицейский подумал, не нужна ли ему помощь, подошел и спросил:

— Тебе куда? Откуда ты пришел?

— Я убежал из дома, а мама не разрешает мне дорогу переходить. Вот я и не знаю, что мне делать — перейти-то я не могу.

Далеко ли убежит ребенок? Даже если он и убежит куда-нибудь, обязательно найдется предел, который мама запрещает переступать, а как же он может не послушаться?

Далеко ли вы можете уйти от Бога? Даже если вы рассердились на Него по той или иной причине и решили убежать, вы будете ходить от дома до перекрестка и обратно. Далеко ли вы уйдете, и куда вообще можно уйти? Все дороги лежат в Его пределах. Где бы вы ни были, вы — в Нем. Ваш гнев — гнев маленького ребенка; не что иное, как часть любви. Бог никогда не бывает недоволен тем, что вы недовольны.

Нанак говорит: Он наделяет вас значимостью и славой. Он смотрит на то, что создал, и радуется этому.

Он делает то, что нравится Ему. Никто не может помешать Его промыслу.

Нанак так говорит: Он — Царь Царей. Пребудьте в Его воле.

Человеку следует оставаться в том порядке, который установил для мира Господь, и пребывать в Его воле. Если вы отступите от тех правил, которые Он дал вам, Он не обидится и не будет вами недоволен, вы только зря пострадаете. Это страдание не наказание Господне, а естественное последствие противоречия Его воле.

Если вы будете пытаться пройти сквозь стену, вместо того, чтобы воспользоваться дверью, и разобьете себе голову, невозможно считать, что именно стена в этом виновата. Это вы сами выбрали такой путь.

Дверь — это Его воля. Если для вас есть дверь, зачем же ломиться сквозь стену? Так можно только разбить себе голову. Запомните, это не Бог разбивает вам голову, а вы самостоятельно страдаете от собственной глупости. Реальность только сочувствует вам в этой ситуации, и раз за разом залечивает ваши раны. Неважно, сколько вы скитаетесь, сколько вреда при этом себе причиняете, реальность исправляет все снова и снова, и так до бесконечности. В бесконечной череде рождений вы разбивали себе голову о стену, и до сих пор вы целы и невредимы! Душу невозможно разбить. Единственно, вы претерпели бессмысленное страдание — по собственной вине.

Потому, говорит Нанак, человеку следует оставаться в том порядке, который установил для мира Господь, и пребывать в Его воле.

Как же человеку узнать, что велит Господь? Как быть уверенным в том, что это — Его порядок? Даже величайшие мыслители не нашли на этот вопрос ответа. Человек и рад бы пребывать в Господней воле, но в чем она? Как вы можете быть уверены в том, что в этой какофонии голосов тот, что вы слышите, принадлежит Богу, а не вам самим, или кому-то еще?

Есть способ распознать Его волю, но мысли тут ни при чем. Этот способ открывается вам, когда вы тонете в Его музыке, и ваше эго растворяется по мере того, как вы все глубже уходите в медитацию и в самадхи. Его голос тут же становится слышен. Обычно ваше эго так бурлит и шумит, что невозможно расслышать за всем этим голос Бога. Когда эго исчезнет, и затихнет шум мыслей, вы сможете услышать Его. Он всегда зовет вас; его голос в вашей душе никогда не стихал.

У человека есть внутреннее “я”. Обычные вещи вы видите глазами и слышите ушами; вот так же и душа есть орган восприятия Бога. Глаза улавливают световые лучи; но как именно, ученые до сих пор точно не знают. Как глаз воспринимает свет, отраженный от внешних объектов, и воспроизводит их образы в мозге, до сих пор остается загадкой. Рука касается руки, но как разум узнает, грубая рука или гладкая, нежная или бархатистая? Мы касаемся кончиками пальцев, но как мозг получает правильную информацию, причем в тот же самый миг?

Так же, как существуют пять органов чувств, соединяющих нас с внешним миром, существует и орган для шестого чувства, антах-карана, или “внутренний голос” Это не совесть, не ощущение того, что хорошо, а что дурно, к которому вас приучили с детства. Это не тот голос, который ругает вас за то, что вы не то сделали или не то подумали. Это бессловесный голос понимания — осознания — глубоко в вашем сердце. Это знание, хранящееся в глубине. Он настроено на Бога, на мировой порядок. Это ощущение того, что правильно Но этот голос говорит с вами, вы слышите его только тогда, когда все остальные голоса внутри вас успокоены.

Но вас заботят совсем другие вещи. Мысли толкуются у вас в голове, как стадо, и заглушают этот голос. Когда же внутри воцаряется абсолютная тишина, вы внезапно открываете для себя существование этого внутреннего голоса и понимаете, что он всегда там был.

Нанак говорит: Пребудьте в Его воле. Но сперва вам нужно обнаружить Его волю; это не трудно. Вы не можете умом решить, что правильно, а что — нет. Прекратите думать, устраните все мысли, и вы услышите, что правильно. И тогда больше нет никакой тревоги, никакой ответственности за принятое решение. Все есть Его воля. Вы исполняете Его просьбу.

“Воля Бога” — это путь Нанака. Поэтому он называет высшее направление жизни божественным порядком. И у вас есть средство, чтобы связаться с Богом. Оно врожденное, но вы никогда им не пользовались. Медитация приведет вас к антах-карана, а внутренний голос соединит вас с Богом. Внутренний голос — это тот провод, тот шнур, который привязывает вас к Богу, и в каждый момент говорит вам, что следует делать, а что нет.

Нанак говорит: когда вы начнете слышать голос осознания, оставайтесь там, где он достигает вас. Тогда никакая скорбь вас не коснется и жизнь станет сплошным ливнем радости и празднования.

Кабир описал этот миг: “Когда рождается блаженство, гром гремит и небеса проливаются нектаром”. Как только вы установите связь с собственным сердцем, с внутренним голосом, вы непосредственно соединитесь с Богом. Этот контакт Бог поддерживает всегда, только вашего участия в нем не хватает. Быть тихим, пребывать в молчании — в пом и состоит искусство установления контакта с Богом. Молчание — единственный путь.

Глава 4. Поза — только каркас

О, йог, прими же позу удовлетворения и скромности.

Возьми суму дорожную величия и славы,

Воспользуйся священным пеплом медитации.

Пусть будет смерть тебе подушкой; тело свое сделай целомудренной девой.

Послужит пусть тебе твой опыт для освобожденья,

А первым принципом своим считай единство всех вещей.

Свой разум покорить — значит завоевать весь мир.

И если должно поклониться, кланяйся Ему.

Он — первый среди сущих, Он чист, Он без начета, без конца.

Он — звук без источника.

Сквозь времена Он неизменен.

Пусть будет наслаждением твоим знание, а кладовой — сострадание.

Во всем живом ты посели ракушку с вечной музыкой.

Лишь Он один — владыка, в ком все сущее сплелось,

А поиски потусторонних сил есть путь неверный.

Над всем главенствует закон единства и разъединенья,

Судьба предпишет нам наследство справедливо.

И если должно поклониться, кланяйся Ему.

Он — первый среди сущих, он чист, он без начала, без конца.

Он — звук несотворенный.

Сквозь времена Он неизменен.

Постарайтесь понять глубинный смысл каждого слова из этих прекрасных строк:

О, йог, прими же позу удовлетворения и скромности.

Возьми суму дорожную величия и славы,

Воспользуйся священным пеплом медитации.

Разум человеческий совершает вновь и вновь несколько присущих ему от рождения ошибок; так было всегда, и так будет всегда. В любой из религий в поисках Бога человеку предстоит испробовать не один способ, пройти не одну дорогу, многое испытать.

Первоосновы любой религии сопровождаются вспомогательными символами и указателями. Но постепенно основы эти отступают в нашем сознании все дальше и дальше, пока религия не становится просто традицией, а символы — безжизненными. Они теряют свою действенность, а с нею и смысл. И волокут люди религию за собой, словно бездыханное тело, с мертвыми символами. Религия превращается в долг, который нужно выполнять, словно некую общественную повинность.

Предположим, я посвящу вас в саньясины, и вы облачитесь в оранжевые одежды. Уже через несколько дней пропадет значение этих оранжевых одежд. И по мере том, как вы будете отдаляться от меня, одежды ваши будут все более превращаться в простой внешний символ. Выкрасить свое одеяние в оранжевый цвет — еще не значит изменить свою душу. Оранжевые одежды — лишь напоминание о том, что теперь пришло время окрасить и душу.

Кто-то, опасаясь забыть о чем-либо в течение дня, может, например, завязать узелок на носовом платке, и узелок послужит ему напоминанием. Сам по себе узел для этого человека не имеет никакого значения. Однако, будучи очень занят весь день, он будет вспоминать о том, что ему нужно что-то купить, каждый раз, когда платок попадетс я ему в руку. Теперь представим, что

его сын заметил, что отец часто выходит из дому, повязав на платке узелок. Сын озадачен — наверняка это что-то значит! И вот, уже сам собираясь на рынок, он завязывает узел на своем платке — но он не имеет и малейшего понятия о том, что значит этот узел. Завязанный узел уже не имеет никакого отношения к напоминанию, а становится бесполезной привычкой: сын видел, что делает его отец, и просто повторяет за ним. Так это может превратиться в традицию на долгие года.

По прошествии времен, завязывание узла перед выходом из дому может стать священным обычаем. Кто будет соблюдать его — про тех скажут: “Они чтут предков своих”, тех же, кто не будет, назовут бунтарями, неверующими. Но ни тот, кто завязывает унты, ни тот, кто не делает этого, не смогут объяснить, для чего нужны эти узлы.

Подобная путаница естественным образом возникает во всех религиях. Разум ухватывает мелкие, поверхностные вещи, глубокие же и сложные забывает. Разум не обладает глубиной — поэтому и не может постичь то, что покоится в глубине.

Я вручаю вам оранжевое платье, но лишь затем, чтобы вы не забывали ни на секунду о том, что стали саньясином. Впредь вы должны сидеть, стоять, ходить и разговаривать, как надлежит саньясину. В миру поступки ваши должны быть поступками не раба, но господина — поэтому зову я вас свами. Пришло время доказать, что вы свободный человек, а не пленник. Согласен, это не может случиться в одночасье, но вам необходимо с чего-то начать. Эта одежда для вас — как узел. Польза ее в том, что она поможет с самого начала не выпускать из памяти то, что вы — саньясин.

Эти слова Нанак обращал к подвижникам, принадлежащим к течению Натх-Сампрадая[19], имевшим в те времена большое влияние. Его ашрамы встречались по всей стране. Основатель этой школы, Горакхнатх, был могущественным вождем, но после смерти его учение попало в руки простых людей и обесценилось, став поверхностными и бесполезными Садху этого направления прокалывают себе уши, что успешно заменяет им узлы на платке.

На протяжении веков в Китае существовала такая наука, как акупунктура; в наши дни она получает признание и на Западе. Эта наука основывается на знании семисот точек на теле человека, через которые течет жизненная энергия. На мочках ушей находятся очень важные акупунктурные точки, тесно связанные с памятью. Прокалывание ушей дает энергии, проходящей через них, основательную встряску. Прокалывание ушей служило широко известным средством против определенных душевных недугов. В Китае это было единственным лечением при психических заболеваниях.

На основании своих богатых познаний в области энергетических потоков садху этого течения и прокалывали себе уши; некоторые из них даже делали на мочках надрезы вместо того, чтобы прокалывать их. Энергия легче попадает в мозг, когда устранено какое-либо промежуточное препятствие. Это служило действенным способом пробудить память.

Проведите эксперимент: если вы грустите или волнуетесь, если вы подавлены или раздражены, сожмите мочки ушей и сильно потрите их; прокалывать уши не обязательно. Вы почувствуете изменения в своем душевном состоянии. Не стоит, однако, думать что простой надрез или прокол мочек приведет духовного искателя к просветлению.

В индийских деревнях существует древний обычай, возникший в те времена, когда детская смертность была очень высока. Но и в наши дни в глухой деревне может встретиться человек по имени Канчеди-лал — “тот, чьи уши проколоты”, или Наттху-лал — “тот, у кого проколот нос”.

Традиция прокалывать уши или нос и соответствующим образом называть детей вошла в моду не сразу, а лишь когда люди поняли, что ребенок получал большие шансы на выживание, если ухо или нос были проколоты. Этот способ профилактики развивался в течение тысяч лет и является результатом коренного изменения жизненной энергии в точке прокалывания.

Эксперименты с керлиановскими фотографиями в России позволили сделать важные выводы. Все процессы, касающиеся здоровья, болезни, рождения и смерти человека, связаны с внутренними потоками электрической энергии. В некоторых точках направление этого энергетического потока можно изменить, а сам поток трансформировать. Его можно заставить течь в любом нужном направлении, а некоторые направления можно для него, наоборот, закрыть.

На этом и основано искусство акупунктуры. Иглы ставят в определенные точки тела пациента. Острые иглы изменяют течение энергии, меняют ход болезни и выполняют роль лекарства. В Китае такой вид терапии использовался на протяжении тысяч лет, а теперь существование этих точек на теле подтверждено научно. В России этот метод нашел применение и в больницах. Там был разработан прибор, подобный рентгеновскому аппарату, который способен выявлять проблемные места на теле, фиксируя изменения электротоков. При обнаружении такого места прибор производит в этой точке электроразряд, который восстанавливает энергетический поток, и болезнь отступает.

Йоги Натх-Сампрадаи изобрели свой собственный замечательный энергошоковый метод. Возникло много подобных методов. Евреи и мусульмане, например, следуют своему обычаю обрезания, который также является эффективным методом. У евреев принято обрезать младенцев мужского пола на восьмой день жизни.

Преимущества этого метода пытались определить научным путем. Известно, что нет более интеллектуальной, более выдающейся этнической группы, чем евреи. Несмотря на малочисленность, ее представителям было присуждено наибольшее количество Нобелевских премий. Они добиваются большого успеха на любом поприще, становятся лидерами во всем, чем бы не занимались. Многие из тех, кто обладал большим влиянием и силой в нашем веке, были евреями — например, Карл Маркс, Зигмунд Фрейд, Альберт Эйнштейн. Собственно говоря, именно они и являются творцами нашего века. Среди великих мыслителей и ученых вряд ли найдется кто-то такого же калибра. Поэтому сейчас ученые пытаются установить, имеет ли произведенное в младенчестве обрезание какую-либо взаимосвязь с одаренностью еврейской нации.

Среди мусульман, которые также обрезают детей, не наблюдается такой степени одаренности. Причиной этому может служить то, что они совершают обрезание в более позднем возрасте. Евреи полагают, что первый шок, который переживает ребенок, должен быть направлен на половой орган — туда, где сконцентрирована жизненная энергия. При обрезании крайней плоти жизненная энергия получает мощный импульс, который направляет ее вверх, прямо к голове. Это воздействие на голову накладывает отпечаток на всю последующую жизнь. Оно изменяет

течение жизни.

Кирлиановские фотографии подтверждают то, о чем в акупунктуре было известно издавна. Половые органы — наиболее чувствительная часть человеческого тела. Отрезание кожи является сильным шоком для младенца и увеличивает приток жизненной энергии к голове. Это открывает множество возможностей.

При обнаружении таких закономерностей ими начинают пользоваться. Однако постепенно, с ходом времени, они утрачивают свой смысл. Люди продолжают делать все это, но лишь в порядке соблюдения традиции, совершенно не осознавая ее значения.

Горакхнатх открыл многое. Он был уникальным исследователем. Люди чувствовали величие его гения, и миллионы становились его последователями, потому что результаты были наглядны и очевидны. Во времена же Нанак учения Горакхнатха стали смутными и неясными; люди следовали им неосознанно, как следуют ритуалу. И вот Нанак призывает йога принять позу удовлетворенности и забвения. Он говорит так, потому что Горакхнатх разработал множество поз — асан — оказавшихся очень действенными.

Кроме этого, вам наверняка известно, что определенные позы и положения тела взаимосвязаны с вашим душевным состоянием. Ведь выражение вашего лица и положение рук и ног в минуту спокойствия и умиротворенности совершенно отличаются от тех, которыми сопровождается ваш гнев. Когда вас наполняет сострадание, оно отражается и в той позе, которую вы принимаете; даже руки ваши наполнены состраданием, презрением к страху и готовностью жертвовать. Сострадая, руки способны только отдавать. И когда вас наполняет доброта, вы не сжимаете кулаки, словно готовясь к драке; это было бы неуместно. Сжатый кулак всегда направлен на разрушение; он говорит о пустом и скупом сердце. А в момент сострадания кулак разжимается сам собой — ведь вы готовы отдать все.

Между разумом, настроением и положением тела существует глубинная связь. Горакхнатх изобрел много поз, применяя которые можно изменить расположение своего духа. Например, приняв позу гнева, — со сжатыми кулаками и смотрящими в одну точку глазами, будто собираясь напасть, — вы почувствуете внутри себя приближающиеся раскаты гнева.

На заре психологии в Америке жили два замечательных психолога — Джеймс и Лэндж, совместно разработавшие теорию, с помощью которой пытались опровергнуть идею о том, что страх побуждает человека бросаться в бегство. Они же утверждали, что человек испытывает страх именно от того, что убегает. Теория о том, что позы человека имеют решающее значение, находит поддержку у многих ученых. Говорят, что когда человек испуган, он бежит. Джеймс и Лэндж утверждали, что только когда тело человека уже готово побежать, сам человек начинает чувствовать себя испуганным. Если бы он остановился и прекратил бы даже готовиться к тому, чтобы убежать, он перестал бы чувствовать и испуг. При изменении позы меняется и внутреннее состояние.

Каждому конкретному настроению соответствует своя поза или положение тела. Это означает, что разум и тело идут рука об руку. Когда вы счастливы, ваше тело находится в одном положении; когда вам грустно, тело принимает другую позу. Посмотрите, как ваше тело расправляется и словно растягивается в радостные минуты, вы как будто начинаете занимать больший объем. А когда вы печальны или подавлены, вы чувствуете, что сжимаетесь, как будто

все ваши внутренности стягиваются все плотней и плотней, как дерево, стремящееся опять спрятаться в семечко. Достаточно посмотреть на положение тела, чтобы сделать вывод о внутреннем состоянии человека. В радости тело как бы расширяется; в печали оно сжимается. В гневе морщинки на лбу проступают резче; когда вы взволнованы, меняются очертания лица. Если же вас ничто не тяготит, то и складок на лбу не видно.

Однако Джеймс и Лэндж не были первооткрывателями; обо всем этом в Индии было известно с древнейших времен. Миллионы йогов — от составителей древних текстов по хатха-йоге до Горакхнатха — экспериментировали с этим. Никто так скрупулезно не экспериментировал с разумом и телом человека, никто в таком объеме не наблюдал и не исследовал их, как йоги. По их наблюдениям, для каждого душевного состояния есть соответствующая поза. Из этого принципа и родилась практика: необходимые изменения в душевном состоянии можно вызвать посредством определенного изменения положения тела. Если вы чувствуете нарастающее раздражение, поменяйте свою позу на ту, которую вы принимаете в спокойном и расслабленном состоянии. Вы ощутите перемену, трансформацию состояния энергии: та энергия, что была уже готова выплеснуться в виде гнева, примет вид спокойствия.

Поза — это каркас, это модель, это форма. Энергия нейтральна, она принимает ту форму, которую ей придают. Она как вода — налейте ее в стакан, и она примет форму стакана; налейте ее в горшок, и она примет форму горшка. С энергией так же: придайте ей форму гнева, и она станет гневом, придайте ей форму любви, и та же самая энергия станет любовью. Это самое глубокое открытие. Когда вы начнете понимать различные позы, вы сможете начать изменять свое внутреннее состояние.

Однако будьте осторожны: изучение поз может настолько увлечь вас, что вы забудете о том, что они имеют отношение к изменению внутренних состояний. Вы станете искусны в науке поз тела, но дух останется нетронутым. Помните: это лишь вспомогательное средство; настоящая трансформация должна произойти внутри. Воспользуйтесь всей возможной помощью извне, но усилия нужно сосредоточить на внутренних изменениях.

Когда строят дом, сначала вокруг возводят леса. Этот первоначальный этап необходим, но если строительство на этих лесах и закончится — дом никогда не построить. На мостках нельзя жить, они служат лишь временной поддержкой самого дома. Они выполняют свое предназначение, и их убирают.

Асаны, позы и мудры — это вспомогательные средства. Но от Горакхнатха до Нанак люди стали считать строительные леса своим жилищем. Йоги сидели в позе милосердия, но совершенно забыли, что кое-что нужно сделать и изнутри. Поза могла выражать сострадание, однако внутри он мог быть объят яростью. Он мог принять мудру доброты и покровительства, но, бросив взгляд внутрь него, можно было обнаружить опасного человека, способного причинить вам вред. Он мог стоять перед дверью, всем видом прося милостыню, но не дождавшись ее, мог посылать вам проклятия. Люди были напуганы хатха-йогами. Образ нищего, в котором они представляли, был лживым.

И Будда, и Горакхнатх велели своим ученикам стать нищими для того, чтобы привить им смирение. Когда рука протянута, прося о милостыни, для высокомерия не остается места.

Если я стою у чьей-то двери, держа в руке чашу для подаяний, — как может сохраниться “это”?

Делая что-либо для кого-то другого, я питаю свое “эго”, а стать нищим- значит принять тот факт, что я есть ничто, что я ничего не стою. Все, что у меня есть — это моя чаша для милостыни. Если вы мне подадите, я буду рад; если нет, я смиренно удалюсь, ведь нищий не может требовать. Человек может подать, а может и нет — это его выбор.

Будда сказал своим бхикшу, что они должны просить подаяния, но им надлежит просто стоять у двери и никогда не выпрашивать. Выпрашивание оказывает свое влияние; возможно, это вынудит человека подать, что противоречит самому понятию нищенства, это слишком агрессивно. Поэтому бхикшу надлежало лишь стоять у входа дома, куда он пришел за подаянием. Если хозяин дома испытывает желание подать, он так и сделает; в противном же случае бхикшу тихо уйдет. Ему запрещалось прилагать усилия к тому, чтобы человек подал против своей воли. Для этого ему предписывалось стоять с закрытыми глазами, протягивая свою чашку. Он должен был постоять некоторое время и идти дальше, избавляя таким образом хозяина дома от какого бы то ни было замешательства, если он намерен был отказать. Бхикшу надлежало научиться смирению. Если человек подает — это его собственная воля; если нет — это также его воля. В обоих случаях бхикшу должен был благословить его. Его благословение никак не должно было зависеть от того, подали ему или нет.

Один из бхикшу Будды по имени Пуран обрел знание и достиг состояния Будды. Будда сказал ему: “Иди же в мир и дай другим то, что я дал тебе. Многие фонари еще не зажглись — иди и зажги их. Тебе нет больше нужды оставаться со мной. Ты достиг высшего знания”.

Пуран склонил голову, сложил ладони и попросил: “Позволь мне пойти в деревню Сукха, что в Бихаре”.

Ответил Будда: “Тебе лучше было бы не ходить туда, люди там грубы и бессердечны. Они станут оскорблять и бранить тебя”.

Пуран возразил: “Но, учитель, разве не должен доктор идти туда, где болеют? Пожалуйста, разреши мне пойти туда. Я нужен этим людям”.

Будда сказал: “Прежде чем идти, ответь мне на три вопроса. Если они оскорбят и обидят тебя, что ты подумаешь?”

Пуран ответил: “Я пойму, какие они добрые люди! Они всего лишь оскорбляют меня, но они не бьют меня. Они могли бы побить меня, если б только захотели”.

Сказал Будда: “А если они вдобавок побьют тебя? Если они встретят тебя градом камней?”

Пуран ответил: “Я бы все равно думал об их доброте — ведь они всего лишь побили меня, но не убили. Они же могли и убить меня.”

“А если, — опять спросил Будда, — они убьют тебя? Что ты почувствуешь перед смертью?”

“Я бы то же подумал: насколько они добры, ведь они освободили меня от этой жизни, в которой я столько раз заходил в тупик и столько раз ошибался”, — был ответ Пурана.

На это сказал Будда: “Иди же, Пуран. Ты поистине совершенный бхикшу. Можешь идти, куда

пожелаешь.”

Только при абсолютном смирении человек может считаться настоящим бхикшу. Но к тому времени, как стал известен Нанак, бхикшу Горакхнатха превратились в кошмар. Они приходили к дверям дома и, вместо того, чтобы спокойно стоять, начинали ходить туда и обратно, потрясая своими посохами и бряцая ритуальными щипцами. Это всегда так пугало людей, что они тут же подавали. Видя их пронизывающий и гневный взгляд, люди начинали опасаться, что если им не подать, они могут применить силу.

Таким образом, люди подавали милостыню йогам Натх-Сампрадаи из страха — ведь иначе они навлекли бы на себя неминуемое проклятие. Таким искаженным было положение вещей, когда появился Нанак. Йоги Натх-Сампрадаи никогда никого не благословляли. Ничего не происходило после подачи милостыни; скорее вы должны были быть благодарны им за то, что они приняли ваше подаяние. Они считали это своим правом.

Кроме того, Горакх наставлял своих последователей благословлять тот дом, к дверям которого они приходили за милостыней; а то, подавали им или нет, не могло служить мерилom. Но со временем все пришло в полный беспорядок. Позы сохранились, а вот смысл, скрывавшийся в них, — нет. И в наше время есть такие йоги. Некоторые натха-йоги простаивали неподвижно по десять лет. Когда-то эта поза имела свое значение. Если выпрямиться и стоять, практикуя вспоминание, то сознание тоже воспрянет; если тело находится в абсолютном покое, то и сознание успокаивается и застывает; однако без вспоминания тело остается недвижимым, но разум будет продолжать свой бег, пока не минует тысячу миров. Мысли и видения не пропадут. Позы есть помощь, но не самоцель.

К появлению Нанак позы пришли к вырождению, и все религиозные течения подверглись уродливой деформации. Вот почему Нанак говорит:

О, йог, прими же позу удовлетворения и скромности.

Возьми суму дорожную величия и славы.

“Удовлетворение” — важное слово, смысл которого, к сожалению, был искажен до неузнаваемости. Когда человек оказывается в безвыходном положении, он испытывает удовлетворение. Но такое довольство — лишь утешение, а не реальное удовлетворение. Когда человек обнаруживает тщетность всех своих усилий и чувствует себя беспомощным, говоря при этом, что все в порядке, — это не поза удовлетворения, но состояние беспомощности.

Один человек любил приходить к Шри Рамакришне. Каждый год, во время торжеств в честь богини Кали, он приносил ей в жертву сотни коз. Неожиданно он прекратил делать это. Сам Рамакришна много раз до этого пытался отговорить его от таких жертвоприношений, но все было бесполезно. Теперь же он совсем прекратил жертвовать своих коз. Рамакришна спросил у него, что же заставило его остановиться — ведь все прежние призывы не возымели действия. И он ответил: “Все это время у меня не было возможности прислушаться к твоему совету. Но теперь у меня выпали все зубы, и я не могу больше есть мясо, поэтому я больше не забиваю коз. Теперь я поступаю так с радостью”.

Люди обретают удовлетворенность в старости либо в нищете, но это псевдoудовлетворение.

Удовлетворение — это настоящая сила, и оно не является результатом слабости. Это позитивная, а не негативная, энергия. Это состояние не беспомощное ж, но высшей готовности помогать, высшее состояние бытия. Удовлетворение свидетельствует о том, что у вас есть гораздо больше того, что вам нужно, больше, чем вам требуется; у вас есть и то, о чем вы просите, и то, о чем вы не просили. Благодарность является частью удовлетворенности: Господи, воля Твоя чудесна. Как щедры дары Твои!

Удовлетворенность — не утешение, за которое хватается беспомощный разум, потерпев неудачу; это победоносное шествие без малейших признаков поражения. Достигают ее только славные победители; лишь герои достойны ее. Махавира говорит, что только джайны — те, кто обрел власть над всем, — способны достичь удовлетворенности.

Когда говорит Нанак: “О, йог, прими позу удовлетворения”, придание телу различных поз превращается в то самое занятие, которое ни к чему не ведет. Нанак призывает покончить с этим и начать практиковать позы душевные, из коих удовлетворение — наивысшая

Зачем? Почувствовать удовлетворение — значит избавиться от всех желаний. Желание порождается неудовлетворенностью, чувством нехватки чего-либо, ощущением, что вы не получили того, чего заслуживаете, либо того, чего вы, на ваш взгляд, достойны. В тот день, когда вы достигнете удовлетворения, вы заснете как убитый. Если вам не о чем беспокоиться, то сон ваш не нарушат видения, рожденные обуревавшими вас днем желаниями.

Неудовлетворенность влечет за собой мироощущение нищего, в то время как удовлетворение делает человека хозяином и господином. Оно знак саньясина, пребывающего в счастье и довольстве во всех смыслах. Не может возникнуть таких обстоятельств, при которых он будет недоволен, ибо в любых условиях он увидит хорошее. Во всем, что бы ни случилось, он видит Его руку. В моменты самого тяжкого страдания ничто не погасит лучей его радости. Он знает, что самая черная ночь — предвестник светлого утра. Когда у него на душе совсем темно, он смеется и поет песню утреннему солнцу, которое вскоре взойдет. У каждой хмурой тучи он видит серебряный краешек. В минуту самого отчаянного страдания и печали он крепко держит в руках ниточку удовлетворения. Он все приемлет; он в состоянии полного приятия.

Вот что имеет в виду Нанак, когда призывает принять позу удовлетворения. Ставя свои руки и ноги в определенное положение, ничего не достигнешь. Управление своим сознанием начинается с удовлетворения; однако не забывайте о том ложном удовлетворении, что происходит от беспомощности.

Однажды Мулла Насреддин ехал со своим другом в повозке, запряженной волами. Путь их лежал через густой лес, где на них неожиданно напали грабители. Бандиты с ружьями наперевес выбежали прямо на дорогу, приказав остановиться. В ту же секунду Мулла быстро извлек из кармана пятьсот рупий и вручил своему другу со словами: “Вот деньги, которые я брал у тебя взаймы. Теперь мы в расчете”.

Удовлетворенность ваша рождается в такие моменты — когда вы обнаруживаете, что сделано все, что можно. Только когда потеряно все, вы перестаете цепляться. Фактически это не вы расстаётесь со своей собственностью, а ее у вас забирают.

Так в чем же удовлетворение? Только тот, кто отдает с собственного согласия, удовлетворен; тот

же, у кого отняли его вещи, может кричать хоть на всю округу что все у него в порядке, — недовольные нотки все равно будут слышны.

Для истинной формы удовлетворения требуется, прежде всего, ощущение, что вам дано гораздо больше того, чем вам требуется. Необходимо чувство благодарности за то, что за всеми очевидными печалью вам дано видеть скрытую радость. Если вы увидели шипы значит, где-то есть и розы — так зачем же все время смотреть только на шипы?

Если вы попытаетесь оскорбить удовлетворенного человека, он подумает, что вы, возможно, правы, и поблагодарит за то, что вы сказали ему правду. Если же вы неправы, он подумает: “Бедняга, он потратил впустую столько сил. Подумать только, до чего он дошел!”. Так что это может быть либо чувство благодарности, либо чувство сострадания, но никогда — чувство гнева. Он найдет нечто положительное, нечто ценное в любой ситуации.

Мне очень нравится одна история о двух факирах из Японии. Эти два факира, пожилой гуру и молодой ученик, возвращались в свою хижину, чтобы переждать в ней сезон дождей. Восемь месяцев в году они путешествовали от деревни к деревне, воспевая хвалу Господу, но на сезон дождей возвращались в свою хижину. Добравшись до берега озера, у которого стояла хижина, они обнаружили, что свирепствовавшая накануне сильная буря снесла крышу. Хижина и так была небольшая, а теперь еще и половина ее крыши валялась на земле. Вокруг было темно, и надвигающиеся облака не предвещали ничего хорошего. Сделать ничего было нельзя, поскольку они находились вдали от жилья.

В конце концов младший саньясин не сдержался: “Ты только взгляни! Мы не щадим себя, вознося хвалы в Его честь, и вот что достается нам в награду. В чем смысл всех этих молитв и гимнов? Что мы получаем взамен? Богатые грешники нежатся в своих дворцах, а у двух бедных факиров снесло ветром крышу. Буря — тоже Его порождение.”

Дав выход всей своей ярости, он повернулся к гуру — и что же он увидел? Гуру стоял на коленях, сложив руки для молитвы и обратив взор к небесам. Глаза его были наполнены слезами счастья и высшего удовлетворения. Он пел: “О Господи, милость Твоя безгранична. Шторм мог сорвать всю крышу целиком, но Ты не дал ему сделать этого, оставив половину для нас. Ты один можешь быть столь заботливым.”

И они оба вошли в хижину. Но несмотря на то, что вошли они в одну и ту же хижину, они казались разными людьми: один довольным, другой недовольным. Потом они оба легли спать. Младший факир всю ночь метался в постели, исполненный гнева, причитая, мучаясь в ожидании дождя и непрерывно ругаясь. Гуру же спал очень крепко. Он проснулся в четыре часа утра и написал песню. Сквозь дыру в крыше он видел луну и пел в своей песне: “О Господи, если бы мы знали прежде, мы бы не стали беспокоить Твою бурю, чтобы оторвать половину крыши. Мы сделали бы это сами. Мы были так глупы, но теперь мы видим, как чудесно то, что сделала буря: теперь нам видна луна! Как близки Твои небеса — а мы закрывали и к крышей! Как много раз Твоя луна всходила и заходила, а мы сидели под крышей. Но мы не знали, пожалуйста, прости нас! Если бы мы ведали, то не доставили бы шторму столько хлопот.”

Тот, кто способен петь, как этот гуру, при самых неблагоприятных обстоятельствах, действительно довольный человек. Тот же, кто чувствует удовлетворение, сделавшись беспомощным, идет дорогой слабых и нерешительных людей; если бы только они могли обрести

удовлетворенность прежде, чем лишиться всего, то они не потеряли бы ничего; ибо невозможно ничего украсть у удовлетворенного человека. Можно забрать его вещи, но не его довольство. Нельзя нарушить его внутреннее равновесие. Настоящее его имущество — внутри него.

Когда Нанак призывает принять позу удовлетворения и скромности, и взять дорожную суму величия и славы, он указывает на внутреннее состояние. Горакхнатх на самом деле говорил о том же: все внешние напоминания призваны были служить для внутренней памяти, но об этом забыли, и остался лишь узелок на платке. Забыли даже о том, что нужно было купить, даже о том, что узел должен напоминать о чем-то. Только узел и остался. Теперь его так и носят, а это лишь дополнительное бремя.

О, йог, прими же позу удовлетворения и скромности.

Скромность означает здесь некоторое чисто восточное качество, особенность стран

Востока. Слово ладджа также значит “стыдливость”, “скромность”. Но ни в одном западном языке нет подходящего слова. Под этим понимается предельное, высшее проявление женских качеств. Для обозначения проститутки используют слово нирладдж, бесстыдная, ибо она торгует своим телом, а тело есть храм Божий и не предназначено для продажи. Оно предназначено для почитания Бога, этого первого шага на пути к высшему богатству, а не для продажи за несколько монет.

“Бесстыдство” подразумевает использование тела не для поисков Бога, а для чего-то еще. В жизни такого человека нет стыда. Мы поносим шлюх, но что же с остальными? Если вы продаете свое тело с тем, чтобы добыть богатство или прославить свое имя, то вы ничем не лучше. Проститутка продает свое тело, чтобы заработать деньги, и вы тоже.

Состояние стыда, или благопристойности, строго диктует недопустимость продажи тела за деньги. Так как это храм Господен, однажды Он придет в этот храм. Нужно научить тело ждать Его. Это ожидание — точно такое же, как ожидание влюбленной своего возлюбленного. При приближении возлюбленного она прячет свое лицо за покрывалом, ибо выставить себя напоказ было бы совершенным бесстыдством.

Она зовет возлюбленного, она ждет его, но когда он приходит, она прячется, прикрывая лицо чадрой. Открыться перед возлюбленным было бы эксгибиционизмом, а это — разновидность эгоизма. Стремление разоблачить себя есть демонстрация своею “эго”. Вы бы хотели разоблачиться перед Господом? Нет, вы бы спрятались; вы бы предпочли лучше слиться с землей, зарыться в нее. Вы покрываете себя не одной чадрой. Открыться перед Господом было бы эгоистично. Вы приближаетесь к Нему не как ученый пандит, а словно девушка, охваченная любовью, — на цыпочках, чтобы Он не услышал даже ваших шагов. Вы изо всех сил стараетесь спрятаться, ибо что вы можете ему показать? Стыдливость означает, что вам совершенно нечего показать, поэтому вы стыдливо прячете свое лицо.

Поэтому стыдливость и скромность считаются в Индии главнейшими качествами женщины. Этим объясняется и характерная фация восточных женщин, отсутствующая у женщин Запада, которых никогда не учат быть стыдливой. Они видят в стыдливости недостаток; их учат показывать, демонстрировать, привлекать — как будто они товары на рынке. Когда женщин на Востоке учат стыдливости, они узнают, как прятать и скрывать себя; отсюда происходит обычай

носить чадру. Чадра — часть понятия “ладджа”. Когда обычай стал терять свою силу, ладджа тоже стала пропадать, потому что чадра — внешнее проявление ладджи. В наше время, когда наши женщины тоже стали свободно передвигаться и демонстрировать себя, они так же хотят, чтобы на них смотрели, и учитывают это в стиле своей одежды. Если вы стремитесь к тому, чтобы вас рассматривали подобным образом — значит вы готовы стоять на рынке.

Нанак говорит, что нашей скромности перед Ним пристало быть как скромности девушки перед ее возлюбленным: она прячется, потому что она смущена его близостью. У нее нет ничего, достойного его внимания — поэтому она стыдится и надевает чадру.

Для многих людей чем скромнее женщина, тем она привлекательнее; чем больше она открывается, тем менее привлекательной она становится. Для многих западная женщина потеряла свое очарование, так как то, что свободно доступно на рынке, теряет свою притягательную силу.

Мы не продаем себя Богу; что можем мы показать Ему? Каждый подходит к Нему, как влюбленная девушка — как сама скромность. У нас дрожат ноги. Примет ли Он меня или нет? Достоин ли я? Такое смущение, такая стыдливость — ведь мы не можем предложить ничего, чего Он был бы достоин.

Скромность есть состояние абсолютного смирения. Только будучи совершенно покорным, человек может быть принят. Чем тщательнее преданный прячется, тем привлекательнее он становится для Бога. Чем больше он говорит о своей вере, рассказывает о своем служении, своих молитвах, своих постах и покаяниях, тем больше он отдаляется от Бога. Единение с Богом возможно лишь в сознании, лишенном собственного “эго”.

О, йог, прими же позу удовлетворения и скромности.

Возьми суму дорожную величия и славы.

О каком же величии говорит Нанак? Как только человек начинает ощущать свою душу и понимать, что он — это не его тело, он достигает величия. Величие — это ощущение своей сути. Тело нельзя освятить, ведь это всего лишь временное обиталище. Вы задерживаетесь в нем на какое-то время, но оно не может стать вашим домом. Стать освященным, возвыситься — значит обрести вечность, врасти корнями в то, что есть вечная истина.

Однако вас невозможно освятить, пока вы не встанете рядом с Ним. Можно царствовать на троне, но не достичь при этом ни величия, ни славы. Слава этого мира — ничто, ведь сам этот мир — лишь плеск волн. Разве кто-нибудь вспомнит о вас, когда вы уйдете? И разве кто-то в самом деле беспокоится о вас, пока вы живы — хоть вы и сидите на троне?

Взгляните на тех, кто правит странами. Куда бы ни пошли они, в них летят камни. Вы ждете цветов — а получаете камни. Вы ищете уважения — но вам достаются оскорбления. Если вы завоевали свое место силой, то всегда найдутся те, кто свалят вас с ног. Спросите у политиков. Их именами пестрят газеты, каждый их шаг становится новостью, но сколько критики им достается! В этом мире, если вы хотите выигрывать, то вы обречены и проигрывать; если вы жаждете славы, то вы обречены выслушивать оскорбления. Величие же существует, только если вы рядом с Богом.

Вот почему Нанак говорит: “Возьми суму дорожную величия и славы и выбрось мешок с высокомерием и “эго”, что несешь ты”. Избавьтесь от “эго”, познайте скромность и довольство, и вы начнете свой путь к Господу.

Воспользуйся священным пеплом медитации.

Просто намазывать пеплом тело, как это делают аскеты, бессмысленно. Начните медитировать внутри себя, призывает Нанак, и пусть это будет вашим священным пеплом; окунитесь в медитацию.

Пусть будет смерть тебе подушкой.

Так, чтобы вы постоянно помнили о Нем. Тот, кто всегда готов к смерти, не может забыть о Боге. Тот же, кто забывает о смерти, забывает и о Боге. Никто из нас не помнит о смерти. Мы живем так, словно не умрем никогда, и поэтому мы забываем вспоминать о Боге.

Тело свое сделай целомудренной девой.

Для своих йогических обрядов Натх-Сампрадая, так же как и многие тантрические секты, использует девственниц. Состояние медитации достигается через особый тантрический сексуальный ритуал. Это истинно, это возможно, и тантра нашла этот метод.

Но человек лжив. Тысячи йогов стали ходить к молодыми девушкам, под предлогом тантры. Миллионы людей предались всем возможным порокам, прикрываясь именем тантры. Оправдания тому, что они держали при себе несколько девушек, и объяснения насчет того пути, который они избрали, всегда были у них наготове. Такая безнравственность привела к тому, что буддизм был вытеснен из страны. Кроме того, великие тантрические традиции были в итоге утрачены. Человек очень умен; он искусен в нахождении средств удовлетворения своей похоти, и тантра стала для него готовым решением. Он, не стесняясь, мог ходить к молоденькими девушкам, выдавая себя за последователя тантры.

Призывая сделать тело свое невинной девой, Нанак говорит о самой глубокой идее тантры. Ваше собственное тело должно стать вам партнером; душа ваша должна стать мужчиной, а тело — женщиной. Именно между ними осуществляется соитие, и это — высший союз. Только посредством таких отношений человек достигает освобождения. У тантрического метода та же цель: с помощью реальных женщин вы постепенно открываете женщину внутри себя.

В каждом мужчине сокрыта женщина, так же как в каждой женщине сокрыт мужчина. И когда происходит союз внутреннего мужчины или женщины с соответственно женщиной или мужчиной вовне, то человек достигает высшего состояния — самадхи. Современная наука также признала тот факт, что человек двупол. Это естественно, поскольку каждый человек появляется на свет в союзе матери и отца; поэтому в нем присутствуют и часть его матери, и часть его отца. Внутри вас живут и мужчина, и женщина; когда эти две энергии сливаются, результатом является вечное слияние, в то время как физическое сношение — это всего лишь миг.

Итак, Нанак рассказывает об одной из фундаментальных идей Тантры. Он говорит:

О, йог, послужи пусть тебе твой опыт для освобожденья,

А первым принципом своим считай единство всех вещей.

Свой разум покорить — значит завоевать весь мир.

И если должно поклониться, кланяйся Ему.

Он — первый среди сущих, он чист, он без начала, без конца.

Он — звук несотворенный..

Сквозь времена Он неизменен.

Кланяйтесь Ему, постоянному и неизменному во все времена. Можно расшибить себе лоб, отбивая поклоны в храмах или мечетях, но если поклонение ваше не предназначено Ему, оно бесполезно. Помните постоянно: где бы вы ни склонили голову, всегда кланяйтесь Ему в ноги. Если вы кланяетесь гуру, то через гуру вы почитаете Его, и когда вы кланяетесь в храме, вы кланяетесь Ему. Все почести — Ему. Идолы в храмах играют роль напоминания. Но в любом другом качестве они представляют опасность для вас, так же, как и гуру. Если почитание ваше не направлено на Него, вы надеваете на себя кандалы; все возможные преграды вырастают на вашем пути. Когда же вы учитесь преклоняться только перед Ним, каждый камень может стать для вас дверью. Кланяйтесь везде, — в храмах, мечетях, гурудварах, церквях — но помните об одном: все почести — Ему, тому, кто был изначально, кто чист и совершенен, и кто вечен, кто есть звук изначальный, и кто неизменен — на вечные времена.

Пусть будет наслажденьем твоим знание, а кладовой — сострадание.

Во всем живом ты поселил ракушку с вечной музыкой.

Лишь Он один — владыка, в ком все сущее сплелось,

А поиски потусторонних сил есть путь неверный.

Над всем главенствует закон единства и разъединенья,

Судьба предпишет нам наследство справедливо.

И если должно поклониться, кланяйся Ему.

Он — первый среди сущих, он чист, он без начала, без конца.

Он — звук несотворенный..

Сквозь времена Он неизменен.

Знание и сострадание — те два крыла, которыми вам нужно научиться пользоваться, чтобы взлететь к небесам, к Его обители: знание и мудрость — внутренне сочувствие и сострадание — внешне. Если у вас есть лишь внутреннее знание, но ни сочувствия, ни доброты к другим, есть опасность, что вам не достичь совершенства. Вам кое-чего не хватает. Разве можно лететь с одним крылом? Если вы проявляете сочувствие и доброту, но не обладаете внутренним знанием,

то вы тоже неполноценны. Ведь никто не может идти на одной ноге.

Знание в конечном счете относится к себе самому; сочувствие означает отношение к другим. Все происходит вместе. Ведь мудрость знает самое себя; как только мудрость пробуждается, она знает, что пребывает в каждом. Если знание не осознает, что оно — в каждом из нас, то это не знание.

Когда загорается лампа подлинного знания, ее свет неизбежно падает на всех. Эта лампа не просто освещает саму себя, она освещает все вокруг себя. Свет этот, озаряющий окружающих, есть сочувствие, отзывчивость. Безграничное сострадание возникает тогда, когда рождается мудрость. Вы станете отдавать без сомнений, не препятствуя даже тем, кто грабит вас; вы станете помогать во всем и всем без исключения — а потом сделаете все, что в ваших силах, чтобы помочь другим достичь Его, ведь они блуждают впотьмах. В знании своем вы не потеряете себя, ибо это было бы эгоизмом — вероятно, вы все еще скованы прежними привязанностями, а может быть, вам еще не удалось превозмочь ваше “эго”.

Некоторые, например монахи-джайны, теряются в собственном знании. Их заботят только они сами. Они столь увлечены работой над собственным спасением, что ничто в окружающем мире их не интересует. Если они и проявляют доброту — то только с выгодой для своего знания, а значит, доброта их фальшива.

Видя, как осторожно ступает джайн, боясь нечаянно раздавить муравья не подумайте, что причиной тому его жалость к муравью. Махавира поступал так из великого сострадания, джайн же — нет. Последний смотрит, куда поставить ногу, просто чтобы не совершить грех, не убить муравья. Вот в чем его забота: совершив грех, ему придется блуждать в круге рождения и смерти; так что он заботится о себе, а не о муравье. Если бы гибель муравья не считалась грехом, его бы это вообще не волновало. Он процеживает даже воду перед тем, как выпить — но не потому, что его заботят микробы в воде, а из страха совершить грех, проглотив их. Внешне его поступки выглядят так же, как поступки Махавиры, но занят он только своим спасением, стараясь уберечь себя от ада.

Его доброта фальшива. Подлинна она лишь тогда, когда человек готов сойти даже в ад, лишь бы наставить вас на путь истинный. Мораль же джайна подобна морали бизнесмена: делать только то, что выгодно тебе!

Неудивительно, что последователи Махавиры влились в деловое сообщество. Сам Махавира принадлежал к касте кшатриев, воинов, а его последователи стали лавочниками. Не странно ли это? Все двадцать четыре джайнских тиртханкары были кшатриями, те же, кто последовал за ними, стали торговцами. Что же произошло? Что за беда приключилась с целым сообществом, сделав его представителей столь несмелыми, что они стали заниматься исключительно работой в магазинах? Здесь есть какой-то секрет. Доброта Махавиры была подлинным состраданием, в то время как доброта хитрецов, следовавших за ним, была просчитана: они превратили все это в бизнес. Они избегали любой работы, которая могла повлечь за собой грех. Они бросили земледелие, поскольку растения гибнут во время уборки урожая. Они избегали и той жестокости, что требуется на поле брани. Все, что им оставалось, — стать лавочниками, торговцами.

Стоит отметить, что девяносто процентов индийских мудрецов происходят из касты кшатриев, в

том числе Нанак, Кришна, Рама, Махавира и Будда. Они обладают определенными качествами, которые облегчают достижение знания: мужеством и отвагой. Не так много браминов и членов прочих каст достигли высшей истины, коей овладели кшатрии. Причина в том, что воин способен поставить на каргу все; он не страшится опасностей. Воин не может забыть о смерти, она всегда стоит у его двери. А тот, кто помнит о смерти, не забудет и о Боге. Дело кшатриев — смертельный бизнес; смерть может прийти в любую секунду. Тот, кто ощущает смерть так близко, наверное не сможет забыть о Господе. О Боге необходимо помнить, ведь Он — единственное противоядие. Когда мысль о смерти захватит вас, что еще вам останется делать, о ком вы вспомните, кого позовете, кто спасет вас? Совершенно естественным будет вспомнить о нектаре.

Пусть будет наслаждением твоим знание, а кладовой — сострадание.

В мире продолжают раздавать пищу и устраивать праздники для бедных, но это лишь внешние проявления. И у Натх-Сампрадаи, и у сикхов есть свои формы праздников, но все они одинаковы, все они происходят во внешнем мире.

Нанак говорит: сделайте свою доброту той пищей, что раздают нищим, тем праздником, что устраивают для бедных. Пусть доброта наполнит каждый миг вашей жизни. Подумайте о других. Что бы вы ни делали, следите за тем, чтобы и другим это приносило пользу: пусть поступки ваши служат их благополучию и благосостоянию. Ищите знаний для себя, но помогайте и другим в их поисках. Идите навстречу освобождению, но возьмите с собой и других. Помните, что, развивая в себе сострадание внешне и знание внутренне вы ускоряете свое продвижение к цели. Это и есть те два крыла, на которых можно долететь до >той цели.

В противоположность джайнам христиане всегда заняты помощью другим, они везде открывают школы и больницы. Никто не способен превзойти их в помощи, но они ничуть не думают о знании. Подобно джайнам, они убеждены, что того, что они делают, достаточно самого по себе. Джайны полагают, что достаточно лишь понимать себя самого. Христианин считает, что достаточно служить другим, и что это служение ведет к спасению. Гораздо меньше его заботит вопрос, а приносит ли он пользу тому прокаженному, чьи ноги он моет, тому больному, за которым ухаживает, или тому сироте, которого взял на воспитание. Он оказывает помощь, дабы быть спасенным. Эгоизм человеческий — удивительная до странности вещь. Даже в поисках знания человек преследует свой собственный эгоистический интерес, и, помогая другим, он умудряется служить своим собственным интересам.

Есть одна старая китайская притча. В одной деревне проходила ярмарка. На нее собралось множество народу, а в многочисленных лавках продавались самые разнообразные товары. Одному человеку не повезло, и он свалился в маленький колодец неподалеку, но несмотря на крики, никто не слышал его из-за ужасного шума. Все были полностью поглощены своими делами — одни продажей, другие покупкой. День стал клониться к вечеру, и люди спешили разойтись по домам. Лавочники стали закрывать свои ларьки. Никто не слышал беднягу. В этот момент, к счастью, к колодцу подошел и сел какой-то саньясин, последователь Конфуция. Он услышал крики из колодца, и прокричал в ответ: “Не волнуйся, брат. Я сейчас же отправлюсь в суд, потому что строить колодцы без ограждения — противозаконно. Ты упал, потому что не было ограждения. Но доверься мне. Я и мои соратники немедленно начнем деятельность в твою поддержку и добьемся того, чтобы вокруг всех колодцев в деревнях выстроили ограждения”. И пошел было прочь. Его действия были вполне понятны, ибо Конфуций был реформатором,

время в общество и его законы. Он был революционером.

Несчастный закричал саньясину: “Какой прок от этих будущих оград? Я сейчас утону!”

Саньясин ответил: “Но дело не только в тебе. Это общая проблема, проблема всего общества, а не только одного человека. Если спасти общество, спасется и каждый человек”. Он выпрямился и громко выкрикнул: “Послушайте, братья! Мы должны проследить за тем, чтобы каждый колодец был окружен оградой”.

Потом к колодцу подошел и присел бхикшу-буддист. Он услышал крики, нагнулся и увидел в колодце человека. “Ты страдаешь за свои деяния, свершенные прежде”, — сказал он провалившемуся. “Каждому из нас должно пожать плоды своей кармы, и с этим ничего не поделаешь”.

“Ты расскажешь мне об этом потом, — сказал человек из колодца. — А сначала вытащи меня отсюда”.

“Но я отринул все дела, — молвил монах. — Дела приводят к привязанностям, а привязанности обрекают человека на блуждание по самсаре. Я хочу вырваться из круга рождения и смерти. Я не хочу начинать еще один кармический виток, вытащив тебя из колодца.

Кто знает, что ты совершишь, спаси я тебе жизнь? Если ты кого-нибудь убьешь, то я буду соучастником твоего преступления, ибо не спаси я тебя, ты не совершил бы его. А может быть, ты подожжешь чей-нибудь дом? Я не хочу попасть в ловушку твоих злодеяний! Да, и вот еще что: не кричи, пожалуйста, я пришел сюда для медитации. Иди через свои испытания, а я пойду через свои. Никому не дано идти чужой дорогой.”

Но поскольку тонущий человек производил столько шума, бхикшу встал и ушел прочь, чтобы ничто не мешало его медитации. Медитация — прекрасное занятие. Если бы кто-то вознамерился ходить и вытаскивать людей из колодцев... представьте, сколько колодцев вырыто в деревнях; сколько там живет людей, сколько ярмарок проходит — никаких условий для медитации! Что же вам делать? Лучше уж позаботиться о собственной медитации, чем о чем-либо ином.

Вскоре после этого мимо колодца проходил христианский миссионер. Услышав человеческий крик, он быстро вытащил из заплечного мешка веревку и бросил ее конец вниз в колодец. Он вытащил несчастного, и тот упал ему в ноги и сказал: “Спасибо тебе! Ты по-настоящему верующий человек. Приверженец Конфуция слышал меня, но ушел своей дорогой, и буддийский монах предоставил меня моей судьбе. Они просто не обратили внимания на мои мольбы.”

Христианин ответил: “Прошу тебя лишь об одном: падай в колодцы и дальше, чтобы мы, христиане, могли прийти тебе на помощь. У нас всегда с собой веревка. Если бы вы не падали в колодцы, а мы бы не спасали вас, то как бы мы смогли получить благословение?”

Никто ни о ком не заботится. Эгоизм человеческий имеет глубокие корни; тот, кто помогает вам, преследует свои собственные эгоистические интересы. Такая помощь не стоит ни гроша. Так посмотрите же на Бога внутри себя — это есть знание; и никогда не забывайте о Боге в

других — это сострадание.

Пусть будет наслаждением твоим знание, а кладовой — сострадание.

Во всем живом ты поселил ракушку с вечной музыкой.

В чем смысл звучащей ракушки? Подуйте в ракушку, что издает безначальный звук во всем сущем на земле. Играйте музыку, что возникает беспричинно и длится вечно.

Лишь Он один — владыка, в ком все сущее сплелось,

А поиски потусторонних сил есть путь неверный.

Вы чудотворец, вы извергаете из рук своих пепел и становитесь Сатья Сай Бабой; вы делаете талисман из ничего — а для чего? Потусторонние силы — второсортный продукт, так как они только лишь питают ваше “эго”. Они поддерживают ваше высокомерие. Вы чувствуете себя кем-то особенным. Единственная сила, которая относится к религии, рождается из “Я — никто, я — ничто!”. Тот, кто осознает и понимает, что он — ничто, становится всем. Тот, кто уничтожит себя на земле до основания, становится самим Господом. Не удовлетворяйтесь меньшим; иначе будет ясно, что вы сделали выбор в пользу сил меньшего достоинства.

Что вы приобретете, сотворив несколько амулетов? Как эта магия сможет вам помочь? Этим вы не поможете ни себе, ни другим. Вы сможете заработать определенную популярность в этом мире — но это все. Разве слава этого мира является настоящей славой? Имеет ли все это волшебство какую-то цену перед Господом? Значат ли что-либо тот пепел или талисман, что вы сотворили, для Него, сотворившего вселенную? Ваши фокусы способны обмануть людей и потешить ваше “эго”, но нисколько не приблизят вас к самоосуществлению. Вот почему говорил Нанак о том, что обладание потусторонними силами — лишь побочный результат.

Над всем главенствует закон единства и разъединенья.

Единство и разъединение — движущие силы всей самсары. Поэтому есть только одна сила, которую стоит приобрести — освободиться от соединений и разъединений. Все, что объединяется, должно разделиться; все, что организовалось, обречено распасться. Каждый рожденный должен умереть. Все, что приобретено, будет потеряно. Все, чем сегодня вы владеете, завтра принесет беду. Сегодняшнее счастье станет завтрашним несчастьем. Все в мире превращается в свою противоположность. Вращается колесо самсары, соединяя одно и разделяя другое. Сегодня вы встретились, назавтра вы расстанетесь.

Тот, кто постигнет эту истину, — что колесо самсары обращается с помощью соединения и разъединения, что оно движется в соответствии с законом противоположное гей, — спасется, встав по другую сторону от обоих. Он не становится счастлив при встрече, и печален при расставании. Существует только одна настоящая сила — сиддхи. Овладейте ей!

Судьба предпишет нам наследство справедливо.

Поэтому будьте терпеливы и спокойны, что бы ни выпало на вашу долю, ведь это часть вашей судьбы. Все должно было быть именно так — так оно и случилось. Но если происходит только

то, что и должно было произойти, то к чему неудовольствия? Зачем нужны эти жалобы, слезы и причитания? Примите все, что предназначено судьбой. Постарайтесь освободиться от союзов и разъединений. Только это — сиддхи, все прочее — вещи низшего порядка.

И если должно поклониться, кланяйся Ему.

Он — первый среди сущих, он чист, он без начала, без конца.

Он — звук несотворенный.

Сквозь времена Он неизменен.

Глава 5. Един в трех лицах

Искусно Майя трех учеников на свет явила:

Создатель Брахма, хранитель Вишну и разрушитель Шива ими были.

Бог направляет их Своею волей и Своим веленьем.

За ними надзирает Он, хоть Он для них невидим;

И то есть чудо из чудес.

И если должно поклониться, кланяйся Ему.

Он — первый среди сущих, он чист, он без начала, без конца.

Он — звук несотворенный.

Сквозь времена Он неизменен.

Во всех мирах Он пребывает, и все миры — в Его распоряженьи.

Навечно Он наполнил их всем тем, чего достигнуть стоит.

Создал создатель, и теперь за порожденным смотрит.

И говорит Нанак: Он — настоящее, реальность, и дела Его истинны.

И если должно поклониться, кланяйся Ему.

Он — первый среди сущих, он чист, он без начала, без конца.

Он — звук несотворенный.

Сквозь времена Он неизменен.

В поисках Господа нам должно идти той же дорогой, какой Господь спустился на землю. Бог, Творец, обратился в творение, а нам, Его созданиям, предстоит путешествие в обратном

направлении, чтобы стать Богом. Путь тот же; изменится только направление.

Вы явились сюда из своего дома; возвращаясь, вы отправитесь по тому же маршруту. Путь будет тем же, теми же будете вы сами и ваши ноги и энергия, затраченная на дорогу; лишь направление станет иным. Сюда вы шли спиной к дому; теперь же, при возвращении, вы повернетесь к нему лицом.

Возвращаться к Господу надлежит тем же путем, каким Господь снизошел в этот мир. Приходя сюда, вы были обращены к Нему спиной; уходя же, вы обратитесь лицом в Его направлении. Следовательно, безразличие есть путь для входа в этот мир, а стремление к Богу есть путь для приближения к Нему. Та же лестница, тот же путь; изменяется только направление.

В этой сутре Нанак повествует о том, как Бог стал творением. Каждый, кто искал и нашел Его, следовал именно тем путем, о котором рассказывает здесь Нанак. С этим согласны не только истинно верующие люди, но и ученые-исследователи.

Религия обращает свой взор на создателя; наука — на его создания. Религия предпринимает поиски с одной стороны, наука — с другой. Наука проводит исследования там, где находится человек; религия же заглядывает туда, откуда пришел человек и куда он возвращается. Религия пытается отыскать ваши начало и конец, а наука исследует все, что между ними.

Одним из наиболее значительных открытий науки является вывод о том, что всю вселенную удерживает в целостности некая единая сила, единая энергия. Все в мире можно разбить на мельчайшие частицы, на атомы. Ваш стул, деревья, камни, цветы — все это состоит из одних и тех же “кирпичиков”; и эти атомы находятся во взаимосвязи друг с другом. Они либо притягиваются друг к другу — и это Нанак называет союзом, или отталкиваются друг от друга — это Нанак называет разъединением. Отталкиваться или соединяться атомы заставляет энергия, и причиной всего этого являются электрические заряды — то же самое электричество, что зажигает лампы, что все приводит в движение в наших городах. Эта же энергия есть сила, на которой держится весь мир. Наука называет ее энергией, или электричеством. Религия зовёт ее Богом.

Это всего лишь разные слова; однако разница между словами порождает огромные различия для нас — ведь разве можно поклоняться электричеству? Разве можно любить электричество? Разве можно взывать к электричеству? Разве можно строить ему храмы?

Слово “электричество” способно задержаться только в уме; к сердцу оно не имеет никакого отношения. Однако “Бог” — наименование все той же энергии. Вся разница в имени. При одном лишь упоминании слова “Бог” оно проникает в сердце; и с головой у него больше нет ничего общего. Действуя по велению сердца, можно строить отношения. Рассудок все разрушает; сердце же способно соединять. Именно посредством рассудка мы расстаемся с людьми и вещами, ибо именно рассудок порождает различия. Сердце говорит, что все едины, ибо оно обладает качеством неделимой общности. Все границы и определения пропадают; их просто не возникает.

Провозгласив эту энергию Богом, религия дала нам возможность наделить ее свойствами личности. С ней стало можно построить взаимоотношения, и все теперь зависит от этих отношений. Без построения отношений невозможно привнести в свою жизнь какие-либо

изменения. Наука способна использовать энергию, но она не способна почитать ее. Ту самую энергию, которую почитает религия. Ученый может провести электричество в деревню, подчинить себе атомную энергию и придумать новые средства разрушения, но остаться незатронутым этой энергией; в жизни его не расцветет ни один цветок. Верующий же не сможет дать деревне электричество или изобрести атомную бомбу, но он способен озарить любое сердце; и свет этот во сто крат ярче любой лампы. Ему по силам наполнить каждое сердце песней и танцем, и так наполнить радостью жизнь.

Обе они — и наука, и религия — сходятся в том, что есть только одна действенная энергия. Кроме этого, они согласны и еще в одном: когда нечто цельное разбивается, оно распадается на три части. Наука утверждает, что каждый атом делится на электроны, нейтроны и протоны. Весь мир состоит из этих трех элементарных частиц.

В индуизме целое превращается в тримурти — то, что христиане называют Троицей. Тримурти — это божество с тремя лицами. У этих лиц одно общее тело. Имена их — Брахма, Вишну и Шива. Когда Один нисходит в тварный мир, Он превращается в Троицу.

Другим поразительным фактом является то, что смысл, вкладываемый индусами в имена Брахмы, Вишну и Шивы, совпадает со значением научных терминов “электрон”, “нейтрон” и “протон”. В процессе создания необходимо рождение и, соответственно, тот, кто породит. Впоследствии родившийся должен будет умереть, поэтому необходима смерть и, значит, тот, кто ее принесет. Между рождением и смертью пройдет какой-то период времени, и, значит, нужен также защитник, охранитель. Так и есть: Брахма порождает, он создатель, Вишну — защитник, а Шива — разрушитель. Электрон, нейтрон и протон обладают теми же функциями: один защищает, другой дает жизнь, а третий вызывает уничтожение.

Бог Единый превращается в троих, а потом делится на бесконечное количество частей. Если мы хотим достичь Господа, мы должны сначала сократить бесконечность до трех; а затем этих троих нужно слить воедино и в конце концов превратить в одно целое. Это путешествие в обратном направлении, словно по водам Ганга к Ганготри[20] — к самому первоисточнику.

Таким образом, многих нам нужно сконцентрировать в трех. Трое — промежуточный финиш. За тремя стоит один.

Простой человек блуждает во множествах. Как много у него желаний, как многого он ждет — не сосчитаешь! И каждое желание переплетается с таким количеством других желаний, что это становится похожим на дерево с густой листвой. Надеждам и мечтам человеческим несть конца. И нет способа осуществить их все. Сколькими вещами обладает человек! Он проводит столько приготовлений и приобретает такой багаж! Но даже если у вас будет все, чего вам хотелось, это не принесет удовлетворения. Чем больше приобретений вы делаете, тем больше блуждаете среди разнообразных предметов и вещей этого мира, все более удаляясь от Единого. А чем дальше вы от Единого, тем мучительней ваши страдания — подобно тому, как тьма все больше сгущается вокруг, если вы уходите все дальше в сторону от источника света, пока вы не окажетесь в полной темноте.

Блуждать во множествах означает иметь огромную дистанцию между вами и Единым. Все мы во множествах. Того, кто пришел от множества к Троице, мы зовем ищущим Бога. Он в середине пути. А того, кто от Троицы смог прийти к Единому, мы называем обретшим Бога. Он достиг

того места, откуда в самом начале пребывал Бог.

Попробуем разобраться в этом еще глубже. Как свести все множество к трем? Способ для этого есть — стать свидетелем. Лишь наблюдая за своими желаниями, по не получая наслаждения от их воплощения, вы становитесь свидетелем. Если вы испытываете желания и реализуете их, вы потеряете себя во множестве. Являясь просто их свидетелем, вы сможете превратить множество в троицу. Что бы вы ни делали, не вовлекайте самую себя в свои действия. Наблюдайте за всем как бы со стороны, и в один прекрасный день вы вдруг увидите, что троица наконец возникла! Первое — это наблюдатель, второе — мир разнообразных предметов и вещей, который отныне предстает в виде гигантского экрана сдвигающимся изображением. Множества больше не существует. А между этими двумя объектами находится способность видеть. Таким образом, есть то, на что смотрят наблюдатель, или свидетель, и способность видеть. Вы превратили множество в троицу.

Взрастив в себе свидетеля, вы становитесь искателем Господа. Это состояние саньясина. Перейти от множества к троице — саньяса. Что бы вы ни делали, не давайте свидетелю спать. Идя по дороге, принимая пищу, надевая рубашку, даже страдая от недомогания или боли, или выиграв в лотерею — в любой ситуации не давайте заснуть свидетелю в себе. Никогда не упускайте из вида его внутренний образ.

Потерять состояние свидетеля можно по двум причинам: став тем кто получает наслаждение, или тем, кто делает. В тот миг, когда вы произнесете: “Я совершил это”, свидетель будет утрачен, и яд самонадеянности начнет свое черное дело. Вы станете уже другим человеком.

Однажды я спросил муллу Насреддина: “Мулла, я каждый день вижу, как твой слуга, относя тебе в комнату вино, ставит на поднос два стакана. Но ведь ты всегда один — для кого же предназначен второй стакан?”

Насреддин ответил: “Выпив стакан вина, я меняюсь. Я становлюсь совершенно другим человеком. Так не думаешь ли ты, что проявить гостеприимство к этому другому человеку — мой долг?”

В состоянии опьянения вы превращаетесь в другого человека; остаться прежним невозможно. Пребывание в состоянии опьянения — единственное различие между саньясином и мирянином, ибо что может пьянить сильнее, чем зелье под названием “эго”?

Все прочие дурманы через какое-то время проходят, а воздействие “эго” продолжается от рождения к рождению. Вы изо всех сил пытаетесь избавиться от него — но оно опять встает прямо перед вами. Вы пытаетесь убежать от него — но оно преследует вас, словно тень. Вы придумываете тысячи уловок — но оно по-прежнему ходит за вами по пятам. Вы прибегаете к смирению — а оно продолжает суетиться внутри вас.

“Эго” — коварнейший из дурманов. Состояние свидетеля есть пробуждение, в то время как “эго” означает, что вы спите. Как только вы начинаете делать то, чего требует ваше желание, как только начинаете наслаждаться этим, вы погружаетесь в сон, и вас охватывает оцепенение. Превратившись в свидетеля, вы начинаете пробуждаться, и сознание возвращается к вам.

Как только проснется сознание, множество исчезнет, и останется только троица: то, что вы

осознаете; тот, кто осознает; и взаимосвязь между первыми двумя. Индусы называют это трипути. Тот, кто постиг трипути, и есть саньясин; он с головой уходит в свои религиозные практики. Чем дольше вы остаетесь с этой троицей, тем меньше блуждаете во множествах, пока не наступает такой момент, когда множество попросту более не образуется, а есть лишь только три вещи; и тогда вы всегда будете в состоянии свидетеля. Вы вдруг поймете, что троица исчезла, а разум успокоился. Вам откроется, что наблюдатель, наблюдаемое и взаимосвязь между ними — все это единое целое.

Именно поэтому повторяет Кришнамурти: “И наблюдатель есть наблюдаемое”. [21]

Однако это высшая стадия. Сначала же, посредством длительной практики, перекрываются все пути образования множественности, мир перестает существовать, и остается только троица. Затем вы постепенно начинаете осознавать, что эта троица — единое целое. Зная это, вы понимаете, что тот, кто видит, и то, что он видит — одно целое. Потом пропадает и связь между ними, ибо взаимоотношения между наблюдателем и тем, за чем он наблюдает, возможны только в том случае, если они существуют по отдельности. Но когда остается только одно, никаких взаимосвязей быть не может. Поэтому промежуточная связь уничтожается.

Это похоже на путешествие — путешествие в обратную сторону, в сторону единого целого. Вы становитесь Богом. Когда вы растворялись во множествах, вы были миром. Тримурти находится между ними. Вот о чем говорит Нанак в этих сутрах.

Искусно Майя трех учеников на свет явила:

Создатель Брахма, хранитель Вишну и разрушитель Шива ими были.

Бог направляет их Своим желаньем и Своею волей.

Нисхождение происходит от одного к трем и от трех к множеству; но сколь далеко вы бы ни были от Единственного, вам не дано преступить Его законы, Его волю. Неважно, на сколь мелкие части вы разобьетесь, насколько растворитесь во множестве — Он внутри вас. Если Его нет в вас, то и вас быть не может. Блуждая, можно уйти очень далеко. Можно заблудиться, но нельзя зайти так далеко, чтобы невозможно было вернуться; роковой черты, за ко горой нет пути назад, не существует.

Поэтому нет людей, которых нельзя было бы спасти. Даже если человек пал в самые дальние глубины греха, он не безнадежен. Говоря словами религиозного знания, нет болезни, которую нельзя было бы вылечить, от которой не нашлось бы средства. Излечить можно все духовные недуги. Вы не можете уйти так далеко, чтобы не суметь вернуться.

Куда бы вы ни пошли — везде Он. Как бы далеко вы ни ушли — это Он идет с вами. Даже в грехе вам нужна Его помощь, ведь это Он дышит вместе с грешником, Он бьет я в его сердце. Можно уйти далеко, очень далеко. Можно забыть Его, но потерять Его невозможно никак.

Итак, вы спрашиваете: “Как нам искать Его?”. Но вопрос ваш неправильный, ибо вы никогда Его и не теряли. Даже если бы вам этого хотелось, вы не смогли бы потерять Его, потому что Он — в самой вашей природе. Если бы Он не был частью вас, вы могли бы потерять Его, забыв где-то, но этого нельзя сделать даже по ошибке, ибо Он — это вы.

Что же тогда происходит? Вы просто забываете. Можно забыть и себя самого. Человек способен забыть себя, саму природу свою. Но его естество все равно остается внутри него.

У меня есть один друг. Он адвокат, но трудно отыскать более забывчивого человека, чем он. Он может забыть почти что угодно. Иногда он забывает даже, кого он представлял в суде, кто нанял его вести защиту. Однако он является весьма влиятельным адвокатом. Однажды ему пришлось ехать в другой город, где слушалось дело его подзащитного. Добравшись до места, он к своему ужасу обнаружил, что запамятовал имя своего клиента. Он послал своему секретарю телеграмму с вопросом “Как его зовут?”. Секретарь послал в ответ имя самого адвоката, подумав при этом: “Надо же, что он умудрился забыть на этот раз!”.

Позабить самого себя тоже совсем легко. Весь мир служит тому доказательством. Каким же образом мы забываем? Мы забываем абсолютно так же, как и вспоминаем.

Есть ли средство от забывчивости? Да, и это медитация! Слишком сильно привязываясь к предметам, вы забываете себя. Посредством одной лишь сосредоточенности люди вспоминают и забывают. В голову приходит то, на чем вы концентрируете свое внимание.

То, что пропадает из вашего внимания, вы забываете. Когда ваше внимание направлено на некий предмет, вы сосредотачиваетесь на нем и освещаете его. Вы смотрите на мир и забываете себя самого. Вы настолько поглощены тем, что видите, что сами для себя потеряны. Единственный способ покончить с этим и проснуться — не увлекаться созерцанием. Как бы прекрасен и пленителен ни был объект вашего внимания, встряхнитесь и вспомните о себе.

Однако вы непременно будете забывать о реальности. Даже при просмотре фильма в кино вы забываете о той простой действительности, что перед вами всего лишь пустой экран, а сам фильм — лишь игра света и тени. Люди, сидящие в зале, плачут, сопереживая трагедии, разворачивающейся на экране. Увидев их после сеанса, вы бы, вероятно, подумали, что в их семье кто-то умер. Если показывают остросюжетную картину, они сидят в своих креслах в напряжении, готовые броситься в самую гущу событий. В такие моменты себя не помнят не только простые люди; действием увлекаются и интеллектуалы.

В жизни Ишварчанда, считавшегося в свое время весьма образованным человеком и удостоенного титула Видьясагара, “Океана Знаний”, произошел как раз такой случай. Однажды он смотрел спектакль, одним из действующих лиц которого был негодяй, распутник. Он причинял людям самые различные неприятности, например, подстерегал женщин и начинал приставать к ним. Ишварчанд был приглашен в качестве почетного гостя, и располагался в первом ряду. И вот по ходу представления он пришел в такое негодование, что вспрыгнул на сцену, снял ботинок и начал бить им актера.

Но оказалось, что этот актер был мудрее Ишварчанда. Он взял ботинок в руку и, прижимая его к сердцу, произнес: “Я не верну вам этот ботинок, так как это высшая награда, которую я мог получить за свою игру. Ни на кого прежде мое искусство не оказывало такого воздействия”. Позже Видьясагар сожалел о своем поступке. Он никак не мог понять, как он мог настолько увлечься спектаклем. А ботинок ему так и не вернули.

Каждый раз, когда что-либо захватывает ваше внимание, вы совершаете подобную ошибку. С течением времени вы забываете о смотрящем, и объект внимания становится для вас всем. И

когда это происходит, вы теряетесь в мираже, словно сбившись с пути. Если эта привычка укореняется в вас достаточно глубоко, вы начинаете считать реальным все, что видите.

Вот почему сны кажутся явью — всему причиной эта привычка. Вы принимаете за правду все, что видите. Пока вы спите, сны представляются реальностью. А утром вы обнаруживаете, что это не так. Но и в следующий раз сны снова выглядят как настоящие... и на утро вы снова понимаете, что это лишь игра воображения. И так продолжается всегда. Если к вам во сне явится убийца, вы закричите и тут же проснетесь. При этом вы почувствуете, как быстро бьется ваше сердце. Если в вашем сне кто-то умрет, вы заплачете. Проснувшись утром, вы увидите, что подушка ваша мокра от слез. Сколько раз вы видели сны? И все равно, в течение следующих двенадцати часов вы забываете, что сон — это всего лишь сон. Почему так происходит? Всему виной укоренившаяся в вас привычка принимать за истину все то, что вы видите.

На этот счет существует один древний тантрический метод. Пока вы не научитесь осознавать ирреальность сна прямо в тот момент, когда вы его видите, вам никогда не понять, что весь мир ирреален. Это обратная сторона нашего знания. Мы по-прежнему верим в реальность сансары, и поэтому даже сны воспринимаем как реальность. Тантра учит, что, не научившись осознавать прямо во время сна, что наблюдаемый сон есть ложь, вы никогда не постигнете эфемерности майи. Тантра выработала очень тонкие способы познания того факта, что сон — это только сон, но не реальность.

Можно провести такой эксперимент. Перед тем, как лечь спать, придумайте себе сделать что-нибудь, когда вам начнет сниться сон — например, резко поднять левую руку, или прикрыть ладонью глаза. Вам будет нужно производить такое самовнушение каждый день перед отходом ко сну в течение трех месяцев. По прошествии этого срока, или, если вы не будете стараться, даже раньше, память ваша обретет такую глубину, что проникнет в подсознание. И тогда, как только вам начнет сниться сон, левая рука будет сама резко вскидываться вверх, или, в зависимости от того, что вы придумали, ладонь накрывать глаза. Как только это произойдет, вам станет ясно, что это всего лишь сон, так как эти два факта уже связаны между собой посредством самовнушения.

Есть и другой тантрический метод: что бы ни видели вы во сне, сосредоточьте внимание на каком-либо одном объекте. Предположим, перед вашим взором предстала рыночная площадь. Торговые ряды со всевозможными товарами, вокруг снуют массы людей. Теперь сконцентрируйте внимание на чем-то одном, например, на определенном лоточнике. Вы будете поражены: как только вы зафиксируете свое внимание на этом лоточнике, он тут же пропадет — ведь его там никогда и не было. Потом по очереди приглядитесь пристальней к другим объектам — и вы увидите, как они тоже исчезнут один за одним. Когда вы станете знатоком в сновидениях, они пропадут. А как только пропадут сны, вы сможете медитировать даже во время сна; вы достигнете состояния самадхи.

Начните со снов, и вы обнаружите, что весь мир — это сон. Мир есть сои, который мы смотрим с открытыми глазами, потому что привычки наши сопротивляются до последнего, и мы увлекаемся тем, что видим. Увлекаемся так сильно, что забываем о себе, забываем о наблюдателе. Наше сознание работает только в одном направлении.

Гурджиев всегда говорил своим ученикам: “Когда стрела вашего сознания будет заточена с обеих сторон, когда ваше сознание расцветет на обоих концах, тогда вы станете просвещенным

человеком”. Все наставления Гурджиева преследовали исключительно эту цель. “Смотря на какого-либо человека, смотрите на него, но при этом пытайтесь смотреть и на себя самого: “Я смотрю, я — наблюдатель”. Тогда вы заострите и другой кончик стрелы своего сознания. Один конец будет направлен на воспринимаемый вами объект, а другой — на вас, на того, кто смотрит”.

Итак, вы сейчас читаете эти строки и слушаете меня, и вы, увлекшись моим повествованием, потеряли себя во мне. Вы полностью забыли о слушателе — в этом ваша ошибка. Слушая, нужно обязательно помнить и о слушателе. Так, чтобы осознавать тот факт, что “Я слушаю”, пока я обращаюсь к вам, а вы внимаете мне. Перестав напрямую ассоциировать себя со слушателем, вы выйдете за пределы этой сцены — и тогда родится свидетель.

При рождении свидетеля человек переходит от множества к трем. Вы у порога слияния Брахмы, Вишну и Шивы. Теперь будет совсем легко объединить всех троих в Того Единственного, ведь это всего один шаг вперед. Подобно этому, места слияния великих рек считаются счастливыми. Аллахабад является уникальным местом паломничества именно благодаря слиянию трех рек. Две из них, Ганг и Джамна, текут по поверхности, а третья, Сарасвати — подземная и взору недоступна.

Когда вы концентрируете свое внимание на чем-либо, существуют две составляющих: субъект, то есть вы, и объект — то, на что вы смотрите. Обе составляющие совершенно очевидны, а вот взаимосвязь между ними не видна для глаза. Ее и символизирует река Сарасвати у Праяка. Тем не менее все три реки встречаются у Праяка и на самом деле сливаются в одну.

Искусно Майя трех учеников на свет явила:

Создатель Брахма, хранитель Вишну и разрушитель Шива ими были.

Во всей Индии есть только один храм, воздвигнутый в честь Брахмы. Брахма слишком мирской. Его единственная забота — давать жизнь сансаре, миру, поэтому его не считают вполне достойным поклонения.

Храмы Шивы можно найти повсеместно. Ни одно другое божество не почитается так, как Шива. В каждой деревне, на каждой городской улице есть храм Шивы. У деревьев можно увидеть камни, которым поклоняются как Шиве. Так происходит из-за того, что с Шивой мир приближается к своему концу. Он — божество смерти, а значит достоин поклонения. Брахма дает жизнь этому миру, Шива же уничтожает его. В Индии острейшим желанием всегда было избавление от сансары, обретение свободы. Поэтому храмы Шиве возводят в изобилии.

Есть и храмы в честь Вишну. Многие из нас боятся своего уничтожения, и они почитают Вишну.

Вишну поклоняются лавочники, ибо Вишну — хранитель лавок и магазинов. Он находится посередине между Брахмой и Шивой, а его жена Лакшми — богиня изобилия. И те, кто вожделеет богатства, почитают Вишну.

Над этим стоит задуматься: если хочешь обратиться к мужчине, лучше всего действовать через его жену. Этот способ действует не только в разрешении обычных мирских проблем, но и в вопросах духовных. Правило таково: доставь удовольствие жене и господин ее неизбежно будет

доволен. Сделай приятное Лакшми, и Вишну останется доволен.

Вишну смотрит за миром; поэтому те, кто хотят жить в этом мире, почитают его. Шива есть конец, он — высочайшая смерть. Он божество саньясинов. Вот почему храмов Шивы так много: ведь это храм саньясинов, и на его сооружение должно быть истрчено минимум средств. Найдите округлый камень — и Шивалинга, символ Шивы, готов. Вам даже не понадобятся цветы; все, что нужно — это несколько листьев дикой яблони. Постройка храма в честь Вишну — сложное мероприятие, которое по карману только миллионерам, но кто же будет возводить храм во славу повелителя смерти? Очевидно, что не те, кто держится за жизнь и этот мир, поэтому храмы Шивы должны быть простыми сооружениями.

Три этих божества соответствуют трем линиям жизненного цикла: рождению, жизни и смерти. Подумайте: ведь рождение уже произошло, так какой же прок в преклонении перед Брахмой? То, что уже случилось — завершённая глава, и с этим уже ничего не поделаешь. Жизнь же продолжается; поэтому некоторые увлечены вознесением молитв Вишну. Но эти люди — не самые мудрые, ибо жизнь сокращается с каждым мгновением. Пока знание о смерти не придет в вашу жизнь, вы не сможете жить как саньясин; вы останетесь мирским человеком.

В чем разница между саньясином и простым мирянином? Саньясин осознает, что любая жизнь заканчивается смертью; все сущее в конце концов прекращает свое существование; все, что создано, в итоге ветшает и разрушается; все, что было богато украшено, приходит в один прекрасный день в запустение; приходит день, когда построенный дом рушил я. Саньясином зовется тот, кто знает о смерти, кто не перестает помнить о ней. Саньясин — тот кто понимает, что этот мир — лишь поляна, где мы ненадолго разбиваем палатку. Когда в разуме поселяется знание о смерти, происходит трансформация.

Ни у кого больше, кроме людей, нет религии, потому что у птиц и зверей нет знания смерти. Они тоже умирают, но не осознают этого факта, ибо для того, чтобы \ видеть смерть, необходимо осознание — а его у них нет.

И если у вас нет ясного представления о смерти, то вы похожи на животное среди людей. Как только приходит осознание конечности существования, меняются жизненные ценности. То, что еще вчера казалось важным, сегодня представляется бесполезным. Что было до сих пор исполнено смысла, становится бессмысленным, как только возникает понимание смерти. Человек мечтает о многом, радугой переливаются его многочисленные надежды и желания, но когда смерть приходит к нему на порог, все это рассыпается, как карт очный домик.

Смерть стучится к вам в дверь с того самого дня, когда вы родились. Шива начинает свою работу в тот же день, что и Брахма, только мы не знаем об этом. Если же вы осознали это, само это осознание производит перемены внутри вас: вы обращаетесь назад, к вашим истокам, меняя свое направление. Вашей целью становится не сансара, ибо в ней вы не видите ничего, кроме смерти. Вместо этого вы поворачиваетесь к себе самому, а идти по направлению к себе самому — значит идти к Богу. Потрясение смерти напоминает вам о Господе. Господь забыт теми, кто не помнит о смерти. Вы много раз уже умирали, много раз рождались снова — однако вы по-прежнему не хотите замечать смерть.

Помните о смерти. Пусть она будет главным стержнем вашей жизни, ведь нет ничего более безусловного, чем смерть. Все прочее в жизни под вопросом. Отправляйтесь в путь по жизни,

храня эту неизбежность в сердце, и вы увидите, что начали продвигаться от множества к троице.

Нанак говорит, что Бог направляет троицу по Своим собственным желаниям и приказам. Помните: чем бы ни были деяния ваши — добрыми делами или злыми, грехом или добродетелью, — приближаетесь вы к Господу или удаляетесь от него, идете ли вы по дороге или сбились с пути — вы не в силах преступить границы Его власти.

Помня об этом, вы получаете шанс избежать и греха, и добродетельной жизни, ибо помня об этом, вы приходите к такому осознанию: не я делаю все это; Он направляет меня. Я лишь средство, промежуточное звено. Я выполняю, что Он приказывает; сам я не делаю ничего. Тогда к чему эта самонадеянность, к чему “эго”? Он порождает, Он дает жизнь и Он забирает ее. Тогда что мне важничать? Зачем льстить себе и гордиться собой?

По-моему, я уже рассказывал вам притчу о мухе, сидевшей на ступице колеса повозки. Повозка поднимала густые клубы пыли, поскольку в нее было впряжено много лошадей. И вот муха посмотрела вокруг и подумала: “Сегодня я поднимаю столько пыли!”. Так вот вы тоже сидите на колесе повозки и думаете точно так же. Крутится гигантское колесо сансары, но не вы поднимаете столько пыли. В тот момент, когда вы поймете это, вас наполнит великий покой. Ведь все беспокойство происходит от “эго”, и “эго” имеет обыкновение принимать все на свой счет; оно взваливает на себя бремя даже тех дел, которых вы не совершали, тех, к которым вы не имеете никакого отношения.

В тот час, когда сознание того, что вы ничем не лучше той мухи на колесе, а пыль вздымает огромное колесо сансары, озарит вас, вы достигнете наивысшего покоя. Вы ощутите: я никто, я ничто. Зачем мне беспокоиться? Кому должно тревожиться? Пока жива иллюзия “я существую”, вам не видать покоя.

Ко мне приходят люди и спрашивают, как им обрести безмятежность. “Помоги мне найти покой”. Я говорю им: пока вы есть, вам не обрести спокойствия; пока существует ваше “эго”, покой вам дан не будет. Покой есть ваше несуществование. Отбросьте в сторону себя самого; вы — неправда, вы — видение. Постигнув все до конца, вы поймете, что вы — видение внутри другого видения.

Вы не существуете даже во сне. Вам, должно быть, приходилось видеть сон внутри сна. Когда вам снится, что вы идете спать, засыпаете и начинаете видеть сон.

Есть одна древняя китайская притча. Один дровосек пошел в лес рубить деревья. Через некоторое время он устал, бросил свое занятие и уснул. Во сне он видел, что поблизости, совсем неглубоко, в земле закопан огромный клад, большие кувшины с драгоценными камнями и золотом. Во сне он подумал, что ночью пойдет и тихонько выкопает сокровища — ведь если бы он попытался сделать это при свете дня, его бы схватили. Он был беден, а сокровища стоили миллионы. Проснувшись, он воткнул палку в том месте, где был закопан клад, и пошел домой.

Когда стемнело, он вернулся на обозначенное место. Палка стояла, как была воткнута, но кувшины исчезли. Он вернулся домой и сказал жене: “Я никак не могу понять, приснились ли мне эти сокровища во сне, или я взаправду их видел. Палка на месте, и даже видна яма, где стояли кувшины, так что это точно не просто видение. Но кто-то ведь унес их!”

Его жена ответила: “Наверно, это был сон. И то, как ты ночью пошел за кладом, нашел палку и обнаружил, что кувшинов нет на том месте, где им полагалось быть — это, должно быть, тоже сон. Лучше иди и спи спокойно дальше.”

Но так случилось, что другому человеку тоже приснились эти же самые кувшины, закопанные на том самом месте. Он также видел во сне, как какой-то дровосек воткнул в этом месте палку, чтобы потом найти его. Когда этот человек проснулся, он сразу кинулся к тому месту. Он нашел воткнутую палку, а под ней — закопанные сосуды! Он выкопал их и принес домой, сказав своей жене: “Я не понимаю, во сне я видел это или наяву. Но как бы то ни было, вот эти кувшины. Они доказательство того, что это был не просто сон. Должно быть, я действительно видел дровосека, втыкающего в землю палку — поэтому я и знал, где закопаны сокровища”.

Жена сказала ему в ответ: “Кувшины у нас. Это ясно, как день. Но если ты на самом деле видел, как этот дровосек втыкал палку, чтобы обозначить место, будет нечестно, если мы оставим эти сокровища себе. Отнеси кувшины царю, пусть он решит, как быть.”

Это был честный человек, поэтому он принес кувшины в суд, куда дровосек уже подал жалобу. Царь был озадачен. Поразмыслив, он сказал: “Очень трудно разобраться, спали ли вы или видели все наяву, и поэтому я разделю сокровища меж вами поровну, тем более, что кувшинов здесь много и хватит на всех”. И царь поделил сокровища между ними.

Вечером того же дня царь рассказал своей жене: “Сегодня приключилась такая странная история! Двум мужчинам приснился один и тот же сон. Теперь и не определишь, спали они или действительно видели сокровища. Но кувшины с драгоценностями были самые настоящие, и я решил поделить их между ними поровну”. Царица на это ответила: “Иди спать, это тебе, наверно, снится”.

Уже в течение тысяч лет в Китае не могут прийти к ответу: снилось им это или нет? И кто спал на самом деле? Однако так случается, когда мы приходим к концу нашей жизни. Вся жизнь кажется сном. Трудно определить, существовала ли та палка и закопанные сокровища; были ли у нас на самом деле жена и дети, враги и друзья; были ли времена бедности и достатка; были ли конфликты и противостояния; выиграли ли мы или проиграли, имели успех или терпели неудачи. В смертный час все события мелькают перед человеком словно во сне. Жили ли мы на самом деле, или все это был лишь сон?

Те, кто познал истину, говорят: “Это сон, который мы видим с открытыми глазами”. Это сон, поскольку это никак не связано с тем, что есть на самом деле. Это промежуточное состояние воображения; это просто образ. Неважно, как вы его видели: во сне или наяву. Свойство всех видений в том, что сейчас они здесь — а через мгновение их уже нет. Перед смертью теряется все.

Внутри этого сна вы видите другой сон, имя которому — “эго”. Вы считаете себя творцом, автором снов. Вас переполняет тщеславие, которое заметно всем вокруг; только вы один не замечаете его. Все остальные — в той же самой ситуации: никогда не замечают своего собственного “эго”, но всегда видят “эго” у окружающих.

Люди приходят ко мне и жалуются, что, например, такой-то человек — жуткий эгоист. А потом этот самый человек говорит мне то же самое об остальных.

Мулла Насреддин говаривал: “Я могу съесть девяносто девять печений за один присест”. Однажды я спросил его: “Мулла, а почему бы вам не съесть еще одно, чтобы получалась ровно сотня?”. Он пришел в сильное негодование и сказал: “Вы что думаете, у меня желудок или склад?”.

Поглощая эти девяносто девять печений, мулла и не думал о складе, — ведь он ел столько, сколько сам хотел. Но если кто-либо посторонний захочет добавить всего одну лишнюю, речь вдруг решительно заходит о складе! Мы слепы к самим себе. Если бы рядом с нами не было никого, кто мог бы открыть нам на это глаза, мы бы ни на что не обращали внимания. Поэтому благословенны те, кто окружает нас.

Ищущие Бога прекрасно знают, что если рядом нет кого-то еще, вы не знаете о своем “эго”, не распознаете своей болезни. Таким образом, ищущий в последние мгновения своей жизни благодарит всех тех, кто напоминал ему о его “эго”, всех тех, кто разбил его видения. Именно поэтому говорит Кабир: “Заведите себе критика и оставьте его с собой. Соорудите ему домик у себя на дворе, так как он способен видеть ваше “эго”, когда вам это не под силу”.

Вы слепы как крот, пока в вас не пробудится свидетель. “Я есть” — это сон внутри другого сна. Сансара и есть Майя. Вещественный мир суть иллюзия. И внутри этой иллюзии в вас присутствует чувство вашего “я”. Сну тоже снится сон — вот в чем проблема. В тот день, когда смерть встретит вас, “я” станет первой потерей.

Каким вы предстанете перед смертью? Как спасете себя? Что вы станете делать, когда остановится сердце? Вся ваша энергия, вся ваша сила перед смертью иссякнет. Вот почему мы так стараемся не вспоминать о смерти. Тщеславие наше не в состоянии выдержать постоянную память о ней. Оно сдувается, как шарик, когда мы беспомощно стоим перед лицом смерти. Наша самонадеянность не позволяет смириться. Я — беспомощен? Я, сильный, могущественный я — я не могу быть беспомощным! Уж лучше скрыть правду о смерти, чтобы не ранить “эго”! Мудрецы же помнят о смерти.

Перед лицом смерти безоружны все, даже величайшие завоеватели и Гитлер, и Александр Македонский, и Наполеон — проиграли сражение с ней. Поэтому мы стремимся спрятать факт смерти подальше. Мы держимся за свое “эго”, которое есть ложь, и забываем о смерти, которая есть реальность. Твердо решив идти к Единому, помните о смерти, ибо она — величайшая правда, и могущественное влияние этой правды таково, что “эго” постепенно умирает.

Как-то вечером Чжуан-Цзы[22] возвращался домой. Путь его лежал через императорское кладбище. Ночь была безлунной, и он не заметил, как задел ногой чей-то череп. Чжуан-Цзы поднял череп и молвил: “Прости меня, я не хотел обидеть тебя. Я должен попросить у тебя прощения, так как это всего лишь вопрос времени. Будь ты жив сегодня, неизвестно, что бы меня ждало после такого оскорбления”. И он отнес череп домой. Ученики просили и умоляли его выкинуть находку — ни к чему держать в доме череп.

Но почему бы нам не держать дома череп? Наоборот, нам следовало бы поставить его на видном месте. Нет реликвии ценнее! Череп — самое действенное средство напоминовения о смерти. Держите его на своем трюмо, чтобы можно было видеть свое лицо в зеркале и череп на столике.

Чжуан-Цзы всегда носил с собой череп. Он мог забыть что угодно, но только не череп.

Окружающие не одобряли этого и спрашивали, почему он всегда носит с собой столь ужасную вещь.

“Почему вас так беспокоит этот череп? — вопрошал Чжуан-Цзы. — Что он вам сделал плохого? Я ношу его с собой, чтобы он напоминал мне, что когда-нибудь и мой череп будет где-то лежать. Возможно, и ему тоже достанется от каких-нибудь бродяг, и никому и в голову не придет попросить прощения, и я ничего не смогу с этим поделать. Вот он, череп, прямо у меня в голове. Я оставлю этот череп, и тогда, даже если вы ударите ботинком мне по голове, я взгляну не на вас, но на череп. И потом я улыбнусь, так как знаю, что когда-нибудь так и должно было случиться. Просто не могло быть иначе. На какой срок сумею я уберечь свой череп?”

Когда смерть становится непреложностью, “эго” исчезает. Вспоминание о смерти для “эго” — яд. Пока существует “эго”, вам не пробудиться. Но стоит смерти обрести зримую форму, “эго” будет уничтожено, ибо тогда вы поймете, что все происходит по Его воле, что вы — не вершитель.

Но Бог направляет их Своим желаньем и Своею волей.

За ними надзирает Он, хоть Он для них невидим;

И то есть чудо из чудес.

Говорит Нанак: Бог видит Брахму, Вишну и Шиву, они же неспособны видеть Его. Это чрезвычайно важное высказывание. Ищущий должен запомнить его. С помощью глаз вы видите весь мир. Наблюдатель внутри вас видит и ваши глаза, но ваши глаза не могут увидеть Его. Вы ко всему можете прикоснуться рукой; наблюдатель внутри вас видит и ваши руки, однако вашим рукам не дано дотронуться до Него.

Брахма, Вишну и Шива — это три глаза, или три лица Бога. Эти три лица видят вещественный мир, но неспособны повернуться назад и увидеть Бога, ибо то, что скрыто за ними — вне их досягаемости. Поэтому вы можете видеть Его только тогда, когда ваше внешнее зрение полностью выключено. Вам не увидеть Его физическими глазами. С помощью того лица, что у вас есть, невозможно увидеть Его; распознать Его можно, только забыв об этом лице совершенно. Желая попасть внутрь, следует отказаться от всех внешних способом путешествия. Они непригодны для путешествия вовнутрь. Брахма, Вишну и Шива относятся к вещественному миру. Тримурти находится снаружи, и то, что скрыто за этой троицей — вне досягаемости.

Есть одна прекрасная индийская притча — среди множества подобных историй, — в которой говорится о том, как сам Брахма, когда человек достигает состояния Будды, приходит к этому человеку, садится у его ног и просит поделиться своим знанием.

На это и намекает Нанак, ведь Будда выше Брахмы; он выше всех божеств Брахма, Вишну и Шива далеко позади него, ибо они всего лишь лица троицы. Тот, кто постиг Единого, взлетает выше тех, кто познал троицу. Даже сам Брахма придет к нем у, поклонится в ноги и попросит о знании.

Суть в том, что Брахма, Вишну и Шива существуют, однако с их помощью нельзя познать Единственного. Только отбросив троицу, можно познать Его. На эту тему в Индии написаны великолепные притчи, по сей день не имеющие себе равных по красоте, которые, правда, очень сложно понимать и интерпретировать.

Одна из историй, о которых я говорю, начинается с того, как Брахма сотворил землю. Земля — дочь Брахмы, но как только он увидел свое творение, он был поражен ее красотой и побежал за ней. Она принимала самые разные формы, пытаясь спастись от него. Но какую бы форму она ни принимала, Брахма воплощался в соответствующую и продолжал погоню. Когда она стала коровой, он стал быком.

Когда эту притчу впервые прочитали на Западе, тамошние читатели пришли в замешательство: что же это за Бог, который преследует свою собственную дочь? Но притчи эти замечательны, ибо индусы верят в то, что их божества — вполне земные существа. Они так же обращены вовне. Таким образом, Брахма вполне может быть очарован своей дочерью, то есть своим собственным творением.

Разве не поступаем так же и мы? Разве не бываем и мы очарованы свои ми творениями, своими видениями? Не преследуем их потом? Мы бежим даже за теми желаниями, которые рождаются у нас — в этом смысл притчи. Само желание становится нашим пожизненным увлечением. В каких только видах не преследуем мы наших желаний. Божества так же увлечены, как и человек, и в той же мере пленники своих увлечений. Поэтому Брахма тоже приходил к Будде в поисках знания.

Нанак говорит: это чудо из чудес, что Бог видит троицу, а Он для нее невидим. Да, это чудо, но все же оно не столь удивительно. Настоящее чудо вот в чем: если Тот Единственный способен видеть троицу, почему троица не может видеть Его? Впрочем, и это не так уж поразительно, поскольку как же троица может увидеть Единого, не посмотрев назад? Но ведь как только они посмотрят назад — они станут Одним Целым.

Попробуйте понять это следующим образом: я постоянно говорю вам, что вы не можете встретить Бога, ибо в тот час, когда вы встретите Его, вы перестанете быть собой. Вы должны уничтожить себя перед встречей с Ним. Пока в вас присутствует “я”, не может быть Бога. Бог есть, когда вас не существует. Так как же может произойти эта встреча?

То же самое происходит с Брахмой, Вишну и Шивой. Если они поворачиваются внутрь самих себя, остается Единственный, троицы больше нет. Но пока троица остается в качестве троих — эти трое не могут повернуться вовнутрь. Поэтому это одновременно и чудо, и нет.

Не думайте, что мы ведем разговор лишь о Брахме, Вишну и Шиве — это касается вас! Троица — просто символ.

И если должно поклониться, кланяйся Ему.

Говорит Нанак: Зачем кланяться Брахме, Вишну, Шиве? Ведь они даже не могут видеть Его. Только Он один видит их, поэтому кланяйтесь Ему, если вам должно поклониться.

Он — первый среди сущих, он чист, он без начала, без конца.

Он — звук несотворенный.

Сквозь времена Он неизменен.

Кланяйтесь Ему, вечному и единственному. Только Его ищите, изначально Единственного; того, кто есть всему начало, но кому самому начала нет; кто был самым первым, и пред кем не было никого и не было ничего; и кто будет в конце, и после кого не будет никого! Кланяйтесь лишь такому. Стоит вам поклониться меньшему — и вы заблудитесь.

Однако мы не в силах набраться мужества, чтобы поклониться Единому, ибо мы кланяемся для наших собственных нужд. Нам нужно отбросить все свои интересы, чтобы поклоняться Ему.

Если вы желаете угождать своим потребностям, поклоняйтесь божествам, они похожи на вас. У вас есть желания, у них они тоже есть. Просите их о дарах, и они удовлетворят ваши желания. У вас и у них ценности одного порядка. Они, вероятно, могущественней вас, но вы мало отличаетесь; как и у вас, у них есть свои надежды и ожидания. Так возносите им хвалу, чтите их, и все ваши земные пожелания будут удовлетворены; однако все, о чем вы их можете просить, относится только к этому миру. Если такова ваша цель — молитесь Вишну.

Только будучи готовым покинуть мир, вы можете просить о Единственном. Помните: путь ко всему, чего можно достичь, лежит через Единого; все прочее — лишь бесцельное блуждание. Любой, кто достиг чего-либо, достиг этого через Него; все прочее — лишь бесцельное блуждание. Любой, кто достиг чего-либо, достиг этого через Него. Вы видите, как люди тяжелым трудом достигают мирского успеха и не приобретают ничего — но вы по-прежнему закрываете глаза на этот факт, ваше сознание все еще не пробудилось. Очень многие ищут земного благополучия; некоторым удается обрести его — но они обнаруживают, что не достигли ничего. Те, кто проиграл, — неудачники, но в данном случае и победители — те же неудачники.

За столиком в ресторане сидели двое мужчин: один молодой, другой немного старше. В ресторан вошла прекрасная женщина. Молодой человек, провожая ее взглядом, сказал: “Каждый раз, когда я вижу ее, у меня замирает сердце. Я просто с ума схожу по этой женщине и буду счастлив только тогда, когда она будет моей. Без нее я не нахожу себе места. Просто не знаю, что мне делать”.

Мужчина постарше молвил: “Когда тебе удастся соблазнить ее, скажи мне об этом”.

“Что ты имеешь в виду?” — спросил влюбленный.

Тогда его собеседник объяснил: “Она ведь моя жена. С тех пор, как я женился на ней, я совершенно потерял душевный покой и смогу восстановить его, только если ты сумеешь увести ее у меня!”

Недовольны и те, кто не получил, и те, кому это было дано. Недовольство — вот способ жизни в этом мире. Вам могут встретиться богач или бедняк, преуспевающий и неудачник, потерпевший поражение и одержавший победу — и все будут стенать и жаловаться. В одном отношении все судьбы очень схожи: все несчастны.

Лишь достигнув Единого, можно достичь чего-либо. У этого Единого нет храмов. В честь

Брахмы есть один храм, в честь Вишну их много, в честь Шивы их не счесть. Но Единственному не возводят храмов; их просто не может быть.

Имя, которое дал Нанак своему храму, поистине прекрасно — Гурудвара. Это не храм, посвященный Богу, это вход для гуру. С помощью него вы можете достичь Единого, но сам по себе он лишь дверь, через которую вам надлежит пройти. Тут не следует задерживаться. Глупец тот, кто прерывает свое путешествие в Гурудваре. Мы должны направиться через дверь гуру к Единственному, чья обитель за этой дверью.

Итак, говорит Нанак, если в вас возникло чувство глубокого и подлинного почтения, то преклоните голову свою пред Единственным. Он восседает на троне, повелевая всем видимым и невидимым, и поэтому в Его честь не может быть храма.

Во всех мирах Он пребывает, и все миры — в Его распоряжении.

Навечно Он наполнил их всем тем, чего достигнуть стоит.

Создал создатель, и теперь за порожденным смотрит.

И говорит Нанак: Он — настоящее, реальность, и дела Его истинны.

Все, что относится к Богу — что бы это ни было — есть истина. Все, что относится к вам, есть ложь, ибо само ваше существование — лишь сон. Из неправды не может произрастать истина. Все, что вы создали — всего лишь карточный домик, готовый обрушиться от малейшего дуновения ветра. Что бы вы ни создали — это не более чем бумажный кораблик, и он утонет, едва успев поднять паруса. На нем нельзя плавать. Все, что создано вашим “эго” — ложь, ибо само “эго” — ложь. Истина то, что принадлежит Богу.

В тот час, когда эта истина дойдет до вашего сознания, вы перестанете тратить энергию на порождение неправды; вместо этого вы начнете использовать ее для познания истины. Сансара поглощает людей, которые заняты порождением лжи. Вы не осознаете ложность этого мира, так как сами окутаны им. Сделайте шаг назад и взгляните на ваш мир со стороны — как он пугающе фальшив!

Люди стараются скопить побольше банкнот. Они не понимают, что банкноты — это просто кусочки бумаги, лишь средство покупки и продажи. Если вдруг поменяется правительство, и новая власть решит отменить старые деньги, то они станут простыми бумажками! Так что на самом деле эти люди делают ставку на предположение, на которое полагаться нельзя.

В Америке есть один отель. Во время депрессии 1930 г. американская экономика рухнула, и владелец отеля обклеил его стены бесполезными облигациями, стоимость которых до кризиса составила бы десятки миллионов долларов. Миллиарды долларов превратились тогда в бесполезные бумажки.

Но человек продолжает копить банкноты. У него нет других интересов, кроме накопления денег. Он наполняет свой сейф, но не понимает, что продает свою собственную жизнь за эти банкноты, ибо ценен каждый момент. Энергию, которую он мог бы направить на постижение Бога, он растрчивает на собирательство денежных знаков.

Когда-то в Мексике камни и галька использовались в качестве монет, поскольку это вопрос лишь общего согласия; мы используем куски бумаги в качестве денег, но не более ли ценны камни, нежели бумага? Золото является золотом, потому что мы договорились о его ценности.

Но если завтра все вдруг поменяется, и люди станут вместо золота пенить железо, золото потеряет всю свою значимость. И драгоценности и украшения станут тогда делать из железа.

В Африке есть племена, для которых ценностью являются кости, а не золото. Они носят украшения и ожерелья, сделанные из костей, а золото не имеет для них никакого значения. Они ни за что не променяют его на свои кости.

Все это игра ценностей, и за эти ценности вы жертвуете своей жизнью. Вы готовы пожертвовать чем угодно, лишь бы люди вас уважали. Но в чем смысл этого уважения? Кто те люди, чьего признания вы жаждете? Они такие же, и так же страстно желают завоевать ваше признание. Какова же ценность их уважения? Что приобретаете вы, заработав уважение у глупцов? А количество глупцов на этом свете не поддается учету.

Однажды Уинстон Черчилль совершал поездку по Америке. На собрании он выступал перед огромной толпой; зал был переполнен. По окончании мероприятия к нему подошла некая женщина и сказала: “Вы, должно быть, счастливы, что столько людей пришли послушать вас. Всякий раз, когда вы выступаете, зал набит до отказа.”

Черчилль ответил: “Каждый раз, когда я вижу переполненный зал, я говорю себе: “На мою казнь пришло бы в пятьдесят раз больше народу”. Разве можно верить этим людям? Они слушают меня и аплодируют. Если бы меня повесили, они бы все равно хлопали в ладоши. Так что когда я вижу зал, полный людей, я сам себе напоминаю: эти же самые люди, или даже еще больше, пришли бы насладиться зрелищем моей казни.”

Одни и те же люди будут хлопать вам в момент вашего взлета и аплодировать, даже еще громче, в момент падения. Чего вы собираетесь достигнуть, собирая толпы людей и получая их голоса? Каких товарищей вы приобретаете в их лице? И как высоко вы намерены подняться на их плечах? Человек ставит на карту свою жизнь ради этих ничтожных приобретений — завоевания признания людей, возвышения в их глазах.

Нанак говорит, что все, что порождено “эго”, есть ложь; ничем другим оно быть не может. Так “эго” просит для себя. К вашей двери приходит политик, молитвенно складывает ладони, преклоняет голову и просит голосовать за него. Вы отдаете ему свой голос; он делает вашу жизнь лучше. Происходит взаимное удовлетворение “эго”.

В одном городке жил человек, который отбивал время на часовой башне. В этом городке была небольшая телефонная станция. Каждое утро в девять часов кто-то звонил на станцию и просил назвать точное время. Служащие станции слышали, как на башне отбивают девять, и подводили свои часы по этому бою. Так продолжалось довольно долго, пока оператор один раз не поинтересовался у звонившего, кто он такой и почему каждое утро ровно в девять звонит и спрашивает точное время. Звонивший ответил: “Я ответственный за часы на башне”. Представляете себе ситуацию: тот человек зависел от телефонной станции, а станция точно так же зависела от него!

Взаимная зависимость присутствует во всех наших делах. Я смотрю на вас, вы смотрите на меня; я уважаю вас, вы уважаете меня; вы даете пищу моему “эго”, а я — вашему. Такова обширная сеть, сплетенная ложью.

И говорит Нанак: Он — настоящее, реальность, и дела Его истинны.

Сначала отыщите истину. Ничего не делайте прежде. Ибо все, что сделано до того, не может быть истиной. Только в одном занятии есть смысл: распознать истину! После можно делать что угодно. Потому что, однажды познав истину, вы увидите, как она начнет действовать изнутри.

И если должно поклониться, кланяйся Ему.

Он — первый среди сущих, он чист, он без начала, без конца.

Он — звук несотворенный.

Сквозь времена Он неизменен.

Помните: Он неизменен, Он не меняет формы. Все изменчивое есть Майя. иллюзия; это сансара, это фальшь, это видение. То, что вечно, то, что никогда не изменяется, есть Бог. Если вы правильно уловили смысл этой сутры, то одним прекрасным днем вы отыщете неизменного Единственного внутри себя.

Вы, вероятно, заметили, а может и нет, что внутри вас также есть некий элемент, некая часть, которая остается неизменной. Иногда приходит гнев, но он не остается с вами на весь день. Гнев есть Майя. Иногда нас посещает любовь, но и она с нами не навсегда. Любовь — это тоже Майя. Иногда вы приветливы, иногда грустите; но все эти состояния преходящи, и поэтому они — иллюзия.

Тогда что сопровождает вас все двадцать четыре часа? Это ваш внутренний свидетель — знаете ли вы об этом или нет. Кто это, кто видит ваш гнев? Кто это, кто видит вашу жадность? Кто видит вашу любовь? Кто наблюдает за вашей ненавистью? Кто знает вашу грусть? Кто знает ваши светлые моменты? Кто это, кто говорит вам: я болен, или мне хорошо? Кто это, кто знает, что вы плохо спали прошлой ночью, что вас беспокоили сны?

Есть только один, кто с вами на протяжении всего дня и кто знает вас изнутри. Он никогда не спит, в то время как все прочее приходит и уходит. Не отпускайте его, ибо только так вы сможете увидеть Его лик.

И если должно поклониться, кланяйся Ему.

Он — первый среди сущих, он чист, он без начала, без конца.

Он — звук несотворенный.

Сквозь времена Он неизменен.

Глава 6. Ваша лодка бесполезна на суше

Если б голос мой одинокий сотнею тысяч стал голосов,

И эта сотня тысяч умножилась в двадцать раз,

Каждым из них пропел бы я сотню тысяч раз

Единственное имя Творца вселенной.

Вот ступени божественного имени.

Поднимаясь по ним, один превращается в двадцать один.

Слушая, как звучит в них слава Небесная,

Даже те, что червям ничтожным подобны, дерзают к ним устремиться

Нанак так говорит: только милость Его ведет к Нему.

Но лжепророки хвастливо твердят свои байки.

Сила — не в разговорах и не в молчании;

Сила — не в подаянии и не в прощении;

Сила — не в том, чтобы жить, и не в том, чтобы умирать;

Сила — не в государственном благе и не в решениях рассудка;

Сила — не в памяти и не в знании о божественном;

Сила — не в мирской суете и не в мечтах сойти с колеса сансары.

Подлинная сила в Его руках — Того, кто творит и непрерывно наблюдает.

Нанак так говорит: никто не унижен и не возвышен перед Ним.

Прежде чем разбирать сутры, нам следует кое-что уразуметь. Ищущие Бога придумали уже неисчислимое множество путей к Нему. Но, достигая чего бы то ни было, человек всякий раз понимал, что к Нему никаким способом приблизиться невозможно. Это достижение всегда результат Его милости, Его дар; лишь благодаря Его состраданию ищущий прибывает к месту назначения.

Все, однако, увы, не так просто, — ведь без усилий со стороны ищущего благодать на него не снизойдет. Постарайтесь в это вникнуть, ибо без предварительного понимания этой сложной головоломки вы не сможете продвигаться по пути осознания.

Скажем, вы забыли чье-то имя. Вы изо всех сил стараетесь его вспомнить... Имя вертится у вас на языке и, кажется, вот-вот вы его произнесете — ан нет. Вы напрягаете память и так и сяк; все внутри вас находится в состоянии боевой готовности, ведь вы так уверены, что вспомнить

ничего не стоит. Потом вы приходите в раздражение и сдаетесь. Ну что можно поделать, если на вас временно нашло затмение? Вы обращаетесь к другим делам — читаете газету, отправляетесь гулять, идете в гости к друзьям. Вы уже “отпустили” этот эпизод с забытым именем, как вдруг в самый неожиданный момент, за чашкой чая, вас осеняет. Вы совершенно расслаблены и никаких усилий не делаете.

Если мы прилагаем к чему-то слишком много усилий, это само по себе становится помехой. Огромное усилие вызывает огромное напряжение ума. Когда мы чересчур упорно преследуем цель, настойчивость оборачивается препятствием. Когда ум сосредоточен, он становится ограниченным, а мы — закрытыми. Ум сужается настолько, что ни единому слову не удастся пробиться наружу.

Сосредоточение означает ограничение. Сосредоточенный ум должен быть закрыт для всего на свете, кроме объекта концентрации. Вам остается для обзора крохотная щелочка; все остальное закрыто.

Если, к примеру, у человека горит дом, весь его разум сосредоточен на пожаре. В этот момент он не почувствует, что жмет ботинок. Он не замечает того, что происходит вокруг.

Кинувшись тушить огонь, он не обратит никакого внимания на обожженные руки или горящую одежду. Все его силы брошены на спасение дома; все остальное забыто. Точно так же, когда вы силитесь вспомнить какое-то имя, оно не выплывет из глубин вашей памяти, так как ум ваш в этот момент слишком сосредоточен и ограничен.

Сложность заключается в том, что Бог слишком необъятен для того, чтобы его мог объять узкий ум. Если уж так трудно оживить в памяти какое-то словечко, то как уж тут вспоминать Бога? К тому же Его имя не на языке, а в сердце. Оно приходит на ум спонтанно, когда вы ничем не заняты, разум расслаблен, и врата его распахнуты. Когда исчезает ограничение сосредоточенности, вы раскрываетесь, и входит Бог.

Ирония, однако, в том, что второе событие может случиться лишь после того, как вы всерьез постараетесь его приблизить. Без этого первоначального усилия ничего не произойдет, ибо событие есть конечный результат первоначального усилия и борьбы. Чрезмерные старания оканчиваются очевидной неудачей; однако стоит вам сдаться, и усилие проскальзывает в бессознательное, где и проявляет себя с той же интенсивностью. И вот, когда вы расслаблены, мысль и поднимается на поверхность.

Так что попытки бывают двух видов: сознательное усилие, приложенное вами, не приводит вас к Богу. Когда же вы сдаетесь и принимаете свое поражение, ваше усилие проникает в каждую клетку вашего тела. Оно наполняет вас с каждым ударом сердца и с каждым глотком воздуха. Оно становится неотъемлемой частью вас. Делайте что хотите, а оно уже проникло в глубины вашего существа, подобно глубинному течению, потоку, с которым наступает божественное пришествие. Ученые сказали бы, что теперь оно стало усилием вашего бессознательного.

Сознательный разум — лишь малая толика в сравнении с бессознательным. Это соотношение одного к девяти. Он подобен айсбергу; одна шестая видна, а пять шестых десятых скрыты под поверхностью.

Задействуя лишь сознательный разум, вы ничего не добьетесь. Успех придет к вам лишь тогда, когда ваше сознательное усилие полностью выдохнется, как и вы сами; вы остановитесь, но усилие продолжит уже без вас, живя в вашем бессознательном. Хотя сами вы и сдаетесь, бессознательное не сдается никогда.

Это значит, что сознательное усилие постепенно становится бессознательным. Когда подобное происходит, джапа — повторение, становится безмолвным повторением — аджапой. Теперь вам нет нужды сознательно повторять имя; это происходит само собой внутри вас. Что бы вы ни делали — бегали по магазинам, трудились в офисе, предавались сну — джапа не прекращает свою работу. Входя в ваше бессознательное, джапа пропитывает каждый атом вашего существа. Вы можете не слышать ее музыки, но она звучит внутри в полном голос.

Сознание полезно в том смысле, что оно относит вас к бессознательному. В один прекрасный день грянет гром, и вы окажетесь лицом к лицу с Богом. Тогда вы почувствуете, что продвинулись по этому пути так далеко только благодаря Его милости и состраданию. Вы давно уже бросили все попытки и отдались на волю волн, как вдруг показался берег. Так что дело не в вашем усилии; вы прекратили странствие — и святая святых сама очутилась перед вами. Поскольку в этот момент вы никаких усилий не предпринимали, естественно ощущать, что на то была Божья милость.

На первом этапе необходимо сделать все возможное на сознательном уровне. Не следует думать, что если ваши усилия не приносят результата, то нет и смысла их предпринимать — что если на все Его милость, то все случится, когда случится, и незачем беспокоиться. Тогда не случится ничего.

Если же вы полагаете, что результат может быть получен исключительно вашим старанием и продолжаете сознательную борьбу, то и в этом случае ничего не произойдет. Когда ваши усилия встречаются с Его состраданием, усилиям наступает конец, и остается только Его милость.

Все, что вас ограничивает — это ваше сознательное “я”. Он существует только в вашем бессознательном. Ваш сознательный разум, ваши мысли связывают вас. Но если проникнуть глубже, в самую бездну вашего существа, там царит Он. Несмотря на то, что Он уже там, внутри вас, требуется ваше усилие для того, чтобы вышибить дверь между сознанием и подсознанием. Пережить их единение можно только благодаря Его состраданию.

Ищущим надлежит перво-наперво произвести тщательные и повсеместные исследования, после чего отказаться от всяких поисков. Поиск следует оставить лишь после того, как осмотрено все — не раньше, иначе все пойдет прахом. Только поело того, как вы заглянули во все углы, прочесали всю территорию, не упустив ни пяди, только тогда поиск из сознания переходит в область подсознания; ибо там вас нет, туда ваше эго не вхоже.

Где пребывает ваше эго, ваша самонадеянность, когда вы спите? Но сие некому заявлять о себе: “Я король”, или “Я миллионер”. “Я” попросту не существует. Точно так же нет ни малейшего намека на эго в вашем бессознательном. “Я” — продукт сознательного разума. Оно рассыпается, когда вы делаете усилие; эго истаивает, когда вы истощены. Когда же истаивает эго, открывается дверь в бессознательное. А дверь в бессознательное служит входом Богу. Все достигшие Его вошли в эту дверь. Но по ту сторону ее уже нет вас, некому говорить “Я”; и потому в момент достижения цели вы скажете: “Его милость, Его сострадание”.

Это создает почву для иллюзии, сомнения: вы можете спросить о размере Его милости — может, она для одних поменьше, а для других побольше?

Если все дело в благодати, то она снисходит на единицы, большинство же остается без нее. Нет ли в этом некоей несправедливости? Вспомните: лишь благодаря собственным усилиям вы становитесь достойными Его сострадания. Милость Его изливается на всех, и непрерывно, но вас она минует. Стало быть, вы просто не в состоянии принять то, что вам дается, а Он тут вовсе ни при чем.

Так Нанак говорит: никто не унижен и не возвышен перед Ним.

Не существует достойных и недостойных. Он дает, Он равно изливается на всех. Но если вы не готовы принимать дары, они проскользнут у вас между пальцами, как песок. Вы не готовы принять Его благодать.

Если вы увидите у обочины неограниченный алмаз, вы не станете его поднимать, а ювелир на вашем месте поднял бы, ибо знает ему цену. Для вас это просто камешек. Алмаз в равной степени доступен и вам, и ювелиру; он был ничьим. Он не видит разницы между вами и ювелиром; он не отвергал вас в пользу ювелира. Но факт остается фактом: вы его не узнали, а ювелир узнал. У него наметан глаз, он умеет отличать алмаз от других камешков.

Так и Бог: Он перед вами, везде и всюду. На что бы ни упал ваш взгляд, Он там; но вы не умеете Его разглядеть. Глаза ваши не видят Его, уши не слышат, руки не способны до Него дотронуться. Вы глухи, немые и бесчувственны! Он зовет вас, но вы к Нему не бежите. Он зовет со всех сторон, но вы глухи, как тетерев. Он не делает различий между людьми и никого не унижает, ибо все из Него выходят и в конце концов в Него погружаются. Какая уж тут дискриминация!

Какая разница между вашей левой и правой руками? Что хуже — когда правая рука причиняет боль, или когда левая ее испытывает? Они обе ваши, и левая, и правая внутренне вы единое целое — вы.

Различает ли Он богатых и бедных, образованных и невежественных, хороших и плохих?

Если бы Его благодать была обусловлена, она снисходила бы на вас при условии, что вы соглашаетесь с Его требованиями. Это было бы деловое соглашение, сделка. Нет, Бог дарует без корысти. Если вы не можете получить его дар, значит, вы и не рветесь его получать. Он стучится в вашу дверь, а вы думаете, что это ветер. Вы видите Его следы, но начинаете рассуждать и комментировать их по-своему, что только сгущает тьму у вас перед глазами.

Бог приходит к вам с разных сторон. Он вовсе не экономит себя. Он приходит к вам столько же раз, сколько являлся Будде, и не реже, чем приходил к Нанаку. Вы для Него ничем не отличаетесь от Нанака. Но Нанак узнает Его; он ювелир. Будда держит край Его одеяния; а вы опять проглядели. Когда вы приобретете сноровку, когда вы станете знатоком в искусстве наблюдения, слепота ваша исчезнет. После того, как ваши усилия сведут ваше эго к нулю, когда, истощив силы, вы перестанете существовать, вы обнаружите, что Он был перед нами всегда. Он был — на кончике вашего носа; и в какую бы сторону вы своим носом ни поведи пи, там Он. Вы не замечали Его из-за собственного “Я”.

Это надо запечатлеть в сердце: если вы упускаете шанс, вы тому причиной, если достигаете, то благодаря Его милости. Это непостижимо для обычной логики, ведь по ней следует: если я упускаю шанс по собственной вине, то и за достижение мне надо благодарить себя. Сколь железной ни казалась бы логика, она ошибочна; вы упускаете по своей вине, а достигаете благодаря Ему, Его милости.

Что это значит? Это значит, что покуда вы существуете, вам Его не достичь. Как же вам прийти к Нему через себя, если вы сами — помеха? Чем сильнее в вас “Я”, тем больше помеха, тем прочнее стена. Стоит стене рухнуть — как Он оказывается прямо перед вами. Эту стену разрушит сознательное усилие, и дверь отворится, а божественный свет сиял по ту сторону всегда.

Когда вы достигаете Его, вам многое становится ясно. Первое: я не видел, ибо мешал себе сам, а увидел благодаря Тебе. Второе: Ты был рядом, я же искал Тебя где угодно, только не там, где Ты был. Третье: то, на что я опирался в своих поисках, только уводило меня в сторону.

Разным сферам жизни свойственны разные способы передвижения. Можно пересечь океан на лодке, но вы не сможете ехать на ней по суше. Неважно, что вы, быть может, хороший моряк, и избороздили не одно море, и, как никто, знаете океан: невозможно плыть в лодке по дороге. Более того, из-за этой лодки застопорится вся поездка. Вы могли бы, в конце концов, пойти пешком и добраться к цели на своих двоих, но теперь вы застряли, потому что у вас на руках эта самая, так сказать, лодка. Как бы вы ни пытались применить к сухопутным условиям свои знания и опыт в области морского дела, сколько бы бескрайних океанов вы ни покорили до того, на клочке сухой земли вы будете как рыба, вынутая из воды, потому что лодка ваша бесполезна на суше, и ничего с этим не поделаешь.

Именно это и происходит. Лодка эго — полезный транспорт в мире сансары, в мире предметов. Вы ни шагу не сможете ступить без эго. Попытки пробиться в жизни, не задействуя эго, приносят одни огорчения, ибо жизнь — это гонка разных эго. Любое приложение усилий связано с “Я”. Чем значительнее эго, тем значительней успех. Успех может обернуться полным поражением, но это уже другой сюжет. В материальном же мире выигрывает самонадеянность. Психоз самонадеянности всегда победоносен, ибо здешний мир — мир маньяков.

Если вы все же с таким эго стартуете по дороге к Богу, вы совершите ошибку. Вы могли успешно существовать в материальном мире, ваше эго могло сделать из нас Наполеона, Александра Македонского, но не допускайте этой ошибки: не берите с собой эго в дорогу к Богу. Оно станет помехой, заманит вас в ловушку и свяжет по рукам и ногам. Взгромоздившись в лодку, вы будете просто тихо-спокойно в ней сидеть. Она не поплывет. Путешествие невозможно.

С первого же взгляда на Него человек осознает, что не замечал Его нее это время исключительно по собственной вине и что смог, наконец, Его увидеть, благодаря Его милости. Он осознает, что все его усилия, такие, казалось бы, настойчивые и изнуряющие, не стоят даже того, чтобы о них говорить, по сравнению с даром достижения. Они никак не связаны между собой, человеческие усилия и Его милость.

Это все равно что пытаться понять, что такое океан, путешествуя при помощи иголки. В самом деле, что общего между океаном и иголкой? Все усилия человеческие подобны иголке — маленькой-маленькой. Пока вы не встретитесь с Богом, вы не можете взвесить свои усилия или

понять их смысл. Вот человек говорит, что служит в храме. Что он делает? Он звонит в колокол, возлагает цветы перед образом. Пусть даже действия его полезны, но имеют ли они какое-либо отношение к осознанию Бога? Другой человек ежедневно сидит и по часу твердит Его имя. Если этот человек думает, что повторяя Его имя снова и снова по часу в день, он придет к Богу, он сумасшедший! Как ему помогут его крики и призывы? Чего стоит его голос, далеко ли он долетит?

Достигая цели, вы мгновенно осознаете, что все ваши усилия — сущие пустяки. Они покажутся вам такой ерундой — все эти посещения храмов, паломничества к Каабе и Каши; все ваши молитвы и исповеди; все эти стояния на голове, вопли и выкрики, чего они стоят? Вы прилагаете эти ничтожные, эти абсолютно невыразительные усилия, чтобы достичь бесценного — того, чего не купишь ни за какие деньги ни на каком рынке. Вы час работаете и получаете рупию; вы час молитесь — и думаете таким образом достичь Бога? То, что труд в течение часа может сделать вас на рупию богаче, понятно и логично, но как можно заработать Бога путем часовой медитации?

Труд наш ничего не значит. Достигнув Его, вы должны будете принять тот факт, что подставляли ложку, а в нее вылился океан. В этот час вы готовы крикнуть: “Твоя милость, Господи, Твое сострадание!” Святые изнуряли себя в своих радениях, а в результате свидетельствовали против собственных же усилий. Тем не менее, они призывали своих учеников продолжать попытки, не прекращать их ни на минуту. Это представляется весьма далеким от логики.

Всякий раз как я говорю, что Его невозможно достичь путем собственных усилий, ко мне подходят люди и спрашивают: “Для чего изнурять себя медитациями, если Его можно осознать и так? Если, как вы сами говорите, усилия не приносят плодов, какой во всем этом смысл?”

Случилось так... В начале этого века физики сделали открытие, выходящее за пределы логики. Все их вычисления показали, что крохотная частица материи, электрон, ведет себя странным и непонятным образом: двумя взаимоисключающими способами одновременно. Он действует и в качестве частицы материи, и в качестве волны, течения, ряби. А это непримиримо противоречило лабораторной логике ученых. Логике вещей, логике и законам материи в их материальном мире...

Если вы учили геометрию, то знаете, что линия — это линия, а точка — это точка. Линия никоим образом не может выглядеть подобно точке, и наоборот, по той простой причине, что точка это точка, а линия это череда множества точек. Если бы у вас в книге стояла точка, которая время от времени превращалась в линию, а потом у вас на глазах опять становилась точкой, вы бы встревожились. Какие бы только мысли не полезли вам в голову — что дело пахнет черной магией, или что кто-то вас разыгрывает. Ибо точка это точка и линией быть не может. Одна вещь не может быть двумя разными вещами одновременно.

Точно так же частица это частица, а волна — волна. Однако физики в начале этого века обнаружили, что электрон действует в обоих качествах, он ведет себя двойственно. Для науки это стало огромным испытанием, поскольку ее логические построения рухнули в один миг.

Наука подчинена логике, мистике в ней места нет. Она и не поэзия. Это арифметика, где дважды два — всегда четыре. Так как же тогда быть? Чем подробнее они исследовали атом, тем

хуже им становилось. В конце концов, пришлось смириться с двойственным поведением электрона.

Физиков спрашивали: как же такое возможно? Ведь это открытие не оставляет камня на камне от евклидовой геометрии. Оно против всех математических законов.

Физики отвечали: что мы можем сделать, если электронам наплевать на законы евклидовой геометрии? Мы все проверили и обязаны доложить о том, что увидели. Если это не подчиняется логике, значит, так тому и быть. Придется менять законы науки; мы же не можем сказать атомам, чтобы они вели себя по-другому.

Так родилась новая геометрия — неевклидова геометрия. Науке пришлось измениться, ибо не приходится ждать от элементов, что они изменят свою природу, дабы соответствовать человеческим теориям.

Впервые в истории науки Эвклид стал бесполезным, а его определения объявлены ошибочными. И обесценилась вся Аристотелева логика.

Святые столкнулись с аналогичной трудностью. Они стучались в Его дверь задолго до ученых и обнаружили, что без основательного усилия ничего достичь нельзя, и все же Он недостижим никакими стараниями. Положение дел таково, что не остается ничего другого, кроме как повторять попытки, хотя все попытки бесполезны. Если вы действительно это понимаете, вы уловите глубокую взаимосвязь между двумя моментами и все поставите на карту, совершая усилие. Вы достигнете Его лишь благодаря Его милости, но вы стали достойными Его милости после этих изнурительных и беспощадных усилий. Такова квинтэссенция этой сутры.

Если бы голос мой одинокий сотнею тысяч стал голосов,

И эта сотня тысяч умножилась в двадцать раз,

Каждым из них пропел бы я сотню тысяч раз

Единственное имя Творца вселенной

Только после того, как вы выдохнетесь, не раньше! Сколько раз повторяли вы Его имя? Сколько провели медитаций? Да вы и не начинали! Вы сэкономили силы. Если бы у вас загорелся дом, вы бы действительно забегали. Но к Богу-то вы бежите в лучшем случае со скоростью вдвое меньшей. Если бы жена ваша была на грани смерти, сколько бы вы плакали! А всплакнули ли вы хоть раз из-за Него, горюя о вашем разделении? Если потерялся ваш ребенок, вы начинаете метаться, как безумный, чтобы его разыскать; а Его вы искали с таким же рвением? Ваш поиск только теплится, он так и не достиг точки кипения.

Именно о кипении говорит Нанак в этой сутре: Если бы мой голос стал со шею тысяч, и если бы эта сотня тысяч обернулась миллионами, я бы каждым из голосов без конца повторял имя Господа. Каждый волосок вашего тела должен чувствовать жажду божественного, каждая пора, каждый атом — стремиться к Нему. Все остальное, кроме “Я должен Его достичь!” следует выбросить из жизни. Единственной вашей целью должен остаться Бог. Лишь когда вы готовы отвергнуть все остальное, когда у вас одна цель — достичь Его, сосредоточение можно

отменить.

Вот ступени божественного имени: один голос становится миллионом и затем каждый из голосов миллионы раз повторяет Его имя. Преодолеваемые ищущим, имена Господа суть те самые ступени, поднимаясь по которым тот становится двадцатью одним — другими словами, достигает осознания божественного присутствия.

Понятие “двадцати одного” встречается в выкладках школы мыслителей Санкхья[23]. Санкхья обсуждает пути, коими ищущий может достичь просветления или “двадцати одного”. Расчеты, предлагаемые этим философским направлением, представляют большую ценность. Само слово санкхья означает “числа”, “цифры”. Эта философская школа первая подошла к человеческому существованию нумерологически; оттого она стала известна как Санкхья.

Санкхья говорит, что пять стихий — земля, вода, огонь, воздух и эфир появились из Единого. Но это плотные стихии. Есть еще пять тонких стихий, невидимых глазу. Ученые также согласны, что стена, которую мы можем видеть невооруженным глазом — плотная стена, плотная материя. Стену на тонком плане нам видеть не дано. Ученые имеют об этом только некоторое представление. Стена, представляющаяся нам такой статичной, неподвижной, на самом деле не статична; в ней происходит оживленное движение. Каждая частица движется с невероятной скоростью, приближающейся к скорости света; а луч света пролетает 186 000 миль в секунду. Это настолько быстро, настолько неуловимо, что остается за пределами нашего зрения.

Составляющие стену микроскопические частицы как раз вращаются с такими безумными скоростями. Они до такой степени превышают возможности нашего физического зрения, что стена кажется неподвижной. Положение дел, однако, таково, что любой предмет вибрирует, все — живое, и все находится в движении. Однажды стена рухнет. Если бы она была полностью статична и лишена какого-либо движения внутри и снаружи, она не могла бы распасться на части; как бы она рухнула? Движение вызывает ту борьбу, которая приводит к разрушению.

Стена есть поле бурной деятельности частиц, причем мощное столкновение ее частиц с внешними силами ветра и пыли, в конце концов, и приводят к ее разрушению.

Как показывают недавние научные исследования, жизнь в человеческом теле не замирает очень долго, если хранить его при температуре ниже нуля.

Таким образом, оно может сохраняться неопределенное время. Теория, объясняющая это явление, заключается в том, что чем меньше активность, тем меньше разрушение. Идея холодильника имеет к этому самое непосредственное отношение. Положите в него фрукт, и тот пролежит там, не испортившись, довольно долго. Мы видим, что жители тропических стран раньше достигают зрелости и раньше стареют. Принцип тот же. Чем сильнее жара, тем быстрее движение, тем раньше созревание и, в конечном счете, разрушение. Благодаря этому усилению активности и метаболизма, мы испытываем беспокойство в жаркое время года и предпочитаем холодное. Зимой всегда чувствуешь себя более здоровым.

Санкхья говорит о пяти тонких стихиях. Эти тонкие стихии имеют отношение к плотным, и все вместе составляют десять.

Кроме того, есть пять тонких органов восприятия и пять плотных. Глаз — это ваш орган

действия, тогда как способность видеть есть ваш тонкий орган восприятия. Если вы лишены способности видеть, вы слепы, несмотря на наличие глаза. Иной раз случается так, что глаз даже в благоприятных условиях видеть не может; это происходит оттого, что глазам изменила сила видения. Уши — плотные органы слуха, но слышание, сила слышать есть тонкий орган восприятия.

Таким образом, когда Нанак снова и снова говорит нам: “Слушайте!”, он обращается отнюдь не к нашим ушам. Внешний орган слуха, ухо, всегда открыто для звука, в отличие от глаз, которые могут быть закрыты или открыты. Так почему Нанак говорит “Слушайте”? Он намекает на ваше “тонкое” ухо. Он имеет в виду, что надо настроиться на него, не отвлекаться, иначе, хоть уши и будут слушать, вы не ничего не услышите.

Пять плотных органов чувств и пять тонких органов чувств вместе составляют десять. Если прибавить к ним десять стихий, получается двадцать.

Нанак говорит, что тот, кто в своем усилии ставит на карту все, становится двадцатью одним, и это — Бог. Если вы не выкладывались, не искали Его, вы и тогда становитесь двадцатью одним. Но в этом случае двадцать один — ваше эго.

Итак, есть два пути стать двадцатью одним. Первые двадцать — состояния бытия. Либо вы достигаете Бога или осознаете собственную душу и становитесь двадцатью одним, либо вы приходите к ложному представлению о себе — дескать, я то или иное, миллионер, герой, отверженный или король. Вы и тут станете двадцатью одним, но это будет двадцать первая ложь.

Либо вы прибавляете одну ложь к двадцати и получаете двадцать одну неправду, либо прибавляете одну правду к двадцати, получая двадцать одну истину. В обоих случаях вы становитесь двадцатью одним. Нанак — также двадцать один. Большим никто быть не может, но мы присоединили еще одну неправду к нашим двадцати и никогда не искали в другом направлении.

Вы никогда не пытались узнать что-либо о себе самих; вы живете в иллюзии, что знаете себя, но нет на свете большей лжи. Вы не только никогда не пытались узнать себя, вы не имеете ни малейшего представления о своем подлинном “Я”. Тем не менее, вы заявляете. “Это я!” Да вы и не подозреваете о том, кто вы есть. Вы знаете не больше того, что показывает вам зеркало. А что может продемонстрировать вам зеркало, кроме внешнего вида вашего тела? Вы видите собственное тело, одежду — и это все. Зеркало не в состоянии отразить душу, ваше настоящее “Я”. Вы же принимаете за собственное “Я” все то, что видите в зеркале.

И вот вы выбрали это “Я”, чтобы достраивать его до двадцати одного. В том-то вся и беда; вот где ад. Если вашим двадцать первым становится ложь, вы начинаете страдать. Двадцать в любом случае величина постоянная; решающим фактором становится только двадцать первое.

Вы сможете испытать блаженство освобождения только тогда, когда двадцать первой окажется истина. Двадцать — это то, как устроена жизнь, они не вызывают никаких недоразумений. Лишь если двадцать первое неподлинно, оно приносит невыразимые беды.

Ничто не вызывает столько боли и страданий, как эго. Нет синонима, точнее соответствующего

природе эго, чем страдание. Возвращая эго, вы увеличиваете свое страдание. Вы целый ад можете зажать в кулаке.

Чем сильнее вы жаждете радости, счастья, тем меньше должно быть ваше эго. В день, когда ваше эго перестанет существовать, Небеса окажутся у вас на ладони. Они будут следовать за вами тенью. В ад вы уже не попадете. А если случайно и попадете, вы и там устроите рай, ибо не имеющий эго находит Небеса повсюду. Тот же, кого переполняет эго, превратит Небеса в ад, если ему случится там оказаться. Счастье и несчастье зависят не от ситуаций, а от двадцать первого в вас — от того, истинно оно или ложно.

Вот ступени божественного имени.

Поднимаясь по ним, один превращается в двадцать один.

Нанак говорит, что отдающий себя восходит к имени Бога. Если вы не устаете вкладывать всего себя в свои усилия, то наступает момент, когда в вас ничего уже не остается. Следуя по этому пути, ищущий в конце концов становится двадцатью одним. Иными словами, ищущий становится просветленным.

Слушая, как звучит в них слава Небесная,

Даже те, что червям ничтожным подобны, дерзают к ним устремиться.

Нанак так говорит: только милость Его ведет к Нему.

Но лжепророки хвастливо твердят свои байки.

В этом месте Нанак делает ценное замечание относительно того, как изменилась и исказилась религия. Когда свет Его входит в человека, тот не может не говорить о Нем.

Как может цветок не пахнуть во время цветения? Как может лампа не светить, если ее зажгли? Когда божественность нисходит к человеку, он вынужден говорить об этом. Человек этот будет воспевать Его славу, и его достижения будут проступать из каждой поры его существа и окружать его, подобно аромату, подобно свечению. Даже в молчании наслаждаясь Им, он всей сущностью своей будет излучать весть о Нем.

Нанак говорит: увидев такого человека и услышав его разговоры о божественном, никчемные и пустые люди, все те, кто подобен ничтожным червям в человеческом обличье, начнут меряться с ним силами. Люди эти наполнены завистью и ревностью и изо всех сил пытаются умалить достижения подобного человека.

Едва лишь кто-нибудь достигает чего-нибудь значительного, окружающие начинают отвергать и его, и его достижение. Они именуют его лжецом и надувалой. Они выискивают ошибки. “Сейчас Кали-Юга, темная эпоха, — говорят они, — как можно достичь чего-либо в эту эру?” “Дни Сатья-Юги, эпохи истины, когда просветленных было много, уже давно прошли”. Они будут требовать тысячи и одного доказательства, и все свои силы положат на то, чтобы доказать, что он не достиг ничего.

Нет способа доказать свое достижение — ни поведением, ни одеянием, ни пищей.

Осуществление не нуждается в доказательстве; его свет, проявляясь, окружает человека.

Что же тогда делают эти люди? Те из них, чье “эго” сильнее, заявляют миру: “Я достиг!” Сначала “эго” отрицает достижения подлинного искателя: как может кто-то другой свершить такое прежде того как он, эгоист, смог это осуществить? Когда обнаруживается, что человека, о котором идет речь, невозможно уличить в ошибке, эгоист барабанным боем оповещает мир, что он тоже достиг!

Так Нанак говорит о посредственных и низких — ибо не может быть ничего посредственнее или низменнее “эго”. Они подобны ничтожным червям или насекомым. Их переполняет дух соперничества. И они начинают распространять лживые истории о своих достижениях.

Если и встречается один садгуру, то на каждого совершенного учите ля приходится девяносто девять псевдо-садгуру. Коэффициент всегда таков: один к девяносто девяти. Забавно, но псевдо-гуру более всего успешны в привлечении поклонников, нежели подлинный гуру, поскольку они говорят на вашем языке. Псевдо-гуру прекрасно знает вас и делает то, чего вы в глубине души от него ждете. Если вы хотите, чтобы пепел сыпался у него из ладоней, он производит пепел. Если вы хотите, чтобы с небес упал амулет, он достанет для вас эту штуку.

Когда вы видите, как бродячий факир выделяет те же самые фикусы, они не производят на вас впечатление. Но когда человек, называющий себя праведником или святым, не отказывает себе в удовольствии и так же фокусничает, вы сходите по нему с ума; вы пляшете в радости — наконец-то вы нашли садгуру! И тогда вы изливаете на него свои желания. Вы хотите избавиться от болезни, и он благословляет вас; вы жаждете сына, и он благословляет вас. Он старается удовлетворить все ваши желания. Поэтому вы видите, как толпы из тысяч, миллионов людей окружают псевдо-садгуру, поскольку он — не что иное, как отражение вашей собственной жизни.

Сложно распознать садгуру, ибо это требует трансформации вашей жизни: вы должны измениться. Псевдо-гуру потворствует вам и пытается удовлетворить ваши желания; настоящий гуру отнимает у вас все, что вы имеете.

И самое интересное во всем этом вот что: стоит вам зажечь огонь и усесться около него, благословляя каждого, кто бы ни прошел мимо, то наверняка в пятидесяти процентах случаев ваши благословения сбудутся. Это козырная карта. Кто бы ни пришел, благословляйте! Больше ничего вам не потребуется. Если кому-то нужно ваше благословение, чтобы выиграть судебный процесс, благословите его.

Пятьдесят процентов судебных процессов неизбежно выигрываются — с вашими благословениями или без них! Но зато теперь внимание перенесено на вас и ваше благословение! Другие пятьдесят человек из сотни отправятся к другому псевдо-святому, поскольку для них вы нехороши.

Но те пятьдесят, что выиграла, отныне ваши верные последователи; они и дальше будут приходить к вам. И эта стайка из пятидесяти удивит любого нового пришельца историями о своих успехах; один выиграл иск, другой вернул жену, третьему повезло в любви, а кто-то избавился от недуга, чей-то ребенок спасся, не пострадав в несчастном случае... и так далее. Подобной толпой окружен любой фальшивый святой; это люди, чьи желания исполнены.

Разочарованные продолжают поиск и однажды, когда и их желание исполнится, они последуют за гуру, которому случилось им услужить на тот момент, предполагая, что заслугой тому его благословенье.

Если гуру вы пытаетесь узнать по своим желаньям, вы собьетесь с пути; что должен гуру делать с вашими желаньями? Подлинный гуру появляется не затем, чтобы удовлетворить ваши желания; его задача — пробудить вас. Чтобы выполнить эту задачу, нам бы лучше отделаться от желаний — насколько сможете. Гуру не интересуют ни ваши болезни, ни ваши судебные дела, ни ваши жены и дети; гуру интересуется вы и ваш Бог. Его путь — не тропа желаний, а дорога безжеланности. Так что он не сможет привлечь вас к себе.

Итак, обычно толпа окружает псевдо-гуру. Как только увидишь такую толпу, берегись! Толпа всегда состоит из обманутых. В нужном месте, возле садгуру вы обнаружите всего немногих. И найти их чрезвычайно сложно. Вы встретите лишь нескольких, чья цель — достичь Бога. Толпа всегда состоит из тех, кто переполнен желаниями.

Нанак говорит — лживые люди станут распространять лживые рассказы. По иронии судьбы истории подобных людей часто кажутся верными, поскольку в жизни случается так, что половина окажется удовлетворенной и убежденной, когда желания исполнятся, а другая — отправится дальше на поиски другого гуру. Когда по воле случая желания их исполнятся, они отнесут это на счет того гуру, которому сейчас служат; если не этому Сай Бабе то другому. И вот один рассказывает другому, чего он добился при помощи гуру, и толпа умножается. И вы видите уже тысячи людей...

Вы также пришли сюда, ведомые своими желаниями. Вы тоже поверили кому-то и много раз удача улыбалась вам, поскольку вы верили. Психологи говорят, что большинство болезней — от ума. Если вы искренне верите, что вам станет лучше, вам становится лучше.

Многие больницы экспериментировали с этим. Врачи называют этот эффект эффектом плацебо. Группу пациентов с одним и тем же диагнозом разбивают на две. Одной группе дают обычное лекарство, а другую лечат пилюлями из простого сахара. Самое интересное, что трое из пяти пациентов выздоравливают независимо от того, к какой группе они принадлежат, то есть лечили их медикаментами или подслащенной пилюлей. Вот почему существует так много “патий”: аллопатия, гомеопатия, натуропатия, да чего только нет. И все эти “патии” работают, и люди излечиваются, иначе этот метод давно бы уже исчез.

Похоже, что люди излечиваются скорее верой, чем лекарством. Если молоденький врач, только что начавший практику, только что закончивший медицинский колледж, прописывает вам курс лечения, этот курс вам не поможет, потому что вы не верите врачу. А если врач этот ваш сын, — тем более. Какой отец когда-либо поверил сыну? А вот если тот ж. — курс лечения порекомендует знаменитый целитель, вы очень скоро начнете выздоравливать. Чем известнее доктор и чем выше плата, тем эффективнее лечение. Половину работы выполняет ваша вера. Доктор, которому вы не верите, никогда вас не вылечит.

Вот почему мы видим, что дипломы и сертификаты в рамках украшают стены кабинетов. Они сами по себе — лекарства для пациентов. Врача, получившего образование за границей, в Индии сразу же считают чуть ли не кудесником! Его методы безошибочны! Увидев сертификат, больной уже наполовину выздоровел. Вы заметили, как много болезней исчезает, едва только

врач начал осмотр? Едва он нащупал ваш пульс, измерил кровяное давление, едва он приложил стетоскоп к вашей груди, как боль наполовину прошла.

Толпа наделяет доверием и верой, вера приносит плоды, а дутый персонаж в центре этой толпы собирает барыш. Вы поглощены игрой собственного разума.

Слушая, как звучит в них слава Небесная,

Даже те, что червям ничтожным подобны, дерзают к ним устремиться.

Нанак так говорит: только милость Его ведет к Нему.

Но лжепророки хвастливо твердят свои байки.

Здесь под червями Нанак подразумевает эгоистов. Черви исполнены трепетом и ужасом. Как может такое быть возможным? Слово Нанак означает маленький, крошечный. Этот крошечный человек добился, а не я! Этот человечешка, стоящий настолько ниже нас, добился? Этот невежественный бездельник, деревенщина, этот нищий батрак, не имеющим ни жилья, ни положения в обществе, ни семьи, которой можно гордиться? Известно ли что-нибудь о его корнях? Можете ли вы назвать хоть одного достойного из его предков? Этот человек без наследия, богатства или собственности добился того, чего не добились мы — это невозможно!

Нанак говорит, что только милость Его ведет к Нему, а не ваше чванство. Кто вы такой — не имеет значения; что вы такое — не в счет, когда вы достигаете Его. Его достигают лишь благодаря Его щедрости. Ваше высокомерие и заносчивость — помехи на пути к Нему.

И все же лживые люди твердят свои лживые истории. На почве религии сделать это очень просто. От имени и во имя религии встречается больше всего лицемерия и лжи.

Это так, потому что речь идет о небесах. Объект столь обширен и так далек, столь прекрасен и так таинственен, что всякий может сказать что угодно и остаться при своем. Если вы открываете магазин и начинаете продавать невидимую одежду, как долго про держится ваша лавочка? Вам будет трудно заполучить хотя бы первого покупателя. На рынке ваши товары должны не только быть видны, но их нужно выставить напоказ на выгодном месте, если вы хотите продать их. Как сможете вы смошенничать?

Правда, я слышал: один магазин в Америке стал продавать дамские шпильки-невидимки. Можете расценить это как фантастическую историю о будущем. Женщины были в восторге! Одна дама пришла и заказала целую коробку. Когда ее обслужили, она спросила у продавца, хорошо ли идет торговля. Он отвечал: “Мадам, за последние три дня все распродано. Тысячи людей уже приобрели их”. Такое оказалось возможным, поскольку изначально рекламируемым качеством была невидимость. Разрекламировав товар подобным образом, вы смело можете открывать пустую коробку — есть ли там шпильки или нет, уже не обсуждается.

Дело Господа — это такое же дело по продаже шпилек-невидимок. Поскольку ничего не видеть, это — рай для жульничества; вот почему чем больше религий в стране, тем больше в ней лицемерия.

Наша страна — тому доказательство. Нигде больше в мире вы не найдете столько лицемерия и надувательства. Нигде больше в мире религия не изучается так, как в Индии. Вот почему так много садгуру в этой стране, но на каждого садгуру приходится по девяносто девять псевдо-гуру. Вы настолько утомляетесь от всех этих обманов и подделок, тирании и хаоса, что начинаете чувствовать, что все эти дела с Богом — просто одна большая афера и вымогательство. Лучше держаться подальше ото всего этого!

Так Нанак говорит: лживые люди распространяют лживые сказки и небылицы. Чем больше вы верите им, тем небывалее их рассказы.

Мулла Насреддин рассказывал своему маленькому племяннику о том, что он однажды пережил. Он говорил: “Я шел по дремучему лесу, и вдруг десять гиен окружили меня. Пятерых я убил одним ударом...” — “Но, — прервал его рассказ мальчик, — три месяца назад ты сказал, что встретил пять гиен. Теперь ты говоришь о десяти”. На что мулла холодно возразил: “Тогда ты был меньше. Ты не был готов услышать такой страшный и опасный рассказ. Ты бы все равно не понял его должным образом, а только дрожал бы от страха”.

Как только увеличивается ваша способность слышать их ложь, увеличиваются и претензии лицемеров. Они наблюдают, насколько увеличилась ваша вера в них, и приукрашивают свои сказки в соответствии с этим. Скольких фальшивых гуру кормит Ваша вера, одному Богу известно. Когда ваша вера окрепнет, вы становитесь слепы ко всему остальному и верите чему угодно.

Прошлой ночью я читал речь одного христианского падре, широко известного на Западе. С самого начала он заявил откровенную ложь. Мне невдомек, как кто-либо может верить подобной чепухе, но все же есть люди, верящие ему! У него тысячи последователей. Во вступлении он пишет о том, что скоро наступит пришествие Иисуса Хрипа. Он соберет миллионы своих последователей и исчезнет. Священник обещает, что Иисус не замедлит явиться вскорости, и даже называет точную дату.

Десятки миллионов христиан удалятся с этой земли. Представьте себе! Остальной мир будет взирать на это с удивлением. Как только Иисус соберет своих преданных последователей и исчезнет, всяческие катастрофы обрушатся на эту землю; она превратится в настоящую преисподнюю. И стало быть, он призывает всех, не теряя ни мгновения, начать верить в Христа, приумножить паству. В конце он возвещает “У человека, прочитавшего эту книгу, есть лишь две альтернативы: если он грешник, то не поверит тому, что изложено на этих страницах. Если же он человек добродетельный и благой, то, не мешкая, станет сразу же его последователем. Он предлагает вам лишь две альтернативы: “Если вы наделены чутьем хоть в малейшей степени, и если вы по сути своей хороши, вы будете следовать за Иисусом. А если книга вам не понравилась, то только потому, что вы грешны”.

Нет ничего плохого в почитании Иисуса, но этот человек эксплуатирует его имя. Иисус — прекрасен, но этот священник... Все, что он говорит — бесстыдная ложь; и все же, как сможете вы доказать это? Я могу дать множество примеров того, как используется человеческое легковерие.

В 1930 году один христианский священник объявил, что конец света наступит 1 января. Около пятидесяти тысяч его последователей продали все свое имущество и потратили деньги на

развлечения. Не было смысла хранить деньги, когда миру пришел конец! Растратив, сколько смогли, они роздали остальное. Это был вопрос веры и неверия. Те, кто верил, были праведными людьми. Те, кто не верил — грешниками.

И вот настал день Воскресения. Впотьмах они поднялись на высокую гору. Когда взошло солнце, они уже молились на вершине. Ведь весь остальной мир сейчас разрушится, а их, верных последователей, сам Иисус собрал здесь, чтобы вознести их на небеса. Пришло утро, высоко поднялось солнце — и ничего не произошло! И тогда все жители деревни пошли к горе... На полпути они встретили группу рьяных последователей псевдо-пророка и попросили их объяснить, что же случилось. А те ответили: “Все в порядке. Наши молитвы были услышаны. Господь отменил уничтожение вселенной”.

Секта эта и до сих пор очень активна, несмотря ни на что. Удивительно, насколько слепа может быть вера. И невозможно ничего доказать. Священники оказались хитрее. Они свой конфуз и обман обратили себе же на пользу. Бог отменил судный день только потому, что они так горячо молились!

Мулла Насреддин однажды вечером рассыпал соль по своему порогу. Когда его спросили, чем он занимается так увлеченно, он ответил: “Это для того, чтобы дикие звери держались подальше”. “Но здесь нет никаких диких зверей!” — воскликнули соседи “Это потому, что я каждый день посыпаю солью свой порог”, — отвечал мулла.

Что вы можете сделать с таким человеком? Он не оставляет вам выхода. Доказательство перед вашими глазами. Дикие звери не только не подходят к его порогу, они даже не осмеливаются появиться поблизости от деревни!

Человек очень хочет быть обманутым, и у трюков своя логика. У мошенничества и надувательства свои способы рекламы и своя собственная логика, они будоражат ваши желания. Они убеждают вас самым коварным способом.

Так Нанак говорит: лживые люди распускают небылицы. Но Его достичь может лишь тот, кто лишен неуместных притязаний, чье “Я” полностью уничтожено. Его достигает только тот, к кому Он милостиво соизволит снизойти.

Сила — не в разговорах и не в молчании;

Сила — не в подаянии и не в прощении;

Сила — не в том, чтобы жить, и не в том, чтобы умирать;

Сила — не в государственном благе и не в решениях рассудка;

Сила — не в памяти и не в знании о божественном;

Сила — не в мирской суете и не в мечтах сойти с колеса сансары.

Подлинная сила в Его руках — Того, кто творит и непрерывно наблюдает

Нанак так говорит: никто не унижен и не возвышен перед Ним.

Это революционные слова. Если и есть что-то, и только одно, что Нанак подчеркивает на протяжении всего Джапджи — это вспоминание Его имени; однако здесь, в этих строках Нанак утверждает, что даже вспоминание не имеет силы. Это последняя, крайняя ступень, доступная взору. Нанак пытается лишить вас всего — даже вспоминания. Ибо если у нас есть хоть отдаленный намек на то, что где-то пребывает сила, вы будете защищать себя, ваш контроль над самим собой усилится; всякая сила, в конце концов, есть лишь сила вашего “эго”

Поэтому Нанак и говорит, что нет силы даже в слове — даже если вы присвоите его имя и достигнете с его помощью. Тогда, чтоб люди не подумали, раз уж в слове силы нет, то, может, в тишине она — так Нанак говорит, силы нет и в тишине. Он отбирает у вас из рук все, за что вы можете уцепиться. Вы подумаете: “Правильно! Все разговоры — лишний лепет; тишина — вот ответ!” И вы умолкаете и погружаетесь в медитацию. Но Нанак говорит, что даже в тишине нет силы, покуда вы еще пребываете в себе; это вы только что болтали, а теперь сидите в тиши. Качество вашего существа не изменилось. Если говорящий грешен, как может он превратиться в святого, только потому что умолк?

Попробуйте понять эти слова о качествах. Если злой человек соблюдает тишину, он так же зол. Как может его молчание что-то изменить? Хороший человек хорош, говорит он или молчит. Плохой человек плох в обоих случаях. Злой человек изыщет некий новый трюк, чтобы известить других, даже если он молчит.

Неужели вы думаете, что, просто умолкнув, вы сможете изменить себя и добиться силы? Какая здесь может быть разница? Вы присутствовали в словах своих; вы также присутствуете в молчании. Вы все еще там. Вы скажете: “Я замолчал. Я медитирую!” Подобная самонадеянность и раньше была там, и вы прекрасно говорили. Самонадеянность слепа — будь то в тиши или в речи.

Я слышал: министра отстранили от должности, и мулла стал министром. Он гордился своим ораторским искусством и верил, что произведет впечатление на публику и поведет ее за собой. Но речи его оказались столь длинными, что слушатели скучали. Но никто не мог покинуть зал до того, как почетный министр не закончит речь. Он видел, как люди зевают, потягиваются и ерзают прямо перед его глазами.

Тогда он приказал своему пресс-секретарю написать более короткую речь. Однако и в следующий раз люди продолжали скучать и все также ерзали на своих местах. Он вновь задал нагоняй своему пресс-секретарю. “Разве я не велел тебе написать более короткую речь? Ты же написал такую длинную, что люди страшно скучали. Если будет так продолжаться, я растеряю всех своих последователей”.

“Но, сэр! — ответил пресс секретарь. — Речь была довольно краткой. Никто не просил вас читать все три экземпляра!”

Интеллект не одолжишь. Вам могут приготовить речь, но качество не купишь и не займешь. Определенного индивидуального качества легко добиться, но никто другой не может вам его дать.

Если в сердце своем вы сам Сатана, и вы сидите в тишине, то вы все равно Сатана. До вчерашнего дня вы гордились своими словами; теперь вы можете гордиться молчанием.

Дзенский факир Бокоджу отправился к своему гуру и сказал: “Вот теперь я абсолютно тих; внутренняя пустота совершенна. Пожалуйста, говори сейчас”.

Гуру ответил: “Сначала выйди и выкинь эту тишину, а затем приходи”.

“Выкинуть тишину? Но все это время вы твердили: стань пуст!”

“То был первый шаг, — объяснил гуру. — Вот второй: сначала стань тихим, а затем выброси тишину, иначе твоя тишина наполнит тебя самомнением. Кто сейчас говорит: “Я пуст?” Вот его-то и надо выбросить”.

Сила — не в разговорах и не в молчанье;

Сила — не в подаянии и не в прощении.

Что вы дадите? Что вы должны дать? Нищий и подающий оказываются в одном и том же месте. Один просит Бога о богатстве, тогда как другие распределяют богатство, или же строят храмы, или кормят бедных; и тот, и другой смотрят только на богатство. Возможно, что нищий смиренен, но как может смиренным быть благодетель? Он скажет: “Я благодетель”. Но есть только один подлинный благодетель. Как вы можете быть благодетелем? Что у вас есть, чтобы дать? Вы можете одарить лишь тем, чем владеете: галькой и камушками, золотом и серебром, бумажными деньгами. Ценность всего этого искусственна, придумана людьми.

Сила — не в подаянии и не в прощении;

Сила — не в том, чтобы жить, и не в том, чтобы умирать

Вы не можете достичь Его в жизни, так что некоторые считают, что нужно умереть. Вы видели таких людей в ашрамах повсюду. У них не хватило мужества умереть одним разом, и они умирают постепенно. Такое постепенное умирание считается духовным поиском.

Сначала они удаляются от мира и лишаются девяноста процентов жизни. Затем они остаются в ашраме и ограничивают себя в еде, принимая пищу лишь раз в день. Так они теряют еще половину из оставшейся жизни. Постепенно они еще больше сокращают количество еды; и фактически, бродят вокруг едва живые.

Нанак говорит, что ни жизнь ваша, ни смерть не наделены силой. Если вы не достигли живыми, как можете вы достичь после смерти? Ведь это вы умрете, не правда ли? И тот, кто рождается — тоже будет вами. Вы лишь меняете положения и места; но вы не изменяетесь.

То, что Нанак говорит — значительно.

Сила — не в том, чтобы жить, и не в том, чтобы умирать;

Сила — не в государственном благе и не в домыслах рассудка.

Некоторые люди копят богатство, другие собирают размышления: они сидят, концентрируются, исполненные решимости, они исполняют послушание. Но Нанак говорит: даже им недостает силы, чтобы достичь. Вот что важнее всего в его словах:

Сила — не в памяти и не в знании о божественном.

Мысли не наделены силой (и многие говорили об этом), ибо мысли — на поверхности. У знания также нет силы, и многие говорили об этом. Читая писания, учась в миру или даже набирая знания у гуру — какой силой могут они быть наделены? Ведь в центре водоворота — всегда вы.

Это интересно. Здесь полностью проявлен парадокс таинства. До этого Нанак говорил о сурати, воспоминании о Нем. А здесь он говорит: даже воспоминание не наделено силой.

Первый шаг — это воспоминание о Нем, а второй шаг — что толку в простом воспоминании? Ведь это я вспоминаю. Воспоминание будет моим собственным. Это “я” призовет Его, все мои качества будут заключаться в воспоминании, и какая же сила будет во всем этом?

А теперь посмотрим на вторую фазу, когда ищущий освобождается ото всего — но помните, только после того, как он все совершил! Не спешите останавливаться. Малейшая недостача — и результатов уже не будет. Только в самом конце ничего не остается делать. По сути, вы не делаете чего-то специального; все отпадает само собой. Если вы прекращаете сознательно, это значит, что что-то еще осталось несделанным. Вы силитесь, и силитесь, и силитесь, и вот наступает момент, когда вы падаете в изнеможении. Это падение — не ваш поступок, вы просто обнаруживаете, что упали! Нанак имеет в виду именно это, когда говорит, что ничто не имеет силы, мощи. Ибо если осталась всего лишь капелька силы, вы вынуждены продолжать.

Сила — не в мирской суете и не в мечтах сойти с колеса сансары;

Подлинная сила в Его руках — Того, кто творит и непрерывно наблюдаем.

Так Нанак говорит: ни один из методов и трюков, призванных освободить от сансары, не обладает силой. Подлинная сила покоится в Его руках — Того, кто создал этот мир и, создав, восхищается им. Все в Его руках. Вся сила и вся мощь в Его руках. Станьте слабыми и беспомощными, и вы получите Его поддержку. Если же вы сильны, то помощь вам не нужна. Бог — сила слабых и беспомощных.

Если вы становитесь здесь беспомощными, Бог ждет вас там; он принадлежит слабым, а не сильным. Сильный человек не нуждается в Нем; он верит в себя. Он отрицает Бога изо всех сил. Его надменность еще велика. Он не чувствует нужды в Божьей поддержке.

Однажды случилось так: жила христианская святая, Святая Тереза. Она была исключительной женщиной. Однажды она отправилась в деревенскую церковь и объявила, что собирается построить огромный храм. Деревня была мала, и люди, в ней жившие, бедны. Идея показалась им достойной, но где же они соберут средства? Кто даст им денег? Один из них спросил ее: “А сколько у тебя денег для начала?”

Тереза сунула руки в карманы и вытащила две пайсы. “Вот что есть у меня: две пайсы! — воскликнула она, ликуя. — Мы можем начинать”.

Люди засмеялись: “Мы и так сомневались, в своем ли ты уме. Две пайсы на такой гигантский проект! Тебе понадобятся десятки миллионов рупий, Тереза!”

Святая Тереза возразила: “Вы видите эти две пайсы? Это все, что у меня есть, но как насчет Него? Он с мною. У меня две пайсы плюс Бог. Сколько всего получается? Эти две пайсы — только для начала; потом Он возьмет все под свое наблюдение. Что можем сделать мы, несчастные смертные? Каковы наши возможности? Они стоят не больше, чем две пайсы; остальное принадлежит Ему. У нас две пайсы, и вот как далеко мы можем зайти. Остальное — в Его ведении. И да свершится это! Давайте начинать”.

Церковь была построена и стоит по сей день. Это необъятное здание. Такое строительство невозможно было бы завершить лишь ничтожными человеческими усилиями. Цена человеческим усилиям — лишь две пайсы. Но вы можете осуществить даже такую великую мечту, если будете помнить, что вы сами стоите ничтожно мало. Понимая себе цену и укрываясь в милости Господней, вы получите поддержку бесконечного могущества и богатства. Вы сможете передвигать горы, если вера ваша в Бога будет непоколебима и если вы полностью осознаете, насколько незначительны ваши собственные силы.

Не раньше, чем вы окажетесь беспомощным, для вас забьет фонтан высшей силы. Пока же вы рассчитываете на собственные силы и придаете им значение, власть ваша не стоит и пенни.

Поэтому Нанак повторяет и повторяет: нет силы ни здесь, ни там... Он лишает вас всей вашей силы. Так, я говорю, садгуру похищает все у вас, а не дает. Он забирает все, он заставляет вас быть беспомощным и слабым. Он оставляет вас одного в центре пустыни, умирающего от жажды вдали от источников. В момент жажды, выросшей из этой беспомощности! и — в тот самый миг вы достигнете. Вы воскликнете “О помощник беспомощных!” — и Он придет. Когда вы совершенно беспомощны, вы обретаєте высшую поддержку.

Нанак так говорит: никто не унижен и не возвышен перед Ним.

Поэтому ни о чем больше не беспокойтесь. Перед Ним все равны, все одинаковы. Так что не бойтесь, что сильный доберется, или добродетельный доберется, или благодетели, или те, кто медитирует, достигнут первыми. Никто здесь не унижен и никто не возвышен.

Если вы чувствуете разницу высокого и низкого, то это полностью — ваше дело; это не по Его воле. Если вы полностью потеряли себя, вы восстанете вновь; если вы спаслись, вы падете.

Иисус сказал: Тот, кто потеряет себя, достигнет, а тот, кто спасет себя, потеряет навеки.

Не спасайте себя: это ошибка, которой подвержен человек. Тогда он остается лишь с двумя пайсами; тогда он воистину бедняк. Не спасайте себя, и вы обнаружите, что не две пайсы — вся полнота бытия в вашем распоряжении. Вся сила Бога служит вам. И вы становитесь царем. Вы можете быть нищим по собственному почину и царем по Его милости.

Глава 7. Копи медитации

Он сотворил ночь и день, и времена года, дни и числа;

Воду, ветер и огонь сотворил Он, и подземные миры,

И, сотворив их, установил землю как дхармашала.

И в ней создал бесконечное множество существ

различных цветов и форм.

Бессчетны их имена.

Каждое существо судится по его делам.

Бог справедлив, и суд Его справедлив.

Лишь перед Богом каждый испытывается;

каждому он определяет место Своим взглядом.

Неспелое зерно отделяется от спелого.

Нанак говорит: все неспелое обречено исчезнуть.

Тот, кто считает, что сама жизнь и есть цель, ошибается. Жизнь — не цель, а предоставленная нам возможность. Это дорога, а не пункт назначения; посредством жизни мы должны попасть куда-то. Не считайте, что сам факт того, что вы живы, означает, что вы уже прибыли. Жизнь — не результат, не достижение, а процесс. Если вы пройдете ее хорошо, вы придете куда следует; если нет, заблудитесь.

Тот, кто считает, что жизнь — это всё, — атеист. Цель теиста лежит за пределами жизни; для него жизнь — перевалочный лагерь, промежуточная остановка. Нанак называет жизнь “дхармашала”, бунгало путешественника. Она — словно постоялый двор, трактир у дороги, где вы останавливаетесь, перед тем как идти дальше; но не стоит селиться в нем навсегда. Тот, кто делает своим домом постоялый двор, лишается подлинного дома. Вы отправились в путь, чтобы добыть нечто, но как вы доберетесь до места назначения, если поселитесь на вокзале? Кто же продолжает путешествие, уже построив себе дом?

Сансара — это не дом. Тех, для кого сансара — дом, мы называем обывателями. Саньясин тот, для кого сансара — не дом, а зал ожидания. И саньясины, и обыватели пребывают в одном и том же мире — а куда бы еще они могли деться? И тот, и другой находятся в одном и том же здании, только по-разному к нему относятся. Мирской человек считает, что его дом — его гавань, его приют; для саньясина дом — привал на пути. Ему надо продолжать путь, и он никогда не забывает о цели своего путешествия — это сурати, воспоминание.

Тот, кто поддерживает в себе это воспоминание, не теряет его нить, тот будет двигаться вперед, и находясь в дхармашала. Никакой трактир не соблазнит его остаться там навсегда. Он будет в миру, но не от мира. Цель вашего путешествия — это вы сами; вы стремитесь придти к себе. Вы находитесь не там, где находится ваше тело, а там, где находил я ум. Вот это необходимо понимать.

Большинство людей — за редчайшим исключением — считают, что то, чем они обладают, и есть — всё, что только может быть. А на самом деле, они даже и к началу не подошли, им еще далеко до двери, до ступеней, ведущих к двери в их собственное предназначение. Вы еще на дороге; до ступеней еще далеко. Когда появляются ступени, знайте — религия пришла в вашу

жизнь. Те, кто на дороге, — мирские люди. Те, в чьей жизни появились ступени — искатели.

Тот, кто уже вошел в чертоги Господа — просветленный. Вы еще на дороге, и ступеней еще не видеть, потому что вы и не приступали к духовной практике.

Глубоко укорененная причина этой иллюзии — в том, что вы полностью удовлетворены тем, что у вас есть. Запомните, в одном смысле религиозного человека можно назвать полностью удовлетворенным, но в другом смысле нет человека более беспокойного и недовольного. Он удовлетворен в том смысле, что не ропщет на Бога. А недоволен он самим собой.

У нерелигиозного человека тысячи жалоб на Бога: Ты не дал мне этого, не дал того... На себя он не жалуется. Он полностью собой доволен. А это значит, он мертв, потому что какое тут может быть развитие? Зачем отращивать крылья, если вы и не хотите летать? Лучше просидеть всю жизнь пленником собственного гнезда, и скончаться все в той же клетке.

Следовало бы роптать на себя и быть довольными Богом, однако все происходит наоборот. Мы абсолютно довольны сами собой и считаем, что мир никуда не годится. Мы единственно правы, все остальные погрязли в заблуждении. Вот это отношение и есть — то, что с нами не так. Только человек считает, что где-то при создании Вселенной допущена ошибка. Весь мир течет в радости и покое, кроме человека. В мире не существует никаких помех или препятствий; это внутри вас что-то застопорилось.

Религиозный человек переживает глубокую неудовлетворенность собой. Он чувствует, что недостойн Бога, не годится для того, чтобы восславлять Его или поклоняться Ему. Он осторожен и недоверчив, когда Бог принимает его таким, каков он есть. В голове его молотом стучит только одна мысль: я должен стать достойным Его, чтобы стать способным принять Его принятие. Я должен возвести и своим сердце трон, достойный Его величия. Я должен стать таким, чтобы Он почтил меня, придя ко мне в гости.

Религиозный человек самокритичен. Постепенно приходит момент, когда он настолько развивается, очищает себя для того, чтобы стать троном Божиим. И Бог постучится к нему — не сегодня, так завтра. И тогда не будет и секундного промедления. Вы готовы встретить Его — и вот, Он уже пришел к вам. Он не показывается, пока вы не готовы Его встретить!.. Причитания, крики и вопли не ускорят Его приход; что надо делать, так это подготовиться к встрече.

А подготовиться — значит преобразиться. Вам придется измениться во многих отношениях. Если вы обратите свой взгляд внутрь себя, вы увидите, что вы — так не, как сейчас есть, — не способны принять не только Бога, но и себя самих! Вы бы не смогли полюбить человека, который в точности во всем похож на вас.

Поэтому никто не любит себя самого со всей глубиной этого чувства. Вы не способны любить себя, и вот почему люди так боятся одиночества. Если вам приходится пробыть в одиночестве час или два, вы начинаете беспокоиться. Вы идете к другу, или на рынок, в клуб, в кино, или включаете радио, телевизор, садитесь читать газету... “А как можно сидеть одному и ничего не делать?” — спросите вы. Вам скучно с самими собой, вы себе надоели. Но если вы сами для себя — такое никуда не годное общество, как вы можете жаждать общения с Богом? Если вы сами с собой быть не можете, неужели вы думаете, что кто-то другой пойдет на это ‘

Бог для вас — это Бог вдали! Вы достигли Бога — это значит, что в вас вторгается сама острота и полнота бытия; но тогда вам необходимо создать внутри себя пространство для этого бытия. Вы настолько мелки, что любой пустяк устраивает в вас бурю.

Легкое движение — и вы дрожите, легкая насмешка — и вы уже в ярости, немного страдания — и вам кажется, что вы в самом аду. Пустяковые мелочи задевают вас влияют на вас. Кто-то бросает в вас камешек, и вы выходите из берегов. Вы — лужа, а не океан.

Океан так глубок, что, упади в него Гималаи, волны в своем блаженстве и не заметили бы этого. Огромное множество рек впадает в море, а уровень воды в нем не поднимается от этого ни на дюйм. Что бы ни происходило, океан остается все тем же.

Вы желаете Бога. А вы подумали, что может случиться с вами, если вдруг Он снизойдет к вам? Вы окажетесь в непростой ситуации. Где вы усадите Его? Как вы будете приветствовать Его? Вы будете потрясены настолько, что побег из дома куда глаза глядят покажется единственным выходом.

У вас нет трона, что был бы достоин Его. Если бы нужен был трон из золота и драгоценных камней, может быть, вам и удалось бы сделать такой; но вы должны сделать радужный, сияющий трон из собственного сердца. Вам надлежит сделать трон из самой любви. Золото можно купить на рынке, но где купишь любовь?

Если бы Бог желал, чтобы Ему воздвигли дворец на земле, это было бы просто. Тогда бы Он уже давно явился в какой-нибудь царский дворец. Но вы должны построить внутри себя дворец из пустоты, из медитации. Эта задача трудна, и путь долог.

Если вы считаете своим домом то место, где сейчас находитесь, вы — смертный, мирской человек. Если вы воспринимаете этот мир как постоянный двор, дхармашала, где вы останавливаетесь ненадолго, чтобы передохнуть, а потом снова отправляетесь к своей цели, тогда вы — саньясин.

Есть такая очень древняя суфийская история:

Один человек пришел к факиру-суфию и спросил, в чем секрет достижения Бога. А факир рассказал ему вот эту сказку:

Один дровосек каждое утро отправлялся в лес, рубил дрова, собирал их, отвозил в город и продавал. Но, сколько бы он ни получал за свою работу, этого едва хватало на еду. Иногда ему удавалось купить немного еды, а иногда он отправлялся спать голодным.

Факир, живший в том лесу, каждый день наблюдал за дровосеком. Факир очень жалел этого несчастного, которому едва удавалось оставаться в живых. И однажды он сказал ему:

— Каждый день в течение стольких лет я смотрю на тебя. Глупец, почему ты никогда не заходишь подальше в джунгли?

— И что из этого будет? — спросил дровосек.

— Всякий, кто заходил подальше, становился богачом, — ответил факир. — Иди, ты найдешь

там медные копи.

Дровосек зашел подальше в джунгли и обнаружил медные копи. Он стал продавать медь. Однажды он вновь встретил факира, который сказал ему:

— Глупец, зайди еще дальше, там серебряные копи.

Дровосек нашел серебряные копи, стал продавать серебро и очень разбогател.

И однажды он снова встретил факира, и тот сказал ему:

— Если бы ты хоть что-нибудь соображал, ты бы понял. Дурак, если бы ты зашел еще дальше, ты бы нашел золотые копи!

И дровосек зашел еще дальше в джунгли, нашел золотые копи, и дальше уже никогда не ходил.

Как он похож на нас, этот дровосек! Чем бы мы ни занимались, мы вовлекаемся в это, и не думаем, чтобы попасть куда-нибудь с того места, на котором сидим. Факир сожалел об этом человеке, пришел к нему однажды и сказал:

— Ты и вправду дурак. Я тебе столько раз говорил — иди дальше, все дальше и дальше, а ты меня не понял. Теперь ты очень богат — снаружи, но внутри ты все тот же несчастный бедняк, что и прежде. Иди дальше, там алмазные копи.

И дровосек пошел и нашел алмазные копи.

Прошло еще несколько лет, и факир снова встретил его, и снова стал упрекать. Несмотря на то, что у бывшего дровосека были уже дворцы и все богатства, которые можно купить за деньги, факир все еще жалел его.

— Внутри ты так же беден, как и раньше, — сказал он. — Все это серебро, и золото, и алмазы, — они все снаружи. Иди дальше.

— Куда еще? Почему ты не оставишь меня в покое? Куда ты меня подталкиваешь? Что еще я могу получить — лучшее, чем эти алмазы?

— Дальше, за алмазными копиями, — сказал факир, — находится мой ашрам. Только я могу дать тебе истинные драгоценности, драгоценности медитации. Прежде ты искал копи снаружи, теперь ты должен отправиться на поиски копей внутри себя.

Но хотя этот человек и слышал про внутренние сокровища, он не был готов искать их. Напротив, он заявил, что все это его не касается, и попросил оставить его в покое.

— Как пожелаешь, — сказал факир. — Но помни, те внутренние сокровища не вечны: сегодня я есть, а завтра, может быть, меня не станет. Те копи, которые ты разрабатываешь сейчас, никуда не денутся; они всегда были и всегда будут.

Очень редко — раз в тысячу лет — кто-нибудь находит копи медитации и становится ключом к

этим богатствам. Этот человек — гуру, и Нанак называет его храм гурудвара, врата гуру, — замечательное название для храма! Тот, кто в своей жизни наталкивается на копи медитации, открывает их для других, но никто не живет вечно.

А вы? Вы настолько слепы, что проходите мимо двери, даже не замечая ее! Ваш взгляд сосредоточен на видимом богатстве и пропускает истинное богатство, которое невидимо.

Запомните эту максиму: все дальше и дальше. Пока вы не достигли Бога, вы должны всегда хранить ее в своем сердце. Если вы остановитесь прежде, вы заблудитесь.

Поэтому жажда, неудовлетворенность саньясина не знает границ. Он утолит свою жажду, только когда ему доведется испить Бога. Ничто меньшее не поможет ему. Именно поэтому Нанак говорит об этом мире как о дхармашала, постоялом дворе.

Он сотворил ночь и день, и времена года, дни и числа;

Воду, ветер и огонь сотворил Он, и подземные миры,

И сотворив их, установил землю как дхармашала.

И в ней создал бесконечное множество существ

различных цветов и форм.

Бессчетны их имена.

Так что, во-первых, этот мир — всего лишь место для передышки. Чем глубже вы вникнете в это, тем больше пользы для себя извлечете, — вы не должны останавливаться там, где вы есть, застой — это смерть, надо идти все дальше и дальше... пока вы не достигнете Его двери. Если устали — отдохните, но не делайте придорожный трактир своим домом.

Вы будете уставать, потому что дорога далека и трудна. Вы будете спиваться с пути снова и снова, потому что это не широкий тракт с указателями, не шоссе. Человек сам идет и сам мостит для себя дорогу. И так же, как от полета птиц не остается следов на небе, так же и просветленный, проходя своим путем к Богу, не оставляет следа. Пространство как было, так и остается пустым.

Когда вы отправитесь в путь, вы не сможете идти по чужим следам. В царстве истины не берут займы. Никто не в силах ссудить вас истиной; другие люди могут только предполагать, намекать. Вы можете получить любовь, можете получить благодать от гуру, но истину вы должны найти сами. Благодать, которую передает гуру, может придать силу вашим ногам, но путь не укажет. Сострадание гуру может придать вам веру в себя и мужество, но оно не нарисует вам карту. Его сострадание может воодушевить вас и поддержать в ваших настойчивых попытках, чтобы вы не сдавались, не уступали слабости. Но по своей дороге каждый идет один.

И дорога ваша, ваш путь, такова, что начинает создаваться только тогда, когда вы сделаете первый шаг. Это не мощеная дорога, отмеченная на карте. Это не готовое средство, которое само доставит вас к Богу. Каждый человек сам должен найти свой собственный путь.

В этом — великая сложность и высшее достоинство избранной цели. Потому что, если бы это была хорошо натоптанная дорога, по которой прошли уже многие тысячи, вы не смогли бы пережить вашу, особенную, радость от исполнения своего собственного предназначения, от встречи с Ним.

Когда бы человек ни встречал Бога, он каждый раз встречается Его по-новому, свежо и неповторимо — как будто вы первый, кого Он встретил, и раньше такого никогда не случилось. Это не банальная процедура, как если бы до вас уже многие встретили Его — и дорога к Его дому была вся заезженная... Нет, это происходит, как будто вы — самый первый человек, который когда-либо встречал Бога. Вы встречаете Бога, как мужчина — невесту-девственницу. Бог никогда не теряет девственность. Если бы Он обтрепался от многократного использования, это было бы пошло. Его девственность вечна; он — вечный холостяк. Всякий, кто встречает Его, встречает Его свежим, чистым и целомудренным — как утренняя роса, как первые лучи восходящего солнца.

И что пользы было бы от карты в этой жизни, где все постоянно меняется! Мой путь никуда вас не приведет, потому что он именно мой. Вам надо искать ваш собственный.

Нанак говорит: Бог сотворил бесконечное множество существ, бесконечное множество душ, и придал им миллионы различных форм и цветов. Каждое существо уникально. Если каждый человек уникален и неповторим, путь одного человека для другого не подойдет. Вам может пригодиться то понимание, которого я достиг на своем пути, но не сам путь. Мое прозрение может помочь вам найти ваш путь, но ваш путь

будет только вашим. Ваш путь будет нести отпечаток вашей индивидуальности, так же, как отпечаток вашего пальца. В мире миллиарды людей, но нет двух одинаковых отпечатков пальца. Если реальность создала такое неповторимое чудо, как ваш палец, насколько же оригинальней, сложнее должна быть ваша душа! Вы только себе представьте.

Теперешние научные исследования идут очень далеко. Наука утверждает, что внутренние органы каждого человека специфичны только для него одного. Не найдется двух людей, у которых почки, сердце или печень будут совершенно одинаковыми. Не только отпечаток пальца, но каждая клеточка вашего тела подходит только вам, создана специально для вас. Вы не сравнимы ни с кем, несравненны. Бог создает вас, и создает каждую клеточку, каждый атом вашего тела специально для вас. Бог не повторяется в своем творении. Вам нет равного. Поэтому путь, по которому вы идете к Богу, тоже уникален. Это заставляет нас почувствовать беспомощность и создает множество трудностей, но в этом — величие и достоинство, которого вы достигаете, идя по абсолютно новому, никем до вас не пройденному пути.

Если вы хорошо поняли это, вы поняли, что речь идет об атмане, душе. Мы производим десятки, тысячи машин. Заводы Форда выпускают миллионы машин, собранных из одинаковых деталей. Иногда две машины так похожи, что их и не отличишь. Не так с душами; не найдется двух одинаковых душ. Каждый атман уникален.

Это означает, как сказали бы поэт, святой или подвижник, что душу не сделаешь на заводе. Кажется, что Бог творит каждую душу собственноручно. Вот почему Его называют создателем. Если вы попросите художника нарисовать еще одну точно такую же картину, он не справится с этой задачей. Он не сможет сделать точную копию, обязательно будут различия. С течением

времени меняется сам художник; меняется его настроение. Он уже не в том же самом состоянии духа, в каком был, когда писал оригинал.

К Пикассо однажды зашел его друг; Пикассо рисовал, и его друг почел за лучшее не отвлекать его. Когда картина была закончена и выставлена на продажу, друг Пикассо купил ее; она стоила миллионы. Однажды он пришел к Пикассо с этой картиной и попросил его заверить авторство. В это время в продаже было множество фальшивых репродукций картин Пикассо, но насчет подлинности этой картины друг был уверен — ведь он сам видел, как Пикассо писал ее.

— Да, это я ее нарисовал, — сказал Пикассо, — но это копия.

Друг был озадачен, потому что, по его мнению, подлинная картина, оригинал — это то, что выходит из-под кисти художника.

— Да, она подлинная, — согласился Пикассо, — в том смысле, что это я нарисовал ее, но это копия, потому что я копировал свой собственный стиль. Творец во мне в тот миг с отсутствовал.

— Что ты называешь “творцом в тебе”? — спросил его друг.

— Я — творец, когда я создаю нечто уникальное, когда я абсолютно оригинален в своем творчестве.

Поэтому поэты, художники, скульпторы ближе всего к Богу, когда они создают нечто неповторимое; они так же близки к Нему, как святые или подвижники. Скульптор, высекавший каменные изваяния в пещерах Аджанты или Эллора, был в тот момент так же близок Богу, как Будда.

Нет более великой молитвы, чем когда вы создаете нечто неповторимое, не имеющее подобия. Ибо в момент творчества вы становитесь подобны Ему. Вы тоже — творец, создатель. Вот почему творчество приносит столько радости. Вспомните, как вы бываете счастливы, когда создаете что-нибудь сами, каким бы маленьким и незначительным оно ни было.

Ребенок строит карточный домик и говорит всем: “Я построил дом!” Другой строит замок из песка, и знает, что замок смоет волной и сдует ветром, но как же счастлив он, когда строит! Он пляшет от радости. Все моменты счастья, которые у нас бывают в жизни, — это моменты творчества. Когда вы что-то делаете сами, вы всегда рады этому. А те, в кого в жизни нет никакого творчества, считают ее полной страдания и скорби.

Почему это так? Почему мы радуемся, когда создаем что-то? Потому что в акте творчества мы воспринимаем отблеск Творца. Он — Творец всего, но вы тоже творец в каком-то смысле в этот момент. Вы сажаете семечко в своем саду. Когда растение прорастает, приносит цветы и плоды, как вы радуетесь этому! Эта радость — та же самая, какую чувствует Бог, когда видит, как расцветает земля. Разница здесь не качественная, а количественная.

Нанак говорит: Он создал бесконечное множество форм жизни, и бесчисленны их имена. Если бы вы только могли воспринять широту этого творчества, его вечность! Но очень трудно воспринять Бога. Он всегда скрыт, но если вы научитесь воспринимать Его видимые проявления, вы тем самым сделаете первый шаг. Взгляните на Вселенную. Как изумительно в ней все устроено!

Восходит луна, восходит солнце. Звезды проходят свой круг по небу, сменяются времена года, наступает утро, и распускаются цветы, и поют птицы. Сучьи, журча и булькая, прыгают с камня на камень, реки с шумом рвутся к морю. Собираются тучи, и дождем возвращают земле испарившуюся влагу. Вода возвращается в русло. Все так хорошо устроено! Мир — это космос, а не хаос... если вы понимаете это очень важное установление природы.

Чем больше вы будете понимать порядок вещей в природе, и то, как закономерно одно сменяет другое, тем очевиднее для вас будет та рука, которая направляет все это. Любое устройство, любое движение имеет свой источник, и рука, которая создает и направляет этот вселенский порядок, должна обладать бесконечной силой и могуществом. Поэтому индусы и говорят, что у Него тысячи рук. Работы-то не мало! Бесконечной реальностью управляет бесконечное множество рук.

Нанак говорит: Он создал ночь и день, времена года, воздух, воду, огонь, землю и подземные миры. Он сотворил все- все! И в центре Он установил для вас землю, чтобы вы могли остановиться и передохнуть на пути к бесконечному.

Земля — всего лишь место отдыха. Не делайте ее своим домом. Люди строят разные дома, забывая, что это — всего лишь передышка. Представьте себе, что человек останавливается на ночлег в бунгало путешественника, а наутро забывает об этом и считает, что он у себя дома, берет на себя какие-то обязанности, втягивается в тревоги и хлопоты. Его одолевают страдания и печали, и он ходит и просит, чтобы ему указали путь к миру и спокойствию.

Если спросить его: “Почему же ты решил, что постоянный двор, дхармашала, это твой дом?”, он ответит: “Трудно уйти так резко. Я понимаю, что допустил ошибку, но мне нужно время. Я уйду постепенно”.

Но дело не в том, чтобы уйти постепенно. Дело вообще не в уходе. Необходимо правильное восприятие, и на это действительно бывает нужно время. Вы можете понять все в одну секунду, если вы готовы к этому и хотите этого. Вы можете ясно увидеть, что место, в котором вы находитесь, всего лишь зал ожидания, вы не всегда здесь были. Где вы были до рождения? Куда уйдете после смерти? Эта жизнь — игра, фантазия, которая длится всего несколько дней. За этот короткий промежуток времени вы успеваете ужасно привязаться к вещам — как к тем, которые есть, так и к тем, которых нет. Человек цепляется за свои богатства, за то, чем он обладает, но также и за свои желания, за мечты о будущем.

Мулла Насреддин построил себе дом и повел меня посмотреть на него. Он разбил огромный сад. Когда мы подошли к бассейну, он объяснил: “Это — бассейн с теплой водой, для того, чтобы купаться в зимнее время”. Мы прошли еще немного, и увидели второй бассейн. “Это — бассейн с прохладной водой, чтобы купаться в летнее время”, — сказал Мулла. Затем он указал на бассейн, в котором не было воды вовсе, и сказал: “А этот — на тот случай, когда нам не захочется купаться”.

Человек делает приготовления к купанию и к не-купанию. Он рассчитывает как на то, что у него есть, так и на то, чего нет. Вы уже нагружены бременем того, чем обладаете, и вдобавок вас одолевает тревога по поводу того, что, может быть, случилось, или, может быть, случится. Загляните в свой ум: в нем полно беспокойства о давно прошедших событиях. Нечто случилось двадцать лет назад, и до сих пор вертится у вас в голове. Но это уже давно прошло, и ничего от

этого не осталось! Или вы думаете о том, что может случиться через двадцать лет. Таким образом вы увеличиваете беспокойство в тысячу раз.

А о ком вы беспокоитесь? О придорожном трактире? Вы начинаете беспокоиться и о тех, кто остановился в том же трактире, что и вы. Там ваш муж, или жена, мать, отец, сын, — и все случайно собрались вместе на одном постоялом дворе. А вы абсолютно привязываетесь к ним, берете на себя кучу ответственности за них, тревожитесь, беспокоитесь и абсолютно забываете о том, что вы куда-то шли, куда-то должны были попасть. Вас заботит все что угодно, кроме необходимости вернуться домой!

И в ней создал бесконечное множество существ

различных цветов и форм.

Бессчетны их имена.

Каждое существо судится по его делам.

Все, что бы вы ни делали в этом мире, очень важно, потому что ваше окончательное предназначение основывается на ваших деяниях. Мир — место отдыха, где вы останавливаетесь на время, а затем идете дальше. Но вы вовлекаетесь в великое множество дел. Трактир у вас отберут однажды, а сеть ваших поступков останется с вами. Вы умрете, мир перестанет существовать для вас, но то, что вы сделали в мире, будет следовать за вами, как тень. Ваши действия, как гончие псы, будут преследовать вас сквозь бесконечную череду рождений, и решение последнего суда будет основываться на итоговой сумме всех ваших действий.

Вот о чем следует поразмыслить. Если вы будете удерживать в голове мысль о том, что вы в этом мире ненадолго, просто поставили палатку, завтра снимете и пойдете дальше, — многие действия тут же исчезнут — за ненужностью. Будете вы орать на свою жену, если помните о том, что ваша общность, ваше со-бытие скоро кончится? Будет ли смысл у вашего гнева? Вы считаете жену своей собственностью настолько, что позволяете себе ссориться с нею. Но когда придет смерть, жена не последует за вами; вы пойдете по этой дороге одни. И, хотя вы с женой расстанетесь, ваш гнев на нее, те обиды, которые вы ей нанесли, те слова, которые сказали ей в раздражении, — все это будет сопровождать вас. Вы расстанетесь и с мечтами, но то, о чем вы мечтали, останется с вами. При таком расчете мы оказываемся в убытке, и приобретаем только потери и поражение. От сансары человек не может ничего получить, но может по терять все.

Нанак говорит, что если вы будете постоянно помнить о том, что этот мир — не более чем место для передышки, многие ваши действия прекратятся сами собой. Как относятся друг к другу люди на перроне или в зале ожидания? Если кто-нибудь наступит вам на ногу, вы не обратите на это внимания, потому что вы понимаете, что в толпе это неизбежно, и не сердитесь.

Мулла Насреддин очень долго не женился. Когда ему исполнилось пятьдесят, друзья спросили его, почему он боится жениться. И вот что рассказал Мулла:

— Однажды я выходил из кинотеатра, и случайно наступил на ногу одной женщине. Она тут же обернулась, побагровела, глаза ее метали молнии. Меня дрожь пробирает даже сейчас, когда я это рассказываю. Я был уверен, что она убьет меня, задушит голыми руками. Но она тут же

успокоилась и сказала: “Простите, я думала, это мой муж”. Вот в тот самый момент я и решил не жениться.

Женщина с легкостью простила чужого человека. Ей было легко принять это за случайную оплошность только потому, что это был чужой человек.

Чужих мы прощаем, а самых близких — не можем. Разве это не удивительно? Мы не можем простить тех, кто нам близок и дорог. В чем же разница? Чужой — он и есть чужой. Он — попутчик, случайный сосед на постоялом дворе. Тот, кто вам близок, перестает быть чужим. Насчет него у нас полно иллюзий; с ним мы строим отношения так, как будто мы же дома.

Тот, кто воспринимает весь мир как место, куда все приходят ненадолго, как в придорожный трактир, — для того каждый человек — чужой, и он сам тоже! Неужели вы думаете, что из-за того, что вы прожили вместе тридцать лет, ваша жена перестала быть чужой для вас? Вы не правы; это всего лишь самообман. Не имеет значения, сколько времени вы провели вместе.

В этом мире вы никого не можете назвать своим. Никого нельзя сделать своим, присвоить — кроме Бога. Только Бог может быть своим для вас, и все же вы не ищете Его. Вы присваиваете себе чужих людей, незнакомцев. У вас рождается сын, и вы уверены, что уж он-то не будет чужим для вас. Жизнь докажет обратное. Отец никак не может повлиять на жизнь сына. Вы хотите, чтобы он стал тем, а он становится этим. Вы хотите одного; он желает другого. Ваши ожидания не совпадают с его планами. Нет отца, который был бы абсолютно доволен своим сыном и полностью принимал бы его. Это ваш сын, но все же он совсем чужой вам человек. Ни один отец не в силах предсказать, как повернется жизнь его сына. Нет способа это узнать. Мужья не в силах переделать жен, а жены — изменить мужей. Кто кого может переделать? Тем самым мы только причиняем ущерб; вреда приносим больше, чем пользы.

Все мы чужие друг другу, каждый делает свое и идет своей дорогой. Никто не может нас переделать или изменить. Может быть, мы встретимся на перекрестке. Мы так серьезно воспринимаем эти встречи! Неужели вы думаете, что женщина станет полностью вашей, если семь раз обойдет вокруг костра, как на свадебной церемонии индуистов? Да хоть семь тысяч раз, ничего не изменится. Вы останетесь там же, где и были.

В мирской жизни, как бы вы ни старались, вы не можете избавиться от другого человека, который вам чужой. Неважно, насколько вы близки, между вами всегда есть расстояние. Это проклятие всех влюбленных. Влюбленный хочет приблизиться к возлюбленной настолько, чтобы ничто больше не разделяло их. Но чем ближе он подходит, тем четче понимает, что различия сохраняются. Когда они были далеки друг от друга, еще была надежда, что близость устранил одиночество, разделенность, но, приближаясь, он понимает, что дистанцию устранить невозможно. Нет способа сделать это. Вы можете сидеть, прижавшись друг к другу, и расстояния между вашими телами не будет, но разделенность никуда не денется. Вы — в своих мыслях, ваша возлюбленная — в своих. У вас — свой ум, у нее — свои, и как бы они могли встретиться?

Все союзы и объединения в этом мире — ложные встречи. Одиночество — истина, встреча всего лишь мечта. Единственный возможный союз — это союз с Богом. Потому Кабир и Нанак пели: “Я — невеста Рамы!” Кабир говорит: “Я понял одно, и этого мне достаточно, — что человек может быть только невестой Рамы”. Только в этом случае есть абсолютное единение;

все расстояния исчезают и нет больше “внутри” и “снаружи”. Только там может быть утолена ваша жажда, где нет двоих, а все есть одно. Только там мы встретим Его, Того, Кто не чужой нам, и прекратится досада разделенности. До тех пор вы не найдете покоя.

Не важно, из скольких источников вы будете пить, по скольким берегам пройдете, есть только одна река, способная утолить вашу жажду, — но нас это совершенно не волнует. Все, что вы делаете во время странствия, собирается вокруг вас. Собрание этих поступков предопределяет ваше будущее... каждый день. Если вы встали утром сердитым и раздраженным, впечатление сохраняется как отпечаток. Если вы и на следующее утро встали в гневе, это впечатление оформится еще глубже. Если и на третий день произойдет все тоже самое, это впечатление оставит на вас глубокую рытвину. Теперь, скорее всего, вы и на четвертый день поступите так же, потому что человек, пока не достиг буддийности, просветления, живет сообразно своим впечатлениям. Когда человек становится просветленным, привычки больше не причиняют ему вреда, потому что он пребывает в полном осознании. Вы живете по привычке. Сегодня повторяется то, что было вчера. То, что случилось сегодня, обязательно повторится завтра. Так ваши действия создают привычки.

Представление о карме весьма научно. К философии оно не имеет никакого отношения. Это простой и однозначный психологический факт, что если вы делали что-то к продолжаете делать, это увеличивает ваше стремление делать так снова и снова. Если вы что-то не делаете, это усиливает вашу привычку не делать этого. Делание превращается в привычку. Вы все делаете автоматически, как машина. Вернитесь в прошлое, и вы увидите, что вся ваша жизнь — не что иное, как постоянное повторение одного и того же. Каждый день вы делаете все то же самое.

Люди приходят ко мне и говорят:

— Я не хочу гневаться, но гнев охватывает меня.

— А что вы делаете после того, как прогневались? — спрашиваю я.

— Мне очень стыдно и я сожалею, — говорят они. — Я знаю, что мне не стоит делать этого, и поэтому я чувствую себя очень несчастным.

— Забудьте о гневе, — говорю я им, — но прекратите беспокоиться. Не раскаивайтесь больше. По крайней мере, это вы можете сделать. Я знаю, что гнев вы контролировать не в силах.

Но их это не устраивает.

— Что это за совет? — говорят они. — Если гнев не исчезает, даже несмотря на сожаления, как можно советовать не сожалеть? Как же я тогда избавлюсь от гнева?

А я им говорю:

— Взгляните на свою жизнь. Вы тысячу раз уже сожалели о случившемся, однако с вашим гневом ничего не произошло. Попробуйте провести эксперимент. Не сожалейте! Вы должны приложить усилия, чтобы разрушить хотя бы половину вашей привычки. Гнев и сожаление — вот целая привычка. Это не так сложно. Потребность гневаться сохранится, и вы не сможете отказаться от гнева, но сожаление — это ваше личное дело. Оно больше никого не касается.

Гнев всегда подразумевает кого-то, на кого вы гневаетесь. Если кто-нибудь обзывает вас, разве вы не разгневаетесь? А если вы не разгневаетесь, что подумают люди? Молва подхватит эту весть, и многие еще придут, решив, что теперь можно начать оскорблять вас. Гнев — занятие коллективное, в то время как сожаление не касается никого, кроме вас самих. Вы сожалеете в одиночку. Пожалуйста, не делайте этого.

Человек, который искал совета, потом вернулся и сказал:

— Знаете, от сожаления освободиться ничуть не легче, чем от гнева.

Ко мне приходит дама, чей муж злоупотребляет алкоголем. Они поженились двадцать лет назад, и все эти годы она пыталась убедить его бросить пить. Но он все пьет, а она все упрекает его. Однажды она сказала мне:

— Ради всего святого, сделайте что-нибудь! Мой муж никак не прекращает пить. Я делала все, что могла. Пожалуйста, сделайте так, чтобы он понял.

А я сказал:

— Прекратите капать ему на мозги! Ничего ему не говорите о пьянстве в течение трех месяцев, а потом возвращайтесь, и я сделаю с ним все необходимое. Алкоголь воздействует на биохимию, поэтому невозможно бросить пить так сразу. Он проник в каждую клетку его тела. Как бы то ни было, сделайте, как я сказал, а потом я о нем позабочусь.

Она вернулась на третий день.

— Это невозможно. Я просто не могу. Это абсолютно вошло в привычку — ругать его каждый раз, когда он наполняет стакан.

— Теперь вы понимаете, — сказал я, — как это сложно вашему мужу. Вы не можете прекратить произносить слова, хотя это совсем не сложно. Вы двадцать лет твердили ему одно и то же, а теперь три месяца не говорите ничего на этот счет. Если вы докажете мне, что смогли справиться со своей привычкой, я возьмусь лечить вашего мужа.

Она, бедняжка, никак не могла выдержать три месяца, но я был тверд.

— Ничего не буду делать с вашим мужем, — говорил я, — пока вашего терпения не хватит на три месяца.

Теперь она понимает, какая это сложная задача. Она не может оставаться спокойной даже сутки. Ее муж напивается дважды в день, а она десять раз за день скандалит с ним — это у нее такой наркотик. Привычки — это наркотики, которые от повторного употребления делают вас зависимым.

Доктрина кармы утверждает всего лишь, что если вы сделали что-то, вероятность того, что вы снова поступите так же, увеличивается. Если вы что-то не делаете, соответственно увеличивается вероятность, что вы и впредь не будете этого делать. Если вы поселились на постоялом дворе и ведете себя так, как будто это ваш дом, вы создаете дурную привычку. Постоялый двор однажды исчезнет для вас, но то, что вы делали там, прилипнет к вам навсегда,

потому что оно абсолютно ваше. Когда вы покидаете этот мир, вы берете с собой только свои действия.

Вы шли по дороге и подобрали бриллиант. Бриллиант вы не возьмете с собой в смерть, а само действие — то, что вы наклонились, подняли его и положили в карман, — останется с вами. Ваши действия — ваша единственная собственность, которую вы берете с собой. Если вы действуете неправильно, вы придаете своему будущему неправильное направление. Если действуете правильно — и будущее будет правильным.

И если вы живете в полном осознании, вы готовитесь к освобождению. Потому что, чем больше человек развивает в себе осознание, тем больше он разрушает собственные привычки. И тогда он уже живет не по привычке, а сознательно. В каждой ситуации он принимает решения, исходя из полного осознания, а не из старых привычек.

Вас обругали — вы тут же вскакиваете, сжав кулаки. Во время перелета на самолете пассажир повздорил с пилотом, дошло до оскорблений и непечатных слов, чуть ли не до драки. Другие пассажиры сказали: “Эй, что вы делаете? Здесь дамы!” Разгневанный пассажир ответил: “Дамы могут выйти. А я уж с ним разберусь!” В гневе он даже не понял, что сказал, — куда это дамы могут выйти из летящего самолета?

Он не в своем уме, лишился чувств. Он не понимает, что говорит, но драка состоится, потому что он не может контролировать ситуацию. Как может кто-то, находящийся без сознания, контролировать что бы то ни было? И все вы таковы. Что бы вы ни делали, вы делаете это автоматически, даже не задумываясь, что же вы творите и зачем.

Проснитесь хоть чуть-чуть. В первую очередь, проснитесь, чтобы понять, что мир не настолько ценен, чтобы из-за него так тревожиться и переживать. Если вас к го-то обругал, помните: ни он, ни его обидные слова не имеют такого значения, чтобы вы так расстраивались из-за них. И это ваше не настолько важно, чтобы из-за него устраивать бурю. Это всего лишь зал ожидания; если кто-то наступит вам на ногу, не огорчайтесь.

В антракте Мулла Насреддин решил выйти из зала и наступил на ногу одному человеку. Человек буквально корчился от боли, но, решив, что было темно и мулла просто не видел, куда наступал, человек ничего не сказал. Мулла вернулся в зал и подошел к этому человеку.

— Брат мой, — спросил он, — это тебе я наступил на ногу?

Человек подумал, что мулла хочет извиниться, и сказал:

— Да.

Мулла обернулся и закричал:

— Жена, иди сюда, вот ряд, где мы сидели!

Он наступил на ногу человеку, чтобы отметить свой ряд.

У человека, который оскорбляет вас, есть на то свои причины. Не надо расстраиваться из-за этого. Мир — это рыночная площадь, по которой слоняются толпы людей, и каждый ищет что-

то свое. Вам ни до кого нет дела, никому нет дела до вас. Так как каждый играет в свою игру, вы неизбежно время от времени будете врезаться друг в друга. Нас просто очень много.

Если вы будете иметь это в виду, ваш гнев исчезнет сам собой, и вместе с ним ваша ненависть, зависть, ревность — и все действия, которые из них происходят. В тот день, когда эти действия исчезнут, вы почувствуете жалость к людям, потому что все они — без сознания. Вчера вас переполнял гнев, а сегодня в вас — доброта и сострадание. Каждый из людей бился с пути. Они привыкли жить в темноте. Никто не виноват, что они все спят. Если кто-нибудь во сне бормочет упреки и оскорбления, вы что, обидитесь на него? Вы заметите, что он спит, и оставите инцидент без внимания.

Если кто-то по пьяному делу ругается на вас, вы сочтете, что он не понимает, что говорит, — но, увы, все люди пребывают в этом состоянии. Бесконечная череда рождений одурманила их, и они спят беспробудным сном. Если ваше осознание развилось хотя бы чуть-чуть, вы почувствуете жалость к ним — ведь они все так страдают, эти люди вокруг вас! Они приняли постоянный двор за дом своих предков, и теперь грызутся в суде из-за прав на наследство.

Когда вы будете испытывать жалость к другим, соответственно изменятся ваши действия. Раньше это были злые дела, теперь будут хорошие; раньше вы собирались навредить кому-то, а теперь из кожи вылезете, чтобы ему помочь. Вы не будете колебаться и секунды, прежде чем прийти на помощь оскорбляющим вас, потому что исполнитесь сострадания по отношению к ним.

Что здесь наиболее важно — это соотношение между знанием и добротой. Знание означает пробуждение. Доброта — качественное изменение ваших действий в силу пробуждения. Когда внутри царит неведение, вовне он проявляется как насилие; когда внутри знание, оно проявляется вовне как доброта. Они связаны друг с другом, но знание, ум и пронизательность должны проявляться в делах.

Забавная ситуация складывается: мы думаем о добром и прекрасном, а творим все равно зло! Мысли обращены к добру, а дела — нет. То, о чем вы думаете, не имеет никакого значения. Вашим свидетельством, вашей мерой будут только дела. Даже у преступников бывают возвышенные, благородные помыслы. Спросите убийцу, о чем он думает, и увидите, что его мысль воспарила к небесам. Возвышенные мысли — уловка для совершения и оправдания злых дел.

Поймите эту тонкость: когда человек совершает зло, он всегда сожалеет об этом — внутри. Когда человек оскорбляет кого-либо или жестоко обращается с кем-то, ему всегда очень стыдно. Он чувствует, что этого не должно было случиться, и он исполнен мыслей о добре, о жалости, о прощении. “В другой раз, — обещает он себе, — я буду добрым и понимающим”. Так он уравнивает для себя свои злые дела своими добрыми мыслями, прячет от себя свои злые дела. У злых, подлых людей мысли всегда благородные, возвышенные.

Верно и обратное. Те, кто делает добро, думают о злом. Тот, кто осознает себя, видит ошибочность обоих этих состояний. Воры всегда думают о благотворительности; они очень щедрые люди. Это они думают о возведении храмов, о том, чтобы одеть нищих или накормить голодных, все потому, что в них — жало воровства. Они украдут миллион рупий, а тысячу пожертвуют на благотворительность. Таким способом они думают достичь равновесия.

Грешник купается в Ганге, раздает немного милостыни там, немного тут, и думает, что расплатился со своими долгами. Он возвращается домой, освобожденный от вины. Но что же он теперь делает, тот, кому простились его грехи? В точности то же, что и раньше, но теперь — с легким сердцем. Оно еще опаснее, — чувство, что тебя это больше не касается.

Одна женщина пришла к психологу. Она все теряла и очень переживала по этому поводу. Она чувствовала, что у нее очень много проблем. Через шесть месяцев после начала лечения психолог спросил ее, как дела.

— Знаете, — сказала она, — я так же теряю все подряд, но теперь это меня больше не волнует.

Человек сделает несколько добрых дел, и это придает ему уверенность, и он больше не беспокоится о том, что делает. Он чувствует, что уравнивает злые дела добрыми, и теперь он готов творить зло снова. Теперь у него есть ключ к ситуации: когда бы ты ни сделал что-то плохое, противопоставь этому доброе дело.

Сегодня нет страны грешнее Индии. Это случилось с нами, когда мы открыли добрые дела как средство борьбы со злыми. Здесь же течет Ганг, он смывает и унесет все грехи. Согреши, а потом пойди и отнеси в храм подношение; сотвори злое дело, а потом пойди и поднеси кокос Хануману, богу-обезьяне. Бедный Хануман! Он же не имеет никакого отношения к тому злу, которое вы творите; это не его вина, что вы согрешили. Он не был вашим соучастником, а вы втягиваете его в ответственность за ваши преступления. Здесь согрешил, там замоли — и ты снова готов грешить! Когда бы вы ни совершили зло, вы уравниваете это добрым делом, и тем самым возмещаете ущерб, который нанесли своему образу хорошего, праведного человека.

Мыслями сыт не будешь. Ваше предназначение определяется вашими действиями, а не мыслями. Самое потрясающее — что вы всегда готовы отложить доброе дело, оставить его на завтра, но никогда не медлите, когда дело доходит до греха. Тогда вы готовы действовать сию же минуту. Если вам хочется кого-то убить, вы тут же убиваете, потому что вы знаете: минута промедления — и вы уже не сможете этого сделать. Когда вы хотите разгневаться, вы гневаетесь немедленно. Вы слышали, чтобы кто-нибудь когда-нибудь сказал: “Вот погоди, приду завтра и разгневаюсь на тебя, а сейчас мне некогда”? Нет, оскорби человека — и он все бросит, чтобы отомстить, показать обидчику его место, даже если готовит лекарство для умирающей жены. Тем самым он говорит: “А, пусть ее умирает, если хочет. Так или иначе все равно умрет, а сейчас мне важно вот с ним разобраться”. Вы прекрасно понимаете, что если упустить момент, потом к нему не вернешься.

Гурджиеву было девять лет, когда умер его отец. Последний совет, который дал ему отец, был таков: “Всякий раз, когда что-то возбуждает в тебе гнев, подожди двадцать четыре часа, а потом реагируй”. Так что, когда Гурджиева обижали, он всегда говорил, что ответит через сутки. Обещание отцу он дал, когда был еще ребенком и ничего не понимал, но слово свое держал твердо.

— Это обещание, — пишет Гурджиев, — изменило всю мою жизнь.

Разве можно гневаться целые сутки?! За это время бесполезность, суетность и глупость гнева становятся очевидны! И в девяносто девяти случаях из ста мы понимаем, что сказанное о нас было правдой: это было не оскорбление, а констатация факта! Если человек обозвал вас вором,

через сутки вы поймете: вы — вор! Если вас обозвали бесчестным, вы осознаете свою бесчестность. Это не оскорбление, а точное описание вас, то, что открывает вам глаза на вас самих.

Множественно случалось так, что Гурджиев возвращался к тому человеку и благодарил его, потому что то, что он сказал — чистая правда. Гнева никакого не было. Гурджиев был искренне благодарен тому, кто указал ему на его ошибки. “Ты показал мне то, чего я сам не мог увидеть”. Тот, кто диагностирует вашу болезнь — врач, а не враг.

Или, через сутки после оскорбления, у Гурджиева складывалось вот такое отношение: “Я весь день размышлял о твоих словах, и я думаю, что ко мне они не относятся. А раз ко мне они не относятся, то что мне гневаться? Вероятно, ты имел в виду кого-то другого”. Если эпитет был приложим к нему, то он благодарил человека; а если — не приложим, то и повода нет возмущаться.

Всякий раз, когда вы гневаетесь, гнев охватывает вас, потому что говорящий задел правдой ваше уязвимое место. Вы когда-нибудь думали об этом? Если вы не вор, то подобное обвинение вас вовсе не задевает.

Но в том-то и дело, что все как раз наоборот: вы вор, а прикидываетесь святошей. Вы ходите в храм, молитесь, маскируетесь, как только можете. Но вот человек раскусил вас, понял и сказал, кто же вы на самом деле — вы вор! Вы задеты. Запомните, правда всегда ранит, неправда — никогда, потому что у неправды нет собственной силы.

В злые дела мы вовлекаемся тут же, а добрые откладываем на потом. Один марвари[24] сидел однажды за ширмой и писал свои отчеты. Стоял жаркий летний день. К нему подошел нищий и попросил монетку. Марвари сказал ему:

— Ступай своей дорогой; у меня нет денег.

— Дай мне хлеба, — попросил нищий.

— Здесь нет хлеба, — огрызнулся марвари.

— Дай мне какие-нибудь обноски, — продолжал настаивать нищий, как они всегда делают.

— Проваливай! — заорал марвари. — Ничего у меня нет!

— Тогда что же ты сидишь здесь за ширмой? Пойдем со мной, присоединяйся! Все, что получим, поделим пополам.

Если кто-нибудь просит у вас две пайсы или кусок хлеба, вы прогоняете его. Вы откладываете добрые дела, но вы готовы тут же вскочить и рвануться куда-то, где представляется возможность сделать что-нибудь злое.

Прекратите делать зло и не откладывайте добро, и тогда ваша жизнь изменится к лучшему. Злу скажите “До завтра”; а доброе дело сделайте сейчас же, мало ли что до завтра может случиться. Если это станет лейтмотивом вашей жизни, вы будете неспособны делать зло. А пока вы поступаете как тот марвари. Но в таком случае “завтра” для добрых дел никогда не наступит, а

“сейчас” для злых всегда будет с вами. На ветке вашей жизни вырастают одни шипы, и никаких цветов, никогда.

Каждое существо судится по его делам.

Бог справедлив, и суд Его справедлив.

Запомните, только если вы преданны и верны, вы можете быть допущены до Его суда. Вы можете обмануть весь мир, но как вы обманете себя? Вы же знаете, кто вы. Весь мир может пасть ниц перед вами в благоговении и страхе, но вы же знаете, кто вы на самом деле. Реальность, скрытая внутри вас — это Сам Бог. Как вы могли бы обмануть Его? Перед Ним вы предстаете нагими, ничем не прикрытыми. Поэтому, только если вы верны и честны, можете вы вступить на Его суд.

Когда люди спрашивают: “Как достичь Бога?”, я говорю: “Как быть честным?”. Вместо того, чтобы говорить: “Бога невозможно увидеть”, они бы лучше спросили: “Почему мы не можем увидеть Бога?”

Лживые глаза Бога не увидят. Чтобы увидеть Бога, нужны честные глаза. Правдивое сердце необходимо, чтобы воспринять истину, потому что подобное распознается подобным. Такие, какие вы сейчас, — вы пропитаны ложью. Вы лживы, и это значит не только то, что вы говорите неправду: само ваше существование неподлинно. Ваш внешний облик фальшив, ваши действия неискренни. Вы говорите одно, думаете другое, а делаете третье. Ни вашему слову, ни вашему существованию нельзя доверять. У вас самих нет веры в то, что вы делаете. Делаете ли вы то, что хотите? Думаете ли вы в точности то, что говорите?

Но эта мысль ужасна! Ведь если вы станете аутентичным, если вы будете подлинным собой, дом, который вы построили на постоянном дворе, начнет разваливаться! Это — всего лишь остановка на пути; и то, что вы превратили ее в место постоянного пребывания, и есть ваша величайшая ложь. Вы отправились в путь по морю реальности на бумажном кораблике. Ну и как же вы поплывете? Так и останетесь сидеть на берегу, потому что, как только спустите кораблик на воду, так его и не станет. Бумага размокнет.

Люди приходят ко мне, их беспокоит, что если они начнут быть подлинными, искренними, их жизнь усложнится. Ну да, конечно, потому что она была построена на лжи. В начале действительно будет очень сложно. Если вы не изменитесь, будет не легче. Какого счастья вы добились в той жизни, которая сейчас у вас есть, что за цветы расцветали в ней, что за аромат разливался? Что в вашей жизни дает вам силу сказать: да, жизнь стоит того, чтобы жить? Ничто. И вы это знаете.

Жизнь, как она есть сейчас, не менее сложна, но вы привыкли А когда вы разворачиваетесь к истине, старые привычки ломаются. Сейчас, когда к вам приводит человек, которого вы терпеть не можете, вы говорите ему: “Добро пожаловать, заходите, и очень рад вас видеть”. А про себя вы проклинаете тот день, когда впервые привели его к своему порогу. Теперь у вас весь день испорчен.

Если он хоть немного умен и хоть что-то воспринимает, он поймет, что вы лжете. Неважно, что произносят ваши уста, — глаза вас выдадут. Выражение вашей лица, ваши движения скажут

совсем другое, нежели слова. Когда человек действительно счастлив, он не заботится о том, как бы ему выразить счастье: оно просто хлещет из него. Вы, правда, можете сыграть, изобразить совсем счастливого человека. Но ваш собеседник, увы, тоже спит. Вы думаете, будто действительно имеете в виду то, что говорите. Вот почему лесть имеет хождение в мире. Если слушатель внимателен, он всегда различит фальшь в ваших словах.

Ирландский поэт Йейтс[25] получил Нобелевскую премию. Он был искренний человек, простой, без притворства. В его стихотворениях и поэмах проявлялась его человеческая подлинность. На банкете по случаю присуждения такой известной премии, за которую боролись многие претенденты, произошло то, что всегда на таких банкетах происходит: люди стали чрезмерно хвалить Йейтса и его стихи. Ему возносили хвалу даже те, кто прежде критиковал его. Ему было очень неловко и неуютно, потому что он знал, что все они говорят не то, что думают. Йейтс съезился в кресле.

Когда все речи были произнесены, он сидел сгорбившись, понурясь, как будто сил его больше не было терпеть. Распорядитель потряс его и сказал:

— Вы не спите? Вы слышали, что я только что сказал?

Речь шла о том, что коллеги Йейтса решили поднести ему 25 тысяч фунтов стерлингов.

— Я не сплю, — отозвался Йейтс, — но если бы я знал, что здесь будет, я бы не пришел. Целых два часа слушать бесстыдную ложь — и всего за двадцать пять тысяч?! Никогда!

Если вы развили хотя бы немного осознания, никто не сможет льстить вам, потому что вы будете слышать фальшь в его выражениях. Но вы невнимательны; вам все лгут, а вы и не замечаете этого. Вы и сами говорите неправду, не осознавая, что же вы делаете. Поэтому у вас возникают тысячи трудностей. Не осознавая, вы говорите женщине: “Ты так прекрасна! Я люблю тебя”, — вот и проблемы. Может быть, вы и понимаете, что на тот момент по была ложь, но теперь возникает целая серия проблем. Вы пожалеете об этом на следующий же день.

Однажды жена Муллы Насреддина устроила ему скандал:

— Я за тобой не бегала, слышишь, это ты вертелся вокруг меня! А теперь посмотри на себя! Как ты живешь?! Если ты именно этого и хотел, почему вертелся вокруг меня?!

— Жена, ты абсолютно права, — сказал Мулла. — Ты за мной не бегала. Ты видела когда-нибудь, чтоб мышеловка бегала за мышью?! Мышь сама вертится вокруг мышеловки — и попадается.

В этом отношении женщины очень умны. Ни один мужчина не может обвинить свою жену в том, что она-де преследовала его. Ни одна женщина не допускает этой ошибки, потому что она понимает, что раньше или позже такая проблема возникнет. Именно мужчина всегда попадает в ловушку. Женщина спокойно наблюдает, самое большее — кивнет.

Мужчина берет себе всю инициативу. Насреддин прав; мужчина идет в западню по своей собственной воле.

Когда Насреддин лежал на смертном одре, сын спросил его:

— Какие уроки ты извлек из жизни?

— Я понял три вещи, — сказал Мулла. — Во-первых: если люди будут терпеливы, плоды созреют сами и упадут на землю, и останется только подобрать их, вместо того чтобы лезть на дерево и обрывать их с веток. Во-вторых: если люди будут терпеливы, они умрут своей смертью, и никакие войны не понадобятся, чтобы их убить. И в-третьих: если мужчины будут терпеливы, женщины побегут за ними сами, и не будет нужды бегать за ними.

Вот квинтэссенция жизненного опыта Муллы. Но какая польза умирающему от его жизненного опыта?

А вы знаете, что вы говорите? Вы знаете, что вы делаете? Если вы станете чуть-чуть внимательней, девяносто девять процентов действий, которые вы осуществляете, чтобы построить себе дом, окажутся ненужными. Останется только один процент, — вполне достаточно для постоянного двора и для жизни саньясина. Останется то, что неизбежно; все ненужное уйдет. Именно поверхностное, несущественное и создает проблемы домовладельцу. Сколько же ненужных вещей вы покупаете и собираете у себя в доме!

Однажды я был в гостях в доме, где было столько вещей, что практически невозможно было пройти. Хозяева дома были богаты, но в каморке бедняка было бы и то свободнее. А эти люди покупали все, что появлялось на рынке, все, что фигурировало в рекламах. В доме просто невозможно было находиться. Я спросил хозяина дома: “Это дом, или это музей, выставка?”

Большая часть вещей, которые вы собрали, бесполезна и никогда вам не пригодится. Избавьтесь от них. Дом — это в первую очередь пространство. Здесь просто невозможно быть. Если так пойдет и дальше, скоро вам придется спать на улице.”

Вы тоже собираете в доме всяческий хлам. Вы копите ненужные вещи в надежде, что однажды они вам пригодятся. Вы храните даже то, что уже сломалось.

У эскимосов есть обычай, который принес бы много мира и спокойствия, если бы соблюдался повсеместно. Каждый раз, в Новый Год, они раздают все, что собрали за год, и начинают жизнь заново. Они избавляются от всех вещей, так что в доме становится абсолютно пусто. Нигде в домах не бывает так чисто, как у эскимосов. Вещей у них очень мало. Когда начинаешь жить заново, появляется некая свежесть. Эскимосы никогда не копят ненужное барахло, потому что знают, что в конце года все равно придется его отдать. Представьте, если бы вам в Новый Год пришлось все раздать, вы бы обнаружили у себя дома кучу всякой ерунды, которую никогда не стоило покупать?

Вы собираете не только барахло, но и ненужные мысли: кто-то что-то сказал, а вы слушаете. Вы автоматически читаете газеты. Вы когда-нибудь спрашивали себя, хотите вы хранить это все в голове, или нет? Вы когда-нибудь говорили кому-нибудь: “Простите, я не вижу смысла в этом разговоре?” Кто-то сидит рядом с вами и сплетничает. Вы говорили этому человеку: “Послушай, зачем ты забиваешь мне голову вот этим хламом”? Забить голову просто, а очистить ой как сложно. Спросите тех, кто медитирует. Когда они пытаются избавиться от пустых мыслей, оказывается, что те пустили глубокие корни. Действия тоже собираются, как ненужные вещи в

доме. Постепенно вы превращаетесь в ходячую помойку. Нет разницы между вашей жизнью и лавкой старьевщика. Станьте более внимательными!

Нанак говорит, что каждое действие создает определенную структуру в вашей жизни, так что подумайте хорошенько, прежде чем действовать. Только искренний, подлинный человек будет допущен до Его суда. Только великие, лучшие, самые честные могут достичь этого, и Его сострадательный взгляд позволит такому человеку увидеть Его руку во всех вещах. Когда истина входит в вашу жизнь, вы видите подтверждение Его доброй воли. Везде, повсюду вы встретите Его символы, упоминания о Нем. Сейчас ничто не подводит вас к Нему. Вы еще не узнаете Его. Когда вы станете подлинным, вы начнете слышать Его повеления. Вы начнете в каждой песчинке, в каждом листке и бутоне видеть Его.

Он хочет подвести вас к пути. Он хотел бы указать вам, что делать, а от чего отстраняться, но в вас не хватает необходимой пустоты. Вы сами так шумите и бурлите, что не слышите Его голоса. Каждый день вы можете встречать знаки Его благодати, Еп > сострадания. Пока вы не встречаете никаких знаков, Вы живете, опираясь на самих себя, а можно ли это назвать опорой? Ваша жизнь станет подлинной, только когда вы начнете жить Им. Тогда у жизни появится новый импульс, новое измерение.

Нанак говорит, что испытание начнется, только когда вы придете:

Лишь перед Богом каждый испытывается;

каждому он определяет место Своим взглядом.

Неспелое зерно отделяется от спелого.

Нанак говорит: все неспелое обречено исчезнуть.

Каждый оценивается по степени спелости. Что означает — быть спелым и ни неспелым? Тот, кто перед Богом рассыпается — неспел; спелый тот, кто перед Ним остается цельным. Пусть это станет вашим пробным камнем; что бы вы ни делали, спросите себя: “Смогу ли я повторить это перед Богом, или мне будет стыдно и страшно?” Так ювелир проверяет золото, прежде чем сделать из него что-либо. Если вам станет страшно и захочется спрятаться, не делайте этого, потому что от Него ничего не скроется. Он может видеть вас насквозь. Ничто не может быть скрыто от этого зеркала.

Тогда вы созреете. Гончар обжигает горшки в огне. Дождь размочит сырую глину; в обожженные горшки можно наливать воду, и ничего с ними не случится. Вы идете на рынок, чтобы купить сосуд для воды за две пайсы. Вы выбираете горшок и постукиваете по нему в разных местах. Крепкий, хорошо обожженный горшок звучит совершенно определенным образом.

Так и у вас, по мере того как вы спеете, будет изменяться музыка жизни, так, что вы начнете слышать внутренний звук. Вы будете слышать намеки, указания на эту внутреннюю музыку. Указания эти таковы: вы будете становиться спокойнее, счастливее, вы услышите, что вас переполняет радость. Вас окутает удовлетворенность, и вы почувствуете себя благодарным, неизвестно почему. Блаженство будет тихо танцевать в вашей душе.

Сахаджобаи была известным мистиком. Она сказала: “Нет туч, и все же дождик льется”. Вы счастливы, улыбаетесь, радость переполняет вас, — и все без видимой причины. Вы не нашли никакого сокровища, и все же испытываете глубокую благодарность. Вот эти признаки.

Когда вы становитесь более зрелыми, спелыми, устойчивыми, дождевая вода начинает накапливаться в вас. Его благодать ливнем проливается на нас в каждый момент, но вы — сырая глина, вас размывает. Вы не готовы, и поэтому Божья благодать становится для вас проклятием. В тот миг, когда вы созреете, когда вы станете устойчивым, то, что прежде казалось проклятием, откроется вам как замаскированное блаженство.

Когда вы достигнете этого состояния, приходит последнее испытание. Но не ждите до тех пор, ведь вы развиваетесь, строите себя в каждый момент. Начните сегодня, и может быть, когда-нибудь вы будете готовы предстать перед Ним, открыться Ему. Вы уже потратили достаточно времени; не упускайте же момент! Живите, все время памятуя о Боге, ибо Он — цель, Он — наше жилище. Мир — всего лишь постоялый двор.

Глава 8. И нет этому конца

Высший закон выражает Сфера Религии.

Теперь постигнуть нужно законы Сферы Знания:

Так много ветра, воды и огня; так много ликов Кришны и Шивы;

Так много Брахм, так много Его созданий разных оттенков и форм;

Так много полей для работы и священных гор; так много полярных звезд и проповедей;

Так много Индр, лун и солнц, галактик и континентов;

Так много просвещенных, и Будд, и наставников, и богинь;

Так много богов и дьяволов, и муни; так много драгоценностей и океанов;

Так много рас и языков, так много королей и императоров;

Так много воспоминаний и так много верующих;

Нанак так говорит: Нет этому конца, нет завершения.

В осознании находит выражение Сфера Знания.

Там музыка, и веселье, и игра, и счастье.

Скромность выражает Сфера Стыда.

Прекрасно и несравненно все, что случилось.

О Нем невозможно в словах говорить.

И тот, кто пробует, позднее сожалеет.

И обо всем здесь сказано: о памяти, и разуме, и понимании, и мудрости,

И о сознании богов и просвещенных.

Нанак разделил бытие и путь духовных исканий на четыре сферы. Деление это весьма научно и стоит того, чтобы разобраться в нем. Он назвал эти сферы так: Религия, Знание, Стыд и Благодать.

Область религии относится к выражению дхармы — закона, правила, которым руководствуется все бытие. В Ведах он называется Рит, что означает “непреложный закон” — то, что Лао-Цзы называл “Дао”. От рит образовано слово риту — “времена года. В эпоху Вед времена года сменяли одно другое строго в одно и то же время, так четко, что один год ни на секунду не отличался от другого. Точно в один и тот же день наступала весна, и дожди начинали лить именно в тот день, когда им было положено. Все происходило, как в отлаженной системе. Однако из-за так называемого “знания”, приобретенного человеком, наступила полная неразбериха; и даже времена года, так сказать, сошли с рельс.

На Западе сейчас очень сильно обеспокоены таким положением дел, и там увеличивается активность в новой отрасли науки — экологии. Экологи настаивают на полном невмешательстве в природу. Они полагают, что человек должен предоставить природу Богу, если он хочет выжить сам. Изменения в природе вызывают изменения и в разрушающейся окружающей среде, и мы приближаемся к опасному для человечества рубежу.

Искусство понимания наиболее глубоких постулатов высшего закона жизни называется дхарма — “религия”. Будда использовал палийское слово дхамма, означающее “правило”. Когда буддийский монах говорит: “Теперь я отдаю себя в руки закона”, он отпускает себя самого, позволяя найти убежище под сенью высшего закона, “по которому был я рожден, и по которому должен я сгинуть”. Познать истину значит познать это правило.

Сущность сферы религии состоит в том, чтобы выразить этот основополагающий закон жизни, говорит Нанак. Мы живем, но живем своими мыслями. Прежде чем сделать даже один шаг, мы сто раз подумаем. И чем больше мы думаем, тем чаще делаем шаги в неверном направлении. А все шаги, предпринятые без участия мыслей, неизменно оказываются правильными.

Вы едите, но не думаете о том, как пища переваривается. Само правило занимается этим. Прodelайте такой опыт: после еды сосредоточьте мысль на желудке в процессе переваривания — дело закончится расстройством желудка. Препятствуя бессознательному закону, вы создаете внутри хаос. Каждый вечер вы идете спать. Как-нибудь вечером поразмышляйте подольше над тем, как вы засыпаете, как наступает сон — и что же случится? Вы проведете бессонную ночь. Ничего удивительного, что люди, которые много думают, страдают бессонницей.

Жизнь идет своим чередом! Деревья никогда не думают о том, когда им нужно зацвести. Дерево знает это от самых своих корней. Оно не думает, ибо все эти механизмы — врожденные. Реки текут к морю. Есть ли у них какое-либо чувство ориентировки? Может быть, у них есть карты? Нет, их воды направляет навстречу океану бессознательное правило.

Наша огромная вселенная живет без помощи мыслей; и ни в чем не происходит ни единой ошибки, ни единой неприятности. Все живет в соответствии с правилом — кроме человека. Человек сбился с пути истинного, потому что не подчиняется этому правилу; вместо этого он руководствуется собственными мыслями. Он думает: Нужно мне это делать или нет? Правильно это или нет? А что будет, если я...? Будет ли от этого прок? А что скажут люди? В туманной дымке тысячи и одной такой мысли теряется и пропадает прямая линия жизни. Тот же, кто живет в состоянии отсутствия мыслей, есть просвещенный.

Таким образом, религия — это не мудрость и не плод вашего ума. Религия есть предмет поисков человека, уставшего от своего рассудка, изнуренного им, испробовавшего все пути и потерпевшего в итоге полную неудачу. Такой человек более не хватается за свой разум, и молвит: “Твоя воля, о Господи, не моя! Веди меня, куда Ты пожелаешь”. Это Нанак называет божьим велением.

Не подумайте, что все это означает, что где-то там сидит некий исполин и раздает приказания, что где-то есть высший творец, Всевышний Бог! Правило действует без повелителя, правило — это и есть Бог. Нам приходится использовать слова, которые понимают люди; мы также должны использовать символы и знаки. Глупые люди часто цепляются за символы; и они считают, что у Бога есть руки, ноги, рот, что он сидит на троне, вершит правосудие и раздает приказы. Если мы не подчиняемся Его приказам — мы атеисты; если мы выполняем их — мы верующие. Если мы не подчиняемся, Ему это не понравится, Он прогневается и накажет нас. Если мы подчиняемся, Он вознаградит нас.

Все это полная бессмыслица! Вы придаете слишком большое значение простым символам.

Существует один только закон. Там, в вышине, нет никого, кто сидит и следит за исполнением правила. Если вы находитесь в гармонии с этим правилом, все неверные дела сами по себе прекращаются, ибо правило не знает ошибок. И вот когда дела правильные (праведные) накапливаются у вас, начинает звучать мелодия радости. Если деяния ваши праведны, то они повсюду вокруг будут распространять благоухание счастья и радости. Это благоухание свидетельствует о том, что вы поступаете правильно.

Когда же вы делаете что-либо неправильно, вас окружают тени печали. Чем больше зло, тем больше неприятностей, беспокойства и страданий. Не рассматривайте страдания как наказание — это скорее результат неправильных действий.

Когда человек сворачивает с прямой дороги и начинает блуждать в лесу, напарываясь на колючки, он понимает, что сбился с пути. В стороне от дороги обязательно попадутся колючки. Человек ищет правильный путь и возвращается на дорогу; теперь его не мучают шипы, потому что на дороге их нет. Если вы ударились о стену и ушибли голову — это не стена вас наказывает. Какое отношение к вам имеет стена? Найдя дверь, вы легко выйдете наружу не повредив головы.

В этом-то все и дело. В тот час, когда вы постигнете этот закон, дверь будет найдена. А пока вы игнорируете это правило, вы так и будете биться головой об стену. Сколько уже раз вы причиняли себе боль, сколько шишек на вашей голове? Ваши раны, накопленные за миллионы жизней, сочатся кровью, не прекращают болеть и мучают вас. А вы полагаете, что это кто-то наказывает вас.

Никто не подвергает вас наказанию; вы пожинаете плоды, посаженные вами самими. Всегда помните, что если вас охватила печаль — значит, вы пошли против природы; каждый раз, когда вы заболеваете, вы в разладе с природой. Болезнь — это предупреждение, подсказка для вас; она призвана помочь и служит только для вашего блага. Если бы не существовало болезней, вы бы никогда не смогли узнать, что ушли в сторону от природного пути или пошли против извечного жизненного порядка. Тогда вы будете блуждать во тьме, не находя пути назад. Страдания и печаль обращают вас к Богу. Вот почему вы вспоминаете о Нем, когда вам больно или плохо. В радости вы никогда не думаете о Нем.

Вот как молится святой: “О Господи, пусть всегда в жизни будет немного страдания, дабы напомнить нам, дабы были мы непрерывно в молитве, всегда взывая к Тебе. Если не будет боли и печали, у нас не будет повода обратиться к Тебе. В радости забываем мы о Тебе; и мы можем сбиться с пути!”

Страдания означают лишь одно: вы в чем-то, тем или иным образом, отклонились от религиозного закона. Не кляните ни других, ни свою судьбу, не гневайтесь на Бога. Примите это как подсказку, как предупреждение и попытайтесь выяснить, где же случилась ваша осечка. В чем вы пошли против природы? И постарайтесь опять прийти к согласию с природой — ибо это и есть религия.

Нанак назвал вторую область сферой знания. Религия существует. В тот момент, когда вы осознаете это, вы обретете знание. Религия есть, только вы закрыли на нее глаза. Солнце светит, только вы закрыли на него глаза. Лампа зажжена, только вы повернулись к ней спиной. На улице поливает дождик, но вы боитесь промокнуть и прячетесь в какой-то темной пещере. Религия никогда не исчезает, но вы держитесь в отдалении — где-то очень далеко.

Вернуться, пройти назад той же дорогой, — этот путь и зовется знанием. Все должны будут вернуться назад. Человек способен уйти далеко. У животных, растений, птиц нет религии, ибо у них нет возможности выйти из-под власти природы. Вся их жизнь управляется законами природы. У них не хватит рассудка даже на то, чтобы заблудиться. Даже для блужданий требуется хотя бы немного интеллекта. Чтобы ошибаться, нужна по крайней мере некоторая смелость; и чтобы сойти с пути, нужны хоть какие-то знания. Все это есть у человека, однако чтобы вернуться на путь истинный, нужны большие знания.

Животные занимают предназначенное им место, ибо они неспособны блуждать. Подобное существование не столь достойно; на самом деле это беспомощность. Средний человек обладает некоторым интеллектом. Он в состоянии заблудиться; поэтому он и сбился с пути. Есть и такие, кто достиг состояния Будды, например Нанак и Кабир. В их распоряжении — высшее знание; они уже вернулись. То, что у зверей есть от природы, вам нужно достичь посредством садханы, духовной практики. Будда также вернулся к тому состоянию наивысшего блаженства, в котором растения всегда пребывали. Однако между ними существует принципиальная разница: Будда полностью осознает то блаженство, что струится на него, тогда как растение не в состоянии осознать это.

У природы нет сознания, тогда как Будда-Пуруша[26] обладает им в полной мере. Мы все находимся между ними. Природа бессознательна; для нее естественны счастье и радость, но познающий, ценитель этого счастья отсутствует. Как будто вы стоите под дождем из драгоценных камней, и не понимаете этого. Как будто для вас нет разницы, падают ли с неба

простые камни или драгоценные. И тогда, открыв глаза, вы увидите, сколь безгранична щедрость этого дождя.

Будда достиг лишь того, что было легко доступно камням; он возвратился на то же место. Но возвращение это есть совершенно новое явление. Место то же, и камни те же; то самое дерево, под которым Будда достиг просветления, тоже там, где Будда. Иначе и быть не могло, ибо Бог скрыт в каждой песчинке, в каждой частице.

Так в чем же разница между деревом бодхи и Буддой? Разница огромна. Место одно и то же, но разница бесконечна! Она в том, что Будда испытывает это блаженство, полностью осознавая это; с полной ясностью ощущает он безмерную благодать. Та же благодать ниспадает и на дерево, но дерево не замечает этого. Та же благодать ниспадает и на мае, однако вы предпочли отвернуться от нее. Деревья обращены прямо к Нему, но им не дано познать Его. Вы можете это сделать, однако повернулись в противоположную сторону! В тот час, когда вы совершите полный оборот, когда ваш взгляд падет на Его благодать, вы обретете знание. Именно на такое знание указывает Нанак.

Сфера знания — это достижение человека. Даже если на земле не будет ни одного человека, религия останется, а вот знание — нет. Вселенная стремилась отыскать знание через человека; следовательно, человек — венец творения. Вы и не знаете, как много есть у вас легкодоступных возможностей обрести благодать. Бог хочет пробудиться через вас; Он хочет проснуться изнутри вас.

В природе Бог пассивен. В человеке же он деятелен. Он желает пробудиться в человеке. В природе — темная, безлунная ночь и глубокий сон. В человеке же наступил час рассвета. Пропустив его, вы останетесь во тьме ночи. А открыв глаза и прозрев, вы уподобитесь Будде, Нанаку и Кабиру; до тех пор вы обречены страдать. Поймите извечный принцип: если вы не стали тем, кем могли стать, вы будете страдать; если вы стали тем, кем должны были, жизнь ваша будет наполнена блаженством.

Блаженство означает осуществление — достижение того, на что у вас действительно были силы. Пока дерево, до поры дремлющее в семени, не поднимется в полный рост, не расцветет и не принесет плодов, внутри все время будут существовать напряжение

Если вы умрете, не спев той песни, спеть которую вы и были рождены, вы умрете в горести. Вам предстоит родиться вновь и вновь, чтобы спеть эту песню, ибо природа не принимает вещей, сделанных наполовину. Когда вы исполните все до конца, вы будете приняты.

Поэтому индусы говорят: “Кто совершенен, не рождается вновь”. Он спел свою песню и обрел блаженство. Поток встретился с океаном, и ему нет причины поворачивать вспять. Вы возвращаетесь вновь и вновь, потому что каждый раз терпите неудачу. Природа посылает вас обратно снова и снова, ибо ей некуда спешить. В ее распоряжении — вся вечность.

Я знаю одну любопытную историю. В одном поезде ехали два человека один был из Бомбея, а другой — из провинциального Бихара.

Человек из Бихара спросил попутчика: “Как зовут тебя, добрый человек?”

“Вину, — ответил бомбеец. — А тебя?”

“Шри Шри Сатьядев Нараян-Прасад Синха.”

Глаза бомбейца едва не выскочили из орбит. “Какое длинное имя!” — воскликнул он.

“Ну, понимаешь, — стал объяснять бихарец, — у нас не так, как в Бомбее. У нас достаточно времени, чтобы иметь такие имена”.

Господь не живет в Бомбее. И у него много времени. И природе некуда спешить. Вы можете пасть тысячи раз; вы бесконечное число раз можете оказаться никчемными, и природа будет терпеливо возвращать вас сюда. Но вас неизменно ждут страдания, пока вы не преуспеете. Вас примут только после того, как вы споете свою песню, не раньше, чем вы исполните свое предназначение. Есть лишь одно горе, одна мука — что бытие это не принимает вас, но возвращает обратно вновь и вновь. Будучи однажды принятым, вы остаетесь там целиком и безвозвратно.

Нанак называет вторую область сферой знания — понимание и полное осознание всего сущего.

Третья сфера — сфера стыда. Только если человек знает то, что ему должно знать, он осознает свое собственное невежество, и, следовательно, стыд. Невежды всегда расхаживают с надменным видом. Не зная скромности, невежды даже не подозревают о переполняющем их невежестве. Невежественный человек обычно вышагивает с видом мудреца. Только мудрые знают, сколь велико его невежество. Они думают так: что знаю я? Почти ничего!

Сократ говорил: “Достигнув просветления, лишь в одной вещи я уверился окончательно: что я ничего не знаю”.

Познав все до конца, вот что вы знаете — что вы ничего не знаете, что вы ничто. Вы превращаетесь в ноль. Этот ноль Нанак называет сферой стыда. И вы наполняетесь стыдом: Что я? Ничего, что было бы достойно имени, а ведь я так гордился своим знанием — раздувшись, как шар! Как преувеличивал я ту малость, что знал.

Мулла Насреддин как-то раз вернулся из путешествия и рассказывал своему отцу: “Мы перенесли такой шторм, пока плыли по реке — никогда такого не было. Волны были высотой с пятьдесят футов.”

Отец ответил ему: “Ты слишком преувеличиваешь. Я пятьдесят лет плавал по этой реке туда и обратно и никогда не видел таких волн. На реке таких высоких волн вообще не бывает”.

Мулла возразил: “Ну рассуди здраво, отец. Все растет. Взгляни, например, как выросли цены на зерно”.

Человек находит множество способов и средств поддержать свое преувеличение. На них опирается и его величайшее преувеличение — “я есть”. Это самая большая ложь в мире. Если существование Господа — величайшая истина, то существование “я” — величайшая ложь, ибо два “я” не могут существовать одновременно. Существование единично. А раз так, то в бытия может быть только один центр. Однако все люди, каждый человек в отдельности постоянно

утверждает: “Я есть”.

Просветленный же исполнен стыда за излишества и преувеличения, которыми ранее злоупотреблял. Как громко провозглашал он о ничтожных вещах! Это был лишь большой пузырь, лопнувший от легкого прикосновения; то были бумажные кораблики, размокнувшие от первого соприкосновения с водой; то был карточный домик, упавший от легкого ветерка. Но сколько красочных преувеличений он позволил себе сделать в их отношении!

Однажды муллу Насреддина арестовали и предали суду за оскорбление известного политика. Когда судья спросил его, почему он назвал его полным тупицей, мулла сказал: “Ваша Честь, это не моя вина. Я знаю, какой высокий пост занимает этот человек. Он наш министр. Но что мне было делать, если он сам спросил меня: “Да ты знаешь, кто я такой?”. Мне пришлось сказать ему”.

Ваши глаза задают окружающим тот же вопрос: А знаете ли вы, кто я такой? Когда вы спотыкаетесь о чью-то ногу, или кто-то толкает вас, вы оборачиваетесь назад, словно говоря, “Разве вы не видите, кто я?”. На самом деле вы сами не знаете, кто вы такой. Никому не удастся познать себя! Те же, кому это действительно удалось, уничтожили свое “эго”. А пока вы не знаете себя, существует “я”. В следующий раз, когда кто-либо спросит вас, “Да вы знаете, кто я такой?”, пожалуйста, спросите его в ответ: “А вы сами знаете?”

Все эти разговоры, когда человек спрашивает: “Да ты знаешь, сколько у меня денег? Ты что, не знаешь, какое я занимаю положение, какую должность?” — говорят о надменности. Этим он хочет сказать, что способен доставить вам неприятности, что он опасный человек. Это демонстрация силы. Так вы говорите, только когда хотите заявить о своей силе, способной уничтожить другого человека.

Вся заносчивость ваша есть насилие. А “эго” — связующая нить всех актов насилия. Обретший знание не знает даже о своем существовании; он не знает, кто он, он пропал. А невежда остается надменным и провозглашает: “Я есть”. Просветленный забывает подобные слова.

Итак, Нанак зовет третью часть сферой стыда. Он учит, что когда просветленного приглашают говорить, он не знает, что и кому сказать. Ему нечего сказать, и он ни на что не претендует. Даже пред Господом он исполнен стыда, ибо сердце его знает о тех бесчисленных несправедливых претензиях, что он предъявлял раньше. Божьей милостью было ему даровано просветление! Если бы он стоял перед Ним и кричал: “Я здесь! Прими меня!” это было бы верхом самонадеянности. Если бы он молился, то только о том, чтобы получить шанс быть принятым. Если бы он сделал доброе дело, если бы построил храм, или мечеть, или Гурудвару, это послужило бы лишь тому, чтобы доказать Ему, что он что-то из себя представлял.

Мудреца переполняет стыд; с каким выражением на лице предстанет он пред Ним? Все ваши выражения фальшивы, придуманы напоказ. Задумайтесь на минуту, если бы сегодня вам было суждено предстать перед Господом, какое из выражений приняло бы ваше лицо? То, которое вы демонстрируете своей жене, своему начальнику или слуге? Покажем ли вы Ему выражение, с которым идете к своей любимой, или которое принимаете, встретим бедняка или нищего? Какую из этих масок вы наденете?

Перед сильными мира сего вы вилаете хвостом и стараетесь угодить всеми возможными

способами. На вашем лице появляется выражение льстивого восхищения. А как холодна ваша поза, когда вам встречается бедный человек! Вы ждете от него тех же лесты и внимания, которые вы обращаете в адрес стоящих выше вас. Вы ждете, что он будет вилять перед вами хвостом и ловить каждое слово, слетающее с ваших уст. Помните, что тому, кто требует лесты, когда-то самому приходилось льстить, и он просто берет реванш. Человек, правильно оценивающий самого себя, никогда никого не восхваляет и не ожидает хвалебных песен от других. Есть только один Бог, и возносить хвалы Ему вполне достаточно. От кого Ему требовать похвалы? Ведь Он повсюду.

Говорит Нанак: тот умирает от ужасного стыда, кто предстал перед лицом истины; ибо он обнаружил, что ни одна внешность не достойна даже имени. Все они нечисты и фальшивы.

Наставники школы “дзен” говорят своим ученикам: “Обнаружив свое истинное лицо, вы подойдете к концу своих поисков”. Они учат их искать то лицо, что было у них до рождения, для того, чтобы отыскать лицо, которое будет у них после смерти. Все промежуточные лица фальшивы.

Психологи утверждают, что если человек попытается вернуться в прошлое, погружаясь в воспоминания, он сможет достичь лишь до пяти- или четырехлетнего возраста, максимум — до трех лет. Это будет пределом. Первые три года жизни не оставляют следов в разуме. Почему? Потому что до той поры вы столь безыскусны и простодушны, что у вас нет масок. Чтобы иметь память, нужно претендовать на что-то.

“Эго” порождает память. Все воспоминания принадлежат “эго”, которое запоминает все, занося на свои скрижали каждое мгновение вашей жизни. Первые три года вы совершенно невинны и бесхитростны, вы не осознаете, кто вы. И вы ни на что не претендуете. Трехлетний ребенок прибегает к матери вприпрыжку, резвясь и громко смеясь, и сообщает ей: “А я сегодня был хуже всех!”. Он понятия не имеет о том, что значит быть лучше всех и быть хуже всех. Его “эго” еще не сформировалось. Он не знает о высших и низших кастах и вероисповеданиях, своем доме и родине. Он пребывает в блаженном неведении относительно того, брамин он или неприкасаемый. Он еще ничего не знает. На его лице нет теней. Только такое лицо вы можете показать Господу.

Однако родители начинают свои порочные уроки, едва его жизнь началась. С самого первого дня они принимаются накладывать фальшивые маски. Мать с самого начала ждет от ребенка улыбки, когда смотрит на него. Если он не улыбается, она чувствует себя уязвленной. Ребенку может совсем не до улыбок, но вскоре он понимает, что обязан улыбнуться в ответ на материнский взгляд, хочется ему этого или нет. Так начинается ложь, и ребенок получает свою первую маску. Впоследствии, вырастая, он накапливает все больше и больше масок.

Чрезвычайно неловко стоять перед Богом со всеми этими фальшивыми лицами, говорит Нанак. Когда человек осознает сей факт, его наполняет стыд. Потом он начинает просматривать свои лица — и не может выяснить, какое же из них подлинное. Чем дольше он ищет, тем больше масок находит, как будто снимая один слой луковицы за другим; ведь ложь откладывается в уме слой за слоем в течение всех жизней. Это все, что вы сделали за все свои жизни, и, сняв эти слои один за одним, вы обнаружите, что под ними ничего не осталось — только пустота! Как говорит Нанак, когда возникает пустота, человека поглощает стыд. Он вопрошает: кто я был? Я был ничто, но все же претендовал на то и на это. Это стыд, который Нанак называет третьей сферой.

Четвертая область — сфера благодати. Он говорит, что когда вы исполнены стыда, благодать Его прольется на вас. Только тогда, когда вы становитесь нулем, пустотой, совершенство нисходит на вас — но не ранее. Ваше несгибаемое высокомерие является преградой между вами и Его благодатью. Вы полагаетесь на самого себя, вам не нужна помощь даже во время молитвы. Когда вы просите Его о чем-то — это лишь один из многих способов, который вы пробуете. Вы извлекаете все возможное и из этого источника — может быть, что-то и выйдет. И если что-то действительно получается, вы заявляете, что все эти достижения — плод ваших собственных усилий.

Один раз мулла Насреддин залез на вишню. Однако спелые ягоды росли высоко, поэтому нужно было подняться еще выше. Он испугался и стал молиться: “О Господи, если я доберусь до ягод и соберу их, я пожертвую в мечети одну новую пайсу”. С полной верой в то, что Бог поможет ему, мулла полез дальше. Добравшись до верхних ветвей, он вдруг подумал: “Одна новая пайса — слишком большое жертвоприношение, ведь тут, пожалуй, не так уж много ягод; кроме того, я залез сюда сам. Не надо было впутывать сюда Господа”. Когда он начал собирать спелые вишни, он сказал: “На рынке за одну найя пайса — новую пайсу — я куплю больше вишен, чем на всем этом дереве, да и Ты даже пальцем не пошевелил. Я, пожалуй, пожертвую несколько ягод вместо денег”. Но в тот самый момент, когда в его мозгу проносилась эта мысль, его нога соскользнула с ветки, и он рухнул на землю. Пытаясь подняться, он закричал Господу: “Ты что, шуток не понимаешь? Если б Ты потерпел еще немного, я бы, правда, пожертвовал одну найя пайса для мечети, как и обещал”.

Богослужения и молитвы — не более чем демонстрация вашей самовлюбленности и самонадеянности. Это маскировка вашего “эго”. При подлинной молитве вас не существует; когда нет молящегося, начинается богослужение.

Говорит Нанак: в стыде вы растворяетесь, пропадая. С одной стороны, вас более нет, а с другой стороны, Его благодать проливается на вас дождем радости. Блаженство постоянно льется вниз, но вы были наполнены самодовольством, и места для него уже не оставалось. Только тогда вы попадаете под непрерывный поток благодати, когда стыд опустошает вас изнутри.

Таковы четыре сферы Нанака.

Теперь постигнуть нужно законы Сферы Знания:

Так много ветра, воды и огня; так много ликов Кришны и Шивы;

Так много Брахм, так много Его созданий разных оттенков и форм;

Так много полей для работы и священных гор; так много полярных звезд и проповедей;

Так много Индр, лун и солнц, галактик и континентов;

Так много просвещенных, и Будд, и наставников, и богинь;

Так много богов и дьяволов, и муни; так много драгоценностей и океанов,

Так много рас и языков, так много королей и императоров;

Так много воспоминаний и так много верующих;

Нанак так говорит: Нет этому конца, нет завершения.

Пока человек не исполнится благоговения, и изумление великое не охватит его, он не сможет пробудиться навстречу бытию. Вас не затрагивают чудеса. Вы идете вперед, будто знаете все. Пандитам чуждо удивление; у них на все есть ответ. Ребенок же переполнен изумлением. Он задает вопросы на каждом шагу, по поводу всего, что видит, и преисполнен удивлением. Не думайте, что ребенок задает свои вопросы, потому что хочет это знать; он просто демонстрирует свое удивление и восхищение; поэтому он задает следующий вопрос, даже не дождавшись ответа на предыдущий. Сами ответы его не слишком интересуют.

Он видит бабочку и спрашивает: “Почему бабочки такие разноцветные?”. И ему не нужен какой-то конкретный ответ. Он просто выражает свое изумление. “Почему деревья зеленые? Почему цветы разного цвета? Почему в небе облака? Почему солнце всходит каждое утро?” Ребенок задает свои вопросы, потому что все вокруг кажется ему таким удивительным и таинственным — но он лишь выплескивает свое восхищение.

У ученого есть все ответы и не осталось вопросов; ответ он найдет на нее. У мудрого человека есть только вопросы, а ответов нет вовсе. Попробуйте понять это до конца. Мудрец охвачен изумлением, словно ребенок — и даже более того, ибо ребенок видит бабочку и цветок, а мудрец способен видеть все сущее. Видение ребенка распространяется не очень далеко, тогда как мудрец видит все насквозь, и то, что он видит, заставляет его онеметь от благоговейного трепета.

Эти слова Нанак передают его изумление и его любовь, но вы жаждете информации, вам нужны ответы; ведь тогда вы сможете стать повелителем. Но вы не можете быть повелителем чуда. Вас могут переполнять изумление и восхищение, но в таком случае они станут вашими повелителями; они захватят и потопят вас. Невозможно уцелеть в изумлении — вы пропадете. Вы жаждете ответа, ибо ответ есть нечто осязаемое. Вы можете пользоваться ответами; ими можно победить других, даже не дослушивая вопросы до конца. Люди ищут не знания, но ответы, обладая которыми они смогут прослыть мудрыми.

Помните, нельзя стать мудрецом, разыскивая ответы. Стать мудрым можно, лишь углубившись в вопрос. Чем глубже человек вникает в суть вопроса, тем больше дверей распахивается для изумления и загадок; войдите в одну из них — и тысячи других откроются перед вами.

Это и есть то изумление, о котором говорит Нанак. Он крестьянин, малообразованный деревенский житель; поэтому пусть не волнует вас стиль его речи. Войдя в царство чуда, сельскому жителю тоже хочется рассказать обо всем. Находясь в высшей степени удивления, он пытается передать волшебство этой чудесной страны! И он говорит своим простым языком:

Так много ветра, воды и огня; так много ликов Кришны и Шивы.

Так много ликов Кришны! Когда и вы увидите это, вы тоже обнаружите там бесчисленное количество играющих флейт; и станете свидетелем извечного танца гопи. Бытие бесконечно. Оно не закончится с концом Земли, но вами владеет такая самонадеянность, что вы думаете, что это бытие закончится вместе с вами! Вы даже можете подумать, что этот вечный танец бытия

создан лишь для вашего развлечения!

Однажды контролер поймал сельчанина за безбилетный проезд. Крестьянин умолял отпустить его, потому что у него не было с собой ни пайсы. Но кондуктор не сдавался. Он потянул за цепь, остановил поезд и приказал человеку сойти.

Но тот взмолился: “Тогда позвольте мне, пожалуйста, выйти на ближайшей станции. Уже почти ночь, а вокруг густой лес”.

Однако кондуктор не поддавался на уговоры и заставил селянина покинуть поезд. И тут машинист поезда увидел, как он вышел на рельсы и пошел по ним, поэтому ему пришлось дать свисток, чтобы безбилетник ушел с пути. А сельчанин сказал про себя: “Пускай себе свистит, я больше не вернусь на этот поезд”.

Вы думаете, что вас, вероятно, позовут обратно на поезд, но на самом деле вам свистят, чтобы вы сошли с пути и освободили дорогу. Однако каждый полагает, что природа играет для него одного; каждый считает себя центром, а все сущее якобы вращается вокруг него. Вот почему древние предпочитали верить, что Земля — центр Вселенной, и Солнце обращается вокруг нее.

Однажды Бернард Шоу сказал в шутку: “Я не верю в теорию, что Земля вращается вокруг Солнца. Я просто не могу принять эту идею. Это неверно”. Кто-то из присутствовавших поднялся и сказал: “Каждый ребенок в двадцатом веке знает, что Земля вращается вокруг Солнца. Какие у вас есть доказательства, опровергающие эту теорию?”. Бернард Шоу ответил: “А кого волнует, что наука может доказать, а что не может? Доказательство одно: пока Бернард Шоу пребывает на этой Земле, она не может вращаться вокруг чего бы то ни было еще. Солнце должно вращаться вокруг Земли.”

Эту шутку мог бы произнести любой из нас. Трудно поверить в то, что твоя Земля вращается вокруг Солнца.

Когда Галилей сделал свое открытие, это вызвало большие волнения. Церковь возмутилась, священники негодовали. Галилею велели попросить прощения за столь еретическое заявление. Галилей был поразительно странным человеком — он покаялся. Он был умным человеком, и ничто человеческое ему было не чуждо. Он не собирался становиться мучеником из-за этого дела. Он был прямым человеком, не боящимся последствий, и он сказал: “Я попрошу прощения. Я подпишу бумагу, в которой будет написано, что на самом деле Солнце вращается вокруг Земли, но только каким образом мои слова могут повлиять на положение вещей? Я ведь это не из головы придумал. Если даже тысяча Галилеев опровергнут сей факт, что это изменит?”

Человек всегда думал так. Индуизм намного опережает христианскую мысль. По очень древней индуистской концепции во Вселенной существует бесконечное множество миров, и наш мир — не единственный, в котором есть жизнь.

Теперь и наука подтвердила тот факт, что есть по крайней мере пятьдесят тысяч миров, в которых возможна жизнь. Индусы всегда говорили, что миров, форм жизни и поколений существует бесконечно много. Ничто не заканчивается с этим миром; этот мир — не последняя ступень. На самом деле он лишь пылинка во Вселенной. Солнце в шестьдесят тысяч раз больше Земли, но это Солнце — маленький мячик по сравнению с другими солнцами! Есть солнца, в

десятки миллионов раз больше нашего. Раз даже Солнце весьма заурядно по размеру, то что говорить о Земле — она вообще ничто.

У Бертрана Рассела[27] есть такой рассказ. Одному священнику приснилось, что он умер. Он пришел к воротам небесным, но они оказались закрытыми. Это его слегка озадачило. Он думал, что увидит широко распахнутые ворота, и Сам Господь будет встречать его на ступенях. Разве не помогал он бедным и не ухаживал за больными? Разве не открывал школы для детей бедняков? Разве не служил Господу в истинно христианском духе? Однако двери — такие огромные, что не было видно ни их конца, ни начала — были закрыты. Он закричал что было силы, но крик его не мог проникнуть за толстую дверь. Он стал стучать по двери кулаками. Он стучал по двери даже головой — никакого результата. Он был похож на муравья стучащего по вашей двери! “Эго” его сгорело дотла. Он-то мечтал о радушной встрече. Он провел столько богослужений, спел столько молитв, столько денег отдал на благотворительность; столько обратил в христианство — а теперь никто, кажется, и не беспокоится о нем.

Прошло много лет, а он все сидел, согнувшись, у врат небесных, которые не желали открываться. Он обо всем позабыл. Но вот наступил день, когда дверь слегка приоткрылась, из-за нее выглянул человек с тысячью глаз, каждый размером с Солнце, посмотрел вокруг и заметил его — так же, как вы с помощью лупы нашли бы какой-нибудь микроскопический объект.

Священник съезжился еще сильнее, потому что подумал, что перед ним Бог. Он обратился к нему: “О Господи, как глаза Твои пугают меня, ведь каждое из них как солнце. Я не могу смотреть в них”.

Человек засмеялся и сказал: “Я не Бог. Я обычный стражник. Что ты тут делаешь?”

Тут священник потерял последние остатки своей смелости. Это всего лишь стражник! Если стражник так выглядит, то каково же будет предстать перед Господом? Наконец он промолвил: “Я пришел с Земли, моя церковь там хорошо известна. Я верую в Иисуса. Я его истинный поборник...” Страх охватывал его все сильнее и сильнее.

Стражник удивился: “В Иисуса? С Земли? Какую землю ты имеешь в виду? Назови мне порядковый номер. Миров бесконечное множество. С какой земли ты пришел и о каком Иисусе говоришь? На каждой земле есть свой Иисус”.

Вообразите себе состояние бедного священника. Он произнес: “Я говорю о том Иисусе, кто является единственным сыном Божьим.”

Стражник ответил: “Да ты сошел с ума! На каждой земле рождается такой Иисус, и его приверженцы объявляют его единственным сыном Божьим. Ладно, разберемся. Но сначала скажи мне номер.”

Бедняга сказал: “Мы не знаем никаких номеров. Мы не думаем о числах. Мы всегда считали, что наша Земля — единственная в своем роде.”

“Ничего страшного, — утешил его стражник. — Тогда скажи мне номер вашего солнца. Из какой солнечной системы ты явился?”

“Нам известно только об одном Солнце, и мы ничего не знаем о другом, — всхлипнул бедный священник.

“Тогда это будет очень сложно выяснить, — сказал стражник. — Но ты жди здесь, пока мы наведем справки.”

И снова прошло много лет. Стражник все не возвращался, так как задача была очень необычной. Это заняло бы еще много веков, если бы он вообще смог бы когда-нибудь определить происхождение священника. К тому времени “эго” несчастного обратилось в пепел; его надежды на пышный прием остались лишь мечтой. Он представлял себе все, что угодно: и встречающий его оркестр, и цветы повсюду, и то, как Господь усадит его по правую руку от Себя. И вот в таком состоянии страха и смятения священник проснулся. Он был весь в поту. Слава Богу, это был всего лишь сон! Однако после этой ночи он полностью растерял всю свою храбрость.

Но этот сон — правда. Нанак повествует об истине, содержащейся в этом сне:

Так много ветра, воды и огня; так много ликов Кришны и Шивы...

Если бы тот священник спросил Нанака, тот сказал бы в ответ: так много Иисусов! Так много ликов Кришны и Шивы... И нет этому конца, нет конца.

Нанак выражает свое благоговение и изумление. Это изумление порождает стыд, и все претензии обращаются в пыль. На что претендовать?

Хорошо известен один случай, произошедший в жизни Сократа. Однажды ему нанес визит некий весьма состоятельный человек из Афин. Высокомерие его было очевидно. Если даже люди, у которых нет ничего, бывают столь надменны, вообразите, каков был этот человек, владевший миллионами и бывший одним из богатейших афинян. Сократ не выказал никакого внимания к нему, и это он снести не мог. Он спросил: “Ты знаешь, кто я такой?”

Сократ ответил: “Садитесь, пожалуйста. Давайте попробуем это выяснить”. Он разложил перед собой карту мира и спросил своего посетителя: “Где на этой карте Афины?”

Афины, естественно, были обозначены точкой на карте. На нее и указал миллионер: “Вот Афины”.

“Теперь покажите мне, будьте добры, где в Афинах находится ваш дворец”, — попросил Сократ.

“Как же я могу показать, где мой дворец, если все Афины обозначены маленькой точкой?”

“А где вы в этом дворце? — настаивал Сократ. — Учтите, что это только лишь карта нашего мира, а всего миров и солнц во Вселенной бесконечное множество. Так кто вы?”. Когда гость уже хотел удалиться, Сократ вручил ему карту с такими словами: “Держите эту карту при себе. Каждый раз, когда высокомерие захлестнет вас, разверните ее, найдите Афины и спросите себя: “Где мой дворец?”, и потом спросите: “Кто я?”

Мы — ничто, но одержимость той идеей, что мы — все, прочно в нас укоренилась. Это яд всего

человечества. В тот час, когда вы пробудитесь и посмотрите вокруг, что вы сможете сказать о себе? Кто вы? И вы начнете освобождаться от себя. Вы будете уменьшаться все больше и больше, пока не сожметесь в ничто, и тогда перед вами со всей очевидностью предстанет безбрежный Господь. Он появляется только тогда, когда вы совершенно опустошены.

Изумление неизбежно уничтожит вас. Изумление губительно. Оно убивает не только тело, но все ваше естество. Оно — смерть любого “ячества”. Вот почему вы ищете ответы, тогда как мудрец задает вам вопросы. На вопросы, которые он ставит, нет ответов. Они призваны разбить ваше высокомерие.

Оживите хоть немного, смахните пелену с глаз своих и посмотрите по сторонам — каков ответ, который есть у человека? Наука дала множество ответов. Какой же из них подлинный? Ни один из них таковым не является; любой из них просто слегка отталкивает вопрос назад.

Маленький ребенок как-то спросил Дэвида Лоуренса[28] во время прогулки по парку: “Почему деревья зеленые?”. Не то, чтобы Лоуренс не знал ответа — ведь ответ очень прост: потому что в листьях содержится хлорофилл. Но тогда возник бы следующий вопрос: А почему в листьях хлорофилл? И так возникали бы все новые и новые вопросы. Лоуренс определенно был мудрым человеком. Он бы непременно поладил с Нанак. Он сказал ребенку: “Дело в том, что деревья зеленые, потому что они зеленые”. Дальнейших объяснений не потребовалось.

Это ответ, данный поэтом. Такой ответ дал бы и учитель. Он не нарушает вашего изумления, а наоборот, увеличивает его. Это даже не ответ в строгом смысле этого слова. Вот что Лоуренс попытался донести до ребенка: меня тоже переполняет изумление по поводу того, что деревья зеленые. Но все, что я могу сказать, это что они зеленые, потому что они зеленые — и нет никакого способа узнать, почему они зеленые.

Все поиски ответов лишь отодвигают ответы все дальше. Поэтому философия не пришла ни к чему. Каждый вопрос вызывает десяток других. Бертран Рассел писал: “В университете я выбрал своим главным предметом философию в надежде узнать ответы на все вопросы в жизни. И вот под конец своей жизни я знаю лишь одно: ни одного ответа я не нашел, зато количество вопросов возросло у меня тысячекратно.”

Есть на свете философы и мыслители, вечно пребывающие в поисках ответов. Каждый ответ порождает новые вопросы. Те, кто послабее, останавливаются на полпути и придерживаются своих ответов. Более решительные предпочитают идти до конца. Но потом они приходят к осознанию всей бессмысленности их стараний. И тогда рождается религия, и ощущение таинства охватывает их.

Охваченный изумленьем и тайной, говорит Нанак,

В осознании находит выражение Сфера Знания.

Там музыка, и веселье, и игра, и счастье.

Скромность выражает Сфера Стыда.

Прекрасно и несравненно все, что случилось.

О Нем невозможно в словах говорить.

И тот, кто пробует, позднее сожалеет.

И обо всем здесь сказано: о памяти, и разуме, и понимании, и мудрости;

И о сознании богов и просвещенных.

В сфере знания существует могущественная сила пробуждающегося к жизни осознания — сверхизобилие сознания — не ответов, не священных скрижалей, не принципов, но осознания. Знание означает осознание, но не библейские истины, не информацию и не слова.

В осознании находит выражение Сфера Знания.

Там музыка, и веселье, и игра, и счастье.

Нанак вообще не упоминает священные писания, как не говорит и о каких-либо учениях и принципах. Ответов нет, но что тогда есть? Музыка... нада.

Эта нада — это звук, музыка — есть чувственный опыт. Перед вашим утренним пробуждением птицы, скорее всего, уже запели, только вы их еще не слышите. Потом ваш сон прерывается, и вы начинаете просыпаться; вы переворачиваетесь с еще закрытыми глазами, но вам уже слышно птичье пение за окном. Свежее дыхание утра нежно ласкает вас, к вы начинаете слышать все многозвучье мира вокруг. Просыпаясь, вы начинаете ощущать музыку бытия.

Однако существует еще один рассвет, подобный этому, еще одно пробуждение. В настоящий момент жизнь ваша — один сплошной сон: вы ходите, будто во сне; вы делаете все в состоянии, похожем на транс. Вражда, любовь, встречи и расставания — все это происходит в таком бессознательном состоянии.

Однажды приключилась такая история. Некий редактор отдела новостей написал разгромную статью, изобличающую городских пьяниц. Критикуемые пришли в ярость. Один из них взял палку и отправился на поиски редактора. Придя в его кабинет, он прокричал, размахивая своей палкой: “Где этот чертов писака?”

Бедный редактор оказался в затруднительном положении! Он был маленьким слабым человечком, тогда как вошедший пьяница был здоровенным детиной. Быстро придумав выход, газетчик ответил: “Он только что вышел. Садитесь, пожалуйста. Я пойду найду его”. И он выскочил из комнаты.

Едва выйдя из кабинета, он встретил на лестнице еще одного дюжего любителя выпивки: “Где тут у вас такой-то редактор?”

“Вам вот туда — там он и есть!” — воскликнул редактор. А теперь представьте, что произошло затем в кабинете.

В точности то же самое творится повсюду вокруг нас. Никто вокруг не отдает себе отчета. Вы не вполне понимаете, что вы делаете, и уж тем более почему вы это делаете. Вы совершенно забываете о том, кто делает. Вы живете среди толпы лунатиков. Вы несчастны — но чего же еще

вам ждать? И если ваши взаимоотношения превратились в сущий ад — ничего удивительного!

Говорит Нанак: в сфере знания — изобилие “познавания”, осознания. Сейчас вы в поле неведения — там, где буйным цветом цветет незнание, где основное правило — быть во сне.

Первое, что ощущает человек знания, это музыка, нада. Нанак называет этот звук Омкар. Нанак провозглашает: “Эк Омкар Сатнам”. Это звук, о котором говорит Нанак. Омкар — лишь символ, служащий для того, чтобы передать вам послание. Существование есть песнь — очень глубокая песнь — свободная музыка! Она не сотворена никем; ее мелодию не играет никакой инструмент. Это звук безначальный, беспричинная песня, звучащая без всякого повода. Музыка — это само существо бытия, поэтому вам она кажется столь захватывающей. И если вы обнаружите, что какая-либо музыка поглотила вас целиком, будьте уверены: в этой мелодии присутствуют оттенки нады.

Тот великий музыкант, кто способен извлечь наду с помощью своего инструмента. Он в силах в определенной степени вдохнуть Омкар в ваш сонный без этой музыки мир. Музыка не предназначена для того, чтобы возбуждать ваши низменные желания.

Есть музыка двух типов. Один из них — восточная музыка, глубоко исследованная и изученная в Индии. Она основана на наде. Когда музыка плывет в направлении нады, слушатель постепенно уходит в медитацию, а это значит, что вашего знания прибавляется. Вы наполняетесь совершенным сознанием, словно кто-то зажег лампу внутри вас.

Вам наверняка приходилось слышать рассказы о музыкантах, зажигающих погашенные лампы. Речь в них, конечно, идет не о тех лампах, что есть у нас дома; такие лампы ничего общего с музыкой не имеют. Вы и есть та погашенная свеча, или лампа, и только если певец пребывает в состоянии самадхи, он способен зажечь вашу внутреннюю свечу. Только тогда может он воплотить Омкар в своей музыке и довести его до вашего уровня, когда он сам находится в состоянии самадхи. Если ему удастся донести до вас хотя бы каплю этого нектара, хотя бы несколько нот этой божественной музыки, то при пробуждении исполнитесь вы осознания, словно кто-то стряхнул с вас весь сон. И тогда музыка эта станет медитацией.

Существует и противоположный тип музыки: она погружает вас в сон, уносит вас все дальше по волнам дремоты. Такая музыка способствует и пробуждению страсти, и по этой самой причине ислам наложил на нее запрет. Мусульмане не знали той музыки, что открыли для себя индусы — эта музыка связана с сахасрарой, центром лотоса о тысяче лепестках, расположенного на самой макушке.

Существует два вида музыки: один связан с низшим, половым центром, а другой — с высшим центром, сахасрарой. Музыка, связанная с последним, и есть нада. Первый же вид лишь разжигает страсть, и эта музыка была единственной, известной в тех местах, где зародился ислам; поэтому в мечетях была запрещена любая музыка.

Однако не стоит сожалеть по этому поводу, ибо девяносто девять процентов той музыки, что преобладает в мире, никогда не приведет вас к ступеням храма. На Западе распространился совершенно изуродованный тип музыки, от которой поддавшийся ее влиянию теряет всякий рассудок, уподобляясь пьяному. Такая музыка погружает вас в еще более глубокий сон и будит еще более сильную страсть. Этим музыкой пользуются проститутки. Использовали ее и святые,

но с той разницей, что певцы-святые при этом ощущали наду.

Нанак был певцом. Он никогда не разговаривал, а только пел. Он отвечал музыкой. Песни его не выстроены в строгом ритме и размере; они — импровизированные творения, исходящие прямо из его сердца. Кто-то задавал вопрос; и тогда Нанак делал знак Мардане, и тот начинал играть на своем рабабе[29], а Нанак начинал свою песнь. Все, что говорил Нанак, сказано было в форме песни, ибо все сущее понимает язык музыки. И когда сам поющий пребывает в состоянии самадхи, нада сама собой вкрадывается в его песню.

Нада означает наивысшую ноту, беззвучно образуемую бытием, подобно звучанию тишины спокойной ночью. Точно так же и нада звучит все двадцать четыре часа в день. Она — ритм бытия. Когда нет ничего, она все равно звучит. Однако вы должны прекратить издавать какие бы то ни было звуки для того, чтобы услышать ее. Когда умолкнут все звуки внутри вас — тогда вы сможете услышать. Внутри вас словно тысяча рыночных площадей, и каждая наполнена шумом и криками; в такой суматохе вы способны расслышать только наиболее громкие звуки и то, что призвано удовлетворить ваши страстные желания. Только тогда вы познаете ее.

Сосед муллы Насреддина часами предавался музыке. Один раз, когда было уже полночь, мулла не смог сдерживаться дольше и сказал ему: “Тебе бы давать концерты где-нибудь в Москве, или в Лондоне, или в Пекине”. Сосед был очень тронут такой оценкой.

Он ответил Насреддину: “Мулла, я никогда не думал, что у тебя есть такой интерес к музыке. Тебе правда так понравилась моя песня?”

“Не в этом дело, — сказал мулла. — Ты по крайней мере был бы достаточно далеко отсюда, и мы смогли бы спокойно спать”.

То, что выдают за музыку, нередко оказывается лишь шумом и неразберихой. Вам лучше ее не слышать, так как с вас уже достаточно диссонанса и отсутствия гармонии. Зачем еще больше отравлять душу? Люди танцуют с тем, чтобы разжечь свои страсти, и поют для того, чтобы довести себя до неистовства.

Однако та же самая вещь, что пробуждает страсти, способна и успокаивать; яд можно превратить в нектар — все зависит от того, как его использовать. Яд может послужить и лекарством, и смертельной отравой, в зависимости от способа его применения.

Нанак говорит, что первое ощущение в сфере знания — это нада. Вторым является смех, веселье. В этом следует разобраться, ибо что общего у смеха со святыми? Смех означает, что жизнь перестала быть мрачной, но стала приносить удовольствие; он свидетельствует о том, что жизнь стала приятной, светлой, радостной, не отягощенной никаким бременем. Обычно наши так называемые святые предстают перед нами с вытянутыми скорбными лицами, словно они несут на своих плечах бремя всего мира.

Говорит Нанак: тот, кто услышал наду, более не может быть печален и мрачен, но становится исполнен радости и смеха. Он способен смеяться. В самом деле только такой человек способен смеяться в истинном смысле этого слова. Ваш смех — это притворство; ваша жизненная энергия не искрится радостью — так как же на ваших губах может появиться настоящая улыбка? Только тот способен смеяться по-настоящему, кто обрел знание. В его жизни нет ни скорби, ни

тяжести; вы видите, что он искренний, настоящий. Жизнь его наполнена радостью и хорошим настроением; под его глазами нет темных кругов от страданий, есть только праздник.

Третье ощущение — веселая игра. Такой человек черпает изумление в своей жизни. Его игра вышла на первое место, наполняя его изумлением. Все, что он видит, все, что он чувствует и слышит, вызывает в нем трепет, как у маленького ребенка. Куда бы он ни направил свой взор — во всем он находит бесконечное чудо. У него ни на что нет ответа, и ответы других больше не касаются его. С каждым найденным ответом “эго” получает дополнительную опору; а если не находится никакого ответа, “эго” умирает естественной смертью.

Таинство обозначает то, что вы не можете удержать в своих руках. Вы можете постигнуть тайну, если пожелаете, но вы неспособны удержать ее в своей власти. Ее нельзя положить к себе в сейф или сделать пленником своих скрижалей; над ней не властны никакие правила. Тайна подобна безграничному пространству небес: можно отправиться по ней в плавание, как по океану.

Итак, говорит Нанак: сначала нада, потом смех, затем игра, и наконец блаженство. Смех подобен блаженству; блаженство есть глубокий смех. Смех — это верхний слой, как волны на поверхности океана, а блаженство — океанские глубины. Улыбки и веселье — это рябь блаженства, возникающая на губах. Смеяться можно, только если внутри вас поселилось блаженство. Радость есть поверхность; блаженство есть глубина. Когда они объединяются, высочайшее блаженство нисходит на вас.

Но ваше чувство юмора нездорово и неестественно. Вы неспособны даже засмеяться, пока кто-нибудь не отпустит грязную шутку; для этого нужны непристойность и грязь. Большинство шуток — на тему секса, и ими может насладиться каждый, поскольку они грязны и развратны.

Чтобы вы засмеялись, человек должен поскользнуться на банановой кожуре. Там, где нужна доброта, вы смеетесь и шутите. Ваш юмор болен, испорчен. Упавшему человеку требуется помощь. Помогите ему! Как же это может быть поводом для смеха? Глубоко внутри вас прячется желание унижать и оскорблять всех окружающих. Чем сильнее вы хотите увидеть падение человека, тем громче вы смеетесь. Например, если упадет нищий, вы не станете долго хохотать; а вот если упала бы Индира Ганди, то вы вряд ли бы удержались от хохота. Над чем тут смеяться, если упал нищий? Он и так уже падший человек. Но у вас есть неосознанное желание сбить с ног Индиру. Это бы вас позабавило. При падении слуги никто особо смеяться не станет; но если упадет хозяин — это повод для веселья.

Ваша бессознательная враждебность присутствует в вашем смехе. Ваш смех — отрава, ваш юмор, а точнее, сарказм — насмешка. Разница между юмором и сарказмом заключается в приправе из горечи, колкости. У сарказма есть шипы, но нет цветов.

Святой тоже смеется. Но в смехе его нет яда, нет колючек, он смеется в основном над самим собой, ибо он осознает свое состояние. Смеясь над вами, он все равно смеется над собой, потому что видит в вас отблески себя самого. Когда он видит падающего человека, он видит, как падает весь род людской — не только один человек. Он знает, что человек беспомощен, и поэтому высокомерие его нелепо.

Этот человек был так хорошо одет: галстук, пиджак и все прочее, но маленькая банановая шкурка — и он растянулся на земле, вместе со своим красивым галстуком! Банановая шкурка

сыграла с ним шутку.

За этим падением святой видит беспомощность человеческую: как слаб он, но вместе с тем как гордится собой! “Эго” его высотой с Гималаи, но он низвергнут обычной банановой шкуркой. Он вынашивает план, как превзойти Бога, но терпит позорное поражение от банановой кожуры. Так что если святой смеется при падении человека, то он смеется над его беспомощным состоянием. Он смеется над мыслью о своей собственной беспомощности, и наполняется стыдом. Он никогда не смеется с тем, чтобы оскорбить кого-либо или показать свое превосходство. Внутри него — блаженство, выливающееся в радость и веселье.

Скромность выражает Сфера Стыда.

По мере того, как знание становится более глубоким, возрастает и степень осознания, а также скромность. Тот, кто достиг состояния Будды, Будда-Пуруша, стесняется говорить; он не стучит по столу. Следовательно, те, кто созывает своих последователей, это не люди, достигшие Будды. Лидера оценивают по силе его слов. Если человек застенчив, его считают неуверенным в себе. Как такой человек может быть руководителем? Однако Будда-Пуруша застенчив ввиду своей скромности, из стыда, ибо он понимает, как сложно говорить.

Многие приходили к Будде с разными новыми вопросами. Будда отвечал на очень немногие из них. На некоторые конкретные вопросы, на которые ответов не существует, он не отвечал вообще. Только на общие вопросы есть ответы. На любые проблемы, которые человек сам себе создает, ответы есть, но к тайне, составляющей бытие, ключа не находится.

И Будда молчал. Когда он не отвечал, многие думали, что он просто не знал, ибо они настаивали на том, что если бы ему ведом был ответ, он бы ответил. Вам никогда не постигнуть этого молчания Будды; скромностью, сравнимой с той, что была у Будды, обладали очень-очень немногие люди. Во времена Будды было много теоретиков, дававших весьма убедительные ответы. Люди ходили за ними толпами. Эти теоретики побуждали своих последователей отправиться к Будде и задать ему определенные вопросы: “Если он — просветленный, он должен ответить”. Так люди обычно и полагают: если ты обрел знание, то тебе доступны ответы на все вопросы.

Когда человек делается просвещенным, все ответы пропадают. Он не в силах дать ни одного ответа; он испытывает стыд; что бы он мог ответить на ваш вопрос? Кроме того, он стыдится и того поверхностного вопроса, который возник у вас, а вы никак не хотите этого замечать. Люди иногда обращались ко мне на улице с вопросом типа “Существует ли Бог?”. В другой раз я стою на железнодорожной платформе, готовясь сесть на прибывающий поезд, а в этот момент кто-то трясет меня за плечо: “Пожалуйста, только одну минуту, — что такое медитация?”

Что можно сказать таким людям? Они сами не знают, о чем спрашивают И они требуют ответов. Если я стану отвечать им, ответ мой должен быть прост и понятен, как дважды два — четыре. Ах, если бы наша жизнь была такой несложной математической задачей! Тогда все было бы так просто.

Но жизнь — не арифметическая задачка. Жизнь это поэма, и вы должны обладать некоторыми способностями, чтобы понять ее. У вас должна быть определенная квалификация, чтобы слышать ее среди тишины. Ответы, данные в поэме, никогда не бывают похожи на простые

арифметические действия; они вызывают изумление, они пробуждают вас от любого сна, в любом состоянии. Они вырывают вас из привычной обстановки с корнем и увлекают в новое путешествие: от чуда к еще большему изумлению, а следом — к еще более великому. Говорит Нанак: нет этому конца, нет завершения.

Будда хранил молчание, и когда кто-нибудь спрашивал: “Существует ли Бог?”. Это привело к появлению двух неправильных представлений. Индусы считали, что этот человек ничего не знает. Спросите самого бестолкового деревенского пандита — и он вам скажет. Он ответит: “Бог есть”, и приведет доказательства. Если любой, самый обычный человек знает ответ, как насчет этого человека?

Как-то мне рассказали одну историю. В некоей стране дураков самый глупый среди них стал министром. Но этот человек был прекрасным оратором. Он был мастером произносить речи, а это все, что необходимо, чтобы стать министром. Он всегда производил на собравшихся сильное впечатление своими громкими речами. Люди думали: вот человек, который кое-что понимает. Но на самом деле он был безграмотным и не умел ни читать, ни писать.

Проблемы начались, когда он стал премьер-министром, потому что в соответствии с традицией теперь он должен был произносить речи, читая заранее подготовленный текст. Но он был сообразительным человеком и подумал про себя: “Ничего страшного Я что-нибудь придумаю”. И он стал делать так: брал какую-нибудь старую газету и держал ее в руках, выходя перед аудиторией, говоря при этом так, как будто он читает свою речь. Но из-за того, что он не умел читать, он иногда держал текст вверх ногами.

В один прекрасный день кто-то привел с собой друга, специально приехавшего из другой страны, чтобы послушать премьер-министра. Этот человек был образован, и он сразу увидел, что премьер-министр держит в руках старую газету, да еще вверх ногами. Он встал и объявил: “Этот человек — обманщик. Он не читает то, что написано, потому что он держит текст вверх ногами”.

И иностранец стал убеждать местных жителей, что их премьер-министр неграмотен.

Премьер-министр отложил газету и обратился к собравшимся: “Какое значение имеют верх и низ для человека, умеющего читать? Вы наверняка слышали такую поговорку: у плохого танцора всегда пол виноват. Какая разница, каков пол? Нужно просто уметь танцевать. Нужно просто уметь читать! А газета может быть любой. Я могу читать эту газету в любом направлении. А этот человек просто неграмотный”.

Он и по сей день правит той страной.

Когда люди спрашивали у Будды: “Существует ли Бог?”, Будда хранил молчание. Второе заблуждение, второе неправильное представление заключалось в том, что люди думали, что молчание Будды означает отсутствие Бога. Будда молчал, и индусы полагали, что он не знает ответа, а его последователи считали, что Бога нет. Его собственные ученики принимали его за атеиста, хотя на этой земле никогда не было большего теиста, чем он.

Вы сможете понять это из слов Нанака, который говорит: скромность есть выражение сего. Когда вы спрашиваете: “Существует ли Бог?”, Будда остается безмолвен, ибо как ему говорить?

С каким выражением на лице говорить ему? Что ему сказать о «толь великом таинстве? Будда отвечает через свое молчание, а вы не понимаете этого. Как бы вы ни трактовали его молчание — это будет неправильно.

Скромность выражает Сфера Стыда.

Прекрасно и несравненно все, что случилось.

О Нем невозможно в словах говорить.

И тот, кто пробует, позднее сожалеет.

Как это происходит? Не успев произнести свои слова, говорящий понимает, что то, что он хотел выразить, остается невысказанным, и то, что он сказал, не соответствует тому, что он хотел сказать. Просто смотря на собеседника, он понимает, что ему не удалось донести до него смысл своей реплики. На девяносто процентов он пропадает, как только первые слова слетают с губ, а остальные десять так и не достигают ушей слушателя. Вы говорите об одном, а люди слышат нечто другое.

Будда мог бы сказать что-то; а несведущие люди услышали бы нечто совершенно иное. Потом эти невежды могли бы основать свои религиозные течения и традиции. Таким образом, между Буддой и подобными религиозными организациями нет абсолютно никакой связи. Поэтому все те, кто пытался говорить, сожалели об этом впоследствии. Те, кто пробовал говорить об этом таинстве, всегда настаивали на том, чтобы их слушатели не привязывались к их словам, а использовали их только как направляющие.

Нанак наверняка испытывал бы сейчас сожаление по поводу всего сказанного им. Если бы он увидел нынешних сикхов, его переполнило бы раскаяние. Не только он, но и Будда, и Махавира, и Мохаммед наверняка сожалеют о том, чему они положили начало. Они, должно быть, сейчас собрались вместе на небесах и рассказывают друг другу свои печальные истории. Они обречены проливать слезы.

То, что Будда хочет выразить, невозможно понять со слов, ибо слушатель слишком сильно держится за слова; потом он тянет их за собой и образует целые религии и организации на основе этих слов. И организации эти порой существуют тысячи лет. Из-за этих убеждений и доктрин совершаются тысячи ошибок, возникают тысячи уродливых искажений. Они как язвы расплзаются по земле, словно болезнь по сознанию человеческому. Говорит Нанак: тот, кто пробует говорить, позже сожалеет об этом. Его слова становятся впоследствии законами, суждениями, верованиями, а значит, внедряются в разум и понимание человека.

Где в сфере знания пробуждается сознание, там в сфере стыда все виды сознания обретают форму.

И обо всем здесь сказано: о памяти, и разуме, и понимании, и мудрости

И о сознании богов и просвещенных.

В этом сознании можно рассмотреть все эти формы. Подобно гончару, обращающему глину в

самые различные формы, глина сознания обретает разные формы: интеллект, разум, мудрость, память, воспоминания, гений, талант.

Когда вы уже достаточно освободитесь ото сна, дабы подняться над всем этим, вы поймете, что все они — всего лишь различные формы разума. Все, что вы познаете через них, ограничено, ибо нельзя познать посредством формы то, что не имеет никакой формы. То, что стоит за пониманием, памятью, разумом, интеллектом, есть пробуждение — это осознание, это обретение знания, это сознание.

Вы должны овладеть этим бесформенным и освободиться от внутренних форм. Ухватив тонкую нить бесформенного внутри себя, вы будете способны различать бесформенное и во внешнем мире. Все, что вы в силах познать посредством интеллекта, ограничено наличием формы. Это подобно рассматриванию неба через окно, когда вы видите ровно такой кусочек неба, какой позволяет увидеть оконная рама.

Сознание принимает разные формы. Подобно материи, которая имеет множество форм — в одном месте это камни, в другом облака, в третьем лед, в четвертом небеса — сознание также имеет бесконечное число форм: интеллект, воспоминания и так далее. Мудрецы умны, как пандиты; праведники обладают воспоминаниями и памятью, а некоторые хранят сильные воспоминания. Даже если они не слишком умны, их воспоминания очень ясные. Часто случается так, что у очень умных людей воспоминания совершенно бессмысленны; а многие, обладающие хорошей памятью, не очень образованы. Есть много примеров тому, как люди с ясными воспоминаниями оказывались просто глупцами. Причиной этому является то, что функции памяти и интеллекта различны: память хранит всю информацию, которая попадает человеку в жизни, и вызывает ее из своих глубин.

А интеллект призван прокладывать путь через непознанное, через нечто совершенно незнакомое. Они направлены в разные стороны: память внимает прошлому, а интеллект смотрит вперед, в будущее.

В наши дни ученые полагают, что наличие очень сильной памяти сковывает интеллект, тем самым не давая ему свободно функционировать. Сегодня большинство образовательных учреждений делают акцент на памяти, так что ничего удивительного в том, что на свете так много глупцов. К тому моменту, как ребенок завершает обучение, его мозги нас только забиты разнообразными данными и теориями, что он может считать себя счастливым, если ему удастся сохранить хотя бы часть своего интеллекта. Память и интеллект существенно разнятся; гений же отличается от них обоих. Под гением понимают врожденное знание жизни и способность познания ее. Это способность в считанные секунды найти и понять ответ на любой вопрос в жизни. Спросите об этом у любого великого ученого, например, у Эйнштейна, и он скажет: “Всем, что я знаю, я обязан не своему интеллекту, а интуиции”. Он не сможет объяснить, каким образом он совершил свои открытия. У гения и интуиции множество путей

За свое открытие мадам Кюри получила Нобелевскую премию. На протяжении долгого времени она искала решение проблемы, но все было тщетно. Однажды ночью во сне она встала, подошла к столу и записала на бумаге ключ к разгадке своей проблемы. Утром она была потрясена, когда увидела, что она написала. Откуда это взялось? Она стала вспоминать события предыдущего дня — как она устала к вечеру, как уснула в полном разочаровании, ведь еще один день был потерян. Воспоминания возвращались к ней как во сне. Она увидела, как она встала с кровати и подошла

к столу. Она увидела, как она взяла карандаш и записала решение. Она узнала свой собственный почерк. Ответ, который она напрасно искала на протяжении дней и даже месяцев, пришел к ней в одночасье посреди ночи. Такое переживание знакомо всем артистам и творческим людям. Любой поэт скажет вам, что только когда он уже совсем отчаялся, нужные строчки сами собой возникают в голове. Это одно из проявлений интуиции.

Однако Нанак учит, что все это — интеллект, понимание, интуиция, и так далее — есть игра ума. Это различные шаблоны, и все, что вы узнаете с помощью них, ограничено. Вам надлежит возвыситься над ними. Должно постигнуть единое целое внутри; нужно постигнуть единое целое снаружи. Только когда вы постигнете единое целое внутри себя, вы сможете познать и единое вне вас; ибо только став единым целым внутренне, вы познаете целостность внешнего мира.

Когда вы познаете единственность внутреннюю и внешнюю, это не значит, что вы узнаете две вещи — вы, напротив, поймете, что единое целое внутри вас и есть единое целое снаружи. Вы вдруг обнаружите, что все эти расстояния и направления внутреннего и внешнего мира созданы вами самими. Пространство за пределами вашего дома то же самое, что и внутри него; и именно вы сотворили стены, двери и окна. Вы считаете, что вам удалось разделить пространство на части, возведя стену? Нет! Пространство неделимо. Стены ваши могут стоять, а могут упасть, но небеса останутся навсегда.

Вы сможете познать единое целое внутри и единое целое снаружи не раньше, чем и то, и другое пропадет и родится не-двойственность. Наивысшей точкой является ощущение неделимого, ощущение одного целого.

Глава 9. Он торжествует в своих творениях

Могуществом мир благодати себя выражает,

И ничего, кроме этого, не существует.

Герои, великие воины там пребывают,

И Рама благой в полноте своей там торжествует,

Там пребывает и Сита в немеркнущей славе —

Формы сии описать невозможно словами.

Те, в чьих жив Рама сердцах, лжи и смерти не знают;

Разных миров посвященные там пребывают;

С истинным именем в сердце блаженство вкушают.

Истины сфера — бесформенного обитель.

Мир Он творит и ликует в нем, мудрости полон,

А вместе с Ним — континенты, вселенные, солнца —

Не существует возможности определить их.

Там мириады миров, мириады творений —

Все существует, закону Его подчиняясь.

Мысля и видя все, Он расцветает блаженством,

И не опишешь Его, Нанак так утверждает.

Человек беспомощен, но лишь до тех пор, пока он не с Богом. Человек слаб, жалок, убог, но лишь до тех пор, пока он не с Богом. Дистанция между нами и Всевышним является причиной нашего убожества; и чем больше мы от Него отдаляемся, тем более бессмысленной становится жизнь.

Множество современных западных философов ощущают бессмысленность жизни, не усматривая в ней ни цели, ни заданности, ни порядка. Жизнь предстает длинной историей бессмыслицы, лишенной всякой пользы. Это “сказка, рассказанная идиотом, ничего не означающее пустословие”.

От этого чувства никуда не деться. Взгляните на собственную жизнь — сколько суеты и шума из ничего! Вы участвуете в грандиозных проектах. Вы никогда не ходите — вы бегаєте. А вы когда-нибудь задавались вопросом: “Куда это я?” После всей этой беготни вы оказываетесь в аккурат на том же месте, где начался путь в момент рождения: вы не обрели и малой толики. Взглянув на свои руки, вы обнаружите, что они пусты. Ларец, возможно, и полон драгоценностей, да вы пропустили его — и вы пусты. Все мечты о реализации обманули вас.

Сколько бы вы ни приобрели в этом мире, смерть отнимет все это. То, что вам суждено утратить, не ваше, хотя бы это и принадлежало вам. Те, кто ищет прибежища и утешения в земных благах, строят свои замки на песке, и замки эти обречены. Сколько можно обманывать себя? В один прекрасный день вы проснетесь, в один прекрасный день вы задумаетесь и осознаете, что проделали столь долгий, далекий и трудный путь... и ничего не достигли.

Вы подобны быку на маслобойном заводе. Он столько ходит! Целый день ходит по кругу. Вокруг него столько шума — производится масло. А он в конце трудового дня оказывается на том же месте, где с утра начался его путь. И на следующий день — на том же самом месте. Так и ходит.

Такова же и ваша жизнь. Вы можете пытаться искусно ретушировать ее разнообразными оттенками, однако вам известно, что сердце ваше подобно площадке нищего: оно всегда просит и никогда не наполняется. Чем дальше человек от Господа, тем более нищ и убог его внутренний мир. Наполнение возможно лишь тогда, когда вы с Ним.

Мы не только далеки от Него. Мы, что еще страшнее, противопоставляем себя Ему. Мы делаем все Ему вопреки. Если же мы с Ним, расстояние не имеет значения, поскольку моментально происходит трансформация.

Если человек плывет против течения, в сторону его источника, он не далек от реки, но он

против нее. И ирония заключается в том, что чем больше сражаешься с рекой, тем больше осознаешь, что она не является твоим врагом, что она не враждебна. Она просто следует своим курсом, спеша на свидание с морем, и вы тут ни при чем. Ее не касается, поплывете вы или утонете. Вы сами превратили реку в своего врага. Вы один виноваты в том, что наш мир полон врагов. Как уж тут выкроить время для жизни, если вся жизнь уходит на попытки спастись от воображаемых врагов?

Жизнь вне Бога обречена на отсутствие смысла, если не на полную ничтожность. Она становится подобна кошмару; вам хочется проснуться — и вы не можете. Вы чувствуете, что кто-то сидит у вас на груди — и ваши руки не в силах его сбросить. Или кто-то пытается столкнуть вас с горы — и вы не в силах спастись. Вы пытаетесь пошевелить руками — и не можете. Вам хочется открыть глаза — не получается. Хочется кричать — не выходит. Это кошмарный сон.

Все, кто оторван от Бога, пребывают в состоянии сна. Те, кто противостоит течению бытия, страдают от кошмаров. Исследуйте собственную жизнь, и вы обнаружите, что таково положение вещей. Глаза не открываются, руки не двигаются, груз на груди не становится легче — и все же вы живете! И такая жизнь представляет собою ни что иное, как длинное повествование о череде несчастий.

Кьеркегору, Сартру, Марселю, Хайдеггеру[30] и другим великим западным мыслителям жизнь представляется полной мук и тревог, от коих нет спасения. И они в значительной степени правы. Типичная жизнь — источник страданий.

Однако нам также известны жизни иного рода — жизни Нанака, Кабира, Будды, Кришны, Христа. Их жизни являют собой противоположность нашим. Их жизни — танец истины, тогда как наши обременены заботами. В то время как в нас звучат лишь отзвуки тоски и боли, в их внутреннем мире раздается музыка. В то время, как мы идем так, будто ноги наши скованы тяжелыми цепями, их поступь легка и пружиниста. В то время, как мы являем собой плоды греховности, они излучают благодать и божественность.

Существует иной способ жить, и ключ к нему в том, чтобы жить не вдали от Бога, а подле Него, не вопреки Его порядку, а в согласии с ним. Тот, чья жизнь сонаправлена с законом, претерпевает трансформацию. Вы можете и не бороться с Всевышним, по эго будет подталкивать вас к этому, нашептывая, что чем больше вы сражаетесь, тем величественнее становитесь.

Однако комизм ситуации заключается в том, что все происходит с точностью до наоборот: чем больше вы побеждаете, тем более жалким становитесь. Можно встретить бедняка с щедрым сердцем, но не богача. Сердце последнего скудеет с каждым приобретением. Бедный может подать милостыню, у богатого уже не хватает мужества это сделать. Бедный способен любить, богатый же глух к музыке любви и восторга, и конечно, ему не услышать ни молебнов, ни Божьего гласа. Богача в лучшем случае хватает на обычную животную страсть. Чем больше стяжаешь богатств, тем уже становится сердце. Таково существующее противоречие. Внутренний мир человека становится все более и более ограниченным; человек непрестанно волнуется и беспокоится о своей собственности.

Нанак говорит: могущество является выражением чертога благодати, и в то же время Его

сострадание доступно лишь тем, кто до конца ощутил свою полную беспомощность. Схитрить нельзя ни на йоту: необходимо ощущение абсолютной беспомощности. Просто твердить: “Я беспомощен,” — бесполезно. Проникнетесь этим чувством до глубины души, ощутите его каждым атомом своего существа. Требуется не просто треп, а чувство, исторгнутое из сердечных глубин, выступающее слезами на глазах. Им должно быть проникнуто каждое ваше слово и ваше молчание. Каждым своим действием сообщайте Ему: “Я беспомощен, о Господи! Я беспомощен”.

На что вы способны? Вам ничего не сделать и ничего не переделать. Наши действия порождают лишь то, чего не должно быть: вы ни с чем не можете справиться.

В английском языке есть поговорка, аналоги которой существуют во многих других языках: “человек предполагает (в английском варианте: “предлагает”), Бог располагает”. Это в корне ошибочно. Все наоборот: Бог предлагает, человек располагает. Всевышний предоставляет возможности, предлагает, человек же их отвергает, не приемлет. Господь стремится даровать человеку все.

Сущее ожидает возможности наполнить дарами ваши руки, но двери ваши на засове. Сущее стремится излить на вас свои щедроты, но увы, сосуды ваши перевернут вверх дном. Сущее стремится войти в вас, но из чистого страха вы не оставляете ему и щели. При этом вы до такой степени наполнили себя мусором, что даже если бы оно и вошло, ему не нашлось бы места. В вас не осталось места для Него.

Его милости становятся доступны лишь тогда, когда вы полностью беспомощны, безвольны. Ощущение беспомощности как таковое сводится к чувству стыда. Такому, что сказать: “я”, — и то стыдно. И тут возникает вопрос: а на каком основании смеют произносить: “Я есть”; на каком основании объявляю себя способным совершить что бы то ни было.

Однако жизни наши свидетельствуют об обратном. Все ваши предприятия окончились провалом. Тщетными оказались все ваши усилия — они ни к чему не привели. Все построенные вами крепости превратились в руины, а вы все никак не опомнитесь и продолжаете свою деятельность. До тех пор, пока это будет продолжаться, в вас не проникнет стыд. Поэтому Нанак говорит: “Стыд — это молитва”. До тех пор, пока вы не перестанете произносить: “Я знаю,” — вы не будете способны склонить голову. Склоняет ли когда-нибудь голову ученый? Голова его не знает поклонов. Его тело может сгибаться, шея же остается высокомерно негибаемой.

В учении суфиев используется одна широко известная история. Два школьника дружили, пока учились в школе. Потом их пути разошлись: один стал могущественным королем, другой — факиром. Такова была воля судьбы! Король жил во дворце, тогда как нагой факир скитался по городам. Король купался в славе, факиру она была неведома.

Как-то случилось факиру оказаться в столице, где жил король. Король подготовился к его приему — ведь факир был его школьным другом. Весь город был залит светом фонарей, а улицы усыпаны цветами.

Путники, встреченные факиром на пути в город, сказали ему: “Какой же король эгоист! Он сделал все эти приготовления лишь для того, чтобы продемонстрировать роскошь своей жизни. Огни горят не только в каждом доме, но и на улицах. Весь город стал похож на Карнавал огней.

Он покрыл ступени, по которым ты будешь подниматься, золотыми пластинами, инкрустированными драгоценными камнями. Он желает показать тебе, что ты всего лишь факир, в то время как он утопает в роскоши и купается в славе”. “Поглядим на его высокомерие,” — отвечал факир.

И вот настал день встречи факира со своим старым другом. Весь народ повалил к городским воротам встречать гостя. Явился и король. При виде друга он остолбенел. То не был сезон дождей, однако факир был по колено в грязи! Однако было бы неловко задавать ему лишние вопросы в присутствии такой толпы народа. Пройдя по сверкающим ступеням во дворец, факир уселся на бесценный ковер, специально расстеленный в его честь, — и испачкал его!

Тут король, наконец, не выдержал: “Друг мой, — спросил он, — дождей нигде не было, нынче не сезон дождей, как же ты умудрился так выпачкать ноги?”

“Как ты хотел продемонстрировать мне свое благосостояние, так и я хотел продемонстрировать тебе свою бедность,” — был ответ.

Король рассмеялся и сказал: “Так подойди, брат, и давай обнимемся, поскольку оба мы ничего не достигли. Мы все те же, что и по окончании школы”.

Не только благоденствие, но и самоотречение может стать причиной высокомерия. А высокомерие является единственной преградой. Стоит избавиться от высокомерия, как остается один стыд.

По словам Нанака, человек, преисполнившийся стыда, купается в милостях Господа. Ценность представляют лишь стыд да скромность. Пока вы высокомерны, Он вам не нужен. А как можно достичь того, в чем не нуждаешься? Вы никогда по-настоящему не взывали к Нему, не желали Его, не нуждались в Нем. Если вы когда-либо Его и призывали, то всегда ради чего-то другого: был болен ребенок, или вы с кем-то судились. Но никогда вы не призывали Его лишь ради Него Самого!

До тех пор, пока вы не призовете Его лишь ради Него Самого, все молитвы ваши будут ложью, не имеющей отношения к божественному. Вам хочется чего-то мирского, и, возможно, вы могли бы получить это от Всевышнего.

Один богач был при смерти. Он созвал священников и спросил их: “Если я пожертвую сто миллионов рупий вашему храму, смогу ли я рассчитывать на место в раю?” То был вопрос, естественный для человека, всегда мыслящего в терминах богатства.

“Попытка не пытка, — отвечал монах, — однако я не берусь чего-либо обещать. Никогда не слышал, чтобы кто-то подобным образом бронировал места в раю. Но раз уж вам все равно суждено расстаться с богатством, почему бы не попробовать?”

Если вы смогли добиться чего-то за счет богатства, где-то в закоулках вашего сознания поселится ощущение, что таким способом можно достичь и состояния медитации или поклонения. Богатство обретается посредством эго, амбиций, в то время как путем к молитве, поклонению, медитации является стыд. Прорваться к Господу можно лишь тогда, когда, покончив с амбициями, вы обнаруживаете свою полную никчемность, и никакие ваши действия

не кажутся вам правильными. И в момент, когда вы абсолютно беспомощны и ни на что не способны, благодать Его изливается на вас.

Уничтожению подлежит не только эго действия, но и эго знания. Если вы знаете наизусть все Веды или Коран, или же вы величайший знаток Библии, все это знание помещает вам обрести Его благодать. Утверждение “я знаю”, констатирующее знание, является неявной формой действия. Ваши действия и ваши знания суть две стороны эго. Обе они подлежат уничтожению.

Задавались ли вы когда-либо осознанным вопросом: “Что я знаю?” Вы не знаете и камня, лежащего за пределами вашего дома, а еще претендуете на знание Всевышнего! Вы еще толком не разобрались в том, что такое цветок.

Английский поэт Теннисон сказал: “Когда б постиг я до конца хоть крохотный цветок, я знал бы, что есть человек и что такое Бог”. Вы бы стали всеведущим, если бы по шали таинство раскрытия цветка, поскольку в нем заложено все сущее. Если вы осознали и постигли красоту одного единственного цветка, значит, вы открыли и постигли красоты всего сущего. Если вам открылась истина цветка, что еще узнавать? Познавший каплю познал океан, поскольку качественно это одно и то же. То, что присутствует в океане, содержится и в капле. Последняя является уменьшенным вариантом океана. Познавший один лишь атом познал все.

Но что нам известно? Вся ваша информация допотопна, позаимствована у других. Это чужая информация, дошедшая до вас через тысячи рук. Вам не захочется надевать пару туфель, ношеную тысячами людей. Однако именно таково ваше знание. Вы надеваете подобные туфли уже не на ноги, а на голову. Все ваше знание является чужим и заимствованным. Вы читаете книги, но при этом не можете даже с уверенностью утверждать, что они написаны автором на основании личного опыта, а не слухов.

Мне рассказывали про одну умницу-актрису. Каждую ночь, сняв с себя драгоценности, она оставляла рядом записку следующего содержания: “Это поддельные драгоценности. Настоящие находятся в банковском хранилище”. В одно прекрасное утро она обнаружила, что драгоценности исчезли. На столе лежала записка: “Я взял поддельные драгоценности, поскольку я не настоящий вор. Настоящий сидит в тюрьме”.

Уверены ли вы в том, что слова и знания, которые вы принимаете, истинны? У вас нет способа выяснить это. У вас нет критерия, позволяющего отличить истину от лжи. Единственной настоящей проверкой может служить собственный опыт, но тогда исчезает необходимость в том, чтобы слушать кого-либо еще.

В том-то и загвоздка. Когда под рукой золото, нет пробного камня; когда есть пробный камень, нет нужды в проверке золота. Но до тех пор, пока вы способны проверять, вам крайне необходим пробный камень. Вы наслаиваете на собственное знание — знание заимствованное, что способствует упрочению эго. “Я знаю” — залог высокомерия и гордыни, являющихся препятствиями. Когда нет ни знания, ни действия, вас больше нет. Ваш замок рушится, лишившись обеих опор. Именно это состояние низвержения замка и превращения его в руины Нанак именуется стыдом. И когда чувство стыда набирает силу и кристаллизуется, Он начинает осыпать вас милостями. Вы смиренны — Он милостив: такова существующая корреляция. Стыд подобен отверстию в земле, Его милосердие — животворящему дождю. Дождь изливается и на горы, однако вода соскальзывает в расположенные внизу долины —

низинные пустоты. Его щедроты изливаются на все, и вы можете быть либо получающей ил долиной, либо упускающей их горой.

Для Него никто не высок и никто не низок, — говорит Нанак, — для Него не существует достойных и недостойных. Он изливает свои щедроты на все. При этом одни подобны наполненным благодатным долинам, другие — возвышающимся горам, настолько переполненным собою, что для щедрот Всевышнего места уже не остается.

Будьте подобны долинам, стелящимся по земле пустотам — и вы обряцете смирение, о котором говорит Нанак. Как только сформировано подобное смирение и образуется пустота, благодать Его начинает изливаться непрерывным потоком, и вы становитесь подобны озеру знания и постижения. Изменится сам путь вашего бытия. Вы уже не будете прежним. Пустота содержит лишь Господа. И тогда вы уже не беспомощны: фактически, нет никого сильнее вас.

Могуществом мир благодати себя выражает,

И ничего, кроме этого, не существует.

Герои, великие воины там пребывают,

И Рама благой в полноте своей там торжествует.

Лишь когда вы преисполнитесь смирения, милость Его, благодать Его прольется на вас, и станет королем последний нищий. По словам святых, “его милостью хромые преодолевают горы, слепые обретают зрение, а глухие начинают слышать”.

Святые говорят не просто о хромых и слепых, они говорят о вас. Пока вы полны высокомерия, ваши уши остаются глухими, глаза — слепыми, а сердце — каменным: бесчувственным и неспособным воспринимать что-либо. Пока вы слабо отличаетесь от мертвеца, пламя вашего светильника неровно мерцает, словно кончается масло. Вашему пламени не хватает блеска. А вашей жизни не хватает остроты, интенсивности и глубины восприятия, способных пробудить ваше сердце с тем, чтобы оно более не билось так глухо и безжизненно, будто вы полумертвы.

Жизнь ваша должна уподобиться внезапному разливу реки: вы должны не только переполняться собою, но и стремиться поделиться с другими своим изобилием. Вы должны преисполниться великолепием, ароматом. И чем больше вы его расточаете, тем больше стяжаете, получив доступ к неиссякающему источнику жизни.

Так обстоит дело с щедротами. Как ни парадоксально, слова снятых кажутся загадочными. Они просты и безыскусны, и тем не менее звучат таинственно, поскольку кажется, что в них кроется противоречие: умри, чтобы жить; потеряй себя, чтобы удостоться обретения; или откажись от существования — и обряцешь эликсир жизни.

Вы непрерывно спасаетесь, поэтому вы ничто. Чем больше вы держитесь за себя, тем более жалким, убогим и никчемным становитесь. Чем больше спасаете себя, тем больше недоумеваете. Это парадоксальные высказывания. Их трудно сразу понять, поскольку они противоречат нашей логике. В соответствии с нашей логикой “если хочешь быть, спасай себя”. А святые говорят: “Если хочешь быть, потеряй себя. Спасал ли себя сам Спаситель?”

Наша логика предостерегает: “А что, если мы умрем?” И мы еще отчаяннее цепляемся за жизнь. Святые же говорят: “Смерть того, кто вцепляется в жизнь мертвой хват кой, стучится в его дверь раньше времени!” Те же, кто приемлет смерть, приветствует ее, идет ее встречать, обрящет нектар. Святые обнаружили, что смерть — лишь маска, за которой кроется нектар. Вы в страхе пускаетесь наутек — и лишаете себя нектара. Обнимая же смерть, вы обнаруживаете нектар. Атрибутом данного аспекта жизни — сострадания и милосердия — является могущество.

Четвертая книга Карлоса Кастанеды называется “Сказки силы”. В ней как раз описывает четвертая сфера Нанак. Как только вас достигают лучи Его сострадания, вы стяжаете бесконечную власть. Вы облакаетесь несказанной властью: ваше прикосновение превращает грязь в золото. Раньше все было иначе: ваше прикосновение превращало золото в грязь, что являлось залогом вашего существования. Теперь все вокруг стало небесным. А раньше, куда бы вы ни ткнулись, везде был ад; куда бы ни поставили ногу, место это становилось гиблым; что бы вы ни делали, вы творили один яд. Даже любовь ваша превращалась в ненависть, а друзья становились врагами. Все это происходило в силу вашей собственной неправоты. Восставая против Всевышнего, вы получали результат, обратный желаемому. И вы сами были тому виной.

Теперь же вас нет, и все становится возможным. Теперь в самой вашей тени кроется волшебство. Куда бы вы ни кинули взгляд, небесные врата распахиваются у вас на глазах. Куда бы вы ни устремились, что бы ни совершили, меняется сама атмосфера места, где вы находитесь. Ваша слава влияет и на собирающихся вокруг вас людей: они проникаются ею.

Поэтому Нанак настаивает на важности присутствия святых. Он говорит о необходимости отыскивать святых и блаженных, поскольку как раз они-то и получили доступ к источнику могущества. Их присутствие возвышает, облагораживает. Когда сидишь подле них... Энергия могущества активна и заразительна. Помните, что в равной степени заразительны благосостояние и здоровье. Не только зло, но и добро проникает в вас через других людей, а от вас передается другим. Вы ощущаете свежесть в обществе свежего человека. Но посидите немного в компании выдохшихся, печальных, полумертвых людей, и их постные лица повлияют на вас настолько, что вы уйдете оттуда другим человеком: печальным и подобно им готовым расплакаться. А побудьте в обществе смеющихся, веселых людей, и даже если вы были грустны, вы начнете заражаться их весельем. Люди не отличны и не отделены друг от друга. Все мы соединены друг с другом изнутри и перетекаем друг в друга.

Нанак подчеркивает важность присутствия святых и блаженных. “Что толку от ваших усилий? — вопрошает он. — Вместо этого держитесь поближе к тем, кто заручился Его поддержкой, и руки Его протянутся к вам через них! Аромат проникнет через них в ваше сердце”. Когда человек проходит через сад, аромат цветов остается на его одеждах. Когда человек проходит мимо Будды, сознательно или случайно, на одеждах его остается аромат буддизма. И он уже не в силах оставаться прежним — теперь это другой человек.

Общество святых бесценно. Установить контакт с Богом трудно по той простой причине, что вы не имеете о Нем и отдаленного представления. Святой же является Его символом. Вы можете узнать его имя и адрес и без труда отыскать его. Но где вам искать Всевышнего? Святой — это некто, в ком выкристаллизовался Бог, в ком интенсивны Его лучи и Его жар! Святой усиливает присутствие Бога в себе подобно тому, как мы концентрируем солнечные лучи посредством линзы. Господь присутствует и в вас, но в более рассеянном, менее концентрированном виде. Лучи Его не воспаляют вас — в вас лишь еле теплится жизнь. Святой же преисполнен огня.

Он сам являет собой огонь. Вы не можете не ощущать жара, сидя подле него. Что-то в вас тоже вспыхнет и разрушится.

В день, когда вы стяжаете Его благодать, вы начнете обретать силу. Но помните, что сила эта не принадлежит вам. Если вы возгордитесь ею, вы потеряете ее и, весьма вероятно, падете на самое дно. Поскольку слабое эго не покинет вас до самого конца. Это последнее, что разрушится. Оно будет красться за вами подобно тени. Вам не услышать ни шагов его, ни голоса, а поскольку оно следует за вами, вам его и не увидеть.

Подобно тени тела, эго является тенью ума. Поэтому говорят, что человек, достигший Бога, лишается тени своей. Это не означает утраты физической тени, поскольку последняя не может не существовать, пока существует тело. Речь идет об утрате внутренней тени ума — эго. И тогда человек совершает все необходимые ему в жизни действия, тогда как тени внутри него не возникает — ум его становится прозрачен. Его более не существует.

Помните, что нельзя представлять себя сильным и могущественным. Его милость и сострадание прольются на вас, когда вы не будете таковым. И это станет вашим могуществом. Вы сделаетесь посредником, и это важное слово. Флейта издает звуки, принадлежащие не ей, но играющему на ней. Флейта лишь посредник. Но особенность флейты, ее совершенства, кроется в ее пустоте. Пустота позволяет нотам звучать. В день, когда на вас начнут изливаться щедроты Господа, вы уподобитесь флейте.

Кабир говорил: “Я лишь трубка из бамбука, все же песни — Его. Я лишь посредник, инструмент. И как инструмент я абсолютно пуст, как бамбук. Внутри меня нет ничего”.

Могуществом мир благодати себя выражает.

Предельная энергия выражена в этих строках. Стяжающий Его благодать, стяжает сей мощный магнетизм. Вас тянет к нему. Вы пытаетесь удержаться — и не можете, поскольку некое непреодолимое притяжение влечет вас к нему, несмотря на все ваши усилия.

Могуществом мир благодати себя выражает,

И ничего, кроме этого, не существует.

Герои, великие воины там пребывают,

И Рама благой в полноте своей там торжествует.

Когда приходит время, человек становится Махавирой, великим воином. Когда мы зависим от себя самих, мы жалкие нищие; обретая же Его поддержку, мы становимся Махавирами. Вся энергия принадлежит Ему, все принадлежит Ему. Нам остается лишь отойти в сторону и предоставить путь Его энергии.

И Рама благой в полноте своей там торжествует,

Там пребывает и Сита в немеркнущей славе.

Проникнитесь до глубины души этими строками. Человек, на которого нисходит Его

могущество, купается в полученной двойной энергии: в него проникают как Рама, так и Сита. Это важные символы. Если в человека проникает лишь Рама, тот остается неполным. Он получает мужскую энергию, насильственную в своей неполноте. При этом не хватает великолепной женской энергии, ее нежности, красоты, мягкости. Рама дарует полноту лишь вместе с Ситой.

Женская энергия суть другая ипостась той же самой энергии, дающая равновесие и поддерживающая баланс. В случае наличия одной маскулинной энергии родится Гитлер, способный лишь сеять разрушение в силу отсутствия уравнивающей фемининной энергии. Женская энергия созидательна — то энергия матери, дарующей рождение. Она соединена с корневым источником бытия; она мягка и нежна. Сила этой энергии заключается в сострадании, любовной привязанности. Энергия эта подобна не солнцу, но прохладной луне. Это энергия, и все же она прохладна. И там, где солнце сливается с луной, твердость объединяется с мягкостью, насилие встречается со смирением, присутствуют и Рама, и Сита.

Это глубочайшее открытие индуистской мысли для многих остается непонятым. Христиане, мусульмане, джайнисты, буддисты — все они не сумели постигнуть его глубину. Сита мешает джайнистам принять Раму в качестве Бога. Что же это за Бог, если с ним женщина? Они утверждают, что Бог должен быть лишен привязанностей. Так что Махавира для них Бог, ведь вокруг него, и даже на почтительном расстоянии, нет и намека на женщину.

Джайнисты зашли так далеко, что даже стали отрицать, что у него были жена и дети. Они переиначили всю историю его жизни. На самом деле он был женат и у него была дочь. В джайнистских шастрах есть упоминание о том, что дочь Махавиры вышла замуж и у него появился зять. Однако джайнисты стерли эту часть его жизни, поскольку она не соответствовала их представлению о Боге. Как же у Него может быть ребенок? Мысль о том, что Махавира занимался сексом, была невыносима, поэтому они перекроили всю историю и сделали Махавиру абсолютно одиноким.

В Махавире можно усмотреть насилие, но не нежность. Отсутствие одной из сторон жизни свидетельствует о недалекости концепции джайнистов. Не будучи способной породить культуру или цивилизацию, концепция эта напоминает лишь идеологию. При этом не сыскать и одного города, в котором превалировала бы только эта концепция, поскольку если бы в городе жили одни джайнисты, кто бы тогда чинил сапоги? Некому было бы мести улицы и подстригать волосы, поскольку это не является частью их культуры. Эти калеки зависят от других. Они следуют лишь идеологии.

И самой глубинной причиной их искалеченности является отрицание элемента женственности. Религия джайнистов не оставляет женщине шансов на достижение просветления. Прежде она должна родиться мужчиной, лишь тогда она сможет оказаться на небесах. Женщине надлежит подчиняться мужским приказам. Джайнизм не допускает равенства между мужчиной и женщиной.

И вы бы удивились, узнав, как они это мотивируют. Целибат возможен для мужчины. Если же женщина практикует воздержание, это не есть истинный целибат, поскольку у нее будут продолжаться менструальные кровотечения согласно закону природы. А согласно учению джайнистов человек не может достичь освобождения до тех пор, пока он не будет полностью соблюдать целибат.

Джайнистам трудно понять Раму и невозможно понять Кришну со всеми его подружками. Не понять их и буддисту. И конечно же, ислам и христианство также далеки от этого; им этого тоже не понять.

Учение индуистов необычайно глубоко. Согласно этому учению энергия имеет два аспекта: один из них проявляется как мужской аспект, другой — как женский. Важно не то, мужской это аспект или женский, а то, что энергия самоуравновешивается за счет того, что является как мужской, так и женской одновременно. Чисто мужской аспект характеризуется агрессией, отсутствием нежности. Все качества нежности относятся к женскому аспекту. В языке хинди даже слова, описывающие эти качества, такие как сострадание, любовная привязанность, доброта, жалость, — относятся к женскому роду.

Когда человек достигает своей высшей ипостаси, он внутренне являет собой единство мужского и женского. Он агрессивен и одновременно мягок, нежен. В нем соединяются солнце и луна. Он полон огня и одновременно прохлады лунного света. Соединение этих двух начал являет миру человека в его высшей ипостаси, Сверхчеловека. Эта высшая ипостась находится за пределами мужского и женского, будучи синтезом обоих видов энергии. Из двух рождается Одно, но лишь при их полном взаимопроникновении.

Поэтому в сутре Нанака говорится о том, что одного Рамы недостаточно

И Рама благой в полноте своей там торжествует,

Там пребывает и Сита в немеркнущей славе —

Формы сии описать невозможно словами.

Но тогда формы становятся недоступными для описания. Можно говорить о форме мужчины или форме женщины, однако трудно судить о том, что возникает при слиянии Рамы и Ситы, поскольку имеет место слияние и объединение противоположных качеств. Что бы вы об этом ни сказали, верно будет и обратное.

В Японии есть статуя Будды, правая сторона лица которого изображает лицо Будды. Пламя в правой руке статуи освещает нежное, красивое, с мягкими чертами, женское лицо, обладающее всеми признаками женственности. В другой руке статуя держит меч, блеск которого освещает левую половину лица Будды. И хотя это все то же лицо, выражение его соответствует уже не Будде, а Арджуне, воину.

Самураи, принадлежащие к классу воинов, поклоняются этому образу. Можно сказать, что это образ полу-Будды, полу-Арджуны. Мужское и женское интегрируются в одно.

Ницше критиковал Будду, называя его женоподобным. В этом есть доля правды, поскольку Будда полностью выражает форму женственности. Мужская энергия Будды не выражена, поскольку Будда достиг величайших глубин покоя: обретенная прохлада луны затмила солнце.

Индуисты намеренно помещают Ситу рядом с Рамой, а Радху — рядом с Кришной. Их имена всегда произносятся как Ситарам и Радхакришна. Имя женщины как дарителя жизни стоит на первом месте, на втором стоит имя мужчины. Насилие вторично, первично сострадание.

Красота чистого насилия, кроющегося за состраданием, безгранична И как можно выразить энергию, кроющуюся за сердечной привязанностью? Как описать холодное пламя? Встретившиеся противоположности делаются невыразимыми.

Те, в чьих жив Рама сердцах, жи и смерти не знают;

Разных миров посвященные там пребывают;

С истинным именем в сердце блаженство вкушают.

Смерти не существует для тех, в чьих сердцах пребывает Рама, в чьих сердцах обитает Господь, переполняя их собою. Поймите, что смерть существует только для вас, для Бога ее не существует. Волны образуются и исчезают, тогда как океан вечен. Вы смертны до тех пор, пока отождествляетесь с волнами, поскольку волна, претендующая на самостоятельность, обречена на смерть. Следовательно, смерть страшит вас. Вашей индивидуальности предстоит исчезнуть. Вы не сумели правильно установить связь. Если вы соединитесь с Рамой, с Богом, откуда взяться смерти? Поэтому мудрый умирает до прихода смерти: он пресекает все свои связи, обособляясь от всех видов отождествления с собственной индивидуальностью. Он осознает, что не является ни телом, ни умом — и то, и другое бренно. Он осознает, что не является собственным эго, также обреченным на смерть. Эго уничтожимо, так как это малая форма, появившаяся подобно набежавшей волне. Сколь бы красива ни была волна, сколь бы высоко она ни взлетела, пытаясь горделиво коснуться небес, уже через миг ей суждено кануть в пучину забвения. Все молодые волны стремятся горделиво коснуться небес. А спросите об этом тех же людей, когда они состарятся!

Слышал я про одну лису, ранним утром отправившуюся добывать себе пищу. Из-за гор как раз выглянуло солнце, и лисица увидела, как перед ней удлиняется собственная тень. Глядя на свою тень, лиса подумала: “Похоже, сегодня на завтрак мне нужен верблюд, так я раздобрела: одна тень чего стоит!” У бедного животного не было иного прибора для измерения своих габаритов, кроме собственной тени.

Лиса принялась отыскивать верблюда. Но тут наступил полдень, и солнце поднялось высоко над головой. Лисица к тому времени уже ослабела от голода, поскольку верблюда в окрестностях не оказалось. Как вдруг, опустив глаза, она увидела, что тень ее столь мала, что ее и разглядеть-то сложно. “Теперь мне хватит и муравья!” — воскликнула несчастная, изрядно проголодавшаяся лисица.

В юности волна достигает своего пика. Поэтому юности свойственна глупость. На западе делают ставку на юность и пожинают страдание, усугубляемое взлетами и падениями. На востоке никогда не доверяют юности и не придают ей особого значения, поскольку это означало бы придавать особое значение глупости. Юность является пиковой фазой волны. когда тень ее достигает наибольшей длины. Длина тени навеивает вам самые разнообразные меч < ы. Кем только каждый из нас не мечтает стать! На востоке чтут преклонные годы, поскольку в >то время тень уже почти ни с чем не связывается, да и когда еще пробудиться и осознать свое эго, как не на старости лет? Если ваше пробуждение состоится в юности, жизнь ваша преисполнится славы. Если же оно не состоится и в преклонные годы, вы будете последним дураком. Непробужденность может быть прощительна в юности, но только не на старости лет.

Как только человек начинает сознательно изучать жизнь, он обнаруживает неправильность своих взаимоотношений: ведь это все физические взаимоотношения. Каждые семь лет жизни происходит полная замена всех клеток тела, и все же вы продолжаете существовать. Когда-то в утробе матери вы имели размеры, едва различимые под микроскопом — и это тоже было вашим телом! А потом, в день вашей смерти, родственники выбросят ваши останки в воды Ганга — и это тоже будет вашим телом! Сколько взлетов и падений произойдет в вашей жизни между этими двумя событиями? Отождествление с собственным телом обрекает вас на страх смерти. Поэтому мудрый умирает по собственной воле до наступления смерти.

Это имело место и в жизни Нанак: однажды ученики застали его на месте погребальных костров. “Я подумал, что лучше прийти сюда своими ногами, чем на чужих плечах, — пояснил Нанак. — И если мне предстоит когда-нибудь попасть сюда, лучше, если это место будет мне уже знакомо. Лучшего места для медитации не найти. Не бее покойтесь обо мне”. И он отослал учеников. Нанак усматривает в смерти медитацию: единственно возможную медитацию. Если вы, сконцентрировавшись, медитируете на смерть, смерть мало-помалу отступает. Ее верхние слои исчезают, открывая нектар. Волна утрачена, но обретен океан.

Будда посылал монахов на кладбище. “Смотрите, как сжигают людей, — советовал он. — Наблюдайте за тем, как кости превращаются в пепел, как кожа и цветы становятся дымом погребальных костров. Посмотрите, как близкие человека ломают его череп Те, кому он доверял всю жизнь, не тратят и лишней минуты на то, чтобы подготовить его к последнему обряду. Смотрите на все это, если хотите достичь состояния Будды. Обещавшие никогда не разлучаться, поплакав денек-другой, снова возвращаются к нормальной жизни, когда все уйдут и останется лишь труп, смотрите на него, тихонько наблюдайте за ним. Эта участь не сегодня, завтра постигнет и вас”. Поэтому Будда всегда настаивал, чтобы ученики ходили смотреть на погребальные костры, с тем чтобы начать умирать сознательно, ведь лишь это облегчает духовные практики.

В течение трех месяцев монаху надлежало денно и ночью наблюдать смерть. Одну смерть за другой... Ощущение смерти становилось все интенсивнее. Монах начинал видеть смерть во всем, что его окружало. Все вокруг казалось горящим, и все же он ощущал в себе точку сознания, не подверженную сожжению. Языки пламени не могут коснуться сознания. Пламя не имеет к нему никакого отношения. Монах возвращался более сознательным, более осознающим. И тут он обрывал старые связи. Лишь тогда Будда говорил “Теперь это возможно”.

Жил-был факир по имени Ибрагим. Некогда он был королем, а потом стал факиром-суфием. Он обретался в предместьях своего бывшего королевства. Когда путники спрашивали его, как пройти в город, он всегда отвечал: “Идите налево”. Пройдя милю другую, люди оказывались на кладбище. Тогда они поворачивали назад, злясь на факира, и отправлялись другой дорогой на поиски города.

Встречая их снова, Ибрагим говорил: “Я слишком привык здесь жить. Теперь до меня дошло, что это не место жизни, а место смерти: любой человек пребывает здесь в ожидании смерти. А вы назвали бы зал ожидания смерти жилым местом, жилищем? Назвали бы вы поселением место, которое люди покидают один за другим, чтобы больше никогда не вернуться; место, где в один прекрасный день не останется никого из поселенцев? Кладбищем же люди именуют то место, где они селятся навсегда. Поэтому как раз его я назвал бы настоящим поселением”.

Наши поселения есть кладбища, а кладбища — наши последние пристанища. Мудрец умирает до прихода смерти, невежа же цепляется за жизнь, до последнего вздоха, изо всех сил стараясь выжить. Мудрец умирает лишь раз, глупец же переживает несколько смертей. Пока вы не усвоите этого урока, вам суждено умирать снова и снова.

Смерть учит. Подобно этому отстающий школьник остается на второй год. И если он не исправится, то будет оставаться все в том же классе до тех пор, пока не научится. В этом смысле смерть — тоже великая школа. Пока вы не научитесь распознавать нектар, вам придется возвращаться снова и снова.

Один певец давал представление. Зал взрывался аплодисментами и криками: “Бис! Бис!” И он пел снова. А зрители снова кричали: “Бис!” И так восемь раз. У певца разболелось горло, и он не мог больше петь. “Я рад, что вы в таком восторге, — обратился он к зрителям, — но я не в силах больше петь”. Тогда один из зрителей поднялся со своего места и крикнул: Да в каком же мы восторге? Ты никудышный певец, но пока ты не споешь как следует, мы не оставим тебя в покое”.

Цикл смертей и рождений выражает собой Божью просьбу петь как следует. Это часть вашего обучения, и вам необходимо пройти эту ступень. Понимающий это разрушает свою индивидуальность посредством смерти.

Нанак утверждает, что те, в чьих сердцах живет Рама, не могут стать жертвой смерти или обмана. А вы! Какими бы вы ни были умными, ловкими и хитрыми, вы обречены на то, чтобы стать жертвой надувательства, поскольку облапошит вас не кто иной, как вы сами. Больше вас грабить некому; да это и невозможно. Однако вы умудрились сотворить себе столь неверные привязанности, что и другой может вас ограбить. Ваше мировоззрение настолько затуманено иллюзиями, что все вокруг выглядят врагами. Кажется, что каждый обкрадывает вас.

Шри Рамакришна любил рассказывать такую историю. Как-то самка коршуна нашла кусок мяса. Зажав его в когтях, она полетела прочь. Однако, на ее беду, в небе летало много коршунов в поисках пищи. При виде кровавого куса сырого мяса они погнались за добытчицей. Атакуя сверху, коршуны били несчастную клювами. Та изо всех сил старалась не выпустить мясо, однако коршунов было слишком много, и они изрядно ее потрепали. Из ее крыльев было выдрано столько перьев, что она едва могла лететь. В конце концов пришлось расстаться с добычей. И лишь после того, как птица сделала это, коршуны оставили ее в покое, и тогда она села на ветку дерева и притихла.

“С того дня, как я увидел это происшествие, — рассказывал Рамакришна, — я выпустил свой кусок мяса! И теперь у меня нет врагов. На самом деле, у меня их не было и раньше: всему виною был кусок мяса”.

До тех пор, пока вы держитесь за свое благосостояние, кто-то непременно будет вашим врагом. До тех пор, пока вы держитесь за свой кусок мяса, другие не оставят вас в покое. На самом же деле врагов не существует: просто вы вцепились в то, что вам не нужно. Во что бы вы ни вцепились, в результате даже друг может показаться врагом.

Жена муллы Насреддина была вне себя от ярости. Она обрушила на муллу бессмысленную тираду. Он же, бедняжка, стоял тихонечко, засунув руки в карманы брюк, как это обычно делают

мужчины. Высказав все, что накипело, и даже больше, она крикнула: “И прекрати это безобразие! Я вижу, как ты стискиваешь кулаки в карманах брюк!” Бедняге оставалось только молчать, чтобы спасти свою шкуру.

Если вы разгневаны, везде вам мерещатся крепко сжатые кулаки. То, что жена муллы увидела кулаки в его карманах, было вполне естественным. Фактически ваши глаза создают эти иллюзии. Если вы, подобно коршуну, вцепились в кусок мяса, при вашем нынешнем мировоззрении вы не можете не быть обмануты. Кусок мяса символизирует тело: до тех пор, пока вы цепляетесь за тело, вы обречены на то, чтобы стать жертвой обмана. И вам себя не спасти, как бы умны вы ни были.

“Ваша ловкость не стоит и двухпенсовой монеты, — утверждает Кабир — В руке вы держите светильник сознания и все же падаете в колодец”.

Вы обречены на обман, поскольку сами себе его организуете: вы устанавливаете неверные связи и взаимоотношения. А тот, кто привязывается к неверному, ложному, неизбежно загоняет себя в ловушку обмана. Если вы вцепились в кусок мяса, коршуны не заставят себя ждать.

Те, в чьих жив Рама сердцах, лжи и смерти не знают;

Разных миров посвященные там пребывают;

С истинным именем в сердце блаженство вкушают.

Таковы четыре сферы пути, путешествия. В первой сфере — сфере религии — царит природа. В сфере знания происходит пробуждение в отношении природы — познание вещей таковыми, каковыми они являются. В сфере стыда возникает скромность: понимая свое состояние, вы преисполняетесь смирения, беспомощности, самоотжествляетесь с нулем. В четвертой сфере вы позволяете Его состраданию и благодати беспрепятственно излиться на вас.

Таковы четыре сферы пути. Пятая является пунктом назначения, и это истина. В сфере истины пребывает бесформенное, Господь Бог. Это и есть пункт назначения.

Он создает творение и ликует в нем, мудрости полон. Вот и конец пути. Теперь уже нет надобности подразделять путь на какие бы то ни было сферы. Наполнившись до краев Его благодатью, полностью погрузившись в нее, вы уже ничего не можете назвать своей собственностью. Вас захлестывает и уносит океан божественности. “Куда я попал? Куда же я попал?” — недоумеваете вы. Вы понятия не имеете, в чем растворились. Вы не знаете ни кто вы, ни где вы, хотя и пребываете в ясном сознании. Вы ищете и там, и тут и обнаруживаете повсюду лишь Его, Его одного. Вас же нет нигде, вы ноль. По мере кристаллизации этого осознания вы становитесь чистым проводником — и ничем более.

В сфере благодати вы будете лишь посредником, флейтой, поскольку все песни принадлежат Ему. Потом исчезнет и это. Не будет даже флейты. Останется Ом один. Теперь некому будет сказать даже такую малость, как “Ты, ты, ты!” Поскольку пока остается это знание, остается и малая толика вас самого.

Истины сфера — бесформенного обитель.

Мир Он творит и ликует в нем, мудрости полон,

А вместе с Ним — континенты, вселенные, солнца —

Не существует возможности определить их.

Там мириады миров, мириады творений —

Все существует, закону Его подчиняясь.

Мысля и видя все, Он расцветает блаженством,

И не опишешь Его, Нанак так утверждает.

Важно иметь в виду, и Нанак подчеркивает это снова и снова, что Всевышний не стоит в стороне, не отстраняется от своего творения, после того как оно завершено. Господь также никоим образом не противопоставляет себя творению и не забывает его. Бог творит ежеминутно, вечно. Фактически творчество является способом Его существования. Он все творит и творит, и Его всегда интересуют собственные творения.

Это очень важно. Мы призываем ищущего не привязываться ни к чему, дабы обрести Бога, в то время как самого Господа не назовешь непривязанным или безучастным. В противном случае творческий процесс бы прекратился; все бы замерло. Так как же это? Как только вы сливаетесь с Богом, возникает новый вид участия, новый интерес при отсутствии различий между привязанностью и непривязанностью, страстью и бесстрашием, очарованием и разочарованием.

Господь творит с воодушевлением и страстью, оставаясь при этом бесстрастным и безучастным. Как вы можете понять этот парадокс? Нанак утверждает, что это столь же немислимо, как объять необъятное. Господь творит, и, следовательно, Его воодушевление и страсть неподдельны. Однако в отличие от наших страстей, это не слепое воодушевление. Его воодушевление не имеет ничего общего с собственничеством, стремлением к обладанию. Он создает вас и освобождает, отпускает. Вот почему вы можете блуждать, совершать грехи, творить зло. Он не сковывает вас цепями, дабы уберечь от зла. Да, у Него с вами свои взаимоотношения, но Он не преградит вам пути к свободе. Он не против вас, и все же вы абсолютно независимы. Это довольно сложно.

Привязанность матери к ребенку убивает его свободу, поскольку она постоянно твердит: “Туда нельзя, сюда нельзя, то нельзя, это нельзя и тысячи других нельзя”. Мать окружает ребенка своей любовью и все же убивает его. Она не обеспечивает ему достаточной независимости, позволяющей встать на ноги или приобрести свой жизненный опыт. Таким образом, мать калечит собственного ребенка. Ему не достичь зрелости до тех пор, пока он не избавится от ее опеки. Она будет крепко держать сына и после смерти, и ему будет трудно полюбить другую женщину, если он вообще окажется на это способен. Ему будет ведома лишь одна любовь — материнская. Все прочее будет казаться греховным. Участие матери в собственном ребенке оказывается слепым детоубийством.

Открытые же отношения защищают вас, не уничтожая вашу свободу. Иногда они могут идти в разрез с концепцией вашего воспитания, способствующего развитию. Но это закаляет вас.

Подобные отношения поддерживают вас сегодня, и эта поддержка мало-помалу уменьшается с тем, чтобы завтра вы могли стоять на собственных ногах. Вам предоставляют поддержку не для того, чтобы сделать вас калеккой.

Есть и другой тип матери. Если сказать ей, что ее привязанность к ребенку вредна, она моментально отходит в сторону, освобождая ребенка от всех ограничений. Однако полное отсутствие ограничений не означает предоставления ребенку свободы. Сын подобной мамы может податься к проституткам, подсесть на наркотики, стать игроком, вором, убийцей. Мать предоставила ему полную свободу действий, она стала к нему безразличной. Сначала она окружала его заботой, но то была слепая забота, теперь же она столь же слепо проявляет к нему индифферентность, безразличие. Равновесие находится между этими крайностями

Такое равновесие характерно для Бога. Такова Его природа. Его отношен не к творению таково: Он защищает вас так, что вы сохраняете свою независимость, и дарует вам независимость так, что в один прекрасный день вы можете сдаться. Здесь явное противоречие. Он предоставляет вам возможность уйти далеко, ведь не уйдя далеко, вы не сможете подойти близко. Он разрешает вам блуждать, а как вам еще приобрести опыт? Он дает вам возможность падать, а иначе как вы научитесь защищать себя?

И все же Он защищает вас и следует за вами. Его око неусыпно следит за вами; везде присутствует Его тень; Он окружает вас со всех сторон. Как бы далеко от Него вы ни удалились, Он всегда подле вас, так близко, что когда бы Он вам ни понадобился, стоит только повернуть голову — и Он к вашим услугам.

Существует расхожий куплет: “В зеркале моего сердца запечатлен образ возлюбленного. Мне достаточно лишь слегка наклониться, чтобы взглянуть на Него”.

Как бы далеко вы ни ушли, Он всегда следует за вами. Он не станет вмешиваться, какой бы путь вы ни избрали. Он даже не остановит вас, если это неверный путь. Он позволит вам быть неправым, если вам так угодно. И преисполненный нежной любви, он не лишит вас энергии, а будет ждать. Он ждет от вас радости. Он надеется, что в один прекрасный день вы вернетесь и... О, какую Он испытает радость, какое блаженство!

Мысля и видя все, Он расцветает блаженством,

И не опишешь Его, Нанак так утверждает.

Это, безусловно, так, поскольку здесь имеет место примирение и объединение всех противоречий.

Я изучал жизни многих людей и обнаружил, что мы можем двигаться в сторону любой крайности и делать все, что угодно, однако крайности весьма опасны.

Я знал одного мужа, страшного собственника, преследовавшего свою жену буквально по пятам, подобно тени. На работе он постоянно волновался: а вдруг его жена с кем-то смеется и весело проводит время? Он способен был бросить работу и неожиданно заявиться домой лишь для того, чтобы проверить, чем она занимается. Для него было невыносимо, если она смеялась и болтала с другими в его отсутствие. Он свято верил в определение жены, данное Калидасой, знаменитым

индийским поэтом. В одном из своих стихотворений Калидаса описывает жену, которая так тосковала по возлюбленному в течение пятнадцатидневной разлуки, что ослабела, и стала похожа на скелет, и описала это в письме, посланном ему с облаками.

Такая непрестанная всесторонняя осада вызвала у жены нашего героя скуку и легкую ненависть. Они вступили в брак по любви. Они очень любили друг друга. Я видел это, я знал их давно. Но когда любовь мужа стала столь чрезмерной, руки его из венка превратились в петлю на ее шее. Такая любовь не чистое золото с бриллиантами; она может быть и фатальна. Любовь жены пошла на убыль, и она стала мечтать о том, чтобы освободиться от мужа. Чем более независимой пыталась она стать, тем больше он создавал для нее ограничений.

Я объяснил мужу, что это безумие, что он собственными руками убивал в своей жене любовь к себе. Любви тоже требуется свобода и возможность дышать. Для любви необходима небольшая дистанция и немного одиночества, немного личного времени. “Не последуй ее так неистово, — посоветовал я ему, — иначе ты убьешь ее любовь, и ты один будешь тому виной”.

После долгих дискуссий муж начал усматривать некое рациональное зерно в моих словах, но тогда он начал полностью ее игнорировать. Теперь ему было бы все равно, даже застань он свою жену в постели с другим мужчиной. Он утверждал, что избавился от собственнических инстинктов. “Теперь я не имею к ней никакого отношения, — говорил он. — Она может делать, что ей вздумается. Теперь я с нею никак не связан”. Единственным известным ему видом связи была петля.

Это так характерно для человека. Полная свобода, предоставляемая на западе, имеет тенденцию превращаться в полное безразличие. Или же мы требуем полного подчинения, которое может задушить человека, что имеет место на востоке.

Сказать что-либо о Боге все равно что “объять необъятное”, настолько это трудно. Он сочетает в себе и то, и другое: дает вам полную свободу, что ни на йоту не уменьшает Его любви. Он оставляет вас свободными, что и является истинным проявлением любви. Между Его любовью и предоставляемой свободой не возникает противоречия. Он не останавливает вас, даже если вы сбиваетесь с пути, но терпеливо ждет вашего возвращения. О, какая радость, какой праздник, когда повеса находит обратную дорогу и возвращается домой!

“Он волнуется и думает о вас, — говорит Нанак. — Он радуется вам. Он не стоит в стороне, безразличный. Он далеко, и все же близко. Он предоставил вам свободу действий, и все же неотступно следит за вами. Никогда, никогда Он не покидал вас. Он всегда рядом. Его трогают ваши муки и печали. Его радует ваша радость и счастье. Вы не чужак в этой вселенной — это ваш дом. Вы не одиноки в этом мире. Господь всегда с вами.

Уверенность в том, что это так, имеет огромное значение для стремящегося. Иначе ничего не остается. Отбросив мысли о Боге, остаешься один на один с безразличным, равнодушным миром, которому все равно, что вы делаете и чего не делаете, живете вы или умираете. Если буря сметет вас с лица земли, никому не будет дела до этого,

Для стремящегося же ощущение того, что “кто-то ждет его”, является величайшей поддержкой и утешением. Вернувшись домой, вы не обнаружите свой дом пустым. Вернувшись в свой внутренний мир, к собственному естеству, вы найдете там ожидающего вас Бога. И вы не просто

увидите, что Он ждет вас, вы будете приятно поражены Его приготовлениями к празднованию встречи в вашем доме.

История, которую многократно повторял Иисус, также заслуживает понимания. У одного богача было двое сыновей. Один из них стал повесой. Достигнув подходящего возраста, он потребовал свою половину наследства. Забрав же ее, отправился в город, поскольку деревня не сулила возможностей потратить деньги: не было там ни игорных домов, ни таверн, ни проституток. Когда все деньги до последнего пенни были истрачены на эти развлечения, пришлось просить милостыню у дороги. Отец следил за сыном. Узнав о его нищете, он очень опечалился. Он знал, что бесполезно пытаться вернуть сына силой и что это может лишь еще больше отдалить его. Ему оставалось только ждать, надеясь на то, что начав видеть мир в истинном свете, сын вернется сам.

Старший же сын остался в отчем доме. Усердным трудом он удвоил оставшуюся часть наследства. С утра до ночи он, не покладая рук, возделывал поля и ухаживал за виноградниками.

В один прекрасный день сын, ставший нищим, задумался: “Так я чего доброго помру. Однако у меня есть дом. Отец мой жив, и я могу рассчитывать на его любовь. Он предоставил мне возможность самому узнать, что правильно, а что неправильно, и я уверен, что теперь он не оставит меня без сочувствия и снова примет меня в свое сердце. Я всецело доверяю ему”.

И тогда он передал отцу весточку о том, что возвращается домой. Отец обрадовался и устроил пышную встречу. Забили агнца и приготовили лучшие яства — ведь его сын возвращался домой. Всю деревню убрали цветами и созвали гостей.

Старший брат работал в поле, когда к нему подошел человек и сказал: Это нечестно! Ты всю жизнь преданно служил отцу, удвоил и утроил его богатства. Ты никогда не шел против его воли, однако он никогда не устраивал столь пышных пиров в твою честь. А нынче возвращается твой брат, промотавший наследство, теща себя вином, женщинами и гулянками, и вы только поглядите, как расстарался для него твой отец. Какая вопиющая несправедливость!”

Старший сын тоже почувствовал себя жертвой несправедливости. Он вернулся домой расстроенный, с болью в сердце. Увидев огни и цветы, украшавшие деревню в честь возвращения брата, он не выдержал и молвил, подойдя к отцу: “Я служил и повиновался тебе всю свою жизнь, ты же никогда не устраивал пиршеств в мою честь. Сегодня твой сын-повеса возвращается домой, и вы только посмотрите, какой пышный прием ты ему приготовил! Глазам своим не верю”.

“Сын, — отвечал отец, — ты всегда был подле меня. Ты никогда не сбивался с пути, поэтому не возникало необходимости приветствовать тебя. Ты всегда со мной, и я всегда тебе рад. Ты так близок моему сердцу! А этот сбившийся с пути мальчик, разрушивший себя в скитаниях и причинивший мне столько беспокойства и бессонных ночей, он возвращается, и ему нужен теплый прием. Ты не давал мне повода для беспокойства. Напротив, я всегда был доволен тобой и счастлив, поэтому в данном случае мне не нужно чрезмерно демонстрировать это”.

Когда повеса вернулся, ему был устроен грандиозный прием. Иисус говорил: “Хорошие люди, блаженные и святые подобны старшему брату, тогда как сбившиеся с пути, грешники и преступники подобны младшему.” Это было прекрасным началом духовного учения Иисуса.

Потому-то евреи и ополчились на него. Ведь евреи веруют, что Бог наказывает грешников, а Иисус сказал, что Бог будет приветствовать возвращение блудного сына, поскольку любит его. Можно сколько угодно ошибаться, но не возможно вырвать себя из Его сердца. Можно повернуться к Нему спиной, но Он будет ждать. Он отец всего.

Между нами и бытием существует глубинная связь, и это приятно бытию — индуисты знали об этом с незапамятных времен. Потому-то и говорят, что когда человек достигает состояния Будды, цветы расцветают независимо от времени года. Цветы распускаются, когда Будда проходит мимо, в любое время года, поскольку в этот момент все сущее преисполняется благословения.

Об этом и идет речь, когда Нанак говорит, что Он преисполняется радости и танцует в экстазе при возвращении любого бродяги. Таков союз любви и свободы. Делайте, что угодно; вам не навлечь на себя его немилость. Его любовь к вам куда глубже, чем все, на что вы способны. Однако привязанность Его не похожа на вашу: Он не сажает вас на цепь. Господь — это не тюрьма; Господь — это любовь и свобода. Это трудно объяснить, поскольку данные понятия кажутся противоположными. Когда вы любите человека, вы лишаете его свободы, а даруя свободу, вы прощаетесь с любовью.

Там, где сосуществуют привязанность и непривязанность, страсть и бесстрашие, где объединяются противоположности, имеет место великий синтез.

И не опишешь Его, Нанак так утверждает.

Глава 10. Терпение — золотых дел мастер

Самоограничение — это горн, терпение — золотых дел мастер,

Рассудок — наковальня; знание — молот,

Страх — мехи, строгость — пламя.

Переживание — это тигель, в который стекает нектар.

Монеты Слова чеканятся на монетном дворе истины.

Только те могут преуспеть, кому благоволит Господь.

Нанак говорит: один Его сочувствующий взгляд возвышает искателя.

Эпилог

Ветер — наставник; вода — отец; земля — великая мать,

Ночь и день — повивальная бабка и слуга, и вся вселенная играет с ними.

Добрые и злые дела сосчитывает в Его чертоге Дхарма,

И наши собственные поступки определяют, близки мы к Нему или далек и от Него.

Те, кто медитируют на Его имя и трудятся с полной отдачей, тем воздастся.

Лица их лучатся успехом,

И многие освобождаются через общение с ними.

Ограничивать себя — значит, придавать направление и цель собственной жизни, видеть ее как целое. Человек, не ограничивающий себя, пытается двигаться во всех направлениях сразу, не зная, ни куда он хочет попасть, ни чего достигнуть; его жизнь бесцельна. Он похож на слепца, стреляющего из лука. Жизнь, в которой присутствует самоограничение, — это жизнь человека, хорошо осознающего свою цель; он точно знает, куда пустит стрелу. Тот, кто стреляет как попало, скорее всего, промажет. Никакой силы, никакого могущества невозможно достичь без самоограничения.

Итак, первое качество, самоограничение, подразумевает наличие цели, направления. Как только у вас появляется цель, вы отпускаете все то, что не ведет вас к этой цели. Если вы хотите достичь чего-то одного, вам придется жертвовать тысячью других вещей. Тот, кто пытается заполучить все, в результате оказывается ни с чем; приходится выбирать.

Вот вы пришли сюда, чтобы меня слушать. И для этого вам тоже пришлось практиковать некоторое самоограничение: вы оставили какое-то дело недоделанным, или вы могли бы лучше провести это время, или заключить в это время какую-нибудь вы годную сделку. Вы могли сделать очень много всего, но раз вы приняли решение придти сюда тем самым вы отвергли на этот срок все другие возможности.

В каждый момент у вас есть бесконечное множество возможностей, которые двигают вас в тысячу разных направлений. Человек вместо храма идет в публичный дом; другой все-таки предпочитает храм проститутке. Каждый из них практиковал самоограничение, оставив одну возможность и отвергая все другие.

Вы делаете шаг, и значит, не делаете тысячи других. Только тот не знает самоограничения, кто вообще не двигался с места. Тот, кто в пути, должен направлять каждый свой шаг с предельным осознанием и пониманием.

Таким образом, мы имеем направление, путь и цель. Когда все три находятся в полной гармонии, вы достигаете самоограничения и уравновешенности. Нанак говорит, что это — печь, горн, в котором выгорает шлак и остается чистое золото. Выберите себе цель с полным осознанием, и тогда ваша жизнь станет стрелой, пущенной в определенном направлении, а не слепым шатанием и тыканием по углам; также вы не будете стиснуты толпой, и не будете безвольно влечься туда, куда она тащит вас; и вас не будут мотать туда-сюда ваши собственные желания.

В этом — основное различие между человеком, ограничивающим себя, и человеком, которым владеют желания. Человек, раздираемый желаниями, стремится бежать в тысячу направлений одновременно. Он пытается сразу сделать тысячу разных вещей, и «то постепенно сводит его с ума. Он ест, а ум его в это время в его лавке; когда он сам в лавке, ум его занимает сотня других вещей. Если бы у него была тысяча глаз, тысяча рук, тысяча ног, тысяча тел, можно было бы увидеть теперешнее состояние его ума: вся эта тысяча разбежалась бы в разных направлениях, и

никогда бы не встретила вь вновь.

Таково и ваше внутреннее состояние: ваш ум безо всяких ног разбегается в разных направлениях, раздирая вас на куски. Только тогда, когда вы станете цельным, — если вы станете цельным, — будете вы достойны простереться у ног Господа.

С древнейших времен было создано множество учений о целостности человека. В исламе существует концепция, что если человек подвергся увечью, — а увечьем считается и отрезанный палец, и любая хирургическая операция, — он уже недостоин Бога. Вот почему мусульмане так боятся операций и избегают их, а если операция все же необходима, они чувствуют вину и боятся, что не подойдут Господу.

В Пуштунистане[31], если приходится ампутировать конечность, ее сохраняют, и когда человек умирает, хоронят вместе с ним, так, чтобы, когда он предстанет перед Богом, он был бы в полном составе. Сама идея того, что только обретя целостность, можно достичь Бога, — очень важна, но здесь, как обычно, поди следуют неверной интерпретации.

Индусы придерживаются той же самой концепции. Вы, должно быть, слышали старые истории: когда человека должны были сжечь на жертвенном огне, проверяли, все ли у него на месте, и даже если был отрезан всего лишь кончик мизинца, его признавали негодным.

Один принц так прищемил себе палец дверью во дворце, что палец оторвался. Принц этот был самоотверженным подвижником. Он повернулся к слуге и сказал: “Слава Богу! Иначе я мог бы погибнуть”.

Слуга изумился. “Не понимаю такой самоотверженности, — сказал он. — Ваше высочество оторвали себе палец, смотрите, кровь так и хлещет, а вы Бога благодарите!. Это заходит слишком далеко. Когда вы благодарите Бога за такое, то выглядит это просто глупо”. Слуга был очень трезвый, рассудочный человек.

“Погоди, время покажет”, — ответил принц. Веру невозможно объяснить рационально, потому что ей нет доказательства.

И вот однажды принц и его слуга отправились на охоту. Они заплутали в джунглях и были захвачены в плен авдхутами, группой фанатиков, которым нужен был человек для того, чтобы принести его в жертву. Сначала они схватили принца, но обнаружили, что у него не хватает одного пальца, поэтому он им не годился. Тогда они осмотрели слугу и обнаружили, что тело его — в целостности и сохранности. Когда они готовили слугу к жертвоприношению, принц напомнил ему: “Не говорил ли я тебе, что Бог благоволит мне? Я спасен от гибели”.

Иногда приходится долго ждать испытания, которое подтвердит истинность и правоту веры.

То, что людей приносили в жертву — тоже следствие неправильного понимания. Мудрецы утверждали, что лишь тот, кто является цельным внутри себя, может быть допущен до суда Божия. То, что у вас не хватает пальца, не делает вас ущербными; человек не теряет в своей цельности, даже если ему отрубят голову.

Но если человек отсекает от себя свое осознание, и ум его распадается на кусочки, тогда

человек становится ущербным. Ваш ум подобен ртути: выньте ее из сосуда, где она хранилась, и она тут же разобьется на тысячи шариков, которые невозможно снова собрать вместе. Коснитесь одного шарика — и из него сразу получится десяток маленьких. Вот каков ваш рассудок — он разбит на тысячи кусочков, и каждый кусочек идет какой-то своей дорогой. Когда вы станете пробужденным — если такое случится — и заглянете внутрь себя, вы увидите, что одна часть вас направляется на восток, другая — на запад, третья — на север, четвертая — на юг. Одна часть хочет зарабатывать деньги, другая — двигаться по духовному пути, и так далее.

Однажды мулла Насреддин отправился в путь, чтобы найти себе жену-красавицу. Когда он женился и вернулся домой, его друзья поразились, увидев насколько жена муллы уродлива. Они спросили у муллы, что же произошло.

— Я влип, — попытался объяснить мулла. — Понимаете, у моего теперешнего тестя четыре дочери. Самой младшей — двадцать пять лет, и она красавица. Ей в приданое он дает 25 тысяч рупий. Мне показалось, что этого мало, и я спросил про остальных. Второй дочери тридцать лет, и ее приданое — тридцать тысяч рупий. Третьей — тридцать пять, ее приданое — тридцать пять тысяч рупий. А про самую старшую он мне долго не хотел говорить, но я сказал, чтобы он не тревожился и рассказывал все как есть. Ей пятьдесят, и приданое у нее — пятьдесят тысяч рупий. Не знаю, что на меня нашло тогда, но вот я и сижу теперь с этой старой мымрой. Я понял, какой я дурак, только по дороге домой.

Ум раздроблен, поэтому никогда не доверяйте уму. Одна часть ума стремится к красоте, другая — к богатству; вы идете за одной вещью, а приносите что-то совсем другое; вы пришли на эту землю, чтобы достичь чего-то одного, но вместо этого вы уносите с собой что-то иное. Не доверяйте уму, иначе никуда не попадете; вы рассыплетесь на маленькие частички, как капля ртути.

Если вы будете прислушиваться не к уму, а к внутреннему наблюдателю вы будете в силах помнить, зачем вы явились на этот свет, что вы хотите приобрести на рынке сансары. Именно это воспоминание станет вашей целью; вы сможете выкинуть те обрывки и ошметки, которыми заполнен ваш рассудок. Практиковать самоограничение — значит отделить зерно от соломы, провеять его, отпустить все ненужное и бесполезное, оставив нужное и достойное.

Ненужное — не жалко; оно никак не пригодится в жизни, не принесет покоя или радости. Оно не предназначено для того, чтобы раскрыть нам истину, но оно обладает собственной привлекательностью, возбуждает и искушает нас. Вы можете сказать себе: что плохого в том, что я ненадолго сойду с дороги и нарву цветов? Я всегда могу вернуться. Но, как только вы сойдете с дороги и сделаете первые шаги по направлению к цветам, вы увидите великое множество цветов впереди, и вы свернете с пути и будет блуждать, пытаясь поймать и сохранить очарование бранных вещей. Стоит только наклониться к цветам — и вы пропали!

Тысяча троп никуда не ведут, и только одна может привести вас туда, куда вам нужно попасть. Поэтому нужно обладать очень крепкой памятью, а для этого требуется непрерывное воспоминание. Много есть возможностей и уловок, чтобы сбиться с пути и потеряться, но к цели ведет единственный путь. Если хотите заблудиться, потеряться — пожалуйста, идите! Можно потратить несколько жизней, идя по неверной дороге. Именно это вы и делаете, и делали раньше, иначе не оказались бы сейчас здесь. Но единственный правильный путь существует.

Помните: истина одна, а неправд — бесконечное множество. Истина стоит того, чтобы достигнуть ее, а неправды стоят того, чтобы от них избавиться. Это похоже на детский лабиринт — много дорожек нарисовано, и только одна ведет к выходу, а остальные заводят в тупик.

Жизнь — такая же головоломка. Но детские лабиринты — плоские и умещаются на листе бумаги, а головоломка жизни не имеет ни начала, ни конца; именно поэтому и нужен гуру. Если вы попытаетесь разрешить загадку жизни на свой страх и риск, вы будете плутать в течение миллионов жизней.

Опасность в том, что вам может показаться, что нет выхода из путаницы мирского; вы столько раз безуспешно пытались вырваться, что могли отчаяться и оставить всякую надежду. Другая опасность — в том, что делая что-то столько раз подряд, мы достигаем определенного мастерства в этом деле. Даже неважно становится, что именно вы делаете; вы можете стать специалистом-заблуждальцем и заплутальцем, так что, выйдя на правильный путь, вы тут же и сойдете с него, чтобы продолжить блуждания.

Гуру — не кто иной, как тот, кто обнаружил дверь и может удержать вас от блуждания. Он предупредит вас, чтобы вы не шли по пути, который кажется многообещающим и привлекательным, но по сути является ложным. На нем вы можете достичь несказанного богатства, но что вы будете иметь в конце? Куда вы попадете? Вы расшибетесь о стену, только и всего. Что вам даст положение в обществе? В конце концов вы обнаружите, что совсем потеряли дорогу. Дорожите своей репутацией, оберегайте ее, сколько хватит сил, но чем вы будете обладать в конце? Те, кто воздают вам почести, сами ничем не обладают, так что они могут вам дать? Настолько вам ценно мнение недостойных людей? Чьего внимания и почтения вы жаждете — тех, у кого нет глаз, чтобы видеть? Даже если они падают ниц перед вами, многого ли это стоит? Это все, как пузырь: его ловишь, а он лопается.

Самоограничение — это горн

Нанак долго выбирал слово, чтобы описать самоограничение. Самоограничение — это не ложе из розовых лепестков; это пламя. Ум создаст вам ложе из лепестков и найдет тысячи оправданий для того, чтобы вы себя не ограничивали. Ум называет самоограничение страданием, а отсутствие ограничения — удовольствием. На самом деле все обстоит как раз наоборот.

То, что мы называем наслаждением, является страданием, потому что, чем больше вы наслаждаетесь, тем больше вы гниете заживо. Любое чувственное удовольствие в конце концов приводит вас в уныние и подавленность. После каждого наслаждения вы обнаруживаете себя немного более разрушенным телесно и духовно, немного уродливее и искривленнее. У вас едва ли было что-то, что вы могли бы назвать своим, но вы потеряли и то малое, что имели, и вы остались нищим, желая большего. А ум торопит вас в погоню за новыми и новыми наслаждениями, говорит, что время не ждет. Кто же знает, когда такая возможность снова представится?

Ум никогда не говорит: “Практикуй самоограничение! Кто знает, когда еще для этого представится время в этой жизни, или в других жизнях?” Ум никогда не торопит вас, не уговаривает идти быстрее по пути к истине, потому что время не ждет, — потому что он всегда озабочен только удовольствиями.

Попробуйте осознать, что ум всегда гонится за счастьем, а в результате имеет лишь несчастье. Похоже, что на двери к счастью написано: Скорбь и Страндание, а на каждой из дверей к несчастью написано: Счастье здесь! Ум читает надпись, заходит в эту дверь, а там — лишь скорбь и страдание.

Халил Джубран[32] сочинил прекрасную историю. Он говорит, что когда бог создал мир, он создал также богиню Красоты и богиню Уродства, и отправил обеих на землю. Дорога с небес на землю очень длинна, и они успели устать, не пройдя и половины пути. Они взглянули друг на друга и увидели, что одежды их так запылились, что с трудом можно отличить одну от другой. Поэтому они остановились у озера и решили выкупаться и постирать одежду. Рядом никого не было, поэтому они смело разделлись и зашли в воду. Богине Красоты очень понравилось в прохладной, нежной воде. Она заплыла далеко, а богиня Уродства в это время быстро выбралась на берег, схватила одежды богини Красоты и была такова.

Через некоторое время богиня Красоты, наплававшись в досталь и почувствовав, что слишком задержалась, вернулась к берегу — и что же она увидела? Ее товарка исчезла, забрав себе ее одежду! Богине Красоты ничего не оставалось, кроме как надеть одежду богини Уродства. “С тех самых пор, — говорит Джубран, — уродство разгуливает по нашему миру в одеждах Красоты, а красота — в одеждах уродства”.

Вот — именно то, что произошло. Страндание облачается в наряды счастья; ложь прикидывается истиной, и рассудок поддается на ее уловки. Он не видит, что скрывается под накидкой.

Самоограничение требует прежде всего, чтобы вы начали видеть страдание. Поначалу вам будет ужасно сложно. Как же сложно подняться в пять утра! Все тело сопротивляется этому, рассудок протестует и предлагает оправдания: “Сегодня слишком холодно, тебе нужно выспаться. Завтра рано встанешь”. Вы ничего не получите от того, что проспите еще некоторое время, но рассудок уговаривает вас, рассказывая, как же замечательно — поспать еще немножко!

Вы и представления не имеете о том, как прекрасно снаружи — солнце встает, поют птицы, раскрываются цветы, роса выпадает на листья — вся красота скрыта в раннем утре! Нет в течение всего дня момента прекрасней, свежее. Если вы пропустите утро, вы не сможете обрести ту свежесть в течение всего дня, но рассудок нашептывает обратное: “Останься в этом мире, отдохни еще в царстве забвения...” Кажется, так трудно проснуться, но только пробуждение может привести нас к счастью; во сне человек только теряет.

Поэтому Нанак и говорит, что самоограничение — это горн, в котором зол. >то становится чистым. Но вы должны быть готовы пройти сквозь пламя. Только пройдя сквозь сложности и трудности, человек может достичь высшего счастья. В вашей жизни тоже есть скорбь и страдания, но вы стремитесь уклониться от них; это — не самоограничение. Когда вы встречаете страдание с полным осознанием, когда вы принимаете ту досаду и боль, которые оно приносит вам, и когда вы смотрите на страдание как на путь, как на неизбежный горн, плавильную печь жизни, сквозь которую вам необходимо пройти, чтобы очиститься, — тогда меняется вся алхимия страдания.

Каждый проходит сквозь боль и печали, будь он мирской человек или саньясин. Но мирской человек стонет, рыдает и тоскует. Тот, кто встречает страдания с полным осознанием, принимая их, как они есть, превращает свое страдание в камень, которым он мостит свой путь, в

ступень, на которую он ступает и поднимается, и выходит за пределы страдания. Практиковать самоограничение — значит, принимать страдание как духовный путь.

Человек не должен покоряться страданию, наоборот, он должен превратить его в твердую опору и, наступив на него, подняться над ним. Потому самоограничение и сравнивается с горном, печью.

Терпение — золотых дел мастер

Когда золото помещено в горн, необходимо запастись терпением. Тот, кто нетерпелив,

потерпит неудачу; терпеливый добьется успеха. Если вы торопитесь, спешите избавиться от страдания, значит, вы не приняли его как духовный путь. Вы не понимаете всей славы страдания. Вы не знаете того, что, страдая, вы очищаетесь и освобождаетесь от всего, что не нужно и не стоит хранить. Вы еще не признали страдание своим другом. Только когда вы признаете его своим другом, вы достигнете самоограничения. Человек, который дружит со страданием, никуда не торопится. Он способен хранить терпение, а Бога можно достичь только терпением — бесконечным терпением. Достичь Бога — не пустяк, который просто необходимо совершить немедленно.

Вы сажаете семечко. Семена однолетних растений прорастают через две или три недели. На шестой неделе растение зацветет, а на исходе двенадцатой недели жизненный цикл растения завершится. Когда вы сажаете кедр, он может прожить сто лет, а может к четыреста. В Америке есть деревья, которым тысячи лет. Они растут так долго, что семечко остается в почве годами, прежде чем прорастет.

Низшие удовольствия в жизни легко достигаются, и исчезают скоро. Запомните эту закономерность: чем легче достигается, тем скорее теряется. Если вы хотите достичь Бога, вам потребуется бесконечное терпение.

И запомните вот еще что: чем более внимательно вы наблюдаете, тем скорее вы достигаете. Тише едешь — дальше будешь. Вы сами — причина вашей задержки. Почему так получается? Потому, что, чем вы терпеливее, тем глубже вы погружаетесь внутрь себя. Нетерпение свойственно людям мелким; это признак незрелости. Когда маленькие дети сажают семечко манго, они через час прибегают посмотреть, не проросло ли оно, откапывают, а потом снова закапывают. Через час опять откапывают, смотрят и закапывают. Так семечко никогда не прорастет.

Вы наверняка обращали внимание на то, как спокойны и терпеливы крестьяне. Городской лавочник гораздо суетливее. Чем дальше от города, тем спокойнее, умиротвореннее люди, потому что сама природа учит их терпению. Сегодня вы сеете, но урожай поспеет еще не завтра. Те, кто долго пробыл на природе и наблюдал за ее законом терпения, облетают покой.

Но тот, кто хочет пожать урожай бесконечности, должен вспахать и засеять поле Бога.

Отец Нанака постоянно говорил ему, чтобы тот прекратил бездельничать и сделал бы что-нибудь путное. “Хотя бы вспаши поле”, — говорил отец Нанаку.

— Этим я и занимаюсь, отец, — отвечал Нанак.

— Да какое поле ты вспахал?! Какой урожай ты когда собрал? Сколько ты в жизни заработал? Ты все время сидишь дома и палец о палец не ударишь.

— Ты прав, отец, — ответил Нанак, — ты всегда видишь, что я сажу дома. Поле, которое я обрабатываю, иное, и все, что я собрал и заработал — внутри меня. Я молю Бога, чтобы Он дал тебе увидеть, что я собрал. Я храню свой заработок, свой урожай, но он так тонок, что обычному глазу не увидеть его.

Тот, кто идет по пути религии, желает собрать урожай бесконечности, а для этого нужно бесконечное терпение. Это означает всего лишь отсутствие ожиданий. Нельзя спрашивать: “Когда я получу это”. Оставьте это Ему; это случится, когда на то будет Его воля. Когда бы это ни случилось, будьте готовы принять это. Пусть пройдут века, но не жалуйтесь: “Я ждал столько лет...”

Есть такая древняя индусская история:

Нарада, небесный вестник, направлялся однажды на небеса к богу Вишну. По дороге он встретил старого саньясина и спросил:

— Я иду к Богу. Ты не хочешь ему что-нибудь передать?

— Когда встретишь Его, спроси Его, сколько мне еще ждать. Я уже три перерождения как саньясин.

Нарада сказал, что обязательно передаст. Он прошел еще сколько-то и встретил другого саньясина, молодого. Он сидел под деревом и играл на однострунном инструменте. Нарادا в шутку спросил его:

— Ну что, брат, не хочешь ничего Богу передать? Я иду к Вишну.

Молодой человек продолжал петь, не открывая глаз. Нарада потряс его за плечо и снова задал свой вопрос.

— Нет, брат, — ответил молодой саньясин, — мне нечего просить и не о чем спрашивать. Все мои желания Он предугадывает. Не беспокой Его упоминанием обо мне. У меня есть все, чего я только могу пожелать, и даже более того! Если можешь, передай Ему мою благодарность.

Когда Нарада вернулся с небес и встретил старого саньясина, он сказал:

— Прости меня, брат, но Вишну сказал: “Сколько листьев на этом дереве, столько раз надлежит ему родиться, прежде чем он достигнет желаемого”.

Старый саньясин был просто в ярости. Он порвал книгу, которую читал, отшвырнул мала и закричал:

— Какая несправедливость! Третью жизнь подряд я исполняю обеты, мучаю себя, и еще столько перерождений! это невозможно!”

Нарада пришел к молодому саньясину, который сидел под деревом.

— Ты не просил об этом, но я все же спросил Бога о том, как долго тебе ждать, пока ты достигнешь желаемого, и Он сказал: “Сколько листьев на этом дереве, столько раз надлежит ему родиться, прежде чем он достигнет желаемого”.

Молодой человек вскочил с места и заплясал от радости.

— Так скоро?! Как же высоко он ценит меня! Взгляни на землю! Видишь, сколько на ней опавших листьев, а сколько листьев вон на тех деревьях! А Он сосчитал для меня листья на одном этом дереве! Всего лишь столько перерождений? Как чудесно! Я недостойн этого. Как мне вынести Его благоволение? Как мне выразить мою благодарность?

Он потерял рассудок от радости и плясал вокруг дерева и вокруг Нарады. Он не мог сдерживать радости. История повествует о том, что вот так, радуясь, он достиг самадхи и покинул тело. То, что должно было случиться через бесчисленные годы, случилось сейчас же. Тот, кто обладает подобным терпением, достигает желаемого немедля.

Терпение — золотых дел мастер;

Рассудок- наковальня; знание — молот

Мы можем использовать рассудок, интеллект двумя способами. Мы уже умеем использовать его как рюкзак, но не как наковальню. Мы пихаем в него информацию, как тряпичник — отрепья в свой мешок. Мы читаем скрижали и слушаем духовных учителей. Все, что мы получаем, неважно, из какого источника, мы запикиваем в этот мешок, мощну нищего. Там у нас все: скрижали, наставления учителей, газеты, Веды, реклама по радио, песни из кинофильмов. Если кто-нибудь вас обижает, вы втискиваете в ваш мешок и обиду. Если кто-нибудь дает вам мантру, чтобы вы повторяли ее, вы храните ее в том же мешке. Ваш рассудок — такой мешок, в котором мантры перемешаны с непристойностями. Веды затеряны среди повседневных новостей. И мы все время таскаем этот мешок за собой.

Мы называем это памятью. Это не склад знаний, это помойка. Истинное знание — то, которое мы извлекаем из нашего собственного опыта. Рассудок полон позаимствованной информации; все, что он содержит — не первой свежести, иначе говоря, тухлое. Но Нанак говорит, что рассудок — это наковальня, а знание — молот.

Нанак говорит, что знание — это удар молота. Когда бы вы ни узнали что-нибудь, каким бы незначительным ни было это знание, вас каждый раз пробирает до мозга костей. Поэтому вы избегаете знания, потому что мы не хотим переживать вновь потрясение знанием. Вместо этого мы просто-напросто собираем информацию, потому что от этого не бывает никаких потрясений. В шастрах вы читаете: “Бог есть предельная истина”. Ну и что? Вы где-то прочитали: “Медитация — это путь”, заучили наизусть и теперь всем рассказываете. А толку?

Маленькая девочка играла во дворе, когда ее мама позвала ее с верхнего этажа — мыться. Девочка не хотела бросать игру. Бабушка, которая грелась на солнышке на том же дворе, много раз говорила своей дочери — маме девочки: “Пусть играет, потом ее вымоешь”. Но мама девочки была тверда. Наконец девочка оставила свою игру и стала подниматься по лестнице.

Когда она добралась до матери, то сказала ей: “Вот странно, ты мне всегда говоришь: “Слушайся маму”, а свою маму не слушаешься?”

Вы когда-нибудь обращали внимание на то, какие советы даете окружающим. Нет, это просто тухлятина, которую вы передаете другим. Передали — и сами избавились от нее. И все. Вам это не помогло, и другим не поможет.

Люди с такой легкостью раздают советы, и так редко их принимают! Знание распространять все горазды, а кто берет его? Напротив, вы стремитесь избегать тех, кто хочет передать вам знание, потому что вам скучно с ними. Они перекладывают в мешок вашего рассудка содержимое своего мешка, весь мусор, который там скопился. Больше, собственно, он им ни для чего не нужен.

Настоящее знание оказывает воздействие; человек выносит его из опыта, из самой жизни. Когда вы бросаетесь, прыгаете в реальность, рождается знание. Оно не из скрижалей и чьих-то слов. Опыт — это удар молота, поэтому мы избегаем его, стремясь спасти с вою шкуру.

Гурджиев имел обыкновение сравнивать наши знания с буферами поезда или рессорами автомобиля. И те, и другие смягчают удар. Когда есть внешнее воздействие, наши знания устраняют шок, потрясение, в то время как истинное знание и есть потрясение.

Когда умирает близкий вам человек, вы говорите: “душа бессмертна”. Это знание само по себе никогда не потрясло вас. Вы используете его как амортизатор. Мудрецы и подвижники, провозгласившие эту истину о бессмертии души, практиковали самоограничение. Они прошли через множество печей, сквозь пламя. Это знание было для них, как молот, бьющий по наковальне. Это знание разбило, расплющило их; можно сказать, это знание раскололо им черепа. Их эго превратилось в пыль. Это знание разорвало все их связи с плотью. Оно заставило весь мир вокруг них кружиться и рассыпаться на кусочки. Именно это знание сделало их саньясинами. Это знание возвысило их над всеми остальными, так как им теперь нет равных. Оно с корнем вырвало их из сансары. Оно пришло, как ураган, подхватило их и унесло прочь.

А что ваше знание сделало для вас? Оно подобно колыбельной песне. Когда вы не спите, вы начинаете напевать себе под нос свое знание, и засыпаете. Когда кто-то умирает, вы стараетесь смягчить этот удар, потому что боитесь смерти. А могло случиться и так, что смерть кого-то из близких могла стать полновесным переживанием для вас, и через это вы достигли бы истинного знания. В таком случае, смерть становится молотом, а вы — наковальней; и когда удар настигает вас, вы можете проснуться.

В этом мире никто не просыпается, если его не ударить. Вы окружили себя амортизаторами со всех сторон, вам там внутри безопасно. Ничто не может коснуться вас.

Кто-нибудь умирает, и вы говорите: “душа бессмертна”. Вы видите нищего у дороги и говорите: “Бедняга. Он расплачивается за свои прежние прегрешения”. Нет, чтобы дать ему какие-то несчастные две пайсы! Вам просто необходимо верить, что он расплачивается за свои прежние прегрешения, иначе бы вы почувствовали себя отчасти ответственными за то, что происходит, а это было бы ударом для вас, поэтому вы создаете амортизатор. Вы говорите: “Бедняга, ну что же, сам виноват”, — и идете своей дорогой. Его бедственное положение не тревожит вас, не беспокоит, не служит пищей для размышления.

В этом вы достигли многого. Ваша хитрость не знает границ. Подвижники обретают знание под воздействием происходящих событий, а вы используете то же самое воздействие как амортизатор. Что бы ни случилось, вы защищаете себя. Вы тратите множество усилий на то, чтобы защитить эго, а как раз эго-то необходимо разрушить.

Рассудок — это наковальня, знание — это молот

Но куда опустится молот, на чью голову? Знание создастся в вас только если вы поместите самое себя между молотом и наковальней, только тогда, когда вы разлетитесь на кусочки. Но вы придумываете тысячи способов уберечься от этого.

Однажды рано утром я зашел к Насреддину. Он сильно кашлял. Язык его едва помещался во рту; он хрипел и задыхался. Доктора раз за разом говорили ему, чтобы он бросил курить, но он не делал этого.

— Почему же ты не бросишь курить, мулла? — спросил я, — Сам видишь, что эта привычка с тобой делает.

— Раз ты спросил, и раз ты мой хороший друг, — ответил он мне, — я расскажу тебе.

Он прошептал мне в самое ухо:

— В прошлый раз, в тот самый день, когда я пытался бросить курить, началась вторая мировая война. Если бы не это, разве бы я не бросил?

Полюбуйтесь на эго этого человека! Он способен развязать мировую войну! Вы создаете для своего эго разные способы. Вы дорассуждаетесь до того, весь мир готов явиться по вашему зову; вы — правитель, и если вы погибнете, разрушится весь мир. Как же он сможет без вас? Войны начинаются или завершаются в зависимости от того, курите вы или нет! Оглянитесь, и вы обнаружите множество подобных историй о вас самих.

Нанак говорит, что знание — это молот. Не используйте свой рассудок как мешок, иначе он будет все расти и расти, а вы — все уменьшаться, и в какой-то момент вы сами в нем потеряетесь. Вы погибнете под его тяжестью; так умирают пандиты, раздавленные грузом собственного знания.

Превратите свой рассудок в наковальню, и любое жизненное впечатление, любой удар будет полировать его, так что он заблестит ярче. Если вы спросите золотых дел мастера или простого кузнеца, они расскажут вам, что молоты, бывает, ломаются от удара, а наковальня остается невредимой. Она даже ярче блестит от того, что ломается молот.

У Лао-цзы спросили, почему же наковальня не ломается. Он ответил, что это происходит потому, что она сносит, выдерживает удары, а молот ломается, потому что наносит удар. Агрессия всегда уничтожает сама себя. Не стоит переживать по этому поводу, просто развейте в себе способность стойко переносить удары. Любая агрессивная ситуация, которая направлена на то, чтобы разрушить вас, в результате сделает вас только сильнее и крепче. Спросите ювелира, и он расскажет, сколько сломалось молотов об одну наковальню. Вы можете думать, что после стольких ударов наковальня сломается, но ломается все же то, что наносит удар, а то, что

выдерживает воздействие, остается невредимым. Секрет — в самой наковальне.

Нанак говорит, рассудок — наковальня, так, что рассудок не сломается. Не бойтесь, сделайте его чувствительным к ударам опыта. Пусть нанесет столько ударов, сколько жизнь сочтет нужным обрушить на вас и таким образом вы очиститесь. Превратите свою жизнь в приключение. Не убегайте оттуда, где, как вы думаете, вас могут ударить. Тот, кто покидает поле битвы, уже потерпел поражение; он не принял вызов. Его наковальня заржавеет, даже если он будет сидеть на вершине Гималаев. Не будьте трусами и дезертирами, принимайте вызовы жизни!

Поэтому я не называю саньясином того, кто убежал и спрятался от жизни. Он скрылся от молота, и его наковальня обязательно заржавеет. Поглядите на наших саньясинов, которых полно в Гималаях. Вы не встретите там и проблеска интеллекта; они заржавели. Если у вас есть глаза, чтобы видеть, вы поймете, что их знания и понимание практичен и полностью иллюзорны; они будто умерли. Светильник жизни не сияет в них так, как должен сиять; у них внутри все скучно и уныло. Борьба, преодоление и напряжение необходимы, чтобы вспыхнул цветок жизни, потому что они — его почва, его вода, его удобрение.

Рассудок — это наковальня, знание — это молот

Каждый раз, когда молот ударяет по рассудку, от удара возникает ясность, знание, как молния в ночи. Не пропустите его, хоть вы и дрожите от страха. Вспышка осветит все вокруг на обширном пространстве, и на мгновение станут ясно видны все дороги.

Каждый удар знания подобен молнии. Молния возникает, когда в облаках возникает напряжение. Так же, когда есть напряжение в жизни, возникает озарение. Так что не бегите от тех ситуаций, которые предлагает вам жизнь. Остановитесь; пройдите сквозь них. Так вы обретете зрелость и мудрость, и только на основе этого может возникнуть понимание.

Нанак никогда не советовал своим ученикам бежать из сансары, потому что это значило бы убежать ото всех молотов, создающих в нас знание. Если вы убежите от жены, вы останетесь ребенком; рост и зрелость обретаются в трениях, которые возникают между вами. Убегите от своих детей, и вы лишитесь возможности научиться проявлять твердость и настойчивость.

Вы обращали внимание, насколько меняется женщина, когда она становится матерью? Рождается не только ребенок; одновременно рождается и сама мать. До этого она была обыкновенной женщиной; теперь она обрела особенное качество, которого бездетной женщине не воспринять вовек. Когда рождается ребенок, молодой человек, который до этого был просто мальчишкой, становится отцом; в отцовстве — зрелость и твердость. Мысль о том, что теперь ты — отец, само состояние отцовства — это начало абсолютно нового опыта. Не убегайте от него. Заходите во все двери, которые жизнь открывает перед вами.

Поэтому Нанак никогда не советовал своим ученикам уходить в джунгли, но увещевал их остаться в миру, чтобы молот попадал по наковальне. Учеников Нанака это не должно было смущать.

Страх — это мехи, строгость — пламя.

Страх можно использовать двумя путями. Первый способ — это убежать прочь, как только

появляется страх. Вы верите в правоту страуса и прячете голову в песок. Как же вы будете развиваться и расти, если страх обращает вас в бегство? Страх — это предоставленная вам возможность. Основной страх — это то, что ваше существование может прекратиться! Но если вы не готовы к тому, чтобы исчезнуть, как же Бог может ворваться в вашу жизнь?

На самом деле, мы не боимся ничего, кроме смерти, и любой наш страх — это страх смерти: а может, я умру от этого и меня не станет?! Тот, кто не готов умереть, ж может войти в Бога или в молитву.

Другой способ обойтись со страхом — это поддаться ему. Принять существование смерти; не отводить от нее взгляда. В день, когда вы сможете взглянуть в лицо смерти, вы увидите, что она исчезнет, растворится, канет в Лету. Вы никогда не встречали смерть лицом к лицу, и потому она существовала для вас. Так исчезают все страхи в этой жизни, если вы взглянете на них с полным осознанием.

Нанак говорит, что страх — это мехи. Не бойтесь бояться, потому что, чем дальше вы бежите от опасности, тем ужаснее она вам представляется. Строгость вашей жизни, ваше пламя уменьшается до того предела, который опасность оставляет вам. Где бы вы ни встретились со страхом, примите его вызов и вступите в него. Так рождается воин. Где опасность, там и он. Смерть рыщет где-то; воин принимает ее приглашение. Воин идет в самое сердце опасности. Чем глубже вы проникаете в страх, тем более бесстрашным вы становитесь; чем больше вы убегаете от страха, тем больше он одолевает вас.

Тот, кто научился правильно использовать страх, превратил его в кузнечные мехи. И каждое мгновение страха усиливает в его жизни пламя строгости и простоты. Подвижник испытывает страх, но он преобразует свой страх в подвижничество. Теперь он боится только Бога, и этот страх помогает ему поддерживать самоограничение и уравновешенность. Страх помогает ему управлять жизнью так, чтобы не пойти по ложному пути. Это — не обычный страх. Обычно, когда вы боитесь кого-то, вы делаете его своим врагом. Божий страх чудесен, уникален. Чем больше вы боитесь Бога, тем больше вы любите Его.

Вы беспокоитесь, как бы не разминуться с Ним, не упустить Его присутствие даже на долю секунды. Только страх указывает на то, что вы можете сбиться с пути. “Господи, не дай мне заблудиться! Пусть Твое воспоминание никогда не покидает меня. Только Твое благоволение может поддерживать постоянным мое воспоминание. Взыскую Тебя, Господи, но что я могу без Твоей помощи?” Этот страх отражает нашу беспомощность, нашу бедность.

Подвижник обращает страх в молитву. Он не бежит от страха. Каждый страх, каждую опасность подвижник превращает в молитву. Когда страх охватывает его, он воспринимает это как приглашение на молитву.

Нанак говорит, аскеза, простота и строгость — это пламя. Всякий раз, когда вы заканчиваете работу, которую сделали с полной отдачей и решимостью, в нас возникает чудесный жар. Неважно становится, насколько значима работа. Вот что означает строгость.

Допустим, вы решили сегодня поститься. Не ради того, чтобы попасть на небо; если бы постясь, можно было попасть на небо, это было бы очень просто. Вы собираетесь поститься не ради того, чтобы тем самым сделать доброе дело. Ваш пост вовлекает переживания решимости и

строгости. Вы решились не есть сегодня. Когда придет время еды, тело предъявит свои ежедневные требования. Вы будете слышать его голодные вопли и не оставите их без внимания. Вы не станете отрицать голод, но скажете телу: я согласен, что ты хочешь есть; время кормить тебя, но сегодня я решил остаться голодным. Извини, придется тебе обойтись без еды.

Вы не откажетесь от своей решимости ради тела. Это требует значительной степени осознания. Тело по-своему право, но сегодня вы решили следовать своему намерению. Что это означает? Это значит, что вы помещаете себя над собственным телом. Вы становитесь больше, чем просто ваше тело; вы заставляете тело слушаться вас. Ум будет думать о еде, но вы скажете ему: “Все в порядке. Думай, сколько тебе угодно, но я буду просто наблюдать за этим, и не присоединюсь к тебе. Я пребуду в своем намерении”. И тогда вы испытаете жар, огонь, особый род энергии, который возникнет в вас, а прежде был вам неведом. Эта сила рождается через овладение намерением. Вы теперь становитесь хозяином самому себе.

И на следующее утро вы проснетесь совсем другим человеком. Вы поймете, что вы способны подниматься над собственным телом.

Новый опыт — вы способны, оказывается, подняться и над умом. Вы получите отблеск опыта, что вы не являетесь ни умом, ни телом.

Вот что есть аскеза. Она нужна не для того, чтобы достичь спасения или подняться на небо. Строгость, аскеза нужны для того, чтобы понять, что наша жизнь, наше сознание лежат вне пределов тела и ума. Тот, кто таким образом поднимется над телом и умом, обнаружит, что перед ним открылась дверь в прекрасное.

Когда Нанак говорит, что страх — это мехи, а аскеза, строгость — это пламя, это означает, что ни от чего в жизни не следует уклоняться, а всему надо находить применение. Для каждой вещи существует правильное применение. Нет в жизни ничего, что нельзя было бы использовать для роста и развития. Сексуальная энергия преобразуется в воздержание, гнев — и сострадание, страх становится молитвой, страдание — покаянием. Что для этого требуется, так это художник, обладающий необходимыми умениями. Иначе жизнь — ваши царские владения — становится вашей тюрьмой. Все зависит от вас.

Все необходимое уже присутствует в вас. Все, что вам нужно, — это определенное искусство, чтобы правильно соединить компоненты между собой. То, что собирает их воедино, известно как самоограничение. В вас есть все, но вы никогда не соединяли имеющиеся части в правильной комбинации, не настраивали их на правильный лад. Они все лежат в вас мертвым грузом, и вы не знаете, что с ними делать. У ваших ворот в луже лежит камень; досадная помеха, думаете вы. А другой человек наступит на этот камень, использует его, чтобы перебраться на другую сторону улицы. Все заключено в вас самих. Бог дал человеку все необходимое, но свобода, возможность собрать, построить самого себя, чтобы использовать Его дары, — принадлежит самому человеку.

Если вы посмотрите внимательно, вы увидите, что у вора, преступника, грешника есть все те же черты, что и у добродетельного, хорошего человека. Все различие в том, что именно каждый из них собрал из имеющихся деталей и как он это использует.

Вор ночью пробирается в чей-то дом. Это не простое дело. Ему тоже приходится справляться со

страхом. Он входит в совсем чужой дом так, как будто ему не о чем беспокоиться. Он делает в стене дыру и пролезает в нее. И все это — абсолютно бесшумно! И он входит, бдительный, с полным осознанием. Это чужой дом, его здесь не ждут, поэтому ему приходится передвигаться в темноте, причем так, чтобы ничего не задеть, не уронить и тем не разбудить хозяев.

Учителя Дзен говорят: “Если хочешь войти в дом Бога, стань взломщиком”. Вам понадобится такая же бдительность, как и вору. Вам тоже надо преобразовать свой страх, и войти, как входит вор, как будто это ваш собственный дом.

Есть такая дзенская история:

Жил однажды знаменитый вор, которого сами вору считали лучшим из лучших. Он был настолько умен и ловок, что его никогда не могли ни поймать, ни уличить, хотя все знали, что он — вор. Молва об этом дошла даже до ушей царя, и он призвал вора к себе и наградил за чудесные умения.

Время шло, и однажды сын вора сказал:

— Отец, пришло время научить меня твоему искусству, а то кто знает, когда может придти смерть?

— Если хочешь научиться, — ответил вор, — что ж, я буду учить тебя. Пойдешь со мной завтра ночью.

На следующую ночь отец с сыном пошли на дело. Отец проламывал стену, а сын наблюдал. Вор был настолько поглощен своим занятием, что никакой художник не мог бы сравниться с ним. Он потерял себя в работе, будто в молитве. Сын стоял, благоговей перед мастерством отца. Это был великий вор, наставник многих воров.

Стояла теплая ночь, но сын вора дрожал с ног до головы. Страх накатывал на него, и по коже бегали мурашки. Взгляд его перескакивал с предмета на предмет, он смотрел как будто во все стороны сразу, а отец его ни разу не поднял головы от своей работы. Когда они пролезли в дыру, сын вора дрожал, как осиновый лист; никогда в жизни не испытывал он такого страха, а отец шел по дому так, как будто прожил в нем всю жизнь. Он вскрыл замок большого комода, где было полно всякой одежды и драгоценностей, и велел сыну влезть внутрь.

Только сын влез в комод, как отец запер его, взял с собой ключ и выбежал из дома с криком: “Держи вора!”. Все проснулись. Сын вора никогда в жизни не попадал в такую переделку. Что он мог сделать? Он с ужасом думал о следах и о дыре в стене. В этот момент служанка пошла прямо к комоду. Бедный мальчик со страху совсем перестал думать. Ум в таких ситуациях отказывает, потому что в нем полно залежалых знаний, которые не помогают справиться с новыми ситуациями. Мальчик никогда не слышал о том, чтобы вот такая ситуация возникла, за всю историю воровства. Рассудок стал бесполезен.

И в тот момент, когда рассудок стал бесполезен, пробудилось осознание. Внезапно, когда эта энергия охватила его, сын вора стал издавать звук, как будто крыса скребется и грызет одежду. Он не ожидал от себя такого; он никогда не проделывал этого прежде. Служанка

принесла связку ключей и отперла комод. Сын вора тут же задул светильник, который она держала в руке, отпихнул ее и выбрался из дома сквозь дыру в стене. Десять или двадцать человек погнались за ним. Шуму было — вся деревня проснулась. Сын вора побежал, спасая свою жизнь, так, как еще никогда не бегал. Он даже не понимал, что это он бежит.

Внезапно, пробегая мимо колодца, он поднял здоровый булыжник и швырнул его в колодец — сам не имея ни малейшего представления о том, что делает. Ему казалось, что это не он делает, а кто-то направляет его. Услышав всплеск, толпа собралась вокруг колодца, думая, что вор провалился в него.

А вор прислонился к дереву, чтобы перевести дух, а потом направился домой, бормоча себе под нос. Когда он вернулся, он обнаружил, что отец крепко спит, укрывшись одеялом с головой. Сын поднял одеяло и спросил отца:

— Ты что делаешь?

Отец продолжал храпеть. Сын резко встряхнул его.

— Ты что натворил? Ты хотел, чтобы меня убили?

Отец на минуточку приоткрыл глаза и сказал:

— А, это ты? Вернулся? Молодец! Остальное расскажешь утром, — и опять улегся.

— Отец, ну скажи что-нибудь, — умолял его сын. — Спроси, через что мне пришлось пройти, а то я не смогу уснуть.

— Теперь ты сам все знаешь, — сказал отец, — тебя и учить не нужно. Ладно, рассказывай, раз уж тебе нейдет.

Когда сын рассказал все, что произошло, отец сказал:

— Хватит! Теперь ты знаешь и умеешь даже то, что невозможно передать в обучении. Недаром ты мой сын! Моя кровь течет в твоих жилах. Тебе известен секрет. Если вор использует свой рассудок, он попадает. Необходимо оставить рассудок позади, потому что каждая ситуация — абсолютно новая: ты идешь в новый дом, крадешь у другого человека. Превыполни опыт никогда не применим, его невозможно использовать. Воспользуйся рассудком и попадешь в беду. Положись на интуицию — и все получится.

Мастера дзен всегда рассказывают эту историю. Они говорят, что медитация подобна квартирной краже — вам нужна такая же бдительность, как вору. Необходимо отставить в сторону свой рассудок и ввести в игру осознание. Где есть страх, там с необходимостью возникает осознание. Где есть опасность, там исчезают мысли и вы обретаете абсолютную бдительность, пробужденность.

Нанак говорит, что страх — это мехи, так что пользуйтесь страхом. Вам страшно — проснитесь! Не защищайтесь от страха. Но что делаем мы? Где бы мы ни чувствовали опасность, мы принимаем меры предосторожности; берем с собой в опасное место оружие или телохранителей, или выстраиваем вокруг себя прочные стены, чтобы никто не пробрался к нам.

Мы строим укрепления против страха.

Это еще больше истощает наше сознание. Мы и так почти ничего не чувствуем, не воспринимаем, а все эти укрепления делают нас еще более бесчувственными; поэтому, чем больше у человека защит, тем он глупее. Среди богачей едва ли встретишь умного человека. У богача есть все средства защиты, поэтому нет необходимости использовать мозги. У него есть слуги; они делают за него все то, что он должен был бы сделать собственной головой.

Вот почему дети из богатых семей часто оказываются тупицами. Самое лучшее, на что они способны — это посредственность. Вы не найдете в них ни света сознания, ни остроты понимания, и никогда не встретите среди них сверкание гения. Это их слуги обязаны быть смыслеными, толковыми и находчивыми, но самому хозяину зачем же быть таким?

Нанак говорит, чтобы мы превратили страх в кузнечные мехи. Просыпайтесь в страхе; это прекрасное состояние. Вы дрожите, ваши волосы стоят дыбом. И в это время, когда все тело дрожит, осознание должно быть крепко и неподвижно, как пламя, которое невозможно задуть. Вот тогда страх становится мехами.

Аскеза, строгость — это пламя. Всякий раз, когда в жизни вам встречается страдание, используйте его, как духовное упражнение, аскетический подвиг. Примите ваше страдание полностью, открыто и решительно. Когда вы заболели, примите болезнь. Не боритесь с ней. Тогда вы обнаружите, что не только тело чувствует себя лучше, но и ум здоровеет, обретает доселе неизвестное качество. Не боритесь с болезнью, взгляните ей прямо в лицо и скажите: “Ты пришла? Добро пожаловать!” Не ссорьтесь с ней, не избегайте ее. Не загружайте ваш ум другими вещами, иначе упустите возможность. Любая жизненная ситуация, в которой мы оказываемся, может стать для нас путем к Богу. Запомните: каждое событие — это шаг в сторону Его двери. Если вы знаете это, вы сумеете этим воспользоваться.

Переживание — это тигель, в который стекает нектар.

Нанак специально придает особое значение не мыслям, но переживанию. Переживание, опыт — это осознание помимо мыслей. Мысли проплывают в уме; чувство сила сердца. Переживание не руководствуется логикой; такова любовь, такова она в самом сердце. Она не вписывается ни в какие вычисления и расчеты. Это — состояние полноты проживания, экстаза, опьянения. Когда вы живете на уровне своих чувств, вы едины со вселенной. Мысли — ваш самый поверхностный слой, как забор вокруг вашего дома. Это даже не часть дома, это внешняя граница, барьер, чтобы не пускать чужаков внутрь. Это не вы. Вы — это каши чувства, переживания.

Но мы привыкли бояться своих чувств. Мы их заперли, связали, или даже избавились от них совсем. Мы никогда не прислушиваемся к собственному сердцу. Мы слушаем только рассудок, и как он скажет, так мы и делаем. И куда же вас ведет ваш рассудок? Это — самая мелкая область в вас, поэтому он ведет вас к самым поверхностным вещам. Вот почему вы стремитесь к богатству, собираете весь этот мусор, и так беспокоитесь о своей славе и общественном положении.

Отойдите в сторону от мыслей и углубите свои переживания. Это непросто. Как можно погрузиться в переживание? В древние дни индусы вставали на рассвете и кланялись восходящему солнцу. Они смиренно принимали всю благодать, все благоволение солнца. Они

возносили ему молитвы, благодаря за то, что оно изошло снова и подарило им еще день, полный света; значит, распустятся цветы, птицы вновь будут петь и история жизни продолжится. Они отдавали солнцу земной поклон и благодарили его за явленную доброту. Сложив руки, они принимали в себя солнечный свет, и сердца их трепетали от неизреченной благодарности.

Спускаясь к реке, они кланялись ей, прежде чем войти в воду; тем самым они устанавливали эмоциональную связь с рекой. Река может омыть тело, но нечто другое очищает нас изнутри. Река чиста, она принадлежит Богу, — и это чувство усиливалось еще и внутри.

Когда они садились есть, они в первую очередь вспоминали о Боге, ставили для Него отдельный прибор, и сами принимались за еду только после того, как предлагал!»! Ему. Индусы называли это “брахма”, потому что она дает жизнь. Они обратили все в памятование о Боге. Они постарались сделать так, чтобы все вокруг напоминало им о Нем. Поэтому всегда, — и когда они спят, и когда стоят, идут, работают, — они помнят о Нем.

А мы отвернулись, отказались от всего этого. Мы говорим: купание в реке — ну и что? Это всего лишь вода, просто H₂O. Где здесь Бог? Вы кланяетесь солнцу, но оно есть не что иное как огненный шар. Кому вы кланяетесь? Если река — всего лишь вода, а солнце — всего лишь пламя, то где нам найти Бога? А жена ваша, сын, — они тогда что такое? Совокупность мяса и костей? Тогда о каких чувствах может идти речь?

Чтобы пробудить, углубить собственные чувства, нужно воспринять мир полным сознанием. Видимым все не исчерпывается; внутри скрыто больше, гораздо больше. Глубина переживания означает, что у вселенной есть индивидуальность, есть душа. Ребенок, конечно, представляет собой совокупность мяса и костей, но в нем все же что-то воплощено. Через него Бог пришел на землю. Бог гостит в этом доме.

Дерево есть дерево, это правда, но в дереве есть нечто, что заставляет его расти и развиваться. В дереве есть некто, нечто, что способно испытывать радость и печаль. У дерева тоже бывают разные настроения, разный опыт и переживания. Дерево спит и бодрствует. Последние открытия науки показали, что деревья чувствуют, почти как люди, у них глубокий опыт и глубокие переживания. Камни и скалы тоже способны чувствовать.

Все вокруг обладает восприимчивостью. Только человек утратил свою восприимчивость, свои чувства; поэтому мир представляется ему таким мрачным и печальным. Без радости и веселья мир кажется никчемным местом. Когда углубляются ваш и переживания, мир преобразуется. На самом деле мир все тот же — это вы изменились.

Переживание — единственный сосуд, в который может быть налит нектар. Если вы ничего не чувствуете, не ощущаете, вы лишаете себя Бога. Единственное препятствие на пути к пробуждению чувства — это то, что чувства совершенно противоположны рассудку. В мире сансары рассудок полезен, а чувства — нет. Если ваша цель — скопить богатство, вы не можете позволить себе отвлекаться на какие-то переживания, иначе потерпите крах. Если хотите добиться успеха в политике, чувства вам ни к чему, потому что политику необходимо быть абсолютно бессердечным и жестоким. Ваши помыслы должны быть экспансивными, агрессивными; тишина и умиротворенность здесь не ценятся. Вы должны будете совершенно забыть о том, что у вас есть сердце.

Я слышал, в ближайшем будущем части человеческого тела можно будет купить так же, как сейчас мы покупаем запчасти для автомобилей. Уже сейчас существуют банки-хранилища крови, глазных яблок, почек.

И вот однажды в будущем случилось так, что у одного человека барахлило сердце и он захотел заменить его. Он отправился в банк-хранилище сердец и попросил показать ему несколько. Сердец было много: сердце рабочего, сердце крестьянина, сердце математика, сердце политика... Последнее было самое дорогое.

— Почему оно столько стоит? — спросил покупатель.

— Новехонькое! — ответил продавец. — Предыдущий хозяин никогда им не пользовался.

И, думая, что у покупателя мало денег, продавец вынул другое сердце:

— Вот, — сказал он, — самое дешевое, что у меня есть. Видите, оно сильно поношенное, долго было в употреблении. Это сердце поэта.

Политику такой опасный орган был ни к чему.

Начните использовать свое сердце постепенно — только так это и можно сделать. Запомните одно — отставьте мысли и впустите переживания. Сядьте подле дерева, взгляните на цветок, не думая о том, роза это или лютик. Что толку в названии? Не думайте о том, большой он или маленький. Вам-то какое до этого дело? В каждой цветке скрыта незримая красота. Впустите ее в себя, но не размышляйте о ней. Просто сядьте рядом с цветком и будьте его очевидцем.

Вскоре вы обнаружите, что процесс, который сейчас начался в вашем сердце, остановил другой процесс, до сих пор протекавший в вашем уме. Это потому, что энергия может перемещаться только в одном направлении. Только вы будете знать тот трепет, который чувствует ваше сердце; никто другой никогда не узнает о нем, никому невозможно рассказать о нем. Представьте, что немой съел конфету; как бы он мог рассказать другим, какой у конфеты был вкус? У сердца нет языка, на котором оно могло бы разговаривать

Сидите подле цветка, слушайте пение птиц. Прислонитесь к стволу дерева и ощутите, какой он шершавый. Прилягте на землю и почувствуйте, какая она прохладная. Присядьте под водопадом, пусть вода стекает по вашему телу. Пусть это прекрасное ощущение проникнет глубоко в вас. Обратитесь лицом к солнцу, закройте глаза и почувствуйте, как его лучи касаются вас.

Надо всего лишь чувствовать. Не надо думать о том, что происходит. Пусть придет, что придет; позвольте вашему сердцу заходить в экстазе. Вы вскоре обнаружите некое движение, которое начнется в вашем сердце, как будто некий механизм, который до этого с пал, проснулся и начал работать. В вашей жизни зазвучит новая музыка. Центр вашей жизни сместится, и на новый центр прольется божественный нектар.

Монеты Слова чеканятся на монетном дворе истины.

Под Словом Нанак подразумевается Омкар. По мере того как правдивость наполняет вашу жизнь, Омкар образует в вас литейную форму, и вы вливаетесь в нее. Вы причиняете другим ущерб

своей ложью, но величайший вред наносится тем, что ложь не дает вам с гать монетным двором истины, где чеканятся монеты Слова, где создается высшее переживание жизни.

Только те могут преуспеть, кому благоволит Господь.

После каждой строфы Нанак напоминает нам, что, когда что-то происходит, когда на нас нисходит благодать, это — не наша заслуга. Не гордитесь, не думайте: “Я — великий подвижник”, или “Мое сердце столь восприимчиво...”, или “Я так аскетичен и строг!” Это не поможет. С этой задачей способен справиться только тот, с кем пребывает Его благоволение.

Нанак говорит: один Его сочувствующий взгляд возвышает искателя.

Символы, которые подбирает Нанак, бесценны. Он обрел их на пути очень глубокого переживания. Он говорит, что наставник подобен ветру: увидеть его нельзя, можно лишь почувствовать. Те, кто пытаются увидеть его, ничего не достигнут: кто способен увидеть ветер? Вы можете испытать его воздействие, почувствовать его прикосновение, но вы не можете сжать его в кулаке.

Гуру нельзя захватить в плен; тот наставник, который желает оказаться в кулаке у ученика — не настоящий наставник. Большинство гуру таковы: их ученики указывают им, что делать, а чего не делать. Комитеты последователей управляют святыми. Они решают, который из святых достоин, а который — нет. Этот комитет решает, кому поклоняться, а кого прогонять. Наш мир явно перевернут вверх ногами! Мы управляем нашими учителями: как они должны сидеть, как ходить, как говорить. Запомните, подобные учителя, наставники, гуру — не настоящие.

В ашрамах и монастырях вы не найдете подлинных учителей; вы найдете там лицедеев, вырядившихся святыми. Истинного учителя невозможно захватить в плен. Вы не можете приказать Будде, Нанаку, Махавире. Они подчиняются только своей воле. Дух дышит, где хочет. А где он не дышит, там вы ничего не поделаете. Если вы попытаетесь поймать ветер в кулак, вы просыплете и то, что у вас там уже зажато. Те, кто освобождают других, сами не могут быть захвачены. Если вы надеетесь, что кто-то освободит вас и приведет к прекрасному, неужели вы свяжете его?

Ветер — наставник; вода — отец; земля — великая мать

Без земли ваше тело не могло бы существовать; мать необходима. Никакое рождение невозможно без участия земли, но сама земля — величайшая из матерей. У птиц и животных есть матери, но нет отцов. Институт отцовства требует более высокого уровня культуры и обусловленности. Ум — отец, тело — мать; везде, где речь идет о телесности, речь идет о материнстве. Отец появляется там, где появляется ум; отцовство — недавнее образование.

Только человек имеет отца, и то, отцы появились в человеческой истории не так давно, потому что женщина была общественной собственностью; она была женой стольким мужчинам, что невозможно было установить отцовство. А мужчина был всего лишь самцом. Вы удивитесь, но слово “дядя” появилось раньше, чем слово “отец”. Это потому, что все взрослые, которые могли бы быть отцом ребенку, все были “дяди”; невозможно было проследить, кто кому приходится сыном.

Отец появляется позже, потому что отец — это ум, это впечатления из предыдущих жизней, это культура. Отец — это достижение социального развития, а не природное явление. В природе нет способа установить отцовство. Отец появляется, когда общество уже достаточно развито.

Поэтому Нанак говорит, что мать подобна земле. Никто не может выжить без нее. Это величайшая из форм материи. Отец более текуч; его отношение не столь фиксировано, не столь материально, как материнское. Чтобы показать текучесть отцовского отношения, Нанак сравнивает отца с водой.

Вот — три ступени: мать обозначается как земля, огромная, материальная; поэтому женщина — это праkrita, природа. На одну ступень выше стоит отцовское отношение, обозначающее культуру, общество и воспоминания о прошлых жизнях. Третий уровень — еще выше, там начинаются взаимоотношения с наставником, оно включает религию, йогу и тантру.

Если вы застреваете на уровне матери, вы остаетесь всего лишь животным. Если вы застреваете на втором уровне, вы — не более чем человек. Пока вы не достигнете уровня взаимоотношений с гуру, ваш духовный статус не формируется. Вот — три ступени жизни. Все животные пребывают на первой. Все люди — на второй, и лишь немногие достигают третьей. Пока вы не достигнете уровня взаимоотношений с гуру, вы не достигли раскрытия всей своей полноты, потому что взаимоотношения с матерью — плотские, они строятся на телесном уровне, с отцом — это взаимоотношение умов, с наставником — встреча и взаимоотношение душ.

Последнее отношение — величайшее; нет соприкосновения более глубокого или более высокого. Те, кто не имеют наставника, подобны калекам. Когда вы встречаете наставника, ваше прежнее путешествие заканчивается и начинается новое. Гуру — конец этого мира и начало другого. Он — врата; поэтому Нанак называет храм наставника гурудвара. Двара — это врата. По эту сторону — посюсторонний мир, по ту — потусторонний. А наставник — посередине.

Ночь и день — повивальная бабка и слуга, И вся вселенная играет с ними

Вся вселенная — игра во времени. Есть два рода игроков: одни делают слуг хозяевами, а другие понимают, что слуги — это слуги.

Время — не господин наш, а слуга. Используйте его, но не давайте ему использовать вас. На данном этапе дело обстоит как раз наоборот: время использует нас.

Ко мне приходят люди и говорят, что хотели бы медитировать, но у них не хватает времени. У вас нет времени медитировать? Время — ваш слуга, или вы — его раб? Люди жалуются на то, что не знают, как бы им убить время, а как дело доходит до медитации — все время сразу куда-то подевалось! У них полно времени на то, чтобы смотреть телевизор, ходить в кино, в клубы, — а свободного времени нет. Весь вопрос в том, на что мы тратим наше время.

В выходные, в праздники люди не знают, чем им заняться. Они очень устают от безделья. Они не понимают, чем им занять себя в воскресенье, поэтому они долго едут на машине на какой-нибудь пляж или лезут на гору. У них всего лишь один день в неделю на то, чтобы расслабиться и отдохнуть, и вот как они проводят его; в конце концов они так устают от отдыха, что с надеждой и облегчением думают о том, что завтра снова на работу. В понедельник они так резво и счастливо разбегаются по своим конторам! Говорят, в Америке люди больше устают от

выходных, чем от рабочих дней.

Время использует вас. Если вы — хозяин самого себя, то время — в вашем распоряжении. Если вы — раб, у вас вообще нет времени. Чем может обладать раб? Даже его время ему не принадлежит.

Нанак говорит: и весь мир играет с ними. Могут быть два вида игры. В одной игре хозяин использует свое время так, чтобы пробиться к вневременному, а это и есть медитация. Другая игра — это когда время пожирает вас.

Вот что я слышал: однажды нищий зашел в магазин купить крупы и сказал продавцу:

— У меня сегодня нет денег. Продай мне в кредит крупу. Продавец был добрый человек, он дал нищему крупы, но сказал:

— Только смотри, брат, не вздумай продать ее, а на вырученные деньги купить билет на представление в цирк, который выступает в нашем городе!

— Не беспокойся, — рассмеялся нищий, — билет я уже купил!

На бесполезные дела у вас всегда хватает времени. А для того, что важно — трудно улучшить момент. Станьте хозяином своего времени. Только тогда вы сможете выйти за его пределы.

Добрые и злые дела сосчитывает в Его чертоге Дхарма,

И наши собственные поступки определяют, близки мы к Нему или далеки от Него

Бог — возле каждого. Для Него вы — ни далеко, ни близко. Он равно близок к каждому. Это вы — далеко или близко от него. Ваши поступки приближают вас к Нему или отдаляют от Него. Если ваши действия таковы, что они делают вас бесчувственным и невосприимчивым, значит, вы стоите, повернувшись к Нему спиной. Солнце не изменится под влиянием того, каким боком вы к нему повернулись. Если ваши действия таковы, что они наполняют вас осознанием, пробуждают вас, тогда вы смотрите на солнце. Вы — это вы, солнце — это солнце. Разница в том направлении, которое вы выбираете.

Бог всегда рядом с вами, говорит Нанак. Ни один в Его глазах не являетесь достойным, ни один не является недостойным. Нет ни высокого, ни низкого. Если вы недостойны, вы сами — причина тому. Измените себя, хотя бы чуть-чуть, и вы станете достойными. Разница только в том, стоите вы к Богу лицом или задом.

Те, кто медитируют на Его имя и трудятся с полной отдачей, тем воздастся.

Лица их лучатся успехом,

И многие освобождаются через общение с ними

Нанак говорит, что если кто-то один достигает освобождения, множество других освобождаются, соприкасаясь с ним. Освобождение — это столь великое происшествие, оно настолько исполнено благодати — даже когда освобождается всего один человек — что всякого,

кто проходит мимо него, окутывает аромат освобождения, и его жизненный путь меняется. Во всяком, кто проходит мимо, пробуждается звучание Омкар; зараженные ароматом освобождения, они пробуют его на вкус, и это, постепенно шаг за шагом, может изменить их жизнь, которая до сих пор была мирской и суетной.

Через таких людей лучится свет. Если вы взглянете на них с любовью, вы увидите его. Если вы взглянете на них с поклонением, вы скорее научитесь распознавать его. Свет — в них, и его лучи озаряют всех, кто оказывается поблизости. Вот почему лица святых и аватаров рисуют окруженными нимбами. Этот свет не всем виден; он виден только тем, кто верует. И те, кто может увидеть этот свет, зажигают от светильника пробужденного человека свои светильники; всякий раз, когда спасается один человек, вокруг него спасаются тысячи. Освобождение никогда не приходит к кому-то одному; когда человек освобождается, он становится вратами для остальных.

Пусть ваша вера и ваши чувства будут бдительны, и вы сможете распознать наставника, когда он появится. Тот, кто встретил наставника, встретил Божью руку, протянутую к нему; он встретил ту реальность, которая позади всего. Он нашел врата, а когда врата найдены, можно достичь всего. Вы ничего не теряли, в вас все присутствует нетронутым, и когда вы пройдете в эти врата, вы осознаете свое собственное бытие. Вы вновь проснетесь, чтобы встретить тот свет, то сияние, которое теперь и ваше. Вы обнаружите те сокровища, которые всегда несли с собой. Гуру знакомит вас с вами же, с тем, кем вы являетесь от века, и никогда не переставали быть.

История об этом прекрасна:

Кабир сказал: “Вот Бог и мой наставник стоят передо мной. К чьим ногам я прежде должен припасть?”

Кабиру непросто. Если он первым коснется ног гуру, он тем самым оскорбит Бога, а если коснется ног Бога, то оскорбит гуру. Какая сложная ситуация! К чьим ногам нужно прежде припасть?

Когда гуру увидел, в каком положении находится Кабир, он сказал:

— Поклонись Ему, потому что я свою задачу исполнил.

И вот тут — самый прекрасный момент во всей этой трогательной истории. Наставник указывает Кабиру, чтобы тот коснулся ног Господа:

— Меня для тебя больше нет. Сам Господь стоит пред тобой и ждет, когда ты поприветствуешь Его.

Но Кабир припадает прежде к ногам своего наставника:

— Лишь твоя слава, учитель, что Бог изволил спуститься ко мне.

Если в вас есть вера, вы поймете, в чем суть. Все, что нужно, это вера, переживание; мысли и рассудок никогда никому не помогли достичь Бога. Оставьте бессмысленные усилия, не тратьте время, пытаясь совершить невозможное. Вы не будете исключением.

Наставник присутствует всегда. Никогда так не было, чтобы из бесконечного числа живущих людей никто не достиг бы Его. Всегда есть где-нибудь кто-то, кто достиг Бога. Земля не остается без учителей. Такая беда никогда не случается; но случается другая беда, потому что иногда люди не признают пророка в своем отечестве, и не узнают гуру в том, кто проходит рядом.

Примечания

Саньясин — странствующий монах — аскет. (Здесь и далее — прим. переводчика).

гурудвара (гурдвара, гурду ара) — букв, “дом гуру”; сикхский храм.

Гхат — место ритуальной кремации у индусов (прим. перев.)

Хуэйцэн — знаменитый патриарх школы дзэн-буддизма (VII в н. э.). Однако в дзэнской традиции, в предании об ученике, поднесшем свою правую руку Бодхидхарме, называется другое имя — Хуэйкэ.

Гурджиев Гергий Иванович (род. между 1872-75 гг., ум. 1946 г.) — один из величайших мистиков и мистификаторов новейшего времени. Все свои духовные поиски он сосредоточил на создании системы, дающей прямой, не обусловленный религиозным ритуалом, духовный опыт.

Праяк и Каши — санскритские имена городов Аллахабад и Бенарес.

Вина — индийский струнный щипковый инструмент, с мягким, богатым оттенками звуком.

Пещеры Аджанта-Эллори — точнее пещеры Аджанта и Эллори (между ними около 50 км) — два уникальных пещерных храмовых комплекса в Западной Индии (штат Махараштра) Аджанта — буддийский храм, состоящий из 29 пещерных залов, украшенных настенной росписью и статуями. Храм создавался в период со 2 века до нашей эры по 7 век нашей эры. Эллори — конгломерат 34 буддийский, джанийских и брахманских храмов, сформировавшийся с 6 по 13 века нашей эры.

Курта — одежда вроде френча. Дхоти — мужская набедренная повязка.

Хардвар — город в штате Уттар-Прадеш.

Аны, пайсы — старинные мелкие индийские монеты.

Джалалад-дин Руми (1207–1273) — суфийский подвижник, поэт и философ-мистик; жил в Турции, писал на фарси.

Симона Вейль (1909–1943) — французская писательница и философ.

Махавира (букв, “великий герой”) — мифологизированный образ вероучителя джайнизма, жившего в 6 в. до н. э.

Тиртханкара (букв.: “создатель брода”) — титул вероучителей джайнизма, чьи души регулярно воплощаются в мирах, где действует закон кармы.

Бабур, Захриддин, из рода Тимуридов (1483–1530) — основатель династии Великих Моголов в Индии; правил с 1526 г.

Шивалинга — изображение Шивы в образе священного фаллоса, в шиваитских храмах так выглядит алтарь.

Акбар(1542–1605) — император династии Моголов, правил Индией с 1556 г.

Шиваитская секта, основанная в 15 в. Горакхнатхом и его учениками; впоследствии распалась на двенадцать самостоятельных школ.

Ганготри — река, один из истоков Ганга, а также долинный ледник в Гималаях в верховьях этой реки.

Кришнамурти, Джидду (ок. 1895–1986) — индийский мыслитель, поэт. Воспитанник теософского общества, члены которого считали Кришнамурти новым мессией. Однако в 1929 г. он отказался от всякого участия в организованной религиозной деятельности. Полагал основной целью духовного развития “воспитание свободы в поисках истины”.

Чжуан-Цзы — (ок. 369–286 г. до н. э.) — древнекитайский мыслитель, один из основоположников даосизма.

Санкхья (букв.: “перечисление”, “число”, “расчет”) — одна из шести древнеиндийских брахманских школ, признающих авторитет Вед. Процесс познания в этой школе строится как аналитическое перечисление элементов Космоса в их становлении.

Марвари — т. е. принадлежащий к касте марвар, касте ростовщиков, торговцев и сборщиков налогов. Марвари — один из популярных персонажей анекдотического фольклора Индии.

Уильям Батлер Йейтс (William Butler Yeats, 1865–1939) — поэт и драматург, классик ирландской и английской литературы. Нобелевскую премию получил в 1923 г.

Пуруша (букв.: “человек”) — в древнеиндийской традиции космическим первочеловек, из которого возникли все элементы мироздания и вселенская душа.

Рассел, Бертран Артур (1872–1970) — английский философ, логик и математик, писатель; лауреат Нобелевской премии по литературе (1950).

Лоуренс, Дэвид Герберт (1855–1930) — английский писатель.

Рабаб — струнный музыкальный инструмент.

Философы-экзистенциалисты, предметом своих исследований сделавшие человеческое бытие (экзистенцию) и утвердившие интуицию как основной метод постижения действительности.

Пуштунистан — историческая область, находящаяся на территории современных Афганистана и Пакистана.

Халил Джубран (1883–1931) — ливанский поэт, писатель и художник, чье творчество находилось под влиянием Ницше.